

БЫЛОЕ

ЯНВАРЬ
1906

БЫЛОЕ

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНІЯ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ
№ 1 ЯНВАРЬ 1906

ПЕТЕРБУРГЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книгопечатня Шмидтъ, Звенигородская, 20.
1906.

75237

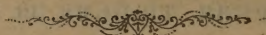
СОДЕРЖАНІЕ.

СТР.

Отъ редакціи.

1. **Вопросъ о преобразованіи государственнаго строя Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка.** (Очеркъ изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей).—*В. И. Семевскаго.* I—II. 1
2. **Шлиссельбургская тюрьма за 20 лѣтъ, отъ 1884—1904 г.** Воспоминанія *М. Ю. Ашенбреннера.* 59
3. **«Узница»,**—стихотвореніе (въ неизданной редакціи) *Я. П. Полонскаго.* 99
4. **Дѣло М. И. Михайлова, 1861 г.** (По неизданнымъ матеріаламъ). *М. К. Лемке.* 101
5. **Петръ Григорьевичъ Каховскій.** Историко-психологическій этюдъ. *П. Е. Щеголева.* I. 133
6. **Письма Н. Г. Чернышевскаго къ А. А. Краевскому.** 171
7. **Сѣверно-русскій рабочій союзъ.** Страница изъ исторіи рабочаго движенія въ Россіи. *В. Л. Бурцева.* . . 174
8. **Засѣданіе Государственнаго Совѣта 8 марта 1881 года.** Изъ дневника одного государственнаго дѣятеля. 194
9. **Народное движеніе въ Петербургѣ 9-го января 1905 г.** *Л. Я. Гуревичъ* 200
10. **За что арестовали Н. Г. Чернышевскаго?** (письмо А. И. Герцена къ Н. А. Серно-Соловьевичу). Сообщ. *М. К. Лемке.* 230

11. Процессъ 20-ти народовольцевъ въ 1882 г.	233
12. Воззваніе группы русскихъ конституціо- налистовъ 1883 года.	309
13. Историческая библіографія. (Записки декабриста Д. И. Завалишина. В. Богуцарскаго; Путешествіе изъ Петербурга въ Москву А. Н. Радищева. А. Б.; Тюрьмы въ Россіи. Очеркъ Д. Кенана. Ник. Аш.; 13 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Записки Людмилы Волкен- штейнъ	312
14. Отъ Шлиссельбургскаго Комитета.	321
15. Къ читателямъ	322
Объявленія.	

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Намъ не для чего долго останавливаться на задачахъ, которыя ставитъ себѣ «Былое». Онѣ понятны сами собою. «Журналъ внѣ-партийный и посвященный исторіи освободительнаго движенія»,—этими словами, какъ намъ кажется, исчерпывается все, что могли бы мы сказать о задачахъ нашего изданія.

Познаніе настоящаго немислимо безъ познанія прошлаго,—«былаго»,—а велики ли въ нашемъ обществѣ матеріалы для такого познанія? Развѣ самодержавно-полицейскій строй не на-прягалъ всѣхъ своихъ силъ, чтобы лишить общество этого поз-нанія, развѣ доступны и въ настоящее время даже для спеціа-листовъ многочисленныя правительственные тайники, въ которыхъ хранятся сокровища прошлаго нашего освободительнаго движенія¹⁾, и развѣ, благодаря все тѣмъ же условіямъ, все тому же отсутствію свободы и неприкосновенности личности, много у насъ найдется лицъ, которыя вели бы дневники и записки о тѣхъ событіяхъ, участниками или свидѣтелями которыхъ сдѣлала ихъ судьба?

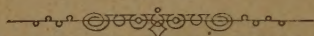
Да, познаніе прошлаго нашего освободительнаго движенія—дѣло нелегкое. Нелегкое, но не невозможное. Коллективными усиліями можно и должно побѣдить препятствія, и къ этой-то совмѣстной работѣ и зоветъ «Былое» всѣхъ участниковъ движе-нія, всѣхъ владѣльцевъ цѣнныхъ документовъ, всѣ, посвященные

¹⁾ Лишь въ самые послѣдніе годы стали доступны для историковъ-спеціалистовъ подлин-ное дѣло декабристовъ и др. дѣла, относящіяся къ царствованію Николая I. Дѣла болѣе позд-няго времени (и то не позже начала царствованія Александра II) бываютъ доступны лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

этому дѣлу, научныя силы, всѣхъ, кому есть о чемъ повѣдать родной странѣ.

Этими строками мы могли бы и ограничиться, но просимъ позволенія читателя сказать еще два слова касательно настоящей книжки «Былаго».

Январскій № появляется безъ отдѣла «Современная Лѣтопись». Сдѣлали это мы умышленно, дабы начать «регистрацію главнѣйшихъ фактовъ современнаго движенія» не съ декабря прошлаго, а съ января текущаго года, а для этого упомянутый отдѣлъ можетъ быть начать только съ февральской книжки.

Только на дняхъ телеграфъ принесъ скорбную вѣсть о послѣдовавшей кончинѣ **Людмилы Александровны Волкенштейнъ**, сраженной пулями во Владивостокѣ во время происходившей тамъ 10 января народной демонстраціи.

Пережившая приговоръ къ смертной казни, тринадцатилѣтнее заточеніе въ Шлиссельбургъ и многіе годы подневольной жизни на Сахалинѣ, Людмила Александровна окончила свое жизненное поприще, стоя на посту...

Помѣщая въ этой книжкѣ портретъ одной изъ героинь русскаго освободительнаго движенія, мы надѣемся дать читателямъ въ непродолжительномъ будущемъ біографію и характеристику покойной Людмилы Александровны.

Вѣчная ей память!

Л. А. ВОЛКЕНШТЕЙНЪ.

Михаиль Юльевич
АШЕНБРЕННЕРЪ

(съ карточки, снятой около 1875 года).

Вопросъ о преобразованіи государственнаго строя Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка.

(Очеркъ изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей)¹⁾.

Самодержавная власть при Петрѣ В. чувствовала себя настолько сильною, что не считала нужнымъ обращаться къ содѣйствію народа созваніемъ земскихъ соборовъ, какъ это было прежде, для осуществленія своихъ предположеній; но среди болѣе развитыхъ людей даже изъ низшихъ классовъ проявлялось иногда сознаніе необходимости участія представителей народа въ законодательствѣ. Такъ Посошковъ, который въ первые годы XVIII вѣка считалъ полезною диктатуру, въ концѣ царствованія Петра В. высказывалъ глубокое убѣжденіе, что безъ содѣйствія общенароднаго совѣта верховная власть не можетъ составить хорошаго новаго уложенія. На высшіе классы общества, вслѣдствіе сближенія съ просвѣщеннымъ западомъ, начинаютъ вліять и западно-европейская политическая литература, и западные примѣры. Даже изъ «Правды воли монаршей» Оеопана Прокоповича, разосланной при Екатеринѣ I въ количествѣ около 20.000 экземпляровъ, русскіе читатели могли узнать объ ученіи представителей школы естественнаго права относительно того, что государство основывается на первоначальномъ договорѣ. Развитію политическихъ идеаловъ русскаго общества содѣйствовало и непосредственное знакомство наиболѣе развитыхъ его членовъ съ произведеніями знаменитыхъ иностранныхъ ученыхъ, переводы которыхъ начали появляться въ печати (какъ напр. сочиненія Гуго Гроція и Пуфендорфа), а также распространялись въ рукописяхъ. Кромѣ того

¹⁾ Совершающееся преобразование государственнаго строя Россіи вызываетъ потребность ознакомиться съ тѣмъ, какіе проекты преобразованій составлялись прежде въ правительственныхъ сферахъ, въ обществѣ и литературѣ, какія предположенія высказывались по этому предмету. Работая надъ болѣе обширнымъ трудомъ по этому вопросу, я предлагаю изъ него читателямъ «Былого» извлеченіе, обнимающее указанную въ заглавіи эпоху. Кромѣ печатныхъ источниковъ, этотъ очеркъ составленъ на основаніи документовъ Государственнаго Архива, Архива Государственнаго Совѣта и отдѣленіе рукописей Публичной Библіотеки.

пребываніе русскихъ за границею давало имъ возможность знакомиться съ различными формами государственнаго устройства. Такъ кн. Б. И. Куракинъ, будучи въ 1706 году въ Голландіи, собралъ свѣдѣнія объ англійскомъ государственномъ устройствѣ, о двухъ палатахъ парламента или о двухъ «парламентахъ», какъ онъ выражается, и записалъ въ своемъ дневникѣ, что нижній парламентъ сильнѣе верхняго и что постановленное парламентами должно предложить королю «только ему *во свѣдѣтельство*, что то сдѣлано и приговорено быть такъ, а не для того, чтобъ королю передѣлать приговоръ парламентовъ, и не можетъ того сдѣлать» ¹⁾ Нѣсколько позднѣе узнали русскіе люди, что Ульрика Элеонора, провозгласившая себя шведскою королевою въ 1718 г., въ слѣдующемъ году была избрана сеймомъ и утверждена королевой, при чемъ отказалась отъ самодержавія, а когда въ 1720 году, по ея желанію, королемъ былъ провозглашенъ ея мужъ, то для достиженія этого пришлось сдѣлать новыя уступки: король былъ поставленъ въ совершенную зависимость отъ совѣта, который въ свою очередь былъ только исполнителемъ воли сословнаго сейма, гдѣ преобладало вліяніе мелкаго дворянства.

Послѣ смерти Петра В. немедленно обнаружилось въ высшихъ правительственныхъ сферахъ вліяніе шведскаго и англійскаго государственнаго устройства, и учрежденіе въ 1726 году верховнаго тайнаго совѣта было отмѣчено наблюдательнымъ иностранцемъ, какъ «первый шагъ къ перемѣнѣ формы правленія».

Смерть Петра II дала возможность верховному тайному совѣту поставить Аннѣ Иоанновнѣ извѣстныя условія, которыя были заимствованы изъ шведскихъ государственныхъ актовъ: «формы правленія» 1720 г. и «королевской присяги» Фридриха I того же года, но верховный совѣтъ выбралъ изъ шведскихъ установленій лишь то, что опредѣляло участіе совѣта въ верховной власти, участіе же государственныхъ сословій (которое проявлялось въ Швеціи при посредствѣ риксдага) было совершенно устранено. Въ русскомъ шляхетствѣ также стали уже распространяться либеральныя идеи и слышались разсужденія о томъ, что не безопасно предоставить одному человѣку великую власть надъ всѣмъ народомъ: если даже онъ будетъ мудръ, кротокъ, справедливъ и трудолюбивъ, онъ не можетъ быть непогрѣшимымъ, и силъ его одного не можетъ хватить на все; если же онъ дастъ волю своимъ страстямъ, то произойдутъ всевозможныя насилія и гибель невѣстныхъ. Но ограниченію самодержавія въ пользу одного верхов-

¹⁾ Однако въ 1707 г. королева Анна воспользовалась въ послѣдній разъ правомъ отказать въ своемъ согласіи на постановленіе, принятое обѣими палатами парламента.

наго тайнаго совѣта шляхетство вовсе не сочувствовало. Правда, наиболѣе образованный изъ верховниковъ, кн. Д. М. Голицынъ, знакомый съ трудами Макиавелли, Гуго Гроція, Локка, Пуфендорфа, Томазія и др., предполагалъ, кромѣ верховнаго совѣта и сената, образовать еще двѣ палаты: 1) представителей дворянства —изъ 200 человѣкъ и 2) городскихъ депутатовъ, по два отъ каждаго города. Другой членъ совѣта, Вас. Лук. Долгорукой, соглашался на увеличеніе числа членовъ совѣта, причемъ выборъ ихъ предлагалъ произвести по соглашенію съ сенатомъ и генералитетомъ, а также на то, чтобы общественныя нужды разсматривались выборными отъ дворянства. Но въ дѣйствительности такихъ уступокъ верховный совѣтъ сдѣлать не успѣлъ.

Въ противовѣсъ притязаніямъ совѣта, составлено было 12 проектовъ и мнѣній шляхетства (подъ которыми подписались 1091 чел.), но во всѣхъ нихъ политическія права предоставлялись только дворянству.

Составитель одного изъ этихъ проектовъ, извѣстный историкъ Татищевъ, говоритъ, что «по закону естественному» избраніе государя должно было быть произведено не четырьмя или пятью человѣками, а съ согласія всѣхъ подданныхъ, нѣкоторыхъ лично, «другихъ чрезъ повѣренныхъ, какъ такой порядокъ во многихъ государствахъ утвержденъ». Когда государя нѣтъ, то перемѣнить законъ или порядокъ можетъ только «общенародное соизволеніе», но въ примѣненіи къ Россіи Татищевъ подъ «народомъ» разумѣлъ только дворянство ¹⁾.

Имп. Екатерина II, рѣшивъ собрать депутатовъ отъ народа въ комиссію для составленія новаго уложенія, въ Наказѣ, для нея написанномъ, высказалась за необходимость самодержавія въ Россіи. ²⁾ Заимствуя въ этомъ трудѣ очень многое изъ сочиненія Монтескье «О духѣ законовъ», она не согласилась однако съ его мыслью о томъ, что привилегіи аристократіи, дворянства духовенства и городовъ должны составлять противовѣсъ власти государя и что только при соблюденіи этого условія монархія не превращается въ народное правленіе (демократію) или въ деспотію. Напротивъ, имп. Екатерина полагала, что отличительнымъ признакомъ монархіи отъ деспотіи является существованіе основныхъ законовъ, за соблюденіемъ которыхъ должны наблюдать сенатъ и другія чиновническія учрежденія, которыя могутъ дѣ-

1) Подробности объ этихъ любопытныхъ событіяхъ 1730 г. см. въ очеркѣ П. Н. Милокова „Верховники и шляхетство“ (въ его книгѣ „Очерки русской интеллигенціи“); изданъ также отдѣльно фирмою „Донская Рѣчь“.

2) Та же мысль еще ранѣе, въ 1764 г., была высказана ею въ секретномъ наставленіи кн. Вяземскому при назначеніи его генералъ-прокуроромъ.

латъ представленія о противозаконности и вредѣ новаго указа и даже отказываться заносить ихъ въ число принятыхъ, но нужно замѣтить, что такъ какъ члены этихъ учрежденій не выбирались народомъ, а вполне зависѣли отъ власти государя, то ихъ представленіе могло быть оставлено безъ вниманія, какъ это и случилось однажды съ протестомъ сената въ началѣ царствованія имп. Александра I.

Депутаты въ Екатерининскую законодательную комиссію выбирались дворянствомъ (по одному отъ каждаго уѣзда), по одному депутату отъ жителей каждаго города, по одному депутату отъ государственныхъ крестьянъ, однодворцевъ, инородцевъ крещеныхъ и некрещеныхъ отъ каждой провинціи (состоящей изъ нѣсколькихъ уѣздовъ), и наконецъ отъ казацкихъ войскъ. Не посылали депутатовъ духовенство (кромя одного депутата отъ синода), крестьяне крѣпостные, дворцоваго вѣдомства и, такъ называемые, экономическіе (т. е. отобранные въ 1764 г. отъ духовныхъ учрежденій—синода, архіерейскихъ домовъ, монастырей и церквей). Выборы отъ дворянъ были прямые и тайные и производились баллотированіемъ шарами, при чемъ участвовать въ нихъ могъ каждый, владѣющій имѣніемъ въ уѣздѣ, а женщины-помѣщицы могли подавать свой голосъ письменно. Большимъ городамъ разрѣшалось устранивать двухстепенные выборы, избирая «повѣренныхъ» (выборщиковъ) отъ каждой части города для выбора депутата. Участвовать въ городскихъ выборахъ могъ всякій, имѣющій собственный домъ, кромя женщинъ. Выборы отъ крестьянъ были трехстепенные: каждый, владѣющій въ волости домомъ и землею, могъ участвовать въ выборѣ повѣреннаго; волостные повѣренные, собравшись въ уѣздномъ городѣ, выбирали уѣзднаго повѣреннаго, а уѣздные въ провинціальномъ городѣ депутата отъ провинціи. Въ депутаты отъ дворянъ могли быть выбраны лица, владѣющія въ уѣздѣ деревнею: представители дворянъ и городовъ должны были имѣть не менѣе 25 лѣтъ. Повѣренными и депутатами отъ крестьянъ могли быть лишь женатые, имѣющіе дѣтей и въ возрастѣ не моложе 30 лѣтъ.

Всѣхъ депутатовъ въ комиссію было 564, въ томъ числѣ: отъ правительственныхъ учрежденій 28 (5 0/0), отъ дворянъ 161 (менѣе 30 0/0), представителей отъ городовъ 208 (менѣе 37 0/0, почти все купцы), отъ государственныхъ крестьянъ со включеніемъ новокрещенныхъ инородцевъ 79 (14 0/0), казаковъ 54 (9 0/0), отъ «инодѣрцевъ», т. е. инородцевъ,—34 (6 0/0)¹⁾.

¹⁾ *Латкинъ*. Законодательная комиссія въ Россіи въ XVIII столѣтіи, т. I, Спб., 1887 г., стр. 250.

Выборъ депутатовъ въ Малороссіи и составленіе наказовъ подали поводъ для проявленія стремленій къ мѣстному самоуправленію посредствомъ возстановленія гетманскаго достоинства, которое было уничтожено въ 1764 г., но малороссійскій генераль-губернаторъ Румянцовъ вмѣшивался въ выборы и составленіе наказовъ, приказалъ уничтожить нѣкоторые наказы, не соотвѣтствующіе намѣреніямъ правительства и замѣнить ихъ новыми и, наконецъ, по его представленію, отдавались подъ судъ тѣ выборщики, которые не оказывали ему повиновенія.

Когда комиссія собралась, она, по свидѣтельству сочувствовавшего ей созыву новгородскаго губернатора Сиверса, вызвала ревнивое отношеніе къ себѣ и интриги чиновниковъ, которые говорили, что «эти господа,» т. е. депутаты, «пожалуй, захотятъ послать насъ въ школу». Ширлей, управлявшій тогда англійскимъ посольствомъ, утверждаетъ, что, какъ только депутаты «затронуть вопросъ, непріятный для императрицы или несогласный съ ея видами, Вяземскій... проситъ ихъ не касаться этой струны». Стремленіе депутатовъ малороссійскихъ, эстляндскихъ, лифляндскихъ и др. къ сохраненію ихъ мѣстныхъ особенностей вызвало (9 сент. 1768 г.) слѣдующее заявленіе предсѣдателя каммисіи Бибикова: комиссія не должна ни въ чемъ иномъ упражняться, «кромѣ того, для чего она учреждена» и «не можетъ входить ни въ какое разбирательство, касающееся до правленія», а между тѣмъ депутаты отъ малороссійскаго и смоленскаго шляхетства и отъ эстляндскаго, лифляндскаго и финляндскаго дворянства заявили въ комиссії желаніе сохранить ихъ особыя привилегіи; это должно зависѣть только отъ власти государыни, почему всѣ такія «предохраненія» и требованія дворянства не только не могутъ быть внесены въ проектъ будущаго законодательства о правахъ благородныхъ, но даже не могутъ быть приняты въ комиссію, и ему, Бибикову, ничего не остается, какъ возвратить ихъ депутатамъ. Мы не разсматриваемъ здѣсь вопроса о томъ, насколько желанія этихъ дворянскихъ депутатовъ соотвѣтствовали интересамъ народа, но указываемъ лишь на то, что дѣятельности комиссії были поставлены извѣстныя границы: она не могла разсматривать то, что касалось «до правленія». Понятно, что англичанинъ Ширлей нашелъ права депутатовъ въ комиссіи, которой былъ предоставленъ лишь совѣщательный голосъ, очень ничтожными: по его словамъ, «этимъ людямъ даны лишь такія привилегіи, которыми не захотѣлъ бы воспользоваться ни одинъ гражданинъ благоустроеннаго государства».

Просуществовавъ полтора года (съ 31 Іюля 1767 г. по 12 Января 1769 г.), комиссія была распущена въ виду войны съ

турками и болѣе собираема не была, хотя она и не выполнила поставленной ей задачи. ¹⁾

Въ 1767 г., въ томъ самомъ году, когда была собрана законодательная коммиссія, возвратился въ Россію, послѣ ученія въ шотландскомъ университетѣ въ Глазго, талантливый молодой человѣкъ, Сем. Ефим. Десницкій, слушавшій тамъ лекціи Адама Смита о нравственной философіи. Десницкій скоро сдѣлался профессоромъ московскаго университета по юридическому факультету. Онъ былъ слишкомъ живой человѣкъ, чтобы ограничиться преподаваніемъ римскаго права (хотя бы и «съ примѣненіемъ его къ русскому»), и потому почувствовалъ потребность отозваться на обращеніе правительства къ содѣйствію народа въ дѣлѣ законодательства. Въ концѣ февраля 1768 г. онъ закончилъ составленіе проекта государственныхъ преобразованій и представилъ его императрицѣ.

Десницкій полагалъ, что законодательной власти въ Россіи «въ полномъ значеніи» никто, кромѣ государя, имѣть не можетъ, но такъ какъ и теперь сенатъ участвуетъ въ законодательствѣ, то онъ предлагалъ составить его изъ выборныхъ отъ всей имперіи и указывалъ широкую програму для его дѣятельности. ²⁾

Десницкій полагалъ, что, въ виду обширности Россіи, сенатъ долженъ состоять по крайней мѣрѣ изъ 600—800 чел. Онъ предлагалъ выбирать ихъ изъ землевладѣльцевъ, изъ купцовъ и «художественныхъ» людей (ремесленниковъ) и, наконецъ, «изъ духовныхъ и училищныхъ мѣстъ, такъ чтобы всякая губернія, провинція и корпусы» (военно-учебныя заведенія) имѣли своего представителя «въ законодательной власти». По мнѣнію Десницкаго, слѣдуетъ предоставить право голоса при избраніи сенаторовъ помѣщикамъ, однодворцамъ и живущимъ въ губерніяхъ и провинціяхъ землевладѣльцамъ, но только тѣмъ, которые платятъ въ казну подушныя подати за свою землю и за крѣпостныхъ 50 руб. ³⁾. Подобно тому какъ въ Англіи посылали депутатовъ въ нижнюю палату парламента жители не только графствъ, но и го-

¹⁾ Известный историкъ, кн. М. М. Щербатовъ въ одномъ своемъ сочиненіи (1789 г.), въ свое время неизданномъ, говоритъ, что «собраніе депутатовъ для сочиненія уложенія... не съ тѣми мыслями было учинено, чтобы вольность тутъ владычествовала и чтобы твердое намѣреніе было до конца сію коммиссію довести».

²⁾ Обязанность сената, по мнѣнію Десницкаго, должна была состоять въ томъ, чтобы, съ согласія монарха, издавать указы, налагать пошлины, продолжать войну и наблюдать, чтобы договоры, заключаемые съ сосѣдними государствами, не были вредны для отечества, окончательно рѣшать все дѣла, вносимыя по апелліаціи изъ нижнихъ судовъ; наконецъ, сенату можетъ быть предоставлено государемъ право разсматривать отчеты «всѣхъ коллегій, корпусовъ и университетовъ» въ расходованіи государственной казны.

³⁾ Часть однодворцевъ также владѣла въ то время крѣпостными.

родовъ, Десницкій предлагалъ предоставить право голоса купцамъ и «рукомышленнымъ людямъ», которые платятъ въ казну пошрины до 50 рублей. Изъ духовныхъ лицъ онъ считалъ полезнымъ дозволить быть сенаторами всѣмъ архіереямъ. Въ Англіи университеты имѣли право посылать въ палату общинъ по два депутата; подобно этому и Десницкій предлагалъ дозволить университетамъ, корпусамъ и училищамъ наукъ и художествъ выбирать членовъ сената.

Что касается права быть выбираемымъ въ сенатъ, то такъ какъ Десницкій, по примѣру англійскаго парламента, не назначалъ сенаторамъ никакого жалованья, то онъ, кромѣ требованія указаннаго выше податнаго ценза, предлагалъ дозволить выставлать свою кандидатуру лишь тѣмъ, кто въ состояніи «жить при такой должности» на свой счетъ. По его мнѣнію, выбирать сенаторовъ слѣдуетъ на 5 лѣтъ, послѣ чего государь можетъ приказать произвести новые выборы. При этомъ разрѣшается избирать вновь и выбранныхъ прежде, но быть сенаторомъ три трехлѣтія сряду дозволить не слѣдуетъ, такъ какъ при такомъ ограниченіи большее количество людей будетъ имѣть случай оказать услуги отечеству, научиться искусству управлять и будетъ знать законы.

Всѣ выбранные должны имѣть въ сенатѣ равный, «свободный голосъ»; дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ, но всякое рѣшеніе утверждается государемъ, и безъ его согласія сенатъ не можетъ издавать никакихъ узаконеній. Ему можно дозволить ежегодно выбирать изъ своей среды президента, который обязанъ представлять дѣла на утвержденіе государя. Преобразование сената по предложенному имъ плану Десницкій считалъ полезнымъ, такъ какъ «одинъ пастырь, при такомъ множествѣ стада, не можетъ столь обстоятельно присмотрѣть» за всѣмъ, какъ 600 или 800 человекъ въ сенатѣ.

Относительно «судительной» власти въ проектѣ Десницкаго отмѣтимъ, что онъ считалъ необходимымъ введеніе суда присяжныхъ, которыхъ онъ называлъ «свидѣтелями», а также предлагалъ установить гласность судопроизводства посредствомъ печатанія и изданія «во всенародное извѣстіе» всѣхъ рѣшеній по уголовнымъ и тяжбынымъ дѣламъ. Онъ считалъ необходимымъ введеніе состязательнаго процесса, такъ какъ съ учрежденіемъ адвокатовъ дѣла рѣшаются «съ великою осторожностью и справедливостью» и во многихъ государствахъ опытъ показалъ, что безъ споровъ въ судѣ нѣтъ средствъ достигнуть справедливости ¹⁾.

1) Въ рѣчи, произнесенной въ томъ же 1768 г., Десницкій говоритъ: „Дозволь ходатайствующимъ съ обѣихъ сторонъ имѣть свободный и публичный голосъ предъ судомъ за судимыхъ, дабы ничто тайнѣ, но откровенно и постороннимъ извѣстно судимо было и исходило бы въ свѣтъ для наученія народнаго“.

Наконецъ, онъ предлагаетъ установить несмѣняемость судей съ отвѣтственностью за незаконное рѣшеніе по апелляціи въ сенатъ ¹⁾.

Записка Десницкаго была навѣяна собраніемъ комиссіи для составленія новаго уложенія; ею же были вызваны и тѣ мысли о государственномъ преобразованіи Россіи, которыя высказалъ знаменитый французскій писатель Дидро во время своего прѣзда въ Петербургъ и бесѣдъ съ имп. Екатериною (II въ октябрѣ и ноябрѣ 1773 г.

Подобно тому, какъ Десницкій предлагалъ Екатеринѣ составить сенатъ изъ выборныхъ членовъ, Дидро совѣтовалъ ей обратиться комиссію для составленія новаго уложенія въ постоянное учрежденіе, чтобы положить преграду деспотизму, отнять у своихъ преемниковъ право уничтожить эту комиссію и предоставить провинціямъ право оставлять въ ней своихъ представителей или отзывать ихъ ²⁾. Чтобы легче достигнуть осуществленія своей мысли, Дидро готовъ согласиться на установленіе весьма тѣсныхъ рамокъ для дѣятельности проектируемаго имъ представительнаго учрежденія. «Оно не должно будетъ вмѣшиваться ни въ военныя дѣла, ни во внѣшнюю политику, ни въ дѣла финансовыя. Его задача будетъ состоять исключительно въ томъ, чтобы охранять существующіе законы и обсуждать то, какіе законы нужно издать, какіе отмѣнить, какія учрежденія ввести». Нужно опредѣлить время и продолжительность засѣданія этого собранія съ тѣмъ, чтобы власть не могла ее сокращать. Если бы даже случилось, что это собраніе очень успѣлось, то оно «почти ни въ какомъ случаѣ не могло бы повредить имперіи; не тѣ государства несчастны, въ которыхъ власть народа возрастаетъ, а, напротивъ, тѣ, гдѣ власть государя дѣлается неограниченною». Дидро предлагалъ также Екатеринѣ, чтобы собраніе представителей устано-

¹⁾ За сообщеніе позданной записки Десницкаго, имѣя печатающейся „въ Запискахъ I-го и III-го Отд. Акад. Наукъ“, привосимъ благодарность А. С. Лаппо-Данилевскому.

²⁾ „Вѣрное самовластное правительство“, говоритъ Дидро, „дурно, не исключая и самовластнаго правительства государя добраго, твердаго, справедливаго и просвѣщеннаго. Такой государь пріучаетъ почитать и любить государя, каковъ бы онъ ни былъ. Онъ отнимаетъ у народа право обсуждать, хотѣть или не хотѣть, сопротивляться, сопротивляться даже благу. Право сопротивленія кажется мѣтѣ“, продолжаетъ Дидро, „правомъ естественнымъ, неотчуждаемымъ и священнымъ. Деспотъ, если бы онъ даже былъ наилучшимъ изъ людей, права по своему усмотрѣнію, совершаетъ преступленіе. Это—добрый пастырь, который доводитъ своихъ подданныхъ до состоянія животныхъ: заставляя ихъ забыть чувство свободы, чувство, которое столь трудно возстановить, когда оно потеряно, онъ даетъ имъ десятковъ лѣтъ счастья, за которыя они платятся двадцатію столѣтіями бѣдствія. Однимъ изъ самыхъ болящихъ несчастій для свободной націи были бы два или три царствованія, одно за другимъ, справедливыхъ и просвѣщенныхъ деспотовъ... Несчастливъ народъ, у котораго не остается и тѣни свободы, хотя бы и дурно обоснованной“.

вило порядокъ престолонаслѣдія и въ случаѣ прекращенія династіи могло бы распорядиться престоломъ.

Пребываніе Дидро въ Петербургѣ продолжалось до 5 марта 1774 г. Изъ Россіи онъ проѣхалъ въ Гаагу, чтобы прожить нѣсколько мѣсяцевъ у своего пріятеля, тамошняго русскаго посланника, кн. Дм. Алексѣев. Голицына. Въ одномъ изъ писемъ оттуда къ императрицѣ Дидро упоминаетъ, что перечиталъ ея Наказъ «съ перомъ въ рукѣ». Екатерина не обратила вниманія на эти слова и, только получивъ въ 1785 г. бібліотеку Дидро, которую пріобрѣла еще при жизни философа (Дидро умеръ въ 1784 г.), она нашла въ ней его «Замѣчанія на Наказъ комиссіи для составленія новаго уложенія», написанныя въ болѣе рѣшительномъ тонѣ, чѣмъ его замѣтки, оставленныя императрицѣ въ Петербургѣ.

«Нѣтъ истиннаго монарха, не можетъ быть истиннаго законодателя, кромѣ народа», писалъ Дидро... «Народъ будетъ любить, почитать законы, повиноваться имъ и защищать ихъ» лишь въ томъ случаѣ, если самъ будетъ ихъ составителемъ. «Первая строка хорошо составленнаго кодекса должна связать монарха» постановленіемъ, что присягу долженъ приносить не только народъ, но и государь, и что если государь нарушитъ ее, то народъ освобождается отъ клятвы вѣрности и можетъ не только низложить государя, но даже осудить его на смерть. «Второй законъ состоитъ въ томъ, что представители народа должны собираться каждыя пять лѣтъ, чтобы обсуждать, соблюдалъ ли государь законъ согласно своей присягѣ, постановить наказаніе, которое онъ заслужилъ, если нарушилъ ее, рѣшить, оставить ли государя въ прежнемъ званіи или низложить его, и вновь принести присягу законамъ...

«Русская императрица», продолжаетъ Дидро, «конечно государыня деспотическая. Намѣрена ли она сохранить деспотизмъ, передать его наслѣдникамъ или отречься отъ него? Если она его сохраняетъ, пусть составляетъ свое уложеніе, какъ хочетъ: она не нуждается въ согласіи націи. Если она отрывается отъ него, пусть это отреченіе будетъ оформлено. Если это отреченіе искренно, пусть она позаботится вмѣстѣ со всѣмъ народомъ о принятіи самыхъ вѣрныхъ средствъ, чтобы помѣшати возрожденію деспотизма, и чтобы въ первой главѣ уложенія было сказано о неминуемой гибели того, кто впослѣдствіи будетъ стремиться къ самовластію, отъ котораго она отказывается. Вотъ первый шагъ при составленіи Наказа, предложеннаго народу государынею искреннею»...

Въ концѣ записки Дидро говоритъ: «Почему Россія хуже управляется, чѣмъ Франція? Потому, что личная свобода сведена

въ ней къ нулю, а власть государя еще слишкомъ велика, естественная свобода еще слишкомъ въ ней ограничена». Екатерина, по словамъ Дидро, вывела изъ его замѣчаній заключеніе, что, по его мнѣнію, ей «слѣдовало бы имѣть парламентъ по образцу Англіи».

Понятно, что это произведеніе Дидро весьма не понравилось Екатеринѣ, и она такъ отзывается о немъ въ письмѣ къ Гримму: «Эта статья просто болтовня, въ которой не видно ни знанія дѣла, ни благоразумія, ни предусмотрительности; если бы мой Наказъ былъ составленъ во вкусѣ Дидро, онъ могъ бы опрокинуть все вверхъ дномъ». Съ этихъ поръ императрица стала рѣже упоминать имя Дидро въ своей перепискѣ.

Высказано было предположеніе, что, подъ вліяніемъ совѣта Дидро, императрица хотѣла сдѣлать комиссію для составленія новаго уложенія постояннымъ учрежденіемъ при сенатѣ ¹⁾. Предположеніе это основывается на слѣдующемъ мѣстѣ письма Екатерины II къ московскому главнокомандующему (генераль-губернатору) кн. Волконскому во время составленія проекта губернскихъ учреждений, обнародованныхъ въ 1775 г.: «Сенатъ останется. При немъ будетъ палата, дабы сенатъ имѣлъ гдѣ отослать тѣхъ людей и дѣла, кои разбора требуютъ. Въ палату обратитъ я намѣрена комиссію уложенія, а ея частныя комиссіи по матеріямъ служить будутъ для разбора ненужныхъ». Что понимать тутъ подъ «комиссіею уложенія»? Общее собраніе всѣхъ депутатовъ было распушено еще въ 1769 г., но отъ времени до времени собиралось общее собраніе частныхъ комиссій, выбранныхъ большою законодательною комиссіею ²⁾. Вотъ это-то общее собраніе частныхъ комиссій императрица, повидимому, предполагала сдѣлать постояннымъ учрежденіемъ. Нужно замѣтить, что и самъ Дидро готовъ былъ допустить «уменьшеніе числа представителей». Вѣроятно въ отвѣтъ на замѣчаніе императрицы, что депутаты не могли дожидаться распушенія комиссій, Дидро предлагалъ, при обращеніи ся въ постоянное учрежденіе, устроить такъ, чтобы всѣ представители, входящіе въ ея составъ, были бы изъ числа столичныхъ жителей и служащихъ въ разныхъ комиссіяхъ, съ тѣмъ, чтобы они являлись представителями провинцій, голоса которыхъ были бы равномерно распределены между ними. Но только Дидро предлагалъ, чтобы каждой провинціи было предоставлено право лишать голоса своего представителя, обязывать его спрашивать мнѣніе провинціи, предоставить ей право присы-

¹⁾ Милуковъ. «Очерки по ист. рус. культуры», ч. III, вып. 2, 1903 г., стр. 150.

²⁾ Послѣ того, какъ большое собраніе комиссій было распушено, при малыхъ комиссіяхъ оставалась еще канцелярія въ 153 чел.

латъ въ столицу избраннаго на мѣстѣ депутата, въ присутствіи котораго служащій въ столицѣ представитель ея лишается своего голоса, наконецъ, предоставить всѣмъ провинціямъ право одновременно присылать своихъ депутатовъ. Предположеніе Екатерины объ устройствѣ «палаты» при сенатѣ не было осуществлено и даже члены частныхъ комиссій были распущены 4 декабря 1774 года ¹⁾.

О государственныхъ преобразованіяхъ, соединенныхъ съ введеніемъ дворянскаго представительства, мечталъ Н. И. Панинъ. Занимая 12 лѣтъ мѣсто посланника въ Швецію (съ 1748 по 1760 г.), при чемъ его главная задача состояла въ томъ, чтобы препятствовать шведамъ возстановить самодержавіе, онъ былъ хорошо знакомъ съ ихъ государственнымъ устройствомъ. Въ царствованіе Петра III, въ бесѣдахъ съ его племянницею, Екатериною Романовою Дашковой, онъ высказывалъ мысль, что его воспитанникъ, великій князь Павелъ Петровичъ, будетъ царствовать согласно законамъ и формамъ шведской монархіи ²⁾. Въ 1762 г. Панинъ представилъ Екатеринѣ проектъ учрежденія императорскаго совѣта, посредствомъ котораго видимо стремился ограничить произволъ верховной власти въ Россіи и вліяніе фаворитовъ, или, какъ выражались въ XVIII вѣкѣ, «случайныхъ» людей. Императрица уже подписала докладъ Панина, но, ознакомившись съ мнѣніями нѣкоторыхъ сановниковъ, что осуществленіе проекта можетъ повести къ умаленію самодержавной власти, она надорвала свою подпись на докладѣ Панина, и проектъ остался неосуществленнымъ ³⁾.

Подобныхъ же взглядовъ Панинъ держался и позднѣе, въ началѣ 1780-хъ гг. Декабристъ М. А. Фонъ-Визинъ такъ излагаетъ основныя черты проекта государственнаго преобразованія, который былъ составленъ его дядею, знаменитымъ писателемъ Д. И. Фонъ-Визинымъ,

¹⁾ Послѣ этого подъ управленіемъ генераль-прокурора продолжала существовать до смерти государыни лишь канцелярія комиссій, но мало по малу она пришла въ совершенное бездѣйствіе. Есть указаніе Сиверса, что осенью 1775 г. Екатерина составила проектъ преобразованія сената.

²⁾ Въ первомъ разговорѣ съ нею о государственномъ переворотѣ онъ высказалъ желаніе, чтобы государемъ былъ провозглашенъ Павелъ Петровичъ, а императрица была бы только регентшею. Въ замѣчаніяхъ на книгу Рюльера кн. Дашкова свидѣтельствуется, что также желала для Екатерины лишь званія регентши до совершеннолѣтія ея сына.

³⁾ Въ секретномъ наставленіи кн. Вяземскому въ 1764 г., при назначеніи его на должность генераль-прокурора, императрица, характеризуя партіи въ сенатѣ, говоритъ: «въ другой (партіи) думали, что виды далѣе простираются, но не яено, всегда ли оныя полезны. Иной думаетъ» (по всей вѣроятности намекъ на Н. И. Панина) „для того, что онъ долго былъ въ той или другой землѣ, то *вездѣ по политикѣ той его любимой земли все учреждать должно*, а все другое безъ изытія заслуживаетъ его критики, несмотря на то, что вездѣ внутренніе распоряженія на правахъ націй основываются“.

подъ руководствомъ гр. Н. И. Панина. Въ немъ предполагалось установить: «политическую свободу *сначала* для одного дворянства», учредивъ верховный сенатъ, часть несмѣняемыхъ членовъ котораго назначалась бы отъ короны, а большинство состояло бы изъ лицъ, избранныхъ дворянствомъ изъ своего сословія. Синодъ долженъ былъ входить въ составъ общаго собранія сената. Дворянскимъ собраніямъ, губернскимъ, областнымъ и уѣзднымъ предполагалось дать право совѣщаться объ общественныхъ дѣлахъ и мѣстныхъ нуждахъ, представлять о нихъ сенату и предлагать ему новые законы. Выборъ, какъ сенаторовъ, такъ и всѣхъ мѣстныхъ чиновниковъ, долженъ былъ производиться въ этихъ же собраніяхъ. Сенатъ былъ бы облеченъ полною законодательною властью, но императору предоставлялось право утверждать принятые сенатомъ законы и обнародовать ихъ; ему же принадлежала власть исполнительная. Предположеніе относительно предоставленія на первое время политическихъ правъ одному дворянству могло быть внушено Панину наблюденіемъ того властнаго положенія, какое оно занимало въ шведскомъ сеймѣ, и большею образованностью дворянства сравнительно съ другими сословіями въ Россіи. Какъ видно изъ свидѣтельства М. А. Фонъ-Визина, Панинъ предполагалъ со временемъ предоставить политическія права и другимъ сословіямъ.

Сохранилось «разсужденіе», составленное Д. И. фонъ-Визиннымъ и служившее какъ бы введеніемъ къ проекту основныхъ законовъ, въ которомъ авторъ доказываетъ опасность неограниченной верховной власти и необходимость установленія «непремѣнныхъ государственныхъ законовъ», безъ которыхъ «непрочное ни состояніе государства, ни состояніе государя». Признавая договорное начало происхожденія государства, авторъ находитъ, что подданные имѣютъ право низвергнуть власть, дурно исполняющую свое назначеніе ¹⁾.

Изъ біографическаго очерка Н. И. Панина (составленнаго Д. И. Фонъ-Визиннымъ) видно, что онъ стоялъ за гласность въ государственныхъ финансовыхъ дѣлахъ и былъ противъ какихъ либо исключительныхъ судовъ, учреждаемыхъ съ отступленіемъ отъ общаго порядка.

Д. И. Фонъ-Визинъ въ одной статьѣ, назначенной къ помѣщенію въ журналѣ, который онъ предполагалъ издавать въ 1788 г., по возвращеніи изъ своей второй заграничной поѣздки, выражалъ желаніе, чтобы и у насъ было «народное собраніе», въ

¹⁾ См. мою статью о М. А. Фонъ-Визинѣ въ сборникъ „Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка“, т. I. Декабристы. СПб., 1905 г., изд. Широкова, стр. 6—13.

которомъ обсуждались бы законы и устанавливались налоги, и которое судило бы о поведеніи министровъ. Но изданіе журнала не было дозволено Фонъ-Визину.

Кн. М. М. Щербатовъ, историкъ и дѣятельный участникъ въ комиссіи для составленія новаго уложенія, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, составившій себѣ библіотеку, въ которой было до 15.000 томовъ, при своихъ аристократическихъ воззрѣніяхъ, естественно не оказался въ числѣ лицъ, сочувствовавшихъ ограниченію самодержавной власти. Воззрѣнія свои онъ высказалъ въ цѣломъ рядѣ публицистическихъ работъ, которыя въ свое время не были, а частью и не могли быть (по причинамъ цензурнымъ) напечатаны.

Въ вопросѣ о происхожденіи человѣческихъ обществъ Щербатовъ стоитъ на точкѣ зрѣнія естественнаго права и ученія о первоначальномъ договорѣ. Однако онъ несогласенъ съ Гоббсомъ и Теофаномъ Прокоповичемъ, сочиненіе котораго «Правда воли монаршей» онъ называетъ «памятникомъ лести и подбострастія монашескаго изволенію государскому». Онъ думаетъ, напротивъ, что «народы, избирая себѣ начальниковъ, не иной имѣли предметъ, какъ пожертвовать часть вольности своей, дабы другую... сохранить». Онъ ненавидитъ «самовластное правленіе», существующее, по его словамъ, въ Россіи. Онъ утверждаетъ, что «деспотичество» не можетъ быть въ просвѣщенномъ народѣ, если же оно и появится, то «не можетъ быть продолжительнымъ». Если какія либо постороннія обстоятельства и обусловливаютъ болѣе длительное его существованіе, то это только приготовляетъ ему «жесточайшій конецъ», такъ какъ «долгъ и благосостояніе» каждаго влекутъ «его низвергнуть сего кумира, никогда твердыхъ ногъ не имѣющаго». Такимъ образомъ, Щербатовъ выражаетъ сочувствіе даже насильственному низверженію деспотической власти.

Изъ существовавшихъ въ Западной Европѣ, въ половинѣ 1780-хъ гг., формъ правленія наибольшимъ сочувствіемъ Щербатова пользовалось англійское государственное устройство. «Нигдѣ толь не цвѣтетъ народная вольность подъ тѣнью монаршическія власти», говоритъ онъ въ своихъ «Размышленіяхъ о законодательствѣ вообще», «какъ въ Англіи; тамъ высшую власть, ограниченную законами, имѣетъ король, верхняя камора парламента вельможную власть представляетъ, а нижняя камора, единая могущая накладывать налоги, представляетъ власть народную, и всѣ сіи три власти, въ безпрестанныхъ преніяхъ между собою по раздѣльнымъ ихъ приватнымъ пользамъ, связаны непреоборимыми узами, равными стопами къ благу общему шествуютъ». Но въ другомъ сочиненіи («Размышленія о дворянствѣ») авторъ указы-

васть на существованіе въ Англіи подкуповъ при выборахъ и на крайнее обремененіе народа налогами.

Щербатовъ порицалъ наши законы, такъ какъ они составляются не только не «съ согласія народнаго», но даже не «съ согласія главнаго правительства». Главнымъ же правительствомъ онъ считалъ сенатъ, но сенатъ преобразованный, который, по мнѣнію Щербатова, нужно не только «снабдить довольно основательными государственными правами о его могуществѣ, но также и наполнить такими людьми въ силу же основательныхъ» (т. е. основныхъ) «правъ, чтобъ онъ порученный ему залогъ въ силахъ былъ сохранять».

Свои мнѣнія о томъ, какое желательно государственное устройство, Щербатовъ высказалъ въ сочиненіи «Путешествіе въ землю Офирскую» (написанномъ въ 1783—84 гг.), представляющемъ частью обличеніе, посредствомъ различныхъ намековъ, недостатковъ современной Россіи, частью изображеніе, въ формѣ описанія выдуманной страны, симпатичнаго для автора государственнаго устройства.

Во главѣ государства Офирскаго стоитъ наслѣдственный императоръ которому принадлежитъ власть исполнительная, но который имѣетъ возможность вліять на законодательство, хотя сами цари «неудобны» для сочиненія законовъ. Однако наслѣдственность верховной власти не помѣшала тому, что два императора земли Офирской были свергнуты съ престола и окончили свою жизнь въ темницѣ. Для того, чтобы начать наступательную войну, государь долженъ собрать совѣтъ, въ составъ котораго входятъ не только члены хранилища законовъ, но и всѣ находящіеся въ столицѣ люди первыхъ четырехъ степеней.

«Вышнее правительство» земли Офирской вѣдало и законодательство, и дѣла судебныя, и высшую администрацію, и раздѣлялось на шесть департаментовъ; кромѣ 6 членовъ «вышняго правительства» и имѣющихъ право присутствовать членовъ государственнаго совѣта, въ каждомъ департаментѣ засѣдали еще по 9 депутатовъ, избранныхъ въ губерніяхъ дворянами (всего было 75 дворянскихъ депутатовъ), а въ департаментѣ, вѣдающимъ «домостроительство», государственные доходы и торговлю, присутствовало еще 15 депутатовъ отъ купечества и, кромѣ того, столько же депутатовъ этого сословія засѣдали въ «государственномъ купеческомъ правленіи». Дозволялось въ депутаты отъ купечества выбирать не только купцовъ, но и мѣщанъ и ученыхъ. Вакансіи въ «вышнемъ правительствѣ» должны были замѣщаться слѣдующимъ образомъ. Дворянскіе и купеческіе депутаты, собравшись отдѣльно, кладутъ въ запечатанный сосудъ записки съ именами достойнѣйшихъ кандидатовъ, и на основаніи этихъ запи-

сокъ общее собраніе «вышняго правительства» отмѣчаетъ трехъ кандидатовъ, получившихъ наибольшее число голосовъ; затѣмъ оно, съ своей стороны, выбираетъ трехъ депутатовъ и, наконецъ, выбравъ изъ этихъ 6 троихъ, представляетъ ихъ имена императору, который и назначаетъ изъ нихъ одного въ высшее правительство.

Проекты новыхъ законовъ составляются комиссіею, избранною общимъ собраніемъ вышняго правительства. Проектъ обнародуется, и каждый можетъ высказать о немъ свое мнѣніе. Если проектъ не будетъ принятъ въ общемъ собраніи вышняго правительства, то онъ передѣлывается до трехъ разъ, при чемъ всегда, на сколько возможно, принимаются во вниманіе «народныя мнѣнія». Если и въ четвертый разъ проектъ не будетъ принятъ, то онъ отлагается до выборныхъ собраній, которыя бываютъ одинъ разъ въ три года, и тогда подвергается баллотировкѣ во всѣхъ губерніяхъ, послѣ чего высшее правительство утверждаетъ рѣшеніе, принятое большинствомъ; но случаи подобнаго обращенія къ выборнымъ собраніямъ крайне рѣдки.

Такимъ образомъ, политическія права Щербатовъ предоставляетъ дворянству и купечеству. Отмѣтимъ еще, что онъ высказывается за публичность и гласность судопроизводства.

«Путешествіе въ землю Офирскую» было написано въ 1783—84 гг. Въ другомъ, болѣе позднемъ сочиненіи, «О поврежденіи нравовъ въ Россіи», написанномъ въ 1786—89 гг., Щербатовъ уже не довольствуется тѣмъ государственнымъ строемъ, который онъ изобразилъ въ землѣ Офирской. Описывая событіе 1730 г., нашъ историкъ-публицистъ говоритъ: «Собравшіеся вельможи предопредѣлили *великое намѣреніе*, ежели бы самолюбіе и честолюбіе оное не помрачило, т. е. учинить основательные» (основные) «законы государству и *власть государеву сенатомъ или парламентомъ ограничить*. Но засѣданіе въ сенатѣ» (т. е. въ верховномъ совѣтѣ) «только нѣсколькимъ родамъ предоставили; тако, уменьшая излишнюю власть монарха, предавали ее... вельможамъ, со огорченіемъ множества знатныхъ родовъ и, вмѣсто одного, толпу государей сочиняли». Слѣдовательно, осуждая олигархическія стремленія верховниковъ, Щербатовъ вполне сочувствовалъ дѣйствительному ограниченію власти государя сенатомъ или парламентомъ.

Такимъ образомъ Десницкій и Панинъ считали необходимымъ преобразование сената въ учрежденіе, составленное частью изъ выборныхъ лицъ, при чемъ Панинъ предлагалъ на первое время допустить въ него депутатовъ только отъ дворянъ, а Десницкій, на основаніи податного ценза, отъ помѣщиковъ, однодворцевъ и вообще землевладѣльцевъ въ провинціяхъ и отъ купцовъ, ремес-

ленниковъ и нѣкоторыхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній въ городахъ. Кн. Щербатовъ желалъ видѣть въ сенатѣ депутатовъ отъ дворянства и купечества. Было указано, что у имп. Екатерины II также мелькнула, въ половинѣ 1770-хъ гг., мысль обратить въ палату при сенатѣ общее собраніе членовъ частныхъ комиссій, выбранныхъ комиссіею для составленія новаго уложенія.

Когда Екатерина II работала надъ Наказомъ, она просила достать ей чрезъ англійскаго посла Букингама хорошій французскій переводъ англійской «великой хартіи». Во время составленія учреждений о губерніяхъ она изучала извѣстную книгу Блэкстона «Комментаріи на англійскіе законы». Послѣдствіемъ этого изученія является то, что въ главѣ о совѣстномъ судѣ учреждений для управленія губерніями (1775 г.) есть такое постановленіе: если кто пришлетъ прошеніе въ совѣстный судъ, что онъ содержится въ тюрьмѣ болѣе трехъ дней, и въ это время ему не объявлено, за что онъ содержится, или онъ не былъ допрошенъ, то совѣстный судъ, по полученіи прошенія, долженъ, не выходя изъ присутствія, послать повелѣніе, чтобы этотъ заключенный, если онъ обвиняется не въ оскорбленіи Величества, не въ измѣнѣ, не въ убійствѣ, не воровствѣ или разбоѣ, былъ присланъ и представленъ въ совѣстный судъ ¹⁾ вмѣстѣ съ объясненіемъ причинъ, почему онъ содержится подѣ стражею и не допрошенъ. Повелѣнія совѣстнаго суда должны были немедленно исполняться подѣ угрозою большаго штрафа. По представленіи содержащагося въ тюрьмѣ, если совѣстный судъ найдетъ, что онъ обвиняется не въ перчисленныхъ выше преступленіяхъ, то, не выходя изъ присутствія, онъ долженъ приказать освободить его на поруки и отослать дѣло его въ судъ той губерніи, которую онъ самъ изберетъ. До рѣшенія дѣла никто не можетъ посадить освобожденнаго въ тюрьму въ другой разъ по тому же дѣлу. Изъ этого видно, что англійскій законъ Habeas corpus (о приводѣ обвиняемаго въ судъ) произвелъ на Екатерину впечатлѣніе, но у насъ изложенное постановленіе осталось мертвою буквою.

Съ конца 1786 г. Екатерина вновь принимается за выписки изъ Блэкстона для работы о сенатѣ, которой она придавала очень большое значеніе: «тутъ всѣ интересованы», сказала она своему секретарю, Храповицкому, «и законъ останется навѣки». При этомъ она говорила объ «утвержденіи самодержавства, о рас-

¹⁾ Въ этомъ судѣ, подѣ председательствомъ совѣстнаго судьи наместничества, заседали по дворянскимъ дѣламъ два члена, выбранные на три года дворянами, по городскимъ дѣламъ два члена, выбранные городами поочередно, и по „расправнымъ дѣламъ“ два члена, выбранные селеніями.

правной палатѣ» (быть можетъ возобновленіе мысли о палатѣ при сенатѣ) и «генеральномъ судѣ».

Въ 1787 г. была, повидимому, уже готова первая, болѣе краткая редакція проекта сената (въ 97 статей), судя по тому, что въ этомъ году былъ заготовленъ проектъ манифеста по этому поводу. Перечисливъ правила, которыя императрица, по ея словамъ, положила «въ основаніе» своего царствованія и которыя заключались въ охраненіи православной вѣры, законовъ и безопасности жизни и имѣнія подданныхъ, утвержденіи правосудія, покровительствѣ торговли и ремесламъ, возможно меньшемъ отягощеніи народа поборами и охраненіи безопасности имперіи, она съ гордостью говоритъ объ учрежденіяхъ для управленія губерній 1775 г., объ отдѣленіи въ нихъ «мѣстъ правленія и исполненія» отъ судовъ гражданскихъ и уголовныхъ и о томъ, что не смѣшаны съ ними и «дѣла казенныя».

Въ проектѣ 1788 г. сенатъ названъ «хранилищемъ» законовъ. Предсѣдательствуетъ въ немъ государь. Сенатъ раздѣляется на 4 департамента ¹⁾; ему дозволялось «единогласно дѣлать представленія» о неудобствѣ закона, но въ случаѣ подтвержденія его самодержавною властью, законъ долженъ быть безпрекословно исполненъ.

Однако въ 1788 г. проектъ остался необнародованнымъ, вѣроятно потому, что, въ виду начавшейся войны съ Турціею и Швеціею, Екатерина нашла, что «не время теперь дѣлать реформы». Въ 1794—95 гг. она вновь возвратилась къ проекту о сенатѣ, который, значительно разросшись, не измѣнилъ своего бюрократическаго характера. Въ этой второй редакціи, въ параграфѣ, опредѣляющемъ назначеніе второго департамента, императрица собственноручно напомнила о необходимости упомянуть и о состоящей при этомъ департаментѣ «тайной экспедиціи». Эта знаменитая экспедиція, служа въ которой «кнутобойничалъ» извѣстный слѣдователь Шешковский, съ которою имѣли дѣло Радищевъ и Новиковъ. Одно сохраненіе этого учрежденія достаточно, чтобы показать истинный характеръ предполагаемой реформы ²⁾.

¹⁾ Первый долженъ былъ вѣдать дѣла государственныя и исполнительныя и скорого приказанія требующія, второй—уголовныя и свѣдственные въ преступленіяхъ по должности, третій—по апелляціи на коллегіи или палаты относительно гражданскаго суда, четвертый—„домостроительныя“ и казенныя.

²⁾ Въ проектѣ 1795 г. подробно разработаны постановленія о генеральномъ судѣ, который составлялся изъ сената, синода, чиновъ первыхъ четырехъ классовъ и изъ предсѣдателей государственныхъ и прочихъ судебныхъ палатъ или коллегій, находящихся въ мѣстѣ засѣданія суда, при чемъ подсудимымъ дозволялось „отрѣшнить“ $\frac{2}{3}$ засѣдающихъ членовъ. По дѣлу дворянина въ генеральный судъ предполагалось призывать сверхъ палаты уголовного суда суды дворянскіе—верхній земскій судъ, уѣздный судъ, по дѣлу мѣщанина—мѣщанскіе суды,—губернскій и городской магистраты, по дѣлу подлежащихъ суду расправы—расправы верхнюю и нижнюю. Генеральный судъ избираетъ въ судьи $\frac{1}{3}$ своего состава.

Между тѣмъ, какъ императрица не только сохраняла прежнюю позицію самодержавія и даже стала успокаиваться на мысли, что «не время дѣлать реформы», русское общество постепенно росло подъ вліяніемъ науки, литературы и западно-европейскаго примѣра. Вліяніе Монтескьё и Вольтера смѣняется среди болѣе молодого поколѣнія радикальными вліяніями Руссо, Мабли, Райналя. Русская молодежь, учащаяся въ западно-европейскихъ университетахъ, съ жадностью поглощаетъ произведенія передовыхъ западныхъ писателей; переводная литература, не исключая и серьезныхъ произведеній политической мысли, сильно разрастается; кромѣ того, западъ въ числѣ домашнихъ наставниковъ поставляетъ намъ иногда лицъ съ весьма опредѣленнымъ міросозерцаніемъ. 1) Наконецъ, очень сильное впечатлѣніе на наше общество производитъ французская революція.

Въ виду совокупности всѣхъ этихъ вліяній, нечего удивляться довольно значительному распространенію въ русскомъ обществѣ радикальныхъ идей въ послѣдніе годы царствованія имп. Екатерины II. Въ началѣ 1790 г. наставникъ вел. кн. Александра Павловича, священникъ Самборскій, пишетъ гр. Н. И. Салтыкову: «Вольноглаголаніе о власти самодержавной почти всеобщее, и чувство, устремляющееся къ необузданной вольности, воспалившееся примѣромъ Франціи, предвѣщаетъ нашему любезнѣйшему отечеству напугаснѣйшее кровопролитіе». До этого дѣло пока не дошло, но все же весьма характерно, что два князя Голицына, съ ружьями въ рукахъ, принимаютъ участіе во взятіи Бастиліи, что Роммъ не только гедетъ своего питомца въ засѣданія національнаго собранія, но и побуждаетъ его записаться въ число членовъ двухъ радикальныхъ парижскихъ клубовъ. Сегюръ свидѣтельствуетъ о большомъ энтузіазмѣ въ Петербургѣ при вѣсти о взятіи Бастиліи среди негоціантовъ, купцовъ, горожанъ и нѣкоторыхъ молодыхъ людей болѣе высокаго общественнаго положенія: французы, русскіе, датчане, нѣмцы, англичане обнимались и поздравляли другъ друга на улицахъ. Приподнятое общественное настроеніе сказывается и въ томъ, что семилѣтняя дочь Соймонова (вышедшая впоследствии замужъ за Свѣчина) осенью 1789 г. иллюминировала въ Петербургѣ галерею въ домѣ отца, чтобы отпраздновать 14 іюля, когда была взята Бастилія, и освобожденіе узниковъ. Нѣкоторые русскіе плакали отъ радости, узнавъ, что французскій король принялъ въ 1791 г. конституцію, и затѣмъ многіе сдѣлали визитъ представителю Франціи для выра-

1) Таковы Ж. Роммъ, воспитатель гр. П. А. Строганова, впоследствии одинъ изъ видныхъ дѣятелей французской революціи, Сеже въ домѣ гр. П. А. Толстого, позднее секретарь женеваго революціоннаго комитета, пруссакъ Брюкперъ, „истый вольтеріанецъ“, содѣйствовавшій въ домѣ кн. Куракина развитію либеральныхъ взглядовъ Сперанскаго, и др.

женія горячей симпатіи его возродившейся родинѣ. Быстрый ходъ событій вызвалъ сильный интересъ къ чтенію газетъ и журналовъ; директоръ корпуса гр. Ангальтъ нашелъ даже нужнымъ, для ознакомленія кадетъ съ текущими событіями, завести особый столъ съ заграничными повременными изданіями. Въ 1794 г., со смертію гр. Ангальта, они были убраны, но въ это время мѣсто учителя французскаго языка въ корпусѣ занялъ одинъ швейцарецъ, который и сталъ передавать вѣсти о французской революціи. Кадетъ Сергѣй Николаевичъ Глинка получилъ отъ него марсельезу, которую тогда же и перевелъ. Если такимъ образомъ воспитанники корпуса могли узнавать изъ иностранныхъ журналовъ и газетъ о ходѣ революціи, то не удивительно, что зимою 1791—92 гг. офицеры ашлодировали въ театрѣ тому мѣсту въ «Свадьбѣ Фигаро» Бомарше, гдѣ есть намекъ на глупость солдатъ, позволяющихъ себя убивать, неизвѣстно за что. В. П. Кочубей, будущій министръ при Александрѣ I, впоследствии признавался, что въ началѣ революціи былъ ея ревностнымъ сторонникомъ. М. А. Салтыковъ превозносилъ во время революціи жирондистовъ. Сынъ французскаго эмигранта Эстергази пѣвалъ въ эрмитажѣ революціонныя пѣсни: «Ca ira» и др. Интересъ къ событіямъ во Франціи былъ такъ великъ и въ провинціи, что извѣстный агрономъ Болотовъ, жившій въ г. Богородицкѣ (Тулъской губ.), перевелъ изъ иностранныхъ газетъ статьи, относящіяся къ казни Людовика XVI, такъ что изъ нихъ составила рукописная книжка, которую брали у него многіе. Тульскій намѣстникъ Кашкинъ давалъ въ 1794 г. Болотову читать «Революціонный Альманахъ». Изъ Москвы доносились слухи о броженіи въ дворянскихъ сферахъ въ аристократическомъ смыслѣ и мечтахъ о государственномъ устройствѣ по образцу Польши ¹⁾. Наконецъ, по свидѣтельству В. Н. Каразина, вліяніе французской революціи на молодые умы обнаружилось не только въ отдаленныхъ отъ столицъ губерніяхъ Европейской Россіи, но даже и въ глубинѣ Сибири.

Весьма замѣчательнымъ представителемъ радикальных теченій въ русскомъ обществѣ, мало отразившихся въ литературѣ вслѣдствіе неблагоприятныхъ внѣшнихъ условий, является А. Н. Радищевъ (1742—1802) ²⁾. Воспитывавшійся въ Москвѣ подъ надзоромъ француза, бывшаго совѣтника руанскаго парламента, ко-

¹⁾ Гр. А. Р. Воронцовъ разсказывалъ впоследствии, что, проѣзжая въ молодости чрезъ Варшаву при Августѣ III, онъ думалъ, что для него было бы высшимъ счастьемъ быть польскимъ вельможею съ такими же правами и привилегіями.

²⁾ См. о немъ статью В. А. Мясотина (въ его книгѣ: „Изъ исторіи русскаго общества“), которая издана и отдѣльно фирмою „Донская Рѣчь“.

торый покинулъ отечество по политическимъ причинамъ, Радищевъ, послѣ обученія въ пажескомъ корпусѣ, закончилъ свое образованіе въ лейпцигскомъ университетѣ, гдѣ слушалъ лекціи 5 лѣтъ. Черезъ два года по возвращеніи въ Россію, онъ перевелъ сочиненіе Мабли, «Размышленія о греческой исторіи». Передавъ здѣсь слово «деспотизмъ» терминомъ «самодержавство», онъ пояснилъ, что «самодержавство есть наипротивнѣйшее чловѣческому естеству состояніе. Мы не токмо не можемъ дать надъ собою неограниченной власти, но ниже законъ, извѣтъ общія воли, не имѣеть другаго права наказывать преступниковъ, опричь права собственныя сохранности... Если мы удѣляемъ закону часть нашихъ правъ и нашея природныя власти, то дабы она употребляема была въ нашу пользу: о семъ мы дѣлаемъ съ обществомъ *безмолвный* договоръ. Если онъ нарушентъ, то и мы освобождаемся отъ нашея *обязанности*. Неправосудіе государя даетъ народу, его судіи, то же и болѣе надъ нимъ право, какое ему даетъ законъ надъ преступниками. *Государь есть первый гражданинъ народнаго общества*» ¹⁾ Здѣсь въ сжатомъ видѣ Радищевъ намѣтилъ идеи, которыя онъ развилъ въ своихъ оригинальныхъ произведеніяхъ.

Въ 1789 г. Радищевъ напечаталъ книжку «Житіе О. В. Ушакова», своего товарища по лейпцигскому университету, въ которой, между прочимъ, высказываетъ такое наблюденіе: «всѣ, чувствовать начинающіе, придерживаются правилъ, народнымъ правленіямъ приличныхъ». Самодержавное правленіе неудобно, по мнѣнію Радищева, даже въ томъ случаѣ, если самодержецъ отличается большими достоинствами; хотя бы онъ былъ совершенно безпристрастенъ, другіе начальствующіе его именемъ не будутъ таковыми. Кромѣ того, самодержавный государь знаетъ истинныя заслуги лишь малаго числа служащихъ ему или отечеству, другихъ же «судить по слуху», награждаетъ по указанію вельможъ, наказываетъ нерѣдко того, кто имъ не правится. Радищевъ обвиняетъ государей въ крайней близорукости и упрекаетъ ихъ въ томъ, что, нерѣдко подавляя одушевленіе на пользу родины, волнуящее сердца молодежи, они вредятъ тѣмъ пользѣ общественной, а самихъ юношей «нерѣдко навѣки» дѣлаютъ калѣками. Радищевъ указываетъ на то, какъ мало считаются государи съ мнѣніемъ о нихъ современниковъ и потомства. «Не боятся правители народовъ прослыть грабителями, налагая на согражданъ своихъ отяготительныя подати, ни прослыть убійцами своей собратіи и разбойниками въ отношеніи тѣхъ, которыхъ непріятелями име-

¹⁾ Куревны принадлежатъ Радищеву. Нужно замѣтить, что имя его, какъ переводчика, упомянуто въ книгѣ не было, какъ не упоминалось при изданіи имъ и оригинальныхъ произведеній.

нуютъ, вчиняя войну и предавая смерти тысячи воиновъ». Такимъ образомъ, уже въ этой небольшой книжкѣ Радищева, мы встрѣчаемъ протестъ противъ войны, который въ главномъ его сочиненіи такъ раздражилъ имп. Екатерину. Самовластные государи слишкомъ разсчитываютъ на выносливость народа, и это ослѣпленіе представителей власти Радищевъ считаетъ залогомъ будущей политической свободы. Онъ высказываетъ горячее сочувствіе англичанамъ за то, что они умѣютъ стойко вести легальную борьбу, но не отступаютъ въ извѣстныхъ случаяхъ и предъ такими крайними мѣрами, какъ казнь своего государя. Здѣсь мы видимъ уже зародышъ нѣкоторыхъ строфъ оды «Вольность» ¹⁾.

Въ 1790 г. Радищевъ издалъ маленькую книжку: «Письмо къ другу, жителюствующему въ Tobольскѣ по долгу званія своего», которая была написана еще въ 1782 г. по поводу открытія памятника Петру Великому въ Петербургѣ. При сочувственномъ вообще отношеніи къ этому государю, авторъ дѣлаетъ однако слѣдующее замѣчаніе: «Могъ бы Петръ славнѣе быть..., утверждая вольность частную; но если имѣемъ примѣры, что цари оставляли санъ свой, дабы жить въ покоѣ, что происходило не отъ великодушія, но отъ сытости своего сана», то «нѣтъ и до скончанія міра примѣра, можетъ быть, не будетъ, чтобы царь упустилъ добровольно что ли(бо) изъ своей власти, сѣдй на престолѣ». Въ примѣчаніи къ этому мѣсту Радищевъ оговаривается, что «если бы сіе было писано въ 1790 г., то примѣръ Лудвига XVI далъ бы сочинителю другія мысли». Обвиненіе Петра Великаго въ томъ, что онъ не утверждалъ «вольность частную», вѣроятно навѣяно сочиненіемъ Мабли «Объ изученіи исторіи». Во время слѣдствія по дѣлу Радищева императрица прочитала его «Письмо къ другу» и сдѣлала по поводу его слѣдующее замѣчаніе: «видно..., что давно мысль его готовилась ко взятому пути, а французская революція его рѣшила себя опредѣлить въ Россіи первымъ подвизателемъ».

Но всего полнѣе раскрываются взгляды Радищева въ его знаменитомъ «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву» ²⁾. Въ противоположность тогдашнему состоянію Россіи вотъ что онъ желалъ бы видѣть въ ней: процвѣтаніе наукъ, искусствъ и ремеслъ, свободу разума и его господство въ дѣлѣ общественнаго устроенія, религіозную свободу, «равновѣсіе властей», «равенство имуществъ», признаніе права собственности гражданъ на землю, умѣ-

¹⁾ Въ приложенныхъ къ этой книжкѣ наброскахъ Ѳ. В. Ушакова отмѣтимъ подробное доказательство ненужности смертной казни.

²⁾ Оно теперь вышло въ свѣтъ въ двухъ изданіяхъ подъ редакцію: 1) Н. П. Сильванскаго и П. Е. Щеголева, и 2) П. А. Ефремова. Спб. 1905 г.

ренность наказаній, воспитаніе народа, «внутреннюю тишину», отсутствіе внѣшнихъ враговъ. Подъ вліяніемъ Руссо, Радищевъ собственно полагалъ, что признаніе права собственности на землю привело въ извѣстномъ отношеніи къ вреднымъ послѣдствіямъ. Это видно изъ того, что въ своемъ позднѣйшемъ философскомъ трудѣ «О человѣкѣ, о его смертности и безсмертіи» онъ, подражая словамъ Руссо, говоритъ: «Какъ скоро сказалъ человѣкъ: «сія пядень земли моя!» онъ пригвоздилъ себя къ землѣ и отверзъ путь звѣрообразному самовластію, когда человѣкъ повелѣваетъ человѣкомъ». Но, считаясь съ существующими общественными условіями, онъ высказываетъ убѣжденіе, что крестьяне, при своемъ освобожденіи отъ крѣпостного права, «удѣлъ въ землѣ, ими обрабатываемой, должны имѣть собственностью, ибо платятъ сами подушную подать». Въ этомъ случаѣ онъ, быть можетъ, отчасти слѣдовалъ примѣру Мабли, который, будучи защитникомъ общности имуществъ, высказался, когда ему пришлось говорить о крестьянскомъ вопросѣ въ Польшѣ, хотя и недостаточно рѣзко и опредѣленно, за надѣленіе крестьянъ землею. Райналь, сочиненіе котораго ¹⁾ хорошо зналъ Радищевъ, признаетъ собственность источникомъ и добра, и зла, но все же считаетъ необходимыми законы, охраняющіе земельную собственность.

Освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ Радищевъ ждетъ отъ ихъ собственного активнаго протеста.

Какъ извѣстно, Радищевъ посвящаетъ въ своей книгѣ большое разсужденіе доказательству вреда цензуры, которая, по его словамъ, «сдѣлана нянькою разсудка, остроумія, воображенія, всего великаго и изящнаго....; чѣмъ она строже, тѣмъ слѣдствіе ея пагубнѣе». Далѣе онъ приводитъ мнѣніе Гердера, которое, какъ оказывается, заимствовано Радищевымъ изъ его сочиненія «О вліяніи правительства на науки и наукъ на правительство» (1779), но подобно тому, какъ въ вопросѣ объ уничтоженіи рабства, Радищевъ предъявляетъ гораздо болѣе радикальныя требованія, чѣмъ отчасти вліявшій на него Райналь, ²⁾ такъ и въ вопросѣ о цензурѣ авторъ «Путешествія» гораздо послѣдовательнѣе Гердера. Гердеръ полагаетъ, что на государствѣ лежитъ обязанность не допускать нѣкоторыя науки (*gewisse Wissenschaften*), онъ требуетъ безусловнаго запрещенія богохульныхъ и безнравственныхъ сочиненій, онъ настаиваетъ на томъ, чтобы издатели, если отъ нихъ этого потребуютъ, были обязаны называть имена

¹⁾ „Histoire philosophique et politique des etablissemens et du commerce des Européens dans les deux Indes“.

²⁾ Объ отношеніи Радищева къ крестьянскому вопросу см. въ моей книгѣ: „Крестьянскій вопросъ въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка“, т. I.

писателей, и даже желаетъ, чтобы было запрещено печатаніе критическихъ статей безъ подписи автора. Радищевъ думаетъ иначе: онъ говоритъ, что «одинъ несмысленный урядникъ благочинія можетъ величайшій въ просвѣщеніи сдѣлать вредъ». По его мнѣнію, «пускай печатаютъ все, кому что на умъ взойдетъ. Кто себя въ печати найдетъ обиженнымъ, тому да дастся судъ по формѣ». Вопреки Гердеру, Радищевъ настаиваетъ на полной свободѣ печати въ дѣлѣ религіи. Считая невозможнымъ оскорбленіе Бога, онъ прибавляетъ: «но если думаешь, что хуленіемъ Всевышній оскорбится, урядникъ ли благочинія можетъ быть за него истецъ?.. Для чего не позволять всякому заблужденію быть явному. Явнѣе оно будетъ, скорѣе сокрушится». Защищая полную свободу обсужденія религіозныхъ вопросовъ въ печати, Радищевъ замѣчаетъ: «запрещая вольное книгопечатаніе, робкія правительства не богохуленія боятся, но боятся сами имѣть порицателей». Общій выводъ его состоитъ въ томъ, что «цензура печатаемаго принадлежитъ обществу, оно дастъ сочинителю вѣнецъ, или употребитъ листы на обертки». Признавая бесполезность цензуры «или паче ея вредъ въ царствѣ науки», Радищевъ считаетъ ненужными доказательства необходимости «обширной и безпредѣльной вольности печатанія».

Для полнаго пониманія политическихъ воззрѣній Радищева необходимо внимательное изученіе въ полномъ видѣ его оды «Вольность», изъ которой онъ напечаталъ нѣкоторые отрывки въ своемъ «Путешествіи», кратко изложивъ другія мѣста. ¹⁾

Авторъ обращается къ вольности, которую онъ называетъ благословеннымъ, безцѣннымъ даромъ небесъ, источникомъ всѣхъ великихъ дѣлъ, и проситъ дать ему силу воспѣть ее такъ, чтобы проснулись Брутъ и Телль и чтобы отъ ея гласа пришли въ смятеніе цари. Человѣкъ рождается совершенно свободнымъ, но его свобода ограничена общою властью народа, частью которой является власть отдѣльнаго лица, такъ что каждый, творя волю всѣхъ, творитъ свою волю. Далѣе, авторъ изображаетъ въ видѣ ужаснаго, стоголоваго чудовища «священное» (т. е. религіозное) суевѣріе, которое всѣмъ велитъ вѣрить слѣпо, велитъ бояться истины, говоритъ о божественномъ происхожденіи власти. По словамъ царя, это «Законъ Божій», а мудрецъ, избрѣвшій народное угнетеніе, утверждаетъ, что это «святой обманъ». Такое суевѣріе было, есть и будетъ источниковъ оковъ рабства. Возможно ли всесильному Богу унизиться до того, чтобы вѣщать намъ при посредствѣ чужого голоса.

¹⁾ Выражаемъ глубочайшую признательность П. А. Ефремову за сообщеніе полнаго текста оды „Вольность“.

Вотъ среди обширныхъ областей стоитъ тронъ рабства. Градскія власти видятъ тамъ въ царѣ образъ Божества. Царская власть охраняетъ вѣру, вѣра утверждаетъ царскую власть. Такъ «священное и политическое суевѣріе», подкрѣпляя другъ друга, угнетаютъ общество: одно старается сковать разсудокъ, другое стремится стереть волю, увѣряя, что дѣлаетъ это ради общей пользы. Подъ сѣбною рабскаго покоя не возрастутъ золотые плоды; тамъ, гдѣ все противодѣйствуетъ стремленію ума, тамъ невозможно величіе, тамъ является лѣность, безпечность, голодъ, коварство, тамъ храмъ Минервы приходитъ въ ветхость. Тамъ царь, вознеся надменное чело, схвативъ желѣзный скипетръ, властно сѣвъ на огромный тронъ, видитъ въ народѣ лишь подлую тварь и, располагая жизнью и смертію, говоритъ: по своей волѣ я щажу злодѣя, я могу надѣлять властью; пользуется жизнью лишь тотъ, кому я велю жить. И мы спокойно слушаемъ, какъ алчный змѣй, надругаясь надъ всѣми, отравляетъ дни веселья. Но хотя вокругъ твоего престола всѣ стоятъ, преклонивъ колѣни, трепещи, такъ какъ идетъ мститель: онъ объявитъ вольность, и вѣсть о томъ распространится отъ края до края, провозглашая свободу. Начнется возстаніе, надежда вооружить всѣхъ, всѣ спѣшатъ «омыть свой стыдъ» въ крови вѣнчаннаго мучителя. Вездѣ сверкаетъ острый мечъ, летаетъ смерть, паритъ надъ гордой головой. Ликуйте, скованные народы: это прирожденное право мести возвело царя на плаху; оно, мощно разодравъ завѣсу лживой ночи, поправъ огромный пестуканъ кичливой и строптивой власти, сковавъ сторукаго исполнина, влечетъ его, какъ простаго гражданина, къ престолу, на которомъ возсѣлъ народъ. Онъ сказалъ ему:

«Преступникъ власти мною данной!
Вѣщай, злодѣй, мной увѣнчанный»,

какъ смѣлъ возстать противъ меня? Я облекъ тебя въ порфиру, чтобы блисти «равенство въ обществѣ», быть непримиримымъ мстителемъ пороку, лжи и клеветѣ, предупреждать зло, хранить въ чистотѣ нравы, желать, чтобы земледѣлецъ не былъ плѣнникомъ на своей нивѣ и благославлялъ бы тебя. Не щадя своей крови, я воздвигнулъ грозную рать, чтобы карать вѣншихъ враговъ, я велѣлъ повиноваться тебѣ и устремляться съ тобою къ славл, — «для пользы всѣхъ мнѣ можно все». Но ты, забывъ данную мнѣ клятву, забывъ, что я избралъ тебя, возмнилъ, что ты — господинъ, а не я, расторгъ мечемъ мои «уставы», лишилъ силы всѣ права, разчистилъ дорогу мерзостямъ, сталъ «взывать не ко мнѣ, а къ Богу», а мною сталъ гнушаться. Доставая кровавымъ потомъ плоды, посаженные для пропитанія, я раздѣлялъ съ

тобою крохи и не щадишь своего труда. Но тебѣ мало всѣхъ сокровищъ. Скажи, для чего тебѣ не достало ихъ, что ты сорвалъ съ меня рубище? Чтобы одарить лъстиваго любимца? Мечъ, изощренный противъ злодѣя, ты сталъ сулить невинности. Полки, собранные для защиты, ведешь ли ты на войну за человѣчество? Злодѣй, болѣе лютый, чѣмъ всѣ злодѣи, преступникъ первый изъ всѣхъ, я зову тебя на судъ,—пусть не минуетъ тебя ни одна изъ казней. Ты устремилъ противъ меня свое жало, «умри, умри же ты стократно!» Обращаясь затѣмъ къ Кромвелю, авторъ называетъ его злодѣемъ за то, что, имѣя въ своихъ рукахъ власть, онъ сокрушилъ твердыню свободы, но въ тоже время считаетъ его великимъ мужемъ, такъ какъ онъ показалъ народамъ, какъ они могутъ мстить за себя: «ты Карла на судѣ казнилъ». Гремятъ голоса свободы, народъ собирается на вѣче и разрушаетъ чугунный престолъ. «Великъ, великъ ты, духъ свободы, зиждителемъ», какъ самъ Богъ.

Далѣе, слѣдуетъ описаніе царства свободы и ея послѣдствій: тутъ поле не поливаемое слезами, становится плодороднѣе, всякій сѣять и жнеть для себя. Свободный человѣкъ, исполнивъ дневную работу, спѣшитъ домой и беззаботно спитъ въ объятіяхъ жены, выбранной имъ самимъ по любви, а не данной ему въ наказаніе надменною рукою господина для размноженія «невинныхъ жертвъ». Тутъ войско—не скотъ, согнанный поневолѣ, тутъ каждый имѣетъ видъ вождя, ищетъ славной смерти. О, Вашингтонъ, непобѣдимый воинъ, твой вождь—свобода! Не видно грознаго владыки, тутъ царство свободы: «награда ей едина слава, во храмъ безсмертья что ведетъ». Опять господствуетъ «естественный уставъ». Возвысить, «восхитить вѣнецъ» могутъ только личныя заслуги. Духъ, взлетая на крыльяхъ разума, «возможетъ» все.

Но страсти возбуждаютъ междоусобія и вызываютъ всѣ послѣдствія безмѣрнаго желанія властвовать. Марій, Сулла возмущаютъ шаткое спокойствіе римлянъ. Наконецъ Августъ,

«Тревожну вольность усыпивъ,
Чугунный скиптръ обвилъ цвѣтами;
Народы мнили—правятъ сами,
Но Августъ выю ихъ давилъ.»

Таковъ законъ природы: изъ мучительства рождается вольность, изъ вольности рабство.

О вы! счастливые народы,
Гдѣ случай вольность даровалъ!
Блюдите даръ благой природы,
Въ сердцахъ что Вѣчный начерталъ.

Затѣмъ авторъ обращается къ знаменитой странѣ (Франціи), гдѣ собенная вольность лежала попоранная гнетомъ.

«Ликуешь ты! а мы здѣсь страждемъ!
Того-жъ, того-жъ и мы все жаждемъ».

Къ этой странѣ стремится душа поэта, у него мелькаетъ желаніе быть похороненнымъ на ея берегу, но онъ предпочитаетъ умереть на родинѣ, чтобы юноша, жаждущій славы, сказалъ у его гроба: онъ первый предсказалъ намъ вольность. Поэтъ предвидитъ распространеніе предѣловъ родины, ослабленіе связи ея частей и даже ея распаденіе, тѣмъ болѣе скорое, чѣмъ она будетъ обширнѣе, но это не пугаетъ его; онъ вѣритъ, что изъ нѣдръ этой огромной развалины, среди рѣкъ крови, возникнутъ малыя свѣтила; они украсятъ «свои кормила» вѣнцомъ «дружества» и направятъ ладью на пользу всѣхъ. Часъ еще не насталъ, судьбы не совершились, еще далеко окончаніе всѣхъ бѣдъ. Власть «при послѣднемъ издыханіи приставитъ стражу къ слову и соберетъ все свои силы», чтобы раздавить возникающую вольность. Но человѣчество, руководимое надеждою на освобожденіе и «неистребимымъ правомъ природы», возстанетъ, и власть будетъ «приведена въ трепетъ» и развѣется въ одно мгновеніе. Уже трясутся своды вѣчнаго мрака и появляется «яркій свѣтъ» свободы.

Сочувствіе федеративному строю, выраженное Радищевымъ въ концѣ его оды, объясняется, вѣроятно, вліяніемъ Мабли, который, въ своемъ сочиненіи «О законодательствѣ или основныя начала законовъ», называетъ федеративную республику «высшею степенью совершенства, до которой можетъ возвыситься политика».

Несмотря на истребленіе книги Радищева, нѣсколько десятковъ экземпляровъ ея уцѣлѣло, а на возвратномъ пути изъ ссылки въ Восточную Сибирь авторъ имѣлъ удовольствіе увидѣть и рукописную копію своей книги. Юный С. Н. Глинка, вступая въ жизнь въ 1795 г., единственнымъ своимъ сокровищемъ считалъ три книги, одною изъ которыхъ было «Путешествіе» Радищева.

II.

Въ то самое время, когда Радищевъ пострадалъ за свои радикальныя убѣжденія, Лагарпъ, воспитатель вел. кн. Александра Павловича, внушалъ своему питомцу взгляды, во многомъ сходные съ тѣми, что высказывалъ авторъ «Путешествія».

«Читай исторію,» говорилъ Лагарпъ своему ученику, «вы уви-

дите, что вездѣ, гдѣ тронъ покоился на основныхъ законахъ, свято соблюдаемыхъ, онъ сохранилъ прочность, что вездѣ, гдѣ государь считалъ себя лишь первымъ должностнымъ лицомъ націи, первымъ слугою государства и отцомъ своего народа, онъ былъ охраняемъ законами и любовью своихъ подданныхъ гораздо лучше, чѣмъ крѣпостями и солдатами». Лагарпъ приводитъ изъ исторіи Англіи два примѣра того, къ чему ведетъ нарушеніе правъ народа: казнѣ Карла I вмѣстѣ съ уничтоженіемъ монархіи и низложеніе Іакова II.

Можно думать, что, подъ вліяніемъ сильнаго протеста Лагарпа противъ самовластия и произвола, вел. кн. Александръ Павловичъ, 13-лѣтнимъ мальчикомъ, слѣдовательно въ 1790 г., какъ разъ въ годъ ссылки и осужденія Радищева, далъ обѣтъ «утвердить благо Россіи на основаніяхъ непоколебимыхъ», о чемъ Лагарпъ письменно напомнилъ ему за нѣсколько дней до коронаціи. Этотъ обѣтъ былъ тогда извѣстенъ, вѣроятно, только Лагарпу. Но взгляды, привитые старшему внуку Екатерины II, не могли не высказываться имъ и въ присутствіи другихъ. Протасовъ, помощникъ гр. Салтыкова по воспитанію Александра Павловича, сообщаетъ, что однажды, въ 1791 г., его питомецъ, разговаривая о французскихъ дѣлахъ, по поводу чтенія газетъ, выражалъ сочувствіе «объявленію равенства людей» (вѣроятно деклараціи правъ). Французскій повѣренный въ дѣлахъ Жене, въ своемъ донесеніи отъ 3 Января 1792 г., сообщалъ, что великіе князья разсуждали о злоупотребленіяхъ при феодальномъ режимѣ или напѣвали во дворцѣ революціонныя пѣсни и, въ присутствіи испуганныхъ или озадаченныхъ придворныхъ, вытаскивали изъ кармановъ трехцвѣтныя кокарды. Въ другой депешѣ, отъ 8 іюня 1792 г., тотъ же Жене сообщаетъ, что «нѣсколько дней тому назадъ вел. князь началъ споръ о правахъ человѣка и другихъ частяхъ нашего національнаго договора» и на вопросы удивленныхъ придворныхъ о томъ, кто могъ столь хорошо освѣдомить о немъ вел. князя, отвѣчалъ, «что бабушка заставила его прочесть французскую конституцію, что она объяснила ему всѣ ея статьи, объяснила причины французской революціи 1789 г. и дала по этому поводу совѣты съ тѣмъ, чтобы онъ запечатлѣлъ ихъ въ своей памяти, но никому не сообщалъ ихъ».

Въ послѣдній годъ жизни Екатерины II Александръ Павловичъ, подъ вліяніемъ презрѣнія, которое возбуждала въ немъ придворная грязь, и чувства ответственности за управленіе огромною имперіею, которое выше силъ одного человѣка, выражалъ въ письмахъ къ Лагарпу и Кочубею намѣреніе со временемъ отказаться отъ престола и поселиться съ женою на берегахъ Рейна. Гораздо важнѣе этихъ мечтаній были тѣ задушевные мысли,

которыя высказалъ вел. князь Александръ весною 1796 г. въ откровенной бесѣдѣ съ княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ. Онъ сказалъ, что «нисколько не раздѣляетъ воззрѣній и правилъ кабинета и двора, что онъ порицаетъ основныя начала политики своей бабки, что все его сочувствіе было на сторонѣ Польши, столь славно боровшейся, что онъ оплакивалъ ея паденіе, что Костюшко въ его глазахъ человѣкъ великій по своимъ добродѣтелямъ и потому, что онъ защищалъ дѣло человѣчества и справедливости». Александръ Павловичъ сказалъ, что «ненавидитъ деспотизмъ повсюду, во всѣхъ его проявленіяхъ, что онъ любитъ свободу, на которую имѣютъ одинаковое право всѣ люди, что онъ съ живымъ участіемъ слѣдилъ за французскою революціею, что, осуждая ея ужасныя крайности, онъ желаетъ успѣховъ республикѣ и радуется имъ». Въ дальнѣйшихъ бесѣдахъ со своимъ другомъ вел. князь заявилъ, что «желалъ бы всюду видѣть республики и признаетъ эту форму правленія единственно сообразною съ правами человѣчества... Между прочимъ онъ утверждалъ, что наслѣдственность престола—установленіе несправедливое и нелѣпое, что верховную власть должна даровать не случайность рожденія, а голосованіе народа, который сумѣетъ избрать наиболѣе способнаго къ управленію государствомъ».

Князь Чарторыйскій старался внушить Александру Павловичу мужество, необходимое для предстоящихъ ему обязанностей, и его убѣжденія, повидимому, производили нѣкоторое дѣйствіе. По крайней мѣрѣ, сдѣлавшись, съ началомъ новаго царствованія, наслѣдникомъ престола, Александръ Павловичъ сталъ задумываться надъ вопросами о государственныхъ реформахъ, хотя еще не покидалъ мысли объ отреченіи отъ престола, откладывая только это отреченіе до окончанія преобразованій, которыя онъ полагалъ со временемъ произвести. Въ этомъ духѣ кн. Чарторыйскій даже составилъ, по просьбѣ великаго князя, во время коронаціи императора Павла (совершившейся въ Москвѣ 5 апрѣля 1797 г.), проектъ манифеста, въ которомъ указывалось на неудобства существовавшей до того времени въ Россіи формы правленія, на выгоды той, которую Александръ предполагалъ ей даровать, на благодѣянія будущей свободы и введенія правосудія, и заявлялось о его рѣшеніи, исполнивъ эту священную для него обязанность, отказать отъ власти для того, чтобы признанный наиболѣе достойнымъ ее носить могъ упрочить и усовершенствовать дѣло, основаніе котораго онъ положилъ.

Великій князь вполне оцѣнилъ всю прелесть порядка, установившагося со вступленіемъ на престолъ его отца. Въ письмѣ къ Магарпу отъ 27 сентября 1797 г. онъ, между прочимъ, писалъ: «Благосостояніе государства не играетъ никакой роли въ управ-

леніи дѣлами: существуетъ только неограниченная власть, которая все творитъ шиворотъ на выворотъ. Невозможно перечислить всѣ безразсудства, которыя совершались здѣсь; прибавьте къ этому строгость, лишенную малѣйшей справедливости, немалую долю пристрастія и полнѣйшую неопытность въ дѣлахъ. Выборъ исполнителей основанъ на фаворитизмѣ; заслуги здѣсь не при чемъ. Однимъ словомъ, мое несчастное отечество находится въ положеніи, не поддающемуся описанію. Хлѣбопашецъ измученъ, торговля стѣснена, свобода и личное благосостояніе уничтожены... Несчастное положеніе моего отечества заставляетъ меня придать своимъ мыслямъ иное направленіе. Мнѣ думалось, что если когда либо придетъ и мой чередъ царствовать, то, вмѣсто оставленія родины, я сдѣлаю несравненно лучше, поработавъ надъ дарованіемъ странѣ свободы... Мнѣ кажется, что это было бы лучшимъ видомъ революціи, такъ какъ она была бы произведена законною властью, которая перестала бы существовать, какъ только конституція была бы закончена и нація избрала бы своихъ *представителей*... Когда придетъ мой чередъ, нужно будетъ стараться образовать, само собою разумѣется постепенно, народное представительство, которое, надлежащимъ образомъ руководимое, составило бы конституцію, послѣ чего моя власть совершенно прекратилась бы».

Сознавая всю невозможность существующаго порядка и задумываясь надъ необходимостью иного, лучшаго государственнаго строя, молодой великій князь естественно дѣлился своими мыслями съ людьми, ему близкими. Такъ какъ онъ нерѣдко выражалъ Кочубею желаніе, чтобы «правительство было устроено согласно съ принципами здраваго разума», то Кочубей попробовалъ узнать относительно этого мнѣніе его дяди, кн. Безбородко. Въ первый разъ князь уклонился отъ обсужденія этого вопроса, но черезъ нѣсколько дней сказалъ, что набросалъ нѣкоторыя мысли по этому предмету.

Не удивительно, что Безбородко, надѣленный въ теченіе двухъ царствованій самодержавныхъ государей громадными богатствами, высказался за необходимость самодержавія, но порядки, существовавшіе при Павлѣ, оказывались столь невыносимыми, что даже этотъ гибкій царедворецъ счелъ нужнымъ сдѣлать слѣдующую оговорку: «безпредѣльная власть» дается самодержавному государю «не для того, чтобы управлять дѣлами по прихотямъ, но чтобы держать въ почтеніи и исполненіи законы» и самому прежде всѣхъ имъ повиноваться. Безбородко предлагаетъ установить, чтобы государь, при его коронованіи, присягалъ «царствовать во славу имперіи и во благо общественное». Придавая большое значеніе сенату, онъ дѣлилъ его на 4 департамента такъ же, какъ это предполагалось въ екатерининскихъ проектахъ 1788 и 1795 гг.

Кромѣ того, онъ считалъ полезнымъ учредить два департамента сената въ Москвѣ и два въ Кіевѣ. «Для вершенія дѣлъ», выходящихъ изъ общаго порядка, и гдѣ «уваженіе по человѣчеству требуетъ смягченія законовъ», Безбородко предлагалъ учредить высшій совѣстный судъ, въ которомъ, подъ предсѣдательствомъ высшаго совѣстнаго судьи, должны были присутствовать два депутата отъ дворянъ, два отъ—«мѣщанъ» (т. е. отъ городовъ) и два—отъ поселянъ. вмѣсто сенаторскихъ ревизій, онъ считалъ полезнымъ установить такой порядокъ, чтобы каждая губернія была разъ въ три года подробно осматрѣна лицами, уполномоченными на то государемъ (черезъ «довѣренныхъ его особъ»), а именно, однимъ сенаторомъ и депутатами—двумя отъ дворянъ, двумя отъ «мѣщанъ» и двумя отъ крестьянъ. Подъ вѣдѣніемъ сената учреждается генеральный уголовный судъ, но составъ его иной, чѣмъ въ екатерининскомъ проектѣ реформы сената 1795 г., а именно, кромѣ трехъ лицъ, состоящихъ на коронной службѣ, присутствуютъ по два депутата отъ дворянъ, мѣщанъ и поселянъ; въ немъ судятся тѣ дѣла и лица, которые не подлежатъ судамъ губернскимъ. Далѣе сказано слѣдующее: «*все собраніе депутатовъ*, подъ предсѣдательствомъ канцлера юстиціи, составляетъ надзираніе правъ государственныхъ»; въ немъ кромѣ того присутствуютъ 4 лица, состоящія на государственной службѣ. «Когда издается новый законъ, то проектъ онаго посылается на разсмотрѣніе въ сіе собраніе, потомъ на ревизію въ общее сената собраніе и, наконецъ, утверждается самодержавною властью». Какъ понимать слова «*все собраніе депутатовъ*»? Передъ этимъ «депутаты» упоминались, какъ члены высшаго совѣстнаго суда, какъ участники въ ревизіи губерній и какъ члены генеральнаго уголовного суда. Члены губернскихъ совѣстныхъ судовъ выбирались по учрежденіямъ о губерніяхъ дворянами, городами и крестьянами, но кто долженъ былъ выбирать по проекту Безбородка трехъ сословныхъ представителей высшаго совѣстнаго и генеральнаго уголовного судовъ? Для ревизіи губерній могли выбираться депутаты на мѣстѣ, которые ревизовали бы вмѣстѣ съ «довѣренными особами» государя. Депутатовъ въ верхній совѣстный и генеральный уголовный суды Безбородко вѣроятно предполагалъ избирать, по примѣру екатерининскаго проекта 1795 г., также въ томъ мѣстѣ, гдѣ будутъ засѣдать эти суды. Какъ бы то ни было, записка Безбородка въ извѣстной степени связана съ предположеніями Екатерины, что подтверждается и свидѣтельствомъ Кочубея: по его словамъ, вручая ему свою записку, кн. Безбородко сказалъ, что у имп. Екатерины II была постоянно эта идея до тѣхъ поръ, пока французская революція не заставила ее переменить принципы. Упомянувъ о ея грамотахъ дворянству и городамъ, кн. Безбородко прибавилъ,

что она оставила связку собственноручныхъ бумагъ о сенатѣ, но нужно замѣтить, что Безбородко дѣлаетъ новыя предложенія относительно участія представителей сословій въ дѣлѣ законодательства и надзора надъ мѣстными судами и администраціею, которыхъ нѣтъ въ екатерининскихъ проектахъ 1788 и 1795 гг. Подобно этимъ проектамъ, онъ предлагалъ дать сенату право представленія о «вредѣ» отъ даннаго указа и также требовалъ исполненія его въ случаѣ подтвержденія указа государемъ. Но въ екатерининскомъ проектѣ не только нѣтъ требованія уничтожить «всѣ способы потаенные и гдѣ кровь человѣка и гражданина угнетается вопреки законовъ, изданныхъ на прочія дѣла уголовныя» ¹⁾, но, какъ мы видѣли, напротивъ, собственноручно написала на проектѣ, что нужно упомянуть въ немъ о существованіи при второмъ департаментѣ сената тайной экспедиціи. Въ его запискѣ были и другія предположенія, о которыхъ она и не думала въ послѣдніе годы жизни, какъ наприимѣръ рядъ мѣръ для ограниченія крѣпостного права, повидимому, навѣянныхъ книгою Радищева. Нѣкоторыя же другія идеи, вѣроятно, были внушены Безбородку изученіемъ классическаго произведенія Монтескьё, которое, по словамъ Кочубея, онъ зналъ наизусть. По восшествіи на престолъ Александра I, гр. П. А. Строгановъ не разъ напоминалъ ему о запискѣ кн. Безбородко, но государь не былъ, видимо, ею удовлетворенъ.

Уже въ первой бесѣдѣ о предстоящихъ реформахъ съ гр. Строгановымъ (23 апрѣля 1801 г.) государь сказалъ, что необходимо «опредѣленіе столь знаменитыхъ правъ человѣка»: мысль объ этомъ очевидно была навѣяна французскою деклараціею правъ и англійскими основными законами. Затѣмъ онъ выразилъ желаніе, чтобы внимательно ознакомились «со всѣми конституціями». Составленъ былъ Трошинскимъ, при нѣкоторомъ участіи Сперанскаго, проектъ «всемиловѣйшей грамоты російскому народу». Въ ней, между прочимъ, обвиняемому въ преступленіи или находящемуся подъ судомъ предлагалось избрать защитника. Затѣмъ, дозволялось каждому, посаженному въ заключеніе или насильственно задержанному, если ему не объявлено о причинѣ задержанія и въ теченіи трехъ дней онъ не былъ представленъ въ судъ къ допросу, требовать своего освобожденія, при чемъ онъ долженъ немедленно получить свободу съ правомъ начать искъ противъ задержавшаго его лица «въ оскорбленіи личной безопасности и убыткахъ». Взятый подъ стражу и представившій установленное закономъ поручительство въ томъ, что явится на судъ,

¹⁾ Въ царствованіе Павла тайная экспедиція была завалена дѣлами и подвергала допрашиваемыхъ истязаніямъ.

долженъ быть освобожденъ, кромѣ случаевъ наиболѣе тяжкихъ преступленій, притомъ исполнѣ доказанныхъ и совершенныхъ умышленно. Предполагалось также постановить, что, согласно XX-ой главѣ Наказа, можно считать оскорбленіемъ величества только извѣстныя дѣйствія ¹⁾, а отнюдь не слова и сочиненія. «Каждый Россійскій гражданинъ», сказано было также въ грамотѣ, «да пользуется невозбранно свободою мысли, вѣры, или исповѣданія, богослуженія, слова или рѣчи, письма и дѣянія, поколику они законамъ государственнымъ не противны и никому не оскорбительны». Предполагалось обнародовать эту грамоту во время коронаціи въ Москвѣ, но намѣреніе это исполнено не было ²⁾.

5 іюня 1801 г. данъ былъ сенату именной указъ о томъ, чтобы онъ составилъ докладъ о своихъ правахъ и обязанностяхъ, при чемъ государь выражалъ намѣреніе поставить права и преимущества сената на неизблемомъ основаніи, какъ государственный законъ. Государю приходило въ голову, чтобы въ губерніяхъ (вѣроятно въ дворянскихъ собраніяхъ) избиралось по два кандидата, изъ числа которыхъ назначались бы сенаторы, но одинъ изъ членовъ неофициальнаго комитета, въ которомъ государь обсуждалъ проекты преобразованій, возразилъ, что назначаемыя такимъ образомъ лица могутъ не имѣть познаній, необходимыхъ для занятія столь важнаго мѣста.

Не останавливаясь на различныхъ проектахъ преобразованія сената, отмѣтимъ только мнѣніе по этому предмету Н. С. Мордвинова, прочитанное имъ въ засѣданіи Совѣта 1 мая 1802 г. «Желательно», писалъ Мордвиновъ, «чтобы сенатъ содѣлался тѣломъ политическимъ... Права политическія должны быть основаны на знатномъ словесіи, весьма уважаемомъ». Мордвиновъ предлагаетъ, чтобы каждая губернія присылала въ сенатъ по два депутата, выбираемыхъ на томъ же основаніи, какъ губернскіе предводители, т. е. однимъ дворянствомъ, и также на три года. Выбранные не получаютъ жалованья, но пользуются всеми преимуществами наравнѣ съ назначенными государемъ и также называются сенаторами.

¹⁾ А именно заговоръ для неиспроверженія высшей власти, произведеніе явнаго и умышленнаго бунта въ народѣ, которымъ будетъ нарушено спокойствіе государства, и измѣну.

²⁾ Была еще попытка опредѣлить общія политическія права въ неизданномъ проектѣ Новосильцова, но онъ не имѣлъ практическихъ послѣдствій. Любопытно сопоставить эти блужданія окружающаго государя лицъ въ вопросахъ объ общихъ правахъ русскихъ гражданъ съ весьма определенной программой Радищева, служившаго въ то время въ коммисіи составленія законовъ. По его мнѣнію, необходимо постановить, что 1) все состояніе равны передъ закономъ, и потому тѣлесное наказаніе должно отмѣнить; 2) табель о рангахъ уничтожить; 3) въ уголовныхъ дѣлахъ отмѣнить пристрастные допросы, ввести публичное судопроизводство и судъ присяжныхъ; 4) вѣротерпимость должна быть совершенная и устраниено все то, что стѣсняетъ свободу совѣсти; 5) ввести свободу книгопечатанія съ ограниченіями и точными постановленіями о степени отвѣтственности; 6) освободить крѣпостныхъ крестьянъ и нѣкоторыхъ другихъ.

«Существенная» ихъ обязанность должна была состоять въ попеченіи о благѣ той губерніи, отъ которой они избраны. Мнѣніе Мордвинова имѣетъ нѣкоторое сходство съ предположеніями кн. Щербатова въ его «Путешествіи въ землю Офирскую», но только Щербатовъ давалъ право представительства не одному дворянству, а также и купечеству, по крайней мѣрѣ, по дѣламъ, затрагивающимъ его интересы. Когда, въ концѣ того же мѣсяца, на совѣщаніи съ нашимъ посланникомъ въ Англіи, гр. С. Р. Воронцовымъ, гр. Строгановъ, сближая сенатъ съ верхнею палатою англійскаго парламента, возбудилъ вопросъ о наслѣдственности сенаторскаго званія и высказался за нее, то Воронцовъ возражалъ противъ этого, считая у насъ такое учрежденіе опаснымъ.

Указомъ 8 сентября 1802 г. о сенатѣ за нимъ не сохранилась уже прежняя власть, такъ какъ органами активного управленія и непосредственными докладчиками верховной власти, на основаніи изданнаго въ тотъ же день указа, являлись министры. Но они обязаны были ежегодно представлять чрезъ сенатъ письменные отчеты государю; рассмотрѣвъ ихъ и выслушавъ объясненія министровъ, сенатъ докладывалъ императору свое мнѣніе. Однако это правило не создало дѣйствительной отвѣтственности министровъ. Сенату дозволялось также дѣлать представленія государю о неудобноисполнимыхъ указахъ по общимъ государственнымъ дѣламъ или несогласныхъ съ законами и неясныхъ по дѣламъ суднымъ; но когда сенатъ попробовалъ въ слѣдующемъ году воспользоваться этимъ правомъ по поводу одного указа, ограничивающаго права дворянства, то было разъяснено, что сенатъ можетъ дѣлать представленія лишь о тѣхъ законахъ и указахъ, которые были изданы до 8 сентября 1802 г. С. Р. Воронцовъ находилъ, что, по новымъ законамъ, сенатъ униженъ, а министры получили слишкомъ большую власть; сравнивая министровъ-фаворитовъ XVIII вѣка съ новыми министрами, онъ находилъ, что то было зло неузаконенное, а теперь оно основывается на законѣ.

Въ 1803 г. имп. Александръ, чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ Кочубея, поручилъ Сперанскому составить планъ устройства судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ въ имперіи. Наиболѣе важный пунктъ этой записки состоитъ въ выясненіи истиннаго значенія отвѣтственности исполнительной власти предъ законодательною. Установленіе такой отвѣтственности, говоритъ Сперанскій, «есть первый шагъ рѣшительнаго приближенія, какой можно сдѣлать въ государствѣ деспотическомъ къ правильной монархіи, ибо, устанавливая ее, государь самодержавный отступаетъ отъ безотчетнаго управленія и въ лицѣ министровъ покоряетъ собственную свою власть закону». Сперанскій считаетъ нужнымъ при этомъ пояснить, что «отвѣтственность сія не учреждается однимъ словомъ

или вѣлѣніемъ; она перемѣняетъ конституцію государства и слѣдовательно не можетъ быть нигдѣ безъ важныхъ превращеній» (революцій). «Она предполагаетъ законъ, утвержденный печатію общаго принятія, и извѣстную гарантію сего закона въ вещественныхъ установленіяхъ государства или въ твердомъ и общемъ мнѣніи народномъ. *Безъ сего все будетъ состоять только въ словахъ*». Тутъ ясно критическое отношеніе Сперанскаго къ тѣмъ разговорамъ объ ограниченіи самовласти, которыми имп. Александръ и его приближенные усердно занимались въ первые годы его царствованія и которые ни на шагъ не подвигали дѣла впередъ.

Въ «правильномъ монархическомъ государствѣ» (въ отличіе отъ Россіи, правленіе которой Сперанскій считалъ деспотическимъ) «государственный законъ» рисовался Сперанскому въ слѣдующихъ чертахъ: 1) Всѣ «состоянія» государства свободны и участвуютъ въ извѣстной мѣрѣ въ законодательной власти. 2) Власть исполнительная принадлежитъ одному лицу, участвующему въ законодательномъ дѣйствіи и утверждающему его. 3) Есть общественное мнѣніе, оберегающее законъ въ его исполненіи. 4) Есть «независимое сословіе народа» (т. е. законодательное учрежденіе, основанное на народномъ избраніи), предъ которыми «исполнители» отвѣтственны. 5) Существуетъ система гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, принятая народомъ. 6) Судъ производится не отъ лица государя, но лицами, избранными народомъ и имъ утвержденными, которые сами могутъ быть преданы суду. 7) Судопроизводство публично, исключая нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаевъ. 8) Существуетъ свобода печати въ извѣстныхъ, точно опредѣленныхъ границахъ.

Къ сожалѣнію, записка Сперанскаго 1803 г. найдена до сихъ поръ лишь въ черновомъ оригиналѣ, и въ немъ только что изложенное мѣсто зачеркнуто. Правда, многія характерныя черты государственнаго закона указаны Сперанскимъ отдѣльно въ другихъ мѣстахъ, но, во первыхъ, далеко не всѣ, а, во вторыхъ, здѣсь онѣ были собраны воедино, и исключеніе вышеназванного мѣста несомнѣнно уменьшало значеніе записки. Можно предполагать, что это исключеніе было сдѣлано по требованію тогдашняго начальника Сперанскаго, Кочубея, который, вѣроятно, нашелъ нужнымъ охладить либеральный пылъ своего подчиненнаго. Недаромъ Сперанскій сказалъ другу и популяризатору Вентама, Дюмонду, посѣтившему въ это время Петербургъ, что «не вѣрить въ возможность установленія политической свободы въ Россіи». Упомянемъ еще, что Сперанскій, какъ видно изъ другого зачеркнутого мѣста записки, колебался еще тогда, слѣдуетъ ли основать законодательное учрежденіе на «системѣ представленія» ¹⁾, т. е. представительства, или

¹⁾ Въ проектѣ 1809 г. (см. ниже) Сперанскій употребляетъ выраженіе: «народное представленіе».

на системѣ первородства. Во всякомъ случаѣ, въ этой запискѣ онъ вынужденъ былъ составлять планъ устройства правительственныхъ и судебныхъ учреждений при сохраненіи самодержавія ¹⁾).

Этотъ трудъ Сперанскаго практическихъ послѣдствій не имѣлъ, но, такъ какъ онъ, повидимому, былъ представленъ имп. Александру, то могъ обратить вниманіе государя на его составителя. Александръ I въ дѣлѣ преобразованія государственнаго строя Россіи, какъ и въ крестьянскомъ дѣлѣ, очевидно, желалъ накоплять различные проекты, чтобы выбрать изъ нихъ лучший. Въ іюнѣ 1804 г., министръ юстиціи кн. Лопухинъ, управлявшій и комиссіею составленія законовъ, призвалъ къ себѣ секретаря и перваго докладчика этой комиссіи, бар. Розенкампа, не знавшаго тогда русскаго языка, и объявилъ ему повелѣніе государя заняться составленіемъ проекта конституціи для Россіи. Правда, ранѣе этого, по порученію русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, онъ составилъ проектъ конституціи для Ионическихъ острововъ, которые состояли съ 1799 по 1807 г. подъ покровительствомъ Россіи, но даже самъ Розенкампъ признавалъ эту работу неудачною. Поэтому онъ былъ крайне пораженъ, услышавъ повелѣніе государя. Розенкампъ указалъ Лопухину на то, что «комиссія не успѣла еще ознакомиться съ основными началами государственнаго строя Россіи, а отъ нея желаютъ имѣть окончательный выводъ изъ нихъ, конституцію»; онъ напомнилъ, что еще не собраны многіе законы о сословіяхъ, не рассмотрѣны національныя и мѣстные особенности. Однако онъ долженъ былъ повиноваться и составилъ общій очеркъ конституціи, который, по его собственнымъ словамъ, имѣлъ множество пробѣловъ, такъ какъ вовсе не касался крестьянскаго сословія. Трудъ этотъ пока не найденъ, и мы не знаемъ, были ли въ этомъ проектѣ постановленія, дѣйствительно ограничивающія самодержавную власть ²⁾. Онъ былъ переданъ Новосильцову и кн. Чарторыйскому, которые выработали полный проектъ, но онъ остался безъ движенія, вслѣдствіе внѣшнихъ усложненій, вызвавшихъ кровопролитныя войны 1805—7 гг. и паденіе вліянія Строганова, кн. Чарторыйскаго и Новосильцова. По возвращеніи изъ Эрфурта въ 1808 г., государь передалъ этотъ проектъ Сперанскому, который его не одобрилъ.

¹⁾ Записка 1803 г. была впервые напечатана П. А. Бычковымъ въ «Историческомъ Обзорѣнн», т. XI.

²⁾ Въ 1803—4 гг. Каразинъ носился съ такою мыслью, что государь долженъ дѣйствовать неограниченно (?), но «охранительный сенатъ по постановленію, принятому $\frac{2}{3}$ голосовъ, можетъ посылать ему свои замѣчанія, большинствомъ же $\frac{3}{4}$ голосовъ *остановить его дѣйствія* обнародованіемъ своихъ замѣчаній. Присяга воиновъ должна быть не безусловная, а въ нее слѣдуетъ внести обязательство, полагающее предѣлы повиновенію.

Въ 1808 г. Сперанскій находился въ свѣтѣ государя во время его свиданія съ Наполеономъ въ Эрфуртѣ. Наполеонъ обратилъ особенное вниманіе на Сперанскаго и говорилъ о немъ, что это «единственная свѣтлая голова въ Россіи». По возвращеніи въ Петербургъ, государь проводилъ съ нимъ цѣлые вечера въ чтеніи разныхъ сочиненій, относившихся къ вопросу о государственныхъ преобразованіяхъ. Работою надъ общимъ планомъ реформъ Сперанскій былъ занятъ большую часть 1809 г. ¹⁾ Октябрь и ноябрь мѣсяцы прошли въ томъ, что почти ежедневно государь разсматривалъ проектъ Сперанскаго, дѣлалъ перемѣны, дополненія и поправки и, наконецъ, рѣшилъ приводить его въ дѣйствіе ²⁾.

Приступая къ ознакомленію съ проектомъ Сперанскаго 1809 г., носящимъ въ черновомъ оригиналѣ заглавіе «Введеніе къ уложенію государственныхъ законовъ», отмѣтимъ изъ того, что онъ говоритъ о прошломъ Россіи, рѣшительное осужденіе имъ закона Петра Великаго о правѣ первородства: «сіе установленіе, совершенно феодальное, могло бы», по мнѣнію Сперанскаго, «уклонить Россію на нѣсколько вѣковъ отъ настоящаго ея пути». Такимъ образомъ въ эту болѣе демократическую эпоху своего міросозерцанія Сперанскій высказался противъ права первородства; позднѣе же, онъ круто измѣнилъ свой взглядъ. Современная ему Россія находится по его мнѣнію, «въ эпохѣ самодержавія», но «безъ сомнѣнія имѣетъ прямое (*forte, mais régulière*) ³⁾ направленіе къ свободѣ». Въ доказательство того, что «настоящая система (*la forme*) правленія не

¹⁾ При этомъ онъ изучилъ «всѣ извѣстныя конституціи».

²⁾ Слѣдуетъ упомянуть, что Финляндія, присоединенная къ Россіи въ 1809 г., сохранила свое государственное устройство. 15 марта было подписано государемъ «обнадеживаніе всѣмъ жителямъ Финляндіи», въ которомъ сказано: «Признали мы за благо... утвердить и удостоверить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества въ особенності и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика, по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оныя въ ненарушимости и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи». Сперанскій сопровождалъ государя на сеймъ въ Борго, и имъ были написаны рѣчи императора при открытіи и закрытіи сейма. Взглядъ имп. Александра на юридическое положеніе Финляндіи всего опредѣлениѣ выраженъ въ манифестѣ отъ 15 марта 1810 г.: «Съ той минуты, когда providѣніе отдало въ наши руки судьбу Финляндіи, мы рѣшили управлять этою страню, какъ націею свободою и пользующеюся правами, которыя гарантировала ей ея конституція... Всѣ акты, изданные до сихъ поръ для внутренняго управленія этою страню, составляютъ сдѣлствіе и приложение этого основнаго начала; сохраненіе религіи и законовъ, созваніе сейма, образованіе правительственнаго совѣта среди націи, неприкосновенное сохраненіе судебнаго и административнаго порядка служатъ тому доказательствами, которыми должны обезпечить финскому народу (*nation*) права его политическаго существованія». Въ отчетѣ за 1810 г. Сперанскій указалъ на то, что «Финляндіи есть государство, а не губернія». Несмотря однако на либеральное настроеніе имп. Александра I относительно Финляндіи, финляндскій сеймъ при немъ, послѣ 1809 г., ни разу не былъ созванъ.

³⁾ Для поясненія мысли Сперанскаго мы сопоставляемъ нѣкоторыя выраженія русскаго его проекта съ соответственными мѣстами сокращеннаго и иногда нѣсколько смягченнаго французскаго перевода.

свойственна уже болѣе состоянію общественнаго духа и что настало время переимѣнить ее и основать новый вещей порядокъ», Сперанскій указываетъ нѣсколько признаковъ. Онъ отмѣчаетъ, между прочимъ, ослабленіе власти: «Если физическая власть», говоритъ онъ, «осталась въ прежнемъ положеніи, то моральная, безъ сомнѣнія, весьма ослабѣла. Какая мѣра правительства, не подвержена нынѣ осужденію?.. Съ достовѣрностію можно сказать, что всѣ мѣры правительства, требующія не физическаго, но моральнаго повиновенія, не могутъ имѣть дѣйствія... Одна есть истинная сему причина: образъ мыслей настоящаго времени въ совершенной противоположности съ образомъ правленія». Далѣе авторъ указываетъ на невозможность частныхъ исправленій и, наконецъ, на всеобщее неудовольствіе: «Духъ народный страждетъ въ безпокойствіи. Какъ можно объяснить сіе безпокойствіе иначе, какъ совершеннымъ измѣненіемъ мыслей, глухимъ, но самымъ сильнымъ желаніемъ другого вещей порядка».

Доказавъ необходимость коренныхъ реформъ, Сперанскій утверждаетъ, что преобразование должно состоять въ томъ, чтобы «правленіе, доселѣ самодержавное, постановить и учредить на непремѣнномъ законѣ». Но онъ желалъ не облеченія самодержавнаго правленія только «внѣшними формами закона» (*formes constitutionnelles apparentes*), причемъ оставались бы въ сущности «та же сила и тоже пространство самодержавія», какъ это было въ тогдашней наполеоновской Франціи и какъ это ему самому приходилось проектировать въ запискѣ 1803 г., а дѣйствительнаго ограниченія самодержавія ¹⁾, при которомъ: 1) законодательное «сословіе» ²⁾ было бы такъ устроено, чтобы его постановленія нуждались въ утвержденіи державной власти, «но чтобы мнѣнія его были свободны и выражали бы собою мнѣніе народное» (*vœux de la nation*). 2) Сословіе судебное должно составляться по свободному выбору (*choix libre de la nation*), и только надзоръ за судебными формами принадлежалъ бы правительству. 3) Власть исполнительная должна быть ввѣрена правительству, но такъ какъ она могла бы своими распоряженіями, подъ видомъ исполненія законовъ, совсѣмъ уничтожить ихъ, то необходимо сдѣлать ее отвѣтственною предъ властью законодательною.

Предложеніе закона должно быть предоставлено правительству. Изъ этого правила Сперанскій допускаетъ только два исключенія: 1) когда правительство какою либо мѣрою явно нарушаетъ законъ и 2) когда оно въ установленное время не представитъ требуемыхъ

1) «Ограничить его» (самодержавіе) «внутреннею и существенною силою установленій» (*par des institutions nationales, investies d'une force interieur et réelle*) «и учредить державную власть на законѣ» (*loi fondamentale*), «не словами, но самымъ дѣломъ».

2) Такъ переводилъ Сперанскій слово «corps», «законодательное сословіе» — «corps législatif».

закономъ отчетовъ. Тогда законодательное «сословіе» можетъ возбуждать слѣдствіе противъ министра, подписавшаго эту мѣру ¹⁾, и вмѣстѣ съ тѣмъ «просить ея отмѣны». «Уваженіе» закона ²⁾, т. е. обсужденіе его, должно принадлежать законодательному сословію при участіи министровъ ³⁾. Наконецъ, утвержденіе закона принадлежитъ державной власти.

Политическія права, по проекту Сперанскаго, основываются на обладаніи собственностью, имущественнымъ цензомъ, при чемъ теоретически обсуждая этотъ вопросъ, онъ допускаетъ для ценза не только недвижимую собственность, но и «капиталы промышленности въ извѣстномъ количествѣ». Однако далѣе сказано, что «волостная дума», производящая выборы въ первой степени, составляется «изъ всѣхъ представителей *недвижимой собственности*» съ присоединеніемъ къ нимъ представителей отъ казенныхъ крестьянъ. И дворяне могутъ участвовать въ выборахъ и быть избираемыми «не иначе, какъ на основаніи собственности». Лица «средняго состоянія» имѣютъ также права политическія по ихъ собственности. «Среднее состояніе составляется изъ купцовъ, мѣщанъ» (во французскомъ переводѣ прибавлено: ремесленниковъ), «однودворцевъ и всѣхъ» (некрѣпостныхъ) «поселянъ, имѣющихъ недвижимую собственность («*certaine quantité de terrain*») въ извѣстномъ количествѣ» (однако размѣръ ея не указанъ) ⁴⁾. Такъ какъ возрастъ, необходимый для обладанія политическими правами, не опредѣленъ, то, вѣроятно, ими пользовались совершеннолѣтніе. Наконецъ, третье «состояніе», «рабочій народъ», имѣетъ общія гражданскія права, но не имѣетъ правъ политическихъ. Переходъ изъ этого класса въ среднее состояніе былъ открытъ всѣмъ, кто приобрѣлъ недвижимую собственность (*propriété foncière*) въ извѣстномъ количествѣ и исполнилъ повинности, которыми былъ обязанъ по прежнему состоянію. Къ этому классу причислятся всѣ помѣщичьи крестьяне, мастеровые, ихъ работники и домашніе слуги.

¹⁾ Однако такое постановленіе законодательнаго «сословія» должно быть утверждено державною властью. Въ Англіи, когда нижняя палата предавала министровъ суду верхней палаты, король ни въ какомъ случаѣ не могъ ихъ помиловать. Дозволяя возбужденіе слѣдствія противъ министра только съ утвержденія государя, Сперанскій подрывалъ значеніе министерской отвѣтственности, такъ какъ при такомъ порядкѣ министры могли ссылаться на повелѣніе государя, и слова проекта, что подписаніе актовъ (министрами) «всегда предполагается совершенно свободнымъ», могли бы утратить всякое значеніе.

²⁾ *Délibération de la loi, formation de la loi.*

³⁾ При этомъ Сперанскій различаетъ законъ и уставы или учрежденія: послѣдніе относятся къ дѣйствию власти исполнительной, причѣмъ она можетъ сложить съ себя отвѣтственность, внося уставы и учрежденія въ законодательное сословіе.

⁴⁾ Духовенству, очевидно, не предоставлялось политическихъ правъ, такъ какъ о немъ вовсе не упоминается въ проектѣ Сперанскаго.

Сперанскій устанавливаетъ четыре степени порядка законодательнаго, суднаго и исполнительнаго: 1) въ волостныхъ городахъ, а гдѣ нѣтъ города, къ которому съ удобствомъ могли бы быть приписаны волости, то въ селеніи; 2) въ окружномъ городѣ; 3) въ губернскомъ и 4) въ столицѣ.

«Въ каждомъ волостномъ городѣ или въ главномъ волостномъ селеніи каждые три года изъ всѣхъ владѣльцевъ *недвижимой* собственности составляется собраніе подъ названіемъ *волостной думы*. Казенныя селенія отъ каждого пятисотеннаго участка посылаютъ въ думу одного старшину». Волостная дума выбираетъ членовъ волостнаго правленія, депутатовъ въ окружную думу (число ихъ не можетъ превышать $\frac{2}{3}$ всего числа владѣльцевъ) и составляетъ списокъ 20 отличнѣйшихъ обывателей, населяющихъ волость, и представляетъ окружной думѣ объ общественныхъ волостныхъ нуждахъ.

Въ собраніяхъ волостной думы участвовали имѣющіе собственность дворяне кушцы и мѣщане (по французскому переводу — и ремесленники), однодворцы и некрѣпостные крестьяне, имѣющіе недвижимую собственность въ извѣстномъ количествѣ; кромѣ того, въ волостной думѣ участвовали старшины отъ казенныхъ крестьянъ по одному отъ 500 душъ. Нельзя сдѣлать даже приблизительный подсчетъ тѣхъ, кто могъ участвовать въ этихъ собраніяхъ въ виду того, что размѣръ имущественнаго ценза не установленъ, но если допускались мѣщане и крестьяне, имѣющіе недвижимую собственность, и представители казенныхъ крестьянъ, то нужно думать, что этотъ цензъ предполагалось установить въ небольшомъ размѣрѣ. Несомнѣнно, что для своего времени политическія права были предоставлены Сперанскимъ значительному числу лицъ; но это достоинство проекта значительно ослабляется многостепенностью выборовъ (которые для казенныхъ крестьянъ—четырехстепенныя, а для членовъ средняго сословія и для дворянства—трехстепенныя).

Изъ депутатовъ волостныхъ думъ каждые три года въ окружномъ городѣ составляется собраніе подъ именемъ *окружной думы*. Она выбираетъ членовъ окружнаго совѣта и окружнаго суда и депутатовъ въ губернскую думу, изъ представленныхъ отъ волостныхъ думъ списковъ составляетъ списокъ 20 «отличнѣйшихъ» обывателей округа, беретъ отчетъ съ окружнаго начальства въ суммахъ, собираемыхъ на общественные расходы, и составляетъ представленіе губернской думѣ объ общественныхъ нуждахъ на основаніи представленій волостныхъ думъ.

Изъ депутатовъ окружныхъ думъ каждые три года составляется въ губернскомъ городѣ собраніе подъ именемъ *губернской думы*. Она выбираетъ членовъ губернскаго совѣта, губернскаго

суда и членовъ государственной думы (изъ обоихъ состояній, имѣющихъ политическія права), число которыхъ опредѣляется въ каждой губерніи закономъ. При этомъ въ проектѣ не сказано, какъ великъ долженъ быть цензъ для того, чтобы быть выбраннымъ депутатомъ въ государственную думу. Хотя ранѣе Сперанскій утверждаетъ, что цензъ для того, чтобы быть выбраннымъ въ депутаты, «во всѣхъ государствахъ» выше, чѣмъ для того, чтобы участвовать въ выборахъ, но неупоминаніе объ этомъ здѣсь заставляетъ думать, что для права быть выбираемымъ Сперанскій не предполагалъ требовать большаго ценза чѣмъ для активнаго. Далѣе, губернская дума, подобно волостной и окружной, выбираетъ 20 «отличнѣйшихъ» въ губерніи обывателей, разсматриваетъ отчетъ губернскаго правленія въ деньгахъ, собираемыхъ на общественные расходы, составляетъ представленіе объ общественныхъ нуждахъ сообразно ходатайствамъ окружныхъ думъ и, подобно губернской думѣ, устраиваетъ изъ своихъ членовъ особыя коммиссіи для разсмотрѣнія отчетовъ и представленія о нуждахъ.

По окончаніи этихъ занятій, предсѣдатель препровождаетъ въ государственной совѣтъ, на имя канцлера юстиціи, списки всѣхъ членовъ, избранныхъ въ волостныя правленія и суды окружныя и губернской; на имя канцлера государственной думы списки: 1) членовъ, избранныхъ въ совѣты окружныя и губернской, 2) членовъ, избранныхъ въ законодательное «сословіе», 3) отличнѣйшихъ обывателей губерніи и 4) представленіе о нуждахъ губерніи. Такимъ образомъ Сперанскій не упоминаетъ о правѣ петиціи для отдѣльныхъ гражданъ, а устанавливаетъ лишь коллективныя ходатайства чрезъ волостныя, окружныя и губернскія думы.

Губерніи для производства выборовъ раздѣляются на 5 классовъ, и ежегодно выборы производятся въ 10 несмежныхъ одна съ другою губерніяхъ. Выборы должны производиться каждые три года. Такъ какъ губерній европейской Россіи, на которыя Сперанскій предполагалъ распространить дѣйствія своего проекта, было 39, ¹⁾ то слѣдовательно въ каждой губерніи выборы производились бы рѣже, чѣмъ разъ въ три года, и нельзя было бы раздѣлить губерніи на 5 классовъ, если ежегодно производить выборы въ 10, а не въ меньшемъ числѣ губерній.

Относительно государственной думы въ проектѣ Сперанскаго заключаются слѣдующія постановленія. «Изъ депутатовъ, представленныхъ отъ губернской думы, составляется законодательное сословіе подъ именемъ *государственной думы*». Сперанскій не даромъ употребляетъ выраженіе «представленныхъ отъ губернской

¹⁾ Сравни: *Арсеньевъ*, «Очерки Европ. Россіи», СПб., 1848 г. стр. 138—142 и «Историч. Обзорѣніе», т. X, 38.

думы», а не говорить, что депутаты, выбранные губернскою думою, составляют государственную думу; мы сейчас увидимъ, чѣмъ это объясняется. Очень важно то, что дума собирается не по повелѣнію императора, а «по коренному закону и безъ всякаго созыва ежегодно, въ сентябрѣ мѣсяцѣ». Срокъ дѣйствія ея опредѣляется количествомъ предлагаемыхъ ей дѣлъ. Дѣйствіе государственной думы прекращается двоякимъ образомъ: 1) отсрочкою до будущаго года и 2) совершеннымъ увольненіемъ всѣхъ ея членовъ. Отсрочка производится актомъ державной власти въ государственномъ совѣтѣ. Увольненіе производится такимъ же актомъ, но съ обозначеніемъ въ немъ новыхъ членовъ, назначенныхъ послѣдними выборами губернскихъ думъ. Отсюда слѣдуетъ, что, хотя выборы членовъ государственной думы предполагалось производить каждые три года, но не всегда выбранные попадали въ государственную думу. Если бы государь не распускалъ всѣхъ членовъ думы и пожелалъ бы сохранить ея прежній составъ долѣе 4 лѣтъ ¹⁾, то выбранные губернскими думами въ члены государственной думы въ теченіе этихъ лѣтъ не вошли бы въ нее въ полномъ составѣ, а членами ея сдѣлались бы только тѣ, которые поступаютъ въ нее для замѣщенія открывшихся вакансій (см. ниже). Съ другой стороны, если бы государь пожелалъ распускать государственную думу чаще, чѣмъ одинъ разъ въ 4 года, то пришлось бы и выборы производить въ большемъ количествѣ губерній, чѣмъ устанавливалось проектомъ; а еслибы онъ вовсе не сталъ распускать всѣхъ членовъ государственной думы, то они оставались бы въ ней пожизненно. «Кромѣ общаго увольненія», сказано далѣе въ проектѣ, «члены государственной думы не могутъ оставить свое мѣсто» иначе, какъ по постановленію верховнаго суда (а въ окончательной редакціи прибавлено: «или опредѣленіемъ въ совѣтѣ, сенатѣ и министерство»). «Въ сихъ двухъ послѣднихъ случаяхъ мѣста членовъ занимаются непосредственно однимъ изъ кандидатовъ, въ списокѣ послѣдняго выбора означенныхъ». Тутъ уже выбранные въ члены государственной думы называются лишь «кандидатами», что и соответствовало вышеприведеннымъ правиламъ проекта, такъ какъ выбранные губернскими думами въ государственную думу могли и вовсе не попасть въ нее въ томъ случаѣ, если бы государь долго не пользовался своимъ правомъ распускать думу. «Предсѣдатель государственной думы», сказано въ черновомъ собственноручномъ оригиналѣ проекта, «есть ея канцлеръ по самому своему

¹⁾ Предположеніе проф. Шимана („Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I“, Bd. I, 359), что этими комиссіями должна была и ограничиться дѣятельность государственной думы и что общихъ собраній ея вовсе не должно было быть, ни на чемъ не основано. Это ясно изъ сравненія съ постановленіями объ окружныхъ и губернскихъ думахъ, которыя также устраиваютъ комиссіи изъ своихъ членовъ.

званію». Въ окончательной же редакціи это измѣнено такъ: «Предсѣдатель государственной думы избирается изъ членовъ ея и утверждается державною властію». Въ первыхъ засѣданіяхъ дума образуетъ 6 законодательныхъ комиссій ¹⁾.

Дѣла предлагаются государственной думѣ отъ имени державной власти однимъ изъ министровъ или членовъ государственнаго совѣта. Но государственная дума можетъ сама вносить представленія: 1) о государственныхъ нуждахъ, 2) объ уклоненіи отъ отвѣтственности и 3) о мѣрахъ, нарушающихъ государственные законы. Болѣе подробныя постановленія относительно государственной думы предполагалось внести въ коренные законы, а въ проектѣ Сперанскаго сказано, что ни одинъ законъ *не можетъ имѣть силы, если «не будетъ составленъ въ законодательномъ сословіи»*, и что въ нее должны быть вносимы судебный уставъ, общія правительственныя «учрежденія», постановленія о налогахъ и общенародныхъ повинностяхъ, о продажахъ и залогахъ государственныхъ имуществъ и объ исключительныхъ на нихъ привилегіяхъ и о вознагражденіи частныхъ людей за отчужденіе имуществъ, необходимыхъ для общей пользы.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что въ этомъ проектѣ Сперанскій явился защитникомъ, по примѣру французскихъ конституцій 1791 и 1793 гг., однопалатной системы. Позднѣе, онъ измѣнилъ свои взгляды въ этомъ отношеніи.

Сравнительно съ законодательнымъ корпусомъ наполеоновской Франціи государственная дума, по проекту Сперанскаго, конечно должна была имѣть большее значеніе. Но мы указывали уже на то, что отвѣтственность министровъ могла бы быть сведена къ нулю, если бы того пожелала верховная власть; государь могъ также не обновлять состава государственной думы, если бы онъ оказался соотвѣтственнымъ видамъ правительства. ²⁾ Такимъ образомъ многое зависѣло бы отъ настроенія государя, и если бы оно оказалось нелиберальнымъ, то значеніе государственной думы могло бы сильно уменьшиться. Нужно однако не забывать, что если государь могъ не утвердить проекта закона, одобреннаго государственною думою, то съ другой стороны ни одинъ законъ, и въ томъ числѣ объ установленіи новыхъ налоговъ, не могъ быть изданъ безъ согласія думы, которая, слѣдовательно, является законодательнымъ, а не совѣщательнымъ только учрежденіемъ. Каковы

¹⁾ Губерній 39, ежегодно производятся выборы въ 10 губерніяхъ.

²⁾ По французской конституціи 1791 г. законодательное собраніе не могло быть распущено королемъ (гл. I, п. 5), и обновленіе собранія совершается каждыя два года посредствомъ новыхъ выборовъ (гл. I, п. 2, 4). Но эта конституція была результатомъ революціи, а Сперанскій опирался лишь на соизволеніе верховной власти. Жизнь показала ему, какъ шатка была эта опора.

бы ни были недостатки проекта Сперанскаго, нельзя не признать, что онъ сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло, и если сравнить тѣ уступки, которыя ему, хотя на бумагѣ, удалось вырвать отъ имп. Александра, съ движеніемъ вопроса о государственныхъ преобразованіяхъ въ неофициальныхъ совѣщаніяхъ государя съ его друзьями, гр. Строгановымъ, Новосильцовымъ и кн. Чарторыйскимъ, то нельзя не удивляться тому, какъ велико было вліяніе Сперанскаго. Чтобы еще болѣе оцѣнить положительныя стороны его проекта, стоитъ только сравнить его съ либеральными планами Мордвинова, о которыхъ мы будемъ говорить ниже. Проектъ Сперанскаго имѣетъ большое значеніе уже потому, что онъ порвалъ, наконецъ, съ преданіемъ нѣсколькихъ десятилѣтій, связывавшимъ съ сенатомъ всѣ проекты государственныхъ преобразованій, основанные на выборахъ депутатовъ отъ одного дворянства, а иногда и купечества, и установилъ выборы отъ весьма значительной части населенія не по сословіямъ, а территориально, впрочемъ, не прямые и основанные на имущественномъ цензѣ.

Что касается сената, то Сперанскій оставлялъ за нимъ лишь значеніе высшаго суда для всей имперіи. «По смерти или увольненіи его членовъ 1) мѣста ихъ, съ утвержденія державной власти, замѣщаются лицами, избранными въ губернскихъ думахъ и внесенными въ государственный избирательный списокъ» 2). Президенты департаментовъ сената утверждаются державною властью изъ числа 3 кандидатовъ, выбираемыхъ департаментами изъ среды своихъ членовъ. Сенатъ рѣшаетъ дѣла «при открытыхъ дверяхъ, публично», рѣшенія его печатаются съ изложеніемъ дѣла, выдаются обѣимъ сторонамъ и посылаются въ надлежащіе мѣста для исполненія.

При рассмотрѣніи порядка исполнительнаго, Сперанскій подвергаетъ строгой критикѣ учрежденія министерствъ 1802 г. и, прежде всего, недостатокъ отвѣтственности министровъ. Указавъ на то, что сенатъ не сумѣлъ поддержать своихъ правъ контроля надъ министрами, онъ говоритъ, что «жалѣть о семъ нельзя», такъ какъ, въ случаѣ усиленія значенія сената, образовалось бы «сословіе аристократическое, истиннымъ пользамъ Россіи, самому духу правительства нашего совершенно противное». Въ этомъ отношеніи взгляды Сперанскаго внослѣдствіи рѣзко измѣнились.

Проектъ завершается постановленіями о государственномъ совѣтѣ. 3)

1) Во французской редакціи объ увольненіи не упоминается, и сказано, что сенаторы занимаютъ свое мѣсто пожизненно.

2) Въ одномъ краткомъ наброскѣ государственныхъ преобразованій Сперанскій предоставлялъ назначеніе сенаторовъ государственной думѣ.

3) Проектъ Сперанскаго былъ впервые напечатанъ въ «Историч. обозрѣніи», т. X.

Сперанскій свидѣтельствуеть, что составленный имъ общій планъ преобразованій, «обсужденный и одобренный людьми съ умомъ самымъ здравымъ, самымъ холоднымъ ¹⁾, былъ наконецъ принятъ, какъ руководящее начало дѣйствія и какъ неизмѣнная норма всѣхъ предстоящихъ и желательныхъ преобразованій». Составитель его надѣялся, что къ 1811 г. преобразованія будутъ закончены. 1 Января 1810 г. былъ открытъ въ новомъ видѣ государственный совѣтъ, но, къ концу этого года, Сперанскій уже почувствовалъ, что исполненіе принятаго государемъ плана реформъ откладывается въ дальній ящикъ.

Въ виду этого Сперанскій измѣнилъ предположенія относительно преобразованія сената, включенныя имъ въ проектъ 1809 г., и въ обширномъ проектѣ, оконченномъ въ 1811 г., предлагалъ образовать правительствующій сенатъ одинъ для всей имперіи (изъ министровъ, ихъ товарищей и главныхъ начальниковъ разныхъ частей управленія) и сенатъ судебный изъ сенаторовъ, частью назначаемыхъ государемъ, совершенно по его усмотрѣнію, частью утверждаемыхъ имъ изъ кандидатовъ по выбору отъ дворянства. Судебный сенатъ долженъ былъ размѣститься по 4 судебнымъ округамъ (въ Петербургѣ, Москвѣ, Казани и Кіевѣ). При разсмотрѣніи этого проекта въ государственномъ совѣтѣ, кн. А. Н. Голицынъ высказалъ мнѣніе, что опредѣленіе сенаторовъ по выборамъ умалитъ преимущества самодержавной власти. Напротивъ, Мордвиновъ, Саблуковъ и Алексѣевъ допускали опредѣленіе по выборамъ ²⁾. Проектъ былъ разсмотрѣнъ въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, въ засѣданіяхъ 17, 24, 31 іюля и 7 августа, и утвержденъ имп. Александромъ, но осуществленъ не былъ. Въ 1812 г. Сперанскій, какъ извѣстно, былъ отправленъ въ ссылку. Въ письмѣ къ императору, написанномъ изъ Нижняго-Новгорода въ тотъ же день, когда его привезли туда, Сперанскій высказалъ увѣренность, что рано или поздно государь вернется къ основнымъ началамъ проекта 1809 г.

Ссылка имѣла то вліяніе на политическое міросозерцаніе Сперанскаго, что, вмѣсто отвращенія къ преобладанію аристократіи, которое онъ такъ рѣшительно высказалъ въ своемъ трудѣ 1809 г., онъ сталъ искать орудія для ограниченія произвола именно въ ея усиленіи. Съ этою цѣлью онъ предлагаетъ раздѣлить населеніе Россіи на два класса. Въ составъ высшаго должны войти 3 или 4 первыхъ класса дворянской іерархіи, которымъ слѣдуетъ предоставить право первородства и которые, при созваніи національнаго

¹⁾ Можно предполагать, что въ ихъ числѣ былъ Кочубей.

²⁾ При окончательномъ голосованіи по этому вопросу 15 членовъ полагали допустить опредѣленіе сенаторовъ по выборамъ, согласно проекту, а 7 были противъ этого. Государь утвердилъ мнѣніе большинства.

конгресса, образуютъ верхнюю палату, а остальное дворянство будетъ засѣдать съ депутатами отъ народа. Сперанскій выражаетъ надежду, что, съ открытіемъ конгресса, верхняя палата сама установитъ законъ Петра В. о первородствѣ только для высшихъ классовъ дворянства, но надежда эта могла бы и не оправдаться, такъ какъ законъ Петра В. былъ отмѣненъ въ 1730 г., согласно желанію самого дворянства. Такимъ образомъ, то грубое насиліе, которому Сперанскій совершенно незаслуженно подвергся, и предательское поведеніе относительно него Александра I, вмѣсто благодарности за неустанные труды, привели нашего талантливаго государственнаго дѣятеля къ ошибочной мысли о необходимости искать въ искусственномъ созданіи аристократіи опору для ограниченія самовластиа, которое такъ легко могло быть взято назадъ то, что было обѣщано. Но если въ своемъ новомъ проектѣ, не представленномъ, впрочемъ, государю, но не оставшемся неизвѣстнымъ нѣкоторымъ членамъ образованнаго общества, Сперанскій пытался вновь ввести чуждое русской жизни начало первородства, то по крайней мѣрѣ онъ требовалъ постепеннаго уничтоженія крѣпостного права, въ отличіе въ этомъ отношеніи отъ другого защитника ограниченія сомодержавія, Н. С. Мордвинова, соглашавшагося только на дозволеніе крѣпостнымъ выкупаться на свободу за очень большія суммы.

Сохранился набросокъ Мордвинова съ проектомъ учрежденія двухъ государственныхъ палатъ, по которому, для составленія верхней палаты, дворяне каждой губерніи выбираютъ одного или двухъ представителей. Избранные въ это званіе сохраняютъ его пожизненно и лишаются его не иначе, какъ по судебному приговору. Избранные члены верхней палаты получаютъ ежегодно содержаніе по 50.000 рублей. Освободившіяся вакансіи пополняются посредствомъ новыхъ выборовъ. Нижняя государственная палата составляется изъ народныхъ представителей, избираемыхъ дворянствомъ, купечествомъ, фабрикантами и заводчиками, получающими *чистаго дохода* болѣе 10.000 руб., и вольными владѣльцами, имѣющими не менѣе 1000 дес. земли ¹⁾. Они избираются на 3 года или на 5 лѣтъ. Члены нижней палаты жалованья не получаютъ. Губернскіе города, главные торговые центры и университеты ²⁾ избираютъ отъ себя особо по одному представителю или по два, смотря

1) Для того, чтобы яснѣе понять всю чрезмѣрность ценза, предложеннаго Мордвиновымъ, упомянемъ, что по польской конституціи 1815 г. участвовать въ выборахъ депутата въ сеймъ могъ всякій фабрикантъ и хозяинъ мастерской, всякій купецъ, имѣющій лавку или магазинъ, цѣнность котораго равнялась 10.000 злотыхъ (1500 р. сер.), и всякій собственникъ земли не изъ дворянъ, платящій съ нея какой нибудь налогъ.

2) Представительство университетовъ было очевидно заимствовано Мордвиновымъ изъ англійской конституціи.

по своей величинѣ, а Петербургъ и Москва по три представителя. Такъ какъ въ Россіи считалось тогда до 40 милліоновъ душъ обою пола, то, полагая по одному представителю на 100.000 душъ, число членовъ нижней палаты будетъ 400. Обѣ палаты заседаютъ съ 1 октября по 1 марта и на остальные семь мѣсяцевъ въ году распускаются, чтобы каждый членъ ихъ, возвратившись въ свою губернію, могъ узнавать о народныхъ нуждахъ, о томъ, какіе новые законы необходимы, какіе старые непригодны.

Сравнивая этотъ проектъ Мордвинова съ проектомъ Сперанскаго 1809 г., мы видимъ, что они не имѣютъ никакихъ точекъ соприкосновенія. По проекту Сперанскаго, государственная дума состоитъ изъ одной палаты, Мордвиновъ предлагаетъ учредить ихъ двѣ. Что касается состава нижней палаты, соответствующей государственной думѣ Сперанскаго, то выгодное отличіе проекта Мордвинова состоитъ въ системѣ прямыхъ выборовъ, а не трехъ-степенныхъ, какъ у Сперанскаго. Но зато, хотя въ основу тѣхъ и другихъ выборовъ положенъ имущественный цензъ, по мысли Сперанскаго цензъ этотъ очевидно долженъ быть гораздо ниже, чѣмъ въ проектѣ Мордвинова. Мордвиновъ не назначаетъ депутатамъ нижней палаты никакого содержанія, между тѣмъ какъ членовъ верхней палаты надѣляется огромнымъ жалованьемъ. Онъ вѣроятно желаетъ, чтобы, вмѣстѣ съ пожизненностью, званіе это сдѣлало болѣе независимыми отъ вліянія правительства членовъ верхней палаты, въ которой онъ видитъ главный оплотъ противъ самодержавія. Депутаты нижней палаты избираются по проекту Мордвинова на определенное время (3—5 лѣтъ), Сперанскій также колеблется между этими сроками выборовъ, но, какъ уже было указано, при желаніи государя, члены государственной думы могли, по проекту Сперанскаго, сдѣлаться въ дѣйствительности пожизненными, и тогда огромное большинство выбранныхъ губернскими думами депутатовъ вовсе не попадало бы въ государственную думу. Такимъ образомъ и вслѣдствіе принятой Мордвиновымъ двухпалатной системы, при чемъ выборы въ верхнюю палату производятся одними дворянами, и вслѣдствіе предложеннаго имъ крайне высокаго имущественнаго ценза для выбора въ нижнюю палату, его проектъ отличается гораздо болѣе аристократическимъ характеромъ, чѣмъ проектъ Сперанскаго 1809 г.

Что касается второго, позднѣйшаго, какъ мы думаемъ, проекта Сперанскаго, то онъ имѣетъ сходство съ изложеннымъ проектомъ Мордвинова въ томъ отношеніи, что также принимаетъ двухпалатную систему, но верхняя палата по этому проекту Мордвинова составляется не изъ первыхъ четырехъ классовъ дворянства, какъ во второмъ проектѣ Сперанскаго, а такъ же, какъ и

нижняя, основывается на выборах, производимых однимъ дворянствомъ, съ тѣмъ отличіемъ, что Мордвиновъ, несмотря на всѣ свои англоманскія симпатіи, не предлагаетъ еще на этотъ разъ установить наследственность званія членовъ верхней палаты по праву первородства. Мы видѣли, что въ 1802 г. даже такой англоманъ, какъ гр. С. Р. Воронцовъ, находилъ принципъ наследственности званія сенаторовъ несоотвѣтствующимъ условіямъ русской жизни. Весьма вѣроятно, что Мордвиновъ набросалъ изложенный проектъ до паденія Сперанскаго, а послѣ его ссылки составилъ второй проектъ устройства верхней палаты, которая, какъ и во второмъ проектѣ Сперанскаго, основана уже на наследственности званія по праву первородства. Этотъ второй проектъ Мордвинова состоитъ въ слѣдующемъ.

Государь жалуетъ въ званіе члена «государственной думы» (или «думы вельможъ», «верховой палаты», какъ первоначально хотѣлъ назвать ее Мордвиновъ), а потомъ это званіе дѣлается наследственнымъ и переходитъ всегда къ старшему сыну. Каждый «вельможа», при пожалованіи его въ это званіе, получаетъ изъ казенныхъ имуществъ не менѣе 10.000 душъ (м. п.); ихъ наследуетъ старшій сынъ, который по смерти отца занимаетъ его мѣсто, если достигъ совершеннолѣтія; но получить голосъ въ думѣ можно только въ возрастѣ 24 лѣтъ. Имѣнія, составляющія принадлежность достоинства вельможи, не могутъ быть ни проданы, ни подарены, ни заложены, доходы съ нихъ также не могутъ быть «упрочены» ни за кѣмъ другимъ: они всегда переходятъ по наследству къ старшему сыну, а если сына нѣтъ, то возвращаются въ казну.

Государственная дума, по этому плану Мордвинова, должна была состоять изъ 50 членовъ, слѣдовательно для ихъ надѣленія потребовалось бы 500.000 душъ крестьянъ (м. п.). Проектъ этотъ составленъ не ранѣе 1814 г.¹⁾ Повидимому онъ являлся замѣною постановленій о верхней палатѣ въ изложенномъ выше проектѣ Мордвинова о двухъ государственныхъ палатахъ, въ которомъ верхняя основывалась на другомъ началѣ,—избраніи

1) Въ такъ называемой сенатской конституціи, данной во Франціи 6—9 Апрѣля 1814 г. (п. 6), было сказано: „Сенаторы носимыямы, и ихъ званіе передается по наследству въ мужскомъ потомствѣ по праву первородства. Они назначаются королемъ. Нынѣшнія имущества, предназначенныя для сената и сенатскихъ должностей, принадлежатъ имъ. Доходы дѣлятся между ними поровну, и это право переходитъ къ ихъ наследникамъ. Если случится, что умереть кто либо изъ сенаторовъ безъ прямого мужского потомства, его доля возвращается въ казну“. Ясно, что основная мысль проекта Мордвинова заимствована отсюда, нѣкоторыя же черты, а именно установленіе различнаго возраста для вступленія въ думу и для полученія въ ней права голоса могло быть заимствовано изъ хартіи 1814 г. Людовика XVIII (постановленіе о палатѣ пэровъ, п. 28).

дворянствомъ своихъ представителей. Вѣроятно послѣ паденія Сперанскаго, Мордвиновъ возвратился къ мысли, бѣгло высказанной имъ еще въ 1802 г. по поводу преобразованія сената, о необходимости созданія «знатнаго сословія», въ которомъ онъ теперь видѣлъ единственное средство для ограниченія самодержавія. Мысль Мордвинова не симпатична уже потому, что онъ посягалъ на передачу во владѣніе «вельможъ» огромнаго количества казенныхъ крестьянъ. Это напоминаетъ намъ, что при Екатеринѣ II кн. М. М. Щербатовъ, другой представитель аристократическихъ воззрѣній, также мечтавшій объ ограниченіи политическаго произвола, сначала находилъ полезнымъ отобранныя отъ духовенства населенныя имѣнія отдавать дворянамъ въ аренду, а позднѣе предлагалъ и эти имѣнія, и государственныхъ крестьянъ продавать по невысокой цѣнѣ, и при этомъ даже не требовать отъ покупателей денегъ, а только взыскивать проценты, взявъ въ залогъ эти самыя деревни.

Но если въ соціально-политическихъ взглядахъ Мордвинова много несимпатичнаго, то все же за свой политическій либерализмъ онъ пользовался сочувствіемъ декабристовъ Сѣвернаго Общества, и Н. И. Тургеневъ передаетъ его полный глубокаго убѣжденія вопросъ: «кто мететъ лѣстницу снизу?» Извѣстно, что декабристы намѣчали Мордвинова вмѣстѣ со Сперанскимъ и Ермоловымъ въ члены временнаго правительства. Любопытно и то, что Н. И. Тургеневу были извѣстны оба проекта Сперанскаго.

Въ исторіи политическихъ идей въ Россіи нельзя обойти польскую конституціонную хартію 1815 г., такъ какъ она послужила главнымъ источникомъ при составленіи Ново-сильцовымъ проекта предназначенной для Россіи конституціи. Говоря о роли императора Александра относительно Польши, не пужно забывать, что какъ бы ни былъ неудовлетворителенъ конституціонный статутъ герцогства Варшавскаго 1807 г., все же поляки, при присоединеніи къ Россіи земель, вошедшихъ въ составъ царства польскаго, уже имѣли свою конституцію, и потому, желая привлечь ихъ на свою сторону, нельзя было соблазнить ихъ прелестями русскаго самодержавія, а нужно было предложить что нибудь лучшее.

Но польской конституціонной хартіи, «свобода печати гарантирована», но законъ долженъ былъ установить мѣры, чтобы «обуздывать злоупотребленія ею». Никто не могъ быть арестованъ иначе, какъ согласно формамъ и въ случаяхъ, установленныхъ закономъ. Арестованному должно немедленно письменно объявить о причинахъ его ареста. Всякій арестованный, не позже 3 дней, долженъ быть представленъ въ соотвѣтственный трибуналъ для

производства допроса или суда, согласно установленнымъ формамъ. Если послѣ первыхъ допросовъ онъ будетъ признанъ невиновнымъ, то тотчасъ освобождается. Никто не можетъ быть высланъ за предѣлы королевства, за исключеніемъ случаевъ изгнанія (это постановленіе было направлено противъ ссылки въ Сибирь и различныя губерніи европейской Россіи). Конфискація имущества уничтожается и не можетъ быть восстановлена. Важнымъ ограниченіемъ политическихъ правъ населенія является то, что мѣста пословъ, депутатовъ и сенаторовъ, а также и служащихъ въ нѣкоторыхъ судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ могли занимать *только поземельные собственники* (ст. 29).

Національнымъ представительствомъ Царства Польскаго служитъ сеймъ, составленный изъ короля и двухъ палатъ: сената и палаты пословъ и депутатовъ отъ городовъ.

Исполнительная власть исходитъ отъ короля, всѣ указы и декреты котораго скрѣпляются соотвѣтственными министрами.

Обыкновенный сеймъ собирается въ Варшавѣ разъ въ два года и созывается королемъ; онъ засѣдаетъ 30 дней. Только король можетъ продлить или отсрочить засѣданія сейма и распустить его. Впродолженіи дѣятельности сейма члены его могутъ быть арестованы и судимы уголовнымъ судомъ только съ согласія той палаты, къ которой они принадлежатъ. Сеймъ обсуждаетъ всѣ проекты гражданскихъ, уголовныхъ и административныхъ законовъ, которые король передаетъ ему чрезъ государственный совѣтъ, а также всѣ внесенные по приказанію короля проекты измѣненія конституціонныхъ властей, т. е. сейма, государственнаго совѣта, судебныхъ учреждений и правительственныхъ комиссій. Разсмотрѣнію сейма подлежатъ также, на основаніи сообщеній государя, увеличеніе или уменьшеніе налоговъ, податей и повинностей, составленіе бюджета, монетная система, наборъ рекрутъ. Наконецъ, сеймъ принимаетъ сообщенія, представленія и ходатайства, предъявленные послами и депутатами общинъ въ пользу ихъ довѣрителей. Онъ передаетъ ихъ государственному совѣту для представленія государю, и если король прикажетъ отослать ихъ въ сеймъ, то послѣдній обсуждаетъ проекты законовъ, вызванные этими ходатайствами. Если сеймъ не утвердитъ новаго бюджета, прежній сохраняетъ силу до будущей сессіи. Однако бюджетъ считается дѣйствительнымъ лишь до истеченія 4 лѣтъ, если сеймъ не будетъ созванъ въ это время. Засѣданія обѣихъ палатъ публичны. Проекты законовъ, составленные въ государственномъ совѣтѣ, вносятся въ сеймъ по приказанію короля членами этого совѣта, причемъ отъ короля зависитъ внести проектъ въ сенатъ или въ палату пословъ и депутатовъ, кромѣ финансовыхъ проектовъ, которые должны быть представлены сначала непременно въ

палату пословъ и депутатовъ. Проектъ, принятый одною палатою, переходитъ въ другую, которая не можетъ его измѣнить, а только принять или отвергнуть. Проектъ, принятый обѣими палатами, представляется на утвержденіе короля, который можетъ въ немъ и отказать.

Сенатъ состоитъ изъ принцевъ крови, епископовъ (извѣстнаго числа католическихъ и одного униатскаго), воеводъ и кастеляновъ. Сенаторы назначаются королемъ пожизненно изъ двухъ кандидатовъ, представляемыхъ ему сенатомъ.

Палата пословъ составляется изъ: 1) 77 пословъ, избранныхъ въ уѣздныхъ собраніяхъ дворянъ и 2) изъ 51 депутата отъ городскихъ обществъ ¹⁾. Такимъ образомъ, представители дворянства составляли въ сеймѣ большинство, и слѣдовательно законодательство было отдано въ сущности въ руки дворянства. Члены палаты пословъ исполняютъ свои обязанности въ теченіи 6 лѣтъ, при чемъ въ каждые два года палата обновляется по жребію на $\frac{1}{3}$. Чтобы быть выбраннымъ въ члены палаты пословъ, надо имѣть 30-лѣтній возрастъ и платить подать въ 100 злотыхъ (15 руб. сер.). Если король распуститъ палату, то въ теченіи двухъ мѣсяцевъ производятся новые выборы пословъ и депутатовъ. Дворяне-землевладельцы cadaго уѣзда, собравшіеся на сеймикъ, избираютъ одного посла; собраніе cadaго городского округа избираетъ также одного депутата. На городскія собранія допускаются: 1) всякій собственникъ не изъ дворянъ, платящій съ своей земельной собственности какой нибудь налогъ; 2) всякій фабрикантъ и хозяинъ мастерской, всякій купецъ, имѣющій лавку или магазинъ, цѣнность котораго равняется 10.000 злотыхъ; 3) все священники и викаріи; 4) профессора, наставники и др. лица, занимающіеся народнымъ просвѣщеніемъ; 5) всякій художникъ, отличившійся своими талантами, познаніями или услугами, оказанными торговлѣ и ремесламъ.

Если мы сравнимъ польскую хартію 1815 г. съ проектомъ Сперанскаго 1809 г. то найдемъ, что положительную ея сторону прежде всего составляетъ установленіе извѣстныхъ общихъ «гарантій»: свободы печати, охраненія личныхъ правъ въ случаѣ ареста и отдачи подъ судъ,—обо всемъ этомъ въ проектѣ Сперанскаго 1809 г., не упоминается, хотя въ запискѣ 1803 г. онъ говоритъ о необходимости свободы печати «въ извѣстныхъ, съ точностью опредѣленныхъ границахъ». Польская хартія устанавливаетъ присягу конституціи со стороны государя; Сперанскій объ этомъ не упоминаетъ. Отрицательную сторону польской хартіи

¹⁾ На сеймѣ 1818 г. было всего 126 пословъ и депутатовъ. *Siarczynski. Diète du royaume de Pologne 1818. Varsovie, p. 273—279.*

составляетъ принятіе двухпалатной системы, при которой къ тому же верхняя палата (сенатъ) составляется изъ членовъ не по выбору, а по назначенію, и только изъ лицъ (если они свѣтскаго званія), владѣющихъ землею и уплачивающихъ значительное количество налоговъ. Напротивъ, Сперанскій въ проектѣ 1809 г. является защитникомъ однопалатной системы. Государственная дума на основахъ, предложенныхъ Сперанскимъ, имѣла бы тѣ преимущества предъ польскимъ сеймомъ, что она должна была собираться ежегодно по коренному закону въ опредѣленное время и что продолжительность ея сессіи обуславливалась количествомъ предлагаемыхъ ей дѣлъ, а не извѣстнымъ числомъ дней; но въ проектѣ Сперанскаго нѣтъ установленной польскою хартіею обязательной смѣны состава собранія по третямъ, и если бы государь не распускалъ всей думы, на что онъ имѣлъ право, то дума могла бы обновляться только путемъ смерти ея членовъ, занятіемъ ими другой должности или опредѣленіемъ верховнаго суда относительно того или другого изъ ея членовъ. У Сперанскаго не упоминается о публичности засѣданій государственной думы, между тѣмъ какъ на основаніи польской хартіи засѣданія обѣихъ палатъ сейма публичны; впрочемъ относительно государственной думы Сперанскій считалъ необходимымъ изданіе болѣе подробнаго закона. Къ числу недостатковъ польской хартіи принадлежитъ то, что правительство въ теченіи 4 лѣтъ можетъ пользоваться старымъ бюджетомъ; Сперанскій возлагаетъ разсмотрѣніе бюджета на государственный совѣтъ, но для всѣхъ постановленій о налогахъ и повинностяхъ необходимо согласіе государственной думы. По польской хартіи, представленныя въ сеймъ ходатайства могутъ быть имъ разсматриваемы, если того пожелаетъ государь, между тѣмъ какъ по проекту Сперанскаго «представленія о государственныхъ нуждахъ» принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя разсматриваются думою не по инициативѣ державной власти, а по собственному желанію думы. Что касается выборнаго права, то трудно произвести точное сравненіе между проектомъ Сперанскаго и польскою хартіею, такъ какъ Сперанскій не даетъ точныхъ цифръ имущественнаго ценза. Напомнимъ только, что въ то время какъ въ русскомъ проектѣ 1809 г. лица «средняго состоянія» имѣютъ политическія права лишь на основаніи владѣнія недвижимою собственностью, въ польской хартіи основаніи участвовать въ выборахъ для депутатовъ отъ городовъ были шире: и уплата «какого нибудь налога» съ земельной собственности, и обладаніе фабрикою и мастерскою, а также магазиномъ извѣстной цѣнности, и званіе священника или викарія, и занятіе просвѣщеніемъ народа, и отличіе въ области художествъ; но зато Сперанскій привлекалъ всѣхъ казенныхъ крестьянъ чрезъ ихъ уполномоченныхъ

къ участию въ выборахъ. По польской хартіи выборы были прямые, по проекту же Сперанскаго—трехстепенные, а для казенныхъ крестьянъ даже четырехстепенные. И польская хартія, и проектъ Сперанскаго устанавливаютъ отвѣтственность министровъ, но первая предоставляетъ намѣстнику право рѣшать дѣла въ административномъ отдѣленіи государственнаго совѣта по своему усмотрѣнію, лишь посовѣтовавшись съ министрами.

Н. С. Мордвиновъ очень сочувственно отнесся къ дарованію Польшѣ конституціи. Въ замѣткѣ, написанной въ 1816 г. по-французски, онъ говоритъ: «Россія съ своимъ самодержцемъ долго останется бѣдною и слабою, и ея просвѣщеніе не будетъ дѣлать такихъ успѣховъ, какъ въ конституціонныхъ странахъ. Польша—маленькая страна, но, будучи представительной монархіей, можетъ стать даже болѣе могущественною, чѣмъ рабская Россія».

Быть можетъ въ виду дарованія конституціи Польшѣ Мордвиновъ составилъ въ 1816 г. проектъ привлеченія областныхъ представителей къ участию въ засѣданіяхъ государственнаго совѣта и сената, но съ сохраненіемъ однако самодержавія: они «могли быть» призываемы (какъ по дѣламъ своей области, такъ и по общимъ государственнымъ дѣламъ) въ засѣданія департаментовъ совѣта и сената и въ общія ихъ собранія. Проектъ этотъ, написанный въ 1816 г., былъ оставленъ Мордвиновымъ (при его отъѣздѣ въ 1818 г. на два года за границу) для представленія имп. Александру. Въ первоначальной редакціи и при возстановленіи по памяти для сообщенія въ Лондонѣ Бентаму, этотъ проектъ имѣлъ нѣсколько болѣе опредѣленный характеръ, но мы не можемъ входить здѣсь въ разсмотрѣніе разныхъ его редакцій, довольствуясь тою, которую авторъ предназначалъ для представленія имп. Александру I.

15/27 марта польскій сеймъ былъ открытъ рѣчью, произнесенною государемъ на французскомъ языкѣ, въ которой онъ, между прочимъ, сказалъ, что надѣется распространить вліяніе «законно-свободныхъ учреждений» на всѣ страны, ввѣренныя провидѣніемъ его попеченію. «Вы мнѣ подали средство», заявилъ имп. Александръ, «явить моему отечеству то, что я уже съ давнихъ лѣтъ ему приуготовляю, и чѣмъ оно воспользуется, когда начала столь важнаго дѣла достигнутъ надлежащей зрѣлости». Варшавская рѣчь имп. Александра произвела въ Россіи очень сильное впечатлѣніе.

Нужно замѣтить однако, что имп. Александръ I нарушилъ присягу соблюдать польскую конституціонную хартію. Вопреки ея постановленію, провозглашающему свободу печати, 22 мая 1819 г., вмѣсто изданія закона, устанавливающего отвѣтственность печати въ извѣстныхъ случаяхъ, были подчинены предварительной цензурѣ всѣ повременныя изданія, а 16 іюли того же года эта мѣра распространена и на книги. Въ 1820 г. сеймъ былъ созванъ,

но затѣмъ онъ не собирался 5 лѣтъ, хотя долженъ былъ засѣдать каждыя два года. На сеймѣ 1820 г. депутатъ калишскаго воеводства Нѣмцевскій былъ не только лишенъ за рѣзкость рѣчи возможности участвовать въ засѣданіяхъ, но ему запрещено было даже пребываніе въ Варшавѣ, во время присутствія тамъ государя. Когда, несмотря на это, въ Калишѣ были избраны послами братья Нѣмцевскіе, то выборы были признаны незаконными, и сеймикъ былъ распущенъ. Наконецъ, указомъ имп. Александра I, 3 февраля 1825 г., обычныя засѣданія сейма были объявлены закрытыми, публичными же были оставлены лишь засѣданія при открытіи и закрытіи сейма и для обнародованія королевскаго утвержденія принятыхъ проектовъ законовъ. Въ этомъ же году государь приказалъ, при печатаніи протоколовъ сейма, сообщать только результаты обсужденія и число поданныхъ голосовъ при принятіи или отверженіи проекта закона, не сообщая именъ ораторовъ. Братья Нѣмцевскіе не были допущены на сеймъ 1825 г. Все это показываетъ, что имп. Александръ не стѣснялся нарушать утвержденную имъ конституцію.

Въ 1818 г. государь поручилъ составить проектъ «уставной грамоты» для Россіи Новосильцову, который, будучи русскимъ комиссаромъ въ Польшѣ, игралъ тамъ роль самую реакціонную. Въ октябрѣ 1819 г. прусскій консулъ въ Варшавѣ, Шмидтъ, сообщилъ своему министру, что имп. Александръ только что передъ отъѣздомъ изъ Варшавы, послѣ совѣщанія съ Новосильцовымъ, принялъ основныя начала конституціи Россіи.

На этой основѣ должно было разработать весь проектъ и представить государю не позже, какъ черезъ 2 мѣсяца. Австрійскій посланникъ въ Петербургѣ въ февралѣ 1820 г. извѣстилъ свое правительство, что проектъ конституціонной хартіи существуетъ, но что государь скрываетъ его даже отъ своихъ министровъ; посланникъ высказывалъ мнѣніе, что никакой конституціи не дадутъ. Дѣйствительно, хотя проектъ государственной грамоты былъ окончательно составленъ, но обнародованъ не былъ.

Изъ 191 статьи проекта «Уставной Грамоты» 122, какъ указано въ рукописи, заимствованы изъ польской конституціонной хартіи, а относительно 47 отмѣчено, что это новыя статьи.

Въ «Уставной Грамотѣ» постановлено, что «законодательной власти государя содѣйствуетъ государственный сеймъ» ¹⁾; между тѣмъ, въ польской хартіи, сказано, что «законодательная власть заключается (*réside*) въ лицѣ короля и въ двухъ палатахъ сейма» (ст. 86). Мѣстные законы постановляются государемъ при содѣй-

¹⁾ Во французской редакціи „Уставной Грамоты“: „le pouvoir législatif s'exerce par le souverain concurremment avec la Diète de l'Empire“ (ст. 13).

ствіи сеймовъ намѣстничествъ, учрежденіе которыхъ (т. е. этихъ сеймовъ) составляетъ особенность Уставной Грамоты. Какъ законы, такъ и уставы, учрежденія, указы, повелѣнія, рескрипты и постановленія скрѣпляются тѣмъ или другимъ министромъ, который и отвѣчаетъ за все, противное въ нихъ «правиламъ уставной грамоты» (*principes constitutifs de l'Empire*)» ¹⁾ и законамъ (ст. 34).

Въ «Уставной Грамотѣ», какъ и въ польской хартіи устанавливаются общія гарантіи: «ручательства державной власти» (*dispositions générales, garanties par la souveraineté*) ²⁾. Почти все они соотвѣтствуютъ постановленіямъ польской хартіи съ нѣкоторыми отмѣнами. Такъ представленіе задержаннаго къ допросу или суду должно также производиться въ теченіе 3 сутокъ, но прибавлено «въ рѣдкихъ же токмо случаяхъ, въ которыхъ розысканіе требовало бы отсрочки, не позже 6 сутокъ» (ст. 85, польск. харт. ст. 21). Прибавлена слѣдующая новая статья: «Всякое самопроизвольное задержаніе вмѣняется въ преступленіе, подвергающее наказанію, означенному въ уголовномъ правѣ» (ст. 83). О свободѣ печати говорится въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и въ польской хартіи (ст. 89, польск. харт. ст. 16).

Государственный сеймъ, или государственная дума, созывается каждыя 5 лѣтъ, а частные сеймы намѣстническихъ областей—каждые 3 года ³⁾.

Сеймы намѣстническихъ областей состоятъ изъ государя и двухъ палатъ: высшая палата образуется изъ одного департамента сената, присутствующаго въ главномъ городѣ намѣстничества; земская посольская палата составляется изъ $\frac{2}{3}$ избраннаго въ намѣстничествѣ числа пословъ и депутатовъ, *утвержденныхъ государемъ* (ст. 102).

Въ отличіе отъ польской хартіи выборы по «Уставной Грамотѣ» двухстепенные. При закрытіи сейма палата земскихъ пословъ и депутатовъ каждаго намѣстничества приступаетъ къ выбору изъ своей среды земскихъ пословъ и депутатовъ, изъ которыхъ составляется вторая палата общаго государственнаго сейма. Число избранныхъ должно составлять четверть состоящихъ налицо пословъ и депутатовъ намѣстническаго сейма.

Высшую палату общаго государственнаго сейма образуетъ сенатскій департаментъ, присутствующій въ одной изъ двухъ столицъ, съ прибавленіемъ къ нему, по назначенію государя, на время засѣданій сейма, известнаго числа сенаторовъ изъ другихъ

¹⁾ Въ польской хартіи: „à la constitution“.

²⁾ Въ польской хартіи: „garanties générales“.

³⁾ Въ обѣихъ столицахъ, Петербургѣ и Москвѣ, созываются столичные сеймы, дѣйствующіе на тѣхъ же основаніяхъ, какъ намѣстническіе сеймы.

департаментовъ. Палата земскихъ пословъ составляется *по назначенію государя* изъ половиннаго числа пословъ и депутатовъ каждой намѣстнической области, *избранныхъ* посольскою палатою. Какъ и въ польской хартіи, никто изъ членовъ сейма, во время его засѣданій, не можетъ быть задержанъ и судимъ уголовнымъ судомъ безъ вѣдома той палаты, къ которой онъ принадлежитъ; какъ и въ польской хартіи, проекты финансовыхъ законовъ сначала должны быть вносимы въ палату земскихъ пословъ. Проекты, вносимые на сеймъ, по волѣ государя, не считаются ни одобренными, ни утвержденными, почему сеймамъ предоставляется полная свобода высказывать относительно ихъ свое мнѣніе ¹⁾. Какъ и въ польской хартіи, засѣданія обѣихъ палатъ публичны, но, по предложенію $\frac{1}{10}$ части наличныхъ членовъ, засѣданіе можетъ быть сдѣлано закрытымъ. Какъ и въ польской хартіи, проектъ, принятый одною палатою, или принимается, или отвергается другою, принятый же обѣими, утверждается или отвергается государемъ.

Въ сенатѣ, въ отличіе отъ польской конституціи, духовныя лица не присутствуютъ; сенаторы назначаются государемъ, но не изъ кандидатовъ, представляемыхъ сенатомъ (ст. 136, ср. польск. харт. ст. 110). Одно изъ условій, необходимыхъ для того, чтобы быть сенаторомъ, составляетъ полученіе ежегоднаго *дохода* съ принадлежащаго ему недвижимаго имѣнія не менѣе 1000 руб. (сер. ²⁾).

Половинное число членовъ польской палаты возобновляется при каждомъ новомъ сеймѣ. Въ числѣ условій для того, чтобы быть избраннымъ въ эту палату, были 30-лѣтній возрастъ и уплата поземельной и всякой другой подати не менѣе той суммы, которая будетъ опредѣлена во всякой намѣстнической области, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ.

Дворяне cadaго уѣзда, владѣющіе недвижимымъ имѣніемъ и достигшіе 25-лѣтняго возраста, избираютъ на уѣздныхъ дворянскихъ собраніяхъ 3 земскихъ пословъ, изъ которыхъ $\frac{2}{3}$, какъ уже было упомянуто, назначаются государемъ въ посольскую палату намѣстническаго сейма.

Городскія общества собираются каждыя три года для производства выборовъ. «Къ выбору депутатовъ отъ окружнаго градскаго общества допускаются: 1) настоящіе обыватели города, имѣющіе въ немъ дома или иныя строенія, мѣста или земли, равно какъ и обыватели не изъ дворянъ, жительствующие внѣ

¹⁾ Новая статья.

²⁾ По польской конституціи уплата ежегодно налога въ 300 р. с.

города, но въ томъ же уѣздѣ, къ которому угородъ принадлежитъ, и имѣющіе въ семъ уѣздѣ домъ или другую недвижимую собственность. 2) Всѣ состоянія, извѣстныя подъ именемъ именитыхъ гражданъ, какъ-то: ученые, имѣющіе академическіе или университетскіе аттестаты, художники 3-хъ главныхъ художествъ—архитектуры, живописи и скульптуры, банкиры, капиталисты и кораблехозяева. 3) Купцы первыхъ двухъ гильдій, и 4) цеховые мастера» (ст. 166). «Всѣ евреи, не исключая и тѣхъ, кои записаны въ гильдіи или имѣютъ недвижимую собственность, участіи въ собраніяхъ окружныхъ градскихъ обществъ не имѣютъ» (ст. 167). Этой статьи въ польской конституціи нѣтъ, но въ ней сказано, что «различіе *христіанскихъ* исповѣданій не обусловливаетъ никакого различія въ пользованіи гражданскими и политическими правами» (ст. 11), слѣдовательно евреямъ не было дано и въ Польшѣ политическаго равноправія съ христіанскимъ населеніемъ¹⁾. Въ городахъ съ населеніемъ болѣе 8,000 жителей, исключая столицъ, выборы въ намѣстническій сеймъ двухъстепенные: избирательныя собранія устриваются въ каждой части города; въ каждомъ изъ нихъ выбираютъ 3 гласныхъ въ общее гражданское собраніе, а это послѣднее выбираетъ 3 депутатовъ въ намѣстническій сеймъ (ст. 168); но такъ какъ депутаты въ общій государственный сеймъ выбираются намѣстническими сеймами, то выборы въ такихъ городахъ будутъ, слѣдовательно, трехъстепенными. Въ столицахъ же, Петербургѣ и Москвѣ, каждая городская часть избираетъ одного депутата (или, собственно говоря, кандидата въ депутаты) въ столичный сеймъ (ст. 170), который соотвѣтствуетъ намѣстническому сеймамъ (ст. 125). Чтобы участвовать въ собраніи городского общества, нужно имѣть 25 лѣтъ (ст. 171)²⁾.

Мы видимъ такимъ образомъ, что проектъ, составленный Новосильцовымъ, является сколкомъ съ польской конституціонной хартіи, но только въ значительно ухудшенномъ видѣ: весьма серьезными ухудшеніями было введеніе двухъстепенныхъ выборовъ вмѣсто прямыхъ и назначеніе государемъ пословъ и депутатовъ изъ числа выбранныхъ въ намѣстническіе сеймы, а также выбранныхъ намѣстническими и столичными сеймами въ общую государственную думу. Если бы проектъ Новосильцова былъ осуществленъ, то такая конституція еще менѣе оградила бы Россію отъ правительственнаго произвола, чѣмъ была ограждена Польша конституціонною хартіею 1815 г.

¹⁾ Напротивъ, въ хартіи Людовика XVIII 1814 г. (4—10 іюня), многими статьями которой воспользовались составители польской конституціи, нѣтъ лишенія лицъ, принадлежащихъ къ нехристіанскимъ исповѣданіямъ, политическаго и гражданскаго равноправія.

²⁾ Статей 125, 168, 170 и 171 нѣтъ въ польской хартіи.

Конституціонныя теченія проявились не только въ высшихъ сферахъ, но и въ обществѣ, литературѣ и наукѣ, при чемъ большую роль сыграла западно-европейская политическая литература. Въ 1806 г. былъ напечатанъ, по повелѣнію государя, переводъ вышедшаго въ 1771 г. по-французски сочиненія Де-Лольма объ англійской конституціи. Переводъ книги Монтескье «О духѣ законовъ» вышелъ въ 2 изданіяхъ. Появился также переводъ сочиненій Бентама. Книги эти проникали въ самые глухіе провинціальныя города. Такъ, въ одномъ уѣздномъ городѣ Воронежской губ., въ половинѣ десятихъ годовъ, у многихъ жителей, даже купцовъ и мѣщанъ, были коллекціи книгъ серьезнаго содержанія, въ томъ числѣ сочиненія Де-Лольма, Монтескье, Беккариа и др. на русскомъ языкѣ. Въ обществѣ этого маленькаго городка живо обсуждались вопросы внѣшней и внутренней политики; иные восхищались представительными формами правленія. Послѣ этого нисколько не удивительно, что купцы гостинаго двора въ Петербургѣ открыто собирались (въ началѣ 1820-хъ гг.) группами и разсуждали о необходимости конституціи.

Новыя либеральныя теченія охватили и нѣкоторыхъ университетскихъ профессоровъ. Таковы: профессоръ царскосельскаго лицея, а затѣмъ и петербургскаго университета, Куницынъ (авторъ изданнаго въ 1818—20 гг. сочиненія «Право естественное», признаннаго главнымъ правленіемъ училищъ «клоняющимся къ ниспроверженію всѣхъ связей семейственныхъ и государственныхъ»), который былъ удаленъ изъ университета и лицея, и профессора Германъ и Арсеньевъ, обвинявшіеся въ 1821 г. въ непризнаніи законности верховной власти, вслѣдствіе того, что въ своихъ лекціяхъ они обнаружили нѣкоторое сочувствіе конституціонному образу правленія; они лишились мѣста, и ихъ сочиненія было недозволено употреблять въ качествѣ руководствъ въ учебныхъ заведеніяхъ ¹⁾.

Вольнолюбивыя идеи, бродившія въ обществѣ, и особенно среди молодежи, нашли выраженіе въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Пушкина, каковы напр. посланіе «Къ Чаадаеву» (1818 г.), «Сказки» (Noël, 1818 г.), гдѣ авторъ скептически относится къ предположенію, высказанному имп. Александромъ въ Варшавѣ относительно дарованія Россіи конституціи, «Вольность» (1820 г.), которая была одною изъ причинъ его ссылки, «Кинжалъ» (1821 г.), «Андрей

¹⁾ Въ 1818 г., въ «Сынѣ Отечества» появилась статья Куницына „О конституціи“, гдѣ онъ въ своемъ сочувствіи къ представительному образу правленія опирался на рѣчь государя, произнесенную въ томъ же году на варшавскомъ сеймѣ. Вслѣдъ затѣмъ „обо всемъ, касающемся правительства“, было дозволено писать „только по волѣ самого правительства“, „частнымъ же лицамъ“, не разрѣшалось говорить въ печати о политическихъ предметахъ ни за, ни противъ.

Шенье» (1825 г.) и нѣкоторыя др. Произведенія Пушкина настолько извѣстны, что мы приведемъ лишь немногія мѣста изъ «Вольности», которая быть можетъ была навѣяна соответственнымъ произведеніемъ Радищева.

... „Гдѣ ты, гдѣ ты, гроза царей,
Свободы грозная пѣвица?
Приди, сорви съ меня вѣнокъ,
Разбей изнѣженную лиру:
Хочу воспѣть я вольность міру,
На тронѣ поразить порокъ.

Владыки! вамъ вѣнецъ и тронъ
Даетъ законъ, а не порода;
Стоите выше вы народа,
Но вѣчный выше васъ законъ.
И горе, горе племенамъ,
Гдѣ дремлетъ онъ неосторожно“...

Стихотвореніе оканчивается описаніемъ того, что пѣвецъ въ полуденный часъ, глядя на заброшенный дворецъ, «пустынный памятникъ тирана», Михайловскій замокъ, видитъ, какъ въ него идутъ убійцы имп. Павла. Въ заключеніе поэтъ говоритъ:

... „Погибъ увѣнчанный злодѣй.
Внемлите истинѣ, цари:
Ни наказанья, ни награды,
Ни мракъ темницъ, ни алтари
Не вѣрны для васъ ограды!
Склонитесь первые главой
Подъ сѣнь надежную закона—
И станутъ стражею у трона
Народовъ вольность и покой“.

Отмѣчу еще четверостишіе, посвященное декабристу Пестелю (1821 г.), съ которымъ Пушкинъ сблизился въ Клиппиневѣ и котораго онъ считалъ «однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ»:

„Снесемъ иль нѣтъ главу свою,
Изъ полновѣснаго стакана
Твое здоровье, Пестель, пью
И рвусь и злѣю на тирана“...

Гражданскіе мотивы были, какъ извѣстно, неотъемлемою принадлежностью поэзіи Рылѣева. Таковы напр. его стихотвореніе «Къ временщику», напечатанное въ 1820 г., «Гражданинъ» (1825 г.), написанное незадолго до 14 декабря, «Исповѣдь Нативайки» (напечатанное въ «Полярной Звѣздѣ» 1825 г.). Въ двухъ послѣднихъ произведеніяхъ высказывается преобладающее настроеніе поэта за послѣднее время его жизни—готовность пасть въ борьбѣ за свободу родины.

В. Семевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Шлиссельбургская тюрьма

за 20 лѣтъ, отъ 1884 по 1904 ¹⁾.

(Воспоминанія).

ГЛАВА I.

Вотъ главные моменты тюремной жизни. Жизнь наша была полна контрастовъ. Притока живыхъ, внѣшнихъ впечатлѣній не существовало и матерьяла для нормальной душевной жизни извнѣ не поступало. Проходили годы, не принося съ собою ничего новаго со стороны, потому что мы жили въ общей могилѣ, отдѣленные отъ міра живыхъ непроходимой пропастью. Ни книгъ, ни свиданій, ни вѣсти о родныхъ, о томъ, что дѣлается на свѣтѣ. Библія, соч. Дмитрія Ростовскаго, 2—3 церковныхъ журнала за старые годы и десятка три старинныхъ книгъ на лубочной бумагѣ, написанныхъ до-Пушкинскимъ языкомъ—вотъ и вся наша библіотека. Сношенія черезъ стѣнку стукомъ не удовлетворяли, а только раздражали, потому что невозможно было не только обмѣниваться возраженіями, но и высказаться. Повидимому наша жизнь была безцвѣтна, пуста, безсодержательна; но недостатокъ внѣшнихъ впечатлѣній съ избыткомъ пополнялся испытаніями и переживаніями того матеріала, который давала тюрьма. Мы жили интенсивно, находясь въ состояніи кипѣнія, прерываемаго только изнеможеніемъ. Въ этомъ и состоялъ трагизмъ нашего положенія. Въ минуту же отдыха оставалось жить воспоминаніями, чисто созерцательной жизнью, одурманиваться мечтаніями; или, спасая свою душу отъ безумія, взять на себя большую работу и погрузиться въ нее; создать себѣ особый идеальный, теоретически построенный міръ—выдѣлить изъ себя защитительную оболочку—и переживать умозрѣнія, теоріи, гипотезы, какъ единственное содержаніе жизни. Но уйти въ этотъ міръ было невозможно. Каждый день страшная дѣйствительность разрушала эту иллюзію. Постоянныя столкновенія, непріятныя объясненія, неизбежное участіе всѣхъ въ схваткѣ, гдѣ бы она ни возникла, такъ какъ насъ связывало товарищество, общій врагъ и общая доля, вѣчное тревожное состояніе, невыносимыя стѣсненія и невозможность помириться съ порядками—вотъ какой матеріалъ для жизни

¹⁾ Статья эта принадлежит Михаилу Юльевичу Ашенбреннеру, приговоренному къ смерти черезъ повѣшеніе по процессу В. Н. Фигнеръ въ 1884 году и послѣ «смягченія» приговора проведенному въ застѣнках Шлиссельбурга двадцать лѣтъ.

Ред.

давала тюрьма. Послѣ напряженнаго состоянія слѣдовала усталость, хотѣлось отдохнуть и забыться; но взволнованная душа приходила въ равновѣсіе медленно. Являлось невольное желаніе не растрчивать по мелочамъ свои слабѣющія силы и терпѣть молча, отвѣчая презрѣніемъ. Это удавалось иногда 10, 15 разъ, но негодованіе нарастало и взрывъ становился все неизбѣжнѣе. Такъ что подобный планъ едва ли приводилъ къ лучшему: столкновенія и волненія случались рѣже, но гораздо яростнѣе, да и отвѣтное дѣйствіе при этомъ не всегда было эквивалентно поводу: а успокоеніе наступало медленнѣе и бессонница мучительнѣе. У многихъ стала выясняться мысль, что въ такой мелочной и жестокой борьбѣ и самъ мельчаешь и что влечить такое существованіе не стоитъ. Можетъ быть такое настроеніе и послужило однимъ изъ поводовъ къ самоубійству. А ежедневная борьба, подавленное негодованіе, сознаніе своего безсилія и безвыходности положенія, невозможность успокоенія для разстроеннаго, измученнаго человѣка, напряженное состояніе даже тогда, когда уклоняешься отъ столкновеній, и особенно сгѣна возбужденія и страсти — все это вело къ помѣшательству. Долго тянулась отчаянная борьба за жизнь, за спокойствіе, за болѣе разумное существованіе, и уступки мы добились цѣною великихъ жертвъ. Прошло 10 лѣтъ. Въ первые годы погибло около 50%, въ томъ числѣ двое были разстрѣляны за оскорбленное дѣйствіемъ. Потомъ началось почти повальное сумасшествіе ¹⁾. Мышкинъ и Минаковъ стучали сосѣдямъ, что жить далѣе они не желаютъ, но хотятъ умереть не бесполезно для товарищей и будутъ требовать книгъ, журналовъ, свиданій съ товарищами, переписки съ родными, мастерскихъ. Какими-то невѣдомыми путями проникли въ заграничную печать кой-какія вѣсти о Шлиссельбургѣ, напр: объ ужасной смерти Грачевскаго, который сжегъ себя, обливъ керосиномъ. Въ расчеты начальства не входило превращеніе политической тюрьмы въ сумасшедшій домъ, а между тѣмъ дѣло къ тому клонилось; да и сумасшедшіе были для нихъ лично слишкомъ опасны и страшно увеличивали работу надзора и обузданія. Быстрое же вымирание являлось вопіющимъ скандаломъ: безъ сомнѣнія протестъ въ такой формѣ портилъ ихъ планы. Вотъ почему начальство мало по малу склонилось къ уступкамъ, и всѣ эти уступки и льготы были куплены цѣною крови. Главныя льготы, которыя имѣли спасительное значеніе были: книги и журналы, общеніе и прогулка. Всѣ эти льготы стали обозначаться въ минимальной степени въ концѣ царствованія Александра III-го, и, наконецъ, въ 95—97 г.г. наступилъ для насъ «золотой вѣкъ», который тянулся нѣсколько лѣтъ (до осени 1901 года). Уже при Сипягинѣ начались стѣсненія и наступилъ возвратъ къ старымъ

¹⁾ Игнатій Ивановъ, Щедринъ, Похитоновъ — умерли. Шебакинъ, Ювачевъ — поправились. Самоубійства: Тихановичъ, Грачевскій, Софья Гисбургъ и нѣсколько попытокъ. Мышкинъ и Минаковъ разстрѣляны.

порядкамъ, а при Плеве; когда насъ оставалось только 13 чел. изъ 51, когда мы потеряли молодость, силы, здоровье, выносливость, насъ вернули къ старому режиму. Таково было наше душевное состояніе отъ начала до самаго конца пребыванія въ тюрьмѣ, съ незначительными отклоненіями къ лучшему въ лучшія времена.

ГЛАВА II.

Вскорѣ послѣ смерти Мышкина и Минакова ¹⁾ намъ выдали небольшія грифельныя доски (изъ картона) и по тетради въ 3 листа въ четвертушку, съ пронумерованными страницами и скрѣпленныя подписью смотрителя; дали по карандашу и спросили, какіе учебники желалъ бы имѣть каждый для занятій. Подавая мнѣ карандашъ, Соколовъ — Иродъ сказалъ: «Если карандашъ спортится, сказать: починимъ; когда тетрадка спишется: сдать: дадимъ чистую.» Одни пожелали заниматься математикой, другіе изученіемъ языковъ, естествознанія, прикладными знаніями, для чего и были указаны книги, учебники словари. Когда раздали купленные книги, мы были очень разочарованы: кто желалъ изучать высшую математику, получилъ ариметику и краткую геометрію для начальныхъ училищъ. Для изученія иностранныхъ языковъ выдали руководства для младшаго возраста въ 40, 50 страничекъ съ глупѣйшими вопросами и отвѣтами. Вѣроятно такъ было сдѣлано по невѣжеству или по экономическимъ расчетамъ. На наше заявленіе о негодности подобныхъ учебниковъ и послѣ неоднократныхъ заявленій ближайшему начальству и ревизорамъ, мы получили наконецъ учебники по своему желанію, а также и словари отобранные при арестѣ. Я просилъ министра Дурново, при посѣщеніи имъ тюрьмы, продать отобранные у меня вмѣстѣ съ другими вещами мои ордена ²⁾ и купить на вырученныя деньги 3 словаря. Министръ отвѣтилъ: «словари будутъ». На другой день камердантъ мнѣ сказалъ, что министръ былъ обиженъ моимъ заявленіемъ, считая его демонстративно выраженнымъ пренебреженіемъ къ наградамъ за отличіе. Какъ бы то ни было, мнѣ выдали 3 словаря и объявили, что ордена будутъ отправлены къ роднымъ; однако, по возвращеніи на родину, оказалось, что родные этихъ орденонъ не получили. Черезъ нѣсколько лѣтъ генералъ Петровъ выслалъ намъ, по нашему заявленію, Полное собраніе сочиненій Спенсера на русскомъ языкѣ и собраніе сочиненій Маколея на англійскомъ языкѣ, а потомъ Исторію Россіи Соловьева и собраніе сочиненій Костомарова. А скорѣ, по нашей просьбѣ, были выданы отобранныя при арестѣ книги, за нѣкоторымъ впрочемъ исключе-

¹⁾ По разсказу Л. А. Волкенштейнъ, Минаковъ расстрѣлянъ 6 сентября 1884 г., а Мышкинъ въ началѣ января 1885 г. («13 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости». Спб. 1906 г. стр. 3).

²⁾ М. Ю. Ашенбреннеръ осужденъ въ чинѣ подполковника.

ниемъ (мнѣ не выдали сборникъ статей проф. Зиберы, объ экономической теоріи Маркса, а Лопатину, кажется, 1-ый томъ «Капитала»). Но вскорѣ эти книги были отобраны потому, что у кого-то ревизоръ увидѣлъ на столѣ Исторію революціи, Кинэ, или Минье. За конфискаціей книгъ послѣдовало сначала прекращеніе гулянья, а потомъ голодовка. Для переговоровъ тогда «впервые» воспользовались ватерклозетомъ и его трубами, для чего параша тщательно мылась, а потомъ вычерпывалась изъ нея вода и так. обр. ватерклозетъ превращался въ «телефонъ». Въ этихъ телефонныхъ клубахъ обмѣнивались мнѣніями о вѣрнѣйшихъ способахъ самоубійства. Голодовка была достаточно продолжительна и разстроила здоровье многихъ. Начальство могло считать себя побѣдителемъ, но община потеряла не полное пораженіе, такъ какъ большая часть книгъ была возвращена ¹⁾).

Вмѣстѣ съ тѣмъ пристроили подъ примымъ угломъ къ старымъ миниатюрнымъ клѣткамъ для прогулки еще 8 болѣе обширныхъ клѣтокъ; привезли туда земли, и так. обр. возникли наши будущіе цвѣтники и огороды, и стали сводить насъ парами на прогулкѣ. Мнѣ назначили М. П. Шебалина ²⁾), съ которымъ я видѣлся сначала черезъ день, а потомъ каждый день. Черезъ 1½ года начальство, по своимъ соображеніямъ, дало мнѣ вмѣсто Шебалина Ф. Н. Юрковского ³⁾), съ которымъ свиданія продолжались тоже больше года. Третьимъ былъ назначенъ М. Ф. Фроленко ⁴⁾). Затѣмъ намъ предоставили самимъ выбирать товарищей по прогулкѣ и мѣнять ихъ черезъ краткіе промежутки времени и, наконецъ, установился такой порядокъ назначенія на прогулки: мы выбрали товарища «променадмейстера», который по нашему назначенію расписывалъ насъ ежедневно попарно и подавалъ утромъ расписание вахмистру. Въ концѣ же концовъ, когда прогулки были продолжены до обѣда, т. е. отъ 8 до 12 часовъ, перемежна партнеровъ по прогулкѣ совершалась по нашимъ личнымъ заявленіямъ дежурному на вышнѣ унтеръ-офицеру, такъ что можно было повидаться со всѣми по очереди. При этомъ жандармы наблюдали только, чтобы въ одной клѣткѣ не было болѣе двухъ человѣкъ. Тогда должность променадмейстера, какъ лишняя, была упразднена.

Кажется въ 1890 г., намъ сказали, что проектированы уже мастерскія, а пока предложили заняться желающимъ ажурными

¹⁾ Возвращено: Ворміри. Исторіи Шюссера, Рибо: Наслѣдственность, Болѣзни воли, Болѣзни памяти; Физиологія уха Карпентера, Тэнъ—Объ умѣ и познаніи; Логика Милля, Маудсли The Will and Body; Уолмеса Islands' Life.

²⁾ Находится нынѣ въ Якутской области.

³⁾ Умеръ въ Шинссельбургѣ.

⁴⁾ Амнистированъ въ 1905 году.

Ред.

Ред.

Ред.

работами. Желаніе изъявили многіе. Потомъ въ старой тюрьмѣ, которая находилась въ цитадели, т. е. на ближайшемъ сосѣднемъ дворѣ, устроены были въ камерахъ, которыя прежде служили карцерами, столярныя, токарная, переплетная и сапожная мастерскія. Выѣстъ съ тѣмъ намъ стали отпускать, кажется, 180 руб. въ годъ на садовые, огородные инструменты, на сѣмена, удобреніе и на матеріалы для мастерства. Мастерствомъ пожелали заниматься всѣ; но знающихъ мастерство было очень немного, а начальство не хотѣло сводить насъ парами въ мастерскихъ и предлагало начинающимъ въ наставники жандармскихъ унтеровъ. Отъ такихъ менторовъ мы отказались. Выходила такая нелѣпость: мастерскія были разрѣшены, устроены и пустовали при нашемъ общемъ желаніи учиться и работать. Мало по малу начальство уступило и насъ стали водить туда парами. Такъ многіе изъ насъ научились мастерствамъ; но хорошихъ мастеровъ вышло не много. Мы производили изящныя, художественныя вещи, но работали надъ ними такъ долго, что при обычной рыночной расцѣнкѣ не могли бы заработать болѣе 20 коп. въ день. Вообще, и въ мастерствахъ, и въ книжныхъ занятіяхъ мы не достигли большого успѣха: въ неволѣ трудъ не продуктивенъ, да и сбыта наши произведенія не имѣли. Правда, многіе изъ насъ достигли значительныхъ успѣховъ, но на это потрачено было такъ много труда и времени, что успѣхи наши при иныхъ обстоятельствахъ были бы во много разъ больше. Когда построили огородные заборы и поставили вышку для дежурныхъ, насъ распредѣлили по огородамъ. По наличному составу приходилось въ малыхъ огородахъ по 2, въ большихъ по 3 и 4 хозяина. Выдали сѣмена овощей, провели въ каждый изъ 8 огороδικовъ воду, выдали огородные инструменты. Каждому приходилось по грядкѣ. Наши жилия камеры были очень невелики: можно было сдѣлать 5—6 шаговъ отъ двери до окна; углы были заняты и ходить по діагонали не приходилось. Мы страдали отъ недостатка движенія и пассивная гимнастика не вознаграждала этого недостатка, да и приводила, по крайней мѣрѣ въ первые годы къ недоразумѣніямъ, вызывая недоумѣніе и беспокойство дежурныхъ по коридору; по этому въ каждомъ огородѣ мы сдѣлали по широкой дорожкѣ для движенія вдвоемъ, вымостивъ ее старымъ поломаннымъ плитнякомъ. По этой дорожкѣ мы прохаживались, ведя бесѣды; а когда случалось оставаться въ огородѣ одному, то ходили съ книгой: читали и ходили въ одно время, соединяя motionъ съ интереснымъ чтеніемъ. Ходили мы на прогулкѣ очень много: это было необходимо и спасительно для здоровья. Одинъ изъ товарищей вычислилъ, что за 20 лѣтъ пребыванія въ тюрьмѣ онъ 12 разъ обошелъ землю по экватору. Оставляя мѣсто для прогулки, приходилось съезить грядки; каждый вершокъ земли былъ дорогъ, а потому нужно было выгнать мѣсто между грядками и мы рѣшили бока грядокъ обложить досками. На дворѣ у старой тюрьмы былъ складъ дровъ и тамъ мы видѣли длинные и толстыя по-

лѣнья. Мы просили отдать эти полѣнья намъ и изъ нихъ, дѣйствуя топоромъ, клинѣями и шерхебелемъ, подѣлали доски. Это была первая большая работа. Посѣяли редиску, рѣдьку, брюкву, рѣпу, морковь, свеклу, лукъ, укропъ, петрушку, горохъ, чеснокъ, капусту и цвѣтную капусту—всего понемногу. Лучше всего вышла брюква, хуже рѣпа и цвѣтная капуста: слишкомъ было тѣсно. Крѣпостныя стѣны, тюрьма и высокіе заборы огороδικовъ закрывали большую часть дня солнце. На хорошо освѣщенномъ мѣстѣ посѣяли цвѣты, а вдоль заборовъ кусты малины, черной и красной смородины и крыжевника. Затѣмъ посадили нѣсколько яблонь. Въ 8-мъ огородѣ теперь есть небольшая яблоня, выращенная изъ сѣмячка и привитая М. Ф. Фроленко, и вишневое деревцо, выращенное изъ косточки.

Когда открылись мастерскія и возникли дѣловые разговоры съ смотрителемъ, комендантомъ и офицеромъ завѣдующимъ мастерскими, явилась необходимость въ выборномъ, говорившемъ отъ лица всѣхъ. Этотъ выборный назывался старостой и служилъ сначала, кажется, годъ, а потомъ $\frac{1}{2}$ года. Мѣстное начальство на это охотно согласилось потому, что ему было выгодно вести переговоры съ уполномоченнымъ отъ всей общины, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые товарищи прямо таки не могли равнодушно говорить съ тюремщиками. Староста обязанъ былъ слѣдить за исправностью инструментовъ, выпиской и расходомъ матеріаловъ и сводить счета по расходу суммы, отпущенной на мастерскія и огороды. Эта сумма дѣлилась на 2 части: одна на общія надобности, другая дѣлилась на равные пай по наличному числу и расходовалась каждымъ на покупку матеріаловъ по личному усмотрѣнію. Не слѣдуетъ думать, что деньги выдавались на руки. Всѣ расчеты велись на бумагѣ.

Въ теченіе первыхъ 6 лѣтъ намъ на довольствіе отпускалось по 11 коп. въ день, въ томъ числѣ и черный хлѣбъ. Хлѣба давали по $2\frac{1}{2}$ фунта. Хлѣбъ всегда былъ дурного качества, сырой и съ закаломъ. На обѣдъ полагалось 2 блюда: супъ, щи, борщъ или жидкая гороховая похлебка; на второе каша гречневая, пшенная, или размазня. На ужинъ давали подогрѣтое жидкое блюдо, оставшееся отъ обѣда. Въ посты и по средамъ и пятницамъ давалась постная пища. Это дѣлалось конечно не изъ благочестія, а для укрощенія, потому что по средамъ и пятницамъ давали постное даже на Святой недѣлѣ и на Рождествѣ. Пища была недоброкачественная: горячее безъ навара со слѣдами мяса; каши и масла чуть-чуть, постная похлебка изъ гнилыхъ снятковъ, грибные щи на минимальномъ количествѣ капусты и грибовъ, жидкій горохъ съ плавающими червями. По воскресеньямъ давали на второе нѣсколько наръзанныхъ маленькихъ кусочковъ жареной говядины съ картофелемъ и фасолью и на третье пирогъ съ брусничнымъ вареньемъ. На пасху выдавали небольшую булку въ видѣ кулича

и маленькую глотка на три Пасху изъ подслащеннаго творогу и нѣсколько крашеныхъ яиць. Въ 1889 г. нашу лазаретную порцію обратили въ ординарную: на довольствіе полагалось 23 коп. въ день съ хлѣбомъ и разрѣшили замѣнять чернѣй хлѣбъ бѣлымъ и ситниимъ въ половинномъ количествѣ, т. е. вмѣсто 2 $\frac{1}{2}$ ф. чернаго— 1 $\frac{1}{4}$ бѣлаго. Эъ этихъ поръ пища была удовлетворительна и разнообразнѣе чѣмъ прежде. Кромѣ того намъ было предоставлено самимъ составлять меню, на условіи не выходить за предѣлы 23 коп. Для составленія меню мы стали выбирать «менюмейстера», которому выпадала неблагоприятная и трудная роль угодить всѣмъ и каждому, не выходя изъ раскладки. Для такого безнадежнаго дѣла понадобилось нашимъ менюмейстерамъ много остроумія и усердія и, наконецъ они стали дѣлать время отъ времени оригинальные плебисциты: каждое кушанье повторялось за 2, 3, 4 недѣли пропорціонально поданнымъ голосамъ. Мы получали 2, 3 раза въ недѣлю молочные супы, котлеты, рисовую кашу, макароны, сырники, вареники, тѣ же праздничные пироги съ брусникой, или пироги съ капустой и мясомъ; по субботамъ на ужинъ селедку съ картофелемъ, а въ воскресенье на ужинъ около $\frac{1}{4}$ ф. сыру. Эта пища была бы хороша, но на жаркое мы получали всегда вываренное мясо, потому что при нашихъ средствахъ дѣлать жаркое изъ хорошаго мягкаго мяса было невозможно. Масла отпускалось очень мало, а между тѣмъ въ тѣхъ широтахъ, гдѣ мы проживали, потребность въ жирахъ и углеводахъ была настоятельнѣе чѣмъ гдѣ нибудь. Нашему горю пришелъ на помощь докторъ Николай Сергѣевичъ Безродновъ, который сдѣлалъ намъ много добра. Онъ сталъ выдавать намъ на всю братію изъ лазаретныхъ суммъ по 10 фун. въ мѣсяцъ подсолнечнаго масла. Сначала мы примѣшивали это масло къ кашѣ, картофелю и т. д. съ неудовольствіемъ, но потомъ привыкли къ нему и оно намъ стало пріятно. Сначала намъ выдавали 2 раза въ день по кружкѣ чаю и по куску пиленнаго сахару. Много лѣтъ спустя при камендантѣ Гангартѣ выдали каждому по 2 чайника: одинъ для кипятку, другой для заварки чая, и стали отпускать по $\frac{1}{2}$ фун. чаю и 3 фун. сахару на мѣсяцъ. Чай былъ удовлетворительнаго качества по 90 коп. за $\frac{1}{2}$ фун., а сахаръ оцѣнивался очень дорого, по 18 коп. фун. При гуртовой покупкѣ и съ уступкою постоянному покупателю $\frac{1}{2}$ фун. чаю обходилось по 77 коп., такъ что чайное довольствіе 1 человѣка обходилось въ мѣсяцъ 1 р. 31 к. Впослѣдствіи было разрѣшено на эти деньги выписывать не только чай, но кофе, какао, лимоны, монпасье, клюкву. Многіе брали только $\frac{1}{4}$ фун. чаю, а на остальные деньги покупали чего нибудь другого; нѣкоторые не брали вовсе чаю, а пили ячменный кофе.

Сначала мы стучали очень неискусно и плохо понимали другъ друга, такъ что разговоръ стукомъ насъ не удовлетворялъ, а скорѣе раздражалъ за невозможностью высказаться. Потомъ мало по малу мы стали стучать очень быстро и отчетливо и понимали другъ

друга настолько хорошо, что не приходилось достучивать слово до конца; часто употребительныя слова замѣнялись одной буквой, или условнымъ знакомъ. Сначала перестучивались только съ сосѣдями и стучали безъ всякой надобности слишкомъ громко, но, познакомившись съ тюремной акустикой, стали стучать очень тихо для того, чтобы не беспокоить другихъ товарищей и не вводить въ бѣсѣду нежелательнаго свидѣтеля, дежурнаго жандарма. Громкій же стукъ былъ слышенъ черезъ 2 камеры и наверху и внизу и потому у насъ бывали общія бесѣды по разнымъ угламъ. Начальство преслѣдовало за стукъ, наказывало, перебивало стукъ всячески, между прочимъ пуская въ незанятой камерѣ струю воды изъ крана: журчаніе воды заглушало стукъ, да и страшно раздражало нервы. Но потребность въ сношеніяхъ съ другими была такъ велика, что начальству пришлось уступить. Потомъ для сношенія съ противоположной стороны стучали въ желѣзный калориферъ (паровое отопленіе), или въ дверь. Такой стукъ былъ слышенъ всѣми и невольно привлекалъ къ себѣ общее вниманіе, поэтому въ дверь и въ калориферъ стучали только въ экстренныхъ случаяхъ, когда нужно было обмѣняться мыслию или вѣстью со всѣми, стараясь не беспокоить занятыхъ или отдыхающихъ товарищей безъ нужды. Когда же мы стали видѣться часто другъ съ другомъ, то стукотня мало по малу вывелась изъ обихода, а начальство само приглашало старосту въ нѣкоторыхъ случаяхъ постучать въ дверь для оповѣщенія публики, напр. такъ: «Простучите пожалуйста, что сегодня прогулка начнется въ 9 час., потому что на дворѣ будутъ производиться работы». Общій, неистовый стукъ въ двери и печи, при чемъ стучали чѣмъ попало, подымался въ видѣ протеста.

Кромѣ обычныхъ наказаній въ родѣ лишенія чая, книгъ, прогулки, работы въ мастерскихъ, темнаго карцера безъ постели съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ, примѣнялись еще: продолжительное заключеніе въ карцерѣ съ наложеніемъ оковъ и смирительная рубашка. Заключеніе съ наложеніемъ оковъ было примѣнено только разъ къ К. Ф. Мартынову¹⁾ за то, что плюнулъ смотрителю Федорову въ физиономію. Перемѣщеніе въ карцеръ сопровождалось иногда побоями. На протесты противъ насилія грубый бурбонъ Соколовъ, по прозванію Продъ, онъ же Церберъ, отвѣчалъ съ видимымъ сокрушеніемъ: «Эхъ! да развѣ такъ бы слѣдовало по инструкціи!», намекая на § инструкціи, гдѣ говорилось о 50 ударахъ розгами. Общія же протесты, принимавшіе видъ маленькаго погрома, оставались безъ наказанія: начальство было слишкомъ озабочено тѣмъ, чтобы инцидентъ не развѣвился громкимъ скандаломъ, и прибѣгало къ увѣщаніямъ и обѣщаніямъ для успокоенія. Второе десятилѣтіе наказанія примѣнялись рѣже, хотя порошковъ было не меньше, такъ какъ мы стали очень раз-

¹⁾ По выходѣ изъ Шансельбурга застрѣлся въ Якутской области.

дражительно: каждый изъ насъ походилъ на бомбу, начиненную пироксилиномъ, и мы нерѣдко отъ обороны переходили въ наступленіе. Наши тяжеловѣсныя желѣзныя кровати вмѣстѣ съ постелью утромъ при раздачѣ кипятка подымались, прислонялись къ стѣнѣ и запирались на замокъ, а вечеромъ въ 7 час. опускались; такой порядокъ существовалъ долго; потомъ кровати уже не подымались.

Первый смотритель Соколовъ сначала пытался обращаться къ намъ на ты и, когда ему отвѣчали тѣмъ же, онъ очень обижался: «Да вѣдь ты лишенъ всѣхъ правъ; такъ по инструкціи, а мнѣ что: прикажутъ говорить вамъ ваше сіятельство, и буду говорить!» Потомъ къ намъ обращались въ третьемъ лицѣ, напр: первый комендантъ Покрошинскій на 4-мъ годѣ заключенія спросилъ меня: «Здоровье заключеннаго?»—Хорошо, отвѣтилъ я—«И все это время заключенный ни разу не болѣлъ?»—Ни разу.—«И здоровье заключеннаго нисколько не пошатнулось?»—Не пошатнулось.—«Удивительно!» заключилъ онъ.

Высокое расположеніе окна въ камерѣ, густая желѣзная рѣшетка, двойныя рамы и лѣтомъ и зимой отнимали много свѣта, а матовыя стекла создавали вѣчныя сумерки въ камерахъ. Это тянулось долго, достаточно долго, чтобы испортить зрѣніе у всѣхъ, кому удалось остаться въ живыхъ. Наши настоятельныя заявленія оставались безъ отвѣта, или намъ предлагали замѣнить матовыя стекла струйчатыми, не менѣе зловредными. Лѣтъ черезъ 10 или 12, когда у насъ началось острое страданіе глазъ, намъ вставили прозрачныя стекла и мы увидѣли наконецъ луну и звѣздное небо. Когда было позволено имѣть въ камерахъ самодѣльныя табуретки, нѣкоторые читали стоя на табуреткѣ у окна. Начальство, неспособное войти въ наше положеніе, признавало это за нарушеніе порядка, тогда какъ подобный способъ чтенія у окна былъ единственнымъ возможнымъ для людей съ разстроеннымъ зрѣніемъ. Читали мы очень много, не жалѣя своихъ больныхъ глазъ: иначе было невозможно, потому что намъ ставилась альтернатива: или береги глаза, не читай и сходи съ ума отъ тоски, или слѣпни, спасая себя отъ безумія. Поэтому и на прогулкѣ мы читали много. Для освѣженія же глазъ, приходилось ежедневно, цѣлые годы, примачивать ихъ утромъ и вечеромъ борной примочкой.

20 лѣтъ мы жили какъ бы подъ стекляннымъ колпакомъ. Когда вели на прогулку, въ мастерскія и обратно въ камеру, заключеннаго провожали два унтеръ-офицера, а со стороны наблюдала еще смотритель, или вахмистръ. При этомъ передній жандармъ поворачивалъ голову то направо, то налево. Вдоль клѣтокъ и огородовъ была построена галлерейя съ навѣсомъ, откуда неотступно слѣдили за гуляющими дежурные унтера, прислушиваясь къ нашимъ разговорамъ. На этой-то вышкѣ безсмысленно дежурилъ и

первый смотритель, который самъ затворялъ и открывалъ камеры. Въ камерахъ и мастерскихъ слѣдили черезъ стеклышко въ двери, которое закрывалось снаружи желѣзной занавѣской. Вдоль камеръ лежалъ половикъ и дежурные ходили въ мягкихъ башмакахъ лѣтомъ и въ валенкахъ зимою. Къ этому стеклышку они подкрадывались каждыя 5 или 10 минутъ. Маневры дежурныхъ, чтобы приблизиться неслышно и поднять занавѣску неожиданно, были нелѣпы потому, что они подглядывали черезъ правильные промежутки и ясно, что ихъ предосторожности были напрасны. Шорохъ, когда жандармъ крадется вдоль стѣны, вытирая ее спиною, мѣшалъ занятіямъ, заставляя слѣдить за этими продѣлками и поджидать ихъ. Эти продѣлки возмущали, какъ безмысленное дѣло, за которымъ приходится невольно слѣдить, безмысленное потому, что безчисленные попытки поймать заключеннаго на мѣстѣ воображаемаго преступленія ни къ чему не приводили. Дѣлая каждаго изъ насъ объектомъ многочисленныхъ ежедневныхъ наблюденій, они отлично впередъ знали кто и въ какую минуту чѣмъ занятъ, потому что и у насъ за годы сложились свои привычки и свой неизмѣнный домашній обиходъ. А между тѣмъ, при всемъ сознаніи бесполезности, нелѣпости и неумѣстности наблюденій дежурнаго, заключенный, вмѣсто того чтобы спокойно продолжать свои занятія, застываетъ въ напряженномъ ожиданіи, иногда опасаясь перемѣнить положеніе тѣла подъ этими подозрительными взглядами. И когда приходится такимъ образомъ проходить многіе годы сквозь строй «недреманнаго ока», которое тебя точитъ какъ червь неумирающій, спрашиваешь себя, къ чему имъ понадобилась такая утонченная пытка надъ людьми занятыми, или больными?... Да и накрыть насъ на мѣстѣ преступленія было трудно: мы всегда были на-сторожѣ—когда это было нужно, и умѣли дѣлать свои выводы изъ безчисленныхъ наблюденій; а нашъ слухъ до того обострился тюрьма, что мы, по повадкѣ дежурнаго, по множеству мелкихъ признаковъ, отлично знали, кто дежуритъ и что дѣлается за дверью въ корридорѣ. Вообще мы дѣйствовали и говорили прямо и открыто, прибѣгая къ конспираціи въ рѣдкихъ случаяхъ, и это всего лучше сбивало ихъ съ толку. И не только говорили открыто, но умышленно подымали, напр. для того чтобы отвѣдить любопытныхъ, такіе разговоры, которые слушать жандармамъ было неудобно, и это помогало. Весьма понятно, что это проклятое стеклышко возмущало многихъ, и унтеровъ гнали отъ дверей грубой бранью. Это помогало на время, а потомъ опять начиналась та же исторія снова, словно мы имѣли дѣло съ неумолимой стихіей, противъ которой бесполезны заклинанія. Однако этотъ неусыпанный надзоръ былъ совсѣмъ неэффектителенъ въ видахъ предупрежденія и пресѣченія: онъ напр. не мѣшалъ самоубійству, но онъ былъ очень чувствителенъ какъ средство истязанія (Тихоновичъ повѣсился, Грачевскій съжегъ себя, Софья Гинсбургъ зарѣзалась, Похитоновъ былъ захваченъ и спасенъ не жандармами, а Л. А. Волкенштейнъ).

Долго мы не могли допроситься лучшей вентиляціи камеръ, въ которыхъ отравляла воздухъ параша. Оконная форточка откидывалась внизъ и давала слишкомъ мало свѣжаго воздуха, потому что была связана желѣзными полосами съ другой форточкой въ наружной рамѣ и открывалась на небольшую щелку; и эта форточка сначала открывалась только 2 раза въ день на $\frac{1}{4}$ часа. Лѣтъ черезъ 10-12 окно передѣляли такъ, чтобы откидывалась внизъ верхняя часть рамы. Теперь мы сами могли открывать и закрывать фортку по своему усмотрѣнію, приспособивши для этого двѣ веревки.

Широко примѣняя къ дѣлу инструкцію, въ которой говорилось о кандалахъ, сумасшедшихъ рубашкахъ и разстрѣляніи, начальство вывѣшивало въ камерахъ эту инструкцію очевидно потому, что тамъ былъ § о позорномъ наказаніи, чтобы добиться покорности и смиренія. Слишкомъ опасно было примѣнить этотъ § помому, что это повѣло бы къ покушеніямъ на жизнь исполнителей и къ поголовному самоубійству, а унижить и уязвить насъ все же хотѣлось. Эти писанныя, или печатанныя инструкціи такъ или иначе заключенные устраняли. Вывѣшивали новые экземпляры, которые опять устранялись, и кончилось тѣмъ, что онѣ исчезли. Кромѣ инструкціи комендантъ несомнѣнно получалъ и негласныя наставленія о примѣненіи ея съ обширными полномочіями въ крайнихъ случаяхъ; а такая крайность опредѣлялась его усмотрѣніемъ. Лучшій изъ комендантовъ говорилъ намъ: «Повѣрьте, еслибъ я примѣнялъ инструкцію со всею строгостію, ии одного изъ васъ не было бы въ живыхъ черезъ $\frac{1}{2}$ года!» Тюремная администрація состояла изъ людей опытныхъ, преданныхъ, рѣшительныхъ, я даже думаю неподкупныхъ и, пожалуй, служившихъ по призванію. Какъ же спрашивается, дѣйствовала на ихъ душу эта вѣчная малая, но жестокая война съ заключенными? На это отвѣчаетъ исторія нашихъ комендантовъ и смотрителей за 20 лѣтъ: 1-ый комендантъ Покрошинскій помѣшался и вскорѣ умеръ; 1-го смотрителя, знаменитаго Ирода-Соколова разбилъ параличъ послѣ смерти Грачевскаго. 2-ой комендантъ Добродѣевъ сошелъ съ ума; 2-ой смотритель Федоровъ пилъ горькую, строчилъ доносы на всѣхъ и, въ заключеніе, по ошибкѣ написалъ доносъ на себя и былъ уволенъ въ отставку, но съ большимъ пенсіономъ. 3-ій комендантъ Кореневъ, добрый, совершенно неудачно папавшій на мѣсто, пробылъ у насъ мѣсяца четыре, или около того, и переведенъ въ Архангельскъ. 3-ій смотритель Дубровинъ, неглухой, строгій, но тактичный и самостоятельный и 4-ый смотритель интеллигентный офицеръ Провоторовъ, попавшіе къ намъ въ лучшія времена, не долго пробыли: первый ушелъ потому, что не хотѣлъ служить на этомъ мѣстѣ, а второй ушелъ, по его словамъ, опасаясь помѣшательства. Лучшій комендантъ Гангардъ—реформаторъ, человѣкъ умный,

деликатный и съ большимъ тактомъ, ладилъ съ нами довольно удачно. При немъ введены были наиболѣе существенныя реформы. Сипягинъ нашель его слабымъ и онъ былъ переведенъ, а вскорѣ вышелъ въ отставку. 5-ый смотритель Гузъ и 5-ый комендантъ Обуховъ, при Сипягинѣ были уступчивы и, хотя при нихъ уже сталъ обозначаться поворотъ къ старому режиму, они сначала старались смягчить его; но съ назначеніемъ Плеве, они круто повернули курсъ, открывъ кампанію противъ насъ безсмысленнымъ, жестокимъ и ничемъ не вызваннымъ насиліемъ надъ больнымъ товарищемъ, за что младшій изъ нихъ получилъ оскорбленіе дѣйствіемъ, а старшій избѣжалъ того же возмездія потому, что спрятался. Обуховъ былъ уволенъ въ отставку за то, что распустилъ тюрьму; а Гузъ тоже, но выпросилъ потомъ себѣ какое то мѣсто на Кавказѣ. Не ясно-ли, что варварская система гоненія была губительна и по меньшей мѣрѣ небезвредна для самихъ тюремщиковъ. Тутъ осуществлялось не только длившееся безъ срока возмездіе за содѣянное по мнѣнію властей преступленіе; а на заключенныхъ смотрѣли какъ на заложниковъ, которымъ мстила бессильная злоба за всякую свою неудачу.

Разговоры съ начальствомъ были очень непріятны, а для нѣкоторыхъ просто невыносимы, и мирное настроеніе измѣняло рѣзкій тонъ ихъ обычнаго обращенія въ сатирическій или проницескій. Другіе же, напротивъ, находились, такъ сказать, въ состояніи непрерывнаго единоборства съ ближайшимъ начальствомъ, не пропуская ни единого случая безъ контрольных разъясненій, заявленій и протестовъ. А между тѣмъ намъ нужны были должностныя лица, которымъ приходилось имѣть ежедневныя дѣловыя объясненія съ тюремной администраціей. Учрежденіе должностей отчасти мотивировалось предположеніемъ, что голоса старосты, или библіотекаря отъ лица всей общины будутъ имѣть больше вѣса и въ то же время избавить товарищей отъ непріятныхъ и тягостныхъ разговоровъ съ тюремщиками. Тѣмъ выше была заслуга тѣхъ товарищей, которые всегда безъ отказа соглашались на служеніе обществу. Одинъ изъ товарищей С. А. Ивановъ былъ почти безсмѣннымъ старостой (отдыхая 6 мѣсяцевъ въ году). На смѣну ему охотно выходилъ М. Р. Поповъ¹⁾, хотя начальству очень не нравились эти наши избранники. Должность старосты, какъ болѣе сложная, была особенно тягостна потому, что наши личныя сношенія были стѣснены; отсюда вытекало много лишней работы. Наказы, которые можно было, при нормальныхъ условіяхъ, сдѣлать очень скоро и просто на словахъ, приходилось выстукивать въ дверь, или передавать запиской черезъ вахмистра съ неизбѣжными въ этомъ случаѣ недомолвками, умолчаніями, иносказаніями; а бумажныя сношенія создавали недоразумѣнія. Такъ полицейская

¹⁾ С. А. Ивановъ и М. Р. Поповъ—оба амнистированы въ 1905 году.

бюрократія, своимъ соприкосновеніемъ, заражала и насъ бюрократизмомъ. Понятно, что на эти должности соглашались неохотно и у насъ подымался не разъ вопросъ объ ихъ упраздненіи. Однако, эти должности все же облегчали общинѣ дѣловыя сношенія, да и начальство относилось къ выборному съ большимъ вниманіемъ, зная, что община единодушно и энергично его поддерживаетъ; поэтому эти должности уцѣлѣли, только служба перестала быть обязательной и обусловливалась согласіемъ избранныхъ.

ГЛАВА III.

Мрачныя тучи, давившія на тюрьму, не разрѣшались освѣжительнымъ дождемъ при появленіи громовержцевъ: совсѣмъ наоборотъ. Посѣщеніе властей приносило намъ новое безпокойство. Желая показать посѣтителю тюрьму во всемъ блескѣ ея совершенства, ближайшее начальство дѣйствовало такъ, какъ будто бы стыдилось явиться въ глазахъ высокаго гостя слишкомъ либеральнымъ, или боялось оскорбить его взоры тѣми маленькими отступленіями отъ инструкціи, которыя у насъ назывались «льготами». Книжки прятались: оставлялась только одна съ наиболѣе невиннымъ заглавіемъ. Столовый приборъ, перочинные ножи (это все явилось у насъ очень не скоро), инструменты для работы въ камерахъ—отбирались. Замѣчательно, что заплатанное, дырявое, истертое рубище, которое мы носили (куртки, штаны, бѣлье) оставалось какъ бы напоказъ.

Сановники были очень вѣжливы, за исключеніемъ генерала Шебеко, который кричалъ, правда, въ коридорѣ, такъ что не многіе его поняли, что насъ «слѣдуетъ бить плетью»...; да генерала Оржевскаго, державшаго себя вѣжливо, но странно. Одинъ изъ товарищей заявилъ ему, что матовыя стекла разстроили наше зрѣніе и если не будутъ замѣнены прозрачными, то мы ослѣпнемъ. На это Оржевскій объявилъ, что замѣна стеколъ зависитъ вполне отъ его воли и не замѣнилъ эти матовыя стекла; правда, онъ и не обѣщалъ это сдѣлать. Въ тюрьмѣ тогда находился штабсъ-капитанъ М. Ф. Лаговской, посаженный туда безъ суда, административно, и положеніе котораго отличалось отъ нашего не въ его пользу, хотя мы были осуждены на каторгу, а онъ оставался все же офицеромъ. Присланъ онъ былъ на 5 лѣтъ, и 5 лѣтъ уже прошло. Лаговской спросилъ Оржевскаго: «Почему меня не увозятъ?» Оржевскій отвѣтилъ:—«Отсюда не увозятъ, а выносятъ!» Затѣмъ черезъ нѣсколько дней Лаговскому прочитали бумагу изъ департамента полиціи о продолженіи срока его наказанія еще на 5 лѣтъ. Изъ высокопоставленныхъ посѣтителей у насъ бывали аккуратно и ежегодно только начальники корпуса жандармовъ. Директора департамента полиціи Дурново и Зволянскій были по 2 раза; министры Дурново и Горемыкинъ по разу; да еще приѣз-

жали изъ ден. полиц. ревизоры, или слѣдователи по разнымъ случаямъ для дознанія. Мы же неизмѣнно и почти безуспѣшно заявляли о книгахъ, журналахъ, газетахъ, свиданіяхъ съ товарищами, мастерскихъ, переноскѣ съ родными, и эти льготы, черезъ годъ по чайной ложкѣ, намъ прописывались, при чемъ насъ всегда предупреждали, что льготы даются на время и могутъ быть отменены по усмотрѣнію безъ всякаго повода съ нашей стороны.

Самое явленіе заключеннымъ высшаго начальства совершалось такимъ образомъ: смотритель открывалъ двери; входили 2 жандармскихъ унтеръ-офицера и становились по сторонамъ и бокомъ къ заключенному. Они не спускали съ него глазъ и находились въ совершенной готовности схватить его за горло, или за руки при малѣйшемъ подозрительномъ движеніи. Затѣмъ входили смотритель и комендантъ и становились между посѣтителемъ и узникомъ. Домашнее начальство видалось съ нами съ тѣми же предосторожностями въ первые годы; потомъ, когда и у насъ наступила эпоха «довѣрія», они входили въ камеру или съ вахмистромъ, или съ однимъ дежурнымъ. Для неважныхъ же объясненій просто откидывалась форточка въ двери. Докторъ безъ смотрителя ни къ здоровымъ, ни къ больнымъ не допускался. Одинъ только докторъ Безродновъ настоятельно потребовалъ, чтобы ему не сопутствовали жандармы. Крѣпостной священникъ посѣщалъ насъ сначала также вмѣстѣ съ смотрителемъ; но священникъ скоро прекратилъ свои визиты, такъ какъ мы не понравились другъ другу. Въ первое свое посѣщеніе Юрковского, онъ, усмотрѣвъ на столѣ нѣсколько свѣтскихъ книгъ, сталъ ихъ швырять съ пренебреженіемъ: «Зачѣмъ вы читаете это? Читайте библію: книгъ слишкомъ много, всѣхъ не прочитаешь!» На это послѣдовалъ отвѣтъ: «Да вѣдь и хлѣба много: всего хлѣба не съѣшь, а безъ хлѣба умрешь!»

Жгучій вопросъ о расширеніи нашихъ сношеній нужно было разрѣшить во что бы то ни стало. Прогулка вдвоемъ насъ не удовлетворяла даже тогда, когда мы сходились не по назначенію, а по своему выбору: она походила скорѣе на бракъ по расчету, на принудительную связь, а не на союзъ по склонности. Монологи и діалоги были пріятны до поры до времени; а жажда болѣе широкаго общенія тюремнаго обитателя такая естественная потребность, которую не искоренить никакое гоненіе. Долго и напрасно мы просили о прогулкѣ втроемъ. Начальство признало всю силу нашихъ доводовъ, но категорически отказалось подымать этотъ бесполезный вопросъ, считая наше желаніе утопичнымъ; и всѣ дальнѣйшіе переговоры и попытки показали, что департ. полиц. въ этомъ пунктѣ, на основаніи неизвѣстныхъ соображеній, не сдѣлаетъ послабленія. Долго такъ мы томились и, наконецъ необходимыми путями нашли выходъ. Заборы, раздѣлявшіе клѣтки и огороды, упирались въ крѣпостную стѣну и мѣсто,

встрѣчи забора со стѣной было забито вертикально поставленной доской. Одинъ изъ товарищей сообразилъ, что такое положеніе доски указываетъ на щель въ этомъ мѣстѣ. Исслѣдованіе подтвердило догадку. Эти доски были оторваны съ помощью заступовъ и кольевъ. Конечно, вышелъ большой переполохъ. Доски опять были прибиты въ наше отсутствіе на мѣсто; но ихъ снова оторвали и такъ намъ удавалось черезъ щелку въ вершокъ ширины отчасти видѣться и переговариваться съ сосѣдними парами. Но такая игра не стоила свѣтъ: слишкомъ мало было видно и не особенно удобно было говорить. Однако, мы попали на вѣрную дорожку и мысль продолжала работать въ этомъ же направленіи. Наша тюремная общественная жизнь на каждомъ шагѣ подтверждала социологическіе взгляды, Тарда на исключительное значеніе факторовъ: изобрѣтенія и подражанія. Усложненіе нашей общественности обозначалось всегда такъ: являлся изобрѣтатель, который впрочемъ не всегда былъ вожакомъ: изобрѣтателями были часто болѣе пылкіе и даже импульсивные люди, а даровитые являлись подражателями, и это можетъ быть зависѣло оттого, что наши изобрѣтенія имѣли чисто практическій характеръ. Цѣлесообразное же приспособленіе было дѣломъ наиболѣе даровитыхъ, подхватывавшихъ и разрабатывавшихъ сырую идею изобрѣтателя.

И тутъ не было «бессознательнаго и мимовольнаго подражанія» (Н. К. Михайловскій). Затѣмъ уже наступало повальное подражаніе, въ данномъ случаѣ принявшее форму объединеннаго дѣйствія. Въ другихъ случаяхъ, о которыхъ будетъ сказано, подражаніе принимало характеръ «психическаго зараженія» (Михайловскій) и объяснялось можетъ быть нашей психической разстроенностью. Въ данномъ же случаѣ было такъ: одна и таже мысль заботила всѣхъ. Однажды, Богъ вѣсть по какому наитію, одинъ изъ товарищей бросился изъ огородика въ мастерскую и возвратился оттуда съ коловоротомъ и ножевкой (ручная маленькая пила). Въ нѣсколькихъ словахъ онъ объяснилъ своему партнеру что нужно дѣлать. Одинъ вертѣлъ коловоротомъ сквозныя дырки въ заборѣ, другой пропиливалъ ножевкой доску между дырками. Они выбирали такое время, когда дежурный жандармъ начиналъ прохаживаться, и въ заборѣ очень скоро была продѣлана форточка въ сосѣдній огородъ приблизительно въ 6 вершковъ по обоимъ измѣреніямъ, и сосѣднія пары обмѣнялись рукопожатіемъ. Тогда только набѣжали жандармы во главѣ со смотрителемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вездѣ распространилась вѣсть о томъ, что между двумя огородами NN «прорубилъ окно» и въ ту минуту, когда тамъ происходило разбирательство и препирательство, другіе бѣжали въ мастерскія и по всей линіи закипѣла работа. Когда стали разводить по камерамъ такихъ форточекъ оказалось уже нѣсколько. На другой день эти форточки были заколочены; но отломать доски ихъ закрывавшія было очень не трудно. Однако такіе pro и contra продолжались не долго и форточки были завое-

ваны. Въ каждой тюрьмѣ порядокъ нарушается неизбежно, но также неизбежно онъ восстанавливается. Но то, что теперь случилось, можно назвать потрясеніемъ основъ тюрьмы: это было завоеваніемъ новаго права. Какъ же объяснить такую уступчивость властей? Комендантъ своей властію не могъ узаконить такой переворотъ. Очевидно, онъ настойчиво ходатайствовалъ за насъ потому, что были на лицо слишкомъ уважительныя причины. Въ тюрьмѣ только что приостановилась повальная смертность; но ни одинъ пророкъ не могъ бы предсказать что будетъ далѣе. Чахотка и цынга перестали косить, но гибель приняла болѣе ужасную форму—форму помѣшательства. Помѣшанные жили съ нами, превращая наше обиталище въ преисподнюю. Глядя на сумасшедшихъ, здоровые видѣли во очію свою страшную судьбу и оцѣнили вполне, какой это коварный даръ: безсрочное пребываніе въ тюрьмѣ взамѣнъ смертной казни. Въ такомъ положеніи добровольная смерть будетъ лучшимъ выходомъ. Какія же мѣры могло принять начальство для восстановленія порядка? Отобрать инструменты? Закрыть мастерскія? Но мы могли по образу и подобию пещерныхъ людей дѣйствовать и первобытными способами, безъ коловорота и ножовки. Мы стали бы, наконецъ, прыгать другъ къ другу черезъ заборъ. Слѣдовательно, нужно было запереть насъ всѣхъ въ камерахъ и лишить прогулки навсегда, другими словами, уморить; а на это власти не рѣшались и предложили намъ компромиссъ: насъ просили сдѣлать къ форточкамъ подвижныя занавѣски изъ доски, чтобы эти четырехугольныя отверстія не зіяли въ наше отсутствіе, и просили не пользоваться форточками при высокихъ посѣтителяхъ.

Другая сторона нашей дѣятельности, т. е. наши занятія, развлеченія и увлеченія, тоже складывалась своеобразно. Иначе и быть не могло, такъ какъ наша жизнь протекала при необычайныхъ обстоятельствахъ. Въ этихъ именно случаяхъ очевидно сказалось «безсознательное подраженіе», которое и объясняется отчасти бѣдностію и безсодержательностію существованія, а отчасти нервной, разстроенностію. Можетъ быть случайное обстоятельство, или особенное настроеніе натолкнуло изобрѣтатели на его затѣю; но стоило ему сдѣлать первый шагъ, или показать примѣръ, какъ начиналось повальное увлеченіе, и такое увлеченіе продолжалось иногда очень долго, а потомъ неожиданно смѣнялось новымъ увлеченіемъ, которому предавались съ не меньшей страстностію.

Посторонній наблюдатель непредсказалъ бы, какой видъ приметъ наше новое увлеченіе: но ему было бы виднѣе со стороны, что этотъ жаръ съ которымъ предавались люди модному занятію или развлеченію—жаръ напускной, искусственный; что эти люди себя обманываютъ, для того чтобы забыться, или чтобы наполнить чѣмъ нибудь свое существованіе. Рано или поздно охлажденіе къ излюбленному занятію наступало; но при этомъ происходилъ интересный отборъ. Одни отставали безповоротно, другіе же оставались при этихъ занятіяхъ до конца, такъ какъ они отвѣчали ихъ дѣй-

ствительной, а не фактивной склонности, т. е. они находили свое любимое занятіе.

Шахматное повѣтріе одолѣло насъ въ самую глухую пору, когда не было порядочныхъ книгъ; мастерскія и огороды только проектировались, а прогулки были коротенькія. До сихъ поръ никто, за исключеніемъ Буцинскаго ¹⁾ и Шебалина, не зналъ этой игры и ни мало не интересовался ею. И вотъ Буцинскій и Шебалинъ объяснили черезъ стѣнку своимъ сосѣдямъ правила игры, а вскорѣ повсюду открылись шахматные турниры. Трудъ обученія черезъ стѣнку былъ конечно нешуточный; но этому не слѣдуетъ удивляться: и самыя маленькія задачи въ тюрьмѣ не легко поддаются разрѣшенію. И можетъ быть упорная энергія, для достиженія какой бы то ни было цѣли, оживляла насъ и спасала отъ гибели, М. П. Шебалинъ, математикъ и отличный преподаватель, прочиталъ въ оконную форточку своему сосѣду, рабочему К. Ф. Мартынову, курсъ геометріи, причемъ онъ какъ стрижъ цѣплялся за оконную стѣнку, стоя на крутомъ подоконникѣ, а пальцами изображалъ чертежи. Шахматныя фигуры лѣпили изъ хлѣба, доску чертили на столѣ, или на бумагѣ; и по всей тюрьмѣ раздавался стукъ въ такомъ родѣ: е 2 на е 4., в 1 на с 3 и т. д. Когда открылись мастерскія, у всѣхъ явились точеныя фигуры и шахматныя доски, а когда стали давать въ переплетъ «Литературное прибавленіе» къ Нивѣ за истекшій годъ, то стали рѣшать задачи и слѣдить за партіями знаменитыхъ игроковъ и выписали Руководство къ шахматной игрѣ. Затѣмъ, мало по малу игра эта потеряла свою привлекательность для большинства. За то, два товарища сдѣлались записными игроками и состязались, вѣроятно, до своего выпуска. Когда я уѣзжалъ, они сыграли уже другъ съ другомъ болѣе 10 тысячъ партій.

Однако шахматное наводненіе оставляло достаточно простора и для другихъ увлеченій, напр.: для увлеченія стихотворствомъ. Первое стихотвореніе, если не ошибаюсь, было опубликовано Юріемъ Богдановичемъ, а затѣмъ каждый день приносилъ новое стихотвореніе и новаго поэта, пока вся тюрьма не превратилась въ Парнасъ, на который не по своей волѣ попалъ и авторъ этихъ записокъ, у котораго не оказалось ни малѣйшей способности не только къ поэтическому творчеству, но даже и къ версификаціи. Однажды появились въ свѣтъ, совершенно для меня неожиданно, стихотворенія за моей подписью. Оказалось, что мой сосѣдъ Г. А. Лопатинъ писалъ а la Чаттертонъ поддѣльныя стихотворенія. Больше всего у насъ процвѣтала лирика и, въ этомъ родѣ, по общему признанію, встрѣчалось нѣсколько дѣйствительно поэтическихъ стихотвореній В. Н. Фигнеръ, Н. А. Морозова и П. С. Поливанова ²⁾. Писали элегіи, думы, пѣсни, посланія, эпиграммы,

¹⁾ Умеръ въ Шлиссельбургѣ.

²⁾ Богдановичъ умеръ въ Шлиссельбургѣ; Г. А. Лопатинъ и Н. А. Морозовъ амнистированы въ 1905 г., В. Н. Фигнеръ вышла изъ Шлиссельбурга осенью 1904 года, П. С. Поливановъ былъ сосланъ на поселеніе въ Сибирь, откуда бѣжалъ и въ 1905 году застрѣлился за границей.

Ред.

Ред.

поэмы и даже большіе романы въ стихахъ. Въ 900-хъ годахъ, когда опять начались притѣсненія, я разбиралъ съ М. Ф. Фроленко его бумаги, предназначенныя имъ къ истребленію, и нашелъ тамъ прекрасное стихотвореніе и по своей музыкальной формѣ, и по силѣ просто и трогательно выраженнаго чувства. Фроленко, по своей феноменальной скромности, не рѣшался его показать товарищамъ. Онъ остался вѣренъ себѣ и въ этомъ случаѣ: дѣлать молча больше другихъ—такимъ онъ былъ всегда: молчалъ и работалъ за десятерыхъ. Стихотворная горячка однако тянулась не долго. Публика отъ поэзіи перешла къ прозаическому творчеству и остался только одинъ пѣвецъ, котораго можно назвать нашимъ лауреатомъ, хотя онъ и писалъ въ особомъ родѣ. Г. А. Лопатинъ отзывался на каждое малое и большое событіе въ нашемъ мірѣ эниграммой, или сатирой такъ, что по его поэтической лѣтописи можно было бы возстановить всю нашу жизнь. Всегда блестящія и остроумныя, его стихотворенія напоминали нѣсколько стиховъ Гейне. Они бывали часто очень злы и бичъ его сатиры хлесталъ немилосердно и по своимъ, и по чужимъ. Наши прозаическія писанія были очень разнообразны. Въ нихъ мы нашли разумное и любимое дѣло, которое отвѣчало настоящей потребности въ осмысленномъ трудѣ, въ обмѣнѣ мыслями и свободномъ выраженіи убѣжденія. Каждый изъ заключеннымъ задумывалъ вести дневникъ, но это, къ сожалѣнію, было невозможно такъ, какъ насъ тщательно обыскивали приблизительно, до 96 года да и потомъ шарили въ бумагахъ; а изливать свою душу на глазахъ у гонителей мы не хотѣли. Дневники показали бы живую картину трагической жизни, въ которой погибло такъ много персонажей, или, по меньшей мѣрѣ, дали бы фотографическіе снимки съ этой жизни. Настоящіе записки есть только блѣдная схема, лишенная яркости, живости и патетизма. Но если каждый изъ освобожденныхъ напишетъ свои записки о тюрьмѣ, то нашъ коллективный трудъ дастъ можетъ быть нѣчто значительное ¹⁾.

Съ самаго начала мы занимались много переводами и для практики, и для того чтобы познакомить товарищей, не читавшихъ на иностранныхъ языкахъ, съ интересными книгами или статьями. Въ концѣ концовъ мы почти все стали читать свободно на двухъ или трехъ иностранныхъ языкахъ, а нѣкоторые кромѣ того изучали напр.: Вѣра Николаевна Фигнеръ еще итальянскій; Поливановъ—итальянскій, испанскій и польскій; а Лопатинъ—латинскій и греческій. Очень хорошіе переводы на прекрасный русскій языкъ, съ нѣмецкаго и англійскаго, сдѣланы Вѣрой Николаевной. Она отлично переводила труднѣйшіе остъ-индскіе рассказы Киплинга. Послѣднимъ ся трудомъ въ тюрьмѣ былъ переводъ романа Киплинга Кимъ. Сочиненіе Маудсли The Will and Body было переведено дважды—Похитоновымъ и Шебалинымъ, и кромѣ того эта книга была переведена въ

¹⁾ Редакція «Былаго» горячо присоединяется къ этимъ словамъ глубокоуважаемаго Михайла Юльевича.

сокращенномъ изложеніи. Затѣмъ переведены три тома исторіи Англіи Маколея, 1-ый томъ романа Текерея *The vanily fair* и три драматическихъ хроники Шекспира: Генрихъ IV и Генрихъ V. Последніе три автора далѣе не переводились, такъ какъ мы получили полное собраніе ихъ сочиненій на русскомъ языкѣ. Съ французскаго переведена Панкратовымъ книга Тэна Происхожденіе современной Франціи. Поливановъ перевелъ нѣсколько стихотвореній своего любимаго поэта Аккерманъ. Затѣмъ переводились интересныя статьи изъ журналовъ: *Review of Reviews* и *Times Weekly*. Наша оригинальная прозаическая литература была довольно обширна: было написано нѣсколько романовъ. Въ неоконченномъ романѣ Юрковскаго изображено картинно и увлекательно сцены изъ жизни революціонеровъ; его разсказъ о побѣгѣ изъ Карійской тюрьмы очень интересенъ. Романы изъ фабричнаго міра другого очень наблюдательнаго автора правдиво рисуютъ типы и черты рабочей жизни. Несомнѣнно талантливыми, хотя и очень неплодовитыми беллетристами, по моему мнѣнію, были В. Н. Фигнеръ, Поливановъ (разсказъ «Кажись кончился») и С. А. Ивановъ. В. Н. Фигнеръ писала прелестныя сказочки и поэтическія воспоминанія изъ своей ранней жизни; а С. А. Ивановъ талантливо изображалъ жизнь политическихъ ссыльныхъ въ Западной Сибири и на сѣверѣ Россіи, а бѣгство отсюда ссыльнаго и его мытарства, пока бѣглецъ не нашелъ успокоеніе и пристанище въ нелегальномъ кружкѣ, описаны были съ немалымъ юморомъ. О беллетристикѣ другихъ авторовъ я писать не стану, потому что говорю о томъ, что мнѣ кажется выдающимся и наиболѣе характернымъ. Упомяну только объ остроумныхъ фантазіяхъ Н. А. Морозова, написанныхъ для популяризаціи нѣкоторыхъ естественно-научныхъ положеній. Своимъ остроуміемъ и наглядностію онѣ напоминаютъ нѣсколько тѣ страницы Дюринга, гдѣ онъ говоритъ объ абсолютномъ различіи между понятіями о безконечно большомъ и безконечномъ ¹⁾. Кромѣ того писали очень зазорные и бойкіе памфлеты о представительномъ правленіи, о правахъ меньшинства и большинства, о пропорціональномъ представительствѣ. Писались рефераты, монографіи и трактаты объ общинѣ, капитализмѣ, народничествѣ, о марксизмѣ. Здѣсь состязались главнымъ образомъ Н. П. Стародворскій на одной сторонѣ и І. Д. Лукашевичъ на другой. Почти всѣ дѣлали выписки, извлеченія, компиляціи изъ книгъ, а Морозовъ и Лукашевичъ написали обширныя изслѣдованія: первый «о строеніи вещества»; а второй создалъ цѣлую систему философіи. Подъ философіей онъ разумѣлъ не теорію самой науки, не теорію познанія, а общій сводъ частныхъ научныхъ обобщеній, т. е. энциклопедію знанія. Введеніемъ въ систему служитъ ученіе объ абсолютныхъ единицахъ. Затѣмъ слѣдовало изложеніе данныхъ и обобщеній физики, химіи, минералогіи, геологіи, біологіи, психологіи, какъ отдѣла біологіи, соціологіи и послѣдніе выводы. Соціологія и послѣдніе выводы были еще не окончены. Интересны

¹⁾ Прыжокъ въ бездну при переходѣ отъ понятія количественнаго къ качественному.

его психологическія воззрѣнія. Рѣшительно отрицая психофизическій параллелизмъ, онъ говоритъ однако о функціональныхъ отношеніяхъ между явленіями сознанія и протяженными. Явленія сознанія онъ называетъ «психической энергіей», которая является въ организованныхъ тѣлахъ, какъ новая форма превращенной физической энергіи, причемъ конечно превращеніе одной формы въ другую совершается на основаніи эквивалентности. Разъясненія и возраженія на подобныя теоріи Паульсена и Вундта онъ не признаетъ доказательными и считаетъ ихъ метафизиками. Я слушалъ лекціи Лукашевича: онъ блестящій лекторъ съ очень большими знаніями и владѣющій даромъ прекраснаго, яснаго и точнаго изложенія. Его лекціи возбуждали (т. е. только психологія, теорія познанія и социологія) большія состязанія. Многотомное изслѣдованіе Морозова «О строеніи вещества» не совсѣмъ доступно неспеціалисту: слишкомъ много тамъ математики. Зная его способность популяризировать самыя запутанные вопросы, мы, профаны, просили его изложить для насъ свою книгу въ болѣе доступной формѣ, и онъ мастерски справился съ такой нелегкой задачей. Судьба его сочиненія такова: онъ просилъ одного изъ высокопоставленныхъ посѣтителей передать на разсмотрѣніе свою книгу проф. Менделѣву. Разрѣшеніе долго не выходило; наконецъ, послѣ неоднократныхъ его заявленій, ему разрѣшили отдать свое сочиненіе на разсмотрѣніе не Менделѣву, а проф. Коновалову. Коноваловъ возвратилъ рукопись съ весьма лестной рецензіей. Онъ признавалъ за авторомъ большую эрудицію, большое остроуміе, но напелъ, что гипотезы Морозова при настоящемъ состояніи знанія не всегда допускаютъ экспериментальную повѣрку. Послѣ этого Морозовъ просилъ объ отсылкѣ своей книги къ матери для напечатанія, но въ этомъ ему отказали наотрѣзъ.

Журналы, или, лучше сказать, періодически выпускаемые сборники разнообразныхъ статей, у насъ не принялись. Въ первомъ сборникѣ «Винигреть» съ иллюстраціями и карриатурами, составляемыми Лукашевичемъ, участвовало большинство. Ежемѣсячную хронику составлялъ Лопатинъ. Другая, меньшая группа выпускала журналъ «Разсвѣтъ» подъ редакціей Лаговскаго. «Винигреть» и «Разсвѣтъ» немедленно вступили въ ожесточенную полемику. Опытный и ядовитый полемистъ «Винигрета» слишкомъ допекалъ противниковъ своими сарказмами, а другой сотрудникъ злыми карриатурами. Противная сторона, люди боевые, отвѣчали рѣзкостями. Нѣкоторая часть сотрудниковъ «Винигрета», считая такое положеніе нежелательнымъ, вышла изъ состава редакціи и стала выпускать третій журналъ «Паутинка» — сборникъ безъ полемики. Вскорѣ всѣ три журнала прекратили свое существованіе.

Рядомъ съ занятіемъ поэзіей и писательствомъ многіе увлекались прирученіемъ птицъ, сначала голубей и воробьевъ, потомъ ласточекъ и даже синичекъ. Это увлеченіе явилось прямо такъ

съ вѣтру, или со двора. Поливановъ сначала кормилъ птицъ на дворѣ; потомъ надумалъ заманить ихъ черезъ форточку въ камеру и это удалось, но голуби были довѣрчивѣе воробьевъ. Въ камерахъ, выше дверей были двѣ отдушины, которыя почему-то назывались винтиляторами; тамъ голуби и стали плодиться. Родоначальникомъ обширной стаи былъ общій любимецъ «Жаръ», который вскорѣ послѣ отъѣзда Поливанова умеръ въ глубокой старости. Глядя на Поливанова стали подражать и другіе; но скоро это стало невыносимо: во всѣ открытыя форточки налѣтали незваные голуби и располагались въ камерахъ какъ дома: пришлось поставить передъ форточкой сѣтку. Такъ и окончилась эта затѣя, только Поливановъ разводилъ голубей до своего отъѣзда, да еще одинъ товарищъ подбиралъ выброшенныхъ бурей изъ гнѣзда молодыхъ ласточекъ и выкармливалъ ихъ насѣкомыми до осенняго отлета.

Любовь къ цвѣтамъ была какая-то неровная, порывистая: то исчезала, то являлась. Глазъ, утомленный мрачнымъ фономъ нашей жизни, на которомъ мелькали сѣрыя шинели да синіе мундиры, отдыхалъ въ яркихъ и душистыхъ цвѣтникахъ. Цвѣтники были у всѣхъ. Тамъ были розы, душистый горошекъ, ландышъ, сирень, воздушный жасминъ, незабудки и многія однолѣтнія и многолѣтнія растенія. Полюбились намъ никтеринія, а такъ какъ она благоухаетъ по вечерамъ, то мы сажали ее въ горшки и брали вечеромъ съ собою въ камеру. Настоящими же цвѣтоводами были С. А. Ивановъ и особенно І. Д. Лукашевичъ. У С. А. Иванова клумбы были всегда красивы: когда одни цвѣты отцвѣтали, другіе распускались: фіалки, превосходный левкой, душистая вербена, красивая цинія и пышный ароматный піонъ; а потомъ флоксъ многолѣтній, роскошныя астры, дельфиніумъ, шпажникъ и барская спесь. Лукашевичъ превратилъ весь свой огородъ въ цвѣтникъ. Онъ разводилъ луковичныя и оранжерейныя растенія, для чего устроилъ двѣ теплички. Кромѣ гіацинтовъ, лакъ-фіола, нарцисовъ, лилій, тюльпановъ, присовъ у него бывали: Бегонія, азалеа, китайская роза, глоксинія, пеларгоніумъ и много рѣдкихъ цвѣтовъ. Цвѣтовъ было такъ много у насъ, что въ наши праздники вся клѣтка, гдѣ гуляли В. Н. Фитнеръ и Л. А. Волкенштейнъ была украшена вѣнками, гирляндами и букетами, а ихъ камеры утопали въ цвѣтахъ. Оригинальная пестрая цвѣточная грядка была у Поливанова; онъ посѣялъ густо только одинъ махровый макъ. Въ каждомъ огородѣ и клѣткѣ были бесѣдки, по которымъ вились хмѣль, или вьюнокъ, или ипомеа.

Огородное дѣло не только укрѣпилось, но и постоянно совершенствовалось, отчасти потому, что у насъ были опытные руководители: бывшій петровецъ М. Ф. Фроленко и М. Р. Поповъ,

которые огородничали съ великимъ увлеченіемъ, отчасти потому, что огородничество, поставленное на большую ногу, требовало общаго труда, а также потому, что приносило намъ видимую пользу, улучшая наше питаніе и внося въ него такую зелень, которая была нужна для страдавшихъ цингою. Когда у насъ завелись парники, еще зимою начиналась подготовительная работа въ мастерскихъ: дѣлались вновь или ремонтировались подрамники, и рамы, щиты для закрыванія парниковъ, вязались соломенные маты. Осенью занимались посадкой молодыхъ ягодныхъ кустовъ и выкорчевываніемъ старыхъ, посадкой фруктовыхъ деревьевъ, для чего рыли глубокія ямы. Земля съ грядокъ сбрасывалась въ одну кучу и просѣивалась, для чего мы сдѣлали нѣсколько грохотовъ. На мѣстѣ бывшей грядки копали глубокія, иногда аршина въ 1¹/₂, ямы до подпочвы и выносили на носилкахъ камни и плитнякъ; затѣмъ переносили изъ парниковъ перегной и смѣшивали его съ огородной землей. Въ началѣ весны таскали на носилкахъ навозъ въ парники и въ ямы для будущихъ грядокъ. Отъ такой работы упаришься, и по возвращеніи въ камеру приходилось мѣнять рубашку, у кого былъ второй экземпляръ; а у кого не было, тотъ надѣвалъ вмѣсто мокрой рубашки лѣтнюю холщевую куртку. Когда у насъ явилось много парниковъ, то приходилось помогать огороднику снимать рамы и накрывать парники, а также поливать. Огороды давали намъ достаточно всякихъ овощей. Брюкву и кольраби мы пекли или варили и ѣли съ постнымъ масломъ. Редьку, лукъ, салатъ ѣли все лѣто. Луку, чесноку, огурцовъ хватало до новаго года въ урожайные годы. Огурцы солили. Рѣдьку ѣли зимою въ тертомъ видѣ съ постнымъ масломъ. Лукъ-поррей фаршировался въ осенній нашъ праздникъ. Цвѣтную капусту получалъ каждый раза 4 въ лѣто. Свеклу мариновали. Зеленый укропъ сушили на солнцѣ и сохраняли въ видѣ порошка. Въ удачные годы парники давали много помидоровъ, такъ что раза 2, 3 въ недѣлю одинъ товарищъ по очереди варилъ въ кухнѣ при мастерскихъ изъ помидоръ съ постнымъ масломъ и стручковымъ перцемъ соусъ. Этотъ соусъ примѣшивался къ щамъ и кашамъ. Выращивали еще немного картофеля и кочанной капусты. С. А. Ивановъ и М. Р. Поповъ выращивали еще 2, 3 дыни и 2, 3 тыквы. С. А. Ивановъ пробовалъ разводить японскіе огурцы, жидовскую вишню, алданскій (якутскій) виноградъ, шампиньоны и кукурузу. Огъ и Фроленко кормили всю братію отличной клубникой (Макстонъ, Кохъ). Малшины, смородины было очень много, крыжевнику мало. Яблони долго ничего не давали. Потомъ даже въ лучшие годы вѣтеръ обивалъ цвѣтъ и сбивалъ плоды; вызрѣвала иногда боровника на столько, что можно было ѣсть; антоновка, апортъ и др. не дозрѣвали и мы ѣли ихъ въ печеномъ видѣ, или въ пирогахъ.

Послѣ смерти Грачевскаго ¹⁾, керосиновыя лампы, освѣщавшія камеры вставлялись въ кольцо, на нихъ накладывалось нѣчто въ родѣ намордника, который вахмистръ затворялъ замкомъ: на лампы были наложены оковы. На стекло лампы мы надѣвали легкой таганчикъ изъ жести, на который можно было поставить эмалированную кружку и даже небольшой эмалированный чайникъ. Такъ мы варили варенье изъ клюквы и дѣлали конфеты изъ молока съ сахаромъ. При полковникѣ Гангартѣ купили три небольшія керосиновыя печи въ сапожную, столярную и переплетную мастерскія для варенія клея, приготовленія клейстера и т. д. Эти керосинки не возбранялось уносить, когда это было нужно, въ камеры. Мы подѣлали себѣ жестяныя сковородки, формочки и духовыя печи. Нашъ духовой шкафъ видомъ и размѣрами былъ похожъ на гарнецъ. Такой шкафъ ставился на керосинку; въ него вкладывалась формочка, наполненная тѣстомъ на взбитыхъ бѣлкахъ и желткахъ съ сахаромъ. Все это покрывалось крышкой, и въ $\frac{1}{4}$ часа маленькій тортикъ былъ готовъ. Нѣсколько такихъ тортиковъ, поставленныхъ одинъ на другой, переложенныхъ клюквеннымъ вареньемъ посылали имениннику. Именинникъ получавшій со всѣхъ сторонъ такія подношенія, дѣлилъ ихъ и разсылалъ, такъ что и въ пиршествѣ принимали равное участіе всѣ. Такъ зародилось пирожное и кондитерское искусство; но оно получило широкое развитіе впоследствии, когда для насъ открыта была кухня съ плитою и настоящимъ духовымъ шкафомъ при мастерскихъ въ старой тюрьмѣ. Варенье изъ своихъ ягодъ варили на плитѣ въ эмалированной посудѣ. Въ духовомъ шкафу выпекались разнообразныя большіе торты, пирожныя, пряники, пироги, сдобныя и простыя булки, калачи, баранки, а на Пасху куличи. Въ масляницу пеклись блины. Настоящими кондитерами и булочниками были С. А. Ивановъ и П. Л. Антоновъ. Необходимый для тортовъ матеріалъ получался такъ: мука для тортовъ часто замѣнялась толчеными сухарями изъ бѣлаго хлѣба; молоко оставалось отъ обѣда; масло давали къ кашѣ и селедкѣ и его можно было накопить, а пара сырыхъ яицъ выдавалась по желанію взаменъ ужина. Корицу, гвоздику, миндаль, какао, ваниль можно было получить вмѣсто чаю.

Г Л А В А IV.

Цвѣты, птицы, шахматы, торты, огороды въ сущности намъ не были нужны. Намъ пужна была свобода; мы боролись за пограничное человѣческое достоинство, за разумную жизнь, за естественныя права. Конечно огороды были полезны намъ; но они были не менѣе полезны нашему начальству. Начальство дѣлало изъ нихъ эффектную смотровую выставку. Вельможамъ, посѣщавшимъ

¹⁾ Грачевскій покончилъ съ собою въ Шпессельбургѣ посредствомъ самоубійства, облившись для этого керосиномъ.

тюрьму, показывали наши цвѣтники, парники, столярныя издѣлія, музей, когда онъ былъ устроенъ. Посѣтители любовались и благодарили коменданта. Намъ хотѣли изолировать, чтобы молодая Россія забыла наши имена; хотѣли нашего безшумнаго удаленія со сцены; но мы удалялись изъ жизни и удалялись со скандальной быстротой и оглаской. Эти люди, читавшіе вѣчно въ сердцахъ, не знали вовсе психологіи заключеннаго. Сначала они хотѣли насъ сломить; но насъ можно было убить, а не согнуть. Тогда они задумали довести насъ до покорности и смиренія ласкою т. е. задумали купить нашу душу за двугривенный; самъ дьяволъ цѣнилъ человѣческую душу несравненно дороже: онъ платилъ за нее всемогуществомъ. Когда уже рѣшено было реформировать тюремные порядки, лучшій и разумный комендантъ говорилъ, что «дѣлать намъ облегченія нужно съ большой осторожностью потому, что если намъ протянуть палецъ, то мы сядемъ на шею!» Тутъ какъ бы сказывалась общая тенденція нашей внутренней политики: одной рукой насаждать, а другой искоренять. И дѣйствительно, каждый новый комендантъ считалъ своимъ долгомъ выдумать какое нибудь новое стѣсненіе. Даже въ либеральныя времена насъ лишили $\frac{1}{2}$ кубической сажени воздуха въ камерахъ: углы камеры, прилежащіе къ двери, заложили такъ, что четырехугольная маленькая камера стала шестиугольной. При объясненіяхъ съ комендантомъ оказалось, что это сдѣлано для нашей пользы: «Видите ли въ чемъ дѣло? Когда вы заходите въ эти углы, дежурные теряютъ васъ изъ вида, а потому беспокоятся, нервничаютъ и васъ же раздражаютъ!» Затѣмъ наши ватерклозеты, для того чтобы дежурные не нервничали, вынесли чуть ли не на середину камеры, такъ что куда не пойдешь, ватерклозетъ оказывался на носу. Такъ какъ большихъ облегченій намъ сдѣлать не хотѣли, или не могли, то принята была по истинѣ адская система: давали льготу, потомъ начинались стѣсненія, отмѣнявшія эту льготу, а затѣмъ она же намъ доровалась послѣ какого нибудь высокотожественнаго дня какъ новая льгота. Такимъ образомъ единая льгота размножалась, какъ неразмѣнный рубль; а намъ приходилось испытывать муки тантала и раздраженіе, доходившее до бѣшенства. «Видите ли, объяснялъ одинъ смотритель, мы хотимъ довести нашу систему до идеальнаго совершенства!» Слѣдовательно они такъ дѣйствовали не случайно, а по расчету. Затѣмъ, давая льготы, начальство не предусматрѣло тѣхъ послѣдствій, которыя необходимо вытекали изъ нихъ. Эти послѣдствія были тѣсно связаны съ самими льготами, а для начальства они являлись повидимому неожиданнымъ сюпризомъ, который приходилось признать или не признавать.

Непризнаніе лишало льготу всякаго смысла и значенія, превращая ее въ звукъ пустой; слѣдовательно признаніе всѣхъ послѣдствій льготы было неизбѣжно. Начальство же томительно его оттягивало, какъ бы дразнило насъ, наводило на мысли о томъ, что насъ обманываютъ, надъ нами издѣваются, что насъ хотятъ

извѣсти мелочами. А при этомъ насъ увѣряли, что льготы страшно усложняютъ трудъ наблюденія и всю службу надзирателей, что они сбились съ ногъ, что приходится ходатайствовать объ увеличеніи состава надзирателей—все это было неосновательно потому, что теперь составъ надзирателей оставался тотъ же, а насъ стало вдвое меньше, слѣдовательно служба жандармовъ стала легче. Немного ниже я покажу по скольку человѣкъ стражи приходилось на каждого изъ насъ; теперь же сдѣлаю нѣкоторыя объясненія къ предыдущему. Намъ разрѣшили пользоваться въ камерахъ 3-мя керосинками для варки клея и клейстера, потому что ажурныя работы производились въ камерахъ и тамъ же склеивались. Керосинки также допускались въ переплетныхъ и другихъ мастерскихъ, находившихся въ жилой тюрьмѣ, гдѣ не было кухни. Изъ этого вышло кондитерское и пирожное производство—осложненіе, на которое не рассчитывало начальство. Въ старой тюрьмѣ было 10 камеръ и кухня съ плитою. Клей разогрѣвался въ кухнѣ. Одну камеру занималъ унтеръ офицеръ завѣдующій мастерскими, другая была слишкомъ сыра и мы изъ нея сдѣлали кладовую для овощей на зиму и для нашихъ солений, варений и т. д. Изъ 8 мастерскихъ, двѣ камеры, № 1 и № 10, выходили на дворъ съ парниками и цвѣтниками и туда чаще заглядывало солнце, поэтому мы отвели эти мастерскія для В. Н. Фигнеръ и Л. А. Волкенштейнъ. Въ остальныхъ 6-ти мастерскихъ, обращенныхъ въ другую сторону, гдѣ солнца никогда не бывало (окна выходили на дворъ при тюрьмѣ Іоанна Антоновича), было 5 столярныхъ и 1 токарня. Такъ какъ столяровъ было больше, чѣмъ столярентъ, то приходилось въ старой тюрьмѣ на одну столярню по 2 хозяина. Каждый изъ нихъ сдѣлалъ себѣ верстакъ. Камеры были очень малы и тамъ трудно было повернуться. Изъ этого выходило, что много необходимыхъ для работы предметовъ пришлось держать внѣ камеры, не говоря уже о томъ, что лѣсъ для работы можно было сложить только въ коридорѣ передъ мастерскими. Тамъ же помѣщалось и точило для точенія топоровъ, рѣзцовъ, стамесокъ и пр. Кругляки для токарной работы тоже невозможно было держать въ рабочей камерѣ, а козлы для большой пилы стояли внѣ тюрьмы на дворѣ. Какъ только начиналась работа (отъ 10 до 3-хъ час.), дежурному поминутно приходилось отворять камеры: одному нужно было выбрать себѣ доску и отпилить кусокъ ея; другому выбрать круглякъ и распилить его на части на козлахъ; третьему нуженъ былъ клей, или тиски для склеиванія досокъ (тиски лежали около кухни); четвертому нужно было наточить топоръ или другой инструментъ, и т. д. И такъ этотъ круговоротъ совершался непрерывно въ теченіе 5 часовъ. Такой порядокъ дѣйствительно былъ неудобенъ для жандармовъ и кончилось тѣмъ, что насъ перестали запирали въ мастесркихъ, предоставивъ каждому выходить куда ему нужно по дѣламъ. И установился такой порядокъ: офицеры и дежурные наблюдали только затѣмъ, чтобы не находилось одновременно болѣе 2-хъ человѣкъ въ коридорѣ, 2-хъ въ кухнѣ

и 2-хъ на дворѣ; да еще чтобы наши дамы не встрѣчались съ нами ни въ коридорѣ, ни на дворѣ, ни въ кухнѣ. Зато въ мастерскихъ у дамъ была всегда открыта форточка и около нея, по приглашенію В. Н. Фигнеръ и Л. А. Волкенштейнъ стояли 2 человѣка, занимаясь бесѣдою, чаепитіемъ, чтеніемъ. А въ 1895 году перестали запираить и самую тюрьму, гдѣ были мастерскія, и установилось болѣе широкое общеніе: въ коридорѣ, кухнѣ и мастерскихъ собирались безъ счету, и только при посѣщеніи коменданта насъ просили разойтись по камерамъ. При этомъ и дежурнымъ стало несравненно легче: они перестали себя изводить ненужнымъ надзоромъ. Какъ несостоятельны были увѣренія властей, что льготы увеличиваютъ трудъ надзора, видно изъ слѣдующаго расчета, не говоря уже о логической нелѣпности такого утвержденія, потому что льгота есть освобожденіе отъ надзора. За нами надзидало: комендантъ, два его старшихъ помощника (одинъ изъ нихъ смотритель), младшій помощникъ или завѣдующій мастерскими и кухней, начальникъ строевой команды и его помощникъ. Итого 2 штабъ-офицера, 4 оберъ-офицера, 30 унтеръ-офицеровъ съ вахмистромъ и завѣдующимъ кухней, строевая команда въ 75 рядовыхъ при нѣсколькихъ унтеръ-офицерахъ и 30 человѣкъ нестроевыхъ. Итого 105 рядовыхъ; т. е. на каждого изъ насъ приходилось по 5 рядовыхъ по $1\frac{1}{2}$ унтеръ-офицера и 1 офицеръ на 3-хъ заключенныхъ. Такой надзоръ обходился государству 80,000 руб. въ годъ: такъ что въ 1904 году, когда въ крѣпости оставалось 12 человѣкъ, содержаніе каждого стоило по 6666 рублей въ годъ. При этомъ конечно на заключенныхъ собственно выходило очень немного. Когда насъ было 20 человѣкъ, то наше довольствіе стоило 1656 руб.; чай 212 руб.; на мастерскія около 200 руб.; потомъ стали давать на книги 140 руб. и по 10 руб. на рождество и Пасху на всю тюрьму. Итого 2228 руб. на всю братію. Отопленія на нашу долю приходилось немного: всегда было холодно. Освѣщенія слишкомъ много потому, что не позволяли тушить лампы ночью ¹⁾; одежда, бѣлье и обувь стоили весьма недорого.

Изъ сказаннаго о льготахъ, данныхъ начальствомъ, и о расширеніи ихъ нашими личными силами не слѣдуетъ заключать объ устойчивости этихъ облегченій. По моему мнѣнію въ послѣднемъ счетѣ все тутъ зависѣло отъ вѣяній, которыя существовали въ высшихъ російскихъ сферахъ. И намъ казалось, что по отношенію къ намъ и нашимъ дѣламъ ближайшаго начальства мы могли составить представленіе, конечно довольно туманное, о существовавшихъ настроеніяхъ правительства. Въ зависимости отъ этихъ настроеній и вѣяній успѣхи развитія нашего общенія въ тюрьмѣ походили на шествіе правовѣрнаго мусульманина въ Мекку: въ болѣе счастливыя времена мы дѣлали 2 шага впередъ и шагъ назадъ, въ менѣе счастливыя времена 2 шага назадъ и шагъ впередъ.

¹⁾ Потомъ у насъ было электрическое освѣщеніе и лампочки можно было тушить.

Послѣ опубликованія коронаціоннаго манифеста насъ постигъ министръ Горемыкинъ. Это было важнымъ для насъ событіемъ по своимъ послѣдствіямъ. До этого времени шлиссельбургскихъ заключенныхъ обходили не только всѣ манифесты, но на нихъ не распространялись и общія льготныя постановленія для каторжанъ уголовныхъ и политическихъ. Годъ нашего каторжнаго пребыванія состоялъ полностью изъ 12 мѣсяцевъ; раздѣленія на разряды испытуемыхъ и исправляющихся не существовало: всѣ были испытуемыми; перевода въ вольныя команды не полагалось. Насъ неоднократно оповѣщали, что шлиссельбургская тюрьма особая тюрьма, что она внѣ закона, что безсрочные останутся въ заключеніи до смерти, а срочные по окончаніи срока, день въ день, будутъ высланы на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста. Мы просили министра о дозволеніи получать русскіе и иностранные журналы и газеты, о перепискѣ съ родными и о разрѣшеніи получать отъ родныхъ книги и деньги, и свиданія съ товарищами въ камерахъ, о прогулкѣ втроемъ, о замѣнѣ трехъ верхнихъ досокъ въ заборахъ, что вокругъ нашихъ огородовъ, деревянными рѣшетками, чтобы на дѣлѣ было возможно огородничество и садоводство и чтобы видѣться съ сосѣдями хоть черезъ рѣшетку, и объ увозѣ душевно-больныхъ въ психіатрическія лечебницы. Наши просьбы были уважены отчасти: было разрѣшено обмѣниваться письмами съ родными (мать, отецъ, братъ, сестра, мужъ, жена, сынъ, дочь) два раза въ годъ, но съ подчиненіемъ переписки тюремной и департаментской цензурѣ, съ обязательствомъ ничего не писать о тюрьмѣ и тюремныхъ порядкахъ. Денегъ, книгъ или какихъ нибудь посылокъ отъ родныхъ получать не разрѣшалось, на книги и журналы дано было кажется 140 или 130 руб. въ годъ. Русскія газеты не допускались къ выпискѣ, иностранныя же даже за текущій годъ были дозволены. Русскіе журналы можно было получать только за прошлый годъ, иностранные за текущій. Свиданія втроемъ воспрещались. Рѣшотки въ огородахъ были сдѣланы и наконецъ постепенно стали переводить больныхъ въ психіатрическія лечебницы. Еще раньше изъ департамента прислали старую «Ниву» за 83, 84, 85 и кажется за 86 г.г. Желаніе знать о томъ, что дѣлается въ Россіи, что переживаетъ теперь родина было такъ велико, что мы дорожили всякой печатной бумагой. Мы дорожили каждымъ замараннымъ клочкомъ газеты, занесеннымъ вѣтромъ на нашъ дворъ. Жандармы давали намъ въ переплетъ свои книги и мы ихъ подвергали тщательному изслѣдованію, въ надеждѣ встрѣтить тамъ если не прямое указаніе на событія, то хоть какую нибудь опору для заключенія о событіяхъ. Но всѣ наши поиски были напрасны: не таковы были эти книги, а мы занимались этимъ безнадежнымъ дѣломъ съ упорствомъ маниака. Слово: «новости» для насъ имѣло очень большое значеніе. Это было первое слово, которымъ мы обмѣнивались утромъ при встрѣчѣ другъ съ другомъ.

За неимѣніемъ лучшаго, мы жадно подхватывали и пере-

давали далѣ наши домашнія новости. Отсюда видно, какимъ событіемъ для нашей личной и общей жизни было полученіе журналовъ даже за прошлый годъ. Денѣги были ассигнованы, и мы написали «Русское Богатство», «Міръ Божій», *Review of Reviews*, *Times Weeky*, *Revue des Revues*. Съ какимъ мучительнымъ и радостнымъ чувствомъ мы переживали послѣдніе дни, послѣдніе часы ожиданія! Для чтенія русскихъ журналовъ мы раздѣлились на двѣ равныя группы. Книжка давалась на четыре дня, и къ ней прилагался маршрутъ, по которому слѣдовали отъ одного къ другому книжки въ группѣ. По прочтеніи 12-го № послѣднимъ, происходилъ обмѣнъ журналовъ между группами. Потомъ, чтобы дать возможность каждому поскорѣе познакомиться съ особенно интересными отдѣлами журнала, этотъ порядокъ былъ реформированъ: книги выдавались не на 4 дня, а иногда на день, или на 2, а потомъ каждая книжка съ тою же послѣдовательностію выдавалась второй разъ еще на 2 дня. Потомъ мы выписали «Научное Обзорѣніе» и «Хозяинъ». Иностранные журналы читались безъ срока но не задерживались. Иллюстрированный журналъ Стэда *Review of Reviews* намъ нравился потому, что за 7 шиллинговъ давалъ много интереснаго матеріала, конечно въ сокращенномъ изложеніи, изъ англійскихъ, американскихъ, австралійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, италянскихъ журналовъ. Кромѣ передовыхъ статей съ обзоромъ событій за мѣсяцъ, въ каждомъ № помѣщалась біографія какой нибудь знаменитости, напримѣръ: Гладстона, Гавелока (другъ и ученикъ Роберта Оуэна; интервью по поводу 100-лѣтней годовщины его жизни) Бёрнса, Рёскина, Викоріи, Макъ-Кинлея и т. д., и, въ концѣ книги романъ какого нибудь знаменитаго автора въ сокращенной передачѣ. Въ *Times Weekly* помѣщались всѣ передовыи и важнѣйшія статьи за недѣлю изъ ежедневнаго *Times'a* парламентскія засѣданія и пр. Одинъ годъ, по недоразумѣнію мы получили *The Idler*, иллюстрированное ежемѣсячное изданіе, оказавшееся сборникомъ разсказовъ, гдѣ самыми интересными являлись похождения сыщика Шерлока Гольмса, Копанъ Дойля, и французскую націоналистическую газету *Echo de Paris*—мы были наказаны за то, что польстились на дешевку. Морозовъ выписывалъ для себя журналъ Крукса *The Ghemical News*.

Наконецъ дружнымъ натискомъ на коменданта Обухова мы добились разрѣшенія получать «Сынъ Отечества» Шеллера за текущей годъ и дешевую газету Молчанова «Петербургъ». «Сынъ Отечества» получали менѣе года, а «Петербургъ» кажется, два года. Но это завоеваніе принесло намъ много огорченія. «Сынъ Отечества» выдавался очень неаккуратно: одни №№ задерживались, другіе попадали къ намъ съ вырѣзками. Въ этомъ же году «Сынъ Отечества» прекратилъ свое существованіе. Начальство этимъ поспѣшило воспользоваться и другою газету выписать не позволило. Люди каются въ дурныхъ дѣлахъ, наши опекунъ каились въ добромъ дѣлѣ: газеты были запрещены и запрещены «для нашего же блага»: «Васъ газеты слишкомъ волнуютъ!» Департаментъ

безповоротно запретилъ газеты. А вскорѣ изъѣяли съ тою же благодѣтельною цѣлью «Хозяина» и «Книжныя Извѣстія» Вольфа. Я думаю, что издатель Книжныхъ Извѣстій будетъ очень изумленъ, узнавши, что есть такіе люди, которые волнуютъ его каталоги.

Полковникъ Гангартъ давалъ намъ «Русскую Мысль», «Историческій Вѣстникъ» за прошлый годъ и «Ниву» съ приложеніями за текущій годъ. Слѣдующій комендантъ давалъ только «Вѣстникъ Иностранной Литературы». Всѣ покупаемые журналы отъ тюремнаго начальства мы возвращали въ переплетахъ, или сброшюрованными и, хотя намъ предлагали за это плату, но мы отъ нея отказались. Такъ что переплетной работы у насъ было очень много и потому она стала обязательной. Каждый долженъ былъ въ годъ переплестъ 12 средней величины книгъ, или сброшюровать 24 книги. Одна большая книга, напримѣръ «Нива», считалась за двѣ. За выпиской журналовъ и газетъ, на книги оставалось около 50 рублей въ годъ; да еще М. Н. Тригони¹⁾ отдалъ на книги уцѣлѣвшіе какимъ то чудомъ и высланные ему департаментомъ 100 рублей, отобранныхъ при арестѣ. Нашъ докторъ Н. С. Безродновъ, который, къ сожалѣнію, пробылъ у насъ не долго, оказалъ намъ большую услугу: онъ сталъ намъ доставлять изъ Музея при солянѣ городкѣ коллекціи, новыя книги и новыя журналы: «Русское Богатство», «Міръ Божій», «Вѣстникъ Европы», «Жизнь», «Новое Слово», *Revue de deux Mondes*. Въ уплату за разсмотрѣніе коллекцій мы переплетали музейскія книги и журналы и отправляли въ Музей свои коллекціи, очень изящныя работы по органографіи на стеклянныхъ пластинкахъ (В. Н. Фигнеръ, М. В. Новорусскій, І. Д. Лукашевичъ, В. Г. Ивановъ), Гербаріи и исполняли по заказу другія работы для школъ, напримѣръ: вычерчивали и раскрашивали въ увеличенномъ масштабѣ таблицы и диаграммы изъ иностранныхъ статистическихъ временниковъ. Вторые экземпляры всего этого оставались для нашего Музея. Кромѣ этого мы получили отъ своего начальства два большихъ заказа: сдѣлать ограду изъ точеныхъ колонокъ къ памятнику павшихъ на штурмѣ Шлиссельбурга воиновъ и парты со школьными досками для школы, которая открылась въ крѣпости для жандармскихъ дѣтей. Деньги за эти работы пошли на покупку книгъ. Такимъ образомъ до 1904 г. у насъ составила порядочная библіотека въ 2000 съ лишнимъ томовъ. Если исключить оттуда совсѣмъ негодныя и не нужныя книги прежней библіотеки, затѣмъ обширный отдѣлъ изящной словесности, все же останется нѣсколько сотъ хорошихъ книгъ.

Мы жадно глотали книги, особенно журналы, читая и днемъ и ночью. Нѣкоторые поглощали по 300 страницъ въ день, и нельзя сказать, что такое чтеніе было бесполезно. Мы очень отстали отъ текущей жизни; въ журналистикѣ мы встрѣчали новыя имена, «новыя слова», новыя мысли, новую постановку вопроса, новыя формулы, и сначала должны были узнать эти незнакомыя явленія лично, недовѣряя пересказу

¹⁾ Послѣ двадцатилѣтняго заключенія былъ сосланъ на Сахалинъ.

товарищей; поэтому нужно было читать все сплошь, сначала «начерно», чтобы охватить сразу всю картину, а потом уже остановиться на деталях, заслуживающих особенного вниманія, т. е. читали «на-чисто» вторично все замѣчательное. Всѣ мы были трудолюбивы. Въ первое время, когда не было порядочныхъ книгъ и когда насъ охватила филологическая и огородная горячка, одинъ заключенный переписалъ для себя словарь Александрова, а другой Руководство Ботаники. Но такое трудолюбіе, можетъ быть объясняется пустотой и безсодержательностію тюремной жизни. Но трудоспособность иныхъ товарищей удивительнѣе потому, что вмѣстѣ съ нею проявлялась благотворная, цѣлебная сила труда. С. А. Ивановъ и Н. А. Морозовъ видимо таяли и умирали на нашихъ глазахъ, но никогда не валялись на кровати, а переноса страданія на ноги и въ трудахъ, выхаживались. Напримѣръ С. А. Ивановъ: у него кровотеченіе, онъ еле дышетъ, а бѣжить не выспавшись въ огородъ и тамъ копаетъ, таскаетъ носилки, дѣлаетъ нелегкую, но привычную ему работу; оттуда несетъ въ столярную, рубить, стругаетъ; затѣмъ снѣсигитъ на кухню, варить, маринуетъ, или печетъ пирожки, которые посылаетъ къ обѣду товарищамъ. Послѣ обѣда онъ уже въ сапожной пьетъ башмаки для В. Н. Фигнеръ или Т. А. Волкенштейнъ. На вечерней прогулкѣ слушаетъ лекцію, или принимаетъ живѣйшее участіе въ дебатахъ. А если среди этого водоворота интересующихъ его занятій, кто нибудь изъ товарищей призоветъ его на помощь, онъ бросаетъ свое дѣло и съ тѣмъ же увлеченіемъ помогаетъ. При всемъ этомъ несетъ общественную службу старосты, или библіотекаря и находитъ время читать и дѣлать обширныя выписки, компиляціи и писать оригинальные и прекрасные разсказы. Такъ забывалъ въ трудахъ онъ о себѣ и о своихъ не дугахъ и недуги тоже его забывали. Совершенно то же слѣдуетъ сказать о М. Ф. Фроленко, прибывшемъ къ намъ изъ Алескѣ-евскаго равелина еле живымъ: его могло спасти только чудо и этимъ чудомъ являлся неустанный трудъ. Фроленко принадлежалъ къ симпатичнѣйшему типу вѣчнаго искателя правды, забывавшаго о себѣ и на кострѣ. Рѣчи этого человѣка, искавшаго чистую и свѣтлую правду, имѣя всегда передъ собою одну кривду, были очень трогательны. Тоже Н. А. Морозовъ до того былъ поглощенъ своими идеями и научными трудами, что ему некогда было думать о своей болѣзни, и это его спасало. А между тѣмъ въ тюрьмѣ легко равняется мнительность и склонность давать слишкомъ много мѣста самонаблюденію.

Рѣшотки были сдѣланы и огороды стали освѣщаться лучше; но намъ нужны были свиданія. 1-ый, самый обширный огородъ имѣлъ съ одной стороны общій заборъ съ V и VI клѣтками, и въ этомъ мѣстѣ могли видѣться три пары; но такъ какъ заборы были очень высоки, то для свиданія черезъ рѣшотку нужно было сдѣ-

латъ платформы со ступеньками. Закипѣла дружная работа, и неуспѣло начальство опомниться, какъ вездѣ возникли крытыя бесѣдки и открылись свиданія. Начальство повидимому искало приличнаго предлога, чтобы уступить, а приличный предлогъ былъ подъ рукою: намъ нужно было гдѣ нибудь укрываться отъ постоянного лѣтняго дождя. При 1-мъ огородѣ, гдѣ сходились три пары, причемъ въ V клѣткѣ обыкновенно бывали дамы, открылись аудитория, клубъ и собирались митинги. Тамъ Лукашевичъ читалъ нѣсколько лѣтъ свои лекціи, тамъ демонстрировались чужія и свои коллекціи, читались рефераты, происходило общее чтеніе нѣкоторыхъ журнальныхъ статей и книгъ, велись дебаты по нѣкоторымъ жгучимъ вопросамъ, которые волновали Россію; тамъ происходило общее пиршество въ наши праздники: одни уходили, другіе приходили на ихъ мѣсто, такъ что всѣ успѣвали принять участіе въ общемъ веселіи, или высказать свое мнѣніе на митингѣ. Тутъ велись пренія съ книгами въ рукахъ. Эти пренія протекали чисто по-русски: плохо выслушивали другъ друга, говорили вмѣстѣ, разъясняли вопросъ не по существу, прибѣгали къ утонченному схоластическому толкованію мелочей, вносили слишкомъ много жару и нетерпимости въ возраженія. Зато возраженія и замѣчанія на лекціи и рефераты подавались съ парламентской правильностію. Горячность въ преніяхъ пужно скорѣе отнести къ нашей болѣзненной раздражительности, чѣмъ къ теоретическому разногласію, а въ практическихъ дѣлахъ мы всегда были единодушны. Вспомните, какъ наши великіе дѣды расходились на многія недѣли изъ за феноменологіи Гегеля (см. Былое и Думы), или изъ за различнаго постиженія таинственнаго процесса «прообразованія и проступленія духа»! И тогда станетъ понятно, что различное пониманіе даже несущественныхъ вопросовъ можетъ послужить поводомъ для ссоры обитателей за рѣшоткой. Наша практика насъ мирила и соединяла; наши же ссоры пожалуй служили показателемъ, что со стороны внѣшняго на насъ давленія было благополучно. Мы ссорились и умѣли мириться; но по мѣрѣ того, какъ нашъ кружокъ рѣдѣлъ, мы сходились тѣснѣе и дружнѣе и, когда насъ осталось 13, всякія ссоры отошли въ область преданія. Замѣчательно, что въ первыя свиданія черезъ рѣшетку мы не соразмѣряли силу голоса съ разстояніемъ, раздѣлявшимъ пары: мы кричали словно переговаривались черезъ рѣку, а между тѣмъ тюрьма обострила нашъ слухъ. Потомъ это мало по малу прошло.

При содѣйствіи Н. С. Безроднова мы приобрѣли недорогой микроскопъ и подъ руководствомъ Лукашевича дѣлали несложныя наблюденія, а Морозовъ устроилъ небольшую химическую лабораторію, гдѣ и читалъ лекціи химіи.

Всѣ наши льготы, въ сущности, состояли въ позволеніи снимать пенки со снятого и разбавленнаго молока; такъ напр: намъ разрѣшили съѣдать только одну часть своего хлѣбнаго пайка, а

за другую долю покупать сласти, молоко, масло, муку, изюмъ, кофе, какао, и т. д. Я бралъ ежедневно по $\frac{1}{4}$ фун. черного хлѣба, так. обр. у меня въ мѣсяцъ составлялась экономія отъ 1 р. 50 до 1 р. 55 к. Не могу сказать кто, подавъ сигналъ къ новому почти всеобщему увлеченію: мы занялись винокурениемъ. Наши рабочіе, искусные мастера, сдѣлали изъ жести нѣсколько кубовъ съ змѣевиками. Сохарный сиропъ съ изюмомъ въ сѣпковой чашкѣ ставился около калорифера. Когда броженіе достигало извѣстной силы, забродившая жидкость сливалась въ кубъ: кубъ замазывался по швамъ и ставился на керосинку; а змеевикъ укладывался въ умывальную раковину подъ кранъ, изъ котораго пускалась вода, охлаждавшая спиртовые пары. Зимой охлаждали снѣгомъ, который таскали со двора въ наволочкѣ. Затѣмъ перегоняли вторично черезъ толченый уголь, и получалась крѣпкая и чистая водка, но обходилась страшно дорого. Изъ водки дѣлали ликеры, подбавляя ягоднаго сока. Замѣчательно, что дежурные видѣли все это и молчали. Такое потворство было непостижимо. Во время броженія и перегонки около камеры носился тяжелый кабацкій духъ, а они и вида не подавали. Кромѣ того, готовая водка хранилась въ камерѣ, и въ наше отсутствіе они ее видѣли. Командантъ о винокурениіи ничего не зналъ: смотритель же Федоровъ молчалъ до поры до времени, чтобы подсесть коменданта. Потомъ, съ цѣлію, сеадить коменданта, онъ написалъ доносъ, не сообразивши, что онъ доносить, и на себя. Приѣхалъ ревизоръ. Намъ успѣли предупредить и все было спрятано: ревизоръ нашелъ только шлемъ къ кубу. Смотритель былъ уволенъ, а намъ просили ликвидировать винокурение, а чтобы не было соблазну, запретили покупать изюмъ.

Одинъ изъ товарищей курилъ капустные листья: а въ цвѣтникахъ между другими цвѣтами попадалась никоціана. Таково было повидимому начало нашихъ табачныхъ плантацій. Кому то пришло въ голову выписать табачныя сѣмена и руководство къ разведенію и приготовленію табака. По нашей неписанной хартіи списокъ книгъ, которыя мы желали купить подвергался строгой, многостепенной цензурѣ: выписка же огородныхъ и цвѣточныхъ сѣмянъ была свободна отъ цензуры. Так. обр. мы получили и послали Гаванну, Огайо, Гунди Виргинскій, выносливый сортъ и Америкъ-фортъ, т. е. голландскую махорку. Въ первый годъ урожай вышелъ хорошій, особенно Виргинскаго и махорки. Гаванна не удалась, но и Виргинскій приходилось для куренія смѣшивать съ махоркой. На 2-ой годъ лѣто удалось сухое и солнечное. Сборъ былъ большой и приготовленіе табака было удачнѣе. Табачныя градки очень украшали огороды и начальство любовалось ими, ничего не подозревая. Дежурные недоумѣвали, когда мы складывали въ камерахъ листья въ папуши, заворачивая кучу простынею и халатомъ, разбирали и сартировали папушу, а потомъ, нанизавъ листья на шпагатъ развѣшивали въ мастерскихъ и огородахъ для

просушки. Староста добылъ кремни, мастера сдѣлали стальныя кресало, а трутъ каждый дѣлалъ изъ старыхъ портянокъ. Наши загадочныя манипуляціи стали понятны, когда мы закурили свои папиросы и сигаретки. Унтера пришли въ восхищеніе отъ огненной махорки, а старшее начальство дивилось нашей изобрѣтательности. Кажется на третій годъ дк. Безродновъ сталъ убѣждать насъ бросить куреніе доморощенного табаку, признавая его вреднымъ и отравляющимъ воздухъ, особенно во время броженія въ папушахъ, и обѣщалъ хлопотать о снабженіи насъ настоящимъ табакомъ, въ виду того, что въ тюрьмѣ цынга никогда не прекращалась. Дѣйствительно, послѣдовало разрѣшеніе и была ассигнована небольшая сумма, и каждый курящій могъ получить 1 фунтъ табаку въ 1 руб., папиросную бумагу и нѣсколько коробокъ спичекъ. Тогда мы ликвидировали разведеніе табаку.

Въ ноябрѣ 1896 года комендантъ прочиталъ бумагу, тѣмъ до кого это касалось, о примѣненіи къ нимъ коронаціоннаго манифеста. Срочнымъ славляли отъ 1 до 3-хъ лѣтъ и они отправлялись на поселеніе. Л. А. Волкенштейнъ и Манучаровъ на Сахалинъ, Шибалинъ и Мартыновъ—въ Вилюйскъ; Суровцевъ и Яновичъ—въ Средне-Колымскъ. Панкратову былъ сокращенъ срокъ, но онъ долженъ былъ еще сидѣть до 1898 года. Три безсрочныхъ, Поливановъ, Стародворскій и я, переводились въ 20-тилѣтній разрядъ. Остальныхъ манифестъ не коснулся.

ГЛАВА V.

Дорогіе товарищи уѣхали; наша жизнь стала еще бѣднѣе и мы углубились въ книги. Наступила пора специализаціи по разнымъ научнымъ областямъ. Въ этомъ періодѣ процвѣтали лекціи. Кромѣ правильныхъ курсовъ Лукашевича и чтеній Морозова были и случайныя лекціи. Одинъ товарищъ, по желанію В. Н. Фигнеръ, которое для него, какъ и для многихъ другихъ, было закономъ—иначе онъ бы не дерзнулъ выступить лекторомъ,—читалъ, или скорѣе, передавалъ своими словами превосходное сочиненіе Рилъ: «Теорія науки и метафизики», которое у насъ имѣлось въ невозможномъ переводѣ, изобиловавшемъ дикими терминами: напр. «Затребѣ», «Помѣта», «Видоводъ», «Винословныя отношенія», «Манъ» и т. д. Соціологіей интересовались всѣ. Наиболѣе популярными авторами были: Гиддинсъ, Арнольди, Штамлерь; Энгельсъ и Каутскій имѣли у насъ своихъ сторонниковъ. Вмѣстѣ съ русскимъ обществомъ и мы заинтересовались философіей, или собственно теоріей познанія. Популярными авторами были: Риль, Авенариусъ, Геффдингъ, Махъ, Оствальдтъ. Читали съ большимъ вниманіемъ книги и статьи Михайловскаго Чернова, Струве, Бельтова, Ильина, Туганъ-Барановскаго, С. Булгакова, Бердяева. Беллетристы: Короленко, Чеховъ Горькій, Вересаевъ имѣли для насъ особенное значеніе. Кто-то ска-

заль, что писатель—это пророкъ новаго времени. Намъ нуженъ былъ пророкъ-обличитель, указующій выходъ изъ бесплодной, безводной, безмолвной пустыни. Струя свѣжей поэзіи, если и не напоила насъ, то освѣжила нашу надежду и оживила вѣру въ грядущее новое. То же, по моему, слѣдуетъ сказать о публицистикѣ послѣдняго времени. Книги, которыя мы выписывали, подвергались необъяснимой цензурѣ, словно рукою цензора водила прихоть. Комендантъ намъ говорилъ: «Я знаю, что васъ не испортитъ никакая книга (читай: «горбатаго могила исправить»); но департаментъ руководится своими соображеніями... Департаментъ же позволятъ къ чтенію 2-ой и 3-ей т.т. «Капитала», а «Свободу торговли» Явжула запрещалъ; сочиненія Достоевскаго находилъ опасными для нервно разстроенныхъ заключенныхъ, а несравненно болѣе опасное пребываніе между нами помѣшанныхъ игнорировалъ, пока они не стали разбивать головы жандармамъ.

Въ это время мы стали разводить кроликовъ. Они слишкомъ плодились и портили огороды и кустарники, поэтому было рѣшено распродать ихъ, но покупателей не находилось, а сами бѣсты свои выводы мы ни хотѣли, и пришлось роздать ихъ жандармамъ.

Всякій разъ, когда подобныя увлеченія проходили, мы спрашивали себя, какое же новое увлеченіе явится на смѣну. Кто-то въ данномъ случаѣ предложилъ премію за предсказаніе, и предсказателя не нашлось, а черезъ нѣсколько дней въ одной клѣткѣ явились пѣтухъ съ курицею и возникло куроводство. Увлеченіе было такъ серьезно, что построили въ двухъ клѣткахъ по избушкѣ для куръ. Куроводство намъ приносило существенную пользу; мы бѣли цыплятъ и свѣжія яйца. Куроводство было запрещено во время погрома, о которомъ будетъ сказано.

Въ 1898 г. вывели В. С. Панкратова въ Вилуйскъ; въ 1901 г. М. Н. Тригони, отбывшаго полностью свои 20 лѣтъ, отправили на Сахалинъ; а въ 1902 г. Поливанова въ Степной край. Насъ осталось 12 чел. старыхъ и 1 вновь прибывшій П. В. Карповичъ. Съ 1887 г. до 1901 г. къ намъ не прибывало новыхъ товарищей. О прибытіи и трагической смерти Софьи Гинсбургъ мы ничего не подозрѣвали. Много времени спустя одинъ жандармъ разсказывалъ, что она привела въ старой тюрьмѣ нѣсколько дней, что по ея заявленію ей дали швейную работу, иголки, ножницы. Ночью она вскрыла себѣ артеріи и утромъ дежурные нашли ее мертвой. Карповичъ прибылъ въ июнь, когда у насъ цвѣли розы, и мы приветствовали его цвѣтами и дарами, т. е. послали ему все то, чего онъ не могъ получить отъ жандармовъ, а долженъ былъ заводить постепенно: полотенце, платки, гребенку, зеркало, стулъ, кофей-

никъ, варенье, кофе, масло, яйца, торты, бумагу, карандашъ, перочинный ножъ. Познакомились съ нимъ въ тотъ же день. Перестукиваться съ нимъ было невозможно: онъ не зналъ нашей системы, да и потомъ не научился; но мы прямо подходили къ двери его камеры и разговаривали съ нимъ минутой другую. Онъ принесъ намъ добрыя вѣсти о пробужденіи Россіи. Первыми его словами были: «Гг.! черезъ 3, 4 года въ Россіи будетъ революція и падутъ русскія Бастиліи!» Для гулянья ему назначили крайнюю 1-ю клѣтку, которая отдѣлялась отъ сосѣдней 2-ой клѣтки заборомъ безъ рѣшетокъ. Разговаривали съ нимъ около двери, ведущей въ его 1-ю клѣтку.

Можно сказать, что въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ у насъ издавалась свободная политическая газета, дававшая обстоятельный отчетъ о недавнихъ событіяхъ. Карповичъ, одаренный удивительной памятью, передавалъ программы партій, резолюціи стѣздовъ, воспроизводилъ содержаніе нелегальныхъ изданій и знакомилъ съ интересными литературными произведеніями, напр., съ романомъ Степняка «Андрей Кожуховъ», въ сокращенномъ изложеніи. Мы, съ своей стороны, знакомили его съ нашей жизнью и порядками, и съ нашей прошлой дѣятельностію.

Начальство стало стѣснять наши сношенія съ нимъ, тогда одинъ изъ товарищей прыгнулъ къ Карповичу черезъ заборъ. На другой день, когда мы собрались на дворъ у парниковъ, Карповичъ тѣмъ же путемъ отдалъ намъ визитъ. Комендантъ вступилъ въ переговоры. Мы потребовали, чтобы Карповичу дали свиданія. Комендантъ клялся, что это внѣ его власти. Разговоры у дверей продолжались. Черезъ 3 мѣсяца Карповичъ потребовалъ, чтобы ему дали работу подъ руководствомъ товарища въ столярной. Мы поддерживали его требованія. Начальство увѣряло, что раньше года на это рассчитывать невозможно. Карповичъ сталъ голодать, а мы перестали выходить на прогулку и работу. Карповичъ голодалъ 9 дней. Въ тюрьмѣ ежедневно происходили бурныя объясненія съ начальствомъ, которыя при нашей раздражительности могли ежеминутно завершиться рукопашной. Изъ Петербурга пріѣхалъ докторъ для дипломатическихъ переговоровъ. Карповичу объявили, что ему разрѣшатъ работу въ мастерскихъ въ скоромъ времени, если онъ перестанетъ голодать. Онъ не шелъ ни на какіе компромиссы и объявилъ, что до сихъ поръ онъ пилъ воду, а теперь для ускоренія развязки не будетъ пить. Такъ прошло еще два дня. На 11-ый день ему объявили, что его желаніе будетъ исполнено немедленно. Въ непродолжительномъ времени его стали сводить съ нами на прогулкѣ. Первые встрѣчи съ нимъ лицомъ къ лицу въ нашемъ клубѣ были замѣчательнымъ моментомъ въ тюремной жизни. Онъ насъ словно омолодилъ, заразилъ насъ своей бодростію, энергіей, неистощимой веселостію и твердой увѣренностію. Около него одинъ товарищъ смѣнялъ другого и тамъ не умолкали шумные разговоры, оживленныя рѣчи, общіе возгласы.

У насъ было присвоено каждому какое нибудь прозвище. Зашла

рѣчь, какъ окрестить Карповича? Кто-то предложилъ назвать его: «Счастье ревущаго стана!» (см. рассказъ Бретъ-Гарта за такимъ же заглавіемъ). Это было очень удачное, но длинное названіе, и его назвали «Веніаминомъ». Карповичъ очень даровитый человѣкъ: руки у него по истинѣ золотыя. Меньше чѣмъ черезъ годъ онъ сталъ прекраснымъ столяромъ, хорошимъ переплетчикомъ, шилъ товарищамъ башмаки, сталъ слесаремъ и кузнецомъ, огородникомъ, цвѣтоводомъ и прекраснымъ рисовальщикомъ. Онъ срисовалъ съ небольшихъ рисунковъ, взятыхъ изъ Всеобщей Энциклопедіи ¹⁾ и изъ учебниковъ 25 или болѣе ботаническихъ таблицъ большого размѣра, изящно отдѣлавъ ихъ красками. По случаю моего отъѣзда, онъ взялъ 2 или 3 урока у В. Н. Фигнеръ и связалъ мнѣ плотную шерстяную фуфайку. Не научился онъ только перестукиваться.

Одинъ мыслитель говорить, что опасно все то, что случается неожиданно или приходитъ съ неизвѣстной стороны. Сущность нашего заключенія состояла въ томъ, что мы были оглушены, ослѣплены и разъединены для того, чтобы парализовать самооборону; а самое жизненное стремленіе заключенныхъ состоитъ въ томъ, чтобы соединиться. Понятно, что невѣдомая опасность есть главная стихія тюремной жизни и обитатели тюрьмы всякую минуту пребываютъ какъ бы на вулканѣ.

Мы воображали, что наши вольности укоренились въ то время, когда надвигалась гроза, которая унесла ихъ. Сначала отобрали старую тюрьму, съ кухнею, которая для насъ была такъ необходима. Это было равносильно упраздненію 8 мастерскихъ. Мастерскія предложили перенести въ общую тюрьму, но это было невозможно, даже еслибъ тамъ и нашлось достаточно мѣста, такъ какъ шумная работа въ жилой тюрьмѣ раздражала больныхъ и мѣшала здоровымъ отдыхать и заниматься. Старую тюрьму на нашихъ глазахъ передѣлывали для помѣщенія тамъ новыхъ заключенныхъ. Двѣ камеры № 2 и № 6 были слѣпно отдѣланы и ежедневно отоплялись; отсюда мы справедливо заключили, что на-дняхъ привезутъ новыхъ плѣнниковъ. вмѣстѣ съ тѣмъ мы лишились и большого двора при старой тюрьмѣ. Такимъ образомъ упразднилось наше парниковое хозяйство, цвѣтники, теплички; пропадали для насъ ягодные кусты и 15 или 20 яблонь и грушъ, которыя только что стали приносить плоды. Мы лишились ледника, устроеннаго нами на этомъ дворѣ, и потеряли возможность пользоваться круглой пилой, потому что некуда было перенести длинный сарай для этой пилы. Кузнецу пришлось перенести въ одинъ изъ огородовъ. Затѣмъ стали стѣснять переписку съ родными. Запрещено было писать о своихъ занятіяхъ и о своемъ здоровьѣ, такъ что оставалось писать только о погодѣ и, наконецъ, намъ объявили, что полученіе

¹⁾ У насъ не хватало денегъ на покупку Энциклопедіи. П. В. отдалъ возвращенныя ему 60 руб. и тогда Энциклопедія была выписана.

журналовъ русскихъ и иностранныхъ запрещено, и перестали выдавать для переплета жандармскую Ниву и единственную русскую газету, которую мы получали: «Хозяинъ». Запретили даже Книжныя Извѣстія Вольфа и календарь Гатцуга. Все это указывало на какіе то важныя событія въ Россіи. Въ этотъ моментъ къ намъ въ огородъ занесло вѣтромъ обрывокъ газеты, въ которомъ сообщалось о смерти Сипягина. Мы насторожились. Изъ крайней камеры № 40-ой въ верхнемъ этажѣ видна была та часть крѣпостного двора, гдѣ расположены офицерскіе флигеля, канцелярія, домъ коменданта и крѣпостныя ворота. Въ нашу и старую тюрьму съ жандармскаго двора проходили черезъ караульный домъ, который стоялъ шагахъ въ 15 противъ общей тюрьмы. Въ ворота около караульнаго дома проносили только нашихъ покойниковъ, да провозили дрова, песокъ, навозъ и громоздкіе предметы. Однажды, въ сумерки квартирантъ № 40-го замѣтилъ на крѣпостномъ дворѣ особенное движеніе. Пронесли въ канцелярію тюфякъ и подушку. Потомъ комендантъ, офицеры и вооруженная команда прошли черезъ крѣпостныя ворота на пристань. Скоро оттуда возвратилась толпа; остановилась на минуту около канцеляріи и разошлась по домамъ. П. Л. Антоновъ говорилъ, что видѣлъ въ толпѣ высокаго блондина—больше ничего не было видно, такъ какъ стало темно. Поздно вечеромъ заскрипѣли желѣзныя ворота возлѣ караулки и солдаты пронесли нѣсколько бревенъ къ старой тюрьмѣ, за которой находился дворъ (у башни Іоанна Антоновича), гдѣ казнили. А глубокой ночью черезъ дверь караулки прослѣдовала большая толпа къ старой тюрьмѣ. Когда разсвѣло, оттуда прошли назадъ группами: комендантъ съ офицерами, священникъ, за нимъ солдаты съ сложенной ризою подъ рукой, докторъ, команда; а потомъ уже днемъ обратно пронесли бревна, рабочіе инструменты и пустое ведро, въ которомъ очевидно была извѣсть. Эти наблюденія указывали, что тамъ совершилась въ это утро казнь. Впослѣдствіи я узналъ, что тогда казнили Балмашева. Но какъ и когда провели въ старую тюрьму Сазонова (№ 2?) и Качуру (№ 6), мы не замѣтили. И узнали то, что тамъ есть новички, когда туда стали носить въ судкахъ обѣдъ и ужинъ.

Наконецъ, чтобы завершить поворотъ къ старому порядку, комендантъ Обуховъ и смотритель Гузь учинили, безъ всякаго вызова съ нашей стороны, насиліе надъ больнымъ товарищемъ. Дѣло было такъ: въ нестроевой командѣ, которая убирала коридоры, выметала стружки изъ мастерскихъ, носила обѣдъ и кипятокъ и пр., былъ одинъ очень услужливый, добродушный и словоохотливый солдатикъ. Сообщить намъ, что нибудь интересное онъ не могъ, потому что неинтересовался тѣмъ, что для насъ важно. М. Р. Поповъ, возмущенный послѣдними стѣсненіями въ перепискѣ съ родными, склонилъ этого солдатика бросить написанное Поповымъ письмо къ матери въ почтовый ящикъ въ городѣ. Такъ Поповъ думалъ избѣжать жестокой цензуры. Солдатикъ взялся за это дѣло. Адреса нашихъ родныхъ и нашъ почеркъ

были извѣстны начальству и Поповъ изъ предосторожности просилъ солдатика написать адресъ своею рукою. Солдатикъ писать не умѣлъ и обратился за помощью къ своему товарищу, а потомъ бросилъ письмо въ почтовый ящикъ, прибитый у дверей коменданта. Поповъ не позвѣвалъ существованія такого почтового ящика въ крѣпости, а солдатикъ по наивности не догадался, что вся крѣпостная корреспонденція, даже идущая, отъ офицеровъ, просматривается комендантомъ. На другой день Обуховъ, разбирая письма къ отправленію въ швейцарбургскую почтовую контору, замѣтилъ письмо съ адресомъ матери Попова. Къ дознанію быть привлеченъ надписавшій адресъ на конвертѣ солдатикъ и оговорилъ своего товарища, а тотъ признался. Обуховъ объявилъ Попову, что донесетъ о его поступкѣ. Въ тотъ же вечеръ Обуховъ, Гузъ и толпа надзирателей внезапно ворвались въ камеру С. А. Иванова, повалили его, надѣли на него смирительную рубашку и завязали ему ротъ. Съ нимъ сдѣлался истерическій припадокъ; слышались заглушенные звуки и возня. Въ тюрьмѣ поднялся адскій шумъ; раздавались бранныя выраженія, требованія объясненія. На успокоительныя заявленія Обухова и Гузя, протестовали оскорбительными словами и требованіемъ открыть камеры и показать намъ С. А. Иванова. Одного товарища отвели къ С. А. Иванову, на которомъ смирительной рубашки уже не было. Насиліе надъ больнымъ въ объясненіи Обухова приняло видъ совершенно невѣроятнаго у насъ наказанія за перестукиваніе съ сосѣдомъ. Такая крутая мѣра никогда и прежде не примѣнялась за стукъ; да и по инструкціи наказанія за маловажные поступки назначались въ извѣстной пестеппности. Но коменданту нуженъ былъ первый подвернувшійся предлогъ, чтобы открыть новую эру. На другой день, В. Н. Фигнеръ потребовала къ себѣ коменданта; тотъ не пошелъ, а послалъ Гузя. Вѣра Николаевна, со словами: «за насиліе отвѣчаю насиліемъ» сорвала съ него оба погона и прокричала намъ объ этомъ. Черезъ $\frac{1}{4}$ часа къ ней вошелъ вахмистръ и вѣжливо проговорилъ: «Извините пожалуйста, можетъ быть я васъ обезпокоилъ? Но смотритель проситъ не можете-ли вы дать ему черныхъ нитокъ пришить погонны: у насъ есть только бѣлыя!..» В. Н. просила насъ, изъ уваженія и любви къ пей, не мстить за предстоищее ей наказаніе, не подходить къ ей двери, не спрашивать ее и, если ее уведутъ, чтобы изолировать, то отнестись къ этому съ возможной сдержанностью. Лучшій, любимый, самоотверженный товарищъ, нравственное вліяніе котораго было такъ спасительно для изнемогающихъ, попалъ въ когти къ злему врагу—это было поражение; а между тѣмъ, имѣя въ рукахъ такую заложницу и не ожидая отпора съ нашей стороны, власти продолжали ошенивать наши вольности: намъ объявили, что рѣшетки въ заборахъ будутъ задѣланы досками и предложили сдать всѣ книги якобы для ревизіи. Моментъ былъ выбранъ удачно: теперь было не до борьбы изъ за рѣшетокъ, когда въ ихъ власти оставалась такая драгоценная заложница. Мы исполнили желаніе В. Н. и не безпокоили ее, но каж-

дый рѣшился, безъ всякаго соглашенія съ другими, отвѣчать на насиліе надъ Вѣрой Николаевной насиліями до конца. Это и было выражено однимъ товарищемъ коменданту. Послѣ такого заявленія докторъ, присланный изъ Петербурга замѣнить Н. Е. Безроднова вѣпредь до назначенія штатнаго доктора, обратился къ намъ съ успокоительными увѣреніями, что «все окончится благополучно!» Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ изъ департамента полиціи полковникъ для разслѣдованія, а вскорѣ вышла резолюція: Поповъ за недозволенную переписку, кажется, лишился на двѣ недѣли прогулки; а В. Н., кажется, лишилась переписки съ родными и оставалась, если не ошибаюсь, мѣсяцъ безъ прогулки.

По дѣламъ видно было мастера: такъ возвратилъ насъ Плеве въ первобытное состояніе. Вскорѣ явился къ намъ фонъ-Валь и завершилъ погромъ, отобравъ керосинки, на которыхъ мы варили себѣ кофе. Теперь намъ, какъ Сизифу, приходилось снова подымать скатившійся внизъ камень. Изъ всѣхъ льготъ удалось удержать за собой книги, да между 5-мъ и 6-мъ огородами временно была оставлена рѣшетка (6-й огородикъ В. Н.), такъ что тамъ продолжались свиданія съ В. Н. и лекціи. Намъ разрѣшили получать только одинъ ежемѣсячный англійскій естественно-научный журналъ The Knowledge. Приблизительно черезъ $\frac{1}{2}$ года послѣ описанныхъ событий, В. Н. получила бумагу о переводѣ ея въ разрядъ 20-тилѣтнихъ.

Въ этотъ глухой періодъ мы поглотили страшное множество романовъ. Мы купили, кажется, 12 томовъ in folio Dicks Edition: тамъ за 10 руб. давалось 60 полныхъ романовъ: Теккерея, Диккенса, Смолетта, Фильдинга, Купера, Стерна, Томаса Гуда, Еженя Сю, Дюма отца и сына, наконецъ Поль-де-Кока. Интересно, что намъ приходилось читать французскихъ авторовъ на англійскомъ языкѣ, а Вальтеръ-Скотта напр. на французскомъ.

Въ 1904 году, по разнымъ неувловимымъ признакамъ, по отношенію къ нашимъ заявленіямъ, по готовности выслушивать насъ и сравнительной предупредительности, мы убѣдились, что наступили новыя вѣянія. Тогда мы заявили о выпискѣ журналовъ русскихъ и иностранныхъ за прошлый годъ. Новый комендантъ полковникъ Яковлевъ отвѣтилъ: «что же, времена мѣняются: можетъ быть, и дамъ русскіе журналы; но только впередъ говорю: обкарнаю!» И дѣйствительно намъ выдали «Русское Богатство» и «Міръ Божій» за 1903 годъ безъ хроники, политики, научнаго отдѣла и безъ библіографіи; не пощадили даже беллетристики: въ повѣсти Вересаева «На поворотѣ» была вырвана середина, а Горькаго совсѣмъ не дали, причемъ комендантъ пояснилъ: «видете-ли, г.г! Горькаго не любятъ въ департаментѣ!»

Наконецъ наступилъ день нашего отѣзда. Мы простились: товарищи радовались нашему освобожденію; отѣзжающимъ было тяжело и совѣстно покидать ихъ... Я и В. Г. Ивановъ были перевезены въ домъ предварительнаго заключенія, а В. Н. Фитнеръ въ Петропавловку. Первые ночи мы провели безъ сна: насъ мучили

галлюцинаціи: едва закроешь глаза, въ полѣ зрѣнія начинали двигаться оживленные лица покинутыхъ товарищей, слышались ихъ голоса; голоса сливались въ общій шумъ и шумъ возрасталъ до грохота, подобнаго морскому прибою. Бромистый натрій успокоилъ нервное раздраженіе и прогналъ галлюцинаціи.

Первые вѣсти, полученныя нами по освобожденіи, были очень печальны: мы узнали о гибели многихъ, вышедшихъ раньше изъ крѣпости, товарищей: Яновичъ, Мартыновъ, Поливановъ застрѣлились: Тригони слѣпнетъ! И я скоро на себѣ замѣтилъ, какъ трудно переживается послѣ долгой неволи такая благотѣльная перемѣна, какъ освобожденіе. Сначала я былъ ошеломленъ, испытывалъ боязнь широкого простора, открытаго мѣста, уличнаго движенія и шума. Я избѣгалъ людей потому, что чувствовалъ себя одичавшимъ, избѣгалъ большого собранія потому, что не потерялъ еще, какъ говоритъ В. Н. Фигнеръ, «вкуса къ одиночеству». Затѣмъ я замѣтилъ, что я неправильно реагирую на воспринятое. Крупные событія и факты меня не удивляли, а мелкіе оцѣнивались непропорціонально своей маловажности. Это указывало на разстройство координаціи. На меня сразу нахлынула такая масса живыхъ, свѣжихъ, яркихъ впечатлѣній, что подавленный этимъ мозгъ не могъ правильно ассоціировать и такая ненормальность проходила очень медленно. Я не знаю, какъ переживаютъ крутую перемѣну отъ тяжелой неволи къ вольной жизни мои высокоодаренные и надѣленные исключительными силами товарищи. Болѣе совершенная и утонченная нервная организація ихъ отличается и большей устойчивостью: но высокое развитіе и дарованія не спасаютъ человѣка отъ цынги или иныхъ нажитыхъ въ тюрьмѣ болѣзней. Кромѣ того, исключительные люди и занимаютъ въ жизни исключительное положеніе со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями. Напримѣръ: Г. А. Лопатинъ, блестящій, страстный, въ высшей степени общительный человѣкъ, всегда чувствовалъ себя одинокимъ — вѣдь такова грустная привилегія высокаго развитія. Или В. Н. Фигнеръ, душа которой, душа апостола, прикованнаго къ скалѣ, томилась жестоко. Ей недоставало широкой арены, а она, подавляя страданія, забывая себя и болѣя за другихъ, великодушно снимала долю тяжелой ноши съ нихъ и несла ее на себѣ. Энергичная, отважная, самоотверженная, она всегда была впереди; и неудивительно, что въ большихъ и малыхъ дѣлахъ всѣ взоры невольно обращались къ ней, ожидая отъ нея слова, знака или примѣра. Я думаю, что такая интенсивная и щедрая жизнь не оскудѣетъ въ силу своего богатства, своей глубины и полноты.

Заключительныя слова въ дневникѣ коммунара Мейера, (кажется) близкагого изъ Кашны: «во всякомъ случаѣ я вышелъ на волю больше человекомъ, меньше моллюскомъ», я могу повторить только съ оговоркой: да! и послѣ 22-лѣтняго плѣна мы остались людьми, но вышли изъ плѣна людьми израненными.

М. Ашенбреннеръ.

„Узница“, — стихотвореніе Я. П. Полонскаго.

Общезвѣстно прекрасное стихотвореніе Я. П. Полонскаго:

„Что мнѣ она!—не жена, не любовница
И не родная мнѣ дочь!
Такъ отчего жъ ея доля проклятая
Спать не даетъ мнѣ всю ночь!
Спать не даетъ оттого, что мнѣ грезится
Молодость въ душной тюрьмѣ;
Вижу я своды... окно за рѣшеткою,
Койку въ сырой полутьмѣ...
Съ койки глядятъ лихорадочно—знойныя
Очи безъ мысли и слезъ,
Съ койки висятъ чуть не до полу темныя
Космы тяжелыхъ волосъ...
Не шевелятся ни губы, ни блѣдныя
Руки на блѣдной груди,
Слабо прижатые къ сердцу безъ трепета
И безъ надеждъ впереди...
Что мнѣ она!—не жена, не любовница
И не родная мнѣ дочь!
Такъ отчего-жъ ея образъ страдальческій
Спать не даетъ мнѣ всю ночь!“

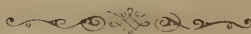
Существуетъ иная редакція этого стихотворенія, сохранившаяся въ рукописи написанной рукою самого Я. П. Полонскаго и нынѣ любезно предоставленной въ распоряженіе редакціи „Былого“ Л. Ф. Пантелѣевымъ. Рукопись датирована 1877 годомъ. Воспроизводя съ буквальной точностью текстъ стихотворенія по рукописи, отмѣтимъ, что оно значительно отличается отъ только что приведеннаго. Въ послѣднемъ не хватаетъ цѣлой половины, которая подчеркиваетъ радикальное настроеніе поэта. Въ первой же половинѣ, соответствующей печатному тексту, находимъ не мало измѣненій, вызванныхъ требованіями формы.

Что мнѣ она—не жена, не любовница
И не родная мнѣ дочь,
Такъ отчего жъ ея доля проклятая
Ходить за мной день и ночь?

Словно зоветь меня, въ злѣ неповиннаго,
Въ судъ отвѣчать за нее—
Словно страданьемъ ея заколдовано
Бѣдное сердце мое.
Вотъ и теперь, мнѣ какъ будто мерещится
Жесткая койка тюрьмы,
Двери съ засовами, окна подъ сводами,
Мертвая тишь полутьмы,
Изъ полутьмы этой смотреть два знойные
Глаза безъ мысли и слезъ,
Не шевелятся ни губы, ни смятыя
Космы тяжелыхъ волосъ,
Не шевелится ни локоть, ни тощія
Руки на тощей груди,
Слабо прижатыя къ сердцу безъ трепета
И безъ надеждъ впереди,—
Сколько же лѣтъ ей? Семнадцать неужели?
Правда ли,—мнѣ говорить,—
Что эта дѣвушка, въ счастья не жившая,
Что ей не вѣрять и мстять,—
Мстять ей за бѣдность ея безъ смиренія
Мстять за свободу рѣчей
Мстять ей за страстный порывъ нетерпѣнія
Мстять за любовь безъ цѣпей.
Можетъ ли быть? Мнѣ какъ будто не вѣрится,
Что такъ тяжелъ приговоръ
Свѣта, въ которомъ кишатъ лицемѣрные
Плуты—развратникъ иль воръ.
Скоро ли жъ будетъ бѣдняжка оправдана
Снова любить и желать?
Или ужъ скоро ли въ саванѣ вынесутъ
Тѣло ея отпѣвать?
О, что нибудь! или жизни придавленной
Дайте вздохнуть и расцвѣсть,
Иль до суда поспѣшите добить ее,
Чтобъ утолить вашу месть.

1877 г.

Я. П. Полонскій.

Дѣло М. И. Михайлова.

(По неизданнымъ матеріаламъ).

Михайлъ Илларионовичъ Михайловъ, извѣстный въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія русскій писатель,—одинъ изъ тѣхъ, которые, по странной случайности и не безъ вліянія цензуры ¹⁾, почти совершенно незнакомы нашему времени. Бѣдность литературы о немъ поразительна ²⁾; его беллетристическія произведенія теперь уже не читаются, переводы изъ Гейне, Лангофелло, Гуда и другихъ довольно общеизвѣстны, но мы вообще не помнимъ именъ переводчиковъ; наконецъ, публицистическія статьи Михайлова, преимущественно по женскому вопросу, тоже основательно забыты за массою позднѣйшей литературы по этому поводу ³⁾.

Между тѣмъ, Михайловъ вполне заслуживаетъ реставраціи его въ нашей памяти еще и потому, что онъ, будучи однимъ изъ первыхъ авторовъ русской прокламаціонной литературы, былъ первымъ политическимъ ссыльнымъ въ царствованіе Александра II, когда, казалось,

1) Она такъ тщательно хранила его имя въ своихъ темныхъ инквизиціонныхъ подвалахъ, что, напримѣръ, въ числѣ мѣстъ, подлежащихъ исключенію въ моей книгѣ—«Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 годовъ», напечатанной въ концѣ 1903 г. безъ предварительной цензуры и, по постановленію главнаго управленія по дѣламъ печати, перепечатанной въ 1904 г. со многими сокращеніями и измѣненіями,—была такая строка, помѣщенная въ концѣ обзора русской общественной жизни за 1861 годъ (стр. 41): «14 декабря Михайловъ сосланъ въ каторгу». Всѣ мои доказательства противъ ея исключенія самимъ начальникомъ управленія, сенаторомъ и бывшимъ профессоромъ, Звѣревымъ, были отвергнуты.

2) Лучше всего фигура этого выдающагося шестидесятника очерчена въ тѣхъ мѣстахъ воспоминаній Шелгунова, которые были вырѣзаны цензурой изъ павленковскаго изданія его сочиненій въ 1891 году. Только специалисты имѣютъ возможность ознакомиться съ ними по нѣсколькимъ уцѣлѣвшимъ экземплярамъ. Затѣмъ надо указать на статью г. Бѣлозерскаго (Порошина)—«Отъ Петербурга до Нерчинска» въ декабрьской книгѣ «Русской Мысли» 1902 г., замѣтку г. Мельшина (Якубовича) въ № 54 «Степного Края» 1896 г., на выпускъ XXV «Международной бібліотеки», №№ 80 и 81 «Голоса» 1866 г. и на отрывки изъ записокъ самого Михайлова, напечатанные во второмъ приложеніи къ сборнику «Государственные преступленія въ Россіи» подъ ред. Б. Базилевскаго (г. Богучарскаго). Если сюда прибавить маленькую замѣтку въ «Энциклопедическомъ словарѣ» Ефрона, то получится, кажется, все.

3) Вотъ главнѣйшія изданія работъ Михайлова. «Пѣсни Гейне въ переводѣ М. И. Михайлова», Спб., 1858 г.; «Въ провинціи», Спб. ч. I—1859 г. ч. II—1860 г.; «Собраніе стихотвореній М. Михайлова», Спб. 1890 г.; «Женщины, ихъ воспитаніе и значеніе въ семьѣ и обществѣ», Спб. 1903 г.

началась заря новой политической жизни... Въ ней такъ скоро разочаровались...

Въ моемъ распоряженіи имѣется копія съ дѣла о Михайловѣ, хранящагося въ сенатскомъ архивѣ. Въ немъ заключается все, что можетъ служить матеріаломъ для основательнаго ознакомленія съ самымъ процессомъ Михайлова, въ свое время достаточно нашумѣвшимъ.

I.

Въ концѣ 1860 года въ Петербургъ пріѣхалъ изъ Москвы корнетъ Всеволодъ Дмитріевичъ Костомаровъ, племянникъ извѣстнаго петрика, вскорѣ «прославившійся» нѣсколькими «исторіями» на почвѣ до сихъ поръ еще не вполне выясненной близости къ III-му Отдѣленію... Имѣя письмо отъ А. Н. Плещеева, онъ явился къ Михайлову просить содѣйствія въ своихъ литературныхъ работахъ по части самостоятельной и переводной поэзіи. Разговорившись съ Михайломъ Илларионовичемъ, жившимъ съ супругами Шелгуновыми, онъ настолько разоткровенничался, что показалъ имъ напечатанное на отдѣльных листкахъ свое стихотвореніе, поражавшее нецензурностью и подписанное полною его фамиліей. Знакомство такимъ образомъ завязалось.

Лѣтомъ слѣдующаго, 1861-го года, Л. П. Шелгуновой надо было ѣхать за границу лѣчить параличъ своихъ ногъ; ее сопровождали мужъ и Михайловъ. Сначала они прожили въ Наугеймѣ, на водахъ, затѣмъ Шелгуновы поѣхали въ Парижъ, а Михайловъ—въ Лондонъ, къ хорошо знакомымъ Герцену и Огареву, съ которыми онъ видѣлся уже въ первую свою поѣздку, въ 1857 году. Тамъ Михайловъ составилъ, а Герценъ напечаталъ прокламацію «Къ молодому поколѣнію», которая въ срединѣ іюля и была привезена первымъ въ Петербургъ.

Здѣсь Михайловъ въ теченіе августа нѣсколько разъ видѣлся съ Костомаровымъ, зачѣмъ-то пріѣзжавшимъ изъ Москвы, показалъ ему прокламацію и даже просилъ распространить ее въ Москвѣ, на что получилъ отказъ.

Проходитъ немного времени, и Костомаровъ арестовывается по доносу яко-бы своего тоже арестованнаго брата...

1-го сентября раннимъ утромъ къ незнавшему объ этомъ Михайлову являются полиціеімейстеръ Золотницкій, жандармскій полковникъ Ракѣвъ и квартальный, и производятъ обыскъ. Послѣ очень тщательныхъ поисковъ, найдено было: портретъ Герцена съ его автографомъ, изданная имъ въ 1854 г. брошюра «27 февраля 1854 г. Народъ-

ный сходъ въ память переворота 1848 г. St. Martin Halle Long Aire, въ Лондонѣ» и напечатанныя за границей стихотворенія Пушкина, не вошедшія въ русскія изданія. Михайловъ не растерялся и почти вслѣдъ за удаленіемъ обыскивавшихъ отправился за объясненіемъ въ III Отдѣленіе. Гр. Шуваловъ объяснилъ, что онъ подозрѣвается въ участіи въ дѣлѣ о тайной типографіи московскихъ студентовъ и что ориентировать его могутъ въ близкомъ будущемъ, но уже не въ III Отдѣленіи, а въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, куда передано это дѣло. Только на слѣдующій день Михайловъ узналъ объ арестѣ Костомарова...

Вернувшись изъ III Отдѣленія, онъ рѣшилъ спѣшить съ распространеніемъ лежавшей на квартирѣ прокламаціи и случайно не найденной при обыскѣ: она лежала въ печкѣ, задвинутой кресломъ.

4-го сентября самъ Шуваловъ получилъ одинъ экземпляръ «Къ молодому поколѣнію». Началась суматоха и розыски. Тутъ какъ разъ попало въ руки перлюстрированное письмо Костомарова къ молодому графу Ростовцеву, сыну извѣстнаго Якова Ивановича, въ которомъ Костомаровъ извѣщалъ, что на него сдѣланъ доносъ его братомъ, и просилъ разыскать адресъ «М. Мих.» и предупредить его, чтобы принялъ всѣ мѣры къ уничтоженію «М. П.». Этого было достаточно, чтобы догадались, что подъ первымъ сокращеніемъ скрывался Михайловъ, а подъ вторымъ—«Къ молодому поколѣнію».

14 сентября, ночью, у Михайлова былъ сдѣланъ вторичный обыскъ, который, кромѣ двухъ жандармскихъ штабъ-офицеровъ, Щербацкаго и Житкова, производилъ извѣстный тогда сыщикъ Путилинъ, взявшій на помощь еще около десятка жандармовъ и полицейскихъ, «бабу Аграфену», четырехъ сыщиковъ и двухъ понятыхъ. Вотъ какую важность придавали возможности обнаружить автора и распространителя одной изъ первыхъ прокламацій. Но кромѣ альбома, въ которомъ были автографы Герцена и Огарева, ничего не нашли. Тогда Путилинъ послалъ куда то записку; прошло съ полчаса обшлаго ожиданія, прерваннаго явившимся жандармомъ... Михайловъ былъ одѣтъ и увезенъ въ домъ III Отдѣленія, что и нынѣ занятъ департаментомъ полиціи, на Фонтанкѣ, у Лѣтняго сада.

Въ тотъ же день, когда былъ арестованъ Михайловъ, объ этомъ стало извѣстно въ литературномъ мірѣ и обществѣ: на лицо былъ рассказчикъ-очевидецъ, Н. В. Шелгуновъ, комнаты котораго тоже были подвергнуты внимательному обыску. Впечатленіе этого, тогда очень рѣдкаго, случая было велико. Многие, не подозрѣвая въ Михайловѣ автора и распространителя прокламаціи «Къ молодому поколѣнію»,

искренно удивлялись, нѣкоторые недоумѣвали, но все такъ или иначе возмущались. Уже слишкомъ арестъ не вязался съ атмосферой того времени... По словамъ Шелгунова, дня черезъ два или три у издателя «Русскаго Слова», гр. Кушелева-Безбородко собрались почти все петербургскіе литераторы, чтобы обсудить это дѣло, посоветоваться и предпринять что нибудь въ пользу арестованнаго товарища. Было чловѣкъ до ста. Послѣ довольно продолжительныхъ дебатовъ, рѣшено было подать петицію министру народнаго просвѣщенія, вѣдавшему цензурой, а, слѣдовательно, болѣе другихъ прикосновенному къ литературѣ,—въ которой просить его принять участіе въ судьбѣ Михайлова, а если въ дѣйствіяхъ его есть что нибудь несомнѣнно подвергающее его отвѣтственности, то допустить къ слѣдствію депутата отъ литераторовъ. По любопытной для того времени дружности всехъ прогрессивныхъ элементовъ, еще не дифференцировавшихся въ партіи, составленіе петиціи было поручено... отставному жандармскому подполковнику, С. С. Громеку, уже заявившему себя въ широкомъ кругу статьями въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ», а въ болѣе интимномъ—корреспонденціями въ «Колоколѣ»... Представленіе петиціи было поручено депутація изъ гр. Кушелева, Красвскаго и Громеки.

Путицкій, разумѣется, не соизволилъ принять депутацію въ полномъ составѣ, допустивъ лишь передъ свои свѣтлыя очи Кушелева. Когда послѣдній заявилъ, что онъ пришелъ отъ сословія литераторовъ не одинъ, то филаретовскій ставленникъ отвѣтилъ, что такого сословія въ Россіи не знаетъ, но петицію принялъ. Разумѣется, она была препровождена въ III Отдѣленіе—и дерзкихъ смѣльчаковъ приказано было посадить на гауптвахту; потомъ государь отмѣнилъ свое рѣшеніе.

Такимъ образомъ это по тогдашнимъ временамъ смѣлое заступничество за товарища не имѣло никакихъ практическихъ для Михайлова результатовъ ¹⁾.

Ему было предъявлено указанное письмо Костомарова и послѣ нѣкоторыхъ заирательствъ и очной ставки съ Костомаровымъ, на которой послѣдній съ наглостью сказалъ, что, разумѣется, Михайловъ привезъ прокламацію не для того, чтобы оклентъ ею стѣны своего кабинета,—Михайловъ написалъ очень пространное сознаніе.

Привожу его полностью.

¹⁾ Въ виду того, что, по другой версіи, литераторы просили допустить къ слѣдствію двоинина, такъ какъ двоининомъ былъ Михайловъ, я обратился за разъясненіемъ къ М. А. Антоновичу. Уважаемый писатель категорически опровергъ подобныя розсказни и заявилъ, что хорошо знаетъ и помнитъ, что дѣло происходило именно такъ, какъ разсказываетъ Шелгуновъ.

«Понятное чувство самосохраненія заставляло меня сначала стараться по возможности отклонить отъ себя хоть часть падавшихъ на меня обвиненій въ привозѣ изъ-за границы и распространеніи здѣсь печатнаго воззванія «Къ молодому поколѣнію»; но, видя тяжкое нравственное состояніе г. Всеволода Костамарова, перехваченное письмо котораго выдало меня, видя, какъ его мучить невозможность выгородить меня изъ этого несчастнаго дѣла, я считаю противнымъ совѣсти скрывать долѣе истину.

«Вотъ какъ было дѣло.

«Весною нынѣшняго года я отправился за границу, съ единственною цѣлью—отдохнуть хоть немного отъ постоянныхъ усиленныхъ литературныхъ занятій. Я поѣхалъ съ семействомъ Шелгуновыхъ, съ которыми жилъ въ Петербургѣ вмѣстѣ; но въ Германіи простился съ ними, и посѣтилъ уже одинъ сначала Голландію, потомъ Англію. Здѣсь, въ Лондонѣ, я видѣлся довольно часто съ Герценомъ и Огаревымъ, съ которыми давно уже знакомъ ¹⁾).

«Однажды, въ разговорѣ съ ними, по поводу цензурныхъ стѣсненій я выразилъ мысль, что смилженію ихъ содѣйствовало бы усиленіе тайной прессы въ самой Россіи. Разговоръ невольно перешелъ къ возможности печатать за границей изданія, съ обозначеніемъ на нихъ, что они печатаны въ Петербургѣ. Тогда Герценъ предложилъ мнѣ написать для опыта статью съ этою цѣлью.

«Такъ какъ въ теченіе всей моей почти пятнадцатилѣтней литературной дѣятельности это былъ первый опытъ написать что либо политическаго содержанія, то опытъ вышелъ крайне неудаченъ, и изъ нѣсколькихъ страницъ, набросанныхъ мною, не осталось и половины въ воззваніи «Къ молодому поколѣнію»,—такъ что я не могъ бы по совѣсти никакъ выставить подъ нимъ своего имени, если бы оно, по содержанію своему, могло быть напечатано въ Россіи явно.

«Листъ «Къ молодому поколѣнію» тогда же былъ напечатанъ—сколько мнѣ извѣстно, въ очень незначительномъ количествѣ экземпляровъ, но въ какомъ именно—не знаю. Знаю лишь то, что я не могъ и этого количества взять съ собою вполне, какъ потому, что мнѣ

¹⁾ 31 октября, отвѣчая на вопросъ сенаторовъ—„объясните, когда именно вы прибыли въ Лондонъ, долго ли тамъ пробыли, когда приступили къ совѣщанію съ Герценомъ на счетъ сочиненія воззванія „Къ молодому поколѣнію“, когда написали черновой проектъ воззванія, когда получили отпечатанные листы и когда выехали изъ Лондона?“ — Михайловъ написалъ: „Въ Лондонѣ прибылъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, пробылъ тамъ двѣ недѣли съ небольшимъ. Съ Герценомъ я говорилъ вскорѣ по пріѣздѣ, но разговора этого, такъ какъ онъ не имѣлъ главной цѣлью печатанія сочиненія „Къ молодому поколѣнію“, совѣщаніемъ я назвать не могу. Черновой проектъ написанъ мною вскорѣ по пріѣздѣ въ Лондонъ, а отпечатанные листы я получилъ наканунѣ отъѣзда“.

нельзя бы было провезти его на себя, не возбуждая подозрѣнія въ таможенѣ, такъ — еще болѣе — потому, что мнѣ не было бы возможности распространить его безъ чьей-либо помощи; а я твердо рѣшился не втягивать никого въ это опасное дѣло. Такимъ образомъ я взялъ съ собою двѣсти пятьдесятъ экземпляровъ.

«Срочныя работы по изданію «Энциклопедическаго словаря», въ коемъ я участвую какъ одинъ изъ редакторовъ, заставили меня вернуться въ Россію ранѣе, чѣмъ я думалъ, — и изъ Лондона я, почти не останавливаясь, проѣхалъ, чрезъ Парижъ и Штетинъ, въ Петербургъ¹⁾).

«Тотчасъ же по пріѣздѣ сюда занялся я приготовленіемъ къ распространенію листа «Къ молодому поколѣнію», не говоря о томъ никому ни слова. Лучшимъ средствомъ казалось мнѣ сначала отправить все по городской почтѣ; но, такъ какъ я боялся обратить вниманіе необычнымъ количествомъ писемъ, и не могъ бы разнести всего самъ, не возбуждая подозрѣнія, то этою мѣрой и рѣшился воспользоваться только въ самой незначительной степени.

«Будучи совершенно одинъ въ домѣ, я могъ очень удобно приготовить все къ сентябрю, какъ было мною рѣшено²⁾). Небольшую долю экземпляровъ — сколько помню, никакъ не болѣе тридцати пяти-шести, я разложилъ по одному въ пакеты, и сдѣлалъ адреса, на удачу, по адресъ-календарю, измѣняя по возможности свой почеркъ и разнообразя его. Затѣмъ около двухъ сотъ экземпляровъ разложилъ въ двадцать пакетовъ большаго размѣра — по три, по пяти, по десяти и по пятнадцати на пакетъ (ихъ лишь впоследствии надписалъ я карандашемъ), съ тѣмъ, чтобы разнести ихъ по редакціямъ разныхъ журналовъ и по нѣкоторымъ болѣе или менѣе извѣстнымъ мнѣ лицамъ, коихъ квартиры я зналъ.

¹⁾ 23 октябри, на вопросъ сенаторовъ: „въ своей запискѣ Вы упоминаете, что изъ Лондона, гдѣ напечатано было воззваніе, Вы возвратились въ Петербургъ черезъ Парижъ и Штетинъ. Объясните, на какихъ именно таможенныхъ Вы подвергались досмотру, гдѣ Вы скрывали, какъ во время путешествія за границей, такъ и по прибытіи въ Россію, тѣхъ съ 250 экземплярами воззваній и какими образомъ досмотровики пропустили безпрятственно означенный тѣхъ, а также, когда именно Вы возвратились въ Петербургъ?“ — Михайловъ отвѣчалъ: „По возвращеніи изъ за-границы я былъ осматрѣнъ на петербургской таможенѣ; за границей я везъ свертокъ съ листомъ „Къ молодому поколѣнію“ просто въ чемоданѣ, а отправляясь изъ Штетина моремъ, надѣлъ на себя тѣхъ, въ которыхъ были зашиты экземпляры, а незначительная часть ихъ была у меня разложена по карманамъ. Замѣтить на мнѣ ничего было нельзя, потому что одѣтъ я былъ съ ловкостью: при томъ же осматривали только мои чемоданы, а меня не осматривали. Возвратился я въ Петербургъ въ среднихъ числахъ іюля мѣсяца“.

²⁾ Рѣшено это было еще въ Лондонѣ, потому что Михайловъ не разсчитывалъ вернуться въ Петербургъ раньше конца августа. Поэтому и въ прокламаціи, послѣ заглавія, значилось: „напечатано безъ цензуры въ Петербургѣ, въ сентябрь 1861 года“. Между тѣмъ, онъ пріѣхалъ сюда на мѣсяцъ раньше.

«Мнѣ хотѣлось сначала послать часть въ Москву; но я не зналъ, какъ это сдѣлать, не отправляя по почтѣ. Случайный прїѣздъ въ Петербургъ г. Костомарова далъ мнѣ мысль, что онъ могъ бы отвезти туда какую нибудь долю экземпляровъ. Я, вполне полагаясь на его скромность, рѣшился предложить ему это. Онъ однако не согласился, и ни одного экземпляра отъ меня не взялъ.

«1-го сентября былъ у меня произведенъ полицейскій обыскъ, во время котораго свертокъ съ воззваніемъ лежалъ въ печи въ моемъ кабинетѣ, подъ золой и ненужными рванными бумагами. Такъ какъ воззваніе напечатано на весьма тонкой бумагѣ и было хорошо спрессовано, то спрятать его было не трудно. Къ печкѣ было придвинуто кресло. Послѣ обыска я думалъ было сжечь все, и вѣроятно сдѣлалъ бы это, если бъ зналъ, что арестованъ Костомаровъ, единственный человѣкъ, слышавшій отъ меня, что у меня есть экземпляры листа «Къ молодому поколѣнію».

«На другой же день вечеромъ я отправилъ по городской почтѣ пакеты, ходя большею частію пѣшкомъ, и отдавая по два и по три въ мелочныхъ лавочкахъ, гдѣ принимается городская корреспонденція. Это взяло у меня не особенно много времени.

«Такъ же немного понадобилось мнѣ времени и въ два слѣдующіе вечера для развозки большихъ пакетовъ по разнымъ редакціямъ и другимъ лицамъ. Такъ какъ адреса были у меня для разныхъ частей города, то я соображался съ мѣстностью, чтобы не разѣзжать много. Гдѣ было можно, проходилъ пѣшкомъ; но вообще ѣздилъ на извозчикахъ, всякій разъ ихъ мѣняя. Я громко звонилъ у дверей, клалъ пакетъ рядомъ на полъ (или опускалъ въ ящикъ для писемъ, гдѣ такіе были) и быстро сходилъ съ лѣстницы. Такъ какъ у меня за раскладкою въ пакеты оставалось экземпляровъ двадцать или нѣсколько болѣе, то я, имѣя ихъ при себѣ въ карманѣ, разбросалъ ихъ по два и по три на лѣстницахъ, уже не звоня. Я бралъ съ собою по десяти пакетовъ въ вечеръ. Чтобы отвлечь подозрѣніе дома, я точно также подкинулъ пакетъ съ нѣсколькими экземплярами у своей квартиры, общей съ квартирою г. Шелгунова.

«Въ провинцію не посылалъ я ни одного экземпляра; но по окончаніи распространенія отправилъ послѣдніе четыре экземпляра въ штемпельныхъ кувертахъ по городской почтѣ къ нѣкоторымъ изъ высшихъ правительственныхъ лицъ ¹⁾.

¹⁾ На допросѣ сенаторами 23 октября Михайловъ показалъ: „Четыре экземпляра были посланы мною къ слѣдующимъ правительственнымъ лицамъ: начальнику III Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи, графу Шувалову, и министрамъ: Муравьеву, Валуеву и Путятину.

«Такимъ образомъ все было кончено мною въ первые четыре дня сентября: такъ именно совѣтовалъ мнѣ сдѣлать Герценъ, и такъ я общалъ ему¹⁾).

«14-го сентября былъ у меня произведенъ новый обыскъ и меня арестовали.

«Вотъ полное и чистосердечное признаніе мое во всемъ, касающемся привоза и распространенія листовъ «Къ молодому поколѣнію». Что сдѣлано въ Лондонѣ съ остальными экземплярами, которыхъ я не могъ съ собою взять: уничтожены ли они тамъ, или послѣ меня даны еще кому нибудь для распространенія, я не знаю.

«Мнѣ остается теперь объяснить побужденія, которыя заставили меня такъ дѣйствовать.

«При распространеніи листовъ «Къ молодому поколѣнію» меня руководила, какъ я уже упоминалъ выше, мысль, что усиленіе тайнаго книгопечатанія въ Россіи должно непременно имѣть вліяніе на ослабленіе цензуры. «Такимъ путемъ», думалъ я: «начиналась свобода слова вездѣ; а эта свобода составляетъ теперь всеобщее желаніе. Та горечь, то ожесточеніе, которыя невольно проявляются въ вещахъ, печатаемыхъ тайно, которыя проявились и въ листѣ «Къ молодому поколѣнію» (хотя — повторяю — въ большей части независимо отъ меня), становятся уже невозможны, когда допущено свободное гласное обсужденіе всѣхъ вопросовъ; но пока его нѣтъ, они нужны, какъ болѣе сильное средство». Въ этомъ убѣжденіи я думалъ, что распространеніе листа «Къ молодому поколѣнію», даже и въ такомъ маломъ количествѣ экземпляровъ, приблизитъ хотя немного возможность говорить въ печати съ большею свободой, чего, какъ писатель, я не могу не желать пламенно.

«Не скрою, что выйти изъ сферы моей обычной скромной дѣятельности заставила меня горькая боль сердца при вѣсти о печальныхъ случаяхъ усмиренія крестьянъ военною силой, и опасенія, что эти случаи могутъ долго еще повторяться въ будущемъ. Новозмож-

Послѣднему съ надписью на верху листа: „Надъ цензуры“.—Муравьевъ былъ министромъ государственныхъ имуществъ, Вадуновъ — внутреннихъ дѣлъ, а Путятинъ — народнаго просвѣщенія.

1) На допросѣ сенаторами 23 октября Михайловъ пояснилъ такъ это мѣсто своей записки: „Я употребилъ неточное выраженіе: «общалъ». Дѣло было просто въ разговорѣ, а не въ договорѣ, какъ, повидимому, истолковываются мои слова. Не въ первые четыре дня сентября рассчитывалъ я распространить листы „Къ молодому поколѣнію“, а вообще въ началѣ сентября, такъ какъ только къ этому времени думалъ прибыть въ Петербургъ. Кто именно поправлялъ напечатанный мною проектъ сочиненія „Къ молодому поколѣнію“, я не знаю, ибо поправки и дополненій въ рукописи не выдалъ; свою же рукопись я отдалъ Герцену, а напечатанные листы получить изъ типографіи, отъ одного изъ находящихся при ней лицъ, фамиліи котораго не знаю“.

ность прочнаго примиренія враждебныхъ партій и интересовъ безъ печатной гласности поддерживаетъ во мнѣ и теперь эти печальныя опасенія. Они тѣмъ сильнѣе, что въ нихъ участвуетъ не одна моя мысль, но и самое сердце. Покойный отецъ мой происходилъ изъ крѣпостнаго состоянія, и семейное преданіе глубоко запечатлѣло въ моей памяти кровавыя событія, мѣстомъ которыхъ была его родина. По безпримѣрной несправедливости, село, гдѣ онъ родился, было въ началѣ нынѣшняго столѣтія подвержено всѣмъ ужасамъ военнаго усмиренія. Разказы о нихъ пугали меня еще въ дѣтствѣ. Гроза прошла не даромъ и надъ моими родными. Дѣдъ мой былъ тоже жертвою несправедливости: онъ умеръ, не вынеся позора отъ назначеннаго ему незаслуженнаго тѣлеснаго наказанія. Такія воспоминанія не истребляются изъ сердца.

«Я высказалъ все.

«Глубоко чувствуя всю свою виновность, вполне сознавая преступность моего образа дѣйствій передъ лицомъ закона, я не могу ни надѣяться, ни ждать отъ него пощады, или даже смягченія заслуженнаго мною наказанія. Но милосердію Государа не поставлено предѣловъ; взывать къ нему не воспрещено и законѣнымъ преступникамъ. Ему ввѣряю я свою участь, съ твердымъ упованіемъ, что, какое бы тяжкое наказаніе ни постигло меня, незлобивое и кроткое сердце Государа не допустить, чтобы тѣнь моихъ поступковъ отразилась на счастіи и спокойствіи непричастнаго къ нимъ семейства, съ которымъ я жилъ подъ одною кровлей ¹⁾).

Отставной губернскій секретарь Михаилъ Михайловъ».

Въ извлеченіяхъ изъ записокъ Михайлова, напечатанныхъ, какъ уже указывалось, въ приложеніи къ изданію г. Богучарскаго, приведены, по позднѣйшимъ воспоминаніямъ самого Михайлова, тѣ его показанія, которыя онъ дѣлалъ сначала. Изъ нихъ видно, какъ будто не все написанное въ только что приведенной запискѣ есть безусловная истина. Тамъ даже находимъ такое замѣчаніе: «онъ сожалѣлъ о томъ, что слишкомъ поддался минутному настроенію, принявъ на себя много лишняго». За незнакомствомъ съ дѣломъ III Отдѣленія, конечно, очень трудно судить, насколько все это справедливо, но мнѣ кажется, что врядъ ли Михайловъ взялъ на себя больше, чѣмъ слѣдовало:

¹⁾ На допросѣ 31 октября, на вопросъ сенаторовъ, что это за семейство и не получало ли оно отъ Михайлова содержанія и пропитанія, онъ отвѣчалъ: „Семейство, о которомъ я говорилъ, состоитъ со мною только въ отношеніяхъ хозяина квартиры къ постояльцу, хотя я пользовался отъ него очень дорогимъ для меня вниманіемъ. Это подполковникъ корпуса лѣсничихъ Шелгуновъ и жена его, у нихъ есть маленькій сынъ. Содержанія и пропитанія оно отъ меня не получало, я только платилъ за квартиру, которую нанималъ у нихъ“.

ужь слишкомъ довѣрчиво и ясно все его показаніе и дальнѣйшее поведеніе, чтобы можно было съ этимъ согласиться. Шелгуновъ, по крайней мѣрѣ, нигдѣ не указываетъ, что Михайловъ не былъ авторомъ и распространителемъ прокламаціи, наоборотъ, онъ только склоненъ обвинять Костомарова въ излишней откровенности.

Мнѣ кажется, что выраженіе: «принялъ на себя много лишняго» — было просто по невниманію написано вмѣсто: «показалъ много лишняго» или чего-нибудь въ этомъ родѣ. Дѣло въ томъ, что Костомаровъ, повидимому, зналъ о прокламаціи къ солдатамъ, приписываемой Шелгунову. Дорожа покоемъ послѣдняго и его жены, Михайловъ ужасно боялся, чтобы Костомаровъ на очныхъ ставкахъ не наболталъ чего-нибудь лишняго, и, чтобы сдѣлать эти ставки совершенно больше ненужными, взялъ на себя больше того, что могъ бы взять, если бы исключительно думалъ о самомъ себѣ. На такое толкованіе сомнительныхъ словъ есть указаніе и въ запискахъ Михайлова.

Съ другой стороны, г. Пантелѣвъ категорически утверждаетъ, что «Къ молодому поколѣнію» написано Шелгуновымъ ¹⁾. За отсутствіемъ ясныхъ и неопровержимыхъ доказательствъ противнаго, трудно спорить съ такимъ утвержденіемъ. Но мнѣ кажется, что ужь если Михайловъ рѣшился не вмѣшивать въ дѣло своего друга, то зачѣмъ было принимать на себя хоть часть прокламаціи, отчего было не сказать, что авторъ неизвѣстенъ ему, желавшему быть лишь распространителемъ; зачѣмъ было сочинять передѣлку кѣмъ-то своей рукописи; почему, наконецъ, Шелгунову не написать было въ воспоминаніяхъ, что авторомъ прокламаціи былъ не его другъ. Не говорю уже о томъ, что при этомъ г. Пантелѣвъ сообщаетъ подробности перевоза прокламаціи изъ Лондона въ Россію, говоря, что Михайловъ провезъ 600 экземпляровъ заклеенными Шелгуновымъ въ дно чемодана. Невѣрность этого свѣдѣнія подвергаетъ сомнѣнію и первое.

Впрочемъ, повторяю, все это, все-таки, предположенія, болѣе или менѣ основательныя догадки.

Первая ночь, проведенная имъ въ казематѣ III Отдѣленія, разумѣется, прошла безъ сна. Затѣмъ потянулись скучные, однообразные, тяжелые дни... Въ запискахъ Михайлова есть разсказъ о томъ, какъ у него обманомъ было взято какое-то письмо къ государю, для того якобы, чтобы документально закрѣпить его показанія; но мнѣ кажется, что здѣсь, какъ и еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тѣхъ же записокъ, какая-то неточность. Зачѣмъ было закрѣплять уже достаточно закрѣ-

¹⁾ „Изъ воспоминаній прошлаго“. Спб. 1905 г., 330.

пленное только что приведеннымъ пространнымъ сознаниемъ?.. Архивъ III Отдѣленія, можетъ быть, помочь бы выяснитъ эту деталь.

7 октября у великаго князя Михаила Николаевича, бывшаго тогда главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, происходило особое совѣщаніе, на которомъ гр. Шуваловъ подробно ознакомилъ присутствовавшихъ со всѣми матеріалами по дѣлу Михайлова. Послѣ непродолжительнаго обсужденія было постановлено: испросить высочайшее разрѣшеніе немедленно предать его суду, по указанію министра юстиціи, какую именно форму послѣдняго онъ считалъ бы наиболѣе цѣлесообразной. Государь одобрилъ это рѣшеніе и приказалъ сообщить министру юстиціи, Замятнину, чтобы тотъ сдѣлалъ распоряженія о «самоскорѣйшемъ производствѣ сего дѣла, такъ какъ преступленіе Михайлова выходитъ изъ разряда обыкновенныхъ преступленій».

11 октября Замятнинъ былъ увѣдомленъ объ этомъ Шуваловымъ, сообщавшимъ, что, кромѣ дѣла по прокламаціи «Къ молодому поколѣнію», Михайловъ прикосновененъ и къ дѣлу о распространеніи запрещенныхъ сочиненій, по которому Валуевымъ учреждена особая комиссія подѣ председательствомъ состоявшаго при немъ д. ст. сов. Собѣщанскаго ¹⁾).

II.

Замятнинъ призналъ за лучшее судить Михайлова въ сенатѣ по I отдѣленію 5 департамента, получилъ на это высочайшее согласіе и написалъ сенату немедленно выполнить волю государя. Общее собраніе петербургскихъ департаментовъ сдѣлало соответствующее сообщеніе въ отдѣленіе. Последнее состояло изъ сенаторовъ: Г. П. Митусова, Н. М. Корнѣева, К. Б. фонъ-Венцеля, А. П. Бутурлина, А. А. Волоцкого, М. М. Корніолинъ-Пинскаго, оберъ-прокурора Н. А. Буцковскаго и оберъ-секретаря Кузнецова.

¹⁾ Членами ея были Стороженко, Фонъ-Визинъ и Любимовъ. На допросѣ сенаторами 23 октября Михайловъ показалъ по этому поводу: „Прикосновенность моя къ указанному дѣлу заключается въ томъ, что при арестѣ въ Москвѣ г. Всеволода Костомарова найдены у него два рукописныя сочиненія: „Къ крестьянамъ“ и „Къ солдатамъ“. Какъ то, такъ и другое были у меня въ рукахъ и оба получены Костомаровымъ отъ меня, одно (послѣднее) лично, а другое черезъ студента Сорого. Въ сочиненіи ихъ я не принималъ участія и получилъ ихъ, не помню отъ кого, какъ ходившія будто бы въ рукописи по рукамъ. Одна изъ этихъ статей, написанная неразборчиво и съ пропусками, повидимому, была мною переписана нѣсколько измѣненнымъ почеркомъ, и при перепискѣ я только прибавилъ съ чисто литературной точки зрѣнія нѣсколько строкъ, самаго содержанія которыхъ не помню. Даны мною были помянутыя сочиненія Костомарову лишь для его личнаго прочтенія и затѣмъ уничтоженія. Другихъ запрещенныхъ сочиненій я не распространялъ. Когда именно даны мною Костомарову и Сорого помянутыя рукописи, я въ точности не помню, но около весны вышшняго года или въ концѣ зимы“. Потомъ дѣло это было выдѣлено и Михайловъ специально за него не пострадалъ.

Въ это время, 14 октября, Михайловъ былъ переведенъ уже въ Петропавловскую крѣпость. По дорогѣ отъ провожавшаго жандарма онъ узналъ, что туда посажена масса студентовъ за только что разыгравшіеся беспорядки въ петербургскомъ университетѣ. По словамъ Шелгунова, «Михайловъ во всю жизнь не ѣлъ столько рябчиковъ и всякихъ родовъ варенья, сколько ему теперь посылалось». Разрѣшалось посылать книги, съѣстное, папиросы...

Какъ только молодежь прослышала, что въ невскую куртину перевезенъ ея любимый поэтъ, такъ ему очень скоро былъ присланъ слѣдующій привѣтъ, по словамъ г. Пантелѣева, принадлежащій перу Н. И. Утина:

У з н и к у.

Изъ стѣнъ тюрьмы, изъ стѣнъ неволи
Мы братскій шлемъ тебѣ привѣтъ.
Пусть облегчить въ часъ злобной доли
Тебя онъ, нашъ родной поэтъ!

* *

Проклятымъ гнетомъ самовластья
Намъ не дано тебя обнять
И дань любви и дань участья
Тебѣ, учитель нашъ, воздать.

* *

Но день придетъ, и на свободѣ
Мы про тебя расскажемъ все,
Расскажемъ въ русскомъ мы народѣ.
Какъ ты страдалъ изъ-за него.

* *

Да, сѣялъ доброе ты сѣмя,
Вѣщалъ ты слово правды намъ,
Вѣрь—плодъ взойдетъ, и наше время
Отметитъ сторицею врагамъ

* *

И разорветъ позора цѣпи,
Сорветъ съ чела ярмо раба,
И призоветъ изъ снѣжной степи
Сыновъ народа и тебя.

Этотъ теплый и энергичный привѣтъ очень тронулъ Михайлова. Онъ успѣшилъ отвѣтить своимъ сосѣдямъ:

„Крѣпко, дружно васъ въ объятья
Всѣхъ бы, братья, заключилъ,
И надежды и проклятья
Съ вами, братья, раздѣлилъ,

* *

Но тупая сила злобы
Вонъ изъ братскаго кружка
Гонить въ снѣжные сугробы,
Въ тьму и холодъ рудника.

* *

М. И. МИХАЙЛОВЪ
передъ отправленіемъ на каторгу.

Но и тамъ на зло гоненью
Вѣру лучшую мою
Въ молодое поколѣнье
Свято въ сердцѣ сохранию.

* *

Въ безотрадной мглѣ изгнанья
Твердо буду свѣта ждать
И въ душѣ одно желанье,
Какъ молитву, повторять:

* *

Будь борьба успѣшнѣй ваша,
Встрѣтъ въ бою побѣда васъ,
И минуй васъ эта чаша,
Отравляющая насъ!...

«Спасибо вамъ за тѣ слезы, которыя вызвалъ у меня вашъ братскій привѣтъ. Съ кровью приходится мнѣ отрывать отъ сердца все, что дорого, чѣмъ свѣтла жизнь. Дай Богъ лучшаго времени, хотя, можетъ, мнѣ и не суждено воротиться»...

Михайловъ оказался правъ въ своихъ предчувствіяхъ: его, дѣйствительно, сослали въ Сибирь, и онъ умеръ тамъ черезъ четыре года...

17 октября I отдѣленіе 5 департамента сената имѣло первое свое собраніе. Заслушавъ всѣ бывшіе къ тому дню документы, оно опредѣлило: вытребовать Михайлова изъ крѣпости въ зданіе сената на слѣдующій день къ 1 часу дня, подъ надлежащимъ карауломъ; собрать свѣдѣнія о роли его въ дѣлѣ, переданномъ комиссіи Собѣщанскаго, а также о прежней службѣ и поведеніи и навести справку о судимости.

На слѣдующій день Михайловъ, подъ конвоемъ плацъ-адъютанта и двухъ жандармовъ, былъ доставленъ въ сенатъ.

Прежде всего ему были прочитаны высочайшее повелѣніе и опредѣленіе общаго собранія сената, затѣмъ сдѣлано обычное въ тѣ времена «духовное увѣщаніе», потомъ взята подписка, что ни противъ сенаторовъ, ни противъ оберъ-прокурора и оберъ-секретаря онъ не имѣетъ подозрѣній, и наконецъ, прочтено его собственное подробное признаніе, уже извѣстное читателю.

Когда Михайловъ вполнѣ подтвердилъ все раньше имъ написанное, ему были предъявлены допросные пункты, на которые слѣдовало тогда же дать письменные отвѣты.

Вотъ они.

«*Вопр.* Ваше имя, отчество, фамилію, лѣта, жительство, какой вѣры, бывали ли на исповѣди и гдѣ именно, если находились на службѣ, то не имѣли ли на оной какихъ либо отличныхъ заслугъ, или пороковъ?

«*От.* Михаилъ Ларионовъ Михайловъ, 32-хъ лѣтъ, въ Петербургѣ, по Екатерингофскому проспекту, въ домѣ Валуева, вѣроисповѣданія православнаго, на исповѣди былъ въ послѣднее время въ Петербургѣ, въ церкви Вознесенія; по службѣ не имѣлъ никакихъ отличныхъ заслугъ, ни пороковъ.

«*Вопр.* Признаете ли Вы предъявленную вамъ при семъ записку, съ изложеніемъ объясненій по вышеозначенному дѣлу, за собственно-ручно вами написанную и подписанную?

«*От.* Признаю.

«*Вопр.* Въ запискѣ сей Вы пишете, между прочимъ, что изъ нѣсколькихъ страницъ, *набросанныхъ Вами*, не осталось и половины въ воззваніи «Къ молодому поколѣнію». — Посему имѣете объяснить: что именно признаете Вы въ воззваніи «Къ молодому поколѣнію» принадлежащимъ собственно Вамъ, и что участникамъ вашимъ — Герцену и Огареву? и если можете, то означьте это на предъявленномъ Вамъ экземплярѣ воззванія «Къ молодому поколѣнію»?

«*От.* Отчеркнутое въ предъявленномъ мнѣ экземплярѣ признаю за писанное мною. Остальнаго я не признаю, такъ какъ оно не согласно съ рукописью, которая была дана мною для напечатанія, и я получилъ воззваніе уже напечатаннымъ.

«*Вопр.* Въ запискѣ сей Вы пишете, что при распространеніи листовъ «Къ молодому поколѣнію» Васъ руководила мысль, будто бы усиленіе тайнаго книгопечатанія въ Россіи должно имѣть вліяніе на ослабленіе цензуры, и такимъ путемъ, думали Вы, начнется свобода слова, тогда какъ по естественному порядку вещей, въ случаѣ усиленія тайнаго книгопечатанія, должны были усилиться и мѣры цензуры и правительства противъ тайнаго книгопечатанія. Не можете ли точнѣе объяснить видимое противорѣчіе такого мнѣнія съ существомъ дѣла?

«*От.* Мнѣ казалось именно на основаніи историческихъ примѣровъ, что попытки тайной печати, выказывая недовольство, заставляютъ для смягченія его постепенно уменьшать строгость цензуры и тѣмъ позволять высказываться болѣе спокойно и умѣренно.

«*Вопр.* Высказанная Вами цѣль распространенія воззванія «Къ молодому поколѣнію» совершенно не согласна и съ содержаніемъ этого сочиненія, которое очевидно было направлено къ возбужденію неуваженія къ Верховной власти, личнымъ качествамъ Государя и управленію его государствомъ, къ возбужденію явнаго неповиновенія Верховной власти, къ оспариванію неприкосновенности правъ ея, къ порицанію установленнаго государственными законами образа правленія, а также къ возбужденію неуваженія и противодѣйствія властямъ, отъ правительства

установленнымъ, съ разрушеніемъ всякаго порядка, и внушенію взаимно-враждебныхъ чувствъ между сословіями, съ угрозою прибѣгнуть къ кровопролитію.—Объясните откровенно и чистосердечно цѣль распространенія Вами воззванія «Къ молодому поколѣнію»?

«*От.* Цѣли, кромѣ вышеупомянутой о вліяніи на ослабленіе цензуры, у меня не было. Съ этимъ именно и означено было въ заглавіи: «печатано безъ цензуры». Что касается до выраженій, особенно возмутительныхъ, мнѣ въ воззваніи не принадлежащихъ, я думалъ, что рѣзкость ихъ будетъ именно служить поводомъ къ принятію законныхъ мѣръ для уменьшенія строгости цензуры.

«*Вопр.* Не можете ли Вы указать какія либо обстоятельства, уменьшающія виновность Вашу въ столь тяжкомъ преступленіи, кромѣ впечатлѣнія, произведеннаго на Васъ въ дѣтствѣ усмиреніемъ крестьянъ, въ числѣ коихъ находились Ваши отецъ и дѣдъ, такъ какъ побужденіе это слишкомъ отдаленно отъ настоящаго событія?

«*От.* Кромѣ причинъ, объясненныхъ въ моей запискѣ, другихъ не нахожу.

«*Вопр.* Когда именно Вы познакомились съ Герценомъ и Огаревымъ, поддерживали ли Вы съ ними связи, по выбѣгѣ ихъ изъ Россіи, и какимъ образомъ; не было ли другихъ участниковъ въ вашемъ преступленіи и не сдѣлали ли Вы сами какихъ либо другихъ преступленій?

«*От.* Въ 1856 или 57 году; связей съ ними никакихъ не имѣлъ, кромѣ посѣщенія ихъ во время поѣздокъ (двухъ) за границу; въ преступленіи моемъ другихъ участниковъ не было, и другихъ преступленій я никакихъ не дѣлалъ».

Отобравъ эти всѣ отвѣты, первоприсутствовавшій, Митусовъ, распорядился объ удаленіи обвиняемаго въ крѣпость. Послѣ ознакомленія съ допросомъ рѣшено было сдѣлать повторный 23 октября.

III.

Теперь намъ необходимо ознакомиться съ самой прокламаціей «Къ молодому поколѣнію» и особенно съ той ея частью, которую Михайловъ призналъ за свое сочиненіе.

Насколько мнѣ извѣстно, это самая длинная прокламація изъ всѣхъ, печатавшихся въ шестидесятихъ годахъ. Рѣзкость ея не была, однако, ея отличительнымъ свойствомъ. Напротивъ, сдѣлавъ характеристику тогдашняго правительства, указавъ на полное и всеобщее къ нему недовѣріе и частью презрѣніе, авторы призывали молодое, единственно

жизнеспособное, поколѣніе объяснить все это народу и солдатамъ. Затѣмъ шла часть нѣсколько теоретическая, начинавшаяся такъ:

«Въ послѣднее время расплодилось у насъ много преждевременныхъ старцевъ, жалкихъ экономистовъ, взявшихъ свой теоретическій опытъ изъ нѣмецкихъ книжекъ. Эти господа не понимаютъ, что экономизмъ нищаетъ насъ въ духовномъ отношеніи, что онъ приучаетъ насъ только считать гроши, что разъединяетъ насъ, толкая въ тѣсный индивидуализмъ. Они не понимаютъ, что не идеи идутъ за выгодами, а выгоды за идеями. Начиная матеріальными стремленіями, еще придешь ли къ благосостоянію?—односторонняя экономическая наука насъ не выручитъ изъ бѣды. Напротивъ, откинувъ копѣчные расчеты и стремясь къ свободѣ, къ возстановленію своихъ правъ, мы завоюемъ благоденствіе, а съ нимъ, разумѣется, и благосостояніе, т. е. то, чего намъ такъ хочется—деньги».

Непосредственно послѣ этого идетъ продолженіе только что высказанной мысли, которое Михайловъ отчеркнулъ въ подлинникѣ, написавъ въ началѣ его: «Съ сихъ поръ признаю за свое», а въ концѣ:—«до сихъ поръ признаю за свое». Приведу все это мѣсто полностью, замѣтивъ лишь, что, повидимому, Михайловъ, принимая на себя наименѣе преступную часть прокламаціи, просто ошибся однимъ абзацомъ, потому что, какъ увидимъ сейчасъ, его часть начинается именно такъ, какъ начаться, разумѣется, не могла. Вѣроятно, онъ хотѣлъ приписать себѣ и только что приведенную выдержку.

«А эти, къ несчастію, плодящіеся у насъ конституціонныя и экономическія тенденціи ведутъ къ консерватизму: они черствятъ человека, они ведутъ къ сословному разъединенію, къ привилегированнымъ классамъ. Хотятъ сдѣлать изъ Россіи Англію и напитать насъ англійскою зрѣлостью. Но развѣ Россія по своему географическому положенію, по своимъ естественнымъ богатствамъ, по почвеннымъ условіямъ, по количеству и качеству земель имѣетъ что-нибудь общаго съ Англіей? Развѣ англичане на русской землѣ вышли бы тѣмъ, чѣмъ они вышли на своемъ островѣ? Мы ужъ довольно были обезьянами французовъ и нѣмцевъ, неужели намъ нужно сдѣлаться еще и обезьянами англичанъ? Нѣтъ, мы не хотимъ англійской экономической зрѣлости, она не можетъ вариться русскимъ желудкомъ.

Нѣтъ, нѣтъ, нашъ путь иной,
И крестъ не намъ нести..

«Пусть несетъ его Европа. Да и кто можетъ утверждать, что мы должны идти путемъ Европы, путемъ какойнибудь Саксоніи или Англіи, или Франціи? Кто беретъ на себя отвѣтственность за будущее

Россіи? Кто можетъ сказать, что онъ умнѣе 60-ти милліоновъ, умнѣе всего населенія страны, что онъ знаетъ что ей нужно, что онъ приведетъ ее къ счастью? Гдѣ та наука, которая научила его этому, которая сказала ему, что его взглядъ безошибоченъ? По крайней мѣрѣ, мы не знаемъ такой науки; мы знаемъ только, что Гнейсты, Бастіа, Моли, Рау, Рошеры раскапываютъ навозныя кучи и гниль прошедшихъ вѣковъ хотятъ сдѣлать закономъ для будущаго. Пусть этотъ законъ будетъ ихнимъ закономъ; а мы для себя попытаемся поискать другой.

«Для невѣрующихъ мы дѣлаемъ слѣдующій примѣръ. Существуетъ Китай; ближайшіе сосѣди не знаютъ другой страны болѣе цивилизованной. Рошеры и Моли Китая утверждаютъ, что законъ, по которому развивалась жизнь въ Китаѣ и слагалась тамошняя цивилизація, есть именно тотъ законъ, по которому должны развиваться все народы. Сосѣди вѣрятъ глубокомысленнымъ ученымъ и, не видя жизни и цивилизаціи выше китайской, лѣзутъ сами изъ всехъ силъ въ Китай. Но вдругъ оказывается, что есть другія страны, что у другихъ народовъ существуютъ стремленія, не извѣстныя китайцамъ. Слѣдуетъ ли изъ этого, что стремленія эти вздоръ, что только китайская цивилизація и политическія убѣжденія китайцевъ одни истинны? Человѣкъ, видѣвшій только Европу, сотни нѣмецкихъ королевствъ съ ихъ кенигами, герцогами и принцами или Францію съ ея Наполеономъ, разумѣется, удивится, узнавъ, что въ Америкѣ порядки совсемъ другіе. Почему же Россіи не придти къ еще новымъ порядкамъ, неизвѣстнымъ даже и Америкѣ? Мы не только можемъ, мы должны придти къ другому. Въ нашей жизни лежатъ начала, вовсе неизвѣстныя европейцамъ. Нѣмцы увѣряютъ, что мы придемъ къ тому же, къ чему пришла Европа. Это ложь. Мы можемъ точно придти, если надѣнемъ на себя петлю европейскихъ учреждений и ея экономическихъ порядковъ; но мы можемъ придти и къ другому, если разовьемъ тѣ начала, какія живутъ въ народѣ. Европа сложилась изъ остатковъ древняго міра; тысячу лѣтъ назадъ въ Европѣ была монархія; ужъ тогда Европа разбилась на могучихъ собственниковъ и на безсильныхъ рабовъ, не имѣвшихъ земельной собственности; ужъ тогда было положено въ ней начало того экономического и политическаго неравенства, которое привело и къ пролетаріату и вызвало социализмъ.

«Европа попыталась было выйти изъ своего крайняго положенія и но партія привилегированныхъ людей была слишкомъ сильна; вѣковыя традиціи были слишкомъ крѣпки и въ народѣ и въ тамошнемъ мѣщанствѣ, а социальныя теоріи настолько смутны и слабы своей организа-

ціонной стороною, что 1848 годъ долженъ былъ привести къ неудачѣ. А этой-то неудачи трусили и наши западники, и наши доморощенные политико-экономы.

«Припомните, какъ легко Рошеръ рѣшилъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. И съ нѣмецкой точки зрѣнія дѣло не могло быть рѣшено иначе. Отчего же нашъ народъ недоволенъ царской милостью, недоволенъ тѣмъ, отъ чего нѣмцы пришли бы въ восторгъ? А недоволенъ народъ потому, что онъ не можетъ представить себя безъ земельной собственности, онъ не можетъ представить себя внѣ земледѣльческой общины. Ему нужно равенство правъ и владѣнія, онъ не вѣритъ и не хочетъ вѣрить въ законность такого порядка, по которому у 30 милліоновъ крестьянъ есть своя земельная собственность, а у остальныхъ 23 милліоновъ земля чужая, принадлежащая какой нибудь сотнѣ тысячъ владѣльцевъ. Въ Европѣ сидятъ еще и до сихъ поръ остатки феодальнаго права, а мы его не знали и не знаемъ; наше дворянство, наши помѣщики—не европейская аристократія; наши—просто незаконнорожденная власть, вышедшая изъ того же народа, искусственно созданная императорской властью и особенно расплывшаяся со временъ Екатерины II; она должна осѣсть въ народъ и осесть съ паденіемъ власти императорской.

«Неудача 1848 года, если что нибудь и доказываетъ, такъ доказываетъ только одно—неудачу попытки для Европы; но не говорить ничего противъ невозможности другихъ порядковъ у насъ въ Россіи. Развѣ экономическія, земельныя условія Европы тѣ же самыя, что и у насъ? Развѣ у нихъ существуетъ и возможна земледѣльческая община? Развѣ у нихъ каждый крестьянинъ и каждый гражданинъ можетъ быть земельнымъ собственникомъ? Нѣтъ. А у насъ можетъ. У насъ земли столько, что достанетъ ея намъ на десятки тысячъ лѣтъ.

«Мы народъ запоздалый и въ этомъ наше спасеніе. Мы должны благословить судьбу, что не жили жизнью Европы. Ея несчастья, ея безвыходное положеніе—урокъ для насъ. Мы не хотимъ ея пролетаріата, ея аристократизма, ея государственнаго начала и ея императорской власти.

«До сихъ поръ народъ нашъ жилъ своей жизнью, не мѣшаясь въ дѣла правительства и не понимая ихъ, и онъ былъ правъ. Правительство тоже не знало народа, да ему и было некогда за политическими бирюльками. А между тѣмъ, русская мысль зрѣла, мы изучали экономическое и политическое устройство Европы; мы увидѣли, что у нихъ неладно, и тутъ-то мы поняли, что имѣемъ полнѣйшую возможность избѣгнуть жалкой участи Европы настоящаго времени.

«Мы похожи на новыхъ поселенцевъ; намъ ломать нечего. Оставимте наше народное поле въ покоѣ, какъ оно есть; но намъ нужно выполоть ту негодную траву, которая выросла изъ сѣмянъ, налетѣвшихъ къ намъ съ нѣмецкими идеями объ экономизмѣ и государствѣ. Намъ не нужно ни того, ни другого въ той формѣ, какъ это проповѣдовали и проповѣдуютъ намъ нашъ профессоръ-правительство и разные послѣдователи Рощера и Гнейста ¹⁾».

«Европа не понимаетъ, да и не можетъ понять нашихъ соціальныхъ стремленій; значить, она намъ не учитель въ экономическихъ вопросахъ. Никто не идетъ такъ далеко въ отрицаніи, какъ мы, русскіе. А отчего это? Оттого, что у насъ нѣтъ политическаго прошлаго, мы не связаны никакими традиціями, мы стоимъ на новинѣ и, нисколько не плѣняясь нѣмецкими садиками и рощами, хотимъ раздѣлять свое поле не по нѣмецкой методѣ, не въ заграничномъ вкусѣ, а какъ дѣлилась земля встарь, когда еще людямъ не было тѣсно—и мы можемъ сдѣлать это. Вотъ отчего у насъ нѣтъ страха передъ будущимъ, какъ у западной Европы; вотъ отчего мы смѣло идемъ навстрѣчу революціи; мы даже желаемъ ея. Мы вѣримъ въ свои свѣжія силы; мы вѣримъ, что призваны внести въ исторію новое начало, сказать свое слово, а не повторять зады Европы. Безъ вѣры нѣтъ спасенія; а вѣра наша въ наши силы велика».

Далѣе шло развитіе мысли, что если бы для осуществленія всѣхъ этихъ стремленій понадобилось вырѣзать 100,000 помѣщиковъ, то останавливаться передъ такимъ рѣшеніемъ нечего: ихъ смерть явилась бы зарей новой, справедливой жизни. Наконецъ, прокламація точно отвѣчала на вопросъ, который предвидѣла со стороны читателя: «чего мы хотимъ?». Мы хотимъ, говоритъ авторъ, выборной и ограниченной власти, свободы слова, всеобщаго самоуправленія, равенства всѣхъ передъ закономъ и въ государственныхъ податяхъ и повинностяхъ, точнаго отчета въ расходованіи народныхъ денегъ, открытаго и устнаго суда, уничтоженія всякой полиціи и тѣлеснаго наказанія, общиннаго владѣнія землей, предоставленія оброчныхъ статей дворовымъ, пущенымъ, по манифесту 19 февраля, по міру, немедленнаго выкупа всей личной земельной собственности, уничтоженія мѣщанства и надѣленія его землей, сокращенія расходовъ на армію, перевоспитанія кровожадной императорской арміи, сокращенія срока военной службы до 3—5 лѣтъ,

¹⁾ Говоря о Гнейстѣ, Михайловъ имѣлъ въ виду „Русскій Вѣстникъ“, гдѣ Катковъ, прописывая Россіи рецепты конституціоннаго лѣченія, часто цитировалъ этого ученаго. Тогда, въ серединѣ 1861 года, Катковъ былъ еще приличенъ, и „Рус. Вѣстникъ“ пользовался хорошей репутаціей.

сокращенія расходовъ на государственное управленіе и дворъ, амнистія всѣхъ политическихъ преступниковъ и совершеннаго измѣненія всѣхъ основныхъ законовъ. Всѣ эти требованія изложены гораздо пространнѣе и довольно ярко. Въ заключеніе прокламація повторяетъ свой призывъ къ молодежи, твердо вѣруя въ ея громадную созидательную и преобразовательную силу ¹⁾).

Такимъ образомъ, ясно, что «Къ молодому поколѣнію» было вполнѣ законченной прокламаціей. Теперь она произведетъ впечатлѣніе несомнѣннаго эклектизма, но сорокъ пять лѣтъ тому назадъ, когда политическое мышленіе еще не приняло современныхъ формъ, она была замѣтнымъ явленіемъ въ общественной жизни. О ней много говорили...

Конечно, возможно, что дѣло обстоило именно такъ, какъ показалъ Михайловъ: ему принадлежитъ въ прокламаціи едва ли пятая часть, а все остальное есть или значительно измѣненное кѣмъ-то его же сочиненіе, или просто прибавлено. Разумѣется, если и были сдѣланы измѣненія или прибавки, то не иначе, какъ Герценомъ или Огаревымъ, вѣрнѣе—даже обоими одновременно, но и то при неперемѣнномъ согласіи Михайлова. Но не менѣе возможно, что Михайловъ просто поберегъ себя, что онъ написалъ все, а взялъ на себя лишь самую скромную часть. Странно было бы и ожидать, чтобы, кромѣ сознанія во всемъ остальномъ, онъ назвалъ бы Герцена и Огарева, или принялъ бы на себя всю прокламацію...

IV.

«23 октября происходилъ второй допросъ. Къ этому собранію стало извѣстно высочайшее повелѣніе: разсматривать дѣло о прокламаціи «Къ молодому поколѣнію» отдѣльно отъ дѣла распространенія другихъ преступныхъ сочиненій, къ которому, какъ мы знаемъ, былъ прикосновенъ Михайловъ.

Кромѣ тѣхъ вопросовъ и отвѣтовъ, которые были мною приведены выше, въ выводахъ къ сознанію Михайлова, ему были предложены еще и другіе.

Вопр. «Въ отвѣтахъ, отобранныхъ отъ Васъ 18 октября, Вы повторили первоначальное Ваше показаніе, что при составленіи воззванія «Къ молодому поколѣнію» Вы имѣли единственную цѣлью поинудить правительство къ смягченію строгости цензуры и руководились при этомъ историческими примѣрами прекращенія тайной печати посред-

¹⁾ Желающихъ подробнѣе ознакомиться съ прокламаціей отсылаю ко 2-му приложенію къ сборнику „Государств. преступления въ Россіи“, Paris. 1905 г. Тамъ она приведена полностью, съ очень незначительными ошибками.

ствомъ дарованія большей свободы печати гласной. Но если такова была цѣль Ваша, то для достиженія ея казалось бы достаточнымъ, чтобы нѣсколько экземпляровъ воззванія дошло до правительства, для чего они и могли быть препровождены къ правительственнымъ лицамъ; а между тѣмъ изъ объясненія Вашего видно, что Вы старались распространить воззваніе между жителями всѣхъ частей г. С.-Петербурга и намѣревались даже сдѣлать то же самое и въ Москвѣ, а по окончаніи уже распространенія воззванія, отправили послѣдніе 4 экземпляра къ высшимъ правительственнымъ лицамъ. Развѣ Вы не предвидѣли, что съ распространеніемъ воззванія оно можетъ произвести на народъ то возмутительное дѣйствіе, къ которому было направлено; развѣ, принимая на себя распространеніе воззванія, имѣвшаго преступную цѣль, Вы не желали достигнуть этой цѣли; развѣ можно употреблять возмутительныя средства безъ цѣли произвести возмущеніе? Подумайте, что только откровенное признаніе и раскаяніе можетъ облегчить мѣру наказанія виновному, и не уклоняясь отъ вопроса, откройте чистосердечно Ваши намѣренія».

Отв. «Единственною цѣлью моею была именно та, которая указана мною въ первоначальномъ показаніи. Отправить лишь нѣсколько экземпляровъ къ правительственнымъ лицамъ казалось мнѣ для этой цѣли недостаточнымъ; я думалъ, что при большемъ распространеніи листа «Къ молодому поколѣнію» правительство скорѣе обратитъ вниманіе на преобразование цензуры. Незначительное количество экземпляровъ сравнительно съ числомъ жителей Петербурга казалось мнѣ достаточнымъ обезпеченіемъ, что оно (т. е. сочиненіе «Къ молодому поколѣнію») не будетъ имѣть того дурного вліянія, которое можно бы отъ него ожидать. Цѣли, кромѣ указанной мною, повторяю, у меня не было. Что листъ «Къ молодому поколѣнію» можетъ произвести дурное дѣйствіе на народъ—я это упустилъ изъ виду, думая только о своей исключительной цѣли—смягченіи цензуры, да притомъ количество экземпляровъ, какъ я уже упомянулъ, было слишкомъ для того ничтожно. Преступности содержанія я не имѣлъ, повторяю, въ виду».

Вопр. «Гдѣ Вы воспитывались и когда окончили воспитаніе, когда поступили на службу и куда именно, откуда уволены отъ службы и гдѣ находится аттестатъ о Вашей службѣ?»

Отв. «Воспитывался дома и потомъ слушалъ приватно лекціи въ Петербургскомъ университетѣ очень непродолжительное время. На службу поступилъ приблизительно въ 1848 г. въ Нижегородское соляное правленіе, гдѣ, прослуживъ четыре года, вышелъ въ отставку. Аттестатъ о моей службѣ, по которому я и проживалъ въ Петербургѣ,

находится, вѣроятно, или въ III Отдѣленіи Канцеляріи Его Императорскаго Величества, или по бывшему мѣсту моего жительства, въ соотвѣтствующемъ кварталѣ»¹⁾.

На слѣдующій день, 24 октября, сенатъ былъ извѣщенъ генералъ-губернаторомъ, гр. Игнатьевымъ, что требуемаго «повального обыска о поведеніи» Михайлова сдѣлать нельзя, потому что въ данное время въ Петербургѣ нѣтъ ни одного лица, которое бы знало его; всѣ, какъ нарочно, уѣхали кто за границу, кто въ другіе города. Палата же уголовного суда представила, что Михайловъ нигдѣ не судился и не сидится.

Сенаторы считали, вѣроятно, что на этомъ допросѣ можно уже обосновать точное опредѣленіе, и взяли съ Михайлова подписку въ томъ, что «во время производства допроса и суда, пристрастія ему дѣлаемо не было»²⁾.

Однако, оказалось, что нужно было еще кое-что выяснить, и потому было приказано прислать Михайлова въ сенатъ къ 11 часамъ утра 31 октября. На этотъ разъ допросъ состоялъ изъ мелочей, уже приведенныхъ мною раньше въ выноскахъ къ сознанию. Отвѣчая на послѣдній изъ заданныхъ вопросовъ, о семействѣ Шелгуновыхъ, Михайловъ прибавилъ въ самомъ концѣ: «Покорнѣйше прошу Правительствующій Сенатъ при сужденіи обо мнѣ обратить вниманіе на крайне слабое и болѣзненное мое состояніе». Дѣйствительно, онъ страдалъ сердечными болями и вообще былъ болѣзненъ.

Когда Михайловъ и на этотъ разъ былъ возвращенъ въ крѣпость, первоприсутствующій, Митусовъ, составилъ «вопросы по дѣлу объ отставномъ губернскомъ секретарѣ Михайловѣ, судимомъ за государственное преступленіе».

¹⁾ Изъ аттестата Михайлова, потомъ доставленнаго въ сенатъ, видно, что, происходя изъ дворянъ (отецъ его, получивъ вольную отъ своихъ господъ Аксаковыхъ, поступилъ на службу и умеръ въ чинѣ падворнаго конѣшника, а уже чинъ коллежскаго ассессора давалъ потомственное дворянство), родился въ 1829 году, православный, холостъ. Въ службу вступилъ послѣ домашнего образованія 18 февраля 1848 г. въ Нижегородское соляное правленіе писцомъ 1-го разряда, въ коллежскіе регистраторы произведенъ ровно черезъ два года; за болѣзнию столоначальника исправлялъ эту должность съ 25 сентября по 15 ноября 1851 г.; имѣнія никакого не имѣть, аттестовывался въ продолженіе всей службы „способнымъ и къ повышенію чиномъ достойнымъ“, въ штрафхъ и подѣ судомъ не былъ. Въ отпуску былъ дважды: въ 1850 г. на 28 дней и въ 1852 г. на 4 мѣсяца съ 4 февраля, но, пробывъ въ немъ только 2 мѣсяца и 18 дней, вошелъ въ правленіе 22 апрѣля съ прошеніемъ объ увольненіи въ отставку, которую и получилъ 26 іюля 1852 г. съ награжденіемъ чиномъ губернскаго секретаря.

²⁾ Въ № 131 «Колокола» (1862 г.) Герценъ помѣстилъ свою статью: „Отвѣтъ М. И. Михайлова“, въ которой рассказалъ свой разговоръ съ однимъ изъ путешествовавшихъ за границу сенаторовъ. Послѣдній рассказалъ, какіе отвѣты сенату давалъ Михайловъ... Теперь можно категорически утверждать, что сенаторъ рассказывалъ небылицы.

Изъ его отвѣтовъ на нихъ слѣдовало:

1. Воззваніе «Къ молодому поколѣнію», не направленное прямо противъ особы Государя Императора, имѣло цѣлью возбудить бунтъ противъ верховной власти (ст. 283—286 Улож. о наказ.).

2. Оно оказывается слѣдствіемъ предумышленного умысла для потрясенія коренныхъ, основныхъ учрежденій государства (ст. 283).

3. Преступленіе Михайлова слѣдуетъ подвести подъ законъ, смягчающій наказаніе, во вниманіе къ тому, что злоумышленіе, своевременно открытое, не имѣло вредныхъ послѣдствій (ст. 284).

4. Сознаніе Михайлова и указаніе на то, что въ «Къ молодому поколѣнію» онъ не все признаетъ за свое, не можетъ уменьшить мѣру наказанія.

5. Нельзя принять въ уваженіе показаніе Михайлова, что при составленіи прокламаціи онъ имѣлъ единственною цѣлью ослабленіе цензуры.

6. Слѣдуетъ назначить 12^{1/2} лѣтъ каторжныхъ работъ.

7. Сообщить кому слѣдуетъ о передачѣ Михайловымъ Костомарову двухъ рукописей.

Это было одобрено и въ тотъ же день составлено подробное опредѣленіе. Привожу его полностью.

V.

«Отставной губернскій секретарь, изъ дворянъ, Михаилъ Илларионовъ Михайловъ, преданъ суду правительствующаго сената, по высочайшему повелѣнію, за распространеніе въ Петербургъ преступнаго сочиненія подъ названіемъ «Къ молодому поколѣнію». Въ этомъ сочиненіи обращаютъ на себя вниманіе особенною дерзостью и важностью злоумышленія слѣдующіе предметы:

1) превратное истолкованіе и порицаніе дѣйствій правительства въ выраженіяхъ, составляющихъ оскорбленія Величества, съ намѣреніемъ возбудить неуваженіе въ верховной власти, къ личнымъ качествамъ государя и къ управленію его государствомъ, и съ намеками или угрозами ниспровергнуть правительство и императорскую власть, если государь не сдѣлаетъ добровольно уступокъ народу;

2) возбужденіе свойственныхъ будто бы Россіи социальныхъ стремленій, для осуществленія которыхъ народная партія, по словамъ воззванія, не желаетъ аристократизма Европы, ея государственного начала и ея императорской власти и не только смѣло идетъ на встрѣчу революціи, но даже желаетъ ея;

3) внушеніе презрѣнія и ненависти къ служебной и природной аристократіи и ко всему дворянскому сословію и къ такъ называемой дворянской партіи, представленной скудоумною, своекорыстною и враждебною народу, съ намеками, что жалѣть эту партію нечего, какъ не жалѣютъ вредныя растенія при расчисткѣ огорода; что страна ничего не потеряла бы, если бы погибла вся аристократія, если бы для раздѣла земли между народомъ пришлось бы вырѣзать 100,000 помѣщиковъ;

4) наставленіе, какъ надлежитъ обольщать народъ и войско объясненіемъ имъ, что русская императорская власть происходитъ не отъ Бога, а отъ духа тьмы; что у народа и войска есть доброжелатели, которые желали бы улучшить ихъ бытъ, но что помѣхой всему царь и его министры; что войско должно быть не царскою, а народною стражей и потому не должно идти противъ народа; что у военныхъ офицеровъ не достаесть любви къ отечеству и гражданскаго мужества и что если у нихъ нѣтъ столько силы, чтобы не идти противъ народа, то пусть первый залпъ, который имъ велятъ сдѣлать въ своихъ, сдѣлаютъ они въ тѣхъ, кто имъ велитъ его сдѣлать;

5) изъявленіе желанія совершеннаго измѣненія законовъ русской имперіи съ тѣмъ, чтобы верховная власть была выборная и ограниченная, чтобы дано было развитіе началу самоуправленія народа, чтобы не существовало привилегированныхъ сословій, а были бы все уравнены передъ закономъ и чтобы земля принадлежала не лицамъ, а странѣ;

6) заключительное обращеніе къ молодому поколѣнію съ увѣщаніемъ, что довольно корчить либераловъ, что наступила пора дѣйствовать, что надо говорить чаще съ народомъ и съ солдатами; что если каждый убѣдитъ только 10 человекъ, то дѣло въ одинъ годъ подвинется далеко; что надо составлять кружки единомыслящихъ людей, увеличивать число кружковъ и искать вожаковъ, способныхъ и готовыхъ на все, дабы они могли повести на великое дѣло, а если нужно, то на славную смерть за спасеніе отчизны.

«Въ распространеніи этого преступнаго воззванія отставной губ. секретарь Михайловъ сознался еще до преданія его суду, не желая, какъ онъ объяснялъ, затруднять то лицо, по письму котораго пало подозрѣніе на него, Михайлова, и считая противнымъ совѣсти скрывать далѣе истину. На вопросахъ въ III Отдѣленіи С. Е. И. В. Канцеляріи и въ правительствующемъ сенатѣ подсудимый Михайловъ показалъ, что воззваніе «Къ молодому поколѣнію» было первоначально сочинено имъ, по совѣту изгнанника Герцена, которому былъ врученъ и черновой воззванію проектъ, но затѣмъ въ напечатанныхъ въ Лон-

донѣ листкахъ остались только тѣ мысли его, Михайлова, которыя относятся къ социальнымъ стремленіямъ Россіи, а все прочее было измѣнено, кѣмъ именно, ему, Михайлову, неизвѣстно. При этомъ Михайловъ объяснилъ, что при распространеніи воззванія «Къ молодому поколѣнію» онъ дѣйствовалъ, какъ литераторъ, единственно въ видахъ побужденія правительства къ смягченію строгости цензуры, руководствуясь историческими примѣрами, показывающими, что тайная печать вездѣ была устраняема посредствомъ дарованія большей свободы печати гласной, съ какою цѣлью имъ и отправлено было нѣсколько экземпляровъ воззванія къ высшимъ правительственнымъ лицамъ, но онъ вовсе не представлялъ себѣ вредныхъ послѣдствій своего проступка, тѣмъ болѣе, что число экземпляровъ, имъ распространенныхъ, весьма незначительно въ сравненіи съ народонаселеніемъ С.-Петербурга. Въ заключеніе своихъ отвѣтовъ Михайловъ проситъ при сужденіи о немъ обратить вниманіе на крайне слабое и болѣзненное его состояніе.

«Разсматривая настоящее дѣло въ такомъ видѣ, правительствующій сенатъ признаетъ необходимымъ для опредѣленія по законамъ какъ рода и степени преступленія подсудимаго Михайлова, такъ и значенія сдѣланныхъ имъ показаній, обратиться къ постановленіямъ нашего законодательства о государственныхъ преступленіяхъ.

«Вникая въ смыслъ этихъ постановленій, правительствующій сенатъ находитъ, что въ посягательствахъ на права верховной власти есть два вида преступленій, имѣющіе много общаго, но остающіеся тѣмъ не менѣе различными по цѣли злаго умысла. Эти два вида государственныхъ преступленій суть слѣдующіе: 1. Злоумышленіе противъ жизни, здравія или чести государя императора и всякій умыселъ свергнуть его съ престола, лишить свободы и власти верховной или же ограничить права оной, или учинить священной особѣ его какое либо насиліе (св. 1857 г. т. XV Улож. о наказ. ст. 275). 2. Злоумышленіе на бунтъ противъ власти верховной, т. е. на возстаніе скопомъ и заговоромъ противъ государя и государства, а равно на ниспроверженіе правительства, перемѣну образа правленія или установленнаго законами порядка наслѣдія престола (Улож. о наказ. ст. 283). Хотя эти два вида государственныхъ преступленій сходятся между собою тамъ, гдѣ злоумышленіе направлено въ одномъ изъ нихъ къ лишенію государя верховной власти или къ ограниченію правъ ея, а въ другомъ къ ниспроверженію правительства или къ перемѣнѣ образа правленія, но и въ этихъ точкахъ соприкосновенія посягательство на права верховной власти въ обоихъ видахъ различно, а различіе это явствуетъ изъ самаго названія главъ, изъ коихъ состоитъ раздѣлъ о преступленіяхъ государ-

ственныхъ: въ главѣ первой, о преступленіяхъ противъ священной особы государя императора и членовъ императорскаго дома, злоумышленіе направлено прямо и непосредственно противъ верховныхъ правъ государя императора, съ посягательствомъ или безъ посягательства на личную безопасность или свободу его священной особы, а въ главѣ второй, отдѣленіи первомъ, о бунтѣ противъ власти верховной, злоумышленіе направлено преимущественно къ ниспроверженію государственнаго устройства и правительства вообще. Такъ какъ въ государствѣ самодержавномъ императоръ есть полный представитель государства и въ лицѣ его сосредоточивается всецѣло верховная власть, то всякое прямое посягательство на личную безопасность, свободу или права его священной особы есть высшее изъ государственныхъ преступленій, подвергающее виновнаго лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни, независимо отъ степени развитія злаго умысла, хотя бы о преступномъ предположеніи этого рода было сдѣлано только словесное или письменное изъясненіе мыслей (Ул. о наказ. ст. 276). Но въ посягательствѣ на бунтъ противъ верховной власти, съ цѣлью ниспровергнуть государственное устройство и правительство вообще, законъ принимаетъ въ соображеніе и степень развитія злаго умысла и, опредѣляя лишеніе всѣхъ правъ состоянія и смертную казнь за преступленіе этого рода, уже приведенное въ исполненіе, или за непосредственное покушеніе къ совершенію его, смягчаетъ наказаніе въ тѣхъ случаяхъ, когда приготовленія къ преступленію были заблаговременно остановлены правительствомъ и, вслѣдствіе этого, ни покушеній, ни смятеній, и никакихъ иныхъ вредныхъ послѣдствій не произошло. Въ сихъ случаяхъ виновные наказываются лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и ссылкой въ каторжную работу или въ рудникахъ на время отъ 12 до 15 лѣтъ, или въ крѣпостяхъ на время отъ 10 до 12 лѣтъ, смотря по большей или меньшей важности преступнаго ихъ умысла, большому или меньшему въ ономъ участию и по другимъ увеличивающимъ или уменьшающимъ вину ихъ обстоятельствамъ (Улож. о наказ. ст. 283 и 284). Равномѣрно и въ низшихъ степеняхъ виновности въ томъ и другомъ изъ означенныхъ двухъ видовъ государственныхъ преступленій злоумышленіе противъ государя подвергается болѣе строгому наказанію, чѣмъ соотвѣтствующее злоумышленіе противъ установленнаго въ государствѣ порядка. Такимъ образомъ изболченные въ составленіи и распространеніи письменныхъ или печатныхъ сочиненій или изображеній, съ цѣлью возбудить неуваженіе къ верховной власти или же къ личнымъ качествамъ государя, или къ управленію его государствомъ, приговариваются, какъ оскорбители Величества, къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на время

отъ 10 до 12 лѣтъ (Улож. о наказ. ст. 279). Между тѣмъ, соотвѣтствующая степень во второмъ видѣ государственныхъ преступленій, а именно составленіе и распространеніе письменныхъ или печатныхъ объявленій, воззваній или же сочиненій и изображеній, съ цѣлью возбудить къ бунту или явному неповиновенію власти верховной, подвергается менѣе строгому наказанію: лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на время отъ 8 до 10 лѣтъ (Улож. о наказ. ст. 285).

«Руководствуясь этими узаконеніями, правительствующій сенатъ не можетъ не принять во вниманіе, что, хотя въ преступномъ воззваніи «Къ молодому поколѣнію» превратное толкованіе и порицаніе дѣйствій правительства и дерзкія оскорбленія Величества клонились къ тому, чтобы возбудить неуваженіе къ верховной власти, къ личнымъ качествамъ государя и къ управленію его государствомъ и хотя въ воззваніи этомъ есть намеки или угрозы низложить правительство, если государь не сдѣлаетъ добровольно уступокъ народу, но при этомъ не обнаруживается положительнаго умысла насчетъ личной безопасности и свободы государя императора, ни какой-либо установившейся мысли, прямо и непосредственно направленной къ лишенію его величества верховной власти или органиченію оной, а видны преимущественно революціонныя стремленія достигнуть какимъ бы то ни было путемъ, не исключая и кровопролитнаго пути бунта, преобразованій въ государственномъ устройствѣ. Поэтому дѣйствія распространителя преступнаго воззванія ближе подходятъ подъ законъ о бунтѣ противъ верховной власти, объемлющій и умыселъ низвергнуть правительство или перемѣнить образъ правленія, при чемъ, однако, должно быть принято въ соображеніе и усугубляющее вину преступника употребленіе въ воззваніи сужденій и выраженій, оскорбляющихъ Величество.. Въ такомъ мнѣніи правительствующій сенатъ убѣдился еще и тѣмъ соображеніемъ, что, какъ по общему правилу уголовного судопроизводства, гласящему: чѣмъ болѣе тяжко обвиненіе, тѣмъ сильнѣе должны быть и доказательства (зак. угол. судопр. ст. 310), такъ и по исключительному положенію настоящаго дѣла, въ которомъ многія обстоятельства не приведены въ ясность за невозможностью изслѣдованія на мѣстѣ, гдѣ преступленіе было умышлено между Михайловымъ и его сообщниками и гдѣ преступное воззваніе было сочинено и напечатано, неосторожно было бы признать Михайлова виновнымъ въ тягчайшемъ изъ государственныхъ преступленій, подвергающемъ во всякомъ случаѣ смертной казни—въ прямомъ посягательствѣ на священную особу государя императора—безъ признанія подсудимаго въ умыслѣ на такое злодѣяніе, по

одному распространенному имъ воззванію, въ которомъ онъ не признаетъ своимъ сочиненіемъ намековъ и угрозъ, относящихся къ лицу государя императора. Но за тѣмъ виновность Михайлова въ злоумышленіи на бунтъ противъ верховной власти не подлежитъ сомнѣнію, и злоумышленіе это представляется преступленіемъ первостепенной важности. Дѣйствительно, распространеніе воззванія «Къ молодому поколѣнію» не было внезапнымъ революціоннымъ стремленіемъ. По показанію Михайлова, воззваніе это сочинено въ бытность его въ іюлѣ сего года въ Лондонѣ; откуда онъ возвратился въ Петербургъ въ половинѣ іюля мѣсяца, а къ распространенію воззванія, напечатаннаго въ Лондонѣ и привезеннаго имъ скрытно чрезъ таможенную, приступилъ онъ въ началѣ сентября; изъ собственнаго его же показанія видно, что еще въ началѣ весны нынѣшняго года въ рукахъ его, Михайлова, были проекты воззванія къ крестьянамъ и солдатамъ, переданные имъ отставному корнету Костомарову. Обстоятельства эти представляютъ распространеніе воззванія «Къ молодому поколѣнію» преступленіемъ заранее обдуманномъ, а самое содержаніе этого преступнаго сочиненія показываетъ, что оно было не какимъ либо случайнымъ подстрекательствомъ къ неповиновенію верховной власти, но слѣдствіемъ злоумышленія, направленнаго къ потрясенію коренныхъ или основныхъ учрежденій государства, для чего средствами должны были служить, съ одной стороны, оболъщаніе народа и солдатъ, а съ другой—возбужденіе неуваженія къ верховной власти, ко всѣмъ правительственнымъ властямъ и къ высшему сословію въ государствѣ, со внушеніемъ при томъ, что страна не потеряла бы ничего, еслибы пришлось вырѣзать 100,000 помѣщиковъ. Поэтому очевидно, что злоумышленіе въ такихъ ужасающихъ размѣрахъ можетъ обнять только тотъ законъ, который заключаетъ въ себѣ опредѣленіе бунта первостепенной важности (Улож. о наказ. ст. 283). Но такъ какъ распространеніе воззванія «Къ молодому поколѣнію» не сопровождалось какимъ либо другимъ болѣе непосредственнымъ покушеніемъ на бунтъ и не произвело ни народныхъ смятеній, ни иныхъ безпорядковъ, то настоящій случай долженъ быть отнесенъ къ числу тѣхъ посягательствъ на бунтъ, въ коихъ злоумышленіе, заблаговременно открытое правительствомъ, не имѣло вредныхъ послѣдствій (Улож. о наказ. ст. 284).

«Обращаясь засимъ къ обсужденію объясненій Михайлова, правительствующій сенатъ находитъ, что за собственнымъ сознаніемъ подсудимаго въ принятіи участія въ составленіи воззванія «Къ молодому поколѣнію» и въ распространеніи однимъ его лицомъ сего преступнаго сочиненія въ напечатанныхъ листахъ, выказываемое имъ обстоятельство,

что черновой проект воззванія, врученный имъ изгнаннику Герцену, былъ кѣмъ-то измѣненъ, съ оставленіемъ только тѣхъ его, Михайлова, мыслей, которыя относятся къ социальнымъ стремленіямъ Россіи, не можетъ имѣть никакого вліянія на опредѣленіе виновности его, Михайлова, въ томъ, въ чемъ направленіе и цѣль воззванія очевидны. Если бы даже все воззваніе было составлено другимъ лицомъ, то и въ такомъ случаѣ Михайловъ, какъ принявшій на себя распространеніе сего преступнаго сочиненія, въ чемъ и заключалось главное зло, представлялся бы главнымъ виновнымъ. Нельзя также принять въ уваженіе показаніе Михайлова, что при распространеніи воззванія «Къ молодому поколѣнію» онъ имѣлъ единственною цѣлью побудить правительство къ смягченію строгости цензуры, для устраненія тайной печати посредствомъ дарованія большей свободы печати гласной, и не представлялъ будто бы себѣ, какое вліяніе можетъ имѣть преступное воззваніе на умы читателей. Дѣйствія Михайлова въ этомъ отношеніи говорятъ сами за себя. Очень можетъ быть, что самыя дерзкія сужденія, намѣренія и желанія не принадлежать лично Михайлову, признающему своимъ сочиненіемъ только одну часть воззванія, относящуюся къ социальнымъ стремленіямъ Россіи, но ни въ какомъ случаѣ нельзя допустить, чтобы онъ, пользуясь здравымъ разсудкомъ и свободною волею, могъ употреблять возмутительныя средства безъ цѣли произвести возмущеніе, почему одно распространеніе имъ возмутительнаго сочиненія обнаруживаетъ въ дѣйствіяхъ его революціонную цѣль, которая выражается и въ сочиненной имъ части воззванія, гдѣ также призывается революція, какъ желанное событіе. При томъ, по закону, если по обстоятельствамъ, сопровождавшимъ дѣяніе подсудимаго, онъ могъ и долженъ былъ предвидѣть, что послѣдствіемъ онаго должно быть не одно, а нѣсколько преступленій разной важности, то хотя бы онъ и не имѣлъ положительнаго намѣренія совершить именно важнѣйшее изъ сихъ преступленій, мѣра его наказанія опредѣляется всегда по сему важнѣйшему изъ преступленій, долженствовавшихъ быть послѣдствіемъ его дѣянія (Улож. о наказ. ст. 120).

«Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ, что подудимый Михайловъ оказывается виновнымъ въ злоумышленномъ распространеніи, а отчасти и въ самомъ составленіи сочиненія, направленнаго къ возбужденію бунта противъ верховной власти, для потрясенія основныхъ учрежденій государства, но что отвѣтственность его въ этомъ злоумышленіи облегчается тѣмъ, что оно было открыто заблаговременно, при самомъ онаго началѣ и потому не имѣло вредныхъ послѣдствій.

По закону, въ подобныхъ случаяхъ виновные, вмѣсто смертной казни, опредѣленной за преступленія этого рода, сопровождавшіяся вредными послѣдствіями, приговариваются къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжную работу или въ рудникахъ на время отъ 12 до 15 лѣтъ, или въ крѣпости на время отъ 10 лѣтъ до 12, смотря по большей или меньшей важности преступнаго ихъ умысла, большому или меньшему въ ономъ участию и по другимъ увеличивающимъ или уменьшающимъ вину ихъ обстоятельствамъ (Улож. о наказ. ст. 284). Какъ по важности злоумышленія, имѣвшаго обширные размѣры, такъ и потому, что преступное воззваніе заключаетъ въ себѣ явныя оскорбленія Величества и другія самыя злостныя средства къ возбужденію бунта, подсудимому Михайлову должно быть опредѣлено строжайшее изъ вышеозначенныхъ наказаній; но во вниманіе къ добровольному сознанію Михайлова прежде преданія его суду, наказаніе это можетъ быть назначено въ мѣрѣ, близкой къ низшей.

«На сихъ основаніяхъ правительствующій сенатъ полагаетъ: отставнаго губ. секретаря изъ дворянъ Михаила Илларионовъ Михайлова, 32 лѣтъ, за распространеніе злоумышленнаго сочиненія, въ составленіи коего онъ принималъ участіе и которое имѣло цѣлью возбудить бунтъ противъ верховной власти, для потрясенія основныхъ учрежденій государства, но осталось безъ послѣдствій, не подвергая смертной казни, опредѣленной за преступленія этого рода, сопровождавшіяся вредными послѣдствіями, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на 12 лѣтъ и шесть мѣсяцевъ, а по прекращеніи сихъ работъ, за истеченіемъ срока или по другимъ причинамъ, поселить въ Сибири навсегда; но предварительно исполненія сего приговора внести оный на Высочайшее усмотрѣніе чрезъ государственный совѣтъ, на каковой конецъ и передать подлинное опредѣленіе сената въ министерство юстиціи установленнымъ порядкомъ (зак. суд. угол., ст. 452, 457, 458 и 617). Вмѣстѣ съ симъ предоставить тому же министерству передать къ производящемуся о распространеніи запрещенныхъ сочиненій слѣдствію показаніе Михайлова о бывшихъ въ рукахъ его рукописныхъ сочиненіяхъ «къ солдатамъ» и «къ крестьянамъ», переданныхъ имъ отставному корнету Всеволоду Костомарову: одно лично, а другое чрезъ студента Сороко».

VI.

12 ноября министръ юстиціи, гр. Панинъ, далъ разрѣшеніе оберъ-прокурору, Буцковскому, на пропускъ этого опредѣленія; на слѣдующій

день оно было скрѣплено всѣми слушавшими дѣло сенаторами и послано по назначенію.

21 ноября департаментъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ государственнаго совѣта, разсмотрѣвъ сенатское опредѣленіе и всеподданнѣйшую просьбу Михайлова о помилованіи (о которой въ сенатскомъ дѣлѣ нѣтъ больше никакихъ свѣдѣній), нашелъ, что опредѣленіе сената вполнѣ правильно, а просьба подсудимаго не заключаетъ въ себѣ никакихъ обстоятельствъ, которыя могли бы служить основаніемъ къ ходатайству о смягченіи слѣдуемаго ему по закону наказанія, и мнѣніемъ положилъ: «утвердить по настоящему дѣлу заключеніе правит. сената и вслѣдствіе сего отставнаго губ. секретаря Михаила Михайлова, на основаніи приведенныхъ въ томъ заключеніи законовъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на 12 лѣтъ и шесть мѣсяцевъ». 23 ноября государь положилъ резолюцію: «Срокъ каторжной работы ограничиваю шестью годами, а въ прочемъ быть по сему».

5 декабря общее собраніе петербургскихъ департаментовъ сената слушало списокъ высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта и приказало передать его въ I отдѣленіе 5 департамента. Последнее въ тотъ же день предписало генералъ-губернатору доставить Михайлова въ сенатъ къ 1 часу дня 7 декабря для объявленія ему приговора.

Михайловъ какъ-то тогда же узналъ о содержаніи послѣдняго и потому 7-го не былъ удивленъ всѣмъ услышаннымъ. Достоинъ замѣчанія, что собраніе сената въ этотъ день происходило публично, при открытыхъ дверяхъ; въ самую залу допускались, конечно, по билетамъ, и бюрократическій *beau monde* слѣшилъ поглядѣть на интересное зрѣлище: невиданный преступникъ, авторъ той прокламаціи, которая ничего не имѣла противъ смерти всего русскаго высшаго чиновничества... Молодежь, студенты и обыкновенная публика удовольствовались Галерной улицей и площадью и тамъ ждали привоза и отвоза подсудимаго.

Но отправленіе въ Сибирь не было совершено быстро. Ровно черезъ недѣлю Михайлову предстояло еще испытать всю жалкую комедію краткаго публичнаго объявленія его преступленія и постигшаго за то наказанія. Раннимъ утромъ 14 декабря въ казематъ вошли палачъ съ ножницами и бритвой, кузнецъ съ кандалами и два крѣпостныхъ офицера. Михаила Илларионовича обрили по-арестантски, заковали въ кандалы и повезли на площадь передъ Сытнымъ рынкомъ (на Петербург-

ской сторонѣ) ¹⁾. Тамъ на специально для этого случая построенномъ эшафотѣ была разыграна позорная комедія, и только тогда Михайловъ, посаженный въ сани съ надежнымъ конвоемъ жандармовъ, проѣхалъ улицы города, выѣхалъ за городъ и... отправился въ Сибирь, принявшую его вскорѣ въ свои пѣдра ²⁾.

Огаревъ напутствовалъ его изъ своего Лондонскаго далека симпатичнымъ стихотвореніемъ:

Закованъ въ желѣзы съ тяжелою цѣпью,
Идешь ты, изгнанникъ, въ холодную даль,
Идешь безконечною, снѣжною степью,
Идешь въ рудокопы на трудъ и печаль.
Иди безъ унынья, иди безъ роптанья,
Твой подвигъ прекрасенъ и святы страданья.

И вѣр неослабно, мой мученикъ ссыльный,
Иной рудокопъ не исчезъ, не потухъ—
Незримый, поспѣшный, повсюдный, всеильный
Народной свободы таинственный духъ.
Иди безъ унынія, иди безъ роптанія,
Твой подвигъ прекрасенъ и святы страданья.

Мих. Лемке.

¹⁾ Кн. Суворовъ-Рыминскій заявилъ, что получилъ приказаніе заковать Михайлова, несмотря на его дворянское званіе. Въ стараніи друзей М. П. освободить его отъ этой муки не привели ни къ чему. Моментъ заковки и стрижки изображенъ художникомъ имени, котораго мы не сожалѣемъ, не знаемъ, очень вѣрно; Михайловъ поразительно похожъ. Офицеръ, сидящій слева—плацъ-адъютантъ штабъ-капитанъ П. Ѳ. Пикорнелли, а стоящій—подпоручикъ Ѳ. Ѳ. Руссовъ. За предоставленіе этой иллюстраціи приношу благодарность П. А. Ефремову.

²⁾ О дѣлѣ Михайлова правительство не опубликовало рѣшительно никакихъ свѣдѣній. Только въ „Вѣдомостяхъ С.-Петербургской Городской Полиціи“ отъ 14 ноября 1861 г. за № 275 было помѣщено сообщеніе, что въ этотъ день „въ 8 ч. утра назначено публичное объявленіе на площади передъ Сытнымъ рынкомъ, что въ Петербургской части, отставному губ. секр. Мих. Михайлову Высочайше утвержденнаго мнѣнія госуд. совѣта“. Далѣе приводится еще 6—7 строкъ, о томъ, въ чемъ именно обвиненъ Михайловъ и какое наказаніе ему за это назначено. Сообщеніе „Полиц. Вѣдом.“ перепечатано въ I томѣ сборника Базилевскаго „Госуд. преступленія въ Россіи“, стр. 199—200.

Ред.

Петръ Григорьевичъ Каховскій.

Историко-психологическій этюдъ.

I. Личность.—Міросозерцаніе.—Русскій Брутъ.—Въ тайномъ обществѣ

Когда думаешь о декабристахъ, вниманіе мучительно и настойчиво тянется къ тѣмъ пяти, «кои, по жесткому выраженію протокола Верховнаго Уголовнаго Суда, по тяжести ихъ злодѣяній поставлены внѣ разрядовъ, внѣ сравненія съ другими»; къ тѣмъ пяти, чья жизнь оборвалась 13 іюля 1826 года на висѣлицахъ Петропавловской крѣпости. Павелъ Пестель, Кондратій Рылѣевъ, Сергій Муравьевъ-Апостолъ, Михаилъ Бестужевъ-Рюминъ и Петръ Каховскій — вотъ кого смертный жребій выдѣляетъ изъ массы декабристовъ, но и до сихъ поръ мы не можемъ сказать, что мы знаемъ ихъ, умѣемъ нарисовать ихъ правственный образъ, понимаемъ всю сложность психологическихъ мотивовъ ихъ жизни и дѣятельности. Правда, у насъ есть до извѣстной степени опредѣленное представленіе о крупнѣйшей личности политика и революціонера Пестеля, о поэтѣ и энтузіастѣ гражданинѣ Рылѣевѣ, о вождѣ военнаго возстанія Муравьевѣ, о его другѣ и помощникѣ, находящемся въ непрерывномъ нервномъ возбужденіи, Бестужевѣ-Рюминѣ; но одно имя изъ этихъ пяти не вызываетъ въ насъ никакихъ ассоціацій, никакого опредѣленнаго представленія. Это—Каховскій. И когда мы смотримъ на его портретъ, какимъ-то чудомъ дошедшій до насъ, мы видимъ чужое намъ лицо, и черты портрета не согрѣваются огнемъ интимнаго знакомства, не воскресаютъ. Къ Каховскому примѣнимы тѣ французскіе стихи, которые написалъ о себѣ Сергій Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ:

Je passerai sur cette terre
Toujours rêveur et solitaire
Sans que personne m'aie connu.

Странная судьба, странное молчаніе! О немъ, повѣшенномъ, декабристы, оставившіе свои воспоминанія, говорятъ одну, двѣ незначительныхъ фразы, а вспоминая о Рылѣевѣ, С. Муравьевѣ, Пестелѣ, они возвышаются иногда до настоящаго пафоса. Каховскій—какой-то чужой, неизвѣстный имъ человѣкъ! Онъ чуждъ имъ и физически—до смѣшнаго. Они не знаютъ его настоящаго

имени. Даже добросовѣстный Розенъ въ своихъ запискахъ послѣдовательно называетъ его Петромъ Андреевичемъ Каховскимъ, а онъ былъ Петръ Григорьевичъ.

Но у насъ есть драгоценные матеріалы для характеристики П. Г. Каховскаго—его собственноручныя признанія въ слѣдственной комиссіи, его замѣчательныя письма изъ крѣпости къ имп. Николаю I и, наконецъ, многочисленнѣйшія показанія о немъ, сдѣланныя его товарищами. На основаніи этихъ данныхъ мы попытаемся набросать обликъ революціонера-романтика и разсказать его судьбу ¹⁾.

1.

Скудны данныя о внѣшней жизни Петра Григорьевича Каховскаго.

По формулярному списку, составленному въ 1821 году, онъ «изъ дворянъ Московской губерніи, въ коей за нимъ состоитъ 230 душъ крестьянъ». Но самъ Каховскій сообщалъ комиссіи въ 1826 году о томъ, что «послѣ смерти родителей его ему съ братомъ досталось 30 душъ крестьянъ въ Смоленскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи; это имѣніе въ казнѣ не заложено, а лежитъ на немъ партикулярный долгъ» ²⁾. Послѣ осужденія, правительство собрало все свѣдѣнія о родственникахъ, имѣніяхъ и капиталахъ осужденныхъ декабристовъ. О Каховскомъ въ его распоряженіи оказались слѣдующія данныя. «Родной братъ его отставной капитанъ-лейтенантъ Никаноръ Каховскій проживаетъ Велижекаго повѣта въ имѣніи генеральши Марковой и находится въ болѣзненномъ положеніи и хотя имѣетъ во владѣніи своемъ Смоленской губерніи и уѣзда въ селѣцѣ Тифиневскомъ имѣніе, состоящее въ 15 душахъ, но оно послѣ нашествія непріятели и по случаю неурожая хлѣбовъ въ совершенномъ разстройствѣ, черезъ что онъ задолжалъ разнымъ людямъ значительнымъ для него капиталомъ. Послѣ смерти брата Петра Каховскаго осталось имѣніе, заключающееся въ 13 душахъ крестьянъ, но оно подвержено залогу майоромъ Гернгроссомъ въ 6000 руб.; и сверхъ того съ онаго имѣнія взыскивается по заемному обязательству смоленскаго купца Дементія Нольчина 2300 руб.» ³⁾.

¹⁾ Настоящій очеркъ основанъ главнымъ образомъ на матеріалахъ, до сихъ поръ неизданныхъ и находящихся въ Государственномъ Archivѣ. Дѣлая вообще ссылки на архивныя дѣла, мы не дѣлаемъ детальныхъ ссылокъ на дѣло Каховскаго (Г. А. I. В. № 354) и на письма его (Г. А. I. В. № 11 и 470).

²⁾ Г. А. I. В. № 304, л. 124.

³⁾ Г. А. I. В. № 315, л. 140—141, 170, 174—175. Любопытно, что, получивъ отъ ген.-губ. Хованскаго эти свѣдѣнія, военный министръ предложилъ генералъ-губернатору развѣдать подъ рукой, не женился ли братъ Каховскаго, такъ какъ де по бумагамъ казеннаго Каховскаго (этихъ бумагъ въ Государственномъ Archivѣ въ дѣлахъ декабристовъ не сохранилось!) видно, что братъ собирался выгодной женитьбой поправить свои дѣла. По собраннымъ подъ рукой свѣдѣніямъ оказалось, дѣйствительно, что Никаноръ Каховскій женился на дочери генерала Маркова и получилъ въ приданое 170 душъ крестьянъ.

Немудрено, что, обладая такимъ незначительнымъ состояніемъ и не состоя на службѣ, Каховскій нуждался въ деньгахъ и одолжался у Рылѣва. Въ 1825 году онъ не могъ даже заплатить портному за сшитое платье 295 рублей, и Рылѣвъ за него поручился ¹⁾.

Каховскій родился, по собственному своему показанію, въ 1797 году. Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній ни о семейной обстановкѣ, его окружавшей, ни о его родителяхъ. Въ роковомъ для него году Каховскій уже не имѣлъ родителей. Изъ родственниковъ его мы знаемъ только объ одномъ его братѣ. Судя по тому, что за все время производства слѣдствія до самой казни Каховскій не получилъ ни одного письма отъ родныхъ, ни самъ не написалъ и не имѣлъ ни одного свиданія, можно думать, что его отношенія къ родственникамъ были совсѣмъ не родственны: въ то время, какъ чуть не за всѣхъ остальныхъ заключенныхъ хлопотали ближніе и дальніе родственники, родные Каховскаго не проявляли никакой заботливости. По крайней мѣрѣ въ официальныхъ документахъ мы не нашли доказательствъ противнаго, а вѣдомости разрѣшеннымъ свиданіямъ и пропущеннымъ письмамъ велись весьма тщательно. *Каховскій не имѣлъ никакихъ родственниковъ связи; онъ былъ совсѣмъ одинокъ.* Эта подробность имѣетъ важное біографическое значеніе, и для того, чтобы понять психологию Каховскаго, нужно помнить о его полнѣйшемъ одиночествѣ, о какой-то заброшенности.

Онъ учился въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ. Быть можетъ, онъ былъ здѣсь одновременно съ Владиміромъ Фодосѣвичемъ Раевскимъ: послѣдній родился въ 1795 году, Каховскій въ 1797 году. Н. И. Гречъ передаетъ слѣдующій интересный рассказъ самого Каховскаго о приключеніяхъ дѣтства. «Онъ былъ въ какомъ-то пансіонѣ (должно быть, университетскомъ) въ Мо-

Не являются ли результатомъ недоразумѣнія непріязненные строки автора, приписавшаго богатую невѣсту самому Каховскому? „Смоленскій помѣщикъ, проигравшійся и разорившійся въ игръ, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ надеждѣ жиниться на богатой невѣстѣ; дѣло это ему не удалось. Сойдись съ Рылѣвымъ, онъ предался ему и обществу безусловно. Рылѣвъ и другіе товарищи содержали его въ Петербургѣ на свои счеты“. Изъ приведенныхъ нами данныхъ видно, что процессъ разоренія могъ быть лишь весьма непродолжительнымъ. Строки эти взяты изъ статьи „14 декабря“, напечатанной Герценомъ въ „Запискахъ декабристовъ“ (Вып. 2 и 3. Лонд. 1863 г. Стр. 134—162; перепечатана съ сокращеніями во „Всемирномъ Вѣстникѣ“ 1904 г. № 6—7) и приписанной имъ И. И. Пущину. На самомъ дѣлѣ статья эта, какъ сообщалъ намъ покойный Е. И. Якушкинъ, написана И. Д. Якушкинымъ по рассказамъ Е. П. Оболенскаго, И. И. Пущина и нѣкоторыхъ другихъ его товарищей ссылки принимавшихъ непосредственное участіе въ дѣлѣ 14 декабря. И. Д. Якушкинъ записывалъ эти рассказы спустя нѣкоторое время послѣ того, какъ ихъ слышалъ. Этимъ объясняются нѣкоторыя неточности.

¹⁾ Въ іюнѣ 1826 года портной Яухинъ черезъ комитетъ потребовалъ съ Каховскаго уплаты денегъ. Жена Рылѣва, уплативъ долгъ своего мужа, выразила готовность заплатить и за Каховскаго. Комитетъ сдѣлалъ запросъ Каховскому, можетъ ли онъ заплатить. Это было послѣ 18 іюня. Каховскій просилъ позволенія написать брату о высылкѣ денегъ для уплаты. Не отвѣтивъ на эту просьбу, военный министръ, предсѣдатель комитета, сообщилъ черезъ Спб. ген.-губернатора, что Каховскій не имѣетъ средствъ для уплаты долга. Г. А. I. В. № 301, л. 47—48.

сквѣ, въ 1812 году, когда вступили туда французы. Пансіонъ разбѣжался, и Каховскій остался гдѣ-то на квартирѣ. Въ этомъ домѣ поселились французскіе офицеры и съ мальчикомъ ходили на добычу. Однажды приобрѣли они нѣсколько стклянокъ разнаго варенья. Должно было откупорить. За это взялся Каховскій, но какъ-то неосторожно засунулъ палецъ въ горлышко стклянки и не могъ его вытащить. Французы смѣялись и спрашивали, какъ онъ освободитъ свой палецъ. «А вотъ какъ!» сказалъ мальчикъ и, размахнувшись, разбилъ стклянку объ голову одного француза. Его приколотили за эту дерзость и выгнали». Къ этому разсказу Гречъ присоединяетъ свою сентенцію: «Это начало обѣщало многое, и онъ сдержалъ обѣщанное» ¹⁾. Эпизодъ съ французами, во всякомъ случаѣ, ярко иллюстрируетъ одну черту въ характерѣ Каховскаго—*безпредѣльную дерзость*. Онъ былъ не только дерзокъ въ бытовомъ, житейскомъ смыслѣ, но и дерзновененъ. Мы увидимъ дальше, что въ намѣреніяхъ онъ зашелъ гораздо дальше всѣхъ декабристовъ и, кромѣ того, онъ былъ и искреннѣе, и рѣшительнѣе ихъ. Вообще, о немъ можно сказать, что онъ дѣйствовалъ безъ оглядки и удержу. И когда онъ переживалъ всю тоску тюремнаго заключенія, пытку допросовъ и признаній, забывая о предѣлахъ осторожности, онъ оставался вѣренъ своему характеру.

Итоги его образованія казенный языкъ формуляра опредѣляетъ такъ: «по-русски, по-нѣмецки и французски читать, писать и говорить умѣть, исторіи, географіи и ариметикѣ знаетъ». Приходится думать, что образованіе Каховскій приобрѣлъ не на школьной скамьѣ, а позже. Онъ побывалъ и за границей и внимательно приглядѣлся къ тамошнимъ порядкамъ. Въ письмахъ изъ крѣпости о недостаткахъ русской жизни и мѣрахъ ихъ исправленія Каховскій показалъ себя образованнѣйшимъ человекомъ, вполне на уровнѣ своего вѣка. Бросается въ глаза хорошее знакомство съ экономическими науками, государственнымъ правомъ и политической исторіей. Но самыя сильныя доказательства своихъ положеній онъ беретъ изъ матеріаловъ своего нагляднаго знакомства съ западно-европейскимъ бытомъ. На вопросъ комиссіи, какими науками онъ больше всего занимался, онъ отвѣчалъ: «политическими», а на вопросъ, откуда появился у него вольный образъ мыслей, Каховскій написалъ: «Мысли формируются съ лѣтами; опредѣлительно я не могу сказать, когда понятія мои развернулись. Съ дѣтства изучая исторію грековъ и римлянъ, я былъ воспламененъ героями древности. Недавніе перевороты въ правленіяхъ Европы сильно на меня дѣйствовали.—Наконецъ, чтеніе всего того, что было извѣстнымъ въ свѣтѣ по части политической, дало наклонность мыслямъ моимъ. Будучи въ 1823 и 1824 годахъ за границею, я имѣлъ

¹⁾ Н. И. Гречъ. „Записки о моей жизни“. Спб. 1886, стр. 382—383.

много способовъ читать и учиться: уединеніе, наблюденія. и книги были мои учителя».

Для пониманія психологіи Каховскаго необходимо отмѣтить въ этомъ показаніи свидѣтельство о вліяніяхъ изученія древности. «*Воспламененъ героями древности*» — черта, свойственная не одному декабристу. «Въ это время, — пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ И. Д. Якушкинъ — мы страстно любили древнихъ: Плутархъ, Титъ Ливій, Цицеронъ, Тацитъ и другіе — были у каждого изъ насъ почти настольными книгами» ¹⁾. Возрожденіе античности характеризуетъ романтическую эпоху и идетъ на встрѣчу свободолобивому настроенію. Въ античности искали бодрѣющихъ мотивовъ, подъема революціонной энергіи.

Возвращаясь къ внѣшней исторіи Каховскаго, мы должны ограничиться данными формуляра. 24 марта 1816 года онъ вступилъ въ военную службу, въ лейбъ-гвардіи егерскій полкъ юнкеромъ. Изъ временъ его службы въ л.-г. егерскомъ полку его товарищъ Новицкій сообщаетъ слѣдующій эпизодъ, который необходимо находится въ біографіяхъ всѣхъ роковыхъ лицъ. «По просьбѣ родныхъ Каховскаго, командиръ 1-го баталіона л.-гв. егерскаго полка, полк. Свѣчинъ, пріютилъ Каховскаго у себя на квартирѣ, въ одномъ изъ номеровъ дома Гарновскаго. Я помѣщался въ одной комнатѣ, скромно меблированной. Это было въ Великомъ посту. Тогда, къ Свѣтлому празднику, гвардейскіе офицеры, имѣвшіе, по большей части, собственные экипажи, заказывали новые, покупали лошадей, сбруи... И къ полковнику Свѣчину пришелъ каретникъ, высокій мужчина, брונетъ, съ живыми черными глазами. Помню, какъ теперь, когда онъ, не заставъ полковника дома, вошелъ въ нашу комнату, мы съ Каховскимъ лежали на своихъ кроватяхъ: онъ читалъ книгу, я былъ тогда юнкеръ, готовилъ урокъ къ завтрашнему дню; было тутъ еще два-три человѣка постороннихъ. Каретникъ стоялъ нѣсколько времени недвижно, всматриваясь попеременно, то въ меня, то въ Каховскаго, и вдругъ произнесъ: «Вотъ что я вамъ скажу: одинъ изъ васъ будетъ повѣшенъ, другой — пойдетъ своею дорогою» ²⁾.

Но уже въ декабрѣ 1816 года Каховскій былъ разжалованъ въ рядовые и переведенъ изъ гвардіи въ армію; по сообщенію того же Новицкаго, былъ сосланъ на Кавказъ въ линейные баталіоны за какую-то шалость. Мы не могли документально установить причины разжалованія, но можно предполагать именно «дерзость» Каховскаго. По предписанію командира дивизіи ген.-маіора Жемчужникова 7 февраля 1817 года опредѣленъ на службу въ 7-ой егерскій полкъ и за отличіе по службѣ по высочайшему повелѣнію, въ ноябрѣ этого же года, вновь произведенъ юнкеромъ, а въ январѣ слѣдующаго года повышенъ въ портупей-юнкеры. Въ октябрѣ онъ былъ переведенъ въ Астраханскій кирасирскій полкъ и въ

¹⁾ Записки И. Д. Якушкина. М. 1905. Стр. 19.

²⁾ См. „Русская Старина“ 1874 г., т. XI (февр.), стр. 177—178.

этомъ полку получилъ чинъ: въ маѣ 1819 года—корнета и въ ноябрѣ того же года—поручика. Въ походахъ Каховскому быть не пришлось, а въ штрафныхъ онъ бывалъ «за разныя шалости въ арміи, по повелѣнію великаго князя Константина Павловича». Эти штрафы отличаютъ Каховскаго отъ другихъ декабристовъ, формуляры которыхъ безукоризненны.

24 апрѣля 1821 года Каховскій по болѣзни получилъ отставку. Изъ показанія его передъ генераломъ Левашовымъ мы знаемъ, что онъ дѣйствительно былъ боленъ и ѣздилъ лѣчиться на Кавказъ вмѣстѣ съ ген.-маіоромъ Свѣчинымъ; по возвращеніи жилъ нѣкоторое время въ Смоленской губерніи, въ своемъ имѣніи. Въ 1823—1824 годахъ Каховскій путешествовалъ за границей и въ 1825 году онъ появился въ Петербургѣ. Въ это время онъ собирався ѣхать въ Грецію и принять участіе въ борьбѣ за освобожденіе грековъ.

2.

Каховскій былъ сыномъ своего вѣка. Если бы вдругъ исчезли тѣ немногія свидѣтельства современниковъ, тѣ показанія въ официальномъ дѣлѣ, по которымъ только мы и можемъ возсоздать образъ Каховскаго, то мы не потеряли бы Каховскаго. Стоило бы только обратиться къ литературѣ и поэзіи, вдохновлявшей декабристовъ, къ западно-европейскому романтизму, соціальному и протестующему, къ античности, возродившейся въ романтическихъ формахъ, и мы могли бы нарисовать образъ героя, революціонера-романтика двадцатыхъ годовъ. Чтобы отчетливѣе представить себѣ духовную личность Каховскаго, необходимо исходить изъ гражданской поэзіи того времени, изъ романтизма 20-хъ годовъ.

Остановимся на произведеніяхъ Рылѣва и Пушкина. Пламенная любовь къ отечеству, благо родины, священнѣйшія права человека, святая вольность, свобода, гнетъ власти, борьба съ самовластьемъ и тиранами—вотъ общія мѣста гражданской поэзіи и Рылѣва и Пушкина, термины, которыми пестритъ чуть не каждая строка ихъ политическихъ стихотвореній.

„Подъ гнетомъ власти роковой
Нетерпѣливою душой
Отчизны внемлемъ призыванья;
Мы ждемъ съ томленьемъ упованья
Минутой вольности святой“ и т. д.

„Для блага родины должны жертвовать не только родными и близкими, но и честью.

„Любя страну своихъ отцовъ,
Женой, дѣтями и собою
Ты ей пожертвовать готовъ...

Но я, но я, пылая местию,
Ее спасая отъ оковъ,
Я жертвовать готовъ ей честью“.

Намъ трудно теперь понять всю *дѣйственность* этой пламенной любви къ родинѣ, которой пылали декабристы. И слова «пылали», «пламенный» отдають для насъ какимъ-то риторизмомъ, а въ то время они точно выражали переживанія декабристовъ. Чувство любви къ родинѣ, обостренное внѣшними войнами, было реальной движущей силой, оно переживалось интимно и необыкновенно сильно. Оно проникало и обнимало всю психику человѣка и было такимъ же мощно дѣйственнымъ, какъ у народниковъ—любовь къ народу, у искренно вѣрующихъ людей—любовь къ Богу. Сейчасъ мы готовы употребить прозаическій терминъ, говорить объ *экзальтированности* декабристовъ теперь, когда понятія любви къ Богу и любви къ родинѣ какъ-то опустѣли, выцвѣли, стали безжизненно вялыми.

Но благо родины требуетъ и высшаго самоотверженія: родина ждетъ своего Брута, своего Ріэго. Оживаютъ классическіе образцы, и имя Брута становится почти нарицательнымъ. И въ политической поэзіи раздаются пламенные призывы къ убійству тирана, паработителя свободы.

Чтить Брута съ дѣтства я привыкъ:
Защитникъ Рима благородный,
Душою истинно свободный“.

Или:

„Они (юноши) раскаются, когда народъ, возставъ,
Застанетъ ихъ въ объятяхъ праздной нѣги,
И въ бурномъ мятежѣ ища свободныхъ правъ,
Въ нихъ не найдетъ ни Брута, ни Ріэги“.

Русскій Брутъ или Ріэго долженъ былъ свергнуть тирана, уничтожить самовластительнаго злодѣя. Всѣмъ былъ вѣдомъ этотъ самовластительный злодѣй, и сверженіе его казалось подвигомъ высшей нравственности, необыкновеннымъ. Ненависть къ тирану вызывала стихи, полные какой-то кровожадности и въ то же время силы.

И въ Цицеронѣ мной не консулъ, самъ онъ чтимъ,
За то, что имъ спасенъ отъ Катилины Римъ...
О мужъ! достойный мужъ! Почто не можешь снова,
Родившись, согражданъ спасти отъ рока злова?
Тиранъ, вострепещи! Родиться можетъ онъ!
Иль Кассій, или Брутъ, иль врагъ царей Катонъ!
О, какъ на лирѣ я потщусь того прославить,
Отечество мое кто отъ тебя избавить!“

Еще ярче—у Пушкина:

„Самовластительный злодѣй!
Тебя, твой родъ я ненавижу.
Твою гибель, смерть дѣтей
Съ свирѣпой радостью я вижу!“

Читають на твоємъ челѣ
Печать проклятiя народы;
Ты—ужасъ міра, срамъ природы,
Упрекъ ты Богу на землѣ!“

И, наконецъ,—«Кинжалъ», это поразительное по силѣ изображенія, яркости и прозрачности настроенія стихотвореніе Пушкина. «Свободы тайный стражъ, карающій кинжалъ, послѣдній судія позора и обиды! Гдѣ Зевса громъ молчитъ, гдѣ дремлетъ мечъ закона, свершитель ты проклятій и надеждъ... Вышній судъ тебя послалъ». Кинжалъ, какъ орудіе вышняго суда, возстановленія поправленнаго права личности — идея, родившаяся еще въ античномъ мірѣ и воскресшая въ концѣ 18 вѣка въ Европѣ. Къ намъ она перешла тогда же, и у Радищева мы находимъ патетическія страницы о правѣ возстанія.

И Брутъ, и Ріэго, и Зандъ были героями, волновавшими людей двадцатыхъ годовъ. Пушкинъ воспѣвалъ Занда, убійцу Коцебу, въ увлекательной и дразнящей строфѣ:

„О юный праведникъ, избранникъ роковой,
О Зандъ! Твой вѣкъ угасъ на плахѣ;
Но добродѣтели святой
Остался слѣдъ въ казненномъ прахѣ“.

Рылѣевъ формулировалъ этическую оцѣнку:

„Но тотъ, кто съ сильными въ борьбѣ,
За край родной иль за свободу,
Забывши вовсе о себѣ,
Готовъ всѣмъ жертвовать народу,
Противъ тирановъ лютыхъ твердъ,
Онъ будетъ и въ цѣпяхъ свободенъ,
Въ часъ казни правотою гордъ
И вѣчно въ чувствахъ благороденъ“.

Литература и поэзія питала пылкій патріотизмъ, будила мечты о благѣ родины, о святой вольности, о сладкой свободѣ. Чудилась борьба съ тиранами и поработителями, открывалась возможность подвига, безпредѣльно дерзновеннаго. Когда друзья отговаривали Якушкина отъ царевубійства, онъ говорилъ: «если въ самомъ дѣлѣ ничто не можетъ быть счастливѣе Россіи, какъ прекращеніе царствованія императора Александра, то вы отнимаете у меня возможность совершать самое прекрасное дѣло»¹⁾. Чувствовалось какое-то безумное влеченіе въ дерзновенной безпредѣльности. Якубовичъ, вызывавшійся на царевубійство, въ послѣдствіи указывалъ на то, что побуждало его къ этому акту «желаніе казаться необыкновеннымъ», а самый актъ представлялся «*необыкновеннымъ, романтическимъ*»²⁾.

Русская литература и поэзія не успѣла воплотить всѣхъ этихъ

¹⁾ Записки декабристовъ, вып. 1-й. Записки П. Д. Якушкина. Лонд. 1862 г., стр. 19. Въ русскомъ изданіи 1905 г., эти строки цензурой не были пропущены.

²⁾ Г. А. I В № 362.

чертъ въ одномъ героѣ, но пыталась создать его, воспользовавшись старой темой о Вадимѣ. Въ то время, какъ, по изображенію Екатерины II, Вадимъ является дерзкимъ бунтовщикомъ противъ верховной власти Рюрика, представителя просвѣщеннаго абсолютизма,—Княжнинъ въ своей трагедіи выводитъ Вадима, новгородскаго гражданина, борца за свободу своихъ гражданъ, русскаго Брута. Въ изображеніи Муравьева и Жуковскаго Вадимъ является сентиментально-романтическимъ ревнителемъ національной свободы. Для Рылѣева и его товарищей, Вадимъ является желаннымъ героемъ, русскимъ Брутомъ. Этотъ типъ удовлетворялъ и ихъ стремленіямъ къ самобытности и чувству, требовавшему героя. Вадимъ сталъ своего рода паролемъ для радикаловъ Александровской эпохи, подобно тому, какъ Псковъ и Новгородъ были синонимами *древне-славянской свободы* ¹⁾. Тему о Вадимѣ пытались обработать Рылѣевъ, Пушкинъ и В. Ф. Раевскій. Въ «Думѣ» Рылѣева Вадимъ былъ мощнымъ и сильнымъ борцомъ за свободу, съ крѣпкой вѣрой въ успѣхъ своего дѣла. Любопытенъ вѣншній обликъ героя:

Страсти пылкія рисуются
На челѣ его младомъ;
Перси юныя волнуются
И глаза блестятъ огнемъ“.

Вадимъ думаетъ о борьбѣ съ поработителями родины, и конечный эффектъ борьбы—все тотъ же, сверженіе тирана:

Грозенъ князь самовластительный!
Но наступитъ мракъ ночной;
И настанетъ часъ рѣшительный,
Часъ для гражданъ роковой!..“

И по этимъ краткимъ литературнымъ свидѣтельствамъ можно представить себѣ образъ революціонера-романтика 20-хъ годовъ. Обратимся къ характеристикѣ Каховскаго на основаніи доступныхъ намъ матеріаловъ, и романтическія черты проступятъ яснѣе и красочнѣе.

Когда Каховскій въ своихъ письмахъ и признаніяхъ начинаетъ говорить о любви къ родинѣ и о свободѣ, рѣчь его становится жгучей и возбуждающей, трогательной и красивой, и въ то же время романтически эффектной. «Не о себѣ хочу говорить я, но о моемъ отечествѣ, которое, пока не остановится бѣненіе моего сердца, будетъ мнѣ дороже всѣхъ благъ міра и самаго неба... Я за первое благо считалъ не только жизнью—честью жертвовать пользѣ моего отечества. Умереть на плахѣ, быть растерзану и умереть въ самую минуту наслажденія, не все-ли равно. Но что можетъ быть слаще, какъ умереть, принеся пользу. Человѣкъ, исполненный чистотой, жертвуетъ собой не съ тѣмъ, чтобы заслужить славу, строчку въ исторіи, но творить добро для добра безъ возмездія.

¹⁾ См. П. Щеголевъ. „Первый декабристъ Владиміръ Раевскій“. Спб. 1905 г. Стр. 60.

Такъ думалъ я, такъ и поступалъ. Увлеченный пламенною любовью къ родинѣ, страстью къ свободѣ, я не видалъ преступленія для блага общаго. Для блага отечества я готовъ бы былъ и отца моего принести въ жертву. Согреѣтъ пламенной любовью къ отечеству: одна мысль о пользѣ онаго питаетъ душу мою. Я прихожу въ раздраженіе, когда воображаю себѣ всѣ бѣды, терзающія мое отечество».

Полны истиннаго паѳоса восклицанія Каховскаго о свободѣ. Чувство свободы—изначально. Человѣкъ рожденъ для свободы. «Народы, почувствовавъ сладость свободы и просвѣщенія, стремятся къ ней. Правительства же, огражденные милліонами штыковъ, сilyтся оттолкнуть народы въ тѣмъ невѣжества. Но тщетны ихъ всѣ усилія: впечатлѣнія, разъ полученные, никогда не изглаживаются. Свобода, сей свѣточъ ума, теплотворъ жизни, была всегда и вездѣ достояніемъ народовъ, вышедшихъ изъ грубаго невѣжества. И мы не можемъ жить подобно предкамъ нашимъ ни варварами, ни рабами. Пока будутъ люди, будетъ и желаніе свободы. Свобода обольстительна: я, распаленный ею, увлекъ другихъ». Во имя чего звать къ возстанію? Во имя свободы; вѣдь чувство свободы прирождено человѣку. За свободу—вотъ лозунгъ, который съ восторгомъ подхватятъ всѣ. «Несправедливо говорили, будто бы при возстаніи 14 декабря кричали: «да здравствуетъ конституція» и будто народъ спрашивалъ: «что такое конституція? Не жена ли его высочества?» Это забавная выдумка. Мы очень знали бы замѣнить конституцію закономъ и имѣли слово, потрясающее сердца равно всѣхъ сословій въ народѣ: Свобода! Но нами ничто не было провозглашаемо, кромѣ имени Константина».

Страстная любовь къ родинѣ, воодушевленіе свободы, естественно, вызывали въ Каховскомъ ненависть къ поработителямъ родины и переходили въ жажду отмщенія, жажду самоотверженнаго подвига. Въ показаніяхъ и письмахъ Каховскій не договаривается до конца, но мы можемъ между строкъ читать о призваніи Каховскаго и знаемъ о немъ со словъ современниковъ. По общему признанію, онъ хотѣлъ и долженъ былъ быть Врутомъ, Зандомъ, кинжаломъ, орудіемъ пораженія тирана. Но на этомъ призваніи мы остановимся подробнѣе, когда будемъ говорить о роли Каховскаго въ тайномъ обществѣ.

Если собрать эпитеты, присвоенные Каховскому, то со стороны слѣдователей они исчерпываются словами «дерзкій, отчаянный, неистовый», ¹⁾ а со стороны товарищей по дѣлу—«пылкій и рѣшительный», «нылкая душа, второй Зандъ» (Оболенскій); «пылкій характеръ, готовый на самоотверженіе» (Рылѣевъ); «готовый на обреченіе» (Штейнгель). Нечего говорить, что къ этимъ чертамъ духовной личности Каховскаго нужно присоединить и ту, которая въ то время называлась «истиннымъ благородствомъ духа».

Всѣ эти душевные особенности Каховскаго были на виду у всѣхъ, но есть еще и интимныя. При огромномъ самолюбіи, онъ

¹⁾ Выраженія Боровкова въ его „Автобіограф. воспоминанійхъ“. „Русск. Стар“. 1898, т. ХСѢ, ноябрь, стр. 339.

былъ нѣсколько чувствителенъ, сентименталенъ; романтику 20-хъ годовъ нельзя было и быть безъ этого свойства. «Я, приговоренный къ каторгѣ, лишусь немногаго; если тягостна, то одна разлука съ милыми моему сердцу». У Каховскаго неудачно сложилась жизнь; онъ былъ одинокъ, заброшенъ; съ извѣстной долей пренебреженія относился къ жизни, а разочарованіе, модное въ то время и вполне понятное у Каховскаго, вызывало его и на рисовку: «жить и умереть, для меня одно и то же. Мы всѣ на землѣ невѣчны; на престолѣ и въ цѣпяхъ смерть равно беретъ свои жертвы. Человѣкъ съ возвышенной душой живетъ не роскошью, а мыслями—ихъ отнять никто не въ силахъ»... «Мнѣ ненужна и свобода; я и въ цѣпяхъ буду вѣчно свободенъ: тотъ силенъ, кто позналъ въ себѣ силу человечества» ¹⁾.

И этотъ человѣкъ съ возвышенной душой, мечтавшій жить въ памяти потомства, какъ русскій Брутъ или Зандъ, былъ необыкновенно чутко ко всякому знаку вниманія. Разбивались цѣпи одиночества, и его замкнутая, гордая и самолюбивая душа вдругъ растворялась; онъ становился довѣрчивымъ и искреннимъ и платилъ взрывами благодарности. Эту черту подмѣтили Рылѣевъ и Николай Павловичъ. Въ свое время мы узнаемъ, какъ воспользовался ею послѣдній.

Таковъ былъ духовный человѣкъ въ Каховскомъ, но мы были бы не правы, если бы забыли въ немъ гражданина. При нашемъ трезвомъ отношеніи къ романтизму, мы, пожалуй, не прочь обвинить Каховскаго въ придуманности настроеній, поверхностности, но эти обвиненія были бы величайшей ошибкой. Каховскій оставилъ письма, адресованныя имъ изъ крѣпости къ царю и генералу Левашову, члену комиссіи. Въ этихъ письмахъ онъ излагаетъ свое политическое міросозерцаніе. Познакомившись съ ними, мы должны будемъ поставить его наряду съ самыми выдающимися декабристами; вдумчивость, наблюдательность и правильная оцѣнка положенія — вотъ отличительныя черты его взглядовъ. Для полноты характеристики Каховскаго необходимо очертить и его міросозерцаніе, хотя бы кратко изложивъ его. Выясненіе его имѣетъ и общее значеніе для исторіи идейной стороны въ движеніи декабристовъ.

3.

Основной пунктъ воззрѣній Каховскаго, конечно,—уничтоженіе самодержавной власти и введеніе народнаго правленія, введеніе конституціи, постановительныхъ законовъ. Ниже мы еще будемъ цитировать его горячія и страстныя мольбы передъ Николаемъ I о необходимости дать Россіи конституцію, а сейчасъ перейдемъ къ частностямъ въ міросозерцаніи Каховскаго. Нужно отмѣтить, что въ письмахъ Каховскаго къ царю и къ Левашову мы не найдемъ систематическаго изложенія общественныхъ и политиче-

¹⁾ Цитаты взяты изъ писемъ Каховскаго, писанныхъ въ крѣпости.

скихъ взглядовъ Каховскаго: это—безсистемный рядъ мыслей и замѣчаній, касающихся, правда, весьма многихъ сторонъ нашей общественной жизни. Наблюденія, прозрѣты и мысли Каховскаго по общественнымъ вопросамъ являются результатомъ не только теоретическаго, книжнаго изученія, но и непосредственнаго знакомства съ жизнью русскаго народа и съ жизнью Европы. Съ положеніемъ Россіи Каховскій имѣлъ возможность ознакомиться во время путешествія изъ Петербурга на Кавказъ. Всюду онъ слышалъ народный стонъ и ропотъ. Это — не стереотипная фраза, потому что Каховскій узнавалъ жизнь народа не изъ окна кибитки, а изъ живыхъ сближеній съ представителями народа. Вопросъ непосредственнаго соприкосновенія съ народомъ ставился и въ обществѣ декабристовъ. Такъ Митьковъ пробовалъ вести политическіе разговоры съ крестьянами и «замѣтилъ въ нихъ столько здравыхъ мыслей и истины въ сужденіяхъ, что если только сообразоваться съ ихъ языкомъ, то они скоро и легко поймутъ, какъ права, такъ и обязанности свободнаго крестьянства». ¹⁾ Каховскій оставилъ любопытное свидѣтельство о своихъ сближеніяхъ съ русскимъ народомъ. Его впечатлѣнія проникнуты восторженнымъ сентиментализмомъ, предвозвѣщающимъ позднѣйшее увлеченіе народомъ. «Хитрость и обманъ—свойства рабовъ; самое тяжкое бремя, гнетущее земледѣльцевъ нашихъ, образовало ихъ. Нѣкоторымъ изъ нихъ, чтобы сохранить для себя что нибудь отъ насилія помѣщиковъ, нужно прибѣгать къ изобрѣтеніямъ вымысла и хитрости. Во внутреннихъ губерніяхъ государства имѣнія, принадлежащія богатымъ помѣщикамъ, пользуются довольною свободою, хотя и зависятъ совершенно отъ владѣльцевъ своихъ, но образованное дворянство не гнететъ себя подобныхъ и земледѣльцы управляютъ мірскими сходками. Я былъ на многихъ изъ сихъ совѣщаній, маленькихъ республикъ. Сердце цвѣло во мнѣ, видя умъ и простое убѣдительно краснорѣчіе добраго народа русскаго».

«О, какъ хорошо они понимаютъ и обещиваютъ нужды свои! На сихъ сходкахъ я въ первый разъ слышалъ изреченіе изъ Наказа Великой Екатерины. Пусть обуюные своекорыстіемъ, враги родной страны, враги добра смѣются съ неправильнаго выговора или съ неловкихъ оборотовъ въ обращеніи нашихъ добрыхъ землепашцевъ; но я, безъ пристрастія говорю, зная народъ Франціи и народъ Россіи, отдаю преимущество и во нравахъ и въ образованіи нашимъ. Пусть кто поспоритъ со мной: я уличу и готовъ доказать правду словъ на самомъ опытѣ. Не лепечутъ наши краснорѣчиваго вздора; но въ разсужденіяхъ умъ русскій ясенъ, гибокъ и твердъ».

Съ наибольшимъ вниманіемъ Каховскій останавливается на положеніи судебной части въ Россіи. Отсутствие точнаго и яснаго законодательства, вопіющіе недостатки судопроизводства его про-

¹⁾ Г. А. І. В. № 387.

Петръ Григорьевичъ
КАХОВСКІЙ

(съ карточки изъ альбома Никиты Муравьева).

сто разстраивали. «Постановительные непрѣмѣнные законы прекращаютъ всѣ злоупотребленія въ судопроизводствѣ. Ясность и краткость оныхъ не допускаетъ запутывать дѣла; они легко запечатлѣваются въ памяти и дѣлаются извѣстными всѣмъ; чрезъ нихъ каждый знаетъ свою обязанность, свои права,—и чему подвергается, не соблюдая предписанныхъ ими правилъ. Мы симъ похвалиться не можемъ; у насъ указъ на указъ, одно разрушаетъ, другое возобновляетъ и къ каждому случаю и предмету найдутся нѣсколько узаконеній, одни съ другими несогласныя. Сильные и сутяги торжествуютъ, бѣдность и невинность страдаетъ». Каховскій умолялъ Николая улучшить законодательство: «Милосердый Государь! займитесь внутреннимъ устройствомъ государства. Отсутствіе закона—ужасный вредъ для насъ; вредъ физическій и моральный. Служба замѣнилась прислугой, общая польза забыта, своекорыстіе грызетъ сердца и любовь къ отечеству уже для иныхъ стала смѣшнымъ чувствомъ».

Образцомъ законодательства Каховскому казался кодексъ Наполеона. По мнѣнію Каховскаго, съ небольшими измѣненіями этотъ кодексъ годился бы для всѣхъ народовъ. Но въ немъ былъ существеннѣйшій недостатокъ, который Каховскій находилъ крайне вреднымъ: примѣненіе смертной казни. Любопытны мотивы, по которымъ онъ считалъ недопустимой смертную казнь. Оставляя въ сторонѣ вопросъ, содѣйствуетъ ли эта мѣра наказанія прекращенію преступленій, онъ обращалъ вниманіе на самую природу смертной казни, какъ наказанія. «Можетъ ли смерть быть наказаніемъ, когда она есть необходимое условіе человѣческаго бытія, и не каждый ли изъ насъ при самомъ еще рожденіи приготовленъ къ оной?»—говорилъ Каховскій и подчеркивалъ то, что смертная казнь не удовлетворяетъ цѣлямъ исправленія, которыя преслѣдуетъ наказаніе. «Законы должны наказывать виновныхъ, но не убивать, и въ самомъ наказаніи стараться не заграждать пути преступнику къ исправленію». Въ этомъ смыслѣ Каховскій считалъ достигающей своихъ цѣлей американскую пенитенціарную систему и предлагалъ примѣнить ее въ Россіи: «Благодѣтельное устройство тюремное въ Соединенныхъ Штатахъ Америки можетъ служить и для насъ, и для всѣхъ народовъ Европы образцомъ. Въ нашихъ тюремныхъ острогахъ, гдѣ всѣ преступленія смѣшаны вмѣстѣ, гдѣ нѣтъ никакихъ занятій, ни трудовъ, ни порядка, ни чистоты; гдѣ обитаетъ развратъ, гдѣ самый воздухъ душный зараженъ смрадомъ; гдѣ содержащіеся, истлѣвая душой и тѣломъ, питаются мірскимъ лишь подаяньемъ, гдѣ часто надзирающіе за преступниками—преступники еще болѣе; въ таковыхъ заведеніяхъ, конечно, не исправится заключенный, но лишь ожесточится или развратится совершенно. Для образованія тюремъ, подобно какъ существуютъ они въ Соединенныхъ Штатахъ, нужна значительная сумма денегъ; можно ли ихъ жалѣть въ такомъ случаѣ: и тѣмъ болѣе это единовременная издержка и за то на всегда содержаніе тюремное правитель-

ству ничего не будетъ стоять; да и самая истраченная сумма для образованія временемъ изъ трудовъ содержащихся уплачена быть можетъ».

Процессъ судебный, по мѣнью Каховскаго, долженъ быть гласнымъ и устнымъ, съ допущеніемъ присяжныхъ и адвокатовъ. Онъ предлагалъ уменьшить число судебныхъ инстанцій и ввести раздѣленіе суда, кассаціоннаго и апелляціоннаго. Въ уѣздныхъ городахъ должны бы быть учреждены два мѣста: слѣдственное и судебное; въ губернскихъ—уголовныя палаты по образцу палатъ французскихъ и англійскихъ, съ присяжными засѣдателями; и наконецъ главный судъ, кассаціонный или, какъ выражался Каховскій, палата разбирающая. «Палатѣ разбирающей—допустить право не рѣшать и не пересуживать дѣла, а лишь разбирать, законно ли производились оныя (при постановительныхъ законахъ отъ производства зависить дѣло, опредѣленіе законное каждому извѣстно, ибо оно неперемѣнно); найдя упущенія, возвращать дѣла по предмету ихъ въ уѣздный судъ или уголовную палату, оштрафовать оныя и предписать имъ пополнить, изслѣдовать и перерѣшить». Въ случаѣ несправедливыхъ жалобъ Каховскій предлагалъ взыскивать съ просителей установленную пеню. Предвидя уменьшеніе гербоваго сбора при устномъ процессѣ, Каховскій проектировалъ введеніе судебныхъ издержекъ.

По вопросу о личной неприкосновенности взгляды Каховскаго не были подробно разработаны. Онъ пытался реставрировать и утвердить явно не отмѣненный законъ: «безъ суда никто да не накажется», возставалъ противъ нарушенія правъ гражданъ, освященныхъ вѣками. Съ особеннымъ краснорѣчіемъ онъ говорилъ о нарушеніи правъ личности генераль-губернаторами и гражданскими губернаторами. Онъ приводилъ въ примѣръ аресты дворянъ, производимые смоленскимъ генераль-губернаторомъ Хованскимъ. Генераль-губернаторскій институтъ вообще казался ему безцѣльнымъ и нелѣпнымъ. Его соображенія остаются вѣрными и для нашего времени. Пользы отъ генераль-губернаторовъ нигдѣ не видно, они тѣготятъ лишь населеніе лично собой, какъ лишней, бесполезной властью: «Если же генераль-губернаторы учреждены для новаго образованія присутственныхъ мѣстъ въ губерніяхъ, то выборъ сдѣланъ весьма неудачно: и отличный дивизионный начальникъ можетъ быть весьма плохимъ генераль-губернаторомъ».

Юридическіе взгляды Каховскаго, лишь вкратцѣ нами изложенные, показываютъ, что онъ въ вопросахъ права далеко опередилъ своихъ современниковъ и во многомъ предвосхитилъ идеи судебной реформы шестидесятихъ годовъ.

Въ своихъ экономическихъ взглядахъ Каховскій былъ сыномъ времени. Онъ вѣрно оцѣнивалъ финансовое и экономическое положеніе Россіи: указывалъ на истощеніе страны, вызываемое непосильными налогами, прямыми и косвенными, къ тому же

взыскиваемыми иногда вдвойнѣ. Каховскій находилъ, что «балансъ потерянъ». Запретительная система, обиліе казенныхъ монополій являются причиной отсутствія торговли, внѣшней и внутренней. Считаясь съ задачами фиска, правительство совершенно забываетъ о пользѣ народа. «Выгоды казны совершенно несогласны съ выгодами народа. Для казны можетъ быть полезна запретительная система, но для народа убійственна; ею онъ лишенъ столь необходимой ему внѣшней торговли. Всѣ откупы прибыльны казнѣ и очень видимо вредны народу. Всѣ налоги, возложенные казной, ей прибыльны и изсушаютъ источникъ богатства народнаго. Займы, казной сдѣланные въ иностранныхъ государствахъ, для нея выгодны; она не несетъ тягости долга; но для народа, уплачивающаго оныя—отяготительны. Скупъ въ портахъ нашихъ звонкой иностранной монеты для нея выгоденъ, но отнюдь не народу. Наконецъ всѣ тарифы, таможни, гильдіи, цехи полезны казнѣ и обременительны народу. Казна все отымае́тъ у гражданъ, не оставляя имъ ничего, кромѣ тягости и нищеты. Жадная, ненасытная, всѣ выгоды присваиваетъ себѣ и ничѣмъ не хочетъ подѣлиться. Можетъ ли такимъ образомъ существовать правительство и могутъ ли подъ его тяжкимъ бременемъ народы благоденствовать? Правительство, удерживающее власть свою страхомъ, а не любовію подвластныхъ ему народовъ, не можетъ быть ни сильно, ни счастливо».

Не будемъ останавливаться на мнѣніяхъ Каховскаго по крестьянскому вопросу. Онъ очень хорошо зналъ экономическое положеніе крестьянъ и оставилъ по этому предмету въ наставленіе генералу Левашову подробныя записки, но въ взглядахъ по крестьянскому вопросу онъ не былъ оригиналенъ и раздѣлялъ убѣжденія, принятые всѣми декабристами. Обстоятельное изложеніе ихъ взглядовъ читатель найдетъ въ статьѣ В. И. Семевского ¹⁾.

Политическіе взгляды Каховскаго покоятся на слѣдующемъ положеніи. Самодержавная власть враждебна истинной свободѣ и истинному просвѣщенію. «Народы, почувствовавъ сладость просвѣщенія и свободы, стремятся къ нимъ, а правительства, огражденные штыками, селятся оттолкнуть народы въ тьму невежества». Вотъ смыслъ совершающагося историческаго процесса. Но вѣдь не народы существуютъ для правительства, а правительства для народовъ. Отсюда—непримиримая борьба, тѣмъ болѣе непримиримая, что при всѣхъ соглашеніяхъ народъ всякій разъ неукоснительно былъ обманываемъ царями. Нѣтъ договора съ царями. Такова схема политическихъ воззрѣній Каховскаго. Она создана ходомъ событий въ Западной Европѣ, совершившихся передъ взорами Каховскаго и его современниковъ. Такіе взгляды свойственны и другимъ декабристамъ, но никто

¹⁾ „Крестьянскій вопросъ въ Россіи во второй половинѣ XVIII-го и первой половинѣ XIX вѣка“ въ книгѣ „Крестьянскій строй“. Т. I. СПб. 1905. *

изъ нихъ—ни въ показаніяхъ, ни позднѣе — въ воспоминаніяхъ не выразилъ такъ ярко процесса отторженія власти отъ народа, какъ Каховскій, и не подчеркнул съ такой силой вліяній западно-европейской исторіи на міросозерцаніе декабристовъ. Не нужно забывать и того, что Каховскій разсыпалъ свое краснорѣчіе передъ Николаемъ Павловичемъ и генераломъ Левашовымъ.

Не имѣя возможности приложить здѣсь цѣликомъ письма Каховскаго, позволяемъ себѣ привести наиболѣе яркую выдержку. Она дастъ представленіе о литературныхъ талантахъ Каховскаго и познакомитъ насъ съ тѣми впечатлѣніями, которыя вызывалъ въ декабристахъ ходъ событій западно-европейской исторіи. Надѣмся, что читатель не посѣтуетъ на насъ за длинноту цитаты.

«Предки наши, менѣе насъ просвѣщенные, пользовались болѣею свободою гражданственности. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ еще существовали въ важныхъ дѣлахъ государственныхъ великіе Соборы, въ которыхъ участвовали различныя сословія государства. Въ царствованіе его ихъ было пять. Петромъ I, убившимъ въ отечествѣ все національное, убита и слабая свобода наша. Она сокрылась наружно, а жива внутри сердець гражданъ добрыхъ: медленны были успѣхи ея въ государствѣ нашемъ. Мудрая Екатерина II нѣсколько ее распространила. Ея Величествомъ уже былъ заданъ вопросъ Петербургскому вольному экономическому обществу: о пользѣ и слѣдствіяхъ свободы крестьянъ въ Россіи. Великая, благотѣльная мысль обитала во сердцѣ любимой народомъ государыни. И кто изъ русскихъ безъ умиленія прочтетъ наказъ, ею данный: онъ одинъ собою искупаетъ всѣ недостатки того времени и вѣку тому свойственные. Императоръ Александръ многое обѣщалъ намъ: онъ, можно сказать, исполински двинулъ умы народа къ священнымъ правамъ, принадлежащимъ челоуѣчеству. Впослѣдствіи онъ перемѣнилъ свои правила и намѣренія. Народы ужаснулись, но уже сѣмена проросли и глубоко пустили корни. Послѣдняя половина прошлаго столѣтія и событія нашего вѣка столь богаты различными переворотами въ правленіяхъ, что мы не имѣемъ нужды ссылаться въ вѣка отдаленные. Мы свидѣтели великихъ происшествій. Образованіе новаго свѣта, сѣверо-американскіе Штаты своимъ устройствомъ подвинули Европу къ соревнованію. Они будутъ сіять въ примѣръ и отдаленному потомству. Имя Вашингтона, друга, благотѣля народнаго, пройдетъ изъ рода въ родъ: при воспоминаніи его закипитъ въ груди гражданъ любовь къ благу отечества.

«Революція Франціи, столь благотѣльно начатая, къ несчастію, наконецъ превратилась изъ законной въ преступную. Но не народъ былъ сему виною, а пронырства дворовъ и политики. Революція Франціи сильно потрясла троны Европы и имѣла на правленіе и на народъ оный еще большее вліяніе, чѣмъ самое образованіе Соединенныхъ Штатовъ. Владычество Наполеона, война 1813 и 1814 годовъ, въ которую соединились всѣ народы

Европы, призванные монархами, воспламененные воззваніемъ къ свободѣ и гражданскому бытію. Посредствомъ чего собраны несчетныя суммы съ гражданъ, чѣмъ руководились войска? Свободу проповѣдывали намъ и манифесты, и воззванія, и приказы! Насъ манили—и мы, добрые сердцемъ, повѣрили, не щадили ни крови своей, ни имуществъ.—Наполеонъ низринуть! Бурбоны, призванные на престолъ Франціи, покоряясь обстоятельствамъ, дали конституцію народу храброму, великодушному! И присягнули ему забыть все прошлое. Монархи соединились въ Священный союзъ; составились конгрессы, возвѣстили народамъ, что они сѣзжаются для совѣщанія о уравниваніи классовъ и водворенія политической свободы. Но скоро цѣль конгрессовъ открылась; скоро увидѣли народы, сколь много они обмануты. Монархи лишь думали о удержаніи власти неограниченной, о поддержаніи распатавшихся троновъ своихъ, о погубленіи и послѣдней искры свободы и просвѣщенія. Оскорбленные народы потребовали обѣщаннаго, имъ принадлежащаго—и цѣпи и темницы стали ихъ достояніемъ!—Цари преступили клятвы свои; конституція Франціи нарушена въ самомъ своемъ основаніи: Мануэль, представитель народа, изъ палаты депутатовъ извлеченъ жандармами! Свобода книгопечатанія утѣснена; войска Франціи противъ желанія ея рѣзали законную вольность Испаніи. Карлъ X, забывъ присягу, данную Людовикомъ XVIII, вознаграждаетъ эмигрантовъ и обременяетъ для того народъ новыми налогами. Въ выборы депутатовъ вмѣшивается правительство, и въ послѣднемъ выборѣ, въ числѣ депутатовъ только тридцать три человека не состоятъ на службѣ и жалованьи короля; всѣ прочіе принадлежатъ министрамъ. Мужественный, твердый народъ Испаніи, отстоявшій кровью своей независимость и свободу отечества, спасъ королю и тронъ, и честь, имъ потерянную; всѣмъ самому себѣ обязанный, принялъ на престолъ свой Фердинанда. Король присягнулъ хранить права народныя. Императоръ Александръ I-й еще въ 1812 году призналъ конституцію Испаніи; впослѣдствіи она была утверждена всѣми монархами Европы. Фердинандъ скоро забылъ благодѣянія народныя, нарушилъ клятву, нарушилъ права гражданъ, своихъ благодѣтелей. Возсталъ народъ на клятвопреступника; и Священный союзъ забылъ, что Испанія первая стала противъ насилій Наполеона, и императоръ Александръ презрѣлъ признанное имъ правленіе, сказалъ, что въ 1812 году обстоятельства требовали, чтобы онъ призналъ конституцію Испаніи. И союзъ содѣйствовалъ, что войска Франціи обезславили себя вторженіемъ въ Испанію. Арестованный Фердинандъ въ Кадиксѣ былъ приговоренъ къ смерти. Онъ призываетъ Ріего, клянется вновь быть вѣрнымъ конституціи, выслать войска Франціи изъ предѣловъ отечества и просить о сохраненіи себѣ жизни. Честные люди бываютъ довѣрчивы. Ріего ручается кортесамъ за короля; его освобождаютъ. И что-же? Какой первый шагъ Фердинанда? Ріего приказаніемъ

его схваченъ, арестованъ, отравленъ и, полумертвый, святой мученикъ, герой, отрেকшійся отъ престола, ему предлагаемаго, другъ народа, спаситель жизни короля, по его приказанію, на позорной телѣтѣ, осломъ запряженной, везенъ былъ черезъ Мадридъ и повѣшенъ, какъ преступникъ! Какой поступокъ Фердинанда! Чье сердце отъ него не содрогнется? Народы Европы вмѣсто обѣщанной свободы увидали себя утѣсненными, просвѣщеніе сжатымъ. Тюрьмы Пьемонта, Сардиніи, Неаполя, вообще всей Италіи, Германіи наполнились окованными гражданами. И судьба народовъ стала столь тягостной, что они пожалѣли время прошлое и благословляютъ память завоевателя Наполеона!—Вотъ случаи, въ которыхъ образовались умы и познали, что съ царями народамъ дѣлать договоръ невозможно. Противно разсудку винить націи предъ правительствомъ. *Правительство, не согласное съ желаніемъ народа, всегда виновно; ибо въ здоровомъ смыслѣ законъ есть воля народная.* Цари не признаютъ сей воли, считаютъ ее буйствомъ, народы—своей вотчиной; стараются разорвать самыя священные связи природы. Давно-ли мы, русскіе, не смѣли написать и произнести слово «отечество»? Въ царствованіе императора Павла I-го оно было запрещено: слово «государство» замѣняло его, и полковникъ Тарасовъ, не вѣдая запрещенія, упомянувъ въ одномъ письмѣ къ императору отечество, сидѣлъ за то въ крѣпости. Я не думаю, чтобы и самыя цари въ глубинѣ сердца своего не сознали себя виновными! отъ кого же зависить примириться имъ съ народами: пусть дадутъ свободу законную, чтобы народы не стремились буйно къ ней. Кровь братій драгоценна для гражданъ добрыхъ; цари могутъ удержать потокъ ея, и народы благословятъ ихъ.

«Мы, русскіе, внутри своего государства кичимся, величая себя спасителями Европы! Иноземцы не такъ видятъ насъ; они видятъ, что силы наши есть резервъ деспотизму Священнаго союза. Пруссія нами возвеличена: но пруссаки не любятъ насъ. Они говорятъ: «Штыки ваши мѣшаютъ взять намъ обѣщанное, принадлежащее. Ваши военныя формы, ваши приемы, ваши маневры душатъ насъ». Въ послѣднемъ они неправы: Пруссіи обязаны мы и прочія государства Европы страстію монарховъ къ разводамъ и ученію солдатъ. Фридрихъ Великій, будучи великимъ государемъ, былъ и страстнымъ канраломъ. Отъ него перешла страсть сія и распространилась.

«Силезія и часть Саксоніи, отторгнутая отъ добраго правленія короли Саксонскаго, роищутъ и на насъ и на правительство прусское. Ограбленное королевство Саксонское можетъ-ли быть довольно союзниками? Зарейскія области Пруссіи ждутъ лишь удобной минуты свергнуть иго, ихъ утѣсняющее. Дряхлая глыба Австріи столь ненадежна, что малѣйшій вѣтръ способенъ разнести ее. Держава, составленная изъ клочковъ разноплеменныхъ народовъ, ненавидящихъ правленіе свое и нелюбящихъ другъ друга, можетъ ли быть прочной? Вѣнцы, варвары среди просвѣщенной

Европы, гордятся своимъ мнимымъ преимуществомъ и старшинствомъ, равно ненавистны какъ нѣмцамъ, такъ и иноплеменникамъ. Бѣдная, раздробленная, обнищавшая Италія оплакиваетъ горе свое и жаждетъ соединенія. Франція еще нѣсколько богата и счастлива, но честолюбіе ея обижено и тайное желаніе мщенія гнететъ ее. Несчастливая Испанія! въ ней опять водворяются права святой, благодѣтельной инквизиціи; и изнеможенный народъ согбенно тащитъ бревна соорудать костеръ для своего сожженія.

«Гдѣ же, кого спасли мы, кому принесли пользу? За что кровь наша упитала поля Европы? Можетъ быть, мы принесли пользу самовластію — но не благу народному. Націю ненавидѣть невозможно, и народы Европы не русскихъ не любятъ — но ихъ правительство, которое вмѣшивается во всѣ ихъ дѣла и для пользы царей утѣсняетъ народы.

«Университеты Германіи довольно чувствуютъ и помнятъ Коцебу и Стурзу. Коцебу постигло достоподобное возмездіе. Стурза ушелъ отъ онаго; онъ былъ вызываемъ къ оправданію университетамъ въ Германію и не устыдился объявить, что все, имъ писанное, было не отъ него, но по повелѣнію правительства нашего.

«Нѣкоторое время Императоръ Александръ казался народамъ Европы ихъ миротворцемъ и благодѣтелемъ; но дѣйствія открыли намѣренія и очарованіе исчезло! Сняты золотыя цѣпи, увитыя лаврами, и тяжкія, ржавыя, желѣзныя давятъ человѣчество.

«Обманутая Англія, истощившая свои гиней для уничтоженія запретительной системы, умильно смотритъ на святой союзъ!

«Единовѣрные намъ греки, нѣсколько разъ нашимъ правительствомъ возбуждаемые противъ тиранства магометанскаго, тонуть въ крови своей; цѣлая нація истребляется и человѣколюбивый союзъ равнодушно смотритъ на гибель человѣчества! Сербы, вѣрные наши союзники, стонутъ подъ игомъ безчеловѣчія турецкаго. Черногорцы, недающіе никому войскъ своихъ, столь усердно намъ служившіе во время компаніи флота нашего, въ Средиземномъ морѣ, подъ начальствомъ адмирала Сенявина, забыты, покинуты на произволъ судьбы. Одинакое чувство одушевляетъ всѣ народы Европы, и сколь ни утѣснено оно, но убить его невозможно. Сжатый порохъ сильнѣе дѣйствуетъ! и пока будутъ люди, будетъ и желаніе свободы. Нѣкая тишина лежитъ теперь на пространствѣ твердой земли просвѣщенной Европы; но кто знаетъ, чему она предвозвѣстница? Не гремитъ оружіе, но умы дѣйствуютъ! Народы не пошатнулись, твердо идутъ впередъ къ просвѣщенію; несмотря на всѣ заклепы, каждая свѣдѣній распространяется и находитъ источники къ утоленію. Строгая цензура со всѣми способами полиціи и таможи никакъ и нигдѣ не можетъ остановить ни ввоза книгъ, ни внутреннихъ сочиненій. И стоитъ только какое сочиненіе запретить, то оно сдѣлается для всѣхъ интереснымъ и даже писанное разойдется по рукамъ. Во Франціи запретится книга — и въ самомъ скоромъ времени въ

Россіи она явится. Разумноженное шпіонство доказываетъ лишь слабость правительствъ и что они сами чувствуютъ, сколь они неправы предъ народами. Посредствомъ шпіонства прекращаются ли толки и сужденія? Мѣры берутся противъ мѣръ и утончаются способы скрывать желанія, дѣйствія и надежды».

Можно только удивляться поразительно вѣрной оцѣнкѣ событий историческихъ, первой четверти XIX вѣка. Вѣрность общихъ соображеній не подлежитъ сомнѣнію и по сіе время.

4.

Міросозерцаніе Каховскаго сложилось раньше, чѣмъ онъ узналъ объ обществѣ. Но развѣ нужно принадлежать къ обществу, чтобы исповѣдывать его міросозерцаніе? «Мы не составлялись въ обществѣ, но совершенно готовые въ него лишь соединялись, писалъ генералу Левашову Каховскій 24 февр. 1826. — Начало и корень общества должно искать въ духѣ времени и положеніи, въ которомъ мы находимся. Я съ немногими членами тайнаго общества былъ знакомъ и вообще, думаю, число ихъ невелико. Но изъ большого числа моихъ знакомыхъ, не принадлежащихъ никакимъ тайнымъ обществамъ, очень немногіе были противнаго со мной мнѣнія. Смѣло говорю, что изъ тысячи молодыхъ людей не найдется ста человѣкъ, которые бы не пылали страстью къ свободѣ. И юноши, пламенѣя чистой, сильной любовью къ благу отечества, къ истинному просвѣщенію, дѣлаются мужами» ¹⁾.

Съ опредѣленнымъ міросозерцаніемъ, съ опредѣленнымъ настроеніемъ появился Каховскій въ столицѣ. Онъ жаждалъ принести жертву за дѣло свободы. Изъ Петербурга онъ рассчитывалъ отправиться въ Грецію и, подобно Байрону, принять участіе въ борьбѣ за греческое освобожденіе. Появленіе его было замѣчено декабристами. «Незамѣтно протекалъ 1825 годъ, — пишетъ Е. П. Оболенскій въ своихъ запискахъ. — Помню изъ этого времени появленіе Каховскаго, бывшаго офицера лейбъ-гварадерскаго полка, пріѣхавшаго въ Петербургъ по какимъ-то семейнымъ дѣламъ. Рытѣевъ былъ съ нимъ знакомъ, узналъ его короче, и, находя въ немъ

¹⁾ Излагая дѣятельность Каховскаго по тайному обществу, мы руководимся немногочисленными указаніями, сдѣланными въ воспоминаніяхъ декабристовъ, но главнымъ образомъ основываемся на официальныхъ данныхъ слѣдствія. Слѣдственный матеріалъ всегда сомнителенъ, и опираться на него можно только послѣ тщательнаго критическаго анализа всѣхъ данныхъ — за и противъ. Въ дѣлѣ Каховскаго нужно исходить изъ послѣдняго признанія, сдѣланнаго имъ послѣ продолжительнаго заирательства 11 и 14 мая. Исторія процесса Каховскаго будетъ изложена ниже, но теперь слѣдуетъ указать, что въ этомъ послѣднемъ признаніи Каховскій сжигалъ корабли, объявлялъ о своемъ заирательствѣ и дѣлалъ сознаніе. Это признаніе должно быть сопоставляемо съ свидѣтельствами мемуаровъ и, только послѣ этого, съ показаніями участниковъ въ дѣлѣ. При анализѣ всякихъ показаній нужно устанавливать основную тенденцію поведенія во время слѣдствія.

душу пылкую, принялъ его въ члены общества. Лично я его мало зналъ, но, по отзыву Рылѣва, мнѣ извѣстно, что онъ высоко цѣнилъ его душевныя качества. Онъ видѣлъ въ немъ второго Занда. Знаю также, что Рылѣвъ ему много помогалъ въ средствахъ къ жизни и не щадилъ для него своего кошелька» ¹⁾.

Дѣйствительно съ Рылѣвымъ Каховскій былъ знакомъ уже давно. Еще въ 1820 году между ними происходили разговоры объ общественномъ служеніи. Сохранились датированные 1820 годомъ стихи Рылѣва, посвященные Каховскому и написанные въ отвѣтъ на стихи послѣдняго, въ которыхъ онъ совѣтовалъ ему навсегда остаться въ Украинѣ. Рылѣвъ отвѣчалъ:

Чтобъ я молодые годы
Лѣнливимъ сномъ убилъ!
Чтобъ я не поспѣшилъ
Подъ знамена свободы!
Нѣтъ, нѣтъ, тому во вѣкъ
Со мною не случится..
Тотъ жалкій человекъ,
Кто славой не плѣнится!
Кумиръ молодой души,
Она меня, трубою
Будя въ нѣмой глуши,
Вслѣдъ кличетъ за собою
На берега Невы" ¹⁾.

Въ первыхъ своихъ показаніяхъ Каховскій отрицался отъ продолжительнаго знакомства съ Рылѣвымъ, настаивая на томъ, что онъ познакомился съ нимъ въ послѣдній пріѣздъ въ Петербургъ въ домѣ Глинки; но въ послѣднемъ признаніи онъ заявилъ рѣшительно: «я не познакомился съ Рылѣвымъ у Глинки». Завязанныя нѣсколько лѣтъ тому назадъ отношенія упрочились на почвѣ политическихъ разговоровъ и предпріятій. «Скоро я съ нимъ—писалъ въ этомъ признаніи Каховскій—сошелся довольно коротко, бывалъ часто у него, онъ у меня, и всегда, при свиданіяхъ разговоръ нашъ большею частью былъ о правительствѣ. Согласіе въ мнѣніяхъ насъ подружило. Онъ открылъ мнѣ о тайномъ обществѣ, принялъ меня въ оное и при самомъ принятіи открылъ мнѣ и цѣль оного: истребленіе царствующей фамилии и водвореніе правленія народнаго. Я съ нимъ во всемъ былъ согласенъ. Онъ просилъ меня распространять свѣдѣнія, стараться усиливать общество надежными и полезными людьми, сказавъ: «особливо старайся принимать офицеровъ гвардіи, но будь остороженъ въ выборѣ и не открывай цѣль настоящую, а лишь возбуждай ненависть къ правительству и стремленіе къ свободѣ; до прочаго каждый самъ дойдетъ. Рисковать намъ много не надо. Мнѣ съ тобой скрываться не нужно, ты самъ столько же готовъ, какъ и я; ты многое узнаешь, но пожалуйста при пріемѣ не открывай

¹⁾ „Общ. движ. въ первую половину XIX в.“, т. I, стр. 243. Оболенскій ошибается, утверждая, что онъ служилъ въ лейбъ-гренадерскомъ полку.

¹⁾ Сочиненія К. Θ. Рылѣва, изд. М. Н. Мазаевымъ. Спб. 1893 г., стр. 82.

членовъ и береги общество». Я нимало не скрываюсь. Рылѣевъ мнѣ не сказалъ ничего новаго. Точно я давно былъ готовъ. Онъ меня не составилъ—чрезъ него я лишь соединился съ обществомъ. На счетъ распространѣнія свѣдѣній, я ихъ и безъ него дѣлалъ».

Рылѣевъ о знакомствѣ съ Каховскимъ далъ 24 апрѣля нѣсколько различающееся показаніе. «Каховскій пріѣхалъ въ Петербургъ, съ намѣреніемъ отправиться отсюда въ Грецію, и совершенно случайно познакомился со мной ¹⁾. Примѣтивъ въ немъ образъ мыслей совершенно республиканскій и готовность на всякое самоотверженіе, я послѣ нѣкотораго колебанія рѣшилъ его принять, что и исполнилъ, сказавъ, что цѣль общества есть введеніе самой свободной монархической конституціи. Болѣе я ему не сказалъ ничего: ни силъ, ни средствъ, ни плана общества къ достиженію преднамѣренія онаго. Пылкій характеръ его не могъ тѣмъ удовлетвориться, и онъ при каждомъ свиданіи докучалъ мнѣ своими нескромными вопросами; но это самое было причиною, что я рѣшилъ навсегда оставить его въ невѣдѣніи» ²⁾.

Каховскій утверждаетъ, что Рылѣевъ съ самаго начала открылъ ему двѣ цѣли общества: водвореніе правленія народнаго и истребленіе царствующей фамиліи. Рылѣевъ отрицалъ это и стоялъ на томъ, что Каховскій самъ вызвался быть царевубійцей.

Различіе въ показаніяхъ Каховскаго и Рылѣева объясняется тѣмъ, что ни тотъ, ни другой не посмѣли сказать всей правды до конца.

Каховскій долженъ былъ бы сказать, что онъ, дѣйствительно, обрекалъ себя въ жертву родинѣ, бралъ на себя крайній эффектъ революціонной энергіи, обѣщалъ поразить тирана. А онъ до конца жизни не сказалъ этого: быть можетъ, потому, что сказать это значило бы обнажить свою душу, открыть сокровеннѣйшіе замыслы. Быть можетъ также, ему было черезчуръ тяжело рассказать царю, отъ котораго онъ скрылъ это и расположеніе котораго (такъ казалось ему) онъ завоевалъ. Въ своихъ признаніяхъ онъ доходилъ до утвержденій, что онъ непремѣнно выстрѣлитъ бы «по Государю», если бы тотъ подѣхалъ къ каре. Онъ даже иногда проговаривался: говоря о томъ, какъ наканунѣ 14 декабря заговорщики умоляли его рѣшиться на царевубійство, онъ высказывалъ удивленіе: «зачѣмъ было меня уговаривать, когда я самъ вызвался?» Онъ сознавался въ томъ, что когда ему открыли цѣль общества—истребленіе фамиліи, онъ былъ согласенъ; и все-же онъ не рѣшался открыть своей инициативы, оригинальности своего замысла.

Въ своихъ отвѣтахъ Каховскій не одинъ разъ повторяетъ о своемъ самоотверженіи, о своей готовности пожертвовать жизнью,

¹⁾ Это показаніе Рылѣева опровергается приведеннымъ выше свидѣтельствомъ Оболенскаго и словами Каховскаго.

²⁾ Г. А. I. В. № 334. Въ дальнѣйшемъ ссылокъ на это дѣло Рылѣева не дѣлаемъ.

ради блага отечества поразить родного отца, принести на алтарь любви къ родинѣ не только жизнь, а даже честь. «Для блага общаго я не видалъ преступленія». И во всѣхъ этихъ фразакъ есть недоговоренное: онъ умалчиваетъ о крайней цѣли, о конечномъ эффектѣ своего самоотреченія: истребленія тирана. «Человѣкъ, чѣмъ-то огорченный, одинокій, мрачный, готовый на обреченіе; однимъ словомъ Каховскій. Онъ самъ предложилъ себя на случай надобности въ режидиды»—какъ характеризуетъ его наблюдательный Штейнгель. Такъ онъ и остался въ памяти всѣхъ декабристовъ, какъ режидида, какъ обречшій самъ себя на жертву.

Не сказалъ всей правды и Рылѣевъ. Онъ не посмѣлъ сказать того, что Каховскому съ самаго начала была открыта цѣль общества—истребленіе фамиліи и водвореніе народнаго правленія. Впрочемъ, эта градація, пущенная въ ходъ Каховскимъ, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности: это не двѣ равнозначущія цѣли—истребленіе и водвореніе новаго строя; это соподчиненныя одна другой—переворотъ, необходимо связанный съ истребленіемъ. Каховскій не случайно употребилъ эту градацію: она-то и могла заинтересовать его и привлечь его вниманіе къ обществу. И нѣтъ сомнѣнія, что, открывая ему о тайномъ обществѣ и зная его за человѣка, распаленнаго любовью къ отечеству, Рылѣевъ указалъ, что его «способности» найдутъ приложеніе въ обществѣ, а мечты воплотятся. А обществу были необходимы такіе люди, какъ Каховскій. Самъ Рылѣевъ, гражданскій поэтъ, звавшій къ борьбѣ съ самовластительнымъ тираномъ и воспѣвавшій Брута, понималъ необыкновенность самоотреченія; и его отношеніе къ подвигу, какъ поэта, шло на встрѣчу желаніямъ вождя и организатора тайнаго общества. Но онъ былъ слишкомъ мягкій и добрый человѣкъ, и при малѣйшей попыткѣ мысленно представить воплощеніе идеи онъ сейчасъ же отказывался отъ фактическаго осуществленія. Давая во время слѣдствія отчетъ въ своихъ отношеніяхъ къ царевубійству, Рылѣевъ по временамъ отказывался даже вѣрить, что въ его головѣ роились мысли о царевубійствѣ. Онъ все время провѣрялъ себя и мѣнялъ свои показанія. Его послѣднее признаніе: «дабы совершенно успокоить себя, я долженъ сознаться, что послѣ того, какъ я узналъ о намѣреніяхъ Якубовича и Каховскаго, мнѣ самому часто приходило на умъ, что для прочнаго введенія новаго порядка вещей необходимо истребленіе всей царствующей фамиліи. Я полагалъ, что убіеніе одного императора не только не произведетъ никакой пользы, но, напротивъ, можетъ быть пагубно для самой цѣли общества, что оно раздѣлитъ умы, составитъ партіи, взволнуетъ приверженцевъ августѣйшей фамиліи и что все это совокупно неминуемо породитъ междуусобіе и всѣ ужасы народной революціи. Съ истребленіемъ же всей императорской фамиліи я думалъ, что поневолѣ всѣ партіи должны будутъ соединиться или, по крайней мѣрѣ, ихъ легче можно будетъ успокоить. Но сего преступнаго мнѣнія, сколько могу припомнить, я никому

не открывалъ»... У Рылѣва хватило силъ сознаться въ томъ, что онъ думалъ и соображалъ о цареубійствѣ, но не хватало смѣлости признать, что онъ высказывался по этому поводу въ разговорахъ съ другими. И тутъ же объ этихъ разговорахъ онъ самъ сообщаетъ!

Каховскій понималъ умерщвленіе тирана, какъ актъ высшей нравственности; Рылѣвъ, совершенно согласный съ такой точкой въ своей поэзіи, въ жизни не могъ даже представить себя убійства и, вынужденный своею ролью вождя тайнаго общества, смотрѣлъ на умерщвленіе тирана, какъ на актъ крайней необходимости. Актъ высшей нравственности и актъ крайней необходимости—вотъ двѣ точки зрѣнія, исчерпывающія взгляды декабристовъ на моментъ цареубійства. На первой стоятъ индивидуалисты (Якушкинъ, Якубовичъ, Каховскій), на второй—партийные люди, организаторы общества. Но послѣдніе не разработали своей точки зрѣнія въ приложеніи къ партийной организаціи: они много говорили по этому поводу, но въ программу своихъ дѣйствій не ввели. Поэтому-то съ положеніями «Донесенія Слѣдственной Комиссіи» объ отношеніи общества къ цареубійству никоимъ образомъ нельзя не согласиться.

Идея умерщвленія тирана отвѣчала романтическому строю души Каховскаго, ибо это обреченіе на смерть другого человѣка и самого себя представлялось высшимъ подвигомъ жизни. Этотъ подвигъ поднималъ на необыкновенную высоту свершителя въ его собственномъ сознаніи и въ мнѣніяхъ другихъ. Манило и въ то же время оправдывало безкорыстіе подвига, полнѣйшее отсутствіе личныхъ мотивовъ. Однимъ лишь благомъ родины мотивировался этотъ подвигъ, и возникало ревнивое отношеніе ко всякой возможности истолковать, использовать это дѣло какъ-нибудь иначе. Ревность была даже по отношенію къ обществу: «для отечества, но не для общества». Появилось чувство враждебнаго противоположенія себя обществу, и самая мысль, что общество, входя въ сношенія съ обреченнымъ, сознательно въ своихъ цѣляхъ воспользуется этимъ актомъ, сознательно готовить себя *орудіе* казалась неизмѣримо обидной и тяжелой. Вѣдь идея самопожертвованія, была украшеніемъ жизни Каховскаго. Онъ такой, «невзрачный съ виду, съ обыкновеннымъ лицомъ и оттопырившейся губой, придававшей ему видъ дерзости»; человѣкъ съ неудавшейся жизнью, пролетарій, не имѣвшій средствъ къ существованію, одинокій безъ родственныхъ и дружескихъ связей, таитъ въ себѣ необыкновенныя богатства духа: онъ принесетъ себя въ жертву родинѣ, обнаружитъ неизмѣримую щедрость души, заходя въ своемъ дерзновеніи безпредѣльно далеко, дальше всѣхъ. Эти мечтанія создавали мистическое отношеніе къ идее умерщвленія тирана и наполняли жизнь мистическими переживаніями. Не представлялось возможности совершить сейчасъ же сокровенный замыселъ, приходилось ждать, и длительность только обостряла эти переживанія.

Всѣ эти соображенія нужно имѣть въ виду для того, чтобы понять самый процессъ взаимодействія между Каховскимъ и Рылѣвымъ на почвѣ царевубійства.

Мысль о царевубійствѣ, объ истребленіи фамиліи страннымъ образомъ связывала Рылѣва и Каховскаго. Членъ тайнаго общества былъ нуженъ Каховскому, потому что при его содѣйствіи онъ легче могъ реализовать сокровенную мечту; русскій Зандъ былъ необходимъ Рылѣву, потому что въ распоряженіи общества оказывался человѣкъ, который сдѣлаетъ въ концѣ концовъ то, что такъ идетъ на встрѣчу дѣламъ общества и о чемъ среднему члену страшно подумать. Къ мысли объ устраненіи фамиліи чаще всего направлялось ихъ соединенное вниманіе. Вокругъ ихъ разговоровъ о царевубійствѣ создавалась душная атмосфера. Ихъ нервы находились въ напряженномъ состояніи, и отношенія были порывисты: то улучшались, то ухудшались. Они сближались и расходились: то Каховскій начиналъ подозрѣвать Рылѣва въ нечистотѣ намѣреній и заявлялъ о своемъ выходѣ изъ общества, то Рылѣвъ, вдругъ уставая отъ его неистовства, начиналъ бояться, что несвоевременнымъ покушеніемъ онъ испортитъ дѣло общества, и удалялъ Каховскаго изъ числа членовъ. А потомъ они опять сходились и разсуждали все о томъ же. До Каховскаго доходили льстившіе ему, быть можетъ, слухи о томъ, что Рылѣвъ указываетъ на него, какъ на Занда, но онъ горѣлъ отъ негодованія, когда чувствовалъ, что на него смотрятъ, какъ на орудіе Рылѣва. Его нѣсколько обижало отношеніе къ нему Рылѣва. Послѣдній—не прочь былъ разгласить о немъ, какъ объ обреченномъ, но не спѣшилъ сблизиить его съ другими членами общества и посвятить въ тайны организаціи. Кажется, Рылѣвъ немного мистифицировалъ молодыхъ членовъ «думой»: въ сущности вся «дума» была въ немъ самомъ, а онъ выдавалъ ее за необыкновенно авторитетное учрежденіе, въ которомъ будто бы находились самые важные люди государства. Такая же игра была и съ диктаторомъ Трубецкимъ. Трубецкой только показывался, мало или совсѣмъ почти не разговаривалъ съ недавними членами, и для нихъ онъ дѣйствительно былъ диктаторомъ, держащимъ въ своихъ рукахъ судьбы общества и въ нужный моментъ диктующимъ дѣйствія. Каховскій очень тонко подмѣчалъ подкладку дѣйствій Рылѣва: «Рылѣвъ все и отъ всѣхъ скрывалъ, всѣмъ распоряжался, все бралъ на себя и, сколько я знаю, то по его отрасли совѣщаній никакихъ не было... И члены собирались лишь спорить; но онъ дѣлалъ все по своему; имъ выбранъ въ диктаторы князь Трубецкой; насъ всѣхъ и въ частныхъ разговорахъ заставлялъ молчать, объявлялъ свои мнѣнія волею диктатора; а диктаторъ, я не знаю, едва ли не былъ игрушкой тщеславія Рылѣва». «Трубецкого—говоритъ Каховскій въ другомъ своемъ отвѣтѣ—я даже никогда не слыхалъ говорящимъ. Онъ, кн. Оболенскій, кн. Одоевскій, Николай Бестужевъ, Пущинъ всегда запирались. Сіе мнѣ разъ даже замѣтилъ Суттофъ, ска-

завъ: «Насъ, братъ, баранами считаютъ». И правда его. О чемъ они толковали, это имъ извѣстно; намъ не сдѣлали никакихъ распоряженій; согнали на площадь, какъ барановъ, а сами спрятались». Какъ сильно въ этихъ отзывахъ, данныхъ много спустя послѣ роковыхъ событій (май 1826 г.), чувство обиды на незаслуженное имъ недовѣріе, невниманіе! Онъ—обреченный, а отъ него имѣютъ тайны. Все это настраивало крайне возбужденно.

Въ показаніяхъ декабристовъ переданы многочисленнѣйшіе разговоры ихъ о царевубійствѣ, отдѣльныя фразы. Противорѣчіе между ними очень значительно, каждый изъ нихъ утверждалъ, что онъ не сказалъ тѣхъ словъ, которые ему приписаны другимъ; одинъ ссылается на другого. Одинъ говоритъ, что это тотъ-де говорилъ о царевубійствѣ и изобрѣлъ такой-то методъ истребленія фамилии, а тотъ сваливалъ на перваго. Всѣ эти разговоры, разсѣянные въ различныхъ показаніяхъ, конечно, не имѣютъ никакого значенія для выясненія тактики декабристовъ въ вопросѣ о царевубійствѣ: вѣдь въ программу дѣйствій общества этотъ актъ введенъ не былъ. Самое большее—передъ 14 декабря предоставляли разрѣшеніе этого вопроса случаю или ждали дѣйствій отъ «обреченныхъ», какъ это было съ Каховскимъ. Но всѣ эти разговоры, не имѣющіе никакой юридической цѣны, важны для выясненія психологіи декабристовъ: они вскрываютъ ихъ душевное отношеніе къ этому акту. И ихъ нужно взять всѣ цѣликомъ, *во всей ихъ полнотѣ со всеми противорѣчіями и взаимными отрицаніями*. Вотъ эти-то противорѣчія именно и характерны.

Пользуясь этими показаніями, мы нарисуетъ нѣсколько моментовъ изъ исторіи отношеній Каховскаго и Рылѣева на почвѣ главной идеи, ихъ соединявшей. Воображеніе воскреситъ нѣсколько сценъ, разыгравшихся въ Петербургѣ въ достопамятный годъ. Вотъ разсказъ Рылѣева (24-го апрѣля 1826).

«Въ началѣ прошлаго года Каховскій входитъ ко мнѣ и говорить:

— Послуцай, Рылѣевъ! я пришелъ тебѣ сказать, что я рѣшилъ убить царя. Объяви объ этомъ Думѣ. Пусть она назначитъ мнѣ срокъ.

«Я, въ смятеніи вскочивъ съ софы, на которой лежалъ, сказалъ ему:

— Что ты, сумасшедшій! ты вѣрно хочешь погубить общество! И кто тебѣ сказалъ, что Дума одобритъ такое злодѣяніе? — За симъ старался я отклонить его отъ его намѣренія, доказывая, сколь оно можетъ быть пагубно для цѣли общества; но Каховскій никакими моими доводами не убѣждался и говорилъ, чтобы я на счетъ общества не беспокоился, что онъ никого не выдастъ, что онъ рѣшился, и намѣреніе свое исполнить непремѣнно. Опасаясь, дабы въ самомъ дѣлѣ того не совершилъ, я наконецъ рѣшился прибѣгнуть къ чувствамъ его. Мнѣ нѣсколько разъ удалось помочь ему въ его нуждахъ. Я замѣтилъ, что онъ всегда тѣмъ

сильно трогался и искренно любилъ меня, почему я и сказалъ ему:

— Любезный Каховскій! подумай хорошенько о своемъ намѣреніи. Схватятъ тебя, схватятъ и меня, потому что ты у меня часто бывалъ. Я общества не открою, но вспомни, что я отецъ семейства. За что ты хочешь погубить мою бѣдную жену и дочь?

«Каховскій прослезился и сказалъ:

— Ну, дѣлать нечего. Ты убѣдилъ меня!

— Дай же мнѣ честное слово—продолжалъ я—что ты не исполнишь своего намѣренія.—Онъ мнѣ далъ оное. Но послѣ сего разговора онъ часто сталъ задумываться; я охладѣлъ къ нему; мы часто стали спорить другъ съ другомъ и, наконецъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ онъ снова обратился къ своему намѣренію и постоянно требовалъ, чтобы я его представилъ членамъ Думы. Я рѣшительно отказалъ ему въ томъ и сказалъ, что я жестоко ошибся въ немъ и раскаяваюсь, принявъ его въ общество. Послѣ сего мы разстались въ сильномъ неудовольствіи другъ на друга. Засимъ узналъ я, что его нѣсколько дней не было въ городѣ. Я спѣшилъ съ нимъ увидѣться, чтобы узнать, не ѣздилъ ли онъ въ Царское Село, боясь, что не тамъ ли онъ хочетъ исполнить свое предпріятіе, но подозрѣнія мои оказались ложными. Онъ ѣздилъ въ деревню, въ которой была расположена рота Сутгофа. Съ самаго того дня, какъ я узналъ о намѣреніи Каховскаго, я сталъ стараться о удаленіи его изъ Петербурга, и наконецъ совѣтовалъ ему опять вступить въ военную службу, представляя, что онъ въ мундирѣ полезнѣе будетъ обществу, нежели во фракѣ. Онъ согласился и подалъ прошеніе объ опредѣленіи его въ какой-то пѣхотный полкъ, но ему отказали, потому что онъ служилъ въ кавалеріи. Я склонялъ его вступить въ прежній полкъ, но какъ уже онъ совершенно обмундировался въ пѣхоту, то и сталъ снова домогаться объ опредѣленіи въ оную. Между тѣмъ при свиданіяхъ мы продолжали спорить и даже ссориться. И, наконецъ, видя его непреклонность, я сказалъ однажды ему, чтобы онъ успокоился, что я извѣщу Думу о его намѣреніи и что если общество рѣшится начать дѣйствія свои покушеніемъ на жизнь государя, то никого, кромѣ его, не употребить къ тому. Онъ этимъ удовлетворился. Это происходило за мѣсяцъ до кончины покойнаго государя императора».

Зная пылкость и рѣшимость Каховскаго, его нетерпѣливое желаніе пожертвовать жизнью дѣлу свободы, мы можемъ не сомнѣваться, что разсказъ Рылѣева соотвѣтствуетъ дѣйствительности, но въ то же время и кое-что замалчиваетъ. Мы понимаемъ положеніе Рылѣева, застигнутаго врасплохъ вызовомъ Каховскаго: какъ, покушеніе въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда общество было бы просто не въ состояніи использовать это покушеніе. Рылѣевъ-то вѣдь зналъ, что представляло то таинственное общество, которое Каховскому казалось могучимъ и властнымъ! Но Рылѣевъ умолчалъ о томъ, что, удерживая Каховскаго въ обществѣ, онъ непре-

мѣнно долженъ былъ выставлѣть истребленіе фамиліи, какъ цѣль общества. Онъ и обнадежилъ Каховскаго, сообщивъ ему, что на маскарадѣ въ новый годъ или на петергофскомъ праздникѣ можно будетъ привести въ исполненіе ихъ взаимный замыселъ, истребить фамилію. Когда Каховскому были предъявлены показанія Рылѣва, онъ былъ крайне возмущенъ ими и, должно быть, въ особенности, отрицаніемъ своей собственной роли въ процессѣ обдумыванія царубійства. Выходило такъ, что онъ напрашивался съ своимъ замысломъ, а общество собиралось только поумнѣе воспользоваться актомъ Каховскаго! Въ своихъ отвѣтахъ онъ не пощадилъ Рылѣва.

«Обстоятельства мои не позволили мнѣ надолго оставаться въ Петербургѣ; братъ мой уѣхалъ, и я вслѣдъ за нимъ хотѣлъ уѣхать. Переѣхалъ изъ трактира «Лондонъ», гдѣ я жилъ, въ домъ Энгельгардта, въ Коломну, и въ продолженіе двухъ или болѣе недѣль не видался съ Рылѣвымъ. За день передъ отъѣздомъ моимъ я пошелъ къ нему проститься и онъ о отъѣздѣ моемъ не зналъ; со мной вмѣстѣ изъ дому вышелъ и Энгельгардтъ, сколько я помню, кажется, онъ пошелъ къ графу обѣдать. Въ переулкѣ отъ Мойки въ Офицерскую улицу намъ встрѣтился Рылѣвъ съ Сомовымъ; я остановился съ нимъ и Энгельгардтъ тоже. Рылѣвъ сталъ мнѣ выговаривать, что мы давно не видались, и сказалъ:

— А мнѣ до тебя есть дѣло. — Я отвѣчалъ ему, что былъ у него нѣсколько разъ, но не заставлялъ его и теперь шелъ къ нему.

— Да, хорошо ко мнѣ.

— Спроси Энгельгардта, что къ тебѣ шелъ. — Энгельгардтъ при семъ сказалъ: «точно, онъ шелъ къ вамъ проститься: онъ завтра ѣдетъ» и съ симъ поклонился и ушелъ. Рылѣвъ сталъ спрашивать, куда я ѣду и зачѣмъ? Я сказалъ ему, что ѣду домой, въ Смоленскъ. Онъ сталъ меня уговаривать остаться, но я сказалъ ему откровенно, что не могу остаться, не имѣю денегъ, чтобы жить въ Петербургѣ. Онъ возразилъ на сіе:

— Э, братецъ! какъ же тебѣ не стыдно, зачѣмъ ты мнѣ не сказалъ? Возьми денегъ у меня, сколько тебѣ надо. — Пригласилъ меня идти вмѣстѣ къ нему обѣдать. Вечеру просилъ меня зайти къ нему, говоря, что ему нужно со мной переговорить: «и я думаю я успѣю уломать тебя остаться здѣсь». Вечеру пришелъ къ нему; онъ сталъ мнѣ говорить, что я необходимо нуженъ, что общество скоро начнетъ свое дѣйствіе и, упрасивалъ меня остаться, говоря, что черезъ меня соединяется лейбъ-гренадерскій полкъ. На слова мои, зачѣмъ я останусь; когда вы еще начнете дѣйствовать? онъ поклялся мнѣ, взглянувъ на образъ, что непременно въ 1826 году; что все почти готово, членовъ достаточно, что лишь остается приготовить солдатъ. Тутъ онъ мнѣ сказалъ, что положено истребить царствующую фамилію или въ маскарадѣ, на новый годъ, или на праздникѣ въ Петергофѣ. Онъ совѣтовалъ мнѣ вступить въ службу въ новгородское поселеніе, говоря, что обществу нужно

тамъ имѣть людей надежныхъ и что я въ нѣсколько мѣсяцевъ успѣю тамъ приготовить нѣсколько къ возстанію и что мнѣ въ томъ тамъ будутъ помощники. Я согласился съ нимъ остаться въ Петербургѣ, но въ новгородское поселеніе идти служить не рѣшился. Онъ совѣтовалъ мнѣ подать въ какойнибудь полкъ, говоря, что въ мундирѣ я буду виднѣе и болѣе буду въ силахъ дѣйствовать на солдатъ при возстаніи и что при опредѣленіи найдутъ средства оставить меня въ Петербургѣ. Совѣтовалъ мнѣ опредѣлиться въ учебный карабинерный полкъ; но я и на сіе не согласился. Подаль просьбу въ елецкій пѣхотный полкъ, куда я и прежде сего думалъ опредѣлиться. Я занялъ у Рылѣва денегъ и онъ поручился за меня портному (все сіе было въ началѣ прошлаго года). Въ принятіи меня въ пѣхоту мнѣ отказали. Я остался въ Петербургѣ ждать предполагаемаго возстанія.

Рылѣвъ, видя во мнѣ страстную любовь къ родинѣ и свободѣ, пылкость и рѣшительность характера, сталъ дѣйствовать такъ, чтобы приготовить меня быть кинжаломъ въ рукахъ его. Но онъ не умѣлъ себя хорошо вести и очень во мнѣ ошибся. Я не буду говорить всего, какъ онъ мнѣ представлялъ въ примѣры Брута, даже Соловьева, который убилъ Батурина. Просто скажу вашему превосходительству, что Рылѣвъ потерялъ разсудокъ, склоняя меня. Онъ думалъ, что онъ очень тонокъ, но былъ такъ грубъ, что я не знаю, какой бы невѣжа его не понялъ. По приѣздѣ Якубовича изъ Москвы Рылѣвъ рассказывалъ мнѣ, что будто Якубовичъ рѣшился убить императора въ парадѣ на Царицыномъ Лугу. Вы изволили слышать, какъ онъ себя оправдывалъ; я расскажу вамъ весь о семъ разговоръ мой съ нимъ, чтобы вы могли судить, какъ онъ изворачивался. Онъ говорилъ:

— Не правда ли, Каховскій, славный бы поступокъ былъ Якубовича?

— Ничего, братъ Рылѣвъ, нѣтъ здѣсь славнаго: просто мщеніе оскорбленнаго безумца; я разумѣю славнымъ то, что полезно.

— Да, я съ тобой согласенъ, потому и удержалъ Якубовича до время; но я говорю, что какой бы урокъ царямъ. Тиранъ палъ среди тысячи опричниковъ.

— Что же такое, что палъ, завтра будетъ другой. Хорошо, если можно поразить тиранство; а уроковъ—разверни исторію и найдешь ихъ много.

— Я тебя знаю, ты только чтобъ спорить, а самъ защищаешь Занда.

— Да, Рылѣвъ, противъ безсмысленныхъ невѣждъ.

— Ты такъ завистливъ, что вѣчно все то осуждаешь, чего самъ не можешь сдѣлать. Ну, а не говорилъ ли ты, что и Соловьевъ сдѣлалъ дѣло.

— Да, говорилъ, потому что Соловьевъ ничего не могъ болѣе сдѣлать; но намъ руководствоваться личнымъ мнѣніемъ гадко и жертвовать собой надо знать для чего. Идти убить царя—мудреного ничего нѣтъ—и всѣхъ зарѣзать не штука; но, низвергнувъ правленіе, надо имѣть возможность возстановить другое; а иначе, братъ, безумно приступать. Завидовать, право, мнѣ нечему: я готовъ сейчасъ собой пожертвовать, но хочу, чтобъ изъ того была польза.

— Однако скажи, что можетъ ли положеніе Россіи, при какомъ бы то ни было переворотѣ, быть хуже, чѣмъ теперь?

— Потому я много не разсуждаю и соглашаюсь съ тобой».

Оцѣнивая этотъ разсказъ, мы должны принять во вниманіе, что это было, очевидно, одинъ изъ многихъ, душевныхъ разговоровъ о царевубійствѣ, происходившій—надо полагать—сейчасъ же по возобновленіи ихъ сношеній, когда Рылѣвъ испытывалъ «чистоту» Каховскаго и нащупывалъ почву. Быть можетъ, раздраженный Каховскій обострилъ тутъ роль Рылѣва и исказилъ дѣйствительность, но мы останавливаемся лишь на мелькающихъ тутъ аргументахъ царевубійства, несомнѣнно высказанныхъ по тому или иному поводу: тутъ и восхваленіе самоотверженія Якубовича, и выясненіе чистоты его намѣреній, и осторожная (высказанная въ маѣ 1826) похвала Занда—какъ разъ вся характерная современная обстановка.

Приведемъ еще одинъ разговоръ, переданный Каховскимъ.

«Одинъ разъ осенью, зайдя къ Александру Бестужеву, нашелъ его собирающимся идти ходить. Онъ пригласилъ меня идти съ нимъ; дорогой говорили о дѣлахъ общества, и между прочимъ онъ сказалъ мнѣ:

— Представь, Рылѣвъ воображаетъ, что найдутся люди, которые не только рѣшатся собою пожертвовать для дѣли общества, но и самую честь принесутъ для нея въ жертву.—Я просилъ его истолковать мнѣ слова сіи. Онъ разсказалъ мнѣ предложеніе Рылѣва. Тѣмъ, которые рѣшатся истребить царствующую фамилію, дадутъ всѣ средства бѣжать изъ Россіи, но если они попадутся, то должны показать, что не были въ обществѣ, потому что общество чрезъ то можетъ пострадать. Царевубійство для какой бы то дѣли ни было, всегда народу кажется преступленіемъ. Но сіе я говорилъ, и Бестужевъ былъ того же со мной мнѣнія, что если убить царя есть преступленіе и теперь, и во время свободы также будетъ видѣться (считаться), то лучше къ сему не приступать, и что вѣрно не найдутся на сіе люди. Бестужевъ сказалъ мнѣ:

— А Рылѣвъ все толкуетъ о тебѣ, что ты на все рѣшишься.—Я отвѣчалъ:

— Напрасно сіе говорить Рылѣвъ; если онъ разумѣетъ меня кннжаломъ, то пожалуйста скажи ему, чтобы онъ не укололся; я давно замѣчаю Рылѣва: онъ только меня склоняетъ, но обманется. Я готовъ собой жертвовать отечеству, но ступенькой ему,

или кому другому, къ возвышенію не лягу.—На другой день я занемогъ, просилъ Рылѣва ко мнѣ придти, и когда пришелъ онъ, я ему разсказалъ мой разговоръ съ Александромъ Бестужевымъ. Онъ ужасно разсердился, наговорилъ мнѣ, что *я весь въ фразахъ и что онъ въ чистотѣ моей обманулся*, и что Бестужевъ лгалъ обо мнѣ и что и безъ меня есть много желающихъ, и чище меня. Скоро потомъ пришелъ Бестужевъ, сказалъ мнѣ, что Рылѣвъ на меня сердится, затѣмъ онъ мнѣ сказалъ:

— Я не хочу обманывать и иду прямо.

«Послѣ всего мной узнаннаго я требовалъ настоятельно, чтобъ было представлено Думѣ написанное къ членамъ оной письмо, но Рылѣвъ сжегъ его и отказалъ мнѣ представить меня въ оную, за что я съ нимъ поссорился и отказался отъ общества».

Александръ Бестужевъ даетъ слѣдующій комментарий къ этому разговору.

«Я уже и прежде сказалъ, что Рылѣвъ назначалъ Каховскаго для нанесенія удара, и говорилъ не однажды, что онъ чистъ, и что если тѣ, которые нанесутъ ударъ, не уйдутъ, то должно будетъ ихъ наказать. Желая какъ-нибудь удалить Каховскаго, ибо думалъ, что онъ могъ бы на сіе рѣшиться, я старался подстрекать его любопытство, и, наконецъ, имѣлъ точно разговоръ, показанный Каховскимъ, гдѣ тонко показалъ ему, что его хотятъ употребить низкимъ орудіемъ убійства. Это средство подѣйствовало, Каховскій разсердился, и просилъ меня сказать Рылѣву, что онъ не ступенька для ихъ умниковъ. Когда я разсказалъ Рылѣву, онъ взбѣлся на меня, говоря, что я для того только, чтобъ показать силу своего убѣжденія, порчу членовъ, и что я могъ бы беречь такіа мнѣнія про себя. На что я и сказалъ, что я не обманщикъ и людей въ западню ловить не хочу; надо, чтобы всякій вполне видѣлъ, что онъ дѣлаетъ... Что же касается до ссоры нашей съ Рылѣвымъ, а его съ Каховскимъ, она дѣйствительно была и мнѣ казалось за то, что я (говорилъ) К. не такъ рѣзко. («Ты считаешь К. чистымъ,—говорилъ я Рылѣву—а онъ честолюбецъ, и когда я сказалъ ему, что ждетъ царевубійца—онъ твердитъ, что не ступенька для другихъ. Право, кажется, онъ мѣтитъ въ воеводы». Тутъ-то Рылѣвъ возразилъ, что «вѣрно я вселилъ въ него такіа мысли, что порчу человѣкъ и проч. и вѣрно онъ забылъ этотъ случай, если противурѣчить»). Но статья можетъ, къ тому присоединялись и другія причины, и Рылѣвъ, точно сердясь на Каховскаго, мнѣ говорилъ, что онъ любопытствомъ своимъ нарушаетъ законы общества, (Я говорилъ Каховскому: «Странно, право, что Рылѣвъ съ вами таится, такому человѣку можно бы открыть и Думу» и проч. Вслѣдствіе чего онъ и надоѣлъ Рылѣву). Послѣ сего не разъ Каховскій говаривалъ шутя, что Якубовичъ у него отбиваетъ первое мѣсто».

Конечно, нѣкоторыя изъ этихъ фразъ и не были сказаны, но онѣ хорошо передаютъ нервную, напряженную атмосферу, окружающую всѣ такіе разговоры, и какъ бы хранятъ еще слѣды тон-

чайшихъ переживаній... Нельзя не остановить вниманія на еди-ногласно подтверждаемомъ фактѣ непрерывныхъ ссоръ и споровъ, схожденій и расхожденій. И надому у Рылѣва, и въ залахъ трактира «Лондонъ» и гостинницы «Неаполь» идутъ нескончаемые, возбужденные разговоры все о томъ же. Приведемъ еще одинъ рассказъ Каховскаго, иллюстрирующій сомнѣнія, бурующую декабристовъ: «Рылѣвъ прежде разговора моего съ Бестужевымъ былъ со мной искрененъ и въ одно время сказаль мнѣ, что Дума на нѣкоторое время должна будетъ удержать правленіе за собой, въ чемъ я съ нимъ не согласился и, напротивъ, представляль ему, что общество все должно сдѣлать для блага отечества, но ничего не брать на себя и по успѣхѣ въ предпріятіи; стараться избрать людей, извѣстныхъ въ государствѣ, которые бы составляли временное правленіе, пока выберутся депутаты, и имъ представить конституцію, которую они въ правѣ принять или что въ ней перемѣнить, или совершенно отвергнуть. Рылѣвъ съ этого смѣялся, говоря:

— Ты хочешь отъ аристократовъ чего добраго? Что, Мордвинова что ли сдѣлать правителемъ? Пожалуйста не мѣшайся, ты ничего болѣе, какъ рядовой въ обществѣ, да и отъ меня немного зависишь; какъ опредѣлить Дума, такъ и будетъ.—Много сему подобнаго, что дало мнѣ подозрѣвать Рылѣва, и я того не скрываль отъ него. Никогда я не вызывался убить покойнаго императора, но въ разговорѣ и самоотверженіи сказаль Рылѣву: «Для блага моего отечества я готовъ бы былъ и отцомъ моимъ пожертвовать». Я помню очень: сей разговоръ былъ лѣтомъ. Мимо окна шелъ князь Одоевскій, я зазваль его и при немъ говорили, что необходимо нужно, кто рѣшится собой жертвовать, зная, для чего онъ жертвуетъ, чтобы не пасть для тщеславія другихъ. Рылѣвъ и въ семъ меня оспариваль и прозваль: «ходячая оппозиція.» Онъ всегда ставиль въ примѣръ мнѣ Якубовича, что онъ безъ дальнихъ разсужденій вѣрить чести людей и готовъ всячески собой жертвовать, и что будто Якубовичъ рѣшался убить покойнаго императора при бывшемъ парадѣ на Царицыномъ Лугу».

5.

Но споры прекратились по полученіи извѣстій о смерти Александра и смѣнились разнообразнѣйшими проэктми дѣйствій. «По кончинѣ покойнаго императора общество стало сильнѣй дѣйствовать, я опять соединился съ нимъ, не будучи въ силахъ удержаться не участвовать въ дѣлѣ отечества».

Каховскій приняль участіе и въ организаціонной работѣ: онъ долженъ былъ приготовить лейбъ-гренадерскій полкъ. Пропагандой идей тайнаго общества онъ занимался уже давно: по его объясненіямъ, еще лѣтомъ или ранней осенью 1825 года онъ приняль по-

ручника л.-гренадерскаго полка Сутгофа¹⁾ и прапорщика Палицына²⁾. Позднѣ осенью, быть можетъ, въ ноябрѣ онъ принялъ офицеровъ лейбъ-гренадерскаго полка поручика Панова³⁾, подпоручика Кожевникова⁴⁾ и прапорщика Жеребцова⁵⁾. Наконецъ, наканунѣ 14 декабря онъ посвятилъ въ замыслы общества и подпоручика Измайловскаго полка Фока, а немного раньше Глѣбова⁶⁾. Можно повѣрить увѣреніямъ Каховскаго, что онъ открылъ имъ, какъ цѣль общества, введеніе конституціи, и совершенно умолчалъ объ истребленіи фамиліи. «Никому изъ нихъ не открылъ о убійствѣ царствующей фамиліи, но возбуждалъ ихъ сильно—признавался Каховскій генералу Левашову.—Ваше превосходительство, вамъ извѣстно, много ли надобно разгорячить воображеніе молодыхъ людей? Свобода сладка, и въ сердцѣ молодымъ любовь къ отечеству, какъ и всѣ чувства, живетъ сильнѣй. Мы въ мо-

1) Сутгофъ на вопросъ о происхожденіи вольнаго образа мыслей отвѣчалъ: „въ 1825 году въ февралѣ мѣсяцъ г. Каховскій ежедневно посѣщалъ меня, во время моей болѣзни, стараясь передавать мнѣ свои мысли и приглашая вступить въ тайное общество, о существованіи коего онъ открылъ мнѣ въ мартѣ мѣсяцѣ“. Въ другомъ показаніи Сутгофъ писалъ: „я поступилъ въ тайное общество въ сентябрѣ 1825 года. Принять былъ Каховскимъ, который увѣрялъ меня, что цѣль общества есть благо общее. Възя словамъ Каховскаго, я также началъ содѣйствовать къ благу общему“. Г. А. I. В. № 344. Дѣло Сутгофа.

2) О принадлежности Палицына къ обществу Каховскій 17 февраля показывалъ: „когда именно прапорщикъ Палицынъ принять мной въ члены тайнаго общества, я не помню; знаю, что за нѣсколько мѣсяцевъ до 14 декабря. О дѣлѣ общества и о намѣреніяхъ оного, онъ зналъ все то, что знали и всѣ прочіе члены. Обязанности особенной на него никакой не было возложено; общеніе далъ онъ, какъ и каждый изъ членовъ, способствовать къ успѣху цѣли общества“. (Г. А. I. В. № 86, л. 11). Палицынъ настаивалъ на томъ, что онъ былъ принятъ въ общество въ началѣ ноября, хотя не отрицалъ того, что въ апрѣлѣ или мартѣ онъ слышалъ отъ Каховскаго фразу: „есть люди, которые на тебя обращаютъ вниманіе“. Но Палицынъ тогда не придавалъ значенія этой фразѣ. (Въ томъ же дѣлѣ).

3) Пановъ показывалъ: „я былъ принятъ въ тайное общество въ моей квартирѣ, состоящей въ л.-гренад. казармахъ, г. Каховскимъ, около мѣсяца до 14 декабря... Цѣль, извѣстная мнѣ, благо общее“ Г. А. I. В. № 343.

4) Въ чистосердечномъ признаніи Кожевниковъ разсказывалъ слѣдующее: „я сдѣлался сообщникомъ мятежниковъ въ началѣ прошедшаго ноября мѣсяца; бывъ однажды вмѣстѣ съ поручикомъ Сутгофомъ и отст. поруч. Каховскимъ, долго разсуждали о нашемъ правительствѣ; и сей послѣдній, исполненный краснорѣчія, убѣдительно доказывалъ, сколь велико благо народа вольнаго, сколь приятно быть виновникомъ общаго счастья и сколь унижительно не стремиться къ пользѣ отечества! „Послѣ такихъ рѣчей Кожевниковъ былъ принятъ въ общество. Г. А. I. В. № 53.

5) Жеребцову удалось избѣгнуть всякаго наказанія. Онъ показывалъ, что вмѣстѣ съ государевой ротой л.-гренадерскаго полка пришелъ на Дворцовую площадь и что Сутгофъ, дѣйствительно, открылъ ему о своихъ намѣреніяхъ, но онъ, не входя въ его виды, обозвалъ все пустой затѣей. По прочтеніи допроса Жеребцова, Николай Павловичъ „изволилъ простить“ его. Г. А. I. В. № 214.

6) 23 февраля Каховскій показывалъ о принадлежности Глѣбова къ обществу: „отъ Глѣбова я никогда и ничего не скрывалъ: отъ меня узналъ о тайномъ обществѣ, о возстаніи 14 декабря, но членомъ онъ не былъ. И вотъ всадганніи слова его ко мнѣ: „я люблю отечество, счастіемъ почту умереть для блага его; но игрушкѣ тайственной быть не могу; не могу войти въ общество, хорошо не зная ни намѣреній, ни силъ его“. Глѣбовъ, сначала отпиравшійся отъ всего, не допуская до очной ставки, сознался, что Каховскій открылъ ему объ обществѣ, цѣль котораго конституція, и что за недѣлю до 14 декабря онъ слышалъ отъ Каховскаго, что войска не будутъ присягать и нужно идти на площадь. Глѣбовъ жилъ вмѣстѣ съ Палицынымъ. Г. А. I. В. № 388

лодости болѣе управляемся сердцемъ, чѣмъ разсудкомъ. Истинно говорю, я одинъ причиною возстанія лейбъ-гренадерскаго полка». Любопытно отмѣтить совпаденіе показаній увлеченныхъ Каховскимъ въ вопросѣ о способахъ «обольщенія». *Къ общему благу* побуждалъ ихъ Каховскій. И всѣ они, за исключеніемъ Жеребцова, честно выполнили задачи, возложенныя на нихъ тайнымъ обществомъ. Сначала всѣ сношенія тайнаго общества съ офицерами лейбъ-гренадерскаго полка шли черезъ Каховскаго, и онъ правъ, считая себя причиною возстанія лейбъ-гренадерскаго полка. Потомъ къ концу движенія Рылѣевъ велъ сношенія непосредственно черезъ Сутгофа.

Каховскій присутствовалъ при многочисленнѣйшихъ совѣщаніяхъ у Рылѣева. «При мнѣ—показывалъ Трубецкой—Каховскій никогда ничего не говорилъ, и я съ нимъ никогда не разговаривалъ; большею частью, когда я бывалъ у Рылѣева, то онъ выходилъ въ другую комнату, но во время нѣкоторыхъ совѣщаній я примѣтилъ, что онъ сиживалъ въ той комнатѣ, гдѣ они происходили, въ окошкѣ, въ углу; къ этому же, у котораго совѣщанія бывали, не подходилъ и въ разговоры не вмѣшивался»¹⁾. Но когда Каховскій высказывался, то онъ говорилъ весьма рѣшительно. Сохранившіеся обрывки рѣчей опять касаются главнаго предмета—истребленія фамиліи. Правда, среди возбужденныхъ и нервныхъ фразъ другихъ, слова Каховскаго не самыя жестокія. Штейнгель нарисовалъ въ своихъ показаніяхъ слѣдующую жизненную картинку: «Я замѣтилъ, что А. Бестужевъ и Каховскій, котораго я въ это время узналъ, были пламенными террористами. Помнится мнѣ, что именно 12 числа, пришедъ къ Рылѣеву, я засталъ Каховскаго съ Николаемъ Бестужевымъ говорящими у окошка, и первый сказалъ: «съ этими филантропами ничего не сдѣлаешь; тутъ просто надобно рѣзать, да и только; иначе, если не согласятся, то я первый пойду и самъ на себя объявлю». Я въ тотъ же вечеръ сказалъ о семъ Рылѣеву, съ укоризною, и онъ мнѣ отвѣчалъ: «не безпокойся, онъ такъ только говоритъ. Я его уйму; онъ у меня зъ рукахъ»... Противу особы государя примѣтно возстали опять кн. Оболенскій, Бестужевы, Каховскій и потомъ князь Трубецкой требовалъ, какъ необходимости, чтобы принести его на жертву. Наконецъ онъ, Трубецкой, именно полагалъ, что надобно оставить Александра Николаевича, чтобы его объявить императоромъ. Другіе говорили, что можно ограничиться арестомъ, а Рылѣевъ и Оболенскій твердили, чтобъ истребить всѣхъ. Князь же Одоевскій твердилъ только: «умремъ! ахъ, какъ славно мы умремъ!»²⁾.

¹⁾ Г. А. І. В. № 335.

²⁾ Г. А. І. В. № 375. Дѣло Штейнгеля. Каховскій въ своемъ отвѣтѣ на показаніе Штейнгеля не отрицаетъ сущности разговора и крайности своихъ предложеній. Его только крайне возмутило то, какъ могъ Штейнгель отнестись серьезно къ его заявленію о доносѣ на общество „12 декабря я говорилъ не на совѣщаніи общества, а въ частномъ разговорѣ съ членами. Смыслъ словъ моихъ былъ, что кровъ боятся не должно. Но могъ ли я соглашаться рѣзать? и кого рѣзать? Народъ,

Каховскій въ послѣднемъ своемъ признаніи передаетъ самые невозможные проекты, которые только возникали среди этихъ бесѣдъ. «Положено было, какъ я уже сказалъ, если при взятіи дворца въ замѣшательствѣ не истребить царствующую фамилію, заключить ее въ крѣпость и потомъ, убивъ цесаревича въ Варшавѣ, будто освобождая царскую фамилію, умертвить ее. Все сіе говорилъ Рылѣевъ. Такъ было и положено. Николай Бестужевъ спросилъ Рылѣева: «да кто же убьетъ цесаревича въ Варшавѣ?? Рылѣевъ отвѣчалъ: «Развѣ ты не знаешь, что наши тамъ есть», и назвалъ какого-то конной гвардіи артиллерійскаго офицера. Предполагалось въ первыхъ дняхъ по извѣстіи о кончинѣ Императора, если цесаревичъ не откажется отъ престола, или если здѣсь не успѣютъ, то истребить царствующую фамилію въ Москвѣ въ день коронаціи; сіе тоже говорилъ Рылѣевъ, а баронъ Штейнгель сказалъ:

— Лучше передъ тѣмъ днемъ захватить ихъ всѣхъ у всеночной въ церкви у Спаса за золотой рѣшеткой.—Рылѣевъ подхватилъ:

— Славно! опять народъ закричитъ: любо, любо! Въ Петербургѣ всѣ перевороты происходили тайно ночью.—Я на сіе сказалъ:

— Да я думаю и теперь, если начинать здѣсь, то лучше ночью всѣми силами идти къ дворцу; а то смотрите, господа, пока мы соберемся на площадь, да вы знаете, и присяга не во всѣхъ полкахъ въ одно время бываетъ, а около дворца полкъ Павловскій, батальонъ Преображенскій; да и за конную гвардію не отвѣчаю; я не знаю, что тамъ успѣлъ Одоевскій, такъ, чтобъ насъ всѣхъ не передъ (?) ротами прежде чѣмъ мы соединимся.—Рылѣевъ на сіе сказалъ:

— Ты думаешь, солдаты выйдутъ прежде объявленія присяги? Надо ждать, пока имъ ее объявятъ.—Также Рылѣевъ говорилъ мнѣ, что если цесаревичъ не откажется отъ престола, то убить его всенародно, и тотъ, кто на сіе рѣшится и когда его схватятъ, чтобы закричалъ, что онъ наученъ къ сему Николаемъ Павловичемъ; «знаешь, братъ, какое это дѣйствіе сдѣлаетъ въ народѣ; тогда разорвутъ великаго князя» (теперешняго императора). Я сіе рассказывалъ Николаю Бестужеву, Александру Бестужеву и Штейнгелю (въ самое то время, когда Штейнгель показываетъ на меня, что будто я согласился рѣзать). Александръ Бестужевъ сказалъ ему на сіе:

для котораго мы возстали? Что я донесу на общество, было мной сказано совершенно въ шутку, что тогда же мнѣ и замѣтилъ Александръ Бестужевъ, сказавъ „ты шутишь, а другіе примутъ за правду“. Говорилъ я на слова Николая Бестужева и Штейнгеля, которые были одного со мной мнѣнія, что члены общества лишь толкуютъ, а не распоряжаются къ дѣйствію“. По поводу этого факта Рылѣевъ объяснилъ, что онъ лично не слышалъ подобныхъ словъ, но что Штейнгель говорилъ ему что-то подобное о Каховскомъ. Николай Бестужевъ заявилъ, что онъ не слышалъ этого разговора, а Александръ Бестужевъ показалъ: „Каховскій говорилъ всегда подобный вздоръ, но его мало слушали и не обращали вниманія на его слова. Я самъ не помню, сказалъ ли онъ точно слова сіи, хотя очень вѣрю, что они были произнесены“. См. Г. А. І. В. Дѣла всѣхъ этихъ лицъ.

— Ахъ ты шутикаръ.—А я ему отвѣчалъ:—Нѣтъ, господа, я не беру этого на себя; это изобрѣтеніе Рылѣва».

Были запрошены по поводу «извѣтовъ» Каховскаго Рылѣвъ, Бестужевъ, Александръ и Николай, и Штейнгель. Всѣ они, кромѣ Штейнгеля, рѣшительно отрицали истину всѣхъ сообщеній Каховскаго. Каховскій былъ въ послѣдней степени раздраженія, когда открывалъ суду эти слова и фразы. Очевидно, это были фразы, сказанныя и въ ту же минуту забытыя. Онѣ были такъ мимо-летны, что потомъ сказавшіе ихъ совершенно искренно могли усомниться въ томъ, что онѣ были сказаны. Въ дѣлахъ есть много другихъ фразъ, доложенныхъ комитету, но мы не приводимъ ихъ отчасти потому, что считаемъ недостоверными, а главнымъ образомъ потому, что и приведенныхъ нами совершенно достаточно для характеристики настроенія.

Повторяемъ, всѣ эти «извѣты» цѣнны только съ психологической точки зрѣнія и не имѣютъ никакого значенія при выясненіи дѣйствительныхъ плановъ общества. Реальнымъ могъ быть только одинъ планъ—самоотверженное согласіе Каховскаго нанести ударъ въ день 14 декабря.

Наканунѣ 14-го, вечеромъ 13-го разыгралась поразительная сцена. По показаніямъ, диктованнымъ осторожностью, трудно представить тотъ восторженный подъемъ, который переживали въ этотъ моментъ заговорщики. «13-го декабря ввечеру—показывалъ 14 марта Каховскій—Рылѣвъ сказалъ, когда я спрашивалъ его о распоряженіи, что надо видѣть прежде силы наши и что на Петровской площади всѣмъ распорядится Трубецкой. Предположено было занять Сенатъ, крѣпость, но кому именно, не было назначено. Мнѣ же сказалъ онъ, обнимая меня:

— Я знаю твое самоотверженіе; ты можешь быть полезенъ, чѣмъ на площади: истреби императора.

«Я совершенно не отказывался, возражалъ ему, что сего сдѣлать невозможно, какія я найду къ сему средства; онъ представлялъ, чтобы я вошелъ во дворецъ рано поутру, прежде возстанія, въ офицерскомъ мундирѣ; или на площади, если выйдетъ императоръ, убилъ его».

Объ этой сценѣ нѣсколько иначе рассказываетъ кн. Оболенскій въ своемъ показаніи отъ 14 марта: «При пріѣздѣ моемъ я засталъ Пуцина, Каховскаго и, кажется, Александра Бестужева. Я спросилъ у Рылѣва, какой же планъ дѣйствій? Онъ объявилъ мнѣ, что Трубецкой намъ сообщить, но что собраться должно на площади всѣмъ съ тою ротой, которая выйдетъ первая. Послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора онъ и Пуцинъ надѣли шинели; чтобы ѣхать. Я самъ уже прощался съ нимъ, когда Рылѣвъ при самомъ разставаніи нашимъ подошелъ къ Каховскому и, обнявъ его, сказалъ:

— Любезный другъ, ты сирѣ на сей землѣ; ты долженъ собою жертвовать для общества; убей завтра императора.

«Послѣ сего обняли Каховскаго Бестужевъ, Пуцинъ и я. На

сѣ Каховскій спросилъ насъ, какимъ образомъ сѣ сдѣлать ему. Тогда я подаль мысль ¹⁾ надѣть ему л.-гренадерскій мундиръ и во дворцѣ сѣ исполнить, но онъ напелъ сѣ невозможнымъ, ибо его въ то же мгновенье узнаютъ. Послѣ сего предложилъ, не помню кто изъ предстоящихъ, на крыльцѣ дожидаться проѣзда Государя, но и сѣ было отринуто, какъ невозможное ²⁾.

Восторгъ преклоненія предъ подвигомъ, послѣднія обѣщанія, прощальные поцѣлуи, данные обреченному—впослѣдствіи казались декабристамъ какимъ-то видѣніемъ, отъ котораго нужно открещиваться, сномъ, который такъ нужно было бы забыть. Но несомнѣнно, если идея царевѣйства была когда-нибудь близка къ реализаціи за все время жизни общества, такъ именно въ этотъ моментъ; и если когда-либо декабристы задумывались надъ фактическимъ осуществленіемъ своихъ замысловъ и предпринимали переходъ отъ словъ къ дѣлу, такъ именно теперь. Правда, кн. Оболенскій постарался ослабить впечатлѣніе этого порыва. «Мы всѣ опомнились отъ минутнаго энтузіазма и, сказавъ: «нельзя, и такъ нечего дѣлать». Вотъ единственная минута, въ которую я помню, чтобы упомянуто было нами объ августѣйшей особѣ Государя. Я сознаю, что единая мысль о семъ есть уже преступленіе, но прошу Комитетъ милостиво воззрѣть на людей, которые, разставаясь наканунѣ того дня, который долженъ рѣшить судьбу отечества или повергнуть ихъ самихъ на послѣднюю степень бѣдствія, въ изступленіи чувства обращаютъ мысль къ поступку ужасному, но опомнясь, оставляютъ оный»... Но никто другой не показываетъ, что мысль эта была оставлена заговорщиками. Можно считать достовѣрнымъ, что заговорщики, давъ послѣднимъ поцѣлуемъ благословеніе Каховскому, разошлись съ твердою увѣренностью въ томъ, что судьба царя отнынѣ въ рукахъ Каховскаго. Что онъ сдѣлаетъ, то и будетъ. И Каховскій на допросѣ, какъ бы испугавшись нарисованной имъ картины послѣдняго прощанія, не имѣетъ смѣлости, давъ сознаніе, не съуживать его и старается оправдать себя въ глазахъ Комитета: «Признаюсь откровенно, увлеченный бѣдствіями отечества и, можетъ быть, заблуждаясь въ цѣли и намѣреніяхъ, я для общей пользы не видалъ преступленія. Но соглашеніе Рылѣева на убійство мнѣ показалось гадкимъ, и при-

1) Каховскій приписалъ эту мысль Рылѣеву.

2) Рылѣевъ призналъ, что онъ дѣйствительно предлагалъ Каховскому вечеромъ 13 декабря убить государя, и говорилъ, что можно исполнить это на площади. „По утру того дня—добавилъ Рылѣевъ—долго обдумывая планъ нашего предпріятія, я находилъ множество неудобствъ, къ счастливому окончанію оного. Больше всего страшился я, если государь не будетъ схваченъ нами, думая, что въ такомъ случаѣ непременно послѣдуетъ междоусобная война. Тутъ пришло мнѣ на умъ, что для избѣжанія междоусобія должно его привести на жертву, и эта мысль была причиной моего злодѣйскаго предложенія“. Пушнинъ далъ уклончивое показаніе: „но если показанныя лица показываютъ изъясненное въ семъ пунктѣ обстоятельство, котораго я истинно не припомню, то и оное утверждаю; только не могу доставно сказать, далъ ли Каховскій рѣшительное обѣщаніе“... А. Бестужевъ призналъ, что, входя къ Рылѣеву, онъ встрѣтилъ нѣсколько членовъ, которые прощались съ Каховскимъ, и Рылѣевъ сообщилъ ему, что Каховскій назначается для нанесенія удара.

томъ я давно его подозрѣвалъ въ нечистотѣ правилъ. Дружба его съ Александромъ Бестужевымъ, хотя и вовлеченнымъ въ преступленіе по некорыстности, не алчущимъ своей прибыли, и принятые мной люди въ члены общества удерживали меня въ ономъ». Опять та же двойственность: признавая себя принципиально не только способнымъ, но и желавшимъ выполнить актъ царевубійства, онъ не имѣлъ силы сознаться въ реальности своего намѣренія. Каховскій въ свое оправданіе показывалъ, что ночью на 14-е онъ заходилъ къ А. Бестужеву и, заявивъ ему, будто онъ не рѣшается на предложеніе Рылѣва, и искавши случай нанести ударъ императору, онъ можетъ остаться празднымъ, а не раздѣлить общей опасности онъ считаетъ преступленіемъ. А. Бестужевъ со всѣмъ иначе рассказываетъ объ этомъ посѣщеніи Каховскаго. По его объясненію, «оно было сдѣлано не поздно ночью, а рано утромъ, по его приглашенію сейчасъ же послѣ сцены у Рылѣва. «Васъ Рылѣвъ посылаетъ на площадь дворцовскую?» сказалъ я. Онъ отвѣчалъ: «Да, но мнѣ что-то не хочется». «И не ходите, возразилъ я, это вовсе не нужно». «Но что скажетъ Рылѣвъ?» «Я беру это на себя; будьте со всѣми на Петровской площади». Каховскій попросилъ меня еще разъ извинить его передъ Рылѣвымъ и ушелъ». Фальшь этого показанія чувствуется само собою. Бестужевъ рассказываетъ такъ, какъ будто рѣчь идетъ о неисполненіи ничтожнаго порученія: «Каховскій имѣетъ честь просить Рылѣва извинить его въ томъ, что онъ не можетъ исполнить даннаго ему порученія убить Его Императорское Величество»¹⁾. Скорѣе всего, въ разговорѣ Бестужевъ и Каховскій выяснили невозможность нападенія около Дворца и предоставили это случаю. Если бы Николай Павловичъ показался на Сенатской площади и подъѣхалъ поближе къ возставшимъ, Каховскій сдѣлалъ бы свое дѣло. «Слава Богу—признался царю Каховскій 19 марта,—что ваше величество не повѣрили Якубовичу, не подъѣхали къ каре мятежному; можетъ быть, въ изступленіи, я бы первый готовъ по васъ выстрѣлить». Зная образъ дѣйствій Каховскаго на площади въ день 14 декабря, можно утвердительно сказать, что такъ бы оно и было.

П. Е. Щеголевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

¹⁾ Нужно принять во вниманіе основную тенденцію показаній А. Бестужева. Онъ рассказывалъ судьямъ, что онъ, не раздѣляя ни взглядовъ, ни цѣлей общества и не выходя изъ него наружно, своими дѣйствіями старался разстроить его, привести къ естественному концу: такъ, наприимѣръ, въ этомъ смучаѣ онъ искусно отклонилъ попытку на царевубійство.

Письма Н. Г. Чернышевскаго къ А. А. Краевскому.

Извѣстный историкъ и профессоръ Казанскаго университета А. П. Шаповъ за свой горячій протестъ противъ разстрѣла крестьянъ въ селѣ Безднѣ, Казанской губерніи, въ 1861 г. былъ арестованъ и подъ конвоемъ препровожденъ изъ Казани въ Петербургъ. Здѣсь, сидя въ тюрьмѣ, онъ написалъ письмо на имя императора Александра II, гдѣ требовалъ для Россіи полной политической свободы. Къ сожалѣнію, его письмо до сихъ поръ еще не опубликовано. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Шаповъ, по личному распоряженію императора, былъ освобожденъ и дѣло его прекращено, но реакціонеры на этомъ не успокоились. Еще въ концѣ 1861 же года они добились новаго указа императора, которымъ проф. А. П. Шаповъ... ссылался въ монастырь!

Литераторы различныхъ лагерей начали агитировать въ защиту Шапова, — они обратились между прочимъ къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія Головнину. Шаповъ былъ спасенъ.

Въ 1863 г. реакціонерамъ, однако, отчасти удалось добиться своего: Шаповъ былъ снова арестованъ въ Петербургѣ и его сослали — „на родину“ — въ Восточную Сибирь! Тамъ его въ 1865 г. привлекали къ дѣлу о „сибирскомъ сепаратизмѣ“, долго держали въ тюрьмѣ, возили для разслѣдованія дѣла въ Омскъ и потомъ до самой смерти (въ 1876 г.) оставили въ Восточной Сибири.

Помѣщаемыя ниже, никогда не бывавшія еще въ печати и воспроизводимыя нынѣ нами съ оригиналовъ письма Н. Г. Чернышевскаго къ А. А. Краевскому (редактору „Отечественныхъ Записокъ“, а впоследствии и „Голоса“) и записка къ тому же Краевскому министра народнаго просвѣщенія Головнина, какъ проливающія нѣкоторый свѣтъ на попытку самодержавнаго правительства Александра II расправиться со Шаповымъ по-николаевски, имѣютъ несомнѣнно историческій интересъ.

Ред.

I.

При свиданіи я перескажу Вамъ, Андрей Александровичъ, какіе толки идутъ объ участіи Головнина въ развязкѣ дѣла Шапова, если Вы не услышите объ этомъ раньше отъ другихъ. Лица, занимающіяся собираніемъ подписей, просятъ Васъ сдѣлать нѣсколько списковъ съ прилагаемой окончательной редакціи записки, назначенной для передачи Головнину, и раздать эти списки тѣмъ изъ Вашихъ знакомыхъ, которые захотятъ также собирать подписи.

Подписи будутъ собираться на отдѣльныхъ листахъ, которые всѣ будутъ собраны и сшиты вмѣстѣ. Кто и когда займется этимъ шпиганьемъ, будетъ сообщено дня черезъ два-три. Время для собиранія подписей назначено до четверга 12 час. утра.

Вашъ Н. Чернышевскій.

II.

По порученію лицъ, сочувствующихъ г. Шапову, я заходилъ къ Вамъ, Андрей Александровичъ, просить Васъ участвовать въ депутаціи, которая должна отправиться къ Головнину для представленія прилагаемой мною записки. Къ запискѣ этой собираются подписи.

Прошу Васъ дать мнѣ отвѣтъ. Адресъ мой: у Владимірской, домъ Егяуловой.

Р. С. Въ депутацію предполагается назначить Васъ, г. Некрасова, г. Тиблена и меня.

Вашъ Н. Чернышевскій.

III.

Лица, подписи которыхъ находятся на прилагаемыхъ листахъ, поручаютъ Вамъ, милостивые государи, отправиться къ министру народнаго просвѣщенія и передать ему извѣстный Вамъ взглядъ ихъ на дѣло г. Шапова. Для точнѣйшаго руководства Вамъ при объясненіи съ г. министромъ, здѣсь излагаются главные черты этого взгляда.

Г. Шаповъ былъ перемѣщенъ съ профессорской каведры на гражданскую службу. Лишеніе каведры было очень тяжелымъ наказаніемъ для человѣка, думавшаго посвятить себя ученой и преимущественно профессорской обязанности. Оно разстраивало всю его жизнь. Но, сравнительно съ обыкновенными рѣшеніями дѣлъ подобнаго рода, такое рѣшеніе дѣла г. Шапова было еще гуманно и потому произвело на общество впечатлѣніе, выгодное для правительства.

Теперь это впечатлѣніе разрушается рѣшеніемъ послать г. Шапова въ монастырь. Дѣло, считавшееся конченнымъ, перевершается, одно Высочайшее распоряженіе уничтожается другимъ. Какое мнѣніе послѣ этого можно имѣть о вѣрности правительства самому себѣ? Одно наказаніе усугубляется другимъ; — какое понятіе надобно теперь имѣть о соблюденіи правительствомъ кореннаго принципа всего уголовного права, говорящаго, что одинъ преступникъ не можетъ подвергаться двумъ наказаніямъ. — Самый родъ второго наказанія, — ссылка въ монастырь, — показываетъ-ли, что правительство чувствуетъ различіе между второю половиною XIX столѣтія и средними вѣками?

Это соображенія общія; переходя къ особеннымъ обстоятельствамъ наказываемаго лица, надобно сказать, что правительство не приняло во вниманіе послѣдствій, какія будетъ имѣть для него судьба, которой подвергается оно г. Шапова. Онъ страдаетъ болѣзнью, которая, по свидѣтельству врачей, неминуемо убьетъ его въ назначаемомъ для него мѣстѣ ссылки, гдѣ онъ будетъ лишенъ возможности лечиться надлежащимъ образомъ и соблюдать требуемыя леченіемъ гигиеническія предосторожности. Выгодно-ли будетъ для правительства, когда общество станетъ говорить: съ Шаповымъ сдѣлали то, что онъ долженъ былъ умереть?

Эти причины должны по нашему мнѣнію, заставить г. министра народнаго просвѣщенія, какъ министра, употребить всевозможныя настоянія для избавленія правительства отъ столь сильныхъ нареканій.

Есть обстоятельство, обязывающее его, какъ человѣка, сильнѣйшимъ образомъ позаботиться о томъ же самомъ. Передайте г. министру то, что говорятъ въ обществѣ объ его, конечно, непреднамѣренномъ участіи въ странной новой развязкѣ дѣла г. Шапова.

Вы передадите, милостивые государи, г. министру эти мысли съ надлежащими подробностями и оставьте у него эту данную Вамъ инструкцію съ надлежащими къ ней приложеніями.

Замѣчаніе для г.г. собирающихъ подписи.

Подписи надобно требовать у всехъ просвѣщенныхъ людей. Каждый желающій приглашается собирать эти подписи на особомъ листѣ.

Записка Головнина Краевскому.

11-го февраля 1862 г.

Послѣ того, что Вы мнѣ сказали о письмѣ насчетъ Шапова, почтеннѣйшій Андрей Александровичъ, я ничего не слышалъ. Не знаете-ли Вы чего-нибудь? Надобно поступить осторожно, чтобъ не испортить дѣло.

Покор. слуга Головнинъ.

Сѣверный Союзъ Русскихъ Рабочихъ.

(Страница изъ исторіи рабочаго движенія въ Россіи).

Въ 1877—1879 гг., главнымъ образомъ въ Петербургѣ, организовался *Сѣверный Союзъ Русскихъ Рабочихъ*. По задачамъ, которыя ставили себѣ его инициаторы, онъ долженъ былъ вылиться въ чисто рабочую организацію. Насколько осуществлена была эта цѣль и въ какихъ размѣрахъ,—объ этомъ мы будемъ увѣренно говорить только тогда, когда намъ удастся собрать о «Союзѣ» достаточно данныхъ, а пока намъ приходится довольствоваться о немъ очень скудными свѣдѣніями. Въ литературѣ о «Союзѣ» существуетъ очень немного,—мы можемъ указать лишь на статьи въ 4 и 5 №№ «Земли и Воли» (см. перепечатку этихъ номеровъ въ изданіи Базилевскаго «Революціонная журналистика семидесятыхъ годовъ». Paris, 1905 г.), брошюры г. Плеханова «Русскій рабочий въ революціонномъ движеніи». (Женева, 1903 г., 2-е изд.) и г. Мартова «Красное Знамя» и на 3 и 5 №№ журнала «Былое» (заграничное изданіе).

Несомнѣнно, «Союзъ» самымъ тѣснымъ образомъ связанъ со всей предыдущей исторіей революціоннаго движенія и развивался подъ непосредственнымъ вліяніемъ революціонеровъ изъ интеллигентной среды, которые въ 1872—74 гг. въ качествѣ пропагандистовъ и агитаторовъ отправились «въ народъ»—къ крестьянамъ и рабочимъ. Втянуть народныя массы въ борьбу за социалистическіе идеалы было всегда завѣтной мечтой всѣхъ русскихъ революціонеровъ. Это было центральной идеей и «чайковцевъ», и «впередовцевъ», и «бакунистовъ»,—надъ этимъ работали и «набатовцы». Кто читалъ воспоминанія Кропоткина, «Подпольную Россію» Степняка, политическіе процессы того времени и т. д., тотъ знаетъ, сколько энергіи, любви, вѣры вносили пропагандисты въ это дѣло. Среди тѣхъ рабочихъ—социалистовъ, надъ которыми работали пропагандисты въ 1872—74 гг., были и будущіе основатели «Сѣвернаго Союза Русскихъ Рабочихъ» и его главные члены. Кромѣ вліянія революціонеровъ на рабочихъ, на нихъ сильно сказывалась и пропаганда лицъ, къ революціонной средѣ собственно не принадлежавшихъ. Такъ, напр., лекціи полковника Аркадія Николаевича Фалецкаго, читавшаго въ Петербургѣ въ 1873—74 гг. лекціи о нѣмецкой социаль-демократіи, несомнѣнно, отразились на взглядахъ многихъ изъ рабочихъ, впоследствии вошедшихъ въ «Союзъ».

Пропаганда среди рабочихъ въ 70-хъ годахъ была въ зна-

чительной степени связана съ пропагандой революціонеровъ 60-хъ гг., и среди тогдашнихъ распропагандированныхъ рабочихъ, по словамъ Л. Э. Шишко ¹⁾, можно было встрѣтить и рабочихъ 60-хъ гг., а на каторгѣ и въ Сибири въ то время было не мало прапагандистовъ 60-хъ годовъ. Такимъ образомъ, пропаганда «Сѣвернаго Союза» въ концѣ 70-хъ гг. была связана съ пропагандой 60-хъ гг., какъ. въ послѣдствіи пропаганда среди рабочихъ 90-хъ годовъ тѣсно была связана съ таковой же пропагандой 80-хъ гг.

Самимъ основателямъ «Союза» ихъ дѣятельность представлялась иначе. Имъ казалось, что они начинаютъ совершенно новое дѣло и притомъ на совершенно новыхъ началахъ; преемственной связи съ прошлымъ они почти не видали. Такъ же на дѣло смотрѣли и нѣкоторые изъ тѣхъ, кто въ послѣдствіи писалъ о «Союзѣ».

«Союзъ» рѣшилъ вести все дѣло усиліями однихъ рабочихъ и рѣзко отнесся къ революціонерамъ изъ интеллигенціи, какъ будто видѣлъ въ нихъ главныхъ виновниковъ слабаго развитія рабочихъ организацій въ Россіи. Рабочіе «Союза» хотѣли имѣть свою газету, но первымъ условіемъ ставили, чтобы она издавалась, составлялась и редактировалась самими рабочими. Глухая борьба была объявлена интеллигенціи на всѣхъ пунктахъ во имя самостоятельной рабочей пропаганды. Это привело «Союзъ», особенно въ началѣ, къ чисто экономической дѣятельности, а на практикѣ «Союзъ» почти никогда такъ и не выходилъ изъ рамокъ узкаго экономизма въ то время, когда въ его политической борьба русскихъ революціонеровъ съ правительствомъ разгоралась съ каждымъ днемъ и потрясала его до основъ. Отрицательный взглядъ членовъ «Союза» на интеллигенцію очень часто затруднялъ дѣятельность «Союза», и его членамъ не рѣдко приходилось дѣлать отступленія отъ своихъ апріорныхъ рѣшеній и обращаться за содѣйствіемъ къ революціоннымъ организаціямъ.

«Союзъ» образовался еще въ концѣ 1877 г., когда въ Петербургѣ революціонная атмосфера была необыкновенно оживлена послѣ только что окончившагося процесса 50-ти и во время происходившаго процесса 193-хъ. Просуществовалъ «Союзъ» до половины 1879 г. или даже, можно сказать, до весны 1880 г. Главными его основателями были Викторъ Обнорскій и Степанъ Халтуринъ. Тотъ и другой еще въ началѣ 70 гг. успѣли побывать въ кружкахъ лучшихъ пропагандистовъ того времени, а Обнорскій кромѣ того долго жилъ за границей среди эмигрантовъ. За границей онъ былъ близокъ къ набатовцамъ, которые ярко подчеркивали необходимость политической борьбы съ правительствомъ и ихъ вліяніе на Обнорскаго можно въ послѣдствіи прослѣдить во время его участія въ «Союзѣ». За границей же Обнорскій хорошо познакомился съ редакціей «Работника», издававшагося по инициативѣ пропагандистовъ, въ послѣдствіи судившихся по процессу 50-ти, — при немъ же набатовцы готовили свой спеціальныи для рабочихъ

¹⁾ См. его статью о С. М. Кравчинскомъ въ „Вѣстникъ Русской Революціи“ и отд. изданіе.

органъ, который, впрочемъ, такъ и не появился. Въ Россію Обнорскій пріѣхалъ съ готовымъ планомъ организаціи «Союза», и здѣсь онъ вскорѣ вмѣстѣ съ своимъ единомышленникомъ Халтуринымъ принялся за организацію рабочихъ. Въ эту свою работу Обнорскій и Халтуринъ сразу внесли очень многое, что они усвоили во время своихъ сношеній съ революціонерами,—отъ нихъ же они взяли цѣликомъ и то отрицательное отношеніе къ интеллигенціи и идеализированіе рабочаго, что составляло потомъ отличительную черту ихъ программы.

Въ Россіи Обнорскій скрывался нелегальнымъ около двухъ лѣтъ,—за это время онъ по дѣламъ Союза ѣздилъ за границу ¹⁾. Въ рабочихъ кругахъ онъ повсюду оставлялъ глубокое впечатлѣніе,—рабочіе его любили и онъ умѣлъ ихъ привязывать къ себѣ. Онъ былъ арестованъ въ началѣ 1879 г., въ 1880 г. осужденъ на 10 л. каторжныхъ работъ. Въ настоящее время онъ живетъ еще въ Сибири, давно окончивши срокъ своей ссылки.

Халтуринъ и до ареста Обнорскаго и послѣ его ареста былъ душой «Союза». Когда же онъ усумнился въ возможности при тогдашнихъ политическихъ условіяхъ организовать самостоятельную рабочую партію, онъ осенью 1879 г. примкнулъ къ партіи Народной Воли и выступилъ, какъ одинъ изъ самыхъ видныхъ террористовъ. Послѣ взрыва въ Зимнемъ Дворцѣ 5 февраля 1880 г. ²⁾ Халтуринъ, какъ членъ партіи Народной Воли, велъ пропаганду среди рабочихъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, участвовалъ въ устройствѣ побѣговъ ссыльныхъ, принималъ участіе въ убійствѣ Стрѣльникова, за что судился и былъ повѣшенъ въ мартѣ 1882 г.

Среди рабочихъ, принадлежавшихъ къ «Союзу», мы можемъ указать на Алек. Ник. Петерсона, Дмитр. Ник. Смирнова, Сер. Виноградова, Мясникова, Бачина, Бамбина, Игнатія Гусева, Павлова, Чуркина, Гаврилова, Волкова и др. Нѣкоторые изъ нихъ до вступленія въ «Союзъ» принадлежали къ кружкамъ пропагандистовъ 70-хъ гг., а потомъ въ 80—90-хъ гг. принимали участіе въ рабочемъ революціонномъ движеніи, а кой-кто изъ нихъ принимаетъ участіе еще до сихъ поръ. Петерсонъ въ первый разъ былъ арестованъ въ февралѣ 1878 г., сосланъ въ Архангельскую губ., бѣжалъ оттуда, тогда же снова арестованъ въ Петербургѣ, сосланъ въ Якутскую область, а въ 1902 г. былъ арестованъ по дѣлу социалистовъ-революціонеровъ и, послѣ долгаго тюремнаго заключенія, сосланъ въ Вологодскую губернію. Бачинъ въ началѣ 80-хъ гг. сосланъ былъ въ

¹⁾ Въ перепискѣ Степана Широкова (извѣстнаго впоследствии народовольца) съ П. А. Лавровымъ за 1878 г. мы встрѣтили два слѣдующихъ мѣста: „Вы, вѣроятно, знаете, что на дняхъ сюда, въ Лондонъ, прибудетъ Обнорскій“ (письмо отъ 25 окт. н. ст. 78 г.), „Обнорскій въ понедѣльникъ уѣхалъ въ Парижъ и общалъ побывать у Васъ. Я говорилъ съ нимъ, причемъ онъ излагалъ свои взгляды и планы очень подробно и серьезно. Такъ какъ времени теперь не имѣю то сообщу все при свиданіи“ (письмо отъ 6 ноября н. ст.).

²⁾ См. описаніе пребыванія Халтурина въ Зимнемъ Дворцѣ въ „Календарѣ Народной Воли“ и въ 5 № „Былое“ (заграничное изданіе), а также въ „Календарѣ социаль демократа“.

Восточную Сибирь, оттуда за участіе въ устройствѣ побѣга Южак-овой его перевели въ Якутскую область,—тамъ онъ въ 1883 году покончилъ самоубійствомъ. Бамбинъ, Гусевъ, Павловъ въ 1881 г. были высланы въ Сибирь, гдѣ за отказъ отъ присяги Александру III снова подверглись преслѣдованію.

Въ продолженіе перваго года дѣла «Союза» развивались очень туго. Пришлось ограничиваться устройствомъ среди рабочихъ небольшихъ кружковъ самообразованія, организаціей кассъ взаимопомощи, агитаціонными собраніями въ 25—30 человекъ. «Союзъ» принималъ нѣкоторое участіе и въ общей политической жизни Петербурга, гдѣ въ то время революціонная и оппозиціонная борьба сильно развивалась: тогда раздался выстрѣлъ В. И. Засуличъ, произошли демонстраціи по ея дѣлу, былъ убитъ Мезенцевъ, были стихійныя стачки рабочихъ, студенческія волненія и т. д. Члены «Союза» съ самаго начала задались мыслью издавать газету, но осуществить эту свою старую мечту имъ пришлось—и то очень неуспѣшно—лишь въ 1880 г. Ихъ прокламаціонная дѣятельность была также неудачна, пока они не обратились къ редакціи «Земли и Воли». Участіе «Союза» въ стачкахъ и демонстраціяхъ постепенно усиливалось, но никогда не было доминирующимъ въ рабочей средѣ. Изъ частнаго письма Халтурина, помѣщеннаго въ 5 № заграничнаго «Былого», видно, что онъ очень внимательно слѣдилъ за студенческимъ движеніемъ осенью 1878 г. и мечталъ поддержать студентовъ уличной демонстраціей рабочихъ, которая почему-то, однако, не состоялась. Къ декабрю 1878 г. число членовъ «Союза» доходило до 200,—и 23 и 30-го декабря этого года они устроили два «генеральныхъ» собранія, послѣ чего «Союзъ» открыто заявилъ о своемъ существованіи.

Часто, ссылаясь на слова Халтурина, очень вѣроятно не разъ, дѣйствительно, объяснявшаго неудачи «Союза» тѣмъ, что красный терроръ революціоневъ вызывалъ бѣлый терроръ правительства и тѣмъ разрушалъ рабочія организаціи, многія неудачи «Союза» приписывали начинавшему тогда развиваться террористическому движенію. Такое объясненіе неудачъ «Союза» очень поверхностное и невѣрное. Террористическое движеніе внесло тогда необыкновенное оживленіе во всѣ слои общества, и рабочіе въ этомъ отношеніи не могли быть исключеніемъ. Причины неудачъ въ дѣятельности «Союза» лежали въ нѣкоторыхъ особенностяхъ его организаціи, а также въ томъ, что въ «Союзѣ» съ конца 1877 г. все время очень близкими людьми для Обнорскаго и Халтурина, принимавшими участіе въ дѣлахъ «Союза», были супруги Рейнштейнъ, провокаторы — агенты III Отдѣленія. Благодаря имъ жандармы знали очень многое о дѣлахъ «Союза», и когда только имъ хотѣлось, разрушали его планы и арестовывали его членовъ. Въ 20-хъ числахъ февраля 1879 г. Рейнштейнъ, по постановленію Исполнительнаго Комитета, былъ убитъ наканунѣ подготовленныхъ имъ массовыхъ арестовъ. Обнорскаго жандармы арестовали.

ствовали сейчас же послѣ опубликованія программы «Союза», а Халтуринъ скрывался нелегальнымъ ¹⁾.

Жандармы, такимъ образомъ, благодаря внутренней провокаціи, могли близко познакомиться со всей организаціей «Союза» и потомъ послѣ даже исчезновенія супруговъ Рейнштейновъ, они безъ особаго труда парализовывали дѣятельность «Союза» всякій разъ, когда это имъ нужно было—напр., при постановкѣ рабочими типографій, изданій прокламацій, укрывательствъ нелегальныхъ. Роль жандармской провокаціи за тѣ годы совершенно пока не выяснена,—но она болѣе значительна, чѣмъ это думалъ самъ Халтуринъ.

Рабочее движеніе въ 1877—79 гг. далеко не укладывалось въ рамки дѣятельности «Союза». Стачки по большей части устраивались помимо «Союза» и даже помимо инициативы революціонеровъ вообще и приходили нерѣдко неожиданно для нихъ самихъ. Такъ, были очень интересныя стачки въ 2000 чел. на Бумагопрядильной фабрикѣ (по Обуховскому каналу) въ концѣ февраля 1878 г. ²⁾, въ концѣ 1878 г. на фабрикѣ Кенига ³⁾, въ январѣ 1879 г. на Новой Бумагопрядильнѣ и на фабрикѣ Шау, когда волненія охватили почти все фабричное населеніе Петербурга ⁴⁾. Когда происходили эти стачки, въ нихъ принимали участіе и тогдашніе революціонеры: Гобстъ, повѣшенный въ 1879 г., Александръ Михайловъ, Осинскій, Плехановъ, Петръ Поповъ и многіе другіе. Горячее отношеніе къ этимъ стачкамъ всегда проявлялъ и «Союзъ».

Очень характерной, если не для всего «Союза», то, по крайней мѣрѣ, для его вожаковъ, Обнорскаго и Халтурина, была полемика между «Союзомъ» и редакціей журнала «Земля и Воля». Не имѣя своей типографіи, «Союзъ» обратился къ землевольцамъ съ просьбой напечатать въ «Петербургской вольной типографіи» ихъ программу и кромѣ того прокламацію «Рабочимъ». Землевольцы выполнили эту просьбу рабочихъ и въ ближайшемъ номерѣ своей газеты отвѣчали имъ. «Союзъ» въ свою очередь отвѣчалъ землевольцамъ въ 5 № ихъ же газеты. «Программа» «Союза» была воспроизведена только въ 5 № заграничнаго «Былого», а прокламація «Рабочимъ» и три другія прокламаціи рабочихъ, изданныя въ то же время, ни разу не были перепечатаны съ 1879 г., а поэтому мы ихъ воспроизводимъ цѣликомъ съ подлинниковъ. Далѣе извлеченіи даемъ статьи изъ «Земли и Воли», написанныя по поводу изданій «Союза».

Вотъ программа «Союза»:

¹⁾ См. книгу Л. Тахомирова „Gonspirateurs et Policiens“. Paris. 1886.

²⁾ См. газету „Начало“ 1878 г. № 1,—тоже „Революціонная журналистика семидесятыхъ годовъ“, подъ ред. Базилевскаго. Paris. 1905 г., стр. 33.

³⁾ См. 3-й № „Земля и Воли“ и „Революціонная журналистика семид. годовъ“, стр. 289.

⁴⁾ См. 4 № „Земля и Воли“ и „Революціонная журналистика семид. годовъ“, стр. 344.

Къ русскимъ рабочимъ!

Программа «Сѣвернаго Союза Русскихъ Рабочихъ».

Сознавая крайневредную сторону политическаго и экономическаго гнета, обрушивающагося на наши головы со всею силою своего неумолимаго каприза, сознавая всю невыносимую тяжесть нашего социальнаго положенія, лишающаго насъ всякой возможности и надежды на сколько нибудь сносное существованіе, сознавая, наконецъ, болѣе невозможнымъ сносить этотъ порядокъ вещей, грозящій намъ полнѣйшимъ матеріальнымъ лишеніемъ и парализаціей духовныхъ силъ, мы, рабочіе Петербурга, на общемъ собраніи отъ 23 и 30 декабря 1878 г. пришли къ мысли объ организаціи обще-русскаго союза рабочихъ, который, сплачивая разрозненные силы городского и сельскаго рабочаго населенія и выясняя ему его собственные интересы, цѣли и стремленія,—служилъ бы ему достаточнымъ оплотомъ въ борьбѣ съ социальнымъ безправіемъ и давалъ бы ему ту органическую внутреннюю связь, какая необходима для успѣшнаго веденія борьбы.

Организація *Сѣвернаго Союза Русскихъ Рабочихъ* должна имѣть строго опредѣленный характеръ и преслѣдовать именно тѣ цѣли, какія поставлены въ ея программѣ.

Въ члены этого Союза избираются исключительно только рабочіе и черезъ лицъ болѣе или менѣе извѣстныхъ, числомъ не менѣе двухъ.

Всякій рабочій, желающій сдѣлаться членомъ Союза, обязанъ предварительно ознакомиться съ нижеслѣдующей программой и съ сущностью социальнаго ученія.

Всѣ члены Союза должны сохранять между собою полную солидарность, и нарушившій ее подвергается немедленному исключенію. Членъ-же, навлекшій на себя подозрѣніе, изобличающее его въ измѣнѣ Союзу, подвергается особому суду выборныхъ.

Каждый членъ обязанъ вносить въ общую кассу Союза извѣстную сумму, опредѣляемую на общемъ собраніи членовъ.

Дѣлами Союза завѣдываетъ комитетъ выборныхъ, состоящій изъ 10 членовъ, на попеченіи котораго лежатъ также обязанности по кассѣ и библіотекѣ. Общія собранія членовъ происходятъ разъ въ мѣсяцъ, гдѣ контролируется дѣятельность комитета и обсуждаются вопросы Союза.

Собраніе уполномочиваетъ комитетъ только въ дѣйствіяхъ, являющихся непосредственно въ интересахъ всего Союза.

На обязанности комитета лежитъ также право сношенія съ представителями провинціальныхъ кружковъ и фракцій рабочихъ Россіи, принявшихъ программу Сѣвернаго Союза.

Провинціальныя фракціи Союза удерживаютъ за собою автономное значеніе въ сферѣ дѣятельности, опредѣляемой общей программой, и подчиняются только рѣшеніямъ общихъ представительныхъ собраній.

Центральная касса предназначается исключительно на расходы, необходимые для выполнения плановъ Союза и на поддержку рабочихъ во время стачекъ.

Библиотека имѣетъ цѣлью бесплатно удовлетворять потребностямъ столичныхъ рабочихъ, даже и не принадлежащихъ къ Союзу.

Расходы на ея содержаніе и на выпускъ книгъ идутъ изъ кассы Союза и изъ суммъ, жертвуемыхъ рабочими.

Сѣверный Союзъ Русскихъ Рабочихъ, тѣсно примыкая по своимъ задачамъ къ социально-демократической партіи Запада, ставитъ своей программой:

1) Ниспроверженіе существующаго политическаго и экономическаго строя государства, какъ строя крайне несправедливаго.

2) Учрежденіе свободной народной федераціи общинъ, основанныхъ на полной политической равноправности и съ полнымъ внутреннимъ самоуправленіемъ на началахъ русскаго обычнаго права.

3) Уничтоженіе поземельной собственности и замѣну ея общиннымъ землевладѣніемъ.

4) Правильную ассоціационную организацію труда, предоставляющую въ руки рабочихъ-производителей продукты и орудія производства.

Такъ какъ политическая свобода обезпечиваетъ за каждымъ человѣкомъ самостоятельность его убѣжденій и дѣйствій, и такъ какъ ею прежде всего обезпечивается рѣшеніе социальнаго вопроса, то непосредственными требованіями Союза должны быть:

1) Свобода слова, печати, право собраній и сходокъ.

2) Уничтоженіе сыскной полиціи и дѣлъ по политическимъ преступленіямъ.

3) Уничтоженіе сословныхъ правъ и преимуществъ.

4) Обязательное и бесплатное обученіе во всѣхъ школахъ и учебныхъ заведеніяхъ.

5) Уменьшеніе количества постоянныхъ войскъ или полная замѣна ихъ народнымъ вооруженіемъ.

6) Право сельской общины на рѣшеніе дѣлъ, касающихся ея, какъ то: размѣра податей, надѣла земли и внутреннего самоуправления.

7) Уничтоженіе паспортной системы и свобода передвиженія.

8) Отмѣна ковенныхъ налоговъ и установленіе прямого, сообразно доходу и наслѣдству.

9) Ограниченіе числа рабочихъ часовъ и запрещеніе дѣтскаго труда.

10) Учрежденіе производительныхъ ассоціаций, ссудныхъ кассъ и дароваго кредита рабочимъ ассоціациямъ и крестьянскимъ общинамъ.

Вотъ въ главныхъ чертахъ та программа, руководиться какою постановило себѣ задачею общее собраніе петербургскихъ рабочихъ отъ 23 и 30 декабря.

Путемъ неутомимой и дѣятельной пропаганды въ средѣ своихъ собратьевъ, Сѣверный Союзъ надѣется достичь тѣхъ результатовъ, которые выдвинетъ и у насъ рабочее сословіе и заставить заговорить о себѣ, о своихъ правахъ; посему на обязанности каждаго члена этого Союза лежитъ священный долгъ вести усиленную агитацію въ угнетаемой и отзывчивой на требованія справедливости рабочей массѣ. Услуга эта не останется забытой потомствомъ, и славное имя его, какъ апостола евангельской истины, занесется въ лѣтописи исторіи.

Рабочіе! васъ мы зовемъ теперь, къ вашему голосу совѣсти и сознанію обращаемся мы.

Великая социальная борьба уже началась—и намъ нечего ждать; наши западные братья уже подняли знамя освобожденія миллионовъ—и намъ остается только примкнуть къ нимъ. Рука объ руку съ ними пойдёмъ мы впередъ и въ братскомъ единеніи сольемся въ одну грозную боевую силу.

На насъ, рабочіе, лежитъ великое дѣло — дѣло освобожденія себя и своихъ братьевъ, на насъ лежитъ обязанность обновленія міра, утопающаго въ роскоши и истощающаго наши силы—и мы должны дать его.

Вспомните, кто первый откликнулся на великія слова Христа, кто первый былъ носителемъ его ученія о любви и братствѣ, перевернувшего весь старый міръ?—простые поселяне... Мы тоже зовемся къ проповѣди, мы тоже призываемся быть апостолами новаго, но въ сущности только непонятаго и позабытаго ученія Христа. Насъ будутъ гнать, какъ гнали первыхъ христіанъ, насъ будутъ бить и издѣваться надъ нами, но будемъ неустрашимы и не постыдимся ихъ поруганій, такъ какъ одно это озлобленіе противъ насъ покажетъ намъ ихъ безсиліе въ борьбѣ съ нравственнымъ величіемъ идей, въ борьбѣ съ той силою, какую мы представимъ собою.

«Вы развращаете міръ, скажутъ намъ, вы разрушаете семью, вы попираете собственность и оскверняете религію».

Нѣтъ, будемъ отвѣчать имъ, не мы развращаемъ міръ, а вы, не мы причиною зла, а вы. Напротивъ, мы идемъ обновить міръ, возродить семью, установить собственность, какъ она должна быть, и воскресить великое ученіе Христа о братствѣ и равенствѣ...

Рабочіе! становитесь смѣло подъ наше знамя социального переворота, сомкнитесь въ дружную, братскую семью и, опоясавшись духовнымъ мечемъ истины, идите проповѣдовать свое ученіе по городамъ и селамъ!

Ваше будущее лежитъ въ этой спасительной пропагандѣ, и вашъ успѣхъ зависитъ отъ нравственной силы вашей; съ нею мощны вы, съ нею вы покорите міръ. Знайте, что въ васъ заключается вся сила и значеніе страны, вы—плоть и кровь государства, и безъ васъ не существовало бы другихъ классовъ, сосущихъ теперь вашу кровь. Вы смутно сознаете это, но у васъ

нѣтъ организаціи, нѣтъ идеи, которой бы вы руководились, нѣтъ, наконецъ, нравственной поддержки, столь необходимой для дружнаго отпора врагу. Но мы, рабочіе-организаторы Сѣвернаго Союза, даемъ вамъ эту руководящую идею, даемъ вамъ нравственную поддержку въ сплоченіи интересовъ и, наконецъ, даемъ ту организацію, въ какой нуждается вы.

Итакъ, за вами, рабочіе, послѣднее слово, отъ васъ зависитъ участь великаго Союза и успѣхъ соціальной революціи въ Россіи!

Эта программа «Союза» была написана и издана въ январѣ 1879 г., кажется, еще до ареста Обнорскаго, во всякомъ случаѣ все сдѣлано было съ его согласія и согласія Халтурина. Она помѣчена 11-мъ января 1879 года.

Приблизительно въ то же время землевольцы по просьбѣ «Союза», напечатали слѣдующую прокламацію:

Рабочимъ отъ центрального комитета «Сѣвернаго Союза русскихъ рабочихъ».

Братья!

Вамъ уже извѣстно, что надняхъ въ Петербургѣ было двѣ стачки рабочихъ: на фабрикѣ Шау и на Новой Бумагопрядильнѣ. Эти стачки были вызваны тѣмъ бѣдственнымъ положеніемъ, которое испытываютъ рабочіе, при ничтожномъ вознагражденіи за трудъ. Но одна стачка скоро должна была прекратиться, потому что всѣ рабочіе были объявлены бунтовщиками и расчисланы. 250 человекъ оказались совсѣмъ безъ работы, пищи и крова. Стачка на Новой Бумагопрядильнѣ продолжаетъ держаться; но неизвѣстно, какъ долго продлится, если мы не употребимъ со своей стороны всѣхъ усилій. Рабочіе ходили къ башибузуку Зурову ¹⁾ заявить о своихъ требованіяхъ, но по дорогѣ были разогнаны жандармами и жестоко избиты: 11 человекъ отправлены въ больницу; десятки нашихъ товарищей сидятъ по разнымъ частямъ и въ пересыльной тюрьмѣ.

Остается только надѣяться на себя и на своихъ братьевъ — рабочихъ.

Рабочіе! Наше одинаково бѣдственное положеніе требуетъ, чтобы мы стояли и, насколько можно, помогали другъ другу. Вы знаете, что у насъ, рабочихъ Сѣвернаго Союза, существуетъ касса, деньги изъ которой идутъ главнымъ образомъ на поддержку стачечниковъ. Наша цѣль — помогать всѣмъ безъ исключенія рабочимъ во время тяжкихъ невзгодъ. Наши интересы есть ваши, и нашъ успѣхъ въ борьбѣ съ кровопійцами-хозяевами зависитъ отъ дружнаго дѣйствія.

Окажемъ же посильную поддержку своимъ братьямъ и будемъ жертвовать всѣмъ, чѣмъ только можемъ, для праваго дѣла. Поэтому мы приглашаемъ всѣхъ сочувствующихъ доставлять пожертво-

¹⁾ Петербургскій градоначальникъ того времени.

ванія въ нашу кассу, откуда они пойдутъ немедленно по назначенію.

Еще остается сказать намъ братское слово къ бывшимъ рабочимъ Шау и рабочимъ Новой Бумагопрядильни.

Братья, боритесь и стойте за свое дѣло, насколько хватитъ вашихъ и нашихъ силъ. Этимъ вы покажете свою силу, и наши притѣснители побоятся потомъ поступать съ рабочими, какъ съ собаками.

Знайте, что мы, рабочіе Союза, готовы помочь вамъ всѣмъ, чѣмъ можемъ, и до послѣдней крайности. Вы не одни—мы съ вами и всегда за васъ, а насъ здѣсь теперь цѣлыя сотни. Кликните только кличь, и мы всегда первые отзовемся на ваши слова и первые встанемъ на вашу защиту.

Полнаго успѣха желаемъ вамъ отъ всѣхъ нашихъ братскихъ сердецъ.

Печ. въ „Петербургской Вольной типографіи“ 24 января 1879 г.

Та же типографія «Земли и Воли» приблизительно въ то же время напечатала три слѣдующія любопытныя прокламаціи:—онѣ, кажется, не принадлежать «Союзу», и, по словамъ одного изъ самыхъ крупныхъ землевольцевъ, Дм. А. Клеменца,—о томъ же говорить и г. Плехановъ въ своей книжкѣ «Русскій рабочий»,—были написаны какими-то рабочими по собственной инициативѣ,—поэтому онѣ представляютъ еще большій интересъ для характеристики настроенія рабочихъ того времени.

I.

Отъ ткачей Новой Бумагопрядильни, что на Новой Канавѣ, къ рабочимъ всѣхъ фабрикъ и заводовъ.

Братья!

У насъ, на Новой Канавѣ, назначили выгнать 44 человѣка.

Ихъ называютъ бунтовщиками, заводчиками ко всѣмъ стачкамъ.

А мы такъ понимаемъ, что они стояли за наши права, не хотѣли покоряться фабричнымъ шпикамъ.

Мы бросили работу и не пойдѣмъ на фабрику, покуда не согласятся оставить ихъ на мѣстѣ.

Разсудите вы сами, справедливы-ли наши требованія.

Разсудите вы также сами—по правдѣ-ли мы поступаемъ, требуя:

1) Чтобы не работать больше по 14 часовъ въ день, а чтобы начиналась работа въ 6 ч. утра и кончалась въ 7 ч. вечера; чтобы изъ этого былъ часъ на обѣдъ и полчаса на завтракъ.

2) Чтобы намъ прибавили по 5 коп. на кусокъ.

3) Чтобы прогнали съ фабрики не нашихъ товарищей, а тѣхъ мастеровъ и подмастерьевъ, которые фискалятъ за нами. Имена

ихъ намъ извѣстны, мы составимъ ихъ списки и подадимъ начальству; пусть выгоняютъ или дадутъ расчетъ всѣмъ намъ,—а мы съ ними работать не согласны.

4) Чтобы при браковщинѣ были выборные изъ нашихъ-же рабочихъ; тогда нельзя будетъ мошенничать и вымогать магарычи.

5) Чтобы не было больше штрафовъ, а больше всего за поломку вилокъ въ машинѣ—вѣдь безъ поломки работать нельзя.

6) Чтобы, когда случится не работать по хозяйской винѣ—материалу нѣтъ или съ хозяиномъ неудовольствіе—намъ платили какъ за полное рабочее время. И теперь, сколько бы ни прогуляли, долженъ онъ заплатить, какъ будто мы все время работали—самъ онъ виноватъ, что довелъ насъ до стачки.

Братья!

У насъ, на Новой Канавѣ, стачка уже не первый разъ.

Недавно также стачка была у Кенига за Нарвской заставой—каждый разъ мы писали просьбы, обивали пороги у всякаго начальства—теперь мы видимъ, что начальство стоитъ за хозяевъ, а не за рабочихъ, и никогда хозяина на рабочихъ не смѣняетъ!

Что же намъ дѣлать? Неужели же позволять хозяевамъ мудрить надъ нами, какъ имъ вздумается? Оттого надъ нами и брали верхъ, что не дружно мы стояли. Не только съ разныхъ мастерскихъ, а съ разныхъ фабрикъ должны помогать другъ другу.

Многіе изъ насъ есть семейные: будетъ длиться долго стачка—не станутъ выдавать изъ лавокъ въ долгъ, имъ нельзя будетъ держаться.

Поддержите насъ—соберите у себя сборъ, кто что можетъ: мы назначимъ у себя выборныхъ и дадимъ кому побѣднѣе.

Если всѣ мы будемъ дружно держаться—хозяева должны будутъ уважить наши требованія: вѣдь, они отъ нашихъ трудовъ только и живутъ, нашей кровью богатѣютъ, каждый день, что мы не работаемъ—имъ нѣсколько тысячъ убытку. Когда до васъ коснется, мы поддержимъ васъ—и ваши требованія будутъ уважены.

Такъ и будетъ всегда!

Всѣ за одного, одинъ за всѣхъ!

16 января 1879 года.

II.

Отъ рабочихъ фабрики Шау всѣмъ петербургскимъ рабочимъ.

Братья!

15 числа вышла забастовка на Новой Канавѣ.

Теперь мы, рабочіе отъ Шау, пристали къ нимъ и не пойдемъ на фабрику, покуда хозяинъ не уважить всѣхъ нашихъ требованій.

А требуемъ мы вотъ что:

1) Чтобы на каждый вытканый кусокъ прибавили платы по 5 коп.

2) Чтобы прогульные дни не считались, если самъ хозяинъ виноватъ въ прогулѣ.

3) Чтобы основы выдавали хорошія, и чтобы матеріалъ выдавался при нашихъ выборныхъ.

4) Чтобы товаръ не браковали зря; чтобы за этимъ тоже наблюдали наши выборные.

5) Чтобы не штрафовали за поломъ инструмента, за отсутствіе изъ фабрики по болѣзни или надобности и пр.

6) Чтобы за харчи платить не въ конторѣ, какъ теперь, а въ лавкѣ по получкѣ денегъ на руки.

7) Чтобы на больницу платилось не по 1¹/₄ коп. съ рубля, какъ теперь, а по 10 коп. съ человѣка въ мѣсяцъ.

8) Чтобы за кипятокъ на фабрикѣ рабочіе не платили.

9) Чтобы утромъ давалось время отъ 8¹/₂ до 9 час. на завтракъ.

10) Чтобы наканунѣ праздниковъ работа кончалась не въ 6 час. утра, какъ теперь, а въ 9 вечера.

11) Чтобы газовыя горѣлки расположить, какъ лучше для работы; мы сами укажемъ мѣсто для нихъ; а то теперь въ иныхъ мѣстахъ вовсе свѣту нѣтъ.

12) Чтобы прогнать съ фабрики подмастерьевъ: Никифора Арсентьева, Нефёда Ефимова, Николая Волкова и шпульника Кирилла Симонова. Намъ отъ нихъ житья нѣтъ, и мы съ ними не хотимъ работать.

13) За время стачки денегъ отъ насъ не вычитать, потому что мы не работаемъ не по своей винѣ, а по упорству хозяевъ.

14) Чтобы никого изъ насъ не брали въ полицію за то, что не работаемъ, а тѣхъ, что теперь забрали, пусть выпускаютъ.

У каждого много неудовольствій на хозяина; много разъ пытались мы дѣйствовать по-одиночкѣ. Рѣдко когда выходило на нашу сторону, а чаще мы же кланялись хозяевамъ, чтобы опять приняли къ себѣ.

Да врозь намъ и тягаться нечего. У нихъ деньги, за нихъ начальство; каждый разъ, чуть что заговарятъ рабочіе—сейчасъ: «вы бунтовщики, васъ за это туда, сюда»!

Теперь надо попробовать дѣйствовать дружно, вмѣстѣ!

Вѣрьте, братья, такъ лучше будетъ. Вѣдь, насъ здѣсь однихъ фабричныхъ—сила, пусть-ка они попробуютъ одолѣть насъ всѣхъ.

Теперь мы такъ и будемъ дѣлать. Какъ гдѣ бросили работу, другіе—чтобы помогать: самимъ нельзя пристать, такъ хоть деньгами помочь. Особенно теперь у насъ: лавачка хозяйская—не станеть давать въ долгъ, исхарчимъ деньги—что тутъ дѣлать?

Всѣхъ мы васъ просимъ: помогите намъ. Будетъ у васъ нужда—не оставимъ и мы васъ. Мы такъ съ новоканавскими и

порѣшили: покуда будемъ вмѣстѣ страдать, а чей хозяинъ прежде уступить, тѣмъ помогать другимъ.

Поддержите насъ, не дайте въ обиду хозяевамъ.

Долго мы терпѣли всякія неправды, долго ждали, не заступится-ли за насъ кто повыше. Теперь пускай отъ насъ потеряетъ: плохо придется имъ всѣмъ, когда мы возьмемся за умъ, когда всѣ будемъ стоять другъ за друга и отвѣчать.

Всѣ за одного—одинъ за всѣхъ.

17 января 1879 г.

III.

*Голосъ рабочаго народа, живущаго и работающаго у под-
леца Макселя.*

Полно намъ, друзья, спать; пора проснуться и за дѣло взяться!

Мы живемъ пятый годъ въ домѣ Макселя. Общались намъ хозяинъ всякихъ милостей, да не дождаться намъ отъ него ничего, какъ отъ козла, ни шерсти, ни молока.

Вогнали насъ жить въ домъ Макселя, да заставили платить за уголь по 2 р. 25 к. въ мѣсяцъ съ каждаго человѣка. Теперь, братцы, насъ живетъ тутъ болѣе 900 человѣкъ, значить, за четыре-то съ лишнимъ года мы заплатили хозяину за одну квартиру болѣе 85 тысячъ. А онъ, свинья, не доволенъ нами, и если кто захочетъ по своей надобности выѣхать изъ этого проклятаго гнѣзда, такъ сейчасъ дастъ расчетъ и говорить:

— А! Такъ ты хочешь получать жалованье, а не хочешь у хозяина въ домѣ жить! Хозяинъ тебя кормить,—значить, ты ему и свой заработокъ отдай; а не хочешь—ступай на всѣ четыре стороны! А нешто, братцы, кормить насъ онъ? Вишь, бѣдный, самъ голодомъ сидитъ!—видно оттого у него и пузо-то лопнуть хочетъ! Нѣтъ, братцы! онъ отъ насъ только и кормится! Мы ему каждый день зарабатываемъ не одну тысячу! Вспомните, братцы! когда онъ насъ насильно гналъ жить въ свой домъ, такъ говорилъ, что въ домѣ будетъ и училище, и родильная комната, и для свадебъ комната!

А теперь что есть?

Такъ будемъ, друзья, поумнѣй! Не будемъ больше платить по 2 р. 25 к. въ мѣсяцъ за квартиру, а будемъ давать только 1 р. 20 к. А то скоро, пожалуй, хозяинъ совѣмъ разжирѣетъ,—сядетъ на насъ да и поѣдетъ.

И безъ того мы ему вмѣсто 50 аршинъ работаемъ 55, а получаемъ всего 40 копѣекъ. Также и на мюльныхъ: вмѣсто 33-го номера, работаютъ на 35-омъ, а получаютъ за 33-ій.

Вотъ какъ намъ хозяинъ заработокъ отдаетъ!

Это, братцы, очень обидно!

Встанемъ же подружнѣй, надавимъ хозяина, подлеца, посиленѣй, да будемъ говорить посмѣлѣй!

Братцы! всѣ за одного, одинъ за всѣхъ!

8 февраля 1879 г.

Въ отвѣтъ на программу «Союза», а также имѣя въ виду и всѣ прокламаціи, выше нами перепечатанныя, редакція «Земли и Воли» въ 4 №, вышедшемъ 20 февраля 1879 г., помѣстила двѣ передовыя статьи. Авторъ первой статьи, г. Плехановъ, признаетъ, что до тѣхъ поръ революціонеры не достаточно обращали вниманіе на фабричныхъ рабочихъ, и говоритъ о крупной роли, которую рабочіе должны будутъ играть въ дѣлѣ созданія боевой народно-революціонной организаціи подъ знаменемъ Земли и Воли. Онъ горячо привѣтствуетъ попытку организаціи рабочихъ въ «Сѣверный Союзъ»:

Во второй статьѣ «Земли и Воли», принадлежащей Д. А. Клеменцу, находимъ обстоятельный разборъ программы «Союза». Авторъ статьи писалъ:

«Сдѣлается ли «Сѣверный Союзъ» какъ надѣются, его основатели, «великимъ союзомъ», который сплотитъ воедино всѣ социально-революціонные элементы на Руси, или же онъ ограничится болѣе скромной ролью мѣстной группы, очагомъ революціоннаго движенія петербургскихъ рабочихъ и тяготящихся къ нему окрестностей,—во всякомъ случаѣ мы привѣтствуемъ этотъ первый опытъ самостоятельной социалистической организаціи русскихъ рабочихъ, гласно выступившихъ на борьбу съ эксплуататорами.

«Теперь мы можемъ уже сказать, что великая истина: «освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ»—отнынѣ становится для русскаго рабочаго не только теоретическимъ положеніемъ, но и лозунгомъ его практической революціонной дѣятельности.

«Движеніе петербургскихъ рабочихъ, выразившееся въ послѣднее время весьма недвусмысленно въ многочисленныхъ стачкахъ, общее критическое положеніе дѣлъ въ нашемъ отечествѣ—все это заставляетъ насъ сказать нашимъ дорогимъ товарищамъ, основателямъ и членамъ «Сѣв. Союза»:—вы выступаете теперь на политическое поприще, какъ нельзя болѣе своевременно, какъ нельзя болѣе кстати.

«Недалекъ тотъ моментъ, когда русскому трудящемуся классу придется не только предъявлять свои права, но и коллективно ихъ отстаивать среди открытой политической и экономической борьбы.

«Признавая всю серьезность совершившагося на нашихъ глазахъ явленія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ считаемъ себя обязанными и высказаться откровенно и серьезно по поводу него.

«За короткій періодъ своего существованія «Сѣв. Союзъ» не

дать намъ еще возможности судить его по дѣламъ его (этого, конечно, наши товарищи не примутъ за упрекъ имъ),—передъ нами только его программа и планъ организаціи, мы и остановимся на нихъ.

«Въ теоретической части программы «Сѣв. Союза» мы не видимъ, къ сожалѣнію, полной послѣдовательно развитой системы воззрѣній, а скорѣе смѣшеніе программъ различныхъ социалистическихъ партій.

«Отрицаніе государства и требованіе коммунальной автономіи зачисляетъ нашихъ товарищей въ лагерь социалистовъ-революціонеровъ, каковыми мы и сами желали бы видѣть членовъ «Сѣв. Союза»,—а послѣдующіе параграфы программы прямо взяты изъ катехизиса нѣмецкихъ социаль-демократовъ.

«Вопросу о вліяніи политической свободы въ дѣлѣ борьбы эксплуатируемыхъ съ эксплуататорами посвящается слишкомъ много времени и рѣшается онъ въ программѣ слишкомъ категорически въ утвердительномъ смыслѣ,—а положенія революціонной программы о значеніи пропаганды фактами, объ активной борьбѣ, даже не дебатируются.

«О воззрѣніяхъ «Сѣв. Союза» на этотъ предметъ можно догадываться только потому, что онъ включилъ стачки въ число признанныхъ орудій борьбы и пропаганды.

«Статьи программы, касающіяся городскихъ рабочихъ, развиты весьма подробно: (по программѣ нѣмецкихъ социаль-демократовъ): говорится и объ отмѣнѣ женскаго и дѣтскаго труда, и о нормальномъ рабочемъ днѣ—аграрные же вопросы оставлены втуне.

«Неизвѣстно, намѣренъ ли «Сѣв. Союзъ» требовать всеобщаго крестьянскаго передѣла земли или же онъ думаетъ подойти къ этому вопросу путемъ послѣдовательныхъ реформъ, въ родѣ отмѣны выкупныхъ платежей за землю, переразвертки надѣловъ и т. д.

«Впрочемъ, каковы бы ни были недостатки этой программы, никто не можетъ сомнѣваться въ томъ, то она—программа социалистовъ, активныхъ дѣятелей, а не пассивныхъ созерцателей гармоніи будущаго».

Далѣе авторъ находитъ ошибки «Союза» въ организаціонной части его программы, указываетъ на возможность провала, благодаря недостаточности кооперативности, говорить о недостаткахъ изложенія программы и т. д.

Свою статью авторъ кончаетъ такими словами:

«Обращаясь въ первый разъ къ собратьямъ съ печатнымъ словомъ, «Сѣв. Союзу» не грѣхъ-бы помянуть и тѣхъ изъ своихъ предшественниковъ рабочихъ, которые своими страданіями, жизнью и смертью положили первые камни социальнo-революціоннаго движенія на Руси. Мы говоримъ о Крыловѣ, Малиновскомъ, Петрѣ Алексѣевѣ, Зарубаевѣ и др.

«Кто же будетъ помнить ихъ, когда ихъ не вспомнятъ рабочіе?»

«Сдѣлавъ эти замѣчанія, намъ остается только снова привѣтствовать нашихъ товарищей въ ихъ благомъ начинаніи.

«Товарищи, не смущайтесь ни промахами, ни неудачами, ни опасностями, которыя стоятъ на вашемъ пути! Вы развернули знамя—держите его смѣло и крѣпко, не смущайтесь ничѣмъ, даже клеветой своихъ собратій, которые уже успѣли высунуть свое жало противъ васъ при самомъ началѣ вашей дѣятельности.

«Вы понимаете, о комъ и о чемъ мы говоримъ.

«Доведете-ли вы свое дѣло до конца или сила злобы раздавитъ васъ на полпути, какъ раздавила вашихъ предшественниковъ—все равно: ваше дѣло, ваши жертвы не пропадутъ. Вамъ обезпечено почетное мѣсто на страницахъ исторіи и благодарная память потомства.

«Намъ нѣтъ надобности напоминать вамъ, что столбцы «Земли и Воли» открыты для вашихъ заявленій и для вашего сотрудничества».

На статью въ 4 № «Земли и Воли» о «Союзѣ» члены «Союза» отвѣчали редакціи открытымъ письмомъ, помѣщеннымъ въ 5 № «Земли и Воли», перепечатаннымъ въ «Русской журналистикѣ семидесятихъ годовъ», изд. подъ ред. Базилевскаго (стр. 434—440). Письмо это такъ характерно, что всѣ, кто заинтересуется изученіемъ вопроса, поднятаго въ настоящей статьѣ, прочтутъ это письмо цѣликомъ.—Мы же только дадимъ нѣсколько слѣдующихъ любопытныхъ отрывковъ изъ «Письма въ редакцію отъ рабочихъ «Сѣвернаго Союза»:

«Съ выраженіемъ крайняго сочувствія и одобренія прочли мы ваши краткія, немногословныя, но искреннія и честныя замѣчанія, помѣщенныя въ № 4 «Земли и Воли», по поводу нашей программы. Послѣ того, что многимъ изъ насъ пришлось слышать, эти замѣчанія, эта искренность тона, съ какою вы обращаетесь къ намъ, были, признаться, довольно неожиданны. Дѣйствительно, насъ называли выскочками, упрекали въ недомыслии, противорѣчіяхъ, упрекали за слогъ, а многіе даже прямо относились съ недовѣріемъ, видя въ нашей программѣ произведеніе интеллигентныхъ рукъ, написанное больше для «острастки», и посему ничего не выражающее собою (до того еще не довѣряютъ нашимъ силамъ, до того еще привычка смотрѣть на насъ, какъ на неспособную скотину, вкоренена во многихъ)...

«Мы сплываемся, организуемся, беремъ близкое нашему сердцу знамя соціальнаго переворота и вступаемъ на путь борьбы. Но мы знаемъ также, что политическая свобода можетъ гарантировать насъ и нашу организацію отъ произвола властей, дозволить намъ правильнѣе развить свое міровоззрѣніе и успѣшнѣе вести дѣло пропаганды,—и вотъ мы, ради сбереженія своихъ силъ и скорѣйшаго успѣха, требуемъ этой свободы, требуемъ отміны разныхъ стѣснительныхъ «положеній» и «уложеній». Такое требованіе тѣмъ болѣе удобовыполнимо, что оно по вкусу говорунамъ—этимъ дѣятелямъ будущей всероссійской говорилки, слѣдовательно, на

осуществленіе его разсчитывать не такъ трудно. Да не подумаютъ, чтобы и въ самомъ дѣлѣ политическая свобода входила въ наши особенные планы и разсчеты, и для нея мы отводили столь же почетное мѣсто, какъ и для основнаго нашего требованія. Нѣтъ, мы только говоримъ, что такъ было бы лучше, что эта свобода всетаки очень важное условіе для скорѣйшаго переворота и болѣе или менѣе осмысленнаго рѣшенія соціальнаго вопроса; а осмысленность въ движеніи, какъ и сами знаете, есть въ свою очередь опять весьма важное условіе для желаннаго исхода революціи. Этимъ мы вовсе не хотимъ сказать, что ради осмысленности соціальной революціи, мы желали бы ее оттянуть на безконечно-длинное время. Вовсе нѣтъ, мы только говоримъ, что нужно пользоваться всѣмъ, что можно достать, нужно обращать вниманіе на все, что окажетъ услугу въ нашемъ дѣлѣ.

«Гораздо важнѣе для насъ ваши замѣчанія относительно нашихъ недостатковъ и пробѣловъ по аграрному вопросу. Дѣйствительно, мы уже черезчуръ увлеклись разсмотрѣніемъ своего городского положенія, черезчуръ пропитались духомъ различныхъ программъ Запада, и вотъ оказалось, что для нашей деревни въ своей программѣ мы отвели очень немного мѣста. Но да извиняютъ насъ за этотъ промахъ, тѣмъ болѣе, что забывать деревню не есть дѣло нашего ума и чувства. Для насъ сколько же дорогъ мужичекъ съ его родными лѣсами, какъ и фабричный, а улучшеніе быта перваго даже важнѣе, потому что тогда ни одинъ кулакъ не вызвалъ бы насъ съ своихъ полей служить своему ненасытному брюху...

«Увеличеніе надѣловъ сообразно потребностямъ семьи, насчетъ незанятыхъ и помѣщичьихъ земель, узаконеніе только тѣхъ повинностей, которыя прямо идутъ на удовлетвореніе нуждъ и потребностей крестьянской общины и на устройство школъ и сельскохозяйственныхъ училищъ,—вотъ что въ общихъ чертахъ можемъ добавить къ своей программѣ и выставить съ своей стороны необходимыми требованіями...

«При слабости еще организаціи, при недостаткѣ энергичныхъ боевыхъ силъ, наша дѣятельность въ массѣ будетъ носить на себѣ характеръ пропаганды и мирной агитаціи въ средѣ рабочаго и крестьянскаго люда. Но этимъ мы вовсе не хотимъ сказать, что болѣе или менѣе открытая борьба, какъ активное участіе и агитація во время стачекъ, исключается пока изъ нашей программы дѣйствій. Напротивъ, мы должны пользоваться всѣми удобными моментами, всѣми случаями, гдѣ бы могли открыто заявить свою силу, какъ единичную, такъ и массовую. Если вы понимаете насъ и если сознаете всю важность правильной постановки и рѣшенія вопросовъ въ дѣлѣ нашей организаціи, то и не будете слишкомъ требовательны къ намъ, какъ, повидимому, желалось бы многими»

Воззваніе «Союза» попало и въ Польшу. Какое оно произвело тамъ впечатлѣніе, мы объ этомъ можемъ отчасти судить по очень интересному имѣющемуся въ нашемъ распоряженіи, изданію, напечатанному

всего въ 14 экз. въ типографіи Варшавскаго Жандармскаго Округа «исключительно для лицъ, наблюдающихъ за производствомъ дознаній». Это изданіе озаглавлено: «Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Царствѣ Польскомъ съ 1877 г. по 1885 г.» (4 тома) и представляетъ собою «итоги разслѣдованій прокурора Варшавской Судебной Палаты по дѣламъ о революціонномъ (патріотическомъ и социалистическомъ) движеніи въ Царствѣ Польскомъ».

Въ 1-мъ томѣ, на стр. 31—33, между, прочимъ говорится слѣдующее о социалистическомъ движеніи въ Польшѣ въ 1879 г.:

«Изъ обнаруженныхъ при обыскахъ документовъ, имѣющихъ характеристическое значеніе для опредѣленія направленія и дѣйствій пропаганды, обращаютъ на себя вниманіе двѣ рукописи, на польскомъ языкѣ, отобранныя у слесаря Бѣлицкаго; первая изъ нихъ носитъ названіе «Программа Сѣвернаго Союза Русскихъ Рабочихъ». Составляя какъ-бы результатъ какого-то постановленія Петербургскихъ рабочихъ на общемъ ихъ собраніи 23 и 30 дек. 1878 г. программа эта говоритъ объ образовавшемся общероссійскомъ союзѣ рабочихъ, цѣли которыхъ тѣсно связаны съ цѣлями социально-революціонной партіи Запада и стремятся:

Во 1-хъ, къ уничтоженію существующаго политическаго и экономическаго государственнаго устройства.

Во 2-хъ, къ образованію свободной федераціи народныхъ общинъ, основанныхъ на принципѣ полной политической равноправности и внутренняго самоуправленія, согласно принципамъ общаго русскаго права.

Въ 3-хъ, къ уничтоженію индивидуальной земельной собственности и замѣнѣ ея общиннымъ владѣніемъ.

Въ 4-хъ, къ правильной организаціи коллективной работы и правъ рабочихъ-производителей на продукты и орудія труда.

Далѣе идетъ разъясненіе въ подробностяхъ о способѣ достиженія этихъ цѣлей и воззваніе къ рабочимъ, приглашающее ихъ сплотиться для будущей борьбы»...

Изъ дознанія, по словамъ автора «Матеріаловъ», выяснилось, что программа эта была неоднократно читана на сходкахъ с.-р. молодежи и рабочихъ и «раздавалась на руки нѣкоторыхъ рабочихъ, которые заслуживали особаго довѣрія и были достаточно подготовлены, чтобы организовывать самостоятельные кружки»... По этому дѣлу была заарестована преимущественно молодежь изъ бывшихъ и окончившихъ учениковъ Варш. III-ей гимназіи. Всего арестовали 14 интеллигентовъ и 9 рабочихъ. Инициаторами с.-р. кружковъ были студенты: Рогальскій, Каз. Плавинскій и Шпотанскій.

«На участниковъ дѣла сильное вліяніе оказала русская революціонная литература: «Земля и Воля», «Начало», «Впередъ» и др. «Программа Сѣвернаго Русскаго Рабочаго Союза» была доставлена въ Варшаву бывшимъ ученикомъ Варшавской III-ей гимназіи Бушкевичемъ».

Мы знаемъ, что на воззваніе «Союза» поляки отвѣчали тоже воззваніемъ, но его, къ сожалѣнію, мы пока не нашли.

Дѣятельность «Союза» съ весны 1879 г. намъ почти-что совершенно неизвѣстна. Мы знаемъ, что Халтуринъ и послѣ ареста Обнорскаго упорно занятъ былъ организаціей рабочихъ и созданіемъ типографіи для органа, но неудачи его преслѣдовали. Въ концѣ концовъ онъ пришелъ къ заключенію, что обширныя и вліятельныя рабочія организаціи были невозможны при тогдашнихъ политическихъ условіяхъ, и потому на первый планъ поставилъ борьбу за политическую свободу, борьбу противъ самодержавія и непосредственно противъ Александра II. Когда ему удалось, какъ хорошему слесарю, получить работу въ Зимнемъ Дворцѣ, онъ предложилъ Исполнительному Комитету партіи Народной Воли собственный планъ новаго террористическаго акта,—и нѣсколько мѣсяцевъ посвятилъ на выполненіе этой задачи.

Какъ шли дѣла «Союза», когда Халтуринъ работалъ надъ приготовленіемъ взрыва въ Зимнемъ Дворцѣ, мы не знаемъ. Кажется, своихъ связей съ своими друзьями-рабочими онъ не прекращалъ и въ этотъ народовольческій періодъ своей дѣятельности, и во время пребыванія во дворцѣ,—подъ его руководствомъ продолжалась пропаганда и организація петербургскихъ рабочихъ и подготавлился рабочій органъ. Въ февралѣ 1880 г., чрезъ нѣсколько дней послѣ взрыва въ Зимнемъ Дворцѣ, друзьямъ Халтурина,—не знаю, выступали-ли они тогда, какъ члены «Союза»,—удалось выпустить 1-й и единственный номеръ своего журнала «Заря Рабочаго». Этотъ № и набирался, и печатался, и составлялся, и редактировался самими рабочими. Намъ не удавалось пока приобрести этого органа. Судя по двумъ краткимъ замѣткамъ въ 1 и 2 №№ «Листка Народной Воли», типографія «Зари Рабочаго» вмѣстѣ съ очень многими рабочими была взята въ концѣ февраля 1880 г.; вскорѣ послѣ отпечатанія 1-го №,—полиціи удалось захватить почти цѣликомъ все изданіе, и спасено было очень небольшое число его экземпляровъ.

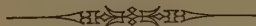
«Сѣверный Союзъ русскихъ рабочихъ» болѣе не возобновлялся. Какъ нѣчто аналогичное ¹⁾ ему, въ 1880 г. на югѣ возникъ «Южно-русскій рабочій союзъ» по инициативѣ Е. Н. Ковальской и Щедрина. На сѣверѣ дѣло пропаганды среди рабочихъ переходитъ въ руки народовольцевъ. Они еще въ 1880 г. сьорганизовали рабочіе кружки въ Петербургѣ и въ провинціи. Въ концѣ 1880 г., главнымъ образомъ при участіи Желябова и Коковскаго (ум. въ 1881 г.), была выработана замѣчательная программа рабочихъ членовъ партіи Народной Воли и начала выходить «Рабочая Газета». Съ какой энергіей и съ какимъ увлеченіемъ велась народовольцами эта пропаганда,

¹⁾ Объ этомъ Ю.-Р. Р. Союзѣ см. воспоминанія Е. Н. Ковальской въ № 6 „Былого“ (заграничнаго).

можно видѣть изъ воспоминаній о Коковскомъ («Вѣстникъ Народной Воли» 1885 г. № 4,—тоже перепечатано въ 5 № «Былое»—загран. изданіи), изъ статьи о пропагандѣ въ Ростовѣ-на-Дону въ 1882—1884 гг. (5 № «Былого») и т. д. Среди распропагандированныхъ рабочихъ той эпохи можно указать на просидѣвшихъ въ послѣдствіи по 15—20 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости Мартынова, Панкратова, Антонова,—на повѣшеннаго Тим. Михайлова, на Моисеенко,—организатора стачки на Морозовской фабрикѣ въ январѣ 1885 г., одной изъ лучшихъ, историческихъ стачекъ,—на Коміенко, сосланнаго на Сахалинъ, и на цѣлый рядъ именъ другихъ рабочихъ.

Соціаль - демократическія организаціи, возникшія съ конца 80-хъ гг., а потомъ организаціи социалистовъ-революціонеровъ въ половинѣ 90-хъ гг. нашли въ рабочей средѣ добрую почву, вспаханную ихъ предшественниками. Они взяли въ свои руки дѣло пропаганды и агитаціи среди рабочихъ, начатое въ 60-хъ и 70-хъ годахъ и продолженное въ началѣ 80-хъ гг. партіей Народной Воли.

Влад. Бурцевъ.

Засѣданіе Государственнаго Совѣта 8 марта 1881 года.

Помѣщаемъ доставленныя намъ въ высшей степени интересныя страницы изъ дневника виднаго государственнаго дѣятеля, относящіяся до знаменитаго засѣданія Государственнаго Совѣта, обсуждавшаго проектъ представительства—весьма скромнаго,—предложенный гр. Лорисъ-Меликовымъ. Авторъ дневника по наброскамъ, сдѣланнымъ имъ въ засѣданіи, воспроизвелъ затѣмъ многочисленныя рѣчи, тамъ произнесенныя.

„Когда всѣ заняли мѣста, Его Величество Императоръ Александръ III, не безъ нѣкотораго смущенія, сказалъ:

„Господа! Я собралъ васъ, сегодня, несмотря на переживаемое нами крайне тяжелое время, для обсужденія одного вопроса, въ высшей степени важнаго. Графъ Лорисъ-Меликовъ, озабочиваясь возможно всестороннимъ разсмотрѣніемъ предположеній, которыя будутъ выработаны послѣ окончанія сенаторскихъ ревизій, а также для удовлетворенія общественнаго мнѣнія, докладывалъ покойному Государю, о необходимости созвать представителей отъ земствъ и городовъ. Мысль эта въ общихъ чертахъ была одобрена покойнымъ моимъ отцомъ, который приказалъ обсудить ее подробно въ особомъ совѣщаніи подъ предѣлательствомъ графа Валюева, при участіи моемъ, великаго князя Константина Николаевича и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Журналъ совѣщанія, которое въ сущности согласилось съ проектомъ, былъ представленъ Его Величеству и имъ одобренъ. Покойный Государь сдѣлалъ, однако, нѣкоторыя замѣтки относительно частностей. Намъ предстоитъ обсудить эти замѣтки. Но прошу васъ быть вполне откровенными и говорить мнѣ ваше мнѣніе относительно всего дѣла, нисколько не стѣняясь. Предваряю васъ, что вопросъ не слѣдуетъ считать предрѣшеннымъ, такъ какъ покойный батюшка хотѣлъ, прежде окончательнаго утвержденія проекта, созвать для окончательнаго его разсмотрѣнія Совѣтъ Министровъ“.

Слово было предоставлено членамъ засѣданія. За проектъ Лорисъ-Меликова высказывались Сольскій, Абаза, гр. Валуевъ, гр. Милютинъ, вел. кн. Константинъ Николаевичъ и нѣкоторые др. Гр. Валуевъ не преминулъ сообщить, что онъ еще въ 1866 году входилъ съ подобнымъ же представленіемъ къ имп. Александру II, но тогда оно было отложено. Рѣчи говорившихъ за проектъ Лорисъ-Меликова были вялы и слабы: въ нихъ не чувствовалось увѣренности лицъ, твердо убѣжденныхъ. Исключеніемъ была лишь рѣчь графа Милютина.

Графъ Милютинъ сказалъ: „Предлагаемая мѣра Вашему Императорскому Величеству, по моему мнѣнію, совершенно необходима, и необходима

именно теперь. Въ началѣ каждого царствованія новый монархъ, для пользы дѣла, долженъ заявить народу свои намѣренія и виды относительно будущаго. По части внѣшней политики взгляды Вашего Величества нашли себѣ прекрасное выраженіе въ циркулярной депешѣ министра иностранныхъ дѣлъ. Какъ видно изъ извѣстій, приходящихъ съ разныхъ концовъ Европы, депеша эта произвела повсюду наилучшее впечатлѣніе. Но она касается собственно международныхъ нашихъ отношеній, изъ нея не видно, какой внутренней политики будетъ держаться императоръ Александръ III. Между тѣмъ вопросъ этотъ естественно озабочиваетъ всю Россію. Безотлагательное разрѣшеніе его представляется мнѣ въ высшей степени необходимымъ. Покойный государь, по вступленіи на престолъ, предпринялъ цѣлый рядъ великихъ дѣлъ. Начатыя имъ преобразованія должны были обновить весь строй нашего отечества. Къ несчастью, выстрѣлъ Каракозова остановилъ исполненіе многихъ благихъ предначертаній великодушнаго монарха. Кромѣ святого дѣла освобожденія крестьянъ, которому покойный государь былъ преданъ всею душою, всѣ остальные преобразованія исполнялись вяло, съ недоувѣріемъ къ пользѣ ихъ, причемъ не рѣдко принимались даже мѣры, несогласныя съ основною мыслью изданныхъ новыхъ законовъ. Понятно, что, при такомъ образѣ дѣйствій, нельзя было ожидать добрыхъ плодовъ отъ наилучшихъ даже предначертаній. И дѣйствительно, въ Россіи все затормозилось, почти замерзло, повсюду стало развиваться глухое недовольство... Въ самое послѣднее только время общество ожило, всѣмъ стало легче дышать, дѣйствія правительства стали напоминать первые, лучшіе годы минувшаго царствованія. Передъ самой кончиной императора Александра Николаевича, возникли предположенія, разсматриваемыя нами теперь. Слухъ о нихъ проникъ въ общество и всѣ благомыслящіе люди имъ отъ души сочувствовали. Вѣсть о предполагаемыхъ новыхъ мѣрахъ проникли и за границу“...

Здѣсь графа Милютина прервалъ *Александръ III*:

„Да, но императоръ Вильгельмъ, до котораго дошли слухи о томъ, будто-бы батюшка хочетъ дать Россіи конституцію, умолялъ его въ собственноручномъ письмѣ—не дѣлать этого; на случай же, если бы дѣло зашло такъ далеко, что нельзя отступить и обойтись вовсе безъ народнаго представительства, императоръ германскій совѣтовалъ устроить его какъ можно скромнѣе, давъ представительству поменьше вліянія и сохранивъ власть за правительствомъ“.

Графъ Милютинъ продолжаетъ:

„Ваше Величество, не о конституціи идетъ рѣчь. Нѣтъ ея и тѣни. Предлагается устроить на правильномъ основаніи то, что въ сущности было и прежде. Когда разсматривались проекты крестьянскихъ положеній и другихъ важнѣйшихъ законовъ, всякій разъ, съ соизволенія покойнаго государя, приглашаемы были, для предварительнаго обсужденія этихъ проектовъ, люди практическіе, которые знаютъ дѣйствительную жизнь, потому что живутъ не въ столицѣ, а въ уѣздахъ и деревняхъ, гдѣ многіе вопросы представляются совѣмъ въ иномъ свѣтѣ, нежели въ нашей средѣ.“

Теперь предстоятъ важныя законодательныя труды по окончаніи

сенаторскихъ ревизій. Естественно, что, для успѣха дѣла, необходимо сообразить ихъ всесторонне, т. е. не съ канцелярской только, или бюрократической, точки зрѣнія. Въ виду этого, Ваше Величество, я позволяю себѣ горячо поддерживать предложеніе графа Лорисъ-Меликова“.

Гораздо ярче и опредѣленнѣе были рѣчи противъ прозкта Лорисъ-Меликова.

Графъ Строгановъ сказалъ: „Ваше Величество, предлагаемая мѣра, по моему мнѣнію, не только не своевременная при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, требующихъ особой энергіи со стороны правительства, но и вредная.

Мѣра эта вредна потому, что съ принятіемъ ея власть перейдетъ изъ рукъ самодержавнаго монарха, который теперь безусловно необходимъ, въ руки разныхъ шалопаевъ, думающихъ не о пользѣ общей, а только о своей личной выгодѣ. Въ послѣднее время и безъ предлагаемой новой мѣры власть значительно ослабла, въ журналахъ пишутъ Богъ знаетъ что и проповѣдуютъ невозможныя доктрины. Дошло до того, что, какъ я слышалъ, самъ министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ необходимымъ призвать къ себѣ журналистовъ, чтобы потребовать отъ нихъ нѣкоторой умѣренности. Но, Государь, подобная мѣра не будетъ уже возможна тогда, когда Вы вступите на путь Вамъ предлагаемый; путь этотъ ведетъ прямо къ конституціи, которой я не желаю ни для Васъ, ни для Россіи“.

Александръ III. „Я тоже опасаясь, что это первый шагъ къ конституціи“.

Маковъ. „Ваше Императорское Величество, предложенія графа Лорисъ-Меликова мнѣ были вовсе не извѣстны; я ознакомился съ ними въ 1-й разъ въ настоящемъ засѣданіи и потому не могъ еще сообразить ихъ, какъ бы слѣдовало. Насколько я могъ постичь изъ записки, прочитанной министромъ внутреннихъ дѣлъ, основная ея мысль—ограниченіе самодержавія. Доложу откровенно, что я, съ моей стороны, всѣми силами моей души и моего разумѣнія, рѣшительно отвергаю эту мысль. Оуществленіе ея привело-бы Россію къ гибели. Таковъ мой взглядъ на этотъ вопросъ вообще. Но кромѣ того, по долгу совѣсти я считаю себя обязаннымъ высказать, что не въ такія минуты, какъ тѣ, которыя, къ несчастію, переживаемъ мы,—возможно заниматься проектами объ ослабленіи власти и объ измѣненіи формы правленія, благотворительной для отечества. Въ смутное нынѣшнее время, по глубокому убѣжденію моему, нужно думать только о томъ, чтобы укрѣпить власть и искоренить крамолу. Воля Вашего Императорскаго Величества, безъ сомнѣнія, священна. Если Вамъ, Государь, благоугодно будетъ утвердить, одобренныя въ Возѣ почившимъ императоромъ, предложенія графа Лорисъ-Меликова, то всѣ мы должны преклониться, и всѣ возраженія должны смолкнуть. Тѣмъ не менѣе, я считаю священной обязанностью обратить всемілостивѣйшее вниманіе Вашего Величества на то, что при обнародованіи постановленія по этому предмету нужно принять совершенно шую форму, нежели та, которая предлагается графомъ Лорисъ-Меликовымъ. Нельзя говорить о важной этой мѣрѣ такъ, какъ будто-бы она исходитъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ. Подобный правительственный актъ можетъ

исходить исключительно отъ Васъ, по завѣту покойнаго Государя и силою собственной державной воли Вашего Императорскаго Величества, а не по мысли и представленію министра внутреннихъ дѣлъ. О немъ въ публикѣ не должно быть и рѣчи!“

Оберъ-Прокуроръ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевъ (блѣдный, какъ полотно нервно волнуется).

„Ваше Величество, по долгу присяги и совѣсти, я обязанъ высказать Вамъ все, что у меня на душѣ. Я нахожусь не только въ смущеніи, но и въ отчаяніи. Какъ въ прежнія времена передъ гибелью Польши говорили—„*Finis Poloniae!*“, такъ теперь едва-ли не приходится сказать и намъ: „*Finis Russiae!*“ При соображеніи проекта, предлагаемаго на уваженіе Ваше, сжимается сердце! Въ этомъ проектѣ слышится фальшь, скажу болѣе: онъ дышетъ фальшью. Намъ говорятъ, что для лучшей разработки законодательныхъ проектовъ нужно приглашать людей, знающихъ народную жизнь, нужно выслушивать экспертовъ. Противъ этого я ничего не сказалъ-бы, если-бы хотѣли сдѣлать это только. Эксперты вызывались и въ прежнія времена, но не такъ, какъ предлагается теперь. Нѣтъ! въ Россіи хотятъ ввести конституцію, и если не сразу, то по крайней мѣрѣ сдѣлать къ ней первый шагъ... А что такое конституція? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ Западная Европа. Конституція тамъ существующія, есть орудія всякой неправды, источникъ всякихъ интригъ. Примѣровъ этому множество, и даже въ настоящее именно время мы видимъ во Франціи, охватившую все государство, борьбу, имѣющую цѣлью не дѣйствительное благо народа или усовершенствованіе законовъ, а измѣненіе порядка выборовъ для доставленія торжества честолюбцу Гамбеттѣ, помышляющему сдѣлаться диктаторомъ государства. Вотъ къ чему можетъ вести конституція! Намъ говорятъ, что нужно справляться съ мнѣніемъ страны черезъ посредство ея представителей. Но развѣ тѣ люди, которые явятся сюда для соображенія законодательныхъ проектовъ, будутъ дѣйствительными выразителями мнѣнія народнаго? Я увѣряю, что нѣтъ. Они будутъ выражать только личные свои взгляды“...

Здѣсь прервалъ его *Александръ III*: Я думаю то же. Въ Даніи мнѣ не разъ говорили министры, что депутаты, засѣдающіе въ палатѣ, не могутъ считаться выразителями дѣйствительныхъ народныхъ потребностей“...

„И эту фальшь,—продолжалъ Побѣдоносцевъ,—по иноземному образцу, для насъ не пригодному, хотятъ, къ нашему несчастью, къ нашей гибели, ввести и у насъ... Россія была сильна благодаря самодержавію благодаря неограниченному взаимному довѣрію и тѣсной связи между народомъ и его царемъ. Такая связь русскаго царя съ его народомъ есть неоцѣнимое благо. Народъ нашъ есть хранитель всѣхъ нашихъ доблестей и добрыхъ нашихъ качествъ, многому можно у него поучиться! Такъ называемые представители земства только разобщаютъ царя съ народомъ. Между тѣмъ, правительство должно радѣть о народѣ, оно должно познать дѣйствительныя его нужды, должно помогать ему справляться съ безысходною часто нуждою. Вотъ цѣль, къ достиженію которой нужно стремиться, вотъ истинныя задачи новаго царство-

ванія. А вмѣсто того предлагаютъ устроить у насъ говорильню, въ родѣ французскихъ „états généraux“. Мы и безъ того страдаемъ отъ говорильни, которыя, подъ вліяніемъ негодныхъ, ничего не стоящихъ журналовъ, разжигаютъ только народныя страсти. Благодаря пустымъ болтунамъ, что случилось съ высокими предназначеніями покойнаго незабвеннаго Государя, пріѣхавшаго подъ конецъ своего царствованія мученической вѣнецъ? Къ чему привела великая святая мысль освобожденія крестьянъ?.. Къ тому, что дана имъ свобода, но не устроено надъ ними надлежащей власти, безъ которой не можетъ обойтись масса темныхъ людей. Мало того, открыты повсюду кабаки, бѣдный народъ, предоставленный самому себѣ и оставшійся безъ всякаго о немъ попеченія, сталъ пить и лѣниться къ работѣ, а потому сталъ несчастной жертвой цѣловальниковъ, кулаковъ, жидовъ и всякихъ ростовщиковъ. Затѣмъ открыты были земскія и городскія учрежденія,—говорильни, въ которыхъ не занимаются дѣйствительнымъ дѣломъ, а разглагольствуютъ вкривь и вкосъ о самыхъ важныхъ государственныхъ вопросахъ, вовсе не подлежащихъ вѣдѣнію говорящихъ. И кто же разглагольствуетъ? Кто орудуетъ въ этихъ говорильняхъ? Люди негодные, безнравственные, между которыми видное положеніе занимаютъ лица, не живущія съ своими семействами, предающіяся разврату, помышляющія лишь о личной выгодѣ, ищущія популярности и вносящія во все всякую смуту. Потомъ открылись новыя судебныя учрежденія,—новыя говорильни, говорильни адвокатовъ, благодаря которымъ самыя ужасныя преступленія, несомнѣнныя убійства и другія тяжкія злодѣянія остаются безнаказанными. Дали, наконецъ, свободу печати, этой самой ужасной говорильнѣ, которая во все концы необъятной русской земли, на тысячи и десятки тысячъ верстъ, разноситъ хулу и порицаніе на власть, посягаетъ между людьми мирными и честными сѣмена раздора и неудовольствія, разжигаетъ страсти, побуждаетъ народъ къ самымъ воиющимъ беззаконіямъ. И когда, Государь, предлагаютъ учредить по иноземному образцу новую верховную говорильню? Теперь, когда прошло лишь нѣсколько дней послѣ совершенія самаго ужасающаго злодѣянія, никогда не бывавшаго на Руси, когда по ту сторону Невы, рукой подать отсюда, лежитъ въ Петропавловскомъ соборѣ непогребенный прахъ благодушнаго русскаго царя, который среди бѣлаго дня растерзанъ русскими-же людьми. Я не буду говорить о винѣ злодѣевъ, совершившихъ это ужасающее, безпримѣрное въ исторіи преступленіе. Но и все мы, отъ перваго до послѣдняго, должны каяться въ томъ, что такъ легко смотрѣли на совершившееся вокругъ насъ; все мы виноваты въ томъ, что, несмотря на постоянно повторявшіеся покушенія на жизнь общаго нашего благодѣтеля, мы въ бездѣятельности и апатіи нашей не сумѣли охранить праведника! На насъ всехъ лежитъ клеймо несмываемаго позора, павшаго на русскую землю. Все мы должны каяться!..“

Александръ III. „Сущая правда, все мы виноваты, я первый обвиняю себя.“

„Государь,—закончилъ Побѣдоносцевъ,—въ такое ужасное время надобно думать не объ учрежденіи новой говорильни, въ которой произносились-бы новыя растлѣвающія рѣчи, а о дѣлѣ.. Нужно дѣйствовать!..“

Въ заключеніе *графъ Лорисъ Меликовъ* сказалъ: „Необходимо, чтобы на сторонѣ правительства были всѣ благомыслящіе люди. Предлагаемая теперь мѣра можетъ много этому способствовать. Въ настоящую минуту она вполнѣ удовлетворитъ и успокоитъ общество; но если мы будемъ медлить, то упустимъ время—черезъ три мѣсяца, нынѣшнія, въ сущности, весьма скромныя, предположенія наши окажутся, по всей вѣроятности, уже запоздалыми“.

Послѣдствіемъ этого историческаго засѣданія явилась вся внутренняя политика Александра III...

Народное движеніе въ Петербургѣ 9-го января 1905 года.

Прошелъ годъ съ того дня, но кажется, что онъ уже давно отошелъ въ исторію: столько было пережито за это время русскимъ обществомъ и русскимъ народомъ. Текущія событія, одно знаменательнѣе и ярче другого, захватываютъ общее вниманіе и многимъ кажется, что теперь не время оглядываться на недавнее прошлое и разбираться въ накапливающимся историческимъ матеріалахъ. Русское общество, не только въ провинціи, но и въ С.-Петербургѣ, гдѣ разыгралась народная драма 9-го января, не ознакомлено вполне съ характерными и наиболѣе поучительными сторонами ея и не представляетъ себѣ всего ея значенія въ томъ историческомъ процессѣ, который перерабатываетъ старую Россію въ иную, будущую Россію. А между тѣмъ это значеніе событій 9-го января неизмѣримо велико. Въ этотъ день совершился мгновенный и великій переворотъ въ душѣ и понятіяхъ столичной рабочей массы. Съ этого дня не избранные борцы только, не вожаки, не партійные люди, но именно масса, до тѣхъ поръ наивная, поняла, что «добиться правды» въ Россіи можно только путемъ борьбы. Русская революція перестала быть достоинствомъ сознательныхъ верховъ и стала разливаться по всей странѣ, переходя въ глубокое стихійное движеніе.

Предлагаемый очеркъ является попыткою передать событія 9-го января въ связи съ подготовившимъ ихъ безпартійнымъ «гапоновскимъ» движеніемъ петербургскихъ рабочихъ. Документъ, по которымъ написанъ этотъ очеркъ,—около 300 записей, по опроснымъ листкамъ, участниковъ и свидѣтелей январскихъ событій,—собрапы были трудами возникшей послѣ 9 января «анкетной комиссіи»—изъ представителей разныхъ профессій, вошедшихъ позднѣе въ «Союзъ Союзовъ». Матеріалы эти были отчасти дополнены и провѣрены авторомъ настоящаго очерка посредствомъ личнаго опроса нѣсколькихъ десятковъ свидѣтелей изъ интеллигенціи, а также рабочихъ, стоявшихъ въ центрѣ движенія. Нечего и говорить о томъ, что очеркъ этотъ далеко не полонъ, но за то въ немъ нѣтъ ни одной сочиненной строчки: все, не исключая красочныхъ подробностей, почерпнуто изъ означенныхъ источниковъ.

I.

Еще не пришло время говорить о сложной личности главного героя и виновника январских событий, Георгія Гапона, и разбираться въ планахъ и настроеніяхъ сплотившейся вокругъ него группы сознательныхъ рабочихъ. Но нѣкоторые факты, относящіеся къ подготовительному періоду движенія, твердо установлены и могутъ быть преданы гласности уже теперь. Священникъ Пересыльной тюрьмы Георгій Гапонъ, для начала своей дѣятельности, воспользовался «зубатовскими» начинаніями русскаго правительства. Въ октябрѣ 1903 г. онъ утвержденъ былъ председателемъ только что основаннаго передъ тѣмъ «Общества русскихъ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ» и почти до конца поддерживалъ сношенія съ Охраннымъ Отдѣленіемъ, ввѣрившимъ ему судьбы петербургскихъ рабочихъ. Первоначальные сотрудники Гапона не имѣли опредѣленной политической окраски, а нѣкоторые изъ нихъ не безъ основанія могли считаться «зубатовцами». Дѣятельность первыхъ «отдѣловъ», открывавшихся въ разныхъ частяхъ города въ теченіе 1904 г., имѣла сначала вполнѣ невинный характеръ: члены общества, допускавшіеся туда сначала по рекомендаціи двухъ членовъ, съ извѣстнымъ вступнымъ и затѣмъ ежемѣсячнымъ взносомъ, собирались въ «отдѣлы» для отдыха, для бесѣды о своихъ нуждахъ, для выясненія средствъ взаимопомощи. Въ отдѣлахъ были библіотеки. Тамъ же устраивались, время отъ времени, платные музыкальные и танцевальные вечера, привлекавшіе въ собранія и женщинъ. Дѣлами собраній завѣдывали выборные изъ рабочихъ. Рабочіе, находившіеся подъ большимъ или меньшимъ вліяніемъ революціонныхъ партій, относились къ гапоновскимъ начинаніямъ недовѣрчиво, и наименованіе «зубатовщины» примѣнялось къ нимъ даже среди мало-сознательной массы. Мало-по-малу Гапонъ сталъ сближаться съ наиболѣе сознательными рабочими изъ отдѣловъ. Въ большинствѣ случаевъ это были люди, прошедшіе партійную школу, но по тѣмъ или другимъ причинамъ не примкнувшіе къ партіямъ. Осторожно, но чрезвычайно настойчиво, не жалѣя времени и вниманія, Гапонъ подбиралъ себѣ кружокъ такого рода приближенныхъ и товарищей, составившихъ для него, въ концѣ концовъ, вполнѣ надежную опору и самоотверженно работавшихъ вмѣстѣ съ нимъ для осуществленія общаго плана.

Планъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы такъ или иначе расшевелить всю рабочую массу, не поддающуюся воздѣйствію конспиративныхъ дѣятелей, поднять ее на борьбу за свои человѣческія права, за свои экономическіе и политическіе интересы. Нѣкоторые изъ наиболѣе развитыхъ рабочихъ, приближенныхъ Гапона, почти до самаго конца не могли побѣдить въ себѣ какой-то опасливости, въ связи съ вопросомъ объ его отношеніи къ Охранному Отдѣленію, но онъ постепенно побѣждалъ это недовѣріе личнымъ

обаяніемъ, искреннимъ товарищескимъ тономъ въ обращеніи и пиротою тѣхъ плановъ, которые онъ довѣрялъ близкимъ и которые онъ выковывывалъ совмѣстно съ ними иногда въ долгихъ разговорахъ съ глазу на глазъ, иногда въ общихъ собраніяхъ кружка, разросшагося къ концу 1904 г. приблизительно до 80 человекъ. Среди этого кружка были восторженные, страстно преданные ему люди, готовые пойти за него въ огонь и въ воду.

Со второй половины 1904 г., когда, послѣ смерти Плеве, зашевелилось все русское общество, дѣятельность Гапонъ и его кружка въ отдѣлахъ приняла болѣе широкій характеръ. Руководители отдѣловъ стали затрогивать общіе политическіе вопросы, подходя къ нимъ со стороны, наиболѣе доступной для малосознательной массы. Одинъ изъ рабочихъ, участникъ январьскаго движенія, пишетъ о характерѣ собраній за это время такъ: «Говорили все больше объ нуждахъ и интересахъ народа, еще говорили и о политической сторонѣ, какъ образованье и пр., но очень мало. Ежели же находились люди, которые, не вытерпѣвъ, начинали говорить все поголовно, такихъ людей черезъ два дня забирали и сажали въ казематку». Дѣйствительно, въ собраніяхъ присутствовали полицейскіе—иногда «переодѣтые», и весьма возможно, что партійнымъ или вообще наиболѣе рѣзко выступавшимъ ораторамъ приходилось потомъ расплачиваться за горячія рѣчи. Но такіе случаи были, несомнѣнно, исключеніями: полиція, присутствуя въ этихъ разрѣшенныхъ собраніяхъ и въ обществѣ будучи сама склонна считать ихъ «зубатовскими», недоумѣвала и бездѣйствовала.

Въ общемъ, однако, какъ уже сказано, пропаганда велась въ собраніяхъ сначала чрезвычайно сдержанно и осторожно. Самъ Гапонъ и дѣятели отдѣловъ читали вслухъ и объясняли легальныя газеты, замѣтно оживившіяся въ то время,—главнымъ образомъ «Наши Дни» и «Нашу Жизнь». Когда съ ноября начался періодъ общественныхъ резолюцій, въ собраніяхъ читались и обстоятельно истолковывались эти резолюціи. Собранія становились все болѣе популярны. «Рабочіе къ собранію относились съ любовью,—пишетъ одинъ изъ свидѣтелей,—и говорили, что ежели они больше будутъ ходить и, наконецъ, соберется большая масса членовъ, то они могутъ что нибудь сдѣлать въ свою пользу». О методѣ, какимъ руководители «отдѣловъ» подводили массу къ политическимъ вопросамъ, даютъ представленіе слѣдующія безхитростныя строки изъ анкетныхъ документовъ: «Многіе говорили раньше, что нужно сначала выхлопотать экономическую сторону, а ужъ потомъ и политическую; но когда имъ разъясняли, что имъ не дадутъ всего, а ежели дадутъ, то послѣ все равно отнимутъ, то всѣ болѣею частью соглашались на это. Гапонъ говорилъ все, что могъ, чтобы уговорить и показать рабочему правую сторону, и за это народъ называлъ его: одинъ нашъ батюшка такой, а то всѣ негодяи».

II.

Къ концу ноября дѣятельность Гапона и его помощниковъ приобрѣла уже характеръ систематической пропаганды. Въ кружкѣ его исподволь вырабатывались резолюціи, обобщающія требованія рабочаго класса и связывающія ихъ съ общеполитическими требованіями, выставленными земскимъ съѣздомъ 6—9 ноября и интеллигенціей. Въ это время Гапонъ, несомнѣнно, искалъ связей съ интеллигенціей, поддержки и помощи съ ея стороны, обращался за совѣтами даже къ нѣкоторымъ представителямъ литературы и открывалъ двери своихъ маленькихъ домашнихъ собраній для заслуживающихъ довѣрія лицъ. Вотъ записъ, сдѣланная нами въ свое время со словъ одного такого лица: «Въ послѣднихъ числахъ ноября я, съ четырьмя другими лицами, заинтересовавшись дѣятельностью Гапона въ обществѣ русскихъ фабричныхъ рабочихъ, была у него на дому на собраніи депутатовъ имѣвшихся тогда пяти отдѣловъ. Онъ жилъ въ маленькой скромной квартирѣ на Петербургской сторонѣ. Разсматривая уставъ общества, мы обратили вниманіе на сомнительные по духу параграфы его. Гапонъ сказалъ, что это только ширма, что настоящая программа общества иная, и попросилъ рабочаго принести выработанную ими резолюцію политическаго характера. Уже тогда было ясно, что эти резолюціи совпадаютъ съ резолюціями интеллигенціи. Гапонъ не только ничего не имѣлъ противъ участія въ его дѣлѣ интеллигенціи, но желалъ этого и подчеркивалъ тождественность требованій. Посѣтители говорили, что уже пришло время рабочимъ выступать съ резолюціей. Гапонъ былъ другого мнѣнія. Онъ говорилъ: время еще не пришло; я долженъ еще расширить свою дѣятельность и кромѣ того нужно ждать какого-нибудь внѣшняго событія; пусть падетъ Портъ-Артуръ». Отмѣтимъ, что Гапонъ,—по показаніямъ нѣкоторыхъ изъ его сотрудниковъ-рабочихъ,—проявлялъ эту осторожность и сдержанность желанія какъ слѣдуетъ подготовить массу, до самыхъ послѣднихъ дней декабря, и только настойчивые совѣты приближенныхъ не упускать благоприятнаго момента побудили его перейти къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Что касается сношеній его съ интеллигенціей, то нужно сказать, что они почти ни къ чему не приводили, и за отдѣльными, очень немногими исключеніями, скоро обрывались: интеллигенція—и партійная, и внѣ-партійная не могла разгадать сложной личности священника Гапона и превозмочь своихъ сомнѣній. Слова «зубатовщина», «провокація» оставались у всѣхъ на устахъ—вплоть до 9-го января. Отношеніе къ Гапону и къ «Обществу русскихъ ф.-з. рабочихъ» со стороны власти давало пищу этимъ сомнѣніямъ. Дѣйствительно, власти продолжали довѣрять Гапону и «поддер-

1) Намъ извѣстно, что съ другими лицами изъ внѣпартійной интеллигенціи Гапонъ держалъ себя иначе: онъ не только соглашался выступить немедленно съ опредѣленной политической революціей, но и назначилъ время для такого выступленія на 17 декабря. *Ред.*

живали» его. Такъ, въ началѣ декабря, на открытіи VII стѣкла Общества, на Шлиссельбургскомъ трактѣ, присутствовалъ градоначальникъ Фѳллонъ, обратившійся къ рабочимъ съ сочувственною рѣчью. Рѣчь эта передается нами на основаніи нѣсколькихъ чрезвычайно сходныхъ между собою записей очевидцевъ—шлиссельбургскихъ рабочихъ. Одна изъ записей гласитъ такъ: «Первымъ долгомъ, какъ первое лицо, г. градоначальникъ сказалъ рѣчь, въ которой говорилъ такъ, что всегда радъ и будетъ помогать рабочимъ во всякое время и желаетъ, чтобы рабочіе могли бы всегда одерживать верхъ надъ капиталистами и всегда добиваться того, чего они желаютъ. А онъ всегда сторонникъ народа, всегда готовъ помочь имъ въ ихъ интересахъ и нуждахъ».

Съ начала декабря дѣятельность Гапона идетъ ускореннымъ темпомъ. Отдѣлы открываются въ разныхъ частяхъ города одинъ за другимъ. Послѣднимъ, въ самомъ концѣ декабря, открывается отдѣлъ въ Гавани. Къ началу января имѣется, такимъ образомъ, 11 отдѣловъ общества: 10 въ С.-Петербургѣ и одинъ въ Колпинѣ. Наряду съ мужскими и смѣшанными собраніями въ нихъ устраиваются и спеціально женскія собранія, имѣющія цѣлью дать нѣкоторую общественную и политическую подготовку женщинамъ, сильно отстающимъ отъ мужчинъ въ этомъ отношеніи. «Если женщины не будутъ вовлечены въ движеніе, не будутъ помогать, то онѣ будутъ мѣшать ему»,—такъ разсуждалъ Гапонъ и депутаты рабочіе. Гапонъ самъ открываетъ эти женскія собранія. Предсѣдательствуетъ на нихъ и ведетъ ихъ одна выдающаяся по уму и развитію женщина, К., жена рабочаго, бывшая ткачиха. Женскія собранія имѣютъ своихъ секретарей, тоже изъ женщинъ, которыя составляютъ протоколы бесѣдъ.

Однако, въэтотъ періодъ, предшествующій январьскому взрыву, Общество, со всѣми его отдѣлами, насчитываетъ лишь нѣсколько тысячъ членовъ и носитъ закрытый характеръ. Широкія массы судятъ о немъ по наслышкѣ, по перекрещивающимся отзывамъ людей, близкихъ къ дѣлу, увлеченныхъ имъ съ одной стороны, и недоувѣрчивыхъ, предостерегающихъ противъ Общества партійныхъ работниковъ, съ другой. Несомнѣнно, впрочемъ, что нѣкоторые рабочіе съ партійной окраской входили въ Общество, какъ члены, и содѣйствовали въ немъ политической пропагандѣ. Но общій характеръ движенія, развивающагося въ Обществѣ и постепенно переходящаго за его стѣны, былъ все-таки безпартійный. Широкая масса относилась къ представителямъ партій, и быть можетъ даже вообще къ интеллигенціи, съ нѣкоторымъ недоувѣріемъ. Вотъ характерная простодушная записъ одного рабочаго съ Шлиссельбургскаго тракта въ отвѣтъ на вопросъ анкетнаго листа объ участіи въ движеніи интеллигентныхъ партійныхъ работниковъ: «Они говорили, что все стараются, что все они помогаютъ намъ, они люди ученые, знаютъ, что дѣлаютъ. Но какъ-то враждебно смотрѣли на нихъ, сами не зная, за что».

III.

Есть всѣ основанія думать, что «Собраніе русскихъ ф.-з. рабочихъ» сыграло очень существенную роль въ самомъ возникновеніи общей январской забастовки: оно подготовило въ довольно широкихъ кругахъ рабочаго класса сознательное недовольство существующимъ положеніемъ вещей и съ самаго начала поддержало первыхъ протестантовъ и самую мысль о забастовкѣ. Одинъ изъ рабочихъ Шлиссельбургскаго тракта говоритъ объ этомъ такъ: «Мысль о забастовкѣ явилась у рабочихъ благодаря рѣчамъ, которыя говорились въ Собраніи, гдѣ стали открыто высказывать про всѣ злодѣянія существующаго порядка»... Другой документъ анкеты, составленный на основаніи коллективнаго опроса 28 рабочихъ съ разныхъ фабрикъ и заводовъ Шлиссельбургскаго тракта, говоритъ объ этомъ въ слѣдующихъ словахъ: «Толчокъ къ забастовкѣ былъ данъ Собраніемъ, послѣднимъ же поводомъ была забастовка на Путиловскомъ заводѣ. 28 декабря въ городѣ было собраніе представителей отъ всѣхъ отдѣленій (280 человекъ), и Гапонъ предложилъ выступить на болѣе широкую арену дѣятельности». Какъ уже было сказано выше, рѣшимость эта созрѣла въ немъ благодаря настояніямъ кружка наиболѣе близкихъ ему рабочихъ.

29-го декабря къ директору Путиловскаго завода—Смирнову явилась депутація изъ 4 лицъ отъ «Собранія русскихъ ф.-з. рабочихъ», съ цѣлью указать ему на дѣйствія одного мастера, несправедливо уволившаго съ завода нѣсколькихъ рабочихъ. Такая же депутація, и съ тою же самой цѣлью, была отправлена «Собраніемъ» къ градоначальнику и къ старшему фабричному инспектору. Ходатайства ихъ не имѣли успѣха, и 3-го января заводъ прекратилъ работу и приступилъ къ выработкѣ своихъ требованій. Требования эти, сводившіяся сначала къ приему неправильно уволенныхъ рабочихъ и удаленію ненавистнаго мастера, на слѣдующій день приняли уже обще-экономическій характеръ: въ нихъ говорилось уже о 8 ч. рабочемъ днѣ, о постоянной комиссіи изъ выборныхъ рабочихъ для разсмотрѣнія совмѣстно съ администраціей спорныхъ вопросовъ, объ отмѣнѣ сверхурочныхъ работъ, объ установленіи нормальной заработной платы для мужчинъ и женщинъ, объ улучшеніи санитарныхъ условій и т. п. Движеніе въ пользу всеобщей забастовки быстро разлилось по всѣмъ главнымъ заводамъ и фабрикамъ С.-Петербурга. 4-го января было экстренное собраніе за Невскою заставой и постановлено было бастовать. Однимъ изъ первыхъ сталъ Семянниковскій заводъ, имѣвшій наибольшее количество членовъ среди «Собранія», за нимъ стали другіе.

Группы наиболѣе энергичныхъ рабочихъ ходили по заводамъ и мастерскимъ, безъ труда снимая мастеровыхъ съ работы. Движеніе распространялось съ стихійной быстротой, и въ три дня

захватило до 140.000 рабочихъ. Къ нему примыкали сознательные и несознательные, подготовленные и неподготовленные элементы. Одинъ изъ свидѣтелей описываетъ пріостановку работъ на своемъ заводѣ въ слѣдующихъ непосредственныхъ выраженіяхъ: «5-го января въ 7 ч. утра пришелъ въ мастерскую. Пропѣли смиренно молитву... Зажегъ свѣчу, зажать масленку въ тиски и началъ уже пилить. Черезъ минуты 2—3 прошелъ нѣкій токарь Н. и сказалъ: одѣвайтесь, товарищи! *пойдемъ съ путиловцами правды искать*. Я выслушалъ его и предполагалъ, что онъ смѣется, и, не обращая вниманія, принялся работать. Вдругъ слышу звонокъ, второй, и думаю: что-то неладно. Посмотрѣлъ,—рабочіе одѣваются, въ томъ числѣ и я. Пошли въ слѣдующія мастерскія, предложили прикончить работу. Тамъ безъ всякихъ сопротивленій одѣлись и разошлись...»

Съ каждымъ днемъ агитація въ пользу забастовки встрѣчала все меньше сопротивленія даже въ консервативной части рабочихъ. «7-го января, остановить работы было очень легко,—пишетъ другой рабочій... Въ этотъ день, чувствовали всѣ, должно что-нибудь случиться. Вышли на работу въ 7 ч., народъ сталъ сходиться группами и даже переговаривались со встрѣчными: «Что не работаешь?» Онъ говоритъ: «Не охота».—«Если не хочешь, то ступай за ворота». Двадцать минутъ 8-го послышался трескъ стекла въ окнѣ, закричали: «Бросайте, выходите, бросайте работу!» Рабочіе были моментально одѣты и пошли...

«Собраніе русскихъ ф.-з. рабочихъ» выступило съ дѣятельной поддержкой забастовочному движенію—не только моральной, но и матеріальной. Оно организовало стачечный комитетъ и фондъ. Нѣкоторые отдѣлы его, какъ напр. Нарвскій и Шлиссельбургскій, вызвались немедленно помогать бѣднѣйшимъ забастовщикамъ, выдавая имъ съѣстные продукты. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ первыхъ же дней забастовки, двери отдѣловъ широко открылись для всѣхъ желающихъ—членовъ и нечленовъ, безъ всякой рекомендаціи. Помѣщенія отдѣловъ сразу сдѣлались притягательными центрами для всего взбудораженного населенія рабочихъ окраинъ. Началась открытая горячая пропаганда, формулировка—передъ лицомъ нетронутыхъ еще массъ—не только экономическихъ, но и политическихъ требованій всего рабочаго класса, всего трудящагося люда Россіи. Гапонъ ѣздилъ изъ одного отдѣла въ другой, произносить рѣчи, овладѣвалъ аудиторіей, заставлялъ ее высказывать согласіе или несогласіе съ своими заключеніями. Гапона смѣняли его помощники рабочіе. Цѣлый рядъ ораторовъ, умѣющихъ говорить сердцу рабочей толпы и завладѣвать аудиторіей, выдвинулся въ эти дни. Работа шла въ отдѣлахъ съ ранняго утра до ночи. Помѣщенія отдѣловъ, рассчитанные на сотни посѣтителей, не могли вмѣстить всѣхъ стремящихся туда.

Огромныя толпы ждали очереди на улицѣ, одна аудиторія смѣняла другую. Въ эти первые дни, до выработки петиціи, въ толпѣ еще сталкивались противоположныя идеи, единство настроенія

установилось не сразу. Вотъ страница изъ свидѣтельской записи, рисующая въ незамысловатыхъ выраженіяхъ тотъ идейный процессъ, черезъ который съ необычайной быстротой проходили неподготовленные массы. «7-го января пошелъ я на собраніе. Рабочихъ было много... и я не нашелъ нужнымъ идти въ помѣщеніе, а остался около собравшейся толпы. Они говорили относительно требованій; рабочіе высказались такъ: что необходимо намъ нужно, политическая свобода потому — что она будетъ гарантировать неприкосновенность законовъ и мы будемъ говорить, что для насъ полезно, а не такъ—у насъ существуютъ законы, а полицеймейстеръ, приставъ издають свои постановленія, не касающіяся законовъ. А другой рабочій говоритъ, что мы тогда идемъ противъ Бога, Царя и воли его. На эту же тему говорятъ по нѣскольку разъ, и другой разъ ругаются, а если растолкуешь имъ, въ какомъ положеніи находишься, какіе законы у насъ существуютъ и какіе въ Зап. Европѣ, понемногу начинаютъ сознать; и такъ были привлечены на эти требованія. Были такіе случаи, что ораторъ говоритъ относительно управленія нашимъ государствомъ ипоказываетъ неправильность управленія,—рабочіе кричатъ: долой этого оратора; то же говоритъ св. Гапонъ, кричатъ: браво»... Другая запись обрисовываетъ постепенную выработку петиціи: «Народъ приходилъ большими массами и вырабатывалъ свои условія насчетъ забастовки. Говорили о томъ, что нужно первымъ дѣломъ 8-час. рабочій день, потомъ о томъ, какъ они выражались, что бы *была бы допущена правда*, т. е. свобода печати, слова, сходовъ, стачекъ и т. п. Начиналъ кто-нибудь говорить, что нужно рабочимъ, и говорилъ, что провѣрить нужно: да или нѣтъ. Ежели нужно, то всѣ говорили—да; ежели нѣтъ, то поднимался шумъ и всѣ кричали: не надо! Потомъ другой, третій и т. д. Говорилъ и св. Гапонъ и выяснялъ, что нужно, и ежели это было хорошо, то всѣ кричали: надо, пусть будетъ такъ,—и это отмѣчалось, и т. д.»

Такъ вырабатывались и провѣрялись—примѣнительно къ пониманію и требованіямъ массы—отдѣльные пункты петиціи, редактированной Гапономъ совмѣстно съ 22 депутатами отдѣловъ 6-го января, слегка видоизмѣненной и кое въ чемъ дополненной къ вечеру 8-го января. Въ основу ея легли резолюціи, исподволь вырабатываемыя кружкомъ близкихъ къ Гапону рабочихъ, и отчасти резолюція, составленная на Шлиссельбургскомъ трактѣ вечеромъ 5-го января при участіи социаль-демократовъ. Съ утра 7-го января повсюду въ отдѣлахъ произносятся рѣчи, призывающія рабочихъ идти въ воскресенье къ Зимнему Дворцу. Подъ петиціей тысячами, десятками тысячъ собираются подписи.

Въ это время на улицахъ предмѣстій появляются патрули... До приближенныхъ Гапона, несмотря на явное бездѣйствіе полиціи, присутствующей кое-гдѣ на собраніяхъ, доходятъ слухи объ угрожающей ему опасности со стороны властей. Руководители движенія и самъ Гапонъ не скрываютъ отъ себя и другихъ, что шествіе ко Дворцу можетъ принять трагическій оборотъ. Кое-гдѣ раздаются

призывы къ оружію не противъ Царя,—на Царя возлагаются въ этотъ день всѣ надежды взволнованной, разгоряченной толпы, а противъ тѣхъ, которые не захотятъ допустить народъ до Царя. Но оружіе ни у кого не заготовлено, народъ пойдетъ къ Царю—черезъ всѣ опасности, безоружный и смиренный, на все готовый, чтобы «добыть правду Россіи». Въ этомъ духѣ написана обращенная къ Царю петиція, въ этомъ же духѣ говорятъ ораторы передъ толпою. Быть можетъ, никогда и нигдѣ еще революціонный подъемъ огромныхъ народныхъ массъ—готовность умереть за свободу и обновленіе жизни—не соединялся съ такимъ торжественнымъ, можно сказать, народно-религіознымъ настроеніемъ. Свидѣтели-рабочіе рассказывали намъ, что въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ, когда собраніе балотировало поднятіемъ рукъ тотъ или другой пунктъ петиціи, эти руки поднимались съ сложенными накрестъ пальцами: «дѣлали изъ пальцевъ крестики, чтобы показать, что эти требованія святы, и кто за нихъ говорить, тотъ все равно, что присягаетъ постоять за правду».

IV.

7-го и 8-го января Гапонъ написалъ письма Царю и Святополкъ-Мирскому, съ предупрежденіемъ о готовящемся шествіи народа, и лично видѣлся съ министромъ юстиціи Муравьевымъ, убѣждая его принять всѣ мѣры къ тому, чтобы шествіе это не окончилось трагически. Нечего и говорить о томъ, что онъ не нашелъ у министра ни малѣйшей отзывчивости. Въ эти же дни онъ лично объѣхалъ всѣ отдѣлы. Онъ говорилъ съ возрастающимъ возбужденіемъ и страстью,—все болѣе и болѣе поднимая настроеніе толпы. Онъ надорвалъ себѣ голосъ, еле держался на ногахъ, но продолжалъ ѣздить и говорить до послѣдняго часа—до поздняго вечера 8 января. Повидимому, рѣчи его не вездѣ были одинаковы по тону—быть можетъ, въ зависимости отъ степени подготовки толпы. Въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ онъ говорилъ спокойно, сообщая толпѣ увѣренность въ успѣхъ. Въ другихъ онъ уже забрасывалъ слова о возможности неуспѣха, о предстоящихъ опасностяхъ, о томъ, что Царь можетъ отказаться принять и выслушать народъ свой. Эти рѣчи онъ кончаетъ словами: «и тогда нѣтъ у насъ царя»... «И тогда нѣтъ у насъ цари», какъ эхо откликалась толпа. «Всѣ умремъ. Клянемся стоять всѣ до одного. Батюшка, благославляемъ тебя на подвигъ, веди насъ». Всѣ были въ восторженномъ состояніи, рассказываютъ свидѣтели. «Многіе плакали, топали ногами, стучали стульями, колотили кулаками въ стѣны и, поднимая руки вверхъ, клялись стоять до конца. На Шлиссельбургскомъ трактѣ, гдѣ Гапонъ говорилъ 8-го, онъ, повидимому, былъ сдержаннѣе и не высказывалъ опасеній, что Царь откажется выслушать народную петицію: быть можетъ, именно здѣсь, гдѣ было больше социаль-демократовъ, онъ боялся разбить сомнѣніями общее настроеніе и вызвать въ нѣкоторыхъ группахъ партійную постановку вопроса, которой

онъ очень опасался въ эти дни. Здѣсь въ записяхъ свидѣтелей, даже прикосновенныхъ къ партіямъ, особенно бросается въ глаза восторженная, цѣльная вѣра въ Царя. Одинъ рабочій пишетъ: «Всѣ говорили: пойдемъ къ отцу и скажемъ ему, какъ мучаютъ насъ наши обиды. Скажемъ ему: отецъ, прими насъ, мы пришли къ тебѣ, помоги намъ, т. е. дѣтямъ твоимъ; мы знаемъ, ты радъ жизнь отдать за насъ и только живешь для насъ, но ты ничего не знаешь, какъ бьютъ и мучаютъ насъ, какъ мы голодаемъ, какъ всегда измучены и притомъ невѣжественны, подобны скотамъ, почти что всѣ неграмотны. Ожидали всѣ получить это все, что говорили, и при томъ, говоря такъ: вѣдь и въ Евангеліи сказано, что отецъ принялъ блуднаго сына, а вѣдь мы не блудные, мы всѣ стараемся, убиваемся и притомъ сидимъ голодные». Двѣ записи говорятъ о томъ, какъ пріѣхалъ 8-го января Гапонъ въ Шлиссельбургскій отдѣлъ. Толпа, обступавшая помѣщеніе отдѣла, просила его выйти къ ней. Было темно. Зажгли на дворѣ фонарь, и при свѣтѣ его предѣлатель отдѣла, вставъ на бакъ, сталъ читать петицію, а Гапонъ, стоя подлѣ него, разъяснялъ петицію. Гапонъ «приводитъ характеристику настоящаго и будущаго и рисуетъ картину тѣхъ безправій, которыя у насъ существуютъ. Много было такихъ, что слезы катились по лицу отъ невольныхъ потрясеній, которыя у насъ на глазахъ происходятъ. И такъ разсказалъ это и приглашалъ идти на площадь... И раздавались отчаянные крики: «Помремъ на площади».

Но не одинъ Гапонъ возбуждалъ и поддерживалъ это настроеніе толпы. Онъ уѣзжалъ, на смѣну ему выступали руководители отдѣловъ, ораторы изъ рабочихъ, охваченные единымъ настроеніемъ, вдохновенные, измученные и неутомимые. Къ отдѣламъ приливали новыя и новыя толпы. Вечеромъ, при свѣтѣ уходящихъ вдаль, тускло мерцающихъ фонарей, виднѣлось у помѣщенія отдѣловъ море человѣческихъ головъ. На улицѣ, въ отдѣльныхъ группахъ, слышались разговоры о войнѣ, о тягостныхъ послѣдствіяхъ ея для народа, о всеобщей забастовкѣ. Иногда какой-нибудь вопросъ, связанный съ петиціей и обсуждавшійся въ залѣ отдѣла, выносился на улицу. Ораторы взбирались на какую-нибудь импровизированную трибуну, вродѣ опрокинутой бочки, и говорили къ толпѣ. Въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ петиція читалась народу изъ открытаго окна собранія, и народъ слушалъ ее благоговѣйно, «какъ въ церкви». Многіе, несмотря на морозъ, стояли безъ шапокъ. Недостаточно понятныя мѣста петиціи вновь и вновь толковались, каждый отдѣльный пунктъ ея вновь и вновь ставился на балотировку. Толпа выражала свое сочувствіе криками и далеко уносящимся гуломъ голосовъ. Иногда она повторяла, въ знакъ сочувствія, послѣднія слова оратора, подхватывала ихъ, какъ хоръ подхватываетъ запѣвалу... «Всѣ недоразумѣнія между фабрикантами и рабочими должны рѣшаться представители отъ фабрикантовъ и отъ рабочихъ поровну»,—говоритъ ораторъ,—и толпа откликается: «поровну, по-

ровну». «Что такъ жить, не лучше ли намъ сойти въ могилу?» — заканчиваетъ свою рѣчь ораторъ, и толпа отвѣчаетъ ему: «Лучше въ могилу, въ могилу»... «Когда чтеніе петиціи было закончено, пишетъ одинъ очевидецъ съ Васильевскаго Острова, — председатель задалъ рабочимъ вопросъ: «А что, товарищи, если Государь насъ не приметъ и не захочетъ прочесть нашей петиціи, — тѣмъ мы отвѣтимъ на это?» — Тогда точно изъ одной груди вырвался могучій потрясающій крикъ: Нѣтъ тогда у насъ царя!.. — И какъ эхо повторилось со всѣхъ концовъ: — «Нѣтъ царя... Нѣтъ царя»... Въ этотъ моментъ слышались возгласы: «Долой самодержавіе!» — толпа не поддержала ихъ».

Это одно изъ многихъ указаній на то, что движеніе было чисто народнымъ и внепартийнымъ. Партийные ораторы, выступавшіе въ тѣ дни, имѣли успѣхъ только въ небольшихъ, захваченныхъ партийной пропагандой, группахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр., въ Нарвскимъ отдѣлѣ, партийные возгласы и попытки призвать народъ подѣ красные флаги вызвали бурный гнѣвъ толпы, и руководители движенія, съ Гапономъ во главѣ, употребляли все усилія, чтобы не допустить партийныхъ ораторовъ и толпу до явныхъ столкновеній и не разбить цѣльности народнаго настроенія. «Въ Василеостровской отдѣлѣ социаль-демократы проникли 6-го января, — пишетъ одинъ очевидецъ, — и одинъ изъ нихъ, послѣ рѣчи Гапона, сказалъ встрѣчную рѣчь, призывающую рабочихъ встать подѣ знамя социаль-демократіи. Гапонъ сказалъ въ отвѣтъ слѣдующее: «Господа социаль-демократы и социаль-революціонеры, я всегда васъ уважалъ и считалъ честными людьми. Низко кланяюсь вамъ, земно кланяюсь вамъ: не вносите раздора въ наше движеніе. Пойдемъ подѣ однимъ знаменемъ, общимъ и мирнымъ, къ нашей святой цѣли». Социаль-демократы упорствовали, и нѣкоторая часть аудиторіи кричала: «Да здравствуетъ социаль-демократія». На другой день, въ томъ же отдѣлѣ, передѣ началомъ собранія, ораторъ Отдѣла сказалъ: «Господа члены партіи социаль-демократовъ и социаль-революціонеровъ, присутствующіе на этомъ собраніи! Ваши товарищи на Петербургской сторонѣ дали честное слово не вносить ничего особаго въ наше движеніе, подчиниться волѣ народа и мирно идти вмѣстѣ съ нимъ. Даете ли вы такое слово? И изъ разныхъ концовъ слышался отвѣтъ: «Даемъ»...

Въ эти дни взволнованная народная стихія поглотила представителей партийной и непартийной интеллигенціи и увлекла многихъ въ своемъ потокѣ. Нѣкоторые изъ партийныхъ людей, не имѣя въ душѣ ни капли паивной вѣры въ благополучный исходъ шествія ко Дворцу, шли тѣмъ не менѣе съ толпою, въ первыхъ сомкнутыхъ рядахъ ея, мужественно подставляя себя вмѣстѣ съ нею подѣ пули. Въ числѣ несчастныхъ жертвъ 9-го января было и нѣсколько молодыхъ, полныхъ силы партийныхъ работниковъ.

Можно представить себѣ, что переживали эти люди наканунѣ

кровавыхъ событій. Въ то время, какъ руководители движенія готовились къ подвигу и вдохновенная ими толпа съ восторгомъ и трепетомъ ожидала торжественнаго шествія народа къ Дворцу, городъ и окраины были полны тревожныхъ предвѣстій готовившагося кровопролитія. Въ городѣ ходили слухи о приказѣ, отдаваемомъ войскамъ, о передвиженіяхъ воинскихъ отрядовъ въ полной боевой готовности. Но всѣ признаки опасности, угрожающей народу, были такъ сбивчивы и противорѣчивы. Съ одной стороны — войска, съ другой стороны бездѣйствіе, а кое гдѣ и благосклонное отношеніе къ собраніямъ полиціи. Казалось, что если власти хотятъ подавить движеніе, то онѣ должны прежде всего прекратить пропаганду, открыто ведущуюся передъ десятками тысячъ бастующихъ рабочихъ. Но ни въ одномъ отдѣлѣ не было сдѣлано ни малѣйшей попытки воспрепятствовать стеченію народа. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полиція присутствовала на собраніяхъ и, повидимому, относилась къ нимъ вполне благосклонно. Объ этомъ свидѣлствуютъ безчисленныя заявленія очевидцевъ. Одна изъ записей сообщаетъ слѣдующій характерный фактъ, относящійся къ вечеру 8-го января: «Въ толпѣ (на улицѣ, передъ раскрытымъ окномъ собранія) стоялъ городской и, разиня ротъ, слушалъ. Когда одна курсистка указала на несообразность такого явленія, рабочіе заступились за него: «пускай стоитъ. Тоже вѣдь человѣкъ, — понимаетъ». На Среднемъ проспектѣ городской самъ разсуждалъ, обращаясь къ толпѣ, и хотя словъ его не было слышно, но, по одобреніямъ рабочихъ, можно было догадаться, что онъ выражаетъ ей свое сочувствіе». Но не одно только поведеніе отдѣльных чиновъ полиціи давало многимъ надежду на какія-то благопріятныя для народа возможности. Вотъ характерные отрывки изъ подробнаго письменнаго показанія члена извѣстнаго своимъ реакціоннымъ направленіемъ «Русскаго Собранія», врача Алафузовской больницы Дьячкова, рисующіе общее положеніе вещей 8-го и утромъ 9-го января¹⁾: «Что 9-го января будетъ крестный ходъ къ Зимнему Дворцу изъ-за Нарвскихъ воротъ, не составляло ни для кого секрета. Объ этомъ открыто говорили всѣ... Не помню, за день или за два дня до 9 января, было расклеено на улицахъ города объявленіе отъ градоначальника, чтобы на улицахъ не происходило скопленія народа, такъ какъ въ противномъ случаѣ будутъ приняты законныя мѣры. По дорогѣ въ больницу я видѣлъ нѣсколько такихъ экземпляровъ на заборахъ до Нарвскихъ воротъ и одинъ изъ нихъ прочелъ. За Нарвскими же воротами и до самой больницы Алафузовской я не встрѣтилъ ни одного расклееннаго на заборахъ объявленія отъ градоначальника, хотя старательно и нарочно искалъ глазами. Это меня удивило. Объявленіе не было расклеено тамъ, гдѣ наиболѣе его слѣдовало бы расклеить. Въ недоумѣніи остался я отъ этого объявленія также

1) Показаніе это почти полностью напечатано въ „Докладѣ комисіи, избранной общимъ собраніемъ присяжныхъ повѣренныхъ 16 января 1905 г. по поводу событій 9—11 января“.

и въ томъ отношеніи, что въ немъ ни слова не было сказано о предстоящемъ крестномъ ходѣ, хотя, конечно, полиція была о немъ освѣдомлена, разъ о томъ говорила вся столица. Простыхъ и понятныхъ словъ для народа, что въ случаѣ скопленія народа будутъ стрѣлять, убивать, въ объявленіи сказано не было; въ объявленіи была приведена неопредѣленная фраза, что будутъ съ толпой поступать по закону»... Намъ приходилось разспрашивать рабочихъ изъ-за Нарвской заставы, какъ понимали они въ тѣ дни предупрежденіе градоначальника. Отвѣтъ былъ такой: «не всѣ и видѣли это объявленіе. А кто видѣлъ,—говорили, что неизвѣстно еще, правда ли оно отъ градоначальника. Подписи на немъ не было. Толковали, что, можетъ быть, такъ кто расклеилъ, нарочно, чтобы народъ смутить». Одинъ свидѣтель сообщилъ намъ, что за Нарвскую заставу дошли 8-го января слухи о передвиженіяхъ войскъ въ городѣ, но народъ и это истолковалъ по своему: говорили, что 9-го января готовится передъ Зимнемъ Дворцомъ большой парадъ и что это даже лучше: войска не помѣшаютъ народу предстать передъ Царемъ со своей петиціей. Другіе истолковывали передвиженіе войскъ иначе. Врачъ Дьячковъ, въ указанномъ уже показаніи, пишетъ на эту тему: «Основываясь на разныхъ слухахъ, слышанныхъ отъ разныхъ лицъ разговорахъ, я вывелъ мнѣніе, что народъ думалъ, если будутъ вызваны войска, то это на всякій случай, если бы кто сталъ безобразничать, хулиганить, выкидывать красные флаги и т. п. Но вѣрноподданному народу не приходило и на умъ заниматься такими преступными вещами и потому общее настроеніе, убѣжденіе, судя по слухамъ, у народа было таково, что стрѣлять не будутъ, къ Царю допустятъ. Я даже слышалъ такую версію, будто бы идущую изъ народа, что для выборныхъ изъ народа Царемъ будетъ приготовлено въ Зимнемъ Дворцѣ парадное угощеніе на 40 или на 60 человекъ». Поведеніе полиціи въ этомъ районѣ, какъ увидимъ, до самаго конца, до послѣдней роковой минуты, поддерживало въ народѣ надежду на благополучный исходъ. Г. Дьячковъ передаетъ слѣдующій разговоръ своего сослуживца, доктора К., съ помощникомъ пристава Жолткевичемъ, который, какой-нибудь часъ спустя, торжественно сопровождая крестный ходъ, былъ убитъ вмѣстѣ съ нѣсколькими десятками рабочихъ. «К. потомъ разсказывалъ мнѣ и другимъ врачамъ, что въ это время онъ имѣлъ разговоръ съ Ж. по поводу происходящаго. Ж. говорилъ ему, что теперь для полиціи тяжелое время, такъ много работы, больше чѣмъ врачамъ на холерѣ. К. сказалъ Ж.-чу: «почему же вы не остановите движеніе народа? Въдь могутъ быть несчастья, можетъ быть, будутъ стрѣлять въ народъ у воротъ». Ж. отвѣтилъ: «Намъ не приказано препятствовать движенію народа» ¹⁾.

¹⁾ Подводя итогъ всѣмъ своимъ впечатлѣніямъ и сообщеніямъ другихъ лицъ относительно условій, при которыхъ началось утро 9-го января шествіе народа съ петиціей, г. Дьячковъ говоритъ: *„Картина была такова, что у меня, какъ у человека православнаго,*

Изъ всего рѣшительно явствуетъ, что полиціи не приказано было препятствовать движенію народа—одинаково во всѣхъ районахъ, во всѣхъ «отдѣлахъ»—въ то самое время, какъ другое ведомство, военное, готовило приказаны разстрѣль. Но нужно сказать, что руководители движенія и наиболѣе сознательные рабочіе не были такъ спокойны, какъ врачъ Дьячковъ. Не была вполне спокойна и толпа. Къ вечеру 8-го января неуловимая тревога проникала въ души, и рѣшимость побѣдить эту безотчетную тревогу принимала все болѣе возвышенный, героическій характеръ. Полиція ничему не препятствовала, патрули, разъѣзжавшіе по темнымъ улицамъ, и войска, поставленные на заводы, хранили загадочное молчаніе, но уже вокругъ Гапона увивались какія-то подозрительныя личности, и близкіе ему рабочіе за Нарвской заставой сплотились вокругъ него, какъ вѣрная стража, укрывали его на ночь у себя въ домахъ и принимали всѣ мѣры предосторожности противъ угрожающаго ему ареста. Въ 7 ч. вечера онъ долженъ былъ выступить въ послѣдній разъ въ Путиловскомъ отдѣлѣ. Кромѣ рабочихъ набралось не мало публики изъ города, пріѣхали нѣкоторые представители печати. Гапонъ не показывался, и близкіе ему заявили, что онъ не пріѣдетъ.

Въ душной жаркой залѣ, набитой народомъ, поднималась тревога, то тутъ, то тамъ высказывались предположенія: «не арестованъ ли ужъ нашъ защитникъ? не забрали ли его черные вѣроны?» Народъ успокаиваютъ, говорятъ, что о. Гапонъ въ полной безопасности. Публика изъ города разъѣзжается. Но народъ ждетъ и тревожится. Гапонъ появился передъ Путиловцами только поздно вечеромъ, измученный, охрипшій и взволнованный. Въ послѣдней рѣчи своей онъ сравнилъ эту ночь съ ночью на Свѣтлый праздникъ: завтрашній день будетъ для народа пробужденіемъ изъ мертвыхъ, зарею новой жизни... Народъ просилъ у него благословенія на завтра, и матери приносили къ нему подъ благословеніе своихъ спящихъ дѣтей.

Ночь была лунная, тихая, жутко-тревожная. Многіе обратили вниманіе еще вечеромъ на огромную кроваво-красную луну надъ горизонтомъ. Мы спрашивали потомъ рабочихъ, участниковъ движенія, мужчинъ и женщинъ: «что дѣлалось въ эту ночь въ вашихъ семьяхъ?»... Намъ отвѣчали: «Спали немного. Ждали утра... Кто вѣруетъ, молился».

Въ эту ночь Петербургъ былъ сердцемъ Россіи.

V.

Круги петербургской интеллигенціи съ 6-го января волновались слухами о быстро разрастающемся, небываломъ рабочемъ

преданнаго Самодержавному Государю, любящаго родную исторію и преданія старины о единении Самодержавнаго Царя съ преданнымъ ему народомъ, не оставалось никакого сомнѣнія, что стрѣлять не будутъ, стрѣлять не посмѣютъ».

движеніи, которое за какую-нибудь недѣлю до того никто не считалъ возможнымъ. Слухи были сначала неясные, тревожные, сужденія сбивчивыя. Многіе еще продолжали говорить о дѣятельности Гапона и его помощниковъ, какъ о страшной по своимъ послѣдствіямъ правительственной провокаціи. Передавались сообщенія о томъ, что градоначальникъ и другія власти по министерству внутреннихъ дѣлъ продолжаютъ считать Гапона «своимъ человѣкомъ». Между тѣмъ свидѣтели-очевидцы, побывавшіе въ отдѣлахъ, рассказывали невѣроятныя вещи о политическомъ подъемѣ народныхъ массъ. Казалось, на глазахъ у всѣхъ растетъ громадная, фантастическая и въ то же время чисто русская легенда.

8-го числа, когда характеръ движенія уже вполне опредѣлился, когда стало ясно, что народныя массы дѣйствительно пойдутъ ко Дворцу въ торжественномъ подъемѣ своихъ послѣднихъ упованій на Царя и въ рѣшимости принести самую жизнь «въ жертву для изстрадавшейся Россіи», небольшіе вполне освѣдомленные круги интеллигенціи пришли въ неопредѣлимое волненіе. Казалось необходимымъ что-то сдѣлать въ предупрежденіе кровопролитія, котораго всѣ ожидали,—хотя и не думали, что оно приметъ такіе размѣры.

Вечеромъ 8-го января представители литературы собрались въ редакціи «Сына Отечества». Среди мертвой тишины прочтена была петиція рабочихъ къ Царю, только что передъ тѣмъ доставленная сюда вмѣстѣ съ письмомъ Гапона къ Святополкъ-Мирскому. Нѣсколько литераторовъ съ безпокойствомъ разспрашивали присутствовавшаго въ собраніи рабочаго, приближеннаго Гапона, каковы дѣйствительныя намѣренія рабочихъ. «Если Царь почему-нибудь не сможетъ принять васъ завтра, — рабочіе не предпримутъ чего-нибудь насильственнаго?» — спрашивали его. — «Нѣтъ, пусть только онъ выйдетъ сказать, чтобы мы пришли въ другой разъ.» — «А если онъ вообще не захочетъ говорить съ такой большой толпой?» — «Мы всѣ гарантировали ему неприкосновенность его личности. Объ этомъ сказано и въ письмѣ къ Святополкъ-Мирскому. Но въ крайнемъ случаѣ пусть онъ приметъ, хоть въ Царскомъ Селѣ, депутацію отъ насъ. Но только подлинную, нами избранную, съ отцомъ Гапономъ, — и чтобы мы могли говорить съ нимъ лично, а не черезъ чиновниковъ.» — «Ну, а если онъ и этого не захочетъ?» — «Тогда... тогда онъ не Царь...»

Для нѣкоторыхъ оставалась еще капля надежды, что можно достигнуть чего-то, поручившись передъ властями въ мирномъ характерѣ движенія. Несмотря на позднее время — былъ уже 12-ый часъ ночи, — собраніе отрядило депутацію изъ 9 заслуженныхъ литераторовъ и общественныхъ дѣятелей ¹⁾ къ кн. Святополкъ-Мир-

¹⁾ К. К. Арсеньевъ, П. Ф. Анненскій, А. В. Пѣхоновъ, I. В. Гессенъ, В. А. Мякотинъ, В. П. Семеѣвскій, М. Горькій, Е. П. Кедринъ; и Н. П. Карѣвъ; къ этой депутаціи были присоединены и рабочіи Д. В. Кузнь. Черезъ 3 дня послѣ того всѣ эти лица, кромѣ К. К. Арсеньева, были заключены въ Петропавловскую крѣпость.

скому и Витте, чтобы откровенно указать имъ на ту огромную отвѣтственность, какую возьметъ на себя правительство, если встрѣтитъ мирное шествіе рабочихъ безпричиннымъ насиліемъ. Святополкъ-Мирская депутація не застала дома. Его товарищъ, генераль Рыздзевскій, взялся только передать министру слова депутаціи, но сказалъ, что правительству извѣстны всѣ факты, и совѣтовалъ обратиться съ предупрежденіями не къ правительству, а къ рабочимъ. Витте принялъ депутацію, но отказался что-либо сдѣлать, говоря что это дѣло «не его вѣдомства» и что лично онъ безсиленъ. Депутація вернулась поздно ночью въ собраніе, чтобы сообщить о результатахъ своихъ переговоровъ. Ничего нельзя было болѣе предпринять въ этотъ поздній часъ: въ виду неорганизованности интеллигенціи не сформированы были, какъ слѣдуетъ, даже летучіе врачебные отряды. Вызваны были только охотники пойти въ рабочіе кварталы на развѣдку.

Ночью городъ былъ фактически поставленъ на военное положеніе. Повсюду были размѣщены войска. Въ отдѣльных частяхъ города были устроены штабы съ походными кроватями, гдѣ офицеры, въ шинеляхъ, по военному, пили чай, курили, болтали, коротали ночь, какъ въ походѣ. Для военныхъ были снаряжены на всякій случай кареты Краснаго Креста. Г.г. офицерамъ было предоставлено высшимъ военнымъ начальствомъ дѣйствовать по усмотрѣнію. На всѣхъ мостахъ и переходахъ Невы съ ранняго утра расположились пикеты. Одинъ изъ развѣдчиковъ сообщалъ, какъ пьяные солдаты, грѣясь у костра, прыгали, хохотали, плясали польку. За Нарвскими воротами расположены были войска, нарочно привезенныя въ эту ночь изъ Пскова. Ничего не подозревающимъ солдатамъ этихъ ротъ заранѣе дано было предписаніе стрѣлять по сигнальному рожку.

VI.

Шествіе должно было открыться изъ всѣхъ одиннадцати отдѣловъ, не исключая и Колпинскаго, съ такимъ расчетомъ, чтобы къ 2 ч. дня всѣ собрались на «царской площади», какъ говорится въ нѣкоторыхъ записяхъ. Впереди должны были идти депутаты отдѣловъ. Каждый отдѣлъ имѣлъ свой экземпляръ отпечатанной рабочими петиціи. Все это было выполнено съ изумительной строгостью, торжественностью и необыкновенно трогательной простотой.

Еще не наступилъ поздній январскій разсвѣтъ, а къ отдаленнымъ отъ центра отдѣламъ уже потянулись рабочіе. Колпинцы, которымъ предстояло пройти не мало верстъ, двинулись въ путь уже въ 6½ ч. утра. Другіе отдѣлы тоже открылись съ ранняго утра, но въ нихъ продолжалась подготовительная работа, велись тихіе, взволнованные разговоры, произносились рѣчи, вновь и вновь читалась и толковалась петиція—для тѣхъ, кто не достаточно усвоилъ ее, или для вновь прибывающихъ къ отдѣламъ

толпѣ. Надежда «дойти до Царя» повсюду сливалась съ предвѣ-
дѣніемъ угрожающей опасности.

На Шлиссельбургскомъ трактѣ ободряли другъ друга сообще-
ніями, что одинъ рабочій изъ вожаковъ, посѣтившій вечеромъ
своего родственника жандарма, былъ встрѣченъ и другими жан-
дармами съ распростертыми объятіями: «жандармы все знаютъ
и не будутъ мѣшать». Хотѣли сначала въ первый рядъ поста-
вить дѣтей,—ибо шли къ царю дѣйствительно, какъ говорится
въ петиціи, со своими женами, дѣтьми и стариками-родителями.
Говорили, что если бы солдатъ и послали, то они не будутъ
стрѣлять: «Мы возьмемъ ихъ за плечи, мы скажемъ: братцы, что
вы! да развѣ можно въ своихъ?...» И однако, одного изъ развѣд-
чиковъ попросили поѣхать за перевязочными средствами, а когда,
послѣ напутственной рѣчи предсѣдателя отдѣла, двинулись въ
путь, въ первые ряды поставили самыхъ сильныхъ и смѣлыхъ,
которые двинулись, ведя за собою многочисленную толпу, сом-
кнутымъ строемъ, крѣпко взявшись подъ руки.

Что происходило въ то утро въ отдѣлѣ на Васильевскомъ
Островѣ, записано полностью, съ необычайной простотой и,—какъ
показала провѣрка—съ великою правдивостью,—одной интелли-
гентной дѣвушкой. Мы приводимъ здѣсь этотъ документъ почти
цѣликомъ:

«Въ воскресенье утромъ, въ 10-мъ часу, я отправилась на
4 линію В. О. На улицахъ еще было тихо. На одномъ углу стояла
кучка дворниковъ или сыщиковъ, которые, когда я проходила, со
смѣхомъ сказали: «ну, ихъ сегодня перебыютъ»... Толпа все при-
бывала. Къ 10 ч. двери собранія были открыты, и мы вошли.
Настроеніе толпы было напряженно-спокойное, чувствовалась
какая-то связь, какое-то дружеское взаимное отношеніе. Были и
женщины, молодыя и старыя, хотя немного. Громадное помѣщеніе
сплошъ было заполнено народомъ. Стояли на скамьяхъ, на окнахъ.
Разговора не слышно было... На эстрадѣ появился пожилой ра-
бочій и обратился къ толпѣ: «товарищи! Вы знаете, зачѣмъ мы
идемъ. Мы идемъ къ Царю за правдой. Не вмоготу намъ стало
жить. Помните ли вы Минина, который обратился къ народу,
чтобы спасти Русь. Но отъ кого? Отъ поляковъ. Теперь мы должны
спасти Русь отъ чиновниковъ, подъ гнетомъ которыхъ мы стра-
даемъ. Изъ насъ выжимаютъ потъ и кровь. Вамъ ли описывать
нашу жизнь рабочую. Мы живемъ въ одной комнатѣ по 10 семей,
также и холостые. Такъ ли я говорю?»—«Вѣрно! Вѣрно!» разда-
лось со всѣхъ сторонъ... «И вотъ, товарищи, мы идемъ къ Царю.
Если онъ намъ Царь, если онъ любитъ народъ свой, онъ долженъ
насъ выслушать. Мы послали ему черезъ министра письмо, въ
которомъ просили выйти къ намъ въ 2 ч. дня на Дворцовую пло-
щадь. Мы представимъ ему петицію, въ которой выражены всѣ
наши требованія, извѣстныя вамъ. Не можетъ быть, чтобы онъ
насъ не принялъ. Мы идемъ къ нему съ открытой душой. Мы
гарантировали ему неприкосновенность его личности. Онъ долженъ

насъ выслушать, онъ это сдѣлаетъ. Товарищи! Такъ идемъ же всѣ къ Царю. Я первый пойду, въ первыхъ рядахъ, и когда мы падемъ, вторые ряды за нами. Но не можетъ быть, чтобы онъ велѣлъ въ насъ стрѣлять... Гдѣ-то въ толпѣ поднялся студентъ и хотѣлъ говорить, но толпа крикнула: «Намъ студентовъ не надо, не надо». Тогда выступилъ на трибуну ораторъ и сказалъ: «Отъ гнета правительства терпимъ не только мы, рабочіе; терпятъ многіе и студенты. Есть студенты изъ среды рабочихъ; терпятъ и дворяне. Не отталкивайте ихъ, товарищи. Пусть всѣ идутъ, кто страдаетъ отъ гнета правительства, съ нами...» Затѣмъ на трибуну стала женщина, по виду интеллигентная¹⁾, уже не молодая. Она обратилась къ женщинамъ съ рѣчью: «Матери и жены! Не отговаривайте вашихъ мужей и братьевъ идти за правое дѣло. Идите вмѣстѣ съ ними. Если на насъ нападутъ, или будутъ стрѣлять, не кричите, не визжите, явитесь сестрами милосердія. Вотъ вамъ перевязки съ краснымъ крестомъ. Обвяжите эту повязку кругомъ рукава, но только тогда, не раньше, когда въ насъ начнутъ стрѣлять». «Идемъ! идемъ!» раздалось вокругъ меня, гдѣ стояло нѣсколько дѣвушекъ и нѣсколько пожилыхъ женщинъ. «Всѣ должны идти. Дайте кресты», потянулись со всѣхъ сторонъ женскія руки. А дѣвушка, стоявшая подлѣ меня, обратилась къ подружѣ въ сильномъ возбужденіи, говоря: «пойди, скажи мамѣ, я пойду. Все равно, убьютъ, такъ убьютъ. Что же это! Однихъ будутъ убивать, другіе воспользуются, — это нехорошо. Всѣ, всѣ должны идти». И опять, въ сильномъ возбужденіи, стала просить красный крестъ, такъ какъ на ея долю не хватило. Одна старуха съ заплаканными глазами сказала: «я только сбѣгаю домой, посмотрю, что тамъ дѣлается. Я приду. Я еще успѣю». И дѣйствительно, я ее потомъ видѣла въ толпѣ, направляющейся къ Дворцовой площади. Говоритъ еще одинъ молодой рабочій. Онъ указываетъ собранію, что тамъ, на улицѣ, мутятъ рабочихъ, говоря, что они идутъ просить царя окончить войну. «Мы идемъ просить не о войнѣ, мы идемъ просить собрать представителей народа, чтобы они рѣшили всѣ вопросы. Мы ничего не рѣшаемъ». Затѣмъ сталъ на эстраду одинъ изъ депутатовъ, невысокаго роста, блондинъ, съ очень нервнымъ, воспаленнымъ взглядомъ. Онъ прочелъ текстъ письма къ Мирскому и объяснилъ, что онъ одинъ изъ 11 рабочихъ, участвовавшихъ въ составленіи письма. Послѣ этого первый рабочій еще коснулся вопроса о церкви²⁾: «Чиновники не только поработили насъ,—они поработили и церковь. Теперь нельзя быть истинными христіанами. Если я молюсь не по казенному, то каждый, кто это увидитъ, можетъ донести. У насъ есть церковь, но нѣтъ свободы вѣры. Если я скажу, что я

¹⁾ Это была упомянутая выше жена рабочаго, председательница женскихъ собраній въ отдѣлахъ, К. Прим. авт.

²⁾ Въ петиціи имѣется пунктъ о „свободѣ совѣсти въ дѣлѣ религіи“, а въ послѣдней, мѣлѣ известной публикѣ, редакціи ея,—и пунктъ объ отдѣленіи церкви отъ государства.

Прим. авт.

не вѣрую въ Бога, меня за это будутъ наказывать, будутъ насиловать мою совѣсть. Церковь наша порабощена правительствомъ. Нужно, чтобы она была свободна, чтобы каждый молился по своей совѣсти. Такъ ли я говорю?»—«Вѣрно! Такъ!..» Затѣмъ онъ сказалъ: «А теперь помолимся Богу, прочтемъ Отче Нашъ». Вся толпа благоговѣнно, съ напряженной душой въ глазахъ, стройно, однимъ хоромъ, пропѣла молитву, истово крестясь. Одинъ старикъ и многія женщины плакали...

«Вошло другое собраніе. Снова пропѣли «Отче Нашъ», съ тѣмъ же благоговѣйнымъ настроеніемъ, съ тайной душой о смерти. То и дѣло толпа заглядывала въ окна и съ сильнымъ возбужденіемъ говорила: «Мало народу, мало», боясь, что не соберется достаточное количество. Главный ораторъ снова выступилъ впередъ и сказалъ: «Товарищи, знаете, зачѣмъ мы идемъ?»—«Знаемъ! знаемъ!» раздались юные голоса. «Пойдемъ же твердымъ, сомкнутымъ строемъ, не отступая, не отставая. Безъ криковъ и шума. Не слушайте голосовъ изъ толпы. Слушайте только насъ, которые пойдемъ въ первомъ ряду... Знаменъ не надо. Но тѣхъ, кто носить знамена, не бить,—только знамя отнять. Мы не потому говоримъ, что не надо знаменъ, что въ нихъ есть что-нибудь дурное, а потому, что толпа привыкла, что полиція бросается на знамена, и можетъ приписать знаменамъ, въ случаѣ столкновенія, причину нападенія. Но помните, товарищи: тѣхъ, кто носить знамена, не бить! Листковъ не подбирайте. Голосовъ изъ заднихъ рядовъ не слушайте. Идите мирно и благоговѣнно. Мы идемъ на великое дѣло и можемъ гордиться этимъ. Кто мы? Мы ничтожные рабочіе. Такъ зовите же всѣхъ, кто пойдетъ съ нами, никого не отталкивайте. Идемъ!..»

Всѣ вышли. На улицѣ дождался уже Гаваньскій отдѣлъ, пришедшій на соединеніе съ Василеостровскимъ. Образовалась громадная толпа, запрудившая всю линію отъ Малаго до Средняго. Она медленно двинулась впередъ, стараясь идти сомкнутымъ строемъ...

Путиловскій отдѣлъ, оставался на попеченіи самого Гапона. Здѣсь рабочая толпа была менѣе сознательна, болѣе наивна, чѣмъ въ другихъ отдѣлахъ. Здѣсь былъ источникъ и очагъ стачечнаго движенія, въ которомъ Гапонъ съ самаго начала игралъ роль заступника и руководителя.

Здѣсь онъ проводилъ послѣднія тревожныя ночи. Здѣсь окружала его «вѣрная стража», группа восторженно любившихъ его рабочихъ. Одинъ изъ нихъ пишетъ: «8-го января, около 11 ч. вечера пришелъ ко мнѣ о. Георгій. Наружность его была измученная, голосъ хриплый, потерялъ его. Предложилъ я ему закусить, онъ отказался, только и было, что вынулъ полъ-стакана чаю, но курилъ одну за другой папирсы. Говорить какъ будто ему не хотѣлось. Въ 12-мъ часу онъ былъ въ постели и спалъ очень крѣпко, ночью не просыпался. 9-го января проснулся въ 8 ч. утра и пилъ чай, но закусывать ничего не хотѣлъ»... Говорить

передъ толпою въ это утро онъ уже не могъ или не хотѣлъ, сказавъ ей наканунѣ свое послѣднее напутственное слово. Какія-то подозрительныя личности навѣдывались въ квартиру, гдѣ онъ провелъ ночь... «...Черезъ нѣсколько минутъ приходитъ нѣкто К., — пишетъ хозяинъ этой квартиры, — и обращается къ о. Гапону со словомъ: «О. Георгій, васъ г. приставъ проситъ къ себѣ въ петергофскій участокъ для переговоровъ по телефону съ г. градоначальникомъ по очень важному дѣлу». О. Георгій ему отвѣтилъ: «теперь, товарищъ, поздно и не время. Надо было раньше переговаривать. Подите сами къ телефону и скажите, что я, священникъ Гапонъ, г. градоначальникъ, что вамъ угодно, а мнѣ сейчасъ некогда, я долженъ сейчасъ отправляться съ товарищами ко Дворцу». Возможно, какъ полагаетъ пишущій приведенныя строки, что это были уловки тайной полиціи, старавшейся выманить Гапона и, арестовавъ тайно отъ толпы, разстроить шествіе. По сообщеніямъ нѣкоторыхъ свидѣтелей, Гапонъ былъ чрезвычайно взволнованъ предвидѣніемъ того, что должно было случиться. Нѣкоторымъ женщинамъ, матерямъ семейства, подходившимъ въ послѣднюю минуту просить его напутственного благословенія, онъ совѣтовалъ лучше идти домой, потому что, можетъ быть, будутъ стрѣлять. Приближенные Гапона достали большой портретъ Царя и два меньшихъ портрета Царя и Царицы и сдѣлали большой бѣлый флагъ, на которомъ написали крупными буквами: «Солдаты! Не стрѣляйте въ народъ».

Толпы уже стекались къ отдѣлу, заполняя весь дворъ и часть улицы. Утромъ въ помѣщеніи собранія раздавались пособія стачечникамъ и собирались послѣднія подписи подъ петиціей. «Въ 9 съ половиною часовъ утра, говорится въ цитированной уже записи, пришли нѣсколько человѣкъ съ предложеніемъ: О. Георгій! А можно намъ поднять иконы и крестъ, чтобы идти съ крестнымъ ходомъ?» О. Георгій имъ на это отвѣтилъ:—У насъ нѣтъ иконъ и негдѣ взять.—Народъ говорилъ: Мы, батюшка, можемъ достать и намъ дадутъ.—Если можете достать, тѣмъ лучше». Черезъ 40 минутъ Гапону сообщили, что хоругви, крестъ и иконы принесены. Ихъ взяли въ часовнѣ Болдыревской дачи. Около 11 ч. утра Гапонъ, въ священнической рясѣ, вышелъ во дворъ, гдѣ ожидалъ крестный ходъ и многотысячная толпа рабочихъ. Здѣсь же было нѣсколько человѣкъ полиціи съ помощникомъ пристава. Около воротъ, по шоссе, проѣзжали конно-городовые и инженеръ Р. Онъ подошелъ къ Гапону и потомъ, обратившись къ толпѣ, сказалъ отъ его имени напутственное слово дѣлового характера. Шествіе стало строиться въ ряды. Впереди несли хоругви, иконы, крестъ, царскіе портреты и бѣлый флагъ. Въ первыхъ рядахъ, крѣпко взявшись подъ руки, шли, окружая Гапона, самые смѣлые, самые восторженные. Предшествуемый полиціей, крестный ходъ тронулся и растянулся по шоссе—чуть не на нѣсколько верстъ. На небѣ сіяло солнце. Запѣли «Спаси, Господи, люди Твоя».

Всѣ шли съ обнаженными головами. Полицейскіе чины на пути снимали шапки.

Когда голова шествія приближалась уже къ Нарвскимъ воротамъ, изъ-за воротъ, прямо на толпу, карьеромъ понесся отрядъ конницы. Онъ прорвалъ шеренги первыхъ рядовъ, но быстро повернулъ назадъ и отъѣхалъ въ сторону, открывая стоявшую на мостикѣ—поперекъ его и по бокамъ—пѣхоту. Толпа пришла въ замѣшательство. Но первые ряды сейчасъ же сомкнулись, взялись за руки и съ пѣніемъ мужественно двинулись впередъ, къ мостику. Раздался сигнальный рожокъ,—обезумѣвшіе, ничего не понимающіе псковскіе солдаты дали залпъ. Помощникъ пристава крикнулъ: «что вы дѣлаете! Какъ можно стрѣлять въ крестный ходъ и портретъ Царя!»—но черезъ минуту упалъ мертвымъ. Солдаты продолжали стрѣльбу пачками, бѣглымъ огнемъ. Невообразимое смятеніе произошло въ эту минуту, когда повалились люди въ первыхъ рядахъ, роняя образа и хоругви. Убиты были старики, несшіе царскіе портреты, и мальчикъ, несшій церковный фонарь. Ужасные крики неслись изъ толпы. Часть ея разбѣгалась, пряталась по соседнимъ дворамъ. Шальные пули догоняли ее и тамъ. Другая часть, вѣрная клятвѣ не отступать, въ безумномъ порывѣ напирала впередъ. Подкошенные пулями, падая, сшибали другихъ. Гапонъ тоже упалъ, сбитый съ ногъ однимъ изъ убитыхъ перваго ряда. «Вѣрная стража», среди общаго смятенія, подхватила его и быстро перебросила черезъ заборъ. Онъ скрылся, никѣмъ не замѣченный. Въ толпѣ пронесся слухъ, что онъ убитъ. Спереди напирала теперь на толпу конница, топтала портреты и хоругви, тѣснила людей, живыхъ, раненыхъ и убитыхъ. Здѣсь пало на мѣстѣ нѣсколько десятковъ, болѣе сотни было ранено. Часть убитыхъ была скрыта полиціей, но многіе выставлены были потомъ, для опознанія, въ больничныхъ мертвецкихъ. Мѣсяцъ спустя жена одного рабочаго, сама не потерявшая въ этомъ дѣлѣ никого изъ близкихъ, рассказывала намъ дрожащими губами, какія у этихъ покойниковъ были «страшныя и удивленныя лица».

Въ другихъ крайнихъ частяхъ города, кромѣ Петербургской стороны, отвѣтственные офицеры дѣйствовали мягче и въ солдатахъ замѣтно было болѣе сознательности; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣчалась даже нѣкоторая нерѣшительность. Нѣкоторые отдѣлы, шедшіе не такими компактными массами, добрались до Дворцовой площади безъ столкновеній съ войсками. Колпинцы имѣли первое объясненіе съ войсками только на Мытнинской, подлѣ Невского. Офицеръ просилъ ихъ идти не толпою, а маленькими группами, что они и исполнили. Всѣ думали только о томъ, чтобы добраться до цѣли.

Толпа, шедшая изъ Невского отдѣла, безпрепятственно дошла до Шлиссельбургской части. Здѣсь путь былъ перерѣзанъ пѣхотой, за которой стояли казаки. Для объясненія съ толпою вышелъ, приставъ и выѣхалъ казачій полковникъ. Толпа остановилась

Предсѣдатель отдѣла Петровъ, шедшій впереди съ другими депутатами, вступилъ въ переговоры съ полковникомъ. «Петровъ объясняетъ ему,—пишетъ одинъ рабочій, свидѣтель,—что мы идемъ смирно, не нарушая никакого порядка, намъ одна дорога—впередъ, назадъ намъ незначѣмъ идти. Послѣ недолгихъ разговоровъ слышимъ ружейный выстрѣлъ, но изъ холостыхъ, за нимъ другой, третій»... Задніе ряды пришли въ смятеніе, побѣжали. Раздались крики: «Товарищи!.. Стой!.. Не измѣняйте». Первые ряды не отступали, многіе изъ бѣжавшихъ возвратились назадъ. Между тѣмъ пѣхота отошла, оставивъ впереди уральскихъ казаковъ. «Толпа подвинулась впередъ,—продолжаетъ тотъ же свидѣтель.—Стали ихъ просить, чтобы пропустили. Офицеръ говоритъ:—пропустить васъ я не могу, вы идете противъ Царя.—Рабочіе говорятъ: Нѣтъ, мы идемъ за Царя, мы только хотимъ вытащить его изъ сѣтей капиталистовъ и казнокрадовъ.—Сколько разъ онъ потомъ хотѣлъ разогнать толпу, но она крѣпко держалась своей заповѣди, которую далъ священникъ: «умремъ, товарищи! шагуйте назадъ». Казаки отчаянно махали пашками, нѣкоторыхъ били плашмя, а на другихъ замахивались остриемъ, даже ранили Петрова. Сколько разъ народъ становился на колѣни, и слышны были раздирающіе крики: пощади! и озлобленные крики, съ укоромъ: братоубійцы! опричники! креста на васъ нѣтъ!..» Казаки наѣзжали на толпу, которая продолжала рваться впередъ. Одинъ старикъ изъ первыхъ рядовъ бросился передъ ними на колѣни, умолялъ пощадить народъ. Его смяли лошадьми и ранили пашкой... Но въ это время средняя часть толпы проломила ворота въ склады на Неву и, очищая дорогу, устремилась въ городъ по льду, небольшими кучками и вразсыпную, торопясь поспѣть на площадь къ условленному часу.

Съ Васильевского Острова почти никто не попалъ на площадь. Столкновеніе съ войскомъ произошло здѣсь скоро послѣ выхода изъ собранія. Неподалеку отъ набережной Невы 4—5 линія была пересѣчена войсками. Стройная, длинная колонна шествія медленно двигалась навстрѣчу имъ и шагахъ въ 25—30 остановилась. Депутаты вышли впередъ и, махая бѣлыми платками, пытались объяснить что-то, кричали убѣждающимъ, умоляющимъ голосомъ. Отрядъ конницы поскакалъ на толпу, отбрасывая ее въ сторону. Пѣхотинцы уже взяли на прицѣлъ. Депутаты растегнули пальто, подставляя груди. Что-то дрогнуло въ ряду солдатъ, поднявшихъ ружья. Офицеръ быстро распорядился выпустить изъ пѣхоты новый отрядъ казаковъ съ обнаженными пашками. Толпа была смята, отброшена назадъ, отиснута въ прилегающіе переулки. Пробраться впередъ было невозможно. Толпа разсѣивалась, уводя раненыхъ, часть пошла назадъ къ собранію, другая металась въ негодованіи по улицѣ между отрядами казаковъ. Раздались призывы къ оружію. Молодежь пошла громить оружейную мастерскую Шаффа. Группа рабочихъ подъ руководствомъ студента, завладѣла типографіей и стала наскоро печат-

татъ на ручномъ станкѣ здѣсь же составленную прокламацію. На углахъ ближайшихъ улицъ быстро собирались толпы народа. Въ одномъ мѣстѣ бросились на отрядъ полиціи и отобрали у нея пашки. Выступили ораторы изъ социаль-демократовъ. Ихъ слушали теперь: настроеніе необычайно рѣзко измѣнилось. Негодованіе кипѣло въ толпѣ, но руководители не знали, что дѣлать, какой выходъ дать этому негодованію. Послали развѣдчиковъ въ другія части города. На 4-ой линіи стали валить телефонные столбы и строить баррикады.

Выборгскій отдѣлъ шелъ къ Троицкому мосту на соединеніе съ отдѣломъ Петербургской стороны. На большой Дворянской онъ былъ встрѣченъ конницей, которая смяла его быстрымъ натискомъ, съ пашками наголо. Три раза конница прорѣзала его взадъ и впередъ, сшибая и рубя людей. Толпа въ смятеніи разсѣивалась, подбирая раненыхъ, но передняя часть ея быстро шла впередъ, на условленное соединеніе съ товарищами. Въ это время со стороны Троицкаго моста раздался сигнальный рожокъ и послышались выстрѣлы. Нѣкоторые побѣжали туда, на звукъ выстрѣловъ, и вновь попали подъ пашки. Другіе спѣшили обходными путями ко Дворцу.

Шествіе на Петербургской сторонѣ было чрезвычайно многолюдно и торжественно. Передніе ряды и здѣсь шли крѣпкими дѣтьми, взявшись подъ руки, — мужчины и дѣвушки, рабочіе и среди нихъ, вмѣстѣ съ ними, взволнованные движеніемъ интеллигенты. Въ толпѣ было нѣсколько гимназистовъ. Шагахъ въ 300 отъ Троицкаго моста, подлѣ парка, толпа завидѣла передъ собою перерѣзавшую ей дорогу пѣхоту. Командовавшій офицеръ пошелъ на встрѣчу и, крикнувъ что-то, замахалъ рукой. Отъ толпы отдѣлились депутаты съ свиткомъ петиціи. Они уже подходили къ нему, показывая знаками, что они безоружны, но вдругъ офицеръ повернулъ назадъ, отбѣжалъ въ сторону на тротуаръ и сдѣлалъ знакъ солдатамъ. Раздался рожокъ и велѣдъ за нимъ, быстро одинъ за другимъ, три залпа. Многіе изъ бывшихъ въ толпѣ, не сразу поняли, что такое произошло. Падали окровавленные люди. Молодая дѣвушка, — рабочая, шедшая недалеко отъ стараго отца, истекая кровью, ползала по землѣ и кричала: «папа»... Нѣсколько десятковъ человекъ были убиты на-поваль. Уцѣлѣвшіе подбирали раненыхъ, усаживая ихъ на извозничьи сани. Суетились, помогая, гимназисты. Публика останавливала для перевозки раненыхъ частные экипажи. Одну женщину повезли въ больницу съ прострѣленнымъ на смерть у нея на рукахъ годовалымъ ребенкомъ. Пули летѣли здѣсь очень далеко и настигли не мало случайныхъ жертвъ. Народъ въ ужасѣ сходилъ со всѣхъ сторонъ на звуки залповъ, а велѣдъ убѣгающимъ изъ разстрѣлянной колонны неслась появившаяся съ Дворянской улицы конница, настигала ихъ пашечными ударами и наносила удары даже лежащимъ.

Отсюда, какъ и изъ-за Нарвскихъ воротъ, тоже почти никто не дошелъ до Дворца.

VII.

Во второмъ часу дня по тротуарамъ Невскаго, какъ это бываетъ обыкновенно въ ясные праздничные дни, двигалась огромная толпа народа. Но среди обычной городской публики сейчасъ же бросалась въ глаза масса рабочихъ. Они торопливо шли, кучками и вереницами, въ одномъ направленіи, къ площади Зимняго Дворца. По улицѣ разѣзжали отряды казаковъ. Чѣмъ ближе къ Адмиралтейству, тѣмъ гуще были толпы и тѣмъ больше было казаковъ. Въ концѣ Невскаго движеніе конокъ было прекращено. Улица была перерѣзана отрядомъ конницы. По Адмиралтейскому проспекту быстро разѣзжали, тѣсня народъ къ панелямъ, такіе же отряды и группы жандармовъ. На Дворцовой площади была масса войскъ, конницы и пѣхоты. Дворецъ былъ окруженъ пушками. Толпы народа тѣснились здѣсь къ рѣшеткѣ Александровскаго сада съ одной стороны, къ зданію Генеральнаго Штаба, вплоть до Арки, съ другой. Народъ все прибывалъ, размѣщаясь по обѣимъ сторонамъ Адмиралтейскаго проспекта, и по угламъ Невскаго. Многіе вошли въ садъ и изнутри тѣснились къ его рѣшеткѣ. На вѣткахъ деревьевъ сидѣли взобравшіеся туда уличные мальчуганы. Въ саду, пользуясь рѣдкимъ солнечнымъ днемъ, играли дѣти, каталась на конькахъ безпечная молодежь. Городской людъ шелъ по своимъ надобностямъ во всѣхъ направленіяхъ и задерживался въ саду или на площади необычайнымъ зрѣлищемъ. Учащаяся молодежь, интеллигенція, кое кто изъ случайной публики смѣшивались съ рабочими.

Настроеніе было сдержанно-возбужденное. Народъ терпѣливо ждалъ появленія Царя. Между рабочими шли тихіе разговоры. Тутъ были лучшіе, самые мужественные изъ нихъ, добравшіеся сюда черезъ всѣ преграды. Иногда эскадронъ конницы пронесся съ шашками наголо по Адмиралтейскому проспекту или начиналъ напирать на публику, тѣснившуюся у стѣны и рѣшетокъ сада. Тогда въ толпѣ раздавался громкій негодующій ропотъ, крики, похожіе издали на перекатывающееся «ура». Около 2 часовъ жандармерія прошла по Александровскому саду и, небрежно приказавъ нѣкоторымъ группамъ расходиться, заперла всѣ входы и выходы сада, оставивъ тамъ публику. Толпа начала между тѣмъ волноваться: съ окраинъ приходили извѣстія о разстрѣлахъ. Но рабочіе упорно ждали Царя. Кто-то сказалъ, что Царя нѣтъ въ С.-Петербургѣ. Большинство не повѣрило. Изрѣдка въ толпѣ раздавались крики: «уберите войско! Въдь мы ничего дурного не дѣлаемъ». Въ одномъ мѣстѣ толстый офицеръ съ краснымъ лицомъ подошелъ къ толпѣ и сказалъ: «Расходитесь! Будутъ стрѣлять». Слышавшіе это не повѣрили ему и продолжали говорить между собой: «за что же стрѣлять?»

Къ рабочимъ, стоявшимъ у Штаба—это была группа колпинцевъ,—тоже подошелъ офицеръ съ предупрежденіемъ, что будутъ стрѣлять. Ему отвѣтили: «стрѣляйте! мы пришли искать правду». Вскорѣ изъ группы пѣшихъ войскъ, занимавшихъ середину площади, выдѣлилась рота Преображенскаго полка съ офицеромъ и выстроилась въ двѣ шеренги противъ Александровскаго сада. Публика смотрѣла съ недоумѣніемъ. Заигралъ горнистъ. Наступила тишина. Всѣ переглядывались. Раздались ободряющіе голоса: «Это такъ... Не можетъ быть»... Горнистъ проигралъ еще разъ и послышалась команда: «цѣлся». Первый рядъ преображенцевъ опустился на колѣни и взялъ на прицѣлъ. Никто не тронулся съ мѣста, но лица поблѣднѣли, многіе стали креститься. Раздался залпъ—въ народъ, стоявшій у сада, и прямо въ садъ, въ любопытныхъ и въ играющихъ дѣтей. Толпа замерла. Нѣкоторые подумали, что залпъ холостой. Но кругомъ на площади и за рѣшеткой сада валились убитые и раненые. Съ деревьевъ, какъ подстрѣленные воробы, посыпались мальчуганы. Кто-то громко застоналъ. Часть толпы вдругъ скорчилась, согнулась и побѣжала въ сторону. Солдаты сдѣлали полуоборотъ вправо и дали залпъ по направленію къ Адмиралтейству и къ Дворцовому мосту. Потомъ полуоборотъ влѣво—и залпъ по направленію къ Штабу, въ убѣгающую толпу.

Народъ закричалъ, заволновался. Громкій ропотъ понесся по площади, по Адмиралтейскому проспекту, по Невскому. Шальные пули сваливали проходившихъ у самой набережной и за Александровскимъ садомъ у Исакиѣвскаго собора.

Съ необычайной быстротой распространился повсюду слухъ о происшедшемъ, и холодная толпа петербургскихъ улицъ вдругъ закипѣла гнѣвомъ, забыла всякій страхъ, забушевала. Въ то время, какъ на Дворцовой площади и поблизости отъ нея подбирали, уносили въ сосѣдніе дворы и увозили раненыхъ, а по Гороховой тянулись, одни за другими, извозчики съ трупами неизвѣстныхъ убитыхъ, народъ съ бѣшенствомъ набрасывался на случайно проходившихъ и проѣзжавшихъ по улицѣ офицеровъ, стаскивалъ ихъ съ извозчиковъ, рвалъ эполеты, вырывалъ пашки. Повсюду раздавались крики: «Убійцы! Кровопійцы! Палачи! отъ японцевъ бѣжите, а въ своихъ стрѣляете». По Невскому, по улицѣ Гоголя, по Морской, по Гороховой сновали толпы народа, разгоняемыя озвѣтрѣвшей конницей съ пашками наголо. Народъ бросался бѣжать, прижимался къ стѣнамъ, но сейчасъ же снова смыкался. На всѣхъ перекресткахъ образовались кучки, среди которыхъ говорили случайные ораторы или раздавался громкій ропотъ, слышались озлобленные голоса: «Пулями угостили!..»

По Невскому и Гороховой все еще везутъ раненыхъ и убитыхъ. Толпа отнимаетъ покойниковъ у полиціи и переноситъ ихъ къ Казанскому Собору съ криками: «Шапки долой!», «На колѣни передъ мучениками!» Въ одномъ мѣстѣ Невскаго толпа,

отнявъ три трупа у полицейскихъ, кладетъ ихъ на снѣгъ и, опустившись на колѣни, поетъ «Со святыми упокой». Конница карьеромъ несется на поющихъ и разбрасываетъ ихъ въ стороны, но они сейчасъ же опять собираются. Въ другомъ мѣстѣ несутъ трупъ рабочаго съ пѣніемъ молитвы, смѣняющейся революціонной пѣсней. Два студента съ обнаженными головами везутъ убитаго товарища... А въ это время пѣхота уже даетъ залпъ по толпѣ у Полицейскаго моста. Околодочный на Гороховой, видя какъ народъ избиваетъ офицера, стрѣляетъ куда попало изъ револьвера. На Морской, у Арки, и на Пѣвческомъ мосту кавалерія бросается впередъ и рубитъ народъ пашками, раскраиваетъ черепа, не щадя ни женщинъ, ни случайныхъ прохожихъ. Стрѣляютъ недалеко отъ Думы...

Небывалое, невиданное зрѣлище представлялъ собою въ это время Петербургъ. И какъ бы въ довершеніе фантастической картины бунтующаго города, на затянувшемся бѣлесоватой мглою небѣ мутно-красное солнце давало въ туманѣ два отраженія около себя, и глазамъ казалось, что на небѣ три солнца. Потомъ, въ 3-емъ часу дня, необычная зимою яркая радуга засвѣтилась въ небѣ, а когда она потускнѣла и скрылась, поднялась свѣжная буря. И народъ, и войска были въ это время въ какомъ-то неистовствѣ. На Полицейскомъ мосту вновь и вновь раздавались залпы пѣхоты: вдоль по Невскому, въ ту и другую сторону, въ обѣ стороны по набережной Мойки и даже на ледъ ея, куда прыгали, спасаясь отъ пуль, обезумѣвшіе люди. Стрѣляли и въ моментъ затишья, въ небольшую кучку людей, прижавшуюся къ дому Строганова, и въ толпу, бросавшую камни вслѣдъ проѣзжающему офицеру. Народъ находился здѣсь въ это время въ состояніи какого-то трагическаго разгула. Шиканье, гоготанье, свистки, яростныя ругательства войскамъ неслись со всѣхъ сторонъ. На льду Мойки плясало нѣсколько подростковъ. Мальчишки кричали «Урра, побѣдители!.. Урра!..» и съ хохотомъ бѣжали вслѣдъ за проѣзжавшимъ въ это время коннымъ отрядомъ, осыпая его насмѣшками. Даже выстрѣлы встрѣчались теперь смѣхомъ, руганью и издѣвательствами. Нѣкоторые, распахивая пальто, подставляли грудь подъ дула ружей. «Я никогда не видѣлъ подобнаго настроенія толпы и не думалъ, что при такихъ условіяхъ оно возможно, но въ то время я не находилъ въ этомъ ничего страннаго», пишетъ одинъ свидѣтель.

Становилось уже темно. Буйство толпы сосредоточилось въ центрѣ города. На окраинахъ было тихо, и кучки казаковъ и уланъ, шпіоновъ и городовыхъ набрасывались на студентовъ, избивали и топтали ихъ ногами; хватали, колотили пашками и тащили въ участки рабочихъ. На Васильевскомъ Островѣ, по Малому проспекту, сооружались искусныя баррикады. На 4-ой линіи баррикады были уже разобраны: отрядъ пѣхоты безъ труда справился съ ихъ защитниками, сбросивъ однимъ залпомъ оратора, говорившаго рѣчь къ солдатамъ, и знаменосца, выско

поднимавшаго красный флагъ социаль-демократіи. Борьба была здѣсь слишкомъ не равная. Маленькія кучки рабочихъ восторженно кричали: «товарищи! умремъ за свободу!» и мужественно подставляли себя подъ пули.

Положеніе наиболѣе сознательныхъ и, особенно, партійныхъ рабочихъ, также какъ и интеллигенціи, не сливавшейся съ бунтующей народной стихіей, было въ это время по истинѣ трагическимъ. Въ редакціи «Сына Отечества», куда, словно по сговору, ежеминутно притекала съ Невского все новая публика и приходили изъ разныхъ частей города рабочіе за справками о томъ, что гдѣ происходитъ, виднѣлись со всѣхъ сторонъ воспаленныя измученныя лица, и всѣ говорили вполголоса. Вошедшій съ улицы хорошо одѣтый рабочій молча озираясь нѣкоторое время, потомъ обратился къ группѣ литераторовъ: «Позвольте попросить у васъ совѣта—сказалъ онъ, — что дѣлать интеллигенціи?» — «Интеллигенціи? какъ?» — «Да, да, рабочей интеллигенціи, намъ. Всѣ измучились. По домамъ что-ли расходиться!» — Литераторы смутились и не нашли подходящаго отвѣта.

Вечеромъ было большое шумное собраніе интеллигенціи въ помѣщеніи Вольно-Экономическаго Общества. Читалось вслухъ воззваніе «къ офицерамъ, не принимавшимъ участія въ бойнѣ 9-го января» и собирались подписи подъ нимъ. Читалось первое письмо Гапона къ рабочимъ. Говорили о вооруженіи, о митингахъ, послали людей въ театры съ требованіемъ закрыть ихъ. Но и здѣсь чувствовалось душевное смятеніе, растерянность, отсутствіе объединяющаго лозунга, оторванность отъ толпы.

А толпа не спрашивала, что ей дѣлать. Рабочіе, пережившіе страшный день, уже разбрелись по своимъ окраинамъ, но на Невскомъ до поздняго вечера шумѣла городская толпа. Въ одномъ мѣстѣ зажгли кіоски, въ другомъ ломали фонари. Кое гдѣ слышались революціонныя пѣсни. Во дворцѣ Сергѣя Александровича били камнями стекла. Кавалерія помчалась опять разгонять толпу,—карьеромъ назадъ и впередъ. Толпы ремесленниковъ, мастеровыхъ, мальчишекъ встрѣчали и провожали ее дружнымъ ревомъ, вылетавшимъ словно изъ одной груди: «Братоубійцы! Братоубійцы!» Подростки гнались за ней и безстрашно шныряли подъ самыми лошадьми.

На Петербургской сторонѣ и Васильевскомъ Островѣ хулиганы безпрестанно громили магазины. Разѣзды гонялись на Островѣ за маленькими кучками народа и одиноко идущими людьми, рубили пашками, стрѣляли въ спину бѣгущимъ, избивали дѣтей, врывались въ частныя квартиры.

Ночью городъ производилъ впечатлѣніе завоеваннаго непріателемъ. На площадяхъ расположились пикеты. Пылали яркіе костры. На улицахъ царила мертвая тишина.

VIII.

Три дня продолжались въ городѣ безчинства казачьихъ и вообще кавалерійскихъ разъѣздовъ. Но на всѣхъ перекресткахъ, несмотря на постоянныя атаки кавалеріи, продолжали собираться толпы. Повсюду слышалась откровенная критика властей и порядковъ, юмористическія замѣчанія по адресу проѣзжающихъ войскъ: «Что, храбрый народъ! Хорошо съ безоружными сражаешься!» «Ей, псковичи! бейте москвичей». На Невскомъ, недалеко отъ Думы, подлѣ колоніальнаго магазина Романова, гдѣ на стѣнѣ и панели виднѣлась еще запекшаяся кровь, слышались злыя народныя шутки: «Вчера на этомъ мѣстѣ тутъ живой кровью торговали»... Въ пятомъ часу дня, 10-го, на Невскомъ и многихъ другихъ улицахъ внезапно потухло электричество и произошла паника. Прошелъ слухъ, что скоро закроютъ водопроводъ. Слухи—правдоподобные и неправдоподобные, совершенно фантастическіе,—продолжали расти, волнуя воображеніе. Магазины были закрыты, многіе забиты досками. Болѣе робкіе обыватели не рѣшались выходить изъ дому. Но улица и во мракѣ продолжала жить необычною, возбужденною жизнью, впервые взволнованная, словно пробужденная отъ вѣковой внутренней спячки. Во мракѣ словно еще громче, еще сильнѣе раздавались человѣческіе голоса. Приказчики, ремесленники, извозчики производили уже не тѣ слова, съ которыми еще наканунѣ рабочіе двигались изъ отдѣловъ. Въ городѣ было шумно и жутко. Только передъ больницами, гдѣ съ утра до ночи толпился народъ, стояла гробовая тишина: люди пришли искать своихъ—ранеными или убитыми, но не могли ихъ доискаться. Часть труповъ тщательно скрывалась администраціей въ какихъ-то больничныхъ сараяхъ, куда можно проникнуть только за подкупъ. Многимъ бѣднякамъ не удалось увидѣть своихъ покойниковъ: полиція вывезла и похоронила ихъ въ братскихъ могилахъ Преображенскаго и Успенскаго кладбища въ 3 ч. ночи, обманувъ публику, допытывавшуюся о времени похоронъ. На Смоленскомъ кладбищѣ приказано было похоронить убитыхъ до обѣдни. Только на Митрофаньевскомъ кладбищѣ похороны убитыхъ за Нарвской заставой происходили открыто, при стеченіи десятитысячной рабочей толпы, въ присутствіи полиціи и войскъ. Ораторы производятъ надъ могилою рѣчи, призывая къ мести за невинно пролитую кровь. Изъ толпы кричатъ солдатамъ: «Шапки долой, палачи!» и угрюмые солдаты, въ присутствіи своего начальства, покорно исполняютъ это требованіе толпы. Многіе рабочіе просили писать на могильныхъ крестахъ родственниковъ: «невинно убитый 9-го января». Администрація приказывала стирать эти надписи.

Внѣшняя жизнь въ городѣ скоро стала входить въ обычную колею. Обыватели пережили бурю, въ нѣкоторыхъ душахъ остался слѣдъ отъ нея, но эта буря не затронула ихъ интересовъ. Тревоги интеллигенціи, аресты, производившіеся среди нея, не касались толпы и не волновали ея. Но на рабочихъ окраинахъ, создавшихъ движеніе, разыгрывалась въ тѣ дни настоящая глубокая драма. Гапона больше не было. Предсѣдатель отдѣловъ, молодой, всѣми любимый рабочій Васильевъ былъ убитъ. Другіе руководители отдѣловъ были арестованы. Массовые аресты производились по всѣмъ фабричнымъ районамъ. Не только тюрьмы, но и помѣщенія при полицейскихъ частяхъ были переполнены арестованными. Самые отдѣлы были закрыты, запечатаны; кассовыя книги, кое гдѣ самыя кассы, бібліотеки отдѣловъ, куда рабочіе жертвовали свои годами собранныя книжки, были унесены полиціей. Рабочей массѣ негдѣ было больше собираться, не у кого спросить совѣта и разъясненія по многимъ вопросамъ, вставшимъ въ умѣ. Старыя вѣрованія были разбиты, и темнымъ, полусознательнымъ людямъ некуда было съ надеждою обратиться взоры. Забастовка продолжалась еще нѣсколько дней, но становилось все тяжелѣе и тяжелѣе. Многія тысячи, собранныя въ эти дни интеллигенціей, раздробляясь на десятки тысячъ нуждающихся, превращались въ гроши. Въ семьяхъ начинался голодъ и гналъ на работу, на ненавистныя фабрики и заводы, гдѣ все еще стояли войска.

Негодование и злоба мучили всѣхъ, обращаясь временами, у болѣе темныхъ людей, не туда, куда слѣдовало. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ готовы были обвинять во всемъ студентовъ, интеллигенцію, которой и раньше не довѣряли, или вожаковъ движенія, «показателей пути истинной», какъ они называются въ одной записи. Другіе съ первыхъ же дней затаили въ душѣ великое возмущеніе противъ правителей, жажду мести и борьбы. Въ болѣе мягкихъ и вдумчивыхъ людяхъ происходилъ глубокій психологическій и умственный процессъ, заново пересматривались всѣ представленія о жизни. Вмѣстѣ съ чувствомъ горечи, разочарованія, обиды, главное—обиды, о которой говорятъ многія записи, въ душѣ шевелилась мысль о значеніи рабочей массы, сознание совершеннаго ею подвига, ея приобщенія къ міровой исторической борьбѣ. «Въ больницѣ, когда очнулся, душа кипѣла обидой, и была даже гордость, что мы значущіе люди, и думается мнѣ, что это только начало значенія», сообщаетъ одинъ рабочій. Другой пишетъ о настроеніяхъ массы нѣсколько дней спустя, уже послѣ объявленія отъ Св. Синода: «Правительство насильно заставило отцовъ смиренныхъ принять въ дѣлѣ участіе съ приравленіемъ, что Японія прислала 18 милліоновъ на забастовки. Отпечатаны книжки подъ изданіемъ Богдановича «Русскимъ рабочимъ», но книжки вызвали смѣхъ и отвращеніе... Рабочіе твердо убѣждены, что все это не зря пройдетъ; хотя требованія не всѣ удовлетворяютъ, но день 9 января останется у всѣхъ въ

памяти, даже будетъ историческимъ событіемъ». У многихъ была мысль, что нужно еще разъ «идти»: «сначала опять мирно, а потомъ уже на-проломъ». Никѣмъ не избранная депутація къ Царю тоже заставила рабочую массу о многомъ передумать. «Вотъ раздался всѣмъ неизвѣстный слухъ, что будто Царь потребовалъ какую-то депутацію,—пишетъ простодушнымъ языкомъ одинъ свидѣтель.—И они пошли, а когда пришли, то стали рассказывать, что видѣли и что слышали, и народъ удивляется и говоритъ: а можетъ, и будетъ что! Но черезъ нѣсколько времени они стали говорить: а кто выбиралъ ихъ, не знаемъ! Такъ это не наши рабочіе и мы знать не хотимъ, что они... Тутъ многіе разругались и не признавали ничего—ни депутатовъ, ни правительства». Болѣе того, рабочіе не признали помощью пожертвованныя свыше въ пользу семей пострадавшихъ 50.000 р. Они называли ихъ «цѣною за кровь» и считали грѣхомъ пользоваться ими. «И вотъ опять начинается являться озлобленіе противъ правительства,—пишетъ одинъ свидѣтель въ заключеніе своихъ замѣтокъ.—И услышавъ, что многіе опять забастовали, всѣ готовы снова забастовать и настроены такъ: лишь бы только пойти. Сказать «идемъ!»—и всѣ бы пошли».

Таково было настроеніе петербургской рабочей массы въ половинѣ февраля. Она была уже безконечно далека отъ тѣхъ трогательныхъ и наивныхъ чувствъ, которыя привели ее на площадь Зимняго Дворца. Въ ней быстро крѣпло самосознаніе, развивалось критическое отношеніе ко всему происходящему и созрѣвала идея «идти на-проломъ».

Л. Гуревичъ.

За что арестовали Н. Г. Чернышевского.

Въ концѣ іюня 1862 года въ Россію возвращался изъ-за границы мѣщанинъ Павелъ Ветошниковъ, о которомъ III Отдѣленіе знало, что онъ нѣсколько разъ былъ у Герцена, жившаго тогда въ Лондонѣ. Какой-то доносчикъ сообщалъ, что имѣетъ вѣрныя свѣдѣнія, что Ветошниковъ везетъ съ собой письма Герцена, Огарева, Бакунина и Кельсиева къ разнымъ лицамъ. Разумѣется, было отдано распоряженіе о задержаніи Ветошникова на границѣ и о препровожденіи его подъ сильнымъ конвоемъ въ III Отдѣленіе.

Такъ и было сдѣлано.

Дѣйствительно, при Ветошниковѣ были найдены письма заграничныхъ публицистовъ къ своимъ русскимъ друзьямъ и пріятелямъ. Между прочимъ оказался конвертъ съ надписью: „Н. А. Серно-Соловьевичу“, въ который были вложены два слѣдующихъ письма Герцена ¹⁾.

I.

„Милостивый Государь,

Николай Александровичъ.

„На письмо ваше въ которомъ вы спрашиваете мое согласіе на изданіе моихъ сочиненій напечатанныхъ въ Россіи,—честь имѣю увѣдомить васъ, что я совершенно согласенъ на ваше предложеніе. Слѣдующія деньги т. е. 10 процентовъ съ получаемой отъ продажи суммы предоставляю моимъ дочерямъ.

„Увѣдомляя васъ, Милостивый Государь, честь имѣю пребыть вашимъ покорнымъ слугою *Александръ Герценъ*.

8/20 іюня 1862. Лондонъ. Орсетъ Гаусъ. Вестборнъ Террасъ. М. Г. Николаю Александровичу, Серно-Соловьевичу въ С.-Петербургъ“.

II.

„Давно не удавалось побесѣдовать съ вами, дорогой другъ. Въ минуту жизни трудную—мы какъ то разобщены и коротенькія вѣсти не достаточно даютъ пищи для людей, жаждущихъ подробностей. Но ми-

¹⁾ Привожу ихъ съ буквальной точностью.

нута жизни трудная, покачаваясь изъ стороны въ сторону, пройдетъ къ осени. Чуть ли даже не такъ досконально пройдетъ, что и вовсе загложнетъ безъ слѣда. Что же останется? Останется общій фондъ—не минуты, а години трудной. Мнѣ кажется, что уяснить необходимость земскаго собора становится дѣломъ обязательнымъ. Губернскія земскія думы, о которыхъ пророчать къ тысячелѣтію ¹⁾ успокоивъ умы на полгода, дадутъ новый элементъ удобства въ выборахъ и опять приведутъ къ необходимости земскаго собора. Состоится ли онъ? Будетъ ли онъ самъ чѣмъ то переходнымъ или дѣйствительно организуетъ—какъ знать! Но я думаю, что изъ всѣхъ послѣднихъ событій вы убѣдитесь, что мое озлобленіе на литературную дрязгу не было слишкомъ пусто; мое озлобленіе шло къ тому, что я вообще въ Петербургской суетѣ не вижу исхода. Тутъ нѣтъ живой жизни, нѣтъ построения будущаго и нѣтъ мѣста для коренного движенія и преобразованія. Опять прихожу къ моей темѣ, шепчу и кричу ее вамъ въ уши, чтобъ она неотступно васъ преслѣдовала: живая жизнь въ провинціяхъ; если у васъ нѣтъ корня въ провинціяхъ—ваша работа не пойдетъ въ ростъ. Я даже радъ, что Петербургъ не въ силахъ ничего сдѣлать, потому что все что онъ ни сдѣлаетъ будетъ имѣть результатъ только тотъ же—отместку провинціи. Уясните же ²⁾ провинціямъ, ищите друзей въ провинціяхъ. Вы только въ провинціяхъ встрѣтите народъ, а не мѣщанъ-извозчиковъ, для которыхъ всего меньше понятна коренная цѣль—земской земли ³⁾.

„Мнѣ жаль молодежь, которой не обвиняю, потому что за молодость обвинять нельзя; это фізіолого-патологическое явленіе, которое быстро проходитъ. Мнѣ жаль и вашихъ мѣщанъ-извозчиковъ—они не виноваты.

„Разнь верхушекъ ужъ слишкомъ велика, чтобы понять другъ друга и сближеніе ихъ всего меньше возможно на невской набережной и марсовомъ полѣ, оно возможно только при рѣкахъ черноморско-каспійскихъ.

„Оставьте мертвымъ погребать мертвыхъ. Работайте въ провинціяхъ.

„Крѣпко обнимаю ваше общество. Вѣстей побольше—ради бога. N ⁴⁾—золотая! душа, преданная безкорыстно, преданная наивно до святости. Кажется рѣчь о нашемъ сбѣжавшемъ восточномъ пріятелѣ ⁵⁾. Поклонитесь ему—это преблагороднѣйшій человѣкъ—скажите ему, что мы помнимъ и любимъ его.

¹⁾ Одно слово не могло быть прочтено, потому что испорчено шнуромъ, скрѣпляющимъ дѣло.

²⁾ Намекъ на столичныхъ реформаторовъ, изучавшихъ народъ по петербургскимъ извозчикамъ.

³⁾ Рѣчь идетъ, конечно, объ обществѣ «Земля и Воля», которое было основано, между прочимъ, и Серно-Соловьевичемъ. Подробности изъ дѣятельности его можно найти въ книгѣ Л. Ф. Пантелѣева—«Изъ воспоминаній прошлаго», СПб., 1905 г., въ которой, однако, мнѣ кажется, общее освѣщеніе общества не совсѣмъ вѣрно. Герценъ и потомъ очень симпатизировалъ «Землѣ и Волѣ». Любопытно, что слѣдственная коммиссія, да еще подъ предѣлательствомъ такого оберъ-гофъ-сыщика, какимъ былъ кн. Голицынъ, не обратила вниманія на это мѣсто письма Герцена.

⁴⁾ Кто скрытъ подъ этой буквой—неизвѣстно.

⁵⁾ «Сбѣжавшимъ восточнымъ пріятелемъ» можно было называть Бакунина, но врядъ ли о немъ идетъ рѣчь. Во-первыхъ, онъ прибылъ въ Лондонъ еще 27 декабря 1861 года, о чемъ уже въ январѣ русское общество узнало изъ «Колокола», во-вторыхъ, какъ могъ Герценъ передавать ему поклонъ черезъ Серно-Соловьевича?

„Прилагаю официальное письмо—если оно не такъ написано—я готовъ написать и другое. 10% я поставилъ зря—уменьшайте и увеличивайте—дѣлайте какъ знаете.

„Чтобъ не забыть—прибавлю еще маленькую просьбу. Если вамъ нельзя—любезный другъ,—самимъ приѣзжать съ письмами, то пишите ихъ такъ, чтобъ можно было хоть половину разобрать. Мы мучились день цѣлый и то не все поняли. Въмѣсто воскресныхъ школъ я становлюсь ¹⁾.

„Да вы не сердитесь.

„А какова Соврем. лѣтоп? Вотъ я вамъ вылупилъ хризиды Кат. и Леонт. ²⁾

„Если скоро будетъ оказія, напишите. Знаете ли вы Г. Перетца ³⁾, онъ кажется очень хорошій и образованный человекъ.

„Дайте вашу руку. У меня сегодня очень болитъ голова—и потому написалъ одинъ вздоръ. Прощайте.

„Мы готовы издавать Совр. ⁴⁾ здѣсь съ Черныш. ⁵⁾ или въ Женевѣ—печатать предложеніе объ этомъ.

„Какъ вы думаете?“

Какъ видитъ читатель, имя Чернышевскаго упомянуто лишь одинъ разъ. По тогдашнимъ порядкамъ этого было вполне достаточно, чтобы на другой же день послѣ ознакомленія съ корреспонденціей, взятой у Ветошниковъ, а именно 7 іюля, арестовать и Серно-Соловьевича, и Чернышевскаго. Изъ отношенія главноуправляющаго III Отдѣленіемъ къ предсѣдателю экстренно высочайше учрежденной слѣдственной комисіи, кн. А. Ѳ. Голицыну, отъ 9 іюля видно, что упоминаніе имени Чернышевскаго въ письмѣ Герцена и было причиной ареста перваго, а не анонимное письмо, о которомъ говорили потомъ и даже упоминалось въ сенатскомъ опредѣленіи.

Арестъ Чернышевскаго произошелъ совершенно для него неожиданно, въ присутствіи бывшихъ у него въ это время М. А. Антоновича и доктора Вокова.

Мих. Лемке.

¹⁾ Одно слово не разобрано по указанной выше причинѣ.

²⁾ Рѣчь идетъ о «Современной Лѣтописи» Каткова и Леонтьева.

³⁾ Перетцъ былъ однимъ изъ русскихъ, довольно часто посѣщавшихъ Герцена въ томъ 1862 г.

⁴⁾ Рѣчь идетъ о «Современникѣ» Панаева и Покрасова, въ которомъ главная роль принадлежала Чернышевскому. 19 іюня, по высочайшему повелѣнію, были приостановлены на 8 мѣсяцевъ «Современникъ» и «Русское Слово». 8-го же Герценъ уже имѣлъ свидѣнія о возможности такой кары и потому сдѣлалъ свое предложеніе. Не получивъ отвѣта отъ Серно-Соловьевича, онъ печатно предложилъ издавать у себя «Современникъ».

⁵⁾ Конечно, Чернышевскій.

Процессъ 20-ти народовольцевъ въ 1882 году.

Этотъ процессъ принадлежитъ къ числу самыхъ малоизвѣстныхъ, чтобы не сказать совсѣмъ неизвѣстныхъ, широкимъ слоямъ русскаго общества. Если въ царствованіе Александра II (послѣ изданія Судебныхъ Уставовъ) политическіе процессы, даже въ то время, когда дѣла этого рода разбирались преимущественно военно-окружными судами, все-же печатались въ газетахъ, то въ слѣдующее царствованіе и такое правительственное «попустительство» было найдено совершенно излишнимъ. Обществу предоставлено было довольствоваться краткими по этому поводу «правительственными сообщеніями» да и то не всегда: бывали случаи (дѣло повѣшеннаго въ Варшавѣ рабочаго Ковалевскаго, дѣло приговореннаго къ повѣшенію и затѣмъ заключеннаго въ Шлиссельбургъ Манучарова, дѣло сосланнаго на Сахалинъ офицера Перлашкевича и мн. др.), когда не только судебныхъ отчетовъ, но даже хотя бы сообщеній о приговорахъ,—приговорахъ даже къ смерти,—въ правительственныхъ изданіяхъ совсѣмъ не появлялось.

Относительно нижепечатаемаго процесса 20-ти народовольцевъ, несмотря на его огромное общественное значеніе и несомнѣнный историческій интересъ или можетъ быть, правильнѣе, именно *вслѣдствіе* этихъ причинъ, въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» отъ 21 февраля 1882 года появились лишь самыя краткія выдержки изъ обвинительнаго акта да, приговоръ суда. И ничего больше!

Между тѣмъ, процессъ этотъ, повторяемъ, на ряду съ процессами Квятковскаго (1880 г.), Желябова (1881), Богдановича (1883), Фигнеръ (1884) и Лопатина (1887), составляя одно изъ крупнѣйшихъ общественно-политическихъ явленій своего времени, представляетъ для изученія исторіи партіи «Народной Воли» документъ первостепенной важности.

Нижепомѣщаемый обвинительный актъ по процессу 20-ти *ни разу еще не появлялся въ печати ни въ Россіи, ни за границей*. Краткія свѣдѣнія о ходѣ процесса были напечатаны въ приложеніи къ № 8—9 «Народной Воли», откуда мы ихъ и воспроизводимъ. Затѣмъ мы даемъ еще приговоръ суда и нѣкоторыя свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ участниковъ процесса.

Судъ Особого Присутствія Правительствующаго Сената происходилъ съ 9-го по 15-е февраля. Предсѣдательствовалъ сенаторъ Дрейеръ. Членами суда были гг. Газенвинкель, Лего, Синицынъ, Манасеинъ, и Бѣлостоцкій. Сословными представителями: Моск. губ. предв. двор. гр. Бобринскій, уѣзд. предв. двор. Самаринъ, Яросл. гор. голова Вахрамѣевъ и волост. старшина Шалберовъ. Обвиняли: прокуроръ судебной палаты, впоследствии министр юстиціи, извѣстный Муравьевъ и г. Островскій. Защищали подсудимыхъ г.г. Шнеуръ, Кедринъ, Рычковъ, Королевъ, Кишенскій, Чичаговъ, Спасовичъ, Соколовъ, Рихтеръ, Михайловъ, Граціанскій, Александровъ, Буймистровъ, кн. Кейкуатовъ, Турчаниновъ, Герардъ и Нечаевъ.

Ред.

Обвинительный актъ,

которымъ предаются суду Особого Присутствія Правительствующаго Сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, съ участіемъ сословныхъ представителей, дворяне: Александръ Дмитріевъ Михайловъ, 25-ти лѣтъ, Николай Ивановъ Колодкевичъ, 31-го года, Михаилъ Николаевъ Тригопи, 30-ти лѣтъ, Александръ Ивановъ Баранниковъ, 23-хъ лѣтъ, отставной Флота Лейтенантъ Николай Евгеньевъ Сухановъ, 29-ти лѣтъ, отставной Прапорщикъ Фердинандъ Осиповъ Люстигъ 27-ми лѣтъ, отставной Коллежскій Регистраторъ Николай Васильевъ Клѣточниковъ, 34-хъ лѣтъ, сынъ фельдфебеля Михаилъ Федоровъ Фроленко, 33-хъ лѣтъ, сынъ почтальона Григорій Прокофьевъ Исаевъ, 24-хъ лѣтъ, сынъ псаломщика Иванъ Пантелеймоновъ Емельяновъ, 20-ти лѣтъ, сынъ діакона Петръ Васильевъ Тычининъ, 26-ти лѣтъ, купеческій сынъ Григорій Михайловъ Фриденсонъ, 26-ти лѣтъ, солдатскій сынъ Василій Аполлоновъ Меркуловъ, 21-го года, мѣщане: Левъ Соломоновъ Златопольскій, 33-хъ лѣтъ, Айзикъ Борисовъ Арончикъ, 22-хъ лѣтъ, Макаръ Васильевъ Тетерка, 28-ми лѣтъ, Николай Александровъ Морозовъ, 26-ти лѣтъ, Прусскій подданный Мартынъ Рудольфовъ Лангансъ, 29-ти лѣтъ, дворянка Елизавета Николаева Оловенникова, 23-хъ лѣтъ, дочь Титулярнаго Совѣтника Людмила Деметьева Терентьева, 20-ти лѣтъ, дочь Коллежскаго Совѣтника Татьяна Иванова Лебедева, 29-ти лѣтъ и дочь священника Анна Васильева Якимова, 26-ти лѣтъ, обвиняемые въ государственныхъ преступленіяхъ.

Въ концѣ ноября 1880 г. въ С.-Петербургѣ возникло дознаніе о лицахъ, принадлежащихъ къ такъ называемой террористической фракціи тайнаго общества, именующаго себя «русской соціально-революціонной партіей». Дознаніе это, оконченное въ октябрѣ 1881 года, обнаружило главѣйшихъ преступныхъ дѣятелей означенной фракціи, не вошедшихъ въ число ея участниковъ, осужденныхъ въ октябрѣ 1880 года С.-Петербургскимъ Военно-Окружнымъ Судомъ о 16-ти лицахъ, обвинявшихся въ государственныхъ преступленіяхъ, и въ мартѣ 1881 года по дѣлу о злодѣянніи 1 марта, жертвою котораго палъ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ. При этомъ разслѣдованіемъ была выяснена виновность привлеченныхъ къ дознанію *двадцати двухъ* нижепоименованныхъ лицъ въ совершеніи, для достиженія цѣлей названнаго преступнаго общества, ряда посягательствъ на жизнь Священной Особы почившаго Монарха и другихъ преступленій революціоннаго характера, уже бывшихъ предметомъ судебнаго разсмотрѣнія по вышеупомянутымъ дѣламъ, а также и нѣкоторыхъ вновь раскрытыхъ преступныхъ дѣяній того же значенія.

Обстоятельства преступленій, совершенныхъ обвиняемыми, и данныя, служащія къ ихъ изобличенію, распредѣляются, по своему содержанію, въ нижеслѣдующихъ четырнадцати отдѣлахъ настоящаго обвинительнаго акта.

I.

Предметы обвиненій.—Послѣдовательное обнаруженіе обвиняемыхъ.

При изслѣдованіи названнаго выше дѣла о 16 лицахъ, обвинявшихся въ государственныхъ преступленіяхъ, и дѣла о злодѣянніи 1 марта 1881 года, оказалось, что до происходившаго лѣтомъ 1879 года въ гор. Липецкѣ, Тамбовской губерніи, общаго съѣзда членовъ такъ называемой «соціально-революціонной партіи» непосредственная политическая борьба съ правительствомъ, а въ частности покушенія на цареубійство и террористическія дѣйствія, не составляла прямой и опредѣленной задачи означеннаго общества, которое, усвоивъ въ то время такъ называемую «народническую», организацию, поставило себѣ задачею постепенно готовить народъ къ соціальному и, главнымъ образомъ, экономическому перевороту. Тѣмъ не менѣе, послѣдній періодъ преступной дѣятельности «народниковъ», относящійся въ 1878 году и первой половинѣ 1879 года, былъ отмѣченъ нѣкоторыми террористическими фактами, которые однако-же явились лишь результатомъ единичной рѣшимости отдѣльныхъ лицъ или кружковъ, принадлежавшихъ къ «городской» (въ отличіе отъ «деревенской») группѣ агитаторовъ, назвавшей себя «исполнительнымъ комитетомъ». Такое значеніе имѣли, между прочимъ, убійство 4-го августа 1878 года Шефа

Жандармовъ генераль-адъютанта Мезенцова и совершенное 2 апрѣля 1879 года нынѣ казненнымъ государственнымъ преступникомъ Александромъ Соловьевымъ покушеніе на жизнь Священной Особы въ Бозѣ почившаго Государя Императора. Появленіе въ средѣ членовъ преступнаго сообщества указаннаго террористическаго направленія, выдвигавшаго на первый планъ вопросъ о необходимости политической борьбы съ существующимъ государственнымъ строемъ, привело послѣ Липецкаго съѣзда къ выдѣленію изъ сообщества, т. е. изъ прежней «народнической» его организаціи, особой «террористической» фракціи, участники которой, принявъ въ послѣдствіи наименованіе «партіи народоу воли», согласились между собою стремиться къ совершенію въ ближайшемъ будущемъ насильственнаго переворота. Главнымъ же средствомъ къ достиженію этой цѣли присутствовавшими на съѣздѣ злоумышленниками было признано систематическое повтореніе, съ помощью взрывчатыхъ веществъ, посягательства на царубійство, до тѣхъ поръ, пока этотъ злодѣйскій умыселъ не будетъ удачно приведенъ въ исполненіе.

Изъ объясненій нынѣ умершаго обвиняемаго Гольденберга, а отчасти и изъ показаній государственныхъ преступниковъ Степана Ширяева и нынѣ казненнаго Александра Квятковскаго видно, что на Липецкомъ съѣздѣ была проектирована и опредѣленная организація террористической фракціи или «партіи народной воли». Во главѣ этой организаціи должны были стоять «распорядительная коммиссія» и «исполнительный комитетъ». При нѣкоторомъ первенствѣ первой изъ этихъ двухъ группъ, между ними не предполагалось ни отношенія прямой подчиненности, ни строгаго разграниченія функцій. «Распорядительная коммиссія», имѣвшая значеніе центральнаго революціоннаго бюро, съ мѣстопробываніемъ въ С.-Петербургѣ, должна была знать все происходящее въ партіи и завѣдывать всѣми средствами для исполненія революціонныхъ предпріятій, которыя могли совершаться не иначе, какъ съ ея вѣдома и преимущественно по ея инициативѣ. Самое же совершеніе этихъ предпріятій и вообще вся активная политическая борьба возлагалась на обязанность «исполнительнаго комитета», члены котораго должны были проживать тамъ, гдѣ укажетъ надобность. Кромѣ «коммисіи» и «комитета» въ организаціи состояла еще редакція издаваемаго сообществомъ органа тайной печати подъ заглавіемъ «Народная Воля» и агенты для исполненія отдѣльныхъ порученій, раздѣлявшіеся на агентовъ 1 степени, съ «большимъ» и агентовъ 2 степени съ «меньшимъ довѣріемъ». По словамъ Гольденберга на Липецкомъ съѣздѣ были избраны, между прочимъ, въ число трехъ членовъ «распорядительной коммисіи» Александръ Михайловъ и Михайлъ Фроленко, редакторомъ періодическаго органа Николай Морозовъ, а въ составъ 30 членовъ «исполнительнаго комитета» вошли, между прочимъ: Николай Морозовъ, Николай Колодзевничъ и Анна Якимова, изъ которыхъ послѣдняя примкнула къ «комитету» уже послѣ Липецкаго съѣзда.

По даннымъ, обнаруженнымъ разслѣдованіемъ, произведеннымъ въ гор. Липецкѣ, въ томъ числѣ и допросами обывателей этого города, оказывается, что въ іюнѣ 1879 г. въ Липецкѣ одновременно находились, между прочимъ, Желябовъ, подъ фамиліею Чернявскаго, проживавшій вмѣстѣ съ нимъ на одномъ постояломъ дворѣ Александръ Михайловъ, подъ фамиліею Безмѣнова, и Баранниковъ, подъ фамиліею Копурникова.

Лѣтомъ того же 1879 года, нѣсколько раньше происходившаго въ Липецкѣ съѣзда многихъ членовъ сообщества, другіе члены его, съ цѣлью пріобрѣтенія необходимыхъ для преступной дѣятельности сообщества денегъ, похитили изъ Херсонскаго Губернскаго Казначейства, посредствомъ подкупа, около 1½ миллиона рублей, большая часть которыхъ была вскорѣ розыскана, а главные виновники кражи осуждены Кіевскимъ и Одесскимъ Военно-Окружными Судами.

Осенью 1879 года, во исполненіе соглашенія, состоявшагося на Липецкомъ съѣздѣ, злоумышленники, въ виду ожидавшагося проѣзда въ Бозѣ почившаго Государя Императора съ Южнаго берега Крыма въ Петербургъ, предприняли приготовленія къ совершенію цареубійства на линіи Одесской желѣзной дороги, близъ гор. Одессы, а затѣмъ совершили, при слѣдованіи Государя Императора, неудавшіяся покушенія на Священную жизнь Его Императорскаго Величества 18 Ноября, на линіи Лозово-Севастопольской желѣзной дороги, близъ гор. Александровска, Екатеринославской губерніи, и 19 того же ноября, на линіи Московско-Курской желѣзной дороги, близъ гор. Москвы. 5 февраля 1880 года таковое же покушеніе было совершено въ С.-Петербургѣ, въ Зимнемъ Дворцѣ.—По надлежащемъ выясненіи упомянутыхъ событій, преимущественно съ помощью подробныхъ разоблаченій, сдѣланныхъ обвиняемымъ Гольденбергомъ, одни изъ участниковъ этихъ преступленій были осуждены, въ числѣ 16-ти лицъ, С.-Петербургскимъ Военно-Окружнымъ Судомъ, другіе же до конца 1880 и начала 1881 г.г. оставались не розысканными.

При возникновеніи въ Ноябрѣ 1880 года настоящаго дѣла по поводу задержанія въ С.-Петербургѣ Александра Михайлова, обстоятельства этого задержанія указали на продолжающіяся, преимущественно среди лицъ уже извѣстныхъ и розыскиваемыхъ по прежнимъ дѣламъ, приготовленія къ совершенію вновь посягательства на цареубійство. Приготовленія эти завершились злодѣяніемъ 1 марта 1881 года, изслѣдованіе котораго обнаружило указанія на виновность въ означенномъ злодѣяніи, кромѣ ближайшихъ виновниковъ его, осужденныхъ Особымъ Присутствіемъ Правительствующаго Сената, еще другихъ лицъ, привлеченныхъ къ настоящему дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ. Изъ числа этихъ послѣднихъ нѣкоторые, участвовавшіе въ предварительномъ соглашеніи на злодѣяніе и въ приготовленіяхъ къ нему, были задержаны не задолго до 1-го марта, а остальные арестованы и изобличены впоследствии. Кромѣ того, разслѣдованіе преступной

дѣятельности тѣхъ и другихъ выяснило такія ея проявленія, которыя еще не были раскрыты до этого времени, а именно приготовленія къ царевубійству, совершенныя: въ Одессѣ весной 1880 года и въ С.-Петербургѣ лѣтомъ того же года и, относящееся къ концу 1880 года и началу 1881 года, покушеніе на кражу изъ Кишиневскаго Губернскаго Казначейства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, то же разслѣдованіе обнаружило дѣятельное и, для цѣлей преступнаго революціоннаго сообщества, весьма существенное содѣйствіе его предпріятіямъ, оказанное лицами, хотя въ нихъ прямо не участвовавшими, но достаточно изобличенными въ принадлежности къ упомянутому сообществу. Такими лицами были обвиняемые Николай Клѣточниковъ и Фердинандъ Люстигъ во время пребыванія своего въ С.-Петербургѣ въ 1879 и 1880 годахъ.

Обнаруженіе и задержаніе привлеченныхъ къ настоящему дѣлу обвиняемыхъ послѣдовало при изложенныхъ ниже обстоятельстве:

28-го ноября 1880 г., въ С.-Петербургѣ, былъ задержанъ дворянинъ Александръ Дмитріевъ Михайловъ по выходѣ изъ фотографіи Александровскаго на Невскомъ проспектѣ, гдѣ онъ, также какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ фотографіяхъ, заказывалъ въ значительномъ количествѣ экземпляровъ фотографическіе снимки 16-ти государственныхъ преступниковъ, осужденныхъ С.-Петербургскимъ Военно-Окружнымъ Судомъ. По обыку у Михайлова, проживавшаго по подложному виду на имя отставнаго поручика Поливанова, было найдено около 2 пудовъ динамита, а также разные революціонныя изданія тайнаго сообщества, называющаго себя «партіей народной воли».

Въ концѣ января 1881 года полицейскіе розыски обнаружили, что участниками этого сообщества были наняты въ С.-Петербургѣ двѣ такъ называемыя «конспиративныя» квартиры, изъ которыхъ въ одной, на Большой Подъяческой улицѣ, домъ № 37, кв. № 27, происходило приготовленіе динамита для задуманнаго членами сообщества злодѣянія, а въ другой, на Подольской улицѣ, домъ № 11, кв. № 21, помѣщалась тайная типографія революціоннаго изданія «Народная Воля». При открытіи и осмотрѣ означенныхъ квартиръ оказалось, что онѣ уже оставлены своими жильцами.

24-го января 1881 года тѣми же розысками обнаружено, что по Казанской улицѣ, въ домѣ № 38, кв. № 18, проживаетъ неизвѣстное лицо, подъ тою же фамиліею Агаческулова, подъ которою былъ записанъ жилецъ вышеупомянутой «конспиративной» квартиры № 21, въ домѣ № 11, по Подольской улицѣ. По задержаніи этого неизвѣстнаго, съ производствомъ у него обыска, по которому найдены разные противоправительственныя изданія, онъ оказался купеческимъ сыномъ Григоріемъ Михайловымъ Фриденсономъ.

Посредствомъ учрежденнаго за его квартирою особаго секретнаго наблюденія, 25-го января былъ арестованъ пришедшій къ Фриденсону неизвѣстный человѣкъ, назвавшій себя при задержаніи Алафузовымъ, а въ дѣйствительности оказавшійся дворяниномъ

Александромъ Ивановымъ Баранниковымъ, который розыскивался по обвиненію въ участіи въ убійствѣ генераль-адъютанта Мезенцова и другихъ преступленіяхъ.

Посредствомъ такого же секретнаго наблюденія за квартирою Баранникова, а за тѣмъ и за всѣми другими квартирами, въ которыхъ производились послѣдовательные обыски и аресты, были задержаны: 26 января, въ квартирѣ Баранникова, дворянинъ Николай Николаевъ Колодкевичъ, а въ квартирѣ этого послѣдняго, 28 января — чиновникъ Департамента Государственной Полиціи Николай Васильевъ Клѣточниковъ и 29 января мѣщанинъ Левъ Соломоновъ Златопольскій.

При производствѣ дальнѣйшихъ розысковъ были получены свѣдѣнія о томъ, что однимъ изъ наиболѣе выдающихся руководителей преступной дѣятельности сообщества является нынѣ казенный государственный преступникъ Андрей Желябовъ, въ постоянныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ которымъ находится лицо, пользующееся большимъ вліяніемъ среди революціонеровъ, которое носить прозвища «Милорда» и «Намѣстника» и проживаетъ «легально», т. е. подъ своею настоящею фамиліею.

Означенные розыски, направленные къ задержанію Желябова и «Милорда», имѣли первоначальнымъ результатомъ арестъ 28-го января лица, котораго Желябовъ и его сообщники снабдили приобрѣтенными на средства сообщества лошадью и санями и которое должно было въ качествѣ легковаго извозчика содѣйствовать исполненію ихъ преступнаго замысла; лицомъ этимъ оказался проживавшій въ С.-Петербургѣ подъ фамиліею Веселовскаго (онъ же Березовъ) мѣщанинъ Макаръ Васильевъ Тетерка.

27-го февраля розыски «Милорда» и Желябова увѣнчались успѣхомъ. Первый, оказавшійся дворяниномъ Михаиломъ Николаевымъ Тригономъ, былъ арестованъ въ своей квартирѣ по Невскому проспекту, домъ № 66, кв. № 12, а въ тотъ же день задержанъ явившійся въ квартиру Тригона Андрей Желябовъ.

Того же 27 февраля въ квартирѣ Тетерки былъ задержанъ, пришедшій къ нему его соучастникъ, солдатскій сынъ Василій Аполлоновъ Меркуловъ, проживавшій въ С.-Петербургѣ подъ фамиліею Яковенко.

Что же касается до задержанія остальныхъ обвиняемыхъ, то такое послѣдовало уже послѣ 1-го марта, преимущественно по указаніямъ, сдѣланнымъ казеннымъ государственнымъ преступникомъ Рысаковымъ въ его подробныхъ и согласныхъ съ обстоятельствами дѣла объясненіяхъ.

Такъ, показаніе Рысакова о томъ, что для успѣшнаго совершенія цареубійства въ С.-Петербургѣ былъ сформированъ небольшой кружокъ лицъ, которыя, подъ ближайшимъ руководствомъ казенной нынѣ государственной преступницы Софьи Перовской, постоянно наблюдали за выѣздами въ Бозѣ почившаго Государя Императора изъ Зимняго Дворца, имѣло послѣдствіемъ розыски и задержаніе означенныхъ лицъ, которыми оказались сынъ діакона

Петръ Васильевъ Тычининъ, дворянка Елизавета Николаева Оловенникова и дворянинъ Аркадій Владиміровъ Тырковъ.

Затѣмъ основаніемъ для розысковъ послужили объясненія Рысакова о томъ, что между организаторами злодѣянія 1-го марта онъ встрѣчалъ человѣка, извѣстнаго ему подъ именемъ «Григорія», въ которомъ всегда предполагалъ техника и помощника казеннаго нѣмца государственнаго преступника Кибальчича по изготовленію метательныхъ снарядовъ. По словамъ Рысакова, онъ по порученію этого «Григорія», въ декабрѣ 1880 г., перевозилъ типографскій станокъ съ вокзала Николаевской желѣзной дороги въ указанную ему квартиру по Большой Садовой ул., въ д. № 69.— По розысканіи и задержаніи «Григорія» и хозяина упомянутой квартиры, оказалось, что первый изъ нихъ — проживавшій подъ фамиліей Кохановскаго, сынъ почтальона Григорій Прокофьевъ Исаевъ, а второй — отставной прапорщикъ Фердинандъ Осиповъ Люстигъ.

На ряду съ вышеуказанными результатами розысковъ было установлено, что неизвѣстный человѣкъ, задержанный подъ фамиліею Лакіера въ январѣ 1881 г. въ Сувалкской губерніи — по переходѣ границы, есть принадлежащій къ террористической фракціи мѣщанинъ Николай Александровъ Морозовъ.

Далѣе въ періодъ времени съ марта по іюнь 1881 года тѣ же розыски привели къ послѣдовательному задержанію участников вышеозначенной фракціи: въ С.-Петербургѣ — сына псаломщика Ивана Пантелеймонова Емельянова, флота лейтенанта Николая Евгеньева Суханова и дворянки Людмилы Дементьевой Терентьевой и въ Кіевѣ — дочери священника Анны Васильевой Якимовой и Прускаго подданнаго Мартына Рудольфова Ланганса.

Наконецъ, 3 сентября 1881 г., рядъ обвиняемыхъ по настоящему дѣлу закончился арестомъ, на вокзалѣ Николаевской желѣзной дороги, намѣревавшейся уѣхать въ Москву съ отходившимъ поѣздомъ дочери коллежскаго совѣтника Татьяны Ивановой Лебедевой, которая розыскивалась по обвиненію въ принадлежности къ террористической фракціи.

Исслѣдованіе обвиненій, предъявляемыхъ къ обнаруженнымъ, такимъ образомъ, обвиняемымъ, установило, что обвиненія эти, сверхъ факта принадлежности обвиняемыхъ къ террористическому сообществу, имѣютъ предметомъ еще отдѣльныя, совершенныя для достиженія цѣлей означеннаго сообщества преступленія, событія которыхъ, въ ихъ хронологической послѣдовательности, относятся, какъ изложено ниже, къ періоду времени съ 4 августа 1878 года по 1-е марта 1881 года.

II.

Убійство Шефа Жандармовъ, Генералъ-Адъютанта Мезенцова, 4 августа 1878 года.

4-го августа 1878 года, въ 9 часовъ 10 минутъ утра, бывшій Шефъ Жандармовъ, генералъ-адъютантъ Мезенцовъ, возвращаясь

съ утренней прогулки, въ сопровожденіи подполковника Макарова, на Михайловской площади, близъ дома Кочкурова, былъ встрѣченъ неизвѣстнымъ, который нанесъ ему кинжаломъ рану въ полость живота. Истекая кровью, генераль Мезенцовъ былъ привезенъ домой и въ 5 часовъ 10 минутъ по полудни скончался. Нанесенная ему рана оказалась безусловно смертельною, проникавшею чрезъ печень и заднюю стѣнку желудка.

При преслѣдованіи подполковникомъ Макаровымъ убійцы, быстро скрывшагося за угломъ площади и убѣгавшаго по Большой Итальянской улицѣ, другой неизвѣстный выстрѣлилъ въ подполковника Макарова изъ револьвера и хотя промахнулся, но вслѣдствіе происшедшаго отъ выстрѣла замѣшательства, оба злоумышленника успѣли вскочить въ дожидавшуюся ихъ у кондитерской Кочкурова пролетку на лежащихъ рессорахъ, запряженную вороною лошадыю, и скрылись по направленію къ Большой Садовой улицѣ, при чемъ свидѣтель Платонъ Матвѣевъ, догоняя уѣзжавшихъ, прослѣдилъ ихъ до памятника Императрицы Екатерины II, а отставной унтеръ-офицеръ Сергій Самойловъ видѣлъ какъ неизвѣстные повернули за Александровскій театръ.

Скрывшіеся такимъ образомъ отъ преслѣдованія упомянутыхъ свидѣтелей, убійцы генерала Мезенцова не остались однако необнаруженными.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года, въ Новомъ переулкѣ, въ русскомъ татарсалѣ, были розысканы вороная лошадь «Варваръ», дрожки на лежащихъ рессорахъ и кучерское платье, а затѣмъ задержанъ и кучеръ этой лошади, Адрианъ Михайловъ, проживавшій подъ непринадлежащею ему фамиліею Тугаринова. При этомъ было установлено, что «Варваръ» и дрожки, значившіеся въ татарсалѣ принадлежащими дворянину Тюрикову, имѣютъ полное сходство съ лошадыю и экипажемъ, стоявшимъ 4 августа у кондитерской Кочкурова, а Михайловъ признанъ за выдававшего себя кучеромъ Тюрикова, единственнымъ лицомъ, выѣзжавшимъ послѣ 14 іюля на означенной лошади и имѣющимъ сходство съ кучеромъ, увозившимъ неизвѣстныхъ послѣ совершеннаго ими убійства генераль-адъютанта Мезенцова.

По показанію Баварскаго подданнаго Краха, «Варваръ» былъ помѣщенъ въ татарсалъ 29 января 1878 года самимъ Тюриковымъ, при участіи кучера, признаваемого имъ въ задержанномъ Михайловѣ, и оставался до 7 мая, а затѣмъ былъ взятъ Тюриковымъ и вновь приведенъ его кучеромъ, т. е. тѣмъ же Михайловымъ, 14 іюля, уже съ дрожками. Такимъ образомъ время первоначальнаго помѣщенія «Варвара» въ татарсалъ относится къ періоду проживания Тюрикова и называвшагося его кучеромъ, нынѣ осужденнаго государственнаго преступника Адриана Михайлова, въ номерахъ Штутцеръ и при томъ, какъ видно изъ нижеслѣдующаго, по подложнымъ документамъ. Рядомъ произведенныхъ слѣдственныхъ дѣйствій выяснено, что лицо, именовавшееся дворяниномъ Тюриковымъ, въ январѣ 1878 г. посели-

лось въ меблированныхъ комнатахъ Штуцеръ, на углу Малой Подъяческой и Екатерининскаго канала, предупредивъ хозяйку, что ждетъ товарища, съ которымъ и будетъ жить вмѣстѣ. Спустя нѣсколько времени къ Тюрикову дѣйствительно прибылъ неизвѣстный человѣкъ и далъ для прописки паспортъ на имя дворянина Поплавскаго. На другой день вновь прибывшій унесъ неизвестно куда полушубокъ, въ которомъ прѣхалъ, и сталъ ходить въ пальто, а черезъ мѣсяцъ, въ февралѣ, Тюриковъ и Поплавскій оставили квартиру, при чемъ первый объяснилъ, что получилъ мѣсто въ Новгородѣ, куда полагается пристроить и Поплавскаго. Документы Тюрикова и Поплавскаго оказались подложными, а по предъявленіи назвавшихся при задержаніи Тугариновымъ, Адриана Михайлова, содержательницѣ означенныхъ меблированныхъ комнатъ Штуцеръ и ея служанкѣ Тимофеевой, онѣ признали его за проживавшаго у нихъ въ одной комнатѣ съ Тюриковымъ подъ именемъ Поплавскаго.

Впослѣдствіи на лицо, тождественное съ Тюриковымъ, были сдѣланы указанія умершимъ обвиняемымъ Гольденбергомъ, изъ объясненій котораго видно, что въ іюнѣ 1879 года, на Липецкомъ сѣздѣ, онъ встрѣтился съ Ипполитомъ Кошурниковымъ, настоящая фамилія котораго ему не была извѣстна, и изъ разговоровъ съ нимъ пришелъ къ заключенію объ участіи его въ убійствѣ Мезенцова. Такое заключеніе, по удостовѣренію Гольденберга, вполне подтвердилось, когда съ тѣмъ же Кошурниковымъ ему пришлось встрѣтиться, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, подъ Москвою, въ домѣ именовавшаго себя мѣщаниномъ Сухоруковымъ. При проведеніи подкопа подъ полотно Московско-Курской желѣзной дороги, съ цѣлью посягнуть на жизнь почившаго Государя Императора, между участниками этого подкопа, какъ-то, былъ возбужденъ вопросъ, кому слѣдуетъ сомкнуть цѣпь для взрыва, при чемъ Кошурниковъ предлагалъ свои услуги, говоря, что ему всего удобнѣе взять это на себя, какъ участнику въ убійствѣ генерала Мезенцова и, слѣдовательно, какъ лицу, которому уже угрожаетъ тяжкое наказаніе. Обвиняемый Александръ Баранниковъ призналъ себя виновнымъ въ участіи, вмѣстѣ съ двумя другими лицами, въ убійствѣ генерала Мезенцова и объяснилъ, что проживая въ 1878 году въ С.-Петербургѣ по Малой Подъяческой, у мѣщанки Штуцеръ, подъ именемъ Тюрикова, онъ, согласившись на убійство генерала Мезенцова, сперва вызвалъ лошадей, находившуюся вмѣстѣ съ дрожками въ русскомъ татарсалѣ, а затѣмъ, 4 августа, прибывъ на Михайловскую площадь на означенныхъ дрожкахъ, вмѣстѣ съ своими соучастниками, онъ, въ моментъ нанесенія генералу Мезенцову раны, находился тутъ же возлѣ и, по собственному его выраженію, «прикрывалъ убійцу». Когда же послѣдняго хотѣлъ задержать сопровождавшій генерала Мезенцова подполковникъ Макаровъ, то онъ, Баранниковъ, выстрѣлилъ въ него изъ револьвера, чѣмъ и открылъ возможность какъ себѣ, такъ и убійцѣ, скрыться отъ преслѣдованія.

По предъявленіи Баранникова свидѣтельницамъ Штуцеръ и Христинѣ Ритовской онѣ положительно признали въ немъ лицо, проживавшее у Штуцеръ въ январѣ 1878 года, подъ фамиліею дворянина Тюрикова.

III.

Покушеніе на цареубійство въ С.-Петербургѣ 2-го апрѣля | 1879 года.

При производствѣ слѣдствія о покушеніи 2-го апрѣля 1879 года на жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора непосредственный виновникъ этого преступленія, казненный нынѣ государственный преступникъ Соловьевъ, между прочимъ, объяснилъ, что о замыслѣ своемъ онъ, Соловьевъ, никому не сообщалъ и сообщниковъ не имѣлъ. Но, при дальнѣйшемъ изслѣдованіи преступной дѣятельности «соціально-революціонной партіи» въ 1879 и 1880 годахъ, это объясненіе было опровергнуто задержаніемъ нѣсколькихъ лицъ, участвовавшихъ въ сношеніяхъ и совѣщаніяхъ съ Соловьевымъ по предмету преступнаго покушенія.

Обнаруженныя такимъ образомъ данныя указали, какъ на соучастниковъ Соловьева, еще на пять лицъ, изъ которыхъ государственные преступники Зунделевичъ, Квятковскій и Кобылянскій уже осуждены, Григорій Гольденбергъ умеръ, а Александръ Михайловъ до конца 1880 года оставался нерозысканнымъ.

Задержанный 28 ноября 1880 года обвиняемый Александръ Михайловъ, заявляя о своей принадлежности къ тайному сообществу, поставившему себѣ ближайшею задачею насильственное ниспроверженіе Правительства путемъ посягательства на жизнь Государя Императора, призналъ, между прочимъ, и свое участіе въ преступномъ покушеніи 2 апрѣля, выразившееся въ совѣщаніяхъ объ этомъ покушеніи съ другими лицами, какъ съ теоретической точки зрѣнія, такъ и со стороны практической, т. е. по поводу выбора лица, времени и мѣста приведенія обдуманнаго замысла въ исполненіе.

Всѣ приведенныя обстоятельства, обнаруженныя дознаніемъ, находятъ себѣ полное подтвержденіе въ разоблаченіяхъ, сдѣланныхъ по этому поводу вышеупомянутымъ умершимъ обвиняемымъ Григоріемъ Гольденбергомъ. По показанію его, съ 1878 года, подъ вліяніемъ удачныхъ политическихъ убійствъ и другихъ событій, мысли о цареубійствѣ, какъ средствѣ для достиженія цѣлей «соціально-революціонной партіи», лица, принадлежавшія къ этой послѣдней, стали придавать особенное значеніе. Подъ вліяніемъ означенной мысли, въ мартѣ 1879 года, отправившись съ юга въ С.-Петербургъ, для возбужденія между революціонерами вопроса о цареубійствѣ, онъ встрѣтился съ своими знакомыми Зунделевичемъ и Александромъ Михайловымъ и, послѣ неудавшагося 13 марта покушенія на жизнь генераль-адъютанта Дренгельна, нашель въ нихъ полное сочувствіе. Подъ вліяніемъ созрѣвшаго желанія

осуществить свой планъ въ ближайшемъ будущемъ, они обсуждали этотъ вопросъ сперва втроемъ, а затѣмъ къ нимъ присоединились еще прибывшій тогда въ С.-Петербургъ Соловьевъ, Кобылянский и Квятковский. Для такого обсуждения они вшестеромъ имѣли нѣсколько совѣщаній въ трактирахъ, одинъ разъ въ «Сѣверномъ» на Офицерской улицѣ, другой разъ гдѣ-то въ трактирѣ на Большой Садовой и еще гдѣ-то въ трактирахъ, но гдѣ именно не помнитъ. При этомъ они говорили очень много и больше другихъ онъ, Гольденбергъ, Михайловъ и Соловьевъ, но вопросъ обсуждался только теоретически, т. е. съ точки зрѣнія выгоды отъ преступленія для революціонныхъ цѣлей. Результатомъ всѣхъ ихъ разсужденій было полное соглашеніе на царубійство, при чемъ совершить его долженъ былъ кто нибудь изъ числа шести совѣщавшихся. Послѣ теоретическаго рѣшенія перешли къ обсужденію практической стороны дѣла, т. е. къ выбору лица, средства и времени совершенія преступленія. Первымъ предложилъ свои услуги самъ Гольденбергъ, но предложеніе его не было принято, такъ какъ находили, что ему, какъ еврею, не слѣдуетъ брать этого дѣла на себя, ибо тогда для общества, а главное для народа, оно не будетъ имѣть должнаго значенія, почему и полагали, что преступленіе долженъ совершить непременно природный русскій. По такимъ же соображеніямъ не было принято и даже не обсуждалось предложеніе поляка Кобылянскаго, который также заявилъ о своемъ желаніи совершить злодѣяніе. Затѣмъ заявилъ о своей готовности Соловьевъ и его признали совершенно годнымъ и совмѣщающимъ въ себѣ всѣ нужные для дѣла условія. Послѣ этого было рѣшено совершить посягательство какъ можно скорѣе и 31 марта стали предупреждать всѣхъ, «нелегальныхъ», чтобы они спѣшили выѣхать изъ столицы, въ виду могущихъ послѣдовать арестовъ. 31 марта онъ, Гольденбергъ, какъ нелегальный, и выѣхалъ изъ С.-Петербурга въ Харьковъ.

Осужденные Кобылянскій и Квятковский также признали существованіе сходовъ, описанныхъ Гольденбергомъ, а Зунделевичъ въ общихъ чертахъ далъ показаніе, вполне согласное съ вышеизложеннымъ.

IV.

Кража изъ Херсонскаго Губернскаго Казначейства.

3-го іюня 1879 года изъ херсонскаго губернскаго казначейства, чрезъ взломъ запоровъ у сундуковъ, стоявшихъ въ денежной кладовой, была совершена кража 1.579.688 руб. 75 коп., принадлежащихъ Государственному Банку, а также начки бланковъ паспортовъ и патентовъ. По осмотру мѣстности оказалось, что для означенной кражи былъ произведенъ подкопъ изъ сосѣдняго съ казначействомъ дома Каменина, начинавшійся отверстіемъ въ полу одной изъ комнатъ этого дома, а затѣмъ проходившій подъ землею подъ фундаментъ казначейства и кончавшійся пробойною, въ аршинъ

діаметромъ, въ полу денежной кладовой. Въ двухъ комнатахъ дома Камсина и на чердакѣ оказалось около 25 возовъ свѣжей глины, вынутой изъ упомянутой подземной галереи, имѣвшей въ длину 9 сажень, а въ ширину и въ высоту по 1-му аршину. Въ галереѣ были найдены 1.000 р. кредитными билетами, разсыпанная мѣдная монета, желѣзный ломъ, буравъ, двѣ кирки, желѣзная лопата, жестяной ящикъ съ двумя веревками, ножъ и кусокъ свѣчи. Въ самой кладовой казначейства, какъ орудія взлома замковъ, остались ломъ и сломанный напильникъ.

Произведеннымъ по поводу этой кражи слѣдствіемъ обнаружено, что квартиру въ домѣ Камсина, изъ которой произведенъ подкопъ, наняла передъ кражею неизвѣстная женщина, назвавшаяся женою доктора Никитиноу, и прислала въ эту квартиру, какъ бы для ея отдѣлки, неизвѣстнаго человѣка подъ видомъ штукатура. Дней за 10 до кражи Никитина сама переѣхала въ квартиру, а затѣмъ туда же прибыла женщина подъ именемъ Марьи, исполнявшая обязанности кухарки. 29 мая, чрезъ два дня послѣ этого, въ квартиру пріѣхала еще молодая дѣвушка подъ именемъ «Соньки» и приняла на себя роль горничной.

При дальнѣйшемъ производствѣ слѣдствія и обнаруженіи нѣкоторыхъ изъ обвиняемыхъ, съ одной стороны, установлено, что означенная кража совершена лицами, принадлежащими къ тайному обществу, стремящемуся къ ниспроверженію существующаго въ Россіи государственнаго и общественнаго строя, съ цѣлью доставленія означенному обществу средствъ для достиженія его преступныхъ стремленій, а съ другой стороны—опредѣлены лица, проживавшія въ домѣ Камсина передъ кражею и скрывшіяся ко времени ея обнаруженія.

Называвшая себя женою доктора Никитиноу и отказавшаяся объявить о своемъ званіи и имени, оказалась дворянкою Еленою Россиковою; неизвѣстный, занимавшійся у нея штукатурными работами,—лишеннымъ за кражи всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ Яковомъ Погорѣловымъ, а проживавшая у Россиковой подъ видомъ кухарки Марьи—одесскою мѣщанкою Татьяною Морозовою.

Поименованныя лица, въ числѣ другихъ, осуждены Одесскимъ военно-окружнымъ судомъ 10 января 1880 года.

Что же касается до обвиняемой, проживавшей у Россиковой въ качествѣ горничной подъ именемъ «Соньки», то хотя она первоначально и не была обнаружена, но участіе ея въ этой кражѣ было выяснено съ достаточной опредѣленностью.

По показанію Погорѣлова, дѣвушка подъ именемъ «Соньки» оказывала ему весьма дѣятельное пособіе въ подземной работѣ, вытаскивая изъ подкопа жестянымъ ящикомъ глину, а когда проломъ въ самой кладовой былъ сдѣланъ и кража совершена, то «Сонька», получивъ изъ украденныхъ денегъ 10,000 руб., уѣхала изъ квартиры первая, еще въ то время, когда мѣшки съ деньгами не были увезены.

Подтверждая въ этихъ частяхъ объясненія Погорѣлова, Татьяна Морозова дополнила, что дѣвушка, выносившая изъ подкопа землю въ другую комнату и на чердакъ, была лѣтъ 16, блондинка, низенькаго роста и называлась «Нилкой».

2-го мая 1881 года, задержанная въ С.-Петербургѣ подъ фамиліей Трифионовой, дочь титулярнаго совѣтника Людмила Терентьева, объясняя, что она занимается «революціонными дѣлами», а средства къ жизни получаетъ изъ фонда партіи, признала свое участіе въ кражѣ изъ Херсонскаго казначейства, совершенной 3 іюня 1879 года, и показала, что работала въ самомъ подкопѣ, а затѣмъ увезла изъ Херсона изъ числа украденныхъ изъ казначейства денегъ 10,000 рублей, каковыя и были употреблены «на борьбу за народное освобожденіе».

Вспослѣдствіи Терентьева добавила, что въ квартирѣ Россиковой ее называли иногда «Соней», а иногда «Нилей».

По предъявленіи Терентьевой вышеупомянутымъ Погорѣлову и Морозовой, они признали въ ней ту самую женщину, о которой показали, какъ о горничной Россиковой, извѣстной имъ подъ именами «Соньки» и «Нилки».

V.

Приготовленія къ цареубійству близъ гор. Одессы осенью 1879 года.

Изъ показанія Григорія Гольденберга, между прочимъ, видно, что въ двадцатыхъ числахъ сентября 1879 г., когда онъ, Гольденбергъ, и Николай Колодкевичъ находились въ Харьковѣ и принимали участіе въ происходившихъ тамъ сходкахъ революціонеровъ и сочувствующихъ имъ лицъ, при чемъ на этихъ сходкахъ обсуждался, при участіи Желябова, планъ цареубійства, въ Харьковѣ пріѣхалъ Кошурниковъ (Баранниковъ), вмѣстѣ съ нынѣ казненнымъ государственнымъ преступникомъ Прѣсняковымъ, и привезли съ собою около трехъ пудовъ динамита. Тогда же было рѣшено предпринять приготовленія къ цареубійству, между прочимъ въ Одессѣ, на линіи Одесской желѣзной дороги, при обратномъ слѣдованіи въ Бозѣ почившаго Государя Императора изъ Крыма въ С.-Петербургъ. Для этой цѣли Колодкевичъ отправился изъ Харькова въ Одессу, гдѣ уже находился Михаилъ Фроленко, который и долженъ былъ принять на себя приведеніе означеннаго замысла въ исполненіе. Съ тою же цѣлю Гольденбергъ отдѣлить изъ динамита, привезеннаго Кошурниковымъ и Прѣсняковымъ, около полутора пудовъ и послалъ его въ Одессу съ Татьяною Лебедевою, которая должна была остаться тамъ и помогать Фроленко. Затѣмъ онъ, Гольденбергъ, принялъ участіе въ приготовленіяхъ къ взрыву Императорскаго поѣзда, производимыхъ близъ Москвы на линіи Московско-Курской желѣзной дороги изъ дома Сухорукова (Гартмана). Въ ноябрѣ, собравшіеся здѣсь участники упомянутыхъ приготовленій, получивъ свѣдѣнія о томъ, что Государь Импера-

торъ изволить на пути изъ Крыма прослѣдовать черезъ Москву, и въ то же время предположивъ, что вслѣдствіе дурной погоды поѣздка Его Императорскаго Величества въ Одессу моремъ не состоится, пришли къ рѣшенію о томъ, что начатыя въ Одессѣ приготовления должны быть оставлены, а находящійся тамъ динамитъ перевезенъ въ Москву. За этимъ динамитомъ Гольденбергъ 9 ноября отправился въ Одессу и дорогой, въ Елизаветградѣ, встрѣтилъ нынѣ казненнаго государственнаго преступника Николая Кибальчича, который, сказавъ ему, что онъ везетъ изъ Одессы проволоку въ Александровскъ къ Желябову, добавилъ, что въ Одессѣ уже быть можетъ успѣли заложить динамитъ подъ рельсы желѣзной дороги. Вслѣдствіе этого Гольденбергъ, по соглашенію съ Кибальчичемъ, послалъ въ Одессу Колодкевичу телеграмму съ подписью «Максимовъ», предупреждающую о прибытіи его, Гольденберга. Подъѣзжая къ Одессѣ, онъ видѣлъ Татьяну Лебедеву, стоявшую на линіи желѣзной дороги около одной изъ сторожевыхъ будокъ, изъ чего заключилъ, что сторожемъ въ этой будкѣ состоитъ Фроленко. Въ Одессѣ Гольденбергъ видѣлся съ этимъ послѣднимъ и съ Колодкевичемъ и, не смотря на видимое нежеланіе Фроленко оставлять начатыя въ Одессѣ приготовленія, потребовалъ отъ нихъ динамитъ для доставленія въ Москву. Кромѣ названныхъ лицъ, Гольденбергъ видѣлъ еще въ Одессѣ Златопольскаго и какого-то молодого человѣка по имени Василія, который, вмѣстѣ съ Колодкевичемъ, долженъ былъ перевезти динамитъ изъ будки Фроленко къ Гольденбергу. Этотъ послѣдній, получивъ динамитъ и взявъ его съ собою, 13 ноября выѣхалъ изъ Одессы, а 14 ноября въ Елизаветградѣ былъ арестованъ.

Въ подтвержденіе приведеннаго показанія Гольденберга: 1) разслѣдованіемъ, произведеннымъ въ гор. Одессѣ, удостовѣрено, что съ 18 октября и до 8 декабря 1879 г. Фроленко, подъ именемъ курскаго мѣщанина Семена Александрова, дѣйствительно служилъ сторожемъ на 14 верстѣ Одесской желѣзной дороги, при чемъ проживалъ въ сторожевой будкѣ на 12 верстѣ вмѣстѣ съ Татьяною Лебедевою, которую выдавалъ за свою жену. Въ декабрѣ 1879 г. Фроленко оставилъ желѣзнодорожную службу и, не дождавшись расчета, выѣхалъ изъ Одессы (показанія свидѣтелей, инженера Шегельскаго, дорожнаго мастера Корабельникова, жены сторожа Ивановой, Ковриги и проч.); 2) таковымъ же разслѣдованіемъ обнаружено, что съ октября и до половины декабря 1879 г. Колодкевичъ проживалъ въ гор. Одессѣ подъ фамиліею Сидоренко, на которую и была адресована телеграмма, посланная ему изъ Елизаветграда Гольденбергомъ и Кибальчичемъ.

Обвиняемые Николай Колодкевичъ, Михаилъ Фроленко, Василій Меркуловъ и Татьяна Лебедева признали всѣ вышеприведенныя обстоятельства и участіе свое въ предпринятыхъ на линіи Одесской желѣзной дороги приготовленіяхъ къ взрыву Императорскаго поѣзда, каковой взрывъ предполагалось произвести посредствомъ проведенія гальваническаго тока къ динамитному заряду,

заложенному подъ полотно желѣзной дороги. При этомъ Меркуловъ показалъ, что по порученію Колодкевича онъ перевозилъ мебель изъ Одессы въ сторожевую будку на 12 верстѣ, гдѣ поселился Фроленко вмѣстѣ съ Лебедевою, которая, въ свою очередь, объяснила, что по распредѣленію участія въ предположенномъ преступленіи она должна была для производства взрыва Императорскаго поѣзда сомкнуть токъ гальванической батареи.

VI.

Покушеніе на цареубійство близъ гор. Александровска, Екатеринославской губерніи, 18 ноября 1879 года.

По показанію Григорія Гольденберга, на вышеупомянутыхъ революціонныхъ сходкахъ, происходившихъ въ гор. Харьковѣ въ сентябрѣ 1879 года, было, между прочимъ, рѣшено произвести взрывъ Императорскаго поѣзда на линіи Лозово-Севастопольской желѣзной дороги, близъ гор. Александровска, Екатеринославской губерніи. Для совершенія этого преступленія были избраны государственные преступники, нынѣ казненные, Желябовъ и Прѣсняковъ, осужденные Яковъ Тихоновъ и Иванъ Окладскій и обвиняемая Анна Якимова (она же Баска). Въ октябрѣ Желябовъ, подъ фамиліею Ярославскаго купца Черемисова, вмѣстѣ съ Якимовой, которую онъ выдавалъ за свою жену, поселился въ гор. Александровскѣ, въ домѣ мѣщанъ Бовенко, при чемъ появленіе свое въ этомъ городѣ объяснилъ намѣреніемъ устроить кожевенный заводъ на отведенномъ ему мѣстною думою участкѣ городской земли, а затѣмъ занялся приготовленіями къ производству взрыва.

Изъ объясненій Прѣснякова, Тихонова и Окладскаго, подтвержденныхъ показаніями свидѣтелей Тимофея и Маріи Бовенко, а также результатами мѣстнаго осмотра и технической экспертизы, произведенной надъ найденными, по указаніямъ Тихонова, вещественными доказательствами, оказывается, что во время проживанія Желябова и Якимовой въ домѣ Бовенко у нихъ жили или появлялись лишь на короткое время и другіе ихъ сообщники, принимавшіе участіе въ упомянутыхъ приготовленіяхъ. Во исполненіе общаго ихъ преступнаго дѣла, подъ полотномъ желѣзной дороги, на 4-й верстѣ, произведена была закладка мины изъ двухъ цилиндровъ съ магнѣзійнымъ динамитомъ, а по полученіи 16 ноября отъ Прѣснякова, пріѣхавшаго изъ Симферополя, свѣдѣній о предстоящемъ 18 ноября проѣздѣ Государя Императора, Желябовъ, Тихоновъ, Окладскій и Прѣсняковъ въ означенный день отправились въ телегѣ, въ которой помѣщалась гальваническая батарея, къ мѣсту, гдѣ была заложена мина; здѣсь Окладскій, вынувъ изъ земли спрятанные концы проводниковъ, пдущихъ отъ заряда, передать ихъ Желябову, который, какъ только Императорскій поѣздъ сталъ проходить надъ миною, по сигналу Окладскаго «жарь», сомкнулъ цѣпь. По неизвѣстной причинѣ взрыва однако же не произошло и Императорскій поѣздъ благополучно прослѣдовалъ мимо

злоумышленниковъ, которые вскорѣ послѣ этого разѣхались изъ Александровска.

По предъявленіи свидѣтелямъ Тимофею и Маріи Бовенко обвиняемыхъ Якимовой и Макара Тетерки, они признали: въ первой—женщину, проживавшую у нихъ въ домѣ, подѣ именемъ жены Желябова—Черемисова, а въ послѣднемъ—человѣка, который въ то же самое время проживалъ у Черемисовыхъ подѣ именемъ «Дмитрича».

Обвиняемый Макаръ Тетерка показалъ, что въ 1879 г., въ гор. Кіевѣ, онъ познакомился съ Желябовымъ, который, послѣ того, какъ лицо, доставлявшее ему, Тетеркѣ, столярную работу, было арестовано по обвиненію въ государственномъ преступленіи, сказалъ обвиняемому, что и его могутъ арестовать, и, снабдивъ его паспортомъ, убѣдилъ не проживать подѣ своею настоящею фамиліею. Осенью 1879 г. Тетерка, по приглашенію Желябова, отправился въ гор. Александровскъ, гдѣ и прожилъ у Желябова около мѣсяца, исполняя по его приказанію разныя столярныя и хозяйственныя работы.

Обвиняемая Анна Якимова созналась въ вышеуказанномъ участіи своемъ при покушеніи на цареубійство 18 ноября 1879 года.

Обвиняемый Григорій Исаевъ показалъ, что въ октябрѣ и ноябрѣ 1879 года онъ работалъ въ подкопѣ изъ дома Сухорукова въ Москвѣ, откуда ѣздилъ на одинъ день съ проволокою для мины къ Желябову въ гор. Александровскъ, гдѣ при немъ были заложены подѣ полотно желѣзной дороги проволоки и одинъ изъ цилиндровъ съ динамитомъ, при чемъ онъ, Исаевъ, принималъ участіе въ работахъ.

Приведенное показаніе Исаева подтвердилъ и Гольденбергъ, объяснивъ, что Исаевъ, работавшій подѣ именемъ «Гришки» въ подкопѣ подѣ Московско-Курскую желѣзную дорогу, былъ посланъ изъ Москвы въ Александровскъ съ проволокой, въ видѣ отдыха, такъ какъ онъ болѣе другихъ участниковъ Московскаго подкопа былъ утомленъ работой.

VII.

Покушеніе на цареубійство близъ гор. Москвы 19 ноября 1879 года.

19 ноября 1879 года, въ 11-мъ часу вечера на 3-й верстѣ отъ Московской станціи Московско-Курской желѣзной дороги, во время слѣдованія въ Москву поѣзда съ Императорскою свитою, былъ произведенъ взрывъ полотна желѣзной дороги, вслѣдствіе чего произошло крушеніе означеннаго поѣзда, въ которомъ злоумышленники, очевидно, предполагали присутствіе въ Божѣ почившаго Государя Императора. При взрывѣ никто изъ лицъ, слѣдовавшихъ въ поѣздѣ или постороннихъ, не пострадалъ.

По осмотру мѣста взрыва оказалось, что онъ былъ произведенъ посредствомъ мины, заложеной подѣ полотно желѣзной дороги и

проведенной изъ нижняго этажа дома, расположеннаго близъ желѣзнодорожнаго пути и купленнаго незадолго передъ тѣмъ личностью, именовавшеюся Саратовскимъ мѣщаниномъ Сухоруковымъ. Изъ этого дома была выведена подземная галлерей, обшитая внутри досками и оканчивавшаяся миной, заложеной на глубинѣ около 2 саж. подъ рельсами. Самый же взрывъ былъ произведенъ при посредствѣ спирали Румкорфа, помѣщенной въ сундукѣ, стоявшемъ въ верхнемъ этажѣ, и гальванической батареи, находившейся въ сараѣ, въ стѣнѣ котораго, близъ батареи, имѣлось отверстіе, по-видимому, для наблюденія за желѣзнодорожнымъ путемъ. По заключенію экспертовъ на устройство означеннаго подкопа потребовалось не менѣе 20-ти дней и совмѣстная работа нѣсколькихъ лицъ; что же касается до взрыва, то онъ былъ произведенъ однимъ изъ взрывчатыхъ составовъ, содержащихъ въ себѣ нитроглицеринъ.

Показаніями допрошенныхъ при дознаніи свидѣтелей Анны Трофимовой, Василія Кононова, Екатерины Григорьевой, Ирины Сѣдовой и другихъ удостовѣряется, что Сухоруковъ появился въ Москвѣ въ началѣ сентября 1879 г. съ женщиною, называвшеюся его женою; приобрѣтя покупкою у мѣщанина Кононова вышеупомянутый домъ, онъ 19 сентября переѣхалъ въ него и, удаливъ оттуда жильцовъ подъ предлогомъ необходимыхъ передѣлокъ, приступилъ къ вырытію въ нижнемъ этажѣ дома погребной ямы. Затѣмъ окна нижняго этажа были заколочены, двери заперты, а въ домъ доставлены доски и желѣзныя трубы, найденныя впослѣдствіи въ минной галлерей. Послѣ взрыва 19 ноября всѣ обитатели купленнаго Сухоруковымъ дома скрылись.

Изслѣдованіемъ описаннаго покушенія на царегубійство выяснено, что, изъ числа виновниковъ этого преступленія, фамиліею Сухорукова назывался Левъ Николаевъ Гартманъ, скрывшійся за границу, а съ нимъ, подъ именемъ его жены, проживала нынѣ казенная государственная преступница Софья Перовская.

Умершій обвиняемый Гольденбергъ, излагая въ подробности всѣ обстоятельства своего участія въ устройствѣ подкопа подъ Московско-Курскую желѣзную дорогу, показалъ, что осенью 1879 г., въ бытность его въ Харьковѣ, туда, 16 октября, пріѣхалъ Степанъ Ширяевъ и сообщилъ, что въ Москвѣ уже купленъ домъ и изъ него ведется подкопъ, надъ которымъ работаютъ Гартманъ, подъ фамиліею Сухорукова (по прозванію «Алхимикъ»), Перовская, подъ именемъ жены Сухорукова Марины Семеновой, Александръ Михайловъ, Арончикъ и студентъ медико-хирургической академіи «Гришка», оказавшійся впослѣдствіи Исаевымъ. При этомъ Ширяевъ заявилъ, что Московскіе работники уже утомились, почему имъ и нужны свѣжія силы. По соглашенію съ Желябовымъ и Ширяевымъ, Гольденбергъ, взявъ съ собою оставшіеся у него 1½ пуда динамита, 18 октября выѣхалъ изъ Харькова въ Москву, гдѣ засталъ Александра Михайлова, жившаго подъ чужимъ именемъ на Б. Лубянкѣ, въ меблированныхъ комнатахъ Кузовлева, Арончика, занимавшаго вмѣстѣ съ Галиной Чернявской, подъ именемъ су-

пруговъ Силантьевыхъ, конспиративную квартиру въ д. Карепиной, на Собачьей Площадкѣ, а Гартмана, Перовскую и Гришку—проживавшими въ д. Сухорукова. Здѣсь же, розыскавъ этотъ домъ по указанію Михайлова, поселился и онъ, Гольденбергъ, и до самаго своего отъѣзда въ Одессу 9 ноября работалъ въ подкопѣ, который при пріѣздѣ нашелъ уже доведеннымъ до половины. Черезъ недѣлю послѣ прибытія Гольденберга, къ участникамъ подкопа присоединился Баранниковъ, подъ именемъ Кошурникова, и Шириевъ. До пріѣзда Гольденберга, въ числѣ работающихъ въ теченіе 3 дней былъ и Морозовъ, который уѣхалъ, потому что, по болѣзни, работать не могъ, и при отъѣздѣ захватилъ съ собою «на память» камень, вынутый изъ подкопа. Усерднѣе и успѣшнѣе всѣхъ работалъ Исаевъ, а хуже всѣхъ Арончикъ, котораго за лѣность даже устранили отъ работъ. При распредѣленіи участія въ самомъ производствѣ взрыва, возникъ вопросъ о томъ, кому именно сомкнуть гильваническую цѣпь для взрыва. По мнѣнію Гольденберга, эту обязанность слѣдовало поручить ему или Кошурникову, такъ какъ за ними и безъ того уже были прежде совершенныя ими тяжкія преступленія: за Гольденбергомъ—убійство Харьковскаго губернатора, свиты Его Императорскаго Величества генералъ-маіора князя Крапоткина, а за Кошурниковымъ (Баранниковымъ)—убійство шефа жандармовъ, генералъ-адъютанта Мезенцова. Но такъ какъ они—ни тотъ, ни другой, не умѣли обращаться съ гальваническимъ аппаратомъ, то и рѣшено было, что цѣпь сомкнетъ Шириевъ, а Перовская будетъ наблюдать за приближеніемъ поѣзда и подастъ Шириеву сигналъ. Наканунѣ взрыва всѣ должны были разъѣхаться, кромѣ Шириева и Перовской, изъ которыхъ послѣдняя имѣла скрыться въ конспиративной квартирѣ Арончика и Чернявской.

По осмотру домовою книги дома Бѣляева, въ Москвѣ, на Б. Лубянкѣ, гдѣ находились вышеупомянутые номера Кузовлева, и по предъявленіи Александра Михайлова свидѣтелямъ Петру Николаеву и Василию Егорову оказалось, что Михайловъ въ октябрѣ и ноябрѣ 1879 г. проживалъ въ означенныхъ номерахъ подъ именемъ крестьянина Плошкина.

Обвиняемые Александръ Михайловъ и Александръ Баранниковъ признали вышеуказанное участіе свое въ устройствѣ подкопа изъ дома Сухорукова подъ Московско-Курскую желѣзную дорогу. При этомъ Михайловъ показалъ, что, получивъ порученіе «исполнительнаго комитета» осмотрѣть и выбрать мѣсто на линіи Николаевской и Московско-Курской желѣзныхъ дорогъ, наиболѣе удобное для производства взрыва Императорскаго поѣзда, онъ осмотрѣлъ указанные ему мѣстности и собранныя имъ свѣдѣнія передалъ «комитету», который и остановился вслѣдствіе этого на домѣ, впоследствии купленномъ на имя Сухорукова. Что же касается до самого проведенія подкопа, то Михайловъ съ большою подробностью и согласно съ объясненіями Гольденберга описалъ весь ходъ работъ и всѣ вообще относящіеся сюда обстоятельства

преступленія. Баранниковъ же, независимо отъ упомянутого своего сознанія, показалъ, что онъ прїѣхалъ въ Москву изъ Харькова, куда въ сентябрѣ вмѣстѣ съ Прѣсняковымъ перевозилъ динамитъ.

Обвиняемый Григорій Исаевъ, также сознаваясь въ участіи при устройствѣ подкопа изъ дома Сухорукова, объяснилъ, что въ работахъ по этому подкопу онъ, въ качествѣ техника, долженъ былъ замѣнять собою, въ случаѣ надобности, нынѣ осужденнаго государственнаго преступника Степана Ширяева. По словамъ Исаева, въ означенныхъ работахъ принималъ участіе и Николай Морозовъ, но лишь въ теченіи одного дня; Арончикъ же вовсе не работалъ въ подкопѣ, а вмѣстѣ съ Чернявской содержалъ конспиративную квартиру.

Обвиняемый Николай Морозовъ, признавая себя «террористомъ», показалъ, что онъ не считаетъ возможнымъ дать какія либо объясненія по поводу обвиненія его въ участіи при покушеніи на царсубійство 19 ноября 1879 г., какъ и вообще по существованію всѣхъ предъявленныхъ къ нему обвиненій, такъ какъ его объясненія могли бы повредить его друзьямъ и знакомымъ.

Обвиняемый Айзикъ Арончикъ, отрицая какъ принадлежность свою къ революціонной партіи, такъ и свое участіе въ покушеніи 19 ноября 1879 г., показалъ, что онъ въ это время въ Москвѣ вовсе не былъ. По объясненію Арончика, онъ, услыхавъ о томъ, что его товарищъ Колтановскій высланъ изъ Одессы административнымъ порядкомъ, отправился въ іюль 1879 г. его разыскивать въ Вологодскую и Архангельскую губерніи, но тамъ его не нашелъ, а въ августъ того же года узналъ, что Колтановскій былъ осужденъ Одесскимъ Военно-Окружнымъ Судомъ. Возвратившись затѣмъ въ С.-Петербургъ и проживъ здѣсь весь сентябрь подъ чужою фамиліею и паспортомъ Щербакова, онъ отправился въ началѣ октября въ Мценскъ для того, чтобы передать денежное пособіе Колтановскому, содержавшемуся въ мѣстной тюрьмѣ. Дорогой онъ останавливался въ Москвѣ подъ именемъ Щербакова, а въ концѣ октября жилъ въ Орлѣ подъ именемъ Сахарова. Въ концѣ ноября онъ возвратился въ Петербургъ, гдѣ поселился подъ именемъ Бѣликова.

При проверкѣ приведенныхъ объясненій Арончика оказалось, что хотя въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Орлѣ, приблизительно въ указанное Арончикомъ время, и были прописаны паспорта на имя Щербакова, Сахарова и Бѣликова, но никто изъ допрошенныхъ по этому поводу свидѣтелей не призналъ въ Арончикѣ лицо проживавшее подъ означенными паспортами и именами.

Независимо отъ этого по сопоставленіи изложенныхъ данныхъ съ показаніями Гольденберга и Исаева о томъ, что Арончикъ не принималъ дѣятельнаго участія въ проведеніи подкопа и не жилъ въ домѣ Сухорукова, а былъ лишь хозяиномъ конспиративной квартиры въ Москвѣ подъ именемъ Сидантѣева, слѣдуетъ признать, что проживание его подъ вышеуказанными именами и

при вышеозначенныхъ обстоятельствахъ, по времени, къ которому оно относится, отнюдь не исключаетъ приводимаго Гольденбергомъ и Исаевымъ содержанія Арончикомъ вмѣстѣ съ Чернявской конспиративной квартиры въ Москвѣ, какъ убѣжища для участниковъ покушенія 19 ноября 1879 года.

Въ подтвержденіе этого произведеннымъ въ Москвѣ дознаніемъ выяснено, что супруги Силантьевы проживали съ 23 октября по 10 декабря на Собачьей Площадкѣ, въ домѣ Корепиной, а по предъявленіи Арончика проживающей въ означенномъ домѣ свидѣтельница Прасковья Никифоровой, она признала въ обвиняемомъ сходство съ Силантьевымъ.

VIII.

Покушеніе на цареубійство въ Зимнемъ Дворцѣ 5 февраля 1880 года.

5-го февраля 1880 г., въ седьмомъ часу вечера, когда въ Зимнемъ Дворцѣ, по случаю ожидавшагося прибытія въ С.-Петербургъ Его Высочества Принца Александра Гессенскаго, въ покояхъ, расположенныхъ надъ помѣщеніемъ главнаго караула, былъ приготовленъ столъ для семейнаго обѣда Членовъ Императорскаго Дома, а Его Императорское Величество, нынѣ въ Божѣ почившій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, изволилъ выйти на встрѣчу высокому гостю въ малый фельдмаршальскій залъ, изъ подвального этажа произошелъ взрывъ, разрушившій помѣщеніе главнаго караула и смежныя съ нимъ части зданія, а также нѣсколько повредившій полъ тѣхъ комнатъ, въ которыхъ предполагался обѣденный столъ. При означенномъ взрывѣ изъ числа нижнихъ чиновъ л.-гв. Финляндскаго полка, находившихся въ составѣ главнаго караула, было убито на мѣстѣ десять человекъ. Кромѣ того 33 человѣка тѣхъ же чиповъ и нѣкоторые лица изъ дворцовой прислуги получили болѣе или менѣе тяжкія поврежденія.

По осмотру мѣста взрыва и заключенію, высказанному экспертами на основаніи этого осмотра, оказалось, что взрывъ былъ произведенъ зарядомъ динамита, посредствомъ дѣйствія на него капсюля съ гремучекислою ртутью, воспламененнаго съ помощью огнепроводнаго шнура.

По изслѣдованіи описаннаго событія выяснилось, что обвиненіе въ производствѣ взрыва падаетъ на крестьянина Вятской губерніи, Орловскаго уѣзда, Степана Халтурина и нынѣ казеннаго государственнаго преступника Александра Квятковскаго. Изъ нихъ Халтуринъ въ сентябрѣ 1879 г., подъ именемъ и по паспорту крестьянина Олонецкой губеніи, Каргопольскаго уѣзда, Степана Батышкова, поступилъ въ число столаровъ при Зимнемъ Дворцѣ, проживалъ въ томъ самомъ подвалѣ, изъ котораго былъ произведенъ взрывъ, и послѣ этого послѣдняго скрылся, оставшись до

сего времени не розысканнымъ. Квятковскій же былъ задержанъ въ С.-Петербургѣ, 24-го ноября 1879 года, подъ именемъ Чернышева, въ домѣ № 13, по Лештукову переулку, при чемъ по обыску у него было, между прочимъ, найдено $1\frac{1}{2}$ пуда магнезіальнаго динамита, разныя приспособленія для устройства взрывныхъ минъ и планъ той части Зимняго Дворца, въ которой послѣдовалъ взрывъ 5-го февраля 1880 года. Приговоромъ С.-Петербургскаго Военно-Окружнаго Суда по дѣлу о 16 лицахъ, обвинявшихся въ государственныхъ преступленіяхъ, Квятковскій былъ признанъ виновнымъ въ участіи при приготовленіяхъ къ упомянутому посягательству на жизнь нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора.

Привлеченный къ настоящему дѣлу въ качествѣ обвиняемаго Григорій Исаевъ показалъ, между прочимъ, что зимою 1879—1880 годовъ и весною 1880 онъ, подъ именемъ Еремѣева, проживалъ въ С.-Петербургѣ, по Большой Подъяческой улицѣ, въ домѣ № 37, кв. № 27, вмѣстѣ съ двумя женщинами, изъ которыхъ одна называлась Анною Давыдовою, а другая Поликарповою, и занимался приготовленіемъ динамита для разныхъ террористическихъ предпріятій своей «партіи». При этомъ Исаевъ сознался въ томъ, что онъ же приготовлялъ динамитъ и запалы, употребленные при взрывѣ 5-го февраля 1880 года въ Зимнемъ Дворцѣ.

Свидѣтель Николай Казиміровъ, дворникъ дома № 37, по Большой Подъяческой, призналъ въ обвиняемой Аннѣ Якимовой Анну Давыдову, проживавшую въ означенномъ домѣ вмѣстѣ съ Еремѣевымъ-Исаевымъ, каковое обстоятельство не отвергается и обвиняемыми Исаевымъ и Якимовой.

Изъ показанія обвиняемой Татьяны Лебедевой видно, что она проживала съ Исаевымъ и Якимовой подъ именемъ Поликарповой въ домѣ № 37, по Большой Подъяческой улицѣ.

IX.

Приготовленія къ царубійству, въ гор. Одессѣ весною 1880 года.

Изъ показаній обвиняемаго Василія Меркулова, между прочимъ, видно, что въ гор. Одессѣ, весною 1880 года, готовилось посягательство на жизнь нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, посредствомъ мины, которую предполагалось подвести подъ Итальянскую улицу на пути слѣдованія Его Императорскаго Величества отъ вокзала желѣзной дороги къ пароходной пристани.

Обстоятельства означеннаго преступленія представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Въ началѣ 1880 года, въ гор. Одессѣ, Меркуловъ, при посредствѣ нерозысканной до настоящаго времени Вѣры Филипповой, урожденной Фигнеръ, сошелся съ казенной государственной преступницей Софьей Перовской и съ обвиняемымъ по настоящему дѣлу Львомъ

Златопольскимъ, а затѣмъ познакомился съ Григоріемъ Исаевымъ, извѣстнымъ ему въ то время подъ именемъ «Григорія», съ проживавшей съ нимъ, подъ видомъ жены, Анной Якимовой и съ лишившимъ себя жизни 3-го марта 1881 года въ конспиративной квартирѣ, по Телѣжной улицѣ, Николаемъ Саблинымъ. Весной того же года, Перовская и Саблинъ, подъ именемъ уманьскихъ мѣщанъ Петра и Марьи Прохоровскихъ, наняли въ домѣ № 47, по Итальянской улицѣ, лавку, въ которой и открыли торговлю бакалейнымъ товаромъ. Изъ этой лавки, при участіи посѣщавшихъ Саблина и Перовскую: Меркулова, Исаева, Златопольскаго, Якимовой и Филипповой, предполагено было провести подкопъ подъ полотно Итальянской улицы, съ каковою дѣлю въ самомъ помѣщеніи, гдѣ производилась торговля, въ лѣвомъ углу, за прилавкомъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ ветхія половицы, зачиненныя новыми досками, могли быть подняты безъ поврежденія пола, была выкопана яма, изъ которой участники преступленія намѣревались, съ помощью бурава, просверлить самый каналъ для мины. На этомъ однако и остановилось осуществленіе злодѣйскаго умысла, такъ какъ полученное извѣстіе, о прибытіи Государя Императора въ Одессу черезъ три дня, заставило злоумышленниковъ прекратить работы, которыя не могли быть доведены до конца въ столь короткое время. Вслѣдствіе этого вырытый уже вертикальный колодезь былъ засыпанъ и затѣмъ 24-го мая Прохоровскіе оставили нанятое ими помѣщеніе, отмѣтившись бывшими въ гор. Полтаву.

Между тѣмъ, по объясненію Меркулова, всѣ приспособленія для земляныхъ работъ были уже заготовлены. Такъ, Златопольскій, извѣстный въ лавкѣ Прохоровскихъ подъ именемъ «Механика», приобрѣлъ земляной буравъ и, для приданія діаметру канала достаточныхъ размѣровъ, самъ придѣлалъ къ этому бураву рѣзцы, а для удлинненія его новыми колѣнами, по мѣрѣ хода работы, купилъ нѣсколько водопроводныхъ трубъ, разрѣзалъ ихъ на части, а затѣмъ отдалъ въ водопроводную мастерскую Винника для нарѣзки на концахъ ихъ винтовъ, при посредствѣ которыхъ эти отдѣльные куски могли бы скрѣпляться между собой. Далѣе Меркуловъ, указавъ домъ, въ которомъ во время работъ по подкопу проживали Исаевъ и Якимовъ подъ именемъ супруговъ Потаповыхъ, объяснилъ и объ обстоятельствахъ, при которыхъ эта квартира сдѣлалась ему извѣстна, а именно: во время производства Исаевымъ какихъ-то химическихъ работъ взрывомъ гремучаго вещества ему оторвало три пальца на рукѣ. Опасаясь, чтобы этотъ взрывъ не обратилъ вниманія сосѣдей и не повлекъ бы за собой полицейскаго осмотра квартиры, Якимовъ, удалившись въ лавку Прохоровскихъ, послала Меркулова удостовѣриться, не произвелъ ли взрывъ какого либо волненія въ домѣ, объяснивъ ему при этомъ адресъ квартиры.

Сознаваясь въ приписываемомъ ему преступленіи, обвиняемый Григорій Исаевъ показалъ, что, проживая въ Одессѣ весною 1880 г.,

подъ именемъ Потапова, съ женщиной, именовавшейся его женой Варварой, онъ предполагалъ принять участіе въ готовившемся посягательствѣ на жизнь Священной Особы Государя Императора въ качествѣ техника по подкопу и взрыву. Для исполненія этого намѣренія были приготовлены: буравъ, динамитъ, цилиндры, батареи и прочія принадлежности взрыва, которыя и хранились частью въ лавкѣ Прохоровскихъ, частью же въ его, Исаева, квартирѣ.

По предъявленіи Исаеву фотографическаго снимка обвиняемаго Льва Златопольскаго онъ призналъ въ немъ изображеніе одного изъ участниковъ преступленія, извѣстнаго ему подъ именемъ «Льва», и въ дальнѣйшихъ своихъ объясненіяхъ подтвердилъ изложенныя Меркуловымъ обстоятельства потери имъ пальцевъ, добавивъ, что за медицинскою помощью онъ обращался въ Одесскую городскую больницу.

Осмотромъ книгъ на записи жильцовъ въ домахъ: № 47 по Итальянской улицѣ и № 3 по Троицкой, удостовѣрено, что въ первомъ изъ означенныхъ домовъ, съ 4-го апрѣля по 24 мая 1880 года, нанимали торговое помѣщеніе уманьскіе мѣщане Петръ и Марья Прохоровскіе, при чемъ паспортъ, по которому они жили, оказался подложнымъ, а во второмъ домѣ, съ 23-го апрѣля и по 14-е іюля, проживали Московскіе мѣщане Сергѣй и Варвара Потаповы.

Хозяинъ дома № 47 по Итальянской улицѣ Вильгельмъ Галка призналъ въ фотографическомъ снимкѣ Саблина нѣкоторое сходство съ Прохоровскимъ, открывшимъ въ его домѣ торговлю бакалейнымъ товаромъ.

По осмотрѣ помѣщенія подъ № 7 въ вышеозначенномъ домѣ Галка № 47, по Итальянской улицѣ, которое по удостовѣренію домохозяина было занято весной 1880 года бакалейной торговлей Прохоровскихъ, оказалось, что въ лѣвомъ углу лавки старыя половицы, по распоряженію домохозяина, починены мѣстами новыми досками, каковыя починка, по заявленію того же Галка, была произведена по его распоряженію.

Бывшій весной 1880 года дворникомъ дома № 3 по Троицкой улицѣ, отставной рядовой Костинъ призналъ въ фотографическомъ снимкѣ Анны Якимовой лицо, похожее на жену Потапова.

По предъявленіи служащимъ въ Одесской городской больницѣ: надзирателю Михайлову, фельдшеру Симборской и служителю Малаховскому фотографическихъ карточекъ Исаева и Якимовой, первый изъ нихъ призналъ большое сходство Исаева съ больнымъ, лежавшимъ въ больницѣ лѣтомъ 1880 г., вторая—положительно признала въ Исаевѣ лежавшаго въ больницѣ весной 1880 года Сергѣя Потапова, у котораго были оторваны три пальца на одной изъ рукъ и къ которому ходила женщина, именовавшаяся его женой, а третій—найдя въ карточкѣ Исаева большое сходство съ человекомъ, лежавшимъ въ больницѣ въ апрѣлѣ или маѣ 1880 г., съ тремя оторванными пальцами на рукѣ, положительно

призналъ въ карточкѣ Якимовой женщину, посѣщавшую означеннаго больного и именовавшуюся его женой.

Осмотромъ книги дома № 81 по Старо-Портофранкской улицѣ удостовѣрено, что съ октября 1879 года по іюль 1880 года въ означенномъ домѣ проживали Елисаветградскіе мѣщане Левъ Іогановъ и Сарра Соломоновы Златопольскіе.

Мастеръ водопроводной мастерской Виника мѣщанинъ Лихтенштейнъ удостовѣрилъ, что лѣтомъ 1880 г., но въ какомъ мѣсяцѣ не помнитъ, въ мастерскую Виника были принесены неизвѣстнымъ лицомъ 12 свѣже-нарѣзанныхъ водопроводныхъ трубъ, которыя приказано было нарѣзать по концамъ винтами, такимъ образомъ, чтобы одинъ конецъ могъ ввинчиваться въ другой. Впослѣдствіи, какъ свидѣтель слышалъ отъ рабочихъ, заказчикъ, придя вторично, осматривалъ нарѣзы и просилъ ихъ удлиннить и, наконецъ, взялъ трубы, оставшись доволенъ исполненіемъ работы. Лихтенштейнъ, присутствовавшій при полученіи заказчикомъ трубъ, въ предъявленной ему карточкѣ Льва Златопольскаго призналъ сходство съ вышеупомянутымъ заказчикомъ, описавъ при этомъ примѣты его согласно съ дѣйствительными примѣтами Златопольскаго.

Спрошенный въ качествѣ обвиняемаго Левъ Златопольскій, отрицая всякое свое участіе въ какомъ либо революціонномъ предпріятіи, а равно и знакомство съ Исаевымъ и Меркуловымъ, объяснилъ, что въ Одессѣ, весною 1880 года, онъ былъ раза два или три въ лавкѣ Перовской, съ которой познакомился въ С.-Петербургѣ въ 1878 году, во время производства въ Особомъ Присутствіи Правительствующаго Сената дѣла о преступной пропагандѣ въ Имперіи, и предполагалъ, что Перовская скрывается отъ преслѣдованія правительства, но ни о какихъ преступныхъ ея замыслахъ не зналъ и въ нихъ участія не принималъ.

Обвиняемая Анна Якимова отказалась дать какія либо объясненія.

Х.

Приготовленія къ цареубійству въ гор. С.-Петербургѣ лѣтомъ 1880 года.

Изъ дальнѣйшихъ объясненій обвиняемаго Василія Меркулова получены были нижеслѣдующія свѣдѣнія о приготовлявшемся въ г. С.-Петербургѣ, лѣтомъ 1880 года, посягательствѣ на жизнь нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора.

Катаясь, однажды, въ началѣ лѣта на лодкѣ вмѣстѣ съ Желябовымъ, Прѣснаковымъ, Грачевскимъ, Баранниковымъ (извѣстнымъ ему въ то время подъ именемъ «Порфирія»), Александромъ Михайловымъ, именовавшимся тогда «Иваномъ Петровымъ», и Тетеркой, Меркуловъ слышалъ происходившій между этими лицами разговоръ о необходимости заложить динамитъ подъ какой-то мостъ по Гороховой улицѣ, съ цѣлью посягнуть на жизнь

Государя Императора, причемъ «Порфирій» (Баранниковъ) предлагалъ одновременно съ взрывомъ моста примѣнить и метательный снарядъ. Изъ содержанія разговора Меркуловъ заключилъ, что совершеніе этого преступленія было уже раньше рѣшено между соучастниками. Черезъ нѣкоторое время послѣ упомянутой прогулки, по отбытіи уже Государя Императора въ Ливадію, Меркуловъ, отправившись на свиданіе съ Желябовымъ на каналъ близъ Михайловскаго сада, встрѣтилъ тамъ Александра Михайлова и нѣкогого «Мартына», оказавшагося впоследствии Лангансомъ, слѣдившихъ за появленіемъ полиціи. Желябовъ прибылъ скоро на мѣсто свиданія въ лодкѣ, вмѣстѣ съ Тетеркой и Баранниковымъ, причемъ послѣдній отдалъ Меркулову на сохраненіе два желѣзныхъ пятилапныхъ якорька-кошки, а Тетерка объяснилъ ему, что они ѣздили извлекать динамитъ изъ подъ какого-то моста по Гороховой улицѣ, но не могли его достать, такъ какъ кошки не захватывали достаточно глубоко. Упомнутыя кошки Меркуловъ оставилъ впоследствии своему квартирному хозяину, въ домѣ № 15/2 по Забалканскому проспекту, Никифору Дмитріеву.

Обвиняемый Макарь Тетерка, подтверждая въ общихъ чертахъ заявленіе Меркулова о готовившемся лѣтомъ 1880 г. посягательствѣ на жизнь въ Воезѣ почившаго Государя Императора, посредствомъ взрыва одного изъ мостовъ, лежавшихъ на пути обычнаго слѣдованія Его Императорскаго Величества отъ вокзала Царскосельской желѣзной дороги къ Зимнему Дворцу, объяснилъ, что покушеніе это было рѣшено на сходкѣ, собравшейся въ какомъ-то трактирѣ, въ которой принимали участіе кромѣ него самого: Желябовъ, Прѣсняковъ, Меркуловъ, Баранниковъ и, кажется, еще двое неизвѣстныхъ ему лицъ. Черезъ нѣсколько дней Тетерка, по указанію Желябова, приѣхалъ въ квартиру, помѣщавшуюся въ одной изъ улицъ близъ Троицкаго переулка, и тамъ, спросивъ «подушку», получилъ отъ неизвѣстнаго ему человѣка корзину, въ которой лежала завернутая въ рогожу гуттаперчевая подушка, вѣсомъ около 2-хъ пудовъ, которую онъ, Тетерка, и привезъ въ Петровский паркъ, гдѣ его уже ожидали Желябовъ и Прѣсняковъ. Усѣвшись втроемъ въ лодку, гдѣ уже находилась такая же подушка и проволоки, соучастники выѣхали сначала на взморье и тамъ связали обѣ подушки веревками, а затѣмъ, Фонтанкой и Крюковымъ каналомъ проѣхали въ Екатерининскій, гдѣ, подъ Каменнымъ мостомъ, и погрузили подушки въ воду, прикрѣпивъ конецъ веревки и проволоки проводниковъ къ находившемуся близъ моста, выше по теченію, плоту, на которомъ устроена пращенина. По состоявшемуся между участниками преступленія соглашенію, взрывъ долженъ былъ произвести Желябовъ, при содѣйствіи Тетерки, во время проѣзда Государя Императора черезъ мостъ. Въ назначенный день и часъ Тетерка, имѣя при себѣ корзину съ картофелемъ, долженъ былъ сойтись съ Желябовымъ у Чернышева моста и отправиться вмѣстѣ съ нимъ на плотъ, къ которому были прикрѣплены проводники, гдѣ, подъ видомъ пере-

мывки картофеля, соединить проводники съ батареей, которую взялся принести Желябовъ. Въ назначенное однако время Тетерка, по неизвѣстному часовъ, не явился своевременно на мѣсто свиданія, а въ тотъ же самый день въ Бозѣ почившій Государь Императоръ прослѣдовалъ черезъ С.-Петербургъ на южный берегъ Крыма. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, ночью, тѣ же лица поѣхали поднимать подушки съ динамитомъ со дна канала, но не успѣли въ этомъ, такъ какъ имѣвшіеся у нихъ кошки не захватывали своими лапками подушекъ.

Свидѣтель кузнечнаго цеха мастеръ Никифоръ Дмитріевъ представилъ къ дѣлу двѣ кошки, подаренныя ему Меркуловымъ, нанимавшимъ у него комнату подъ именемъ мѣщанина Сергѣя Лапина, по паспорту, данному ему въ Одессѣ Златопольскимъ.

По тщательномъ изслѣдованіи дна Екатерининскаго канала, подъ Каменнымъ мостомъ и близъ него, 4 мая и 6 іюня 1881 года были обнаружены 4 гуттаперчевыя подушки, наполненныя чернымъ динамитомъ, въ количествѣ около 7 пудовъ. Первые двѣ подушки, лежавшія рядомъ, саженьхъ въ 10 отъ моста, ниже по теченію, не имѣли при себѣ ни запальныхъ зарядовъ, ни проводниковъ, вторыя же, найденныя впослѣдствіи нѣсколько далѣе первыхъ, были спутаны проволоками и содержали въ себѣ запальные стаканы съ пропущенными въ нихъ проводниками, заряженные крошенымъ пироксилиномъ, смоченнымъ нитроглицериномъ.

Эксперты, производившіе осмотръ и химическое изслѣдованіе вышеозначенныхъ минъ, пришли къ слѣдующимъ выводамъ:

1) внѣшній видъ гуттаперчевыхъ оболочекъ указываетъ на весьма продолжительное пребываніе ихъ въ водѣ, при чемъ, по имѣющимся на нихъ крестообразнымъ впадинамъ, можно заключить, что подушки эти были связаны между собой;

2) заключавшійся въ подушкахъ черный динамитъ, частью подмоченный, по химическому своему составу близко подходитъ къ динамиту, вынутому изъ мины, подведенной подъ М. Садовую улицу изъ лавки Кобозева, и

3) система запаловъ не представляетъ ничего новаго, укупорка же ихъ настолько удовлетворительна, что весь зарядъ сохранился сухимъ.

Указаніе обвиняемаго Тетерки на неизвѣстное лицо, передавшее ему подушку съ динамитомъ, повлекло за собой привлеченіе къ настоящему дѣлу Григорія Исаева, который, признавая свое участіе въ вышеизложенномъ преступномъ замыслѣ на жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора, объяснилъ, что заключавшіеся въ подушкахъ динамитъ и запальные заряды приготовлены имъ съ цѣлью покушенія на цареубійство, при чемъ онъ принималъ и непосредственное участіе въ самомъ заложении мины подъ мостомъ.

Обвиняемый Александръ Баранниковъ сознался въ томъ, что лѣтомъ 1880 года, съ цѣлью произвести взрывъ при проѣздѣ Его Императорскаго Величества, принималъ участіе въ заложении

динамита подъ мостомъ на Гороховой улицѣ, а затѣмъ, по отѣздѣ Государя Императора въ Тивадію, пытался, вмѣстѣ съ другими лицами, вытащить заложенный динамитъ, но безуспѣшно.

Обвиняемый Александръ Михайловъ заявилъ, что не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о готовившемся покушеніи на царсубійство вышеописаннымъ способомъ.

XI.

Покушеніе на кражу изъ Кишиневскаго Губернскаго Казначейства.

Въ декабрѣ 1880 года, въ городѣ Кишиневѣ, по Варфоломѣевскому переулку, во дворѣ Швейцарской гостиницы, во флигелѣ, рядомъ съ губернскимъ казначействомъ, поселились неизвѣстные мужчина и женщина подъ именемъ супруговъ Мироненко.

Вскорѣ по пріѣздѣ они, своею крайне уединенною жизнью, обратили на себя вниманіе полиціи, а послѣ того, какъ паспорта ихъ были подробно осмотрѣны, они немедленно, въ январѣ 1881 года, выѣхали изъ Кишинева, несмотря на то, что квартира была нанята ими на годъ.

Впослѣдствіи обнаружилось, что въ одной изъ комнатъ квартиры Мироненко былъ прорѣзанъ полъ и въ образовавшемся отверстіи, въ 1½ аршина длиною и 3,4 аршина шириною, начаты подкопъ подъ казначейство, засыпанный ко времени его обнаруженія рыхлою землею, а самое отверстіе въ полу заложено отрѣзками половыхъ досокъ, причемъ образовавшіеся при этой работѣ щели оказались замазанными и покрашенными.

Задержанный въ С.-Петербургѣ, 27-го февраля 1881 года, обвиняемый Василій Меркуловъ, признавая себя принадлежащимъ къ «соціально-революціонной партіи», между прочимъ, показалъ, что въ декабрѣ 1880 года, получивъ отъ обвиняемаго Колодкевича деньги, онъ по порученію казеннаго государственнаго преступника Желябова, отправился, вмѣстѣ съ обвиняемыми Фроленко, Фриденсономъ и Лебедевою, въ Кишиневъ для совершенія кражи изъ мѣстнаго казначейства и принималъ участіе въ подкопѣ, веденомъ изъ квартиры Фроленко и Лебедевой, проживавшихъ подъ именемъ супруговъ Мироненко, а затѣмъ ѣздилъ по порученію Фроленко въ Одессу, гдѣ черезъ рабочаго Попова вошелъ въ сношеніе съ обвиняемымъ Тригономъ и просилъ его приготовить въ Одессѣ квартиру, въ которой можно было-бы скрыться въ случаѣ удачной кражи изъ казначейства. По объясненію Меркулова, Фриденсонъ оставался въ Кишиневѣ не долго и оттуда уѣхалъ, по порученію Фроленко, для того, чтобы найти другое казначейство, изъ котораго можно было бы удобнѣе совершить кражу.

Приведенное показаніе Меркулова въ соответствующихъ частяхъ вполнѣ подтвердилось какъ отмѣткою въ книгѣ лицъ, пріѣзжающихъ въ гор. Кишиневъ, о прибывшихъ въ концѣ 1880 года чиновникъ Иванъ Мироненко съ женою Елизаветою Александровою,

такъ равно и показаніемъ свидѣтеля Берки Кровецъ, признаваго въ Меркуловѣ лицо, бывшее въ Кишиневѣ зимою 1880 г.

Что же касается до упоминаемаго въ показаніи Меркулова—Попова, то послѣдній объяснилъ, что въ декабрѣ 1880 г. Меркуловъ дѣйствительно пріѣзжалъ изъ Кишинева въ Одессу для переговоровъ чрезъ его посредство съ Тригоии.

Тригоии, въ свою очередь, отрицая всякое отношеніе свое къ покушенію на кражу изъ кишиневскаго казначейства, вмѣстѣ съ тѣмъ объяснилъ, что въ концѣ 1880 года онъ видѣлся въ Одессѣ съ пріѣзжавшимъ изъ Кишинева Меркуловымъ, который говорилъ ему, что въ Одессѣ нужна будетъ для кого-то квартира, но для чего и для кого именно, ему Меркуловъ не передавалъ, а онъ, Тригоии, въ виду отсутствія этихъ указаній, не пожелалъ оказать Меркулову содѣйствія.

По задержаніи Фриденсона 25-го января 1881 года подъ фамиліей Агаческулова, при обыскѣ въ его квартирѣ, между прочимъ, былъ найденъ аттестатъ на имя служившаго въ Канцеляріи Ковенскаго Губернскаго Предводителя Дворянства, Андрея Иванова Коморскаго, оказавшійся, какъ и видъ на имя Агаческулова, подложнымъ.

Отвергая справедливость оговора Меркулова, обвиняемый Фриденсонъ тѣмъ не менѣе призналъ, что въ декабрѣ 1880 года онъ дѣйствительно былъ въ Кишиневѣ, но съ какою цѣлью объяснить не желаетъ.

Осмотромъ книгъ пріѣзжающихъ въ «Швейцарскую гостинницу» гор. Кишинева установлено, что въ декабрѣ 1880 года Фриденсонъ проживалъ въ означенной гостинницѣ по отобранному у него при обыскѣ подложному виду на имя Коморскаго.

По предъявленіи обвиняемаго Михаила Фроленко содержателю Швейцарской гостинницы въ гор. Кишиневѣ—Карлу Самодини, послѣдній призналъ въ немъ того самого человѣка, который въ концѣ 1880 года нанялъ у него во флигелѣ, съ неизвѣстною женщиною, подъ именемъ супруговъ Мироненко, квартиру, изъ которой впослѣдствіи былъ обнаруженъ начатый и затѣмъ оставленный подкопъ подъ казначейство.

Обвиняемый Фроленко, уклоняясь отъ подробныхъ объясненій, призналъ свое участіе въ покушеніи на кражу изъ Кишиневскаго казначейства, заявивъ, что показаніе Самодини онъ признаетъ справедливымъ.

По заарестованіи затѣмъ 4 сентября 1881 года обвиняемой Татьяны Лебедевой, она, признавая принадлежность свою къ террористической фракціи «соціально-революціонной партіи», показала, что съ конца 1880 года и до половины января 1881 года она проживала въ Кишиневѣ въ качествѣ квартирной хозяйки, подъ именемъ Елизаветы Александровы Мироненко, съ цѣлью совершить посредствомъ подкупа похищеніе денегъ изъ казначейства.

Свидѣтель Симодини призналъ въ Лебедевой лицо, проживавшее въ Кишиневѣ съ Мироненко въ качествѣ его жены.

XII.

Злодѣяніе 1-го Марта 1881 года.

1-го марта 1881 года, въ Воскресенье, въ 3-мъ часу пополудни, въ С.-Петербургѣ, на набережной Екатерининскаго канала, совершилось величайшее злодѣяніе, жертвою котораго палъ Государь Императоръ Александръ Николаевичъ.

При изслѣдованіи этого горестнаго событія выяснилось и приговоромъ Особаго Присутствія Правительствующаго Сената по дѣлу о виновникахъ злодѣянія признано, что планъ его былъ составленъ злоумышленниками еще въ концѣ 1880 года, когда начаты были и всѣ приготовленія къ приведенію злодѣйскаго умысла въ исполненіе. Сущность означеннаго плана заключалась въ томъ, чтобы, изучивъ предварительно обычное направленіе и время проѣздовъ Государя Императора по улицамъ столицы, совершить затѣмъ посягательство на жизнь Его Императорскаго Величества, смотря по обстоятельствамъ, однимъ изъ слѣдующихъ двухъ, заранѣе подготовленныхъ, способовъ: посредствомъ взрыва мины, заложенной въ подкопъ, проведенномъ изъ сырной лавки Кобозева, въ домъ графа Менгдена, подъ М. Садовую улицу, или же посредствомъ метательныхъ снарядовъ, брошенныхъ во время проѣзда Государя Императора. Изъ этихъ двухъ способовъ первый оказался неисполнимымъ, такъ какъ въ день, избранный для совершенія злодѣянія, Государь Императоръ не изволилъ прослѣдовать по Малой Садовой, вслѣдствіе чего былъ примѣненъ второй способъ, — дѣйствіе метательными снарядами, взрывъ которыхъ 1-го марта, на Екатерининскомъ каналѣ, причинилъ Его Императорскому Величеству тяжкія пораненія, повлекшія за собою того же числа мученическую кончину незабвеннаго Монарха и, сверхъ того, имѣть послѣдствіемъ причиненіе болѣе или менѣе опасныхъ поврежденій 9-ти лицамъ Императорской свиты и 10-ти постороннимъ, случайно находившимся на мѣстѣ злодѣянія.

Вышеупомянутымъ приговоромъ Особаго Присутствія Правительствующаго Сената за злодѣяніе это осуждены и понесли наказаніе шесть лицъ, изъ числа которыхъ, какъ установлено приговоромъ, государственные преступники Андрей Желябовъ и Софья Перовская руководили преступнымъ замысломъ, а послѣдняя, кромѣ того, и его исполненіемъ, Николай Рысаковъ бросилъ первый метательный снарядъ подъ карету Государя Императора, Николай Кибальчичъ приготовлялъ въ качествѣ техника метательные снаряды, Тимофей Михайловъ былъ однимъ изъ участниковъ заговора и его осуществленія, а Геся Гельфманъ была хозяйкой конспиративной квартиры злоумышленниковъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, при томъ же изслѣдованіи, а впослѣдствіи и при судебномъ разсмотрѣніи дѣла о злодѣяніи 1-го марта, обнаружались указанія на виновность еще другихъ, кромѣ вышепоименованныхъ, лицъ, изъ числа которыхъ 13 привлечено къ настоя-

чему дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ, а именно: Григорій Исаевъ, Николай Колодкевичъ, Александръ Баранниковъ, Михайлъ Фроленко, Михайлъ Тригони, Николай Сухановъ, Иванъ Емельяновъ, Василий Меркуловъ, Петръ Тычининъ, Мартынъ Лангансъ, Анна Якимова, Татьяна Лебедева и Елизавета Оловенникова.

Первоначальными поводами къ обвиненію названныхъ лицъ въ участіи въ злодѣяніи 1-го марта послужили подробныя показанія нынѣ казненнаго государственнаго преступника Николая Рысакова и обвиняемаго Василя Меркулова, имѣющія значеніе полного сознанія по отношенію къ нимъ самимъ и согласнаго съ обстоятельствами дѣла оговора другихъ обвиняемыхъ.

По объясненію Рысакова, сойдясь съ осени 1880 г., съ Желябовымъ и вступивъ подъ его вліяніемъ въ революціонную организацію рабочихъ, онъ сталъ встрѣчаться и съ другими революціонными дѣятелями, находившимися съ Желябовымъ въ болѣе или менѣе частыхъ сношеніяхъ. Такъ онъ зналъ Баранникова подъ прозвищемъ «Порфирія», который однажды при немъ приходилъ на свиданіе съ Желябовымъ на Конногвардейскій бульваръ; Колодкевича—подъ прозваніемъ «Коть-Мурлыка», который вмѣстѣ съ Баранниковымъ слѣдилъ за нимъ, Рысаковымъ, когда онъ по порученію Исаева перевозилъ типографскій станокъ съ вокзала Николаевской желѣзной дороги, и Меркулова (онъ же Яковенко), называвшагося «Василіемъ», котораго онъ, Рысаковъ, видѣлъ въ конспиративной квартирѣ Саблина и Геси Гельфманъ, въ Телѣжной улицѣ, гдѣ Меркуловъ, повидимому, даже проживалъ. Во время приготовленій къ совершенію новаго посягательства на жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора, онъ, Рысаковъ, принималъ участіе въ устроенныхъ подъ руководствомъ Перовской наблюденіяхъ за выѣздами Его Величества. Наблюденія эти производили кромѣ его, Рысакова, Аркадій Тырковъ, Петръ Тычининъ и Елизавета Оловенникова, которые обо всемъ ими узнанномъ сообщали Перовской въ разныхъ мѣстахъ, между прочимъ, въ квартирѣ, хозяйкой которой была Оловенникова, извѣстная Рысакову подъ именемъ «Лизы», а также и въ квартирѣ Тычинина. Въ декабрѣ 1880 года Рысаковъ познакомился съ членомъ общества, который назывался «Григоріемъ», и руки котораго, при встрѣчахъ его съ Рысаковымъ были всегда выпачканы во что-то черное, вслѣдствіе чего Рысаковъ первоначально предположилъ, что онъ занимается типографской работой, а впослѣдствіи пришелъ къ заключенію, что «Григорій» приготовляетъ динамитъ, тѣмъ болѣе, что, по словамъ Кибальчича—техника, завѣдывавшаго изготовленіемъ метательныхъ снарядовъ, «Григорій» долженъ былъ 28 февраля придти на конспиративную квартиру на Телѣжной улицѣ, извѣстную лишь немногимъ и при томъ главнѣйшимъ участникамъ преступныхъ приготовленій. Утромъ 1-го марта Рысаковъ видѣлъ «Григорія» въ числѣ другихъ своихъ знакомыхъ на Невскомъ проспектѣ, ожидающихъ проѣзда Государя Императора. На призывъ Желябова совершить царевійство отозвались кромѣ его,

Рысакова, Тимофея Михайлова, «Михайла Ивановича» по прозванію «Котикъ», убитаго при взрывѣ, еще человѣкъ, называвшійся «Михаиломъ», съ которымъ незадолго передъ тѣмъ его, Рысакова, познакомилъ Желябовъ, какъ съ «товарищемъ по дѣлу». Человѣкъ этотъ, носившій также прозвище «Сугубаго», жилъ легально и имѣлъ знакомства въ обществѣ. Зная хорошо системы револьверовъ, онъ, по выраженію Желябова, былъ оружейникомъ участниковъ преступленія. Рысаковъ видѣлъ его въ конспиративной квартирѣ по Телѣжной улицѣ, откуда «Михаилъ» или «Сугубый» получилъ 1-го марта метательный снарядъ и въ числѣ четырехъ метальщиковъ отправился ожидать проѣзда Государя Императора, при чемъ долженъ былъ стоять на назначенномъ ему мѣстѣ, на углу Невского проспекта и М. Садовой. Въ случаѣ же неудачи предполагаемаго взрыва на М. Садовой, «Сугубый» долженъ былъ, вмѣстѣ съ другими метальщиками, слѣпить на Екатерининскій каналъ и здѣсь ожидать возвращенія Государя въ Зимній Дворецъ.

Обвиняемый Меркуловъ, сознаваясь въ участіи при приготовленіяхъ къ злодѣянію 1 марта, показалъ, что въ 20 числахъ января 1881 года, по возвращеніи своемъ въ С.-Петербургъ изъ Кишинева, послѣ неудавшагося тамъ покушенія на кражу изъ мѣстнаго казначейства, онъ узналъ отъ Исаева, что ему, Меркулову, нужно поступить въ сырную лавку Кобозева на М. Садовой «за молодца», исполнивъ это требованіе Исаева, обвиняемый, однако же, прослужилъ у Кобозева не болѣе 3 дней, такъ какъ по росту оказался негоднымъ въ «молодцы», да къ тому же не умѣлъ рѣзать сыръ. Продолжая и послѣ того посѣщать лавку Кобозева, отъ котораго ему случалось получать деньги и сыръ, онъ, Меркуловъ, видѣлъ всѣхъ лицъ, посѣщавшихъ эту лавку. Женою Кобозева была Якимова; къ нимъ приходили Желябовъ, Кибальчичъ, Саблинъ, «Котикъ» или «Михаилъ Ивановичъ», Тригони, котораго онъ, Меркуловъ, зналъ подъ именемъ «Михаила Николаевича», Лангансъ, подъ именемъ «Мартына» или «нѣмца», недавно передъ тѣмъ пріѣхавшій изъ-за границы, Фроленко—подъ именемъ Александрова и наконецъ флотскій лейтенантъ, оказавшійся впоследствии Сухановымъ. Изъ упомянутыхъ лицъ, какъ извѣстно обвиняемому, Тригони, Лангансъ, Сухановъ и Фроленко работали въ подкопѣ, проведенномъ изъ лавки подъ улицу М. Садовую. Обвиняемый полагаетъ, что кромѣ этихъ лицъ въ томъ же подкопѣ работали и Баранниковъ, подъ именемъ «Порфирія», о чемъ онъ, Меркуловъ, заключаетъ изъ сожалѣнія, выказаннаго по поводу ареста Баранникова Кобозевымъ, который, назвавъ при этомъ «Порфирія» хорошимъ работникомъ, добавилъ, что они вмѣстѣ съ нимъ ломали для подкопа стѣну, а предварительно, для размоченія цемента и кирпичей, обливали ее какою-то кислотой. 25-го февраля Меркуловъ засталъ въ лавкѣ Кобозева Фроленко, Ланганса и Суханова, которые при немъ переодѣлись въ рабочее платье, очевидно намѣреваясь идти въ подкопъ; затѣмъ Сухановъ подошелъ къ окну, въ жилищѣ помѣщеніи, и отодвинулъ

доску, закрывавшую отверстіе подкопа, которое обвиняемый тогда увидѣлъ въ первый разъ. 26 февраля Меркуловъ былъ у Желябова, гдѣ засталъ Суханова, и по порученію Желябова отвезъ въ лавку Кобозева нѣсколько пустыхъ холщевыхъ мѣшковъ. 27 февраля, въ день своего ареста, обвиняемый, придя вновь къ Желябову, нашелъ у него Тригони, съ которымъ они пили чай; Тригони говорилъ Желябову, что въ подкопѣ работа чѣмъ-то затрудняется, и прибавилъ: «пожалуй, еще не успѣемъ». Въ это же послѣднее свое посѣщеніе Меркуловъ получилъ отъ Желябова для доставленія Кобозеву большую бутылъ, фунтовъ 10 вѣсомъ, завязанную въ мѣшокъ. Еще ранѣе этого, недѣли за двѣ до своего ареста, Меркуловъ ѣздилъ въ Парголово вмѣстѣ съ Желябовымъ, Кибальчичемъ, «Котикомъ», Рысаковымъ, Тимофеемъ Михайловымъ и «Сугубымъ» пробовать метательные снаряды. Вышеозначеннаго «Михайла» или «Сугубаго», котораго Меркуловъ видѣлъ въ конспиративной квартирѣ по Телѣжной улицѣ, обвиняемый призналъ въ Емельяновѣ.

Дознаніемъ выяснено, что упоминаемый обвиняемыми Рысаковымъ и Меркуловымъ «Михаилъ Ивановичъ», онъ же «Котикъ», бросившій 1-го марта на Екатерининскомъ каналѣ второй, смертоносный для почившаго Монарха, снарядъ, проживалъ въ С.-Петербургѣ подъ именемъ Ельникова, а въ дѣйствительности былъ—бывшій студентъ С.-Петербургскаго Практическаго Технологическаго института, дворянинъ Гродненской губерніи, Бѣльскаго уѣзда, Игнатій Іоакимовъ Гриневицкій.

На основаніи подробно описанныхъ Рысаковымъ примѣтъ «Михаила» или «Сугубаго», этотъ послѣдній былъ розысканъ и 14 апрѣля 1881 г. задержанъ въ С.-Петербургѣ въ своей квартирѣ, причемъ оказался сыномъ псаломщика Иваномъ Пантелеймоновымъ Емельяновымъ, проживавшимъ подъ своими собственными фамиліею и видомъ на жительство.

Привлеченный къ дознанію въ качествѣ обвиняемаго, Емельяновъ показалъ, что, поступивъ въ концѣ 1880 года въ число членовъ «соціально-революціонной партіи», онъ, несмотря на свои усердныя занятія науками и литературой, находилъ время принимать активное участіе въ дѣлахъ «партіи», главнымъ же образомъ въ злодѣянніи 1 марта. Означенное участіе свое Емельяновъ изложилъ въ нижеслѣдующихъ собственноручно имъ написанныхъ словахъ: «въ качествѣ метальщика, вооруженнаго разрывнымъ снарядомъ, стоялъ на углу Невскаго и Малой Садовой, а затѣмъ у Театральнаго моста. Въ самый моментъ слѣдовавшихъ взрывовъ отъ снарядовъ, брошенныхъ Рысаковымъ и личною, мнѣ извѣстною подъ именемъ Михаила Ивановича, я находился шагахъ въ 20 отъ покойнаго Императора, и когда Государь Императоръ упалъ, то я совершенно инстинктивно, имѣя подъ лѣвой мышкой завернутый въ газетную бумагу сварядъ, бросился вмѣстѣ съ другими къ Государю Императору, чтобы подать ему помощь». Изъ дальнѣйшихъ затѣмъ объясненій Емельянова видно, что за недѣлю

до 1-го марта онъ ѣздилъ въ Парголово вмѣстѣ съ другими лицами для испытанія снарядовъ. О подкопѣ въ Малой Садовой онъ узналъ впервые лишь утромъ 1-го марта, въ конспиративной квартирѣ по Телѣжной улицѣ, отъ Перовской, которая сообщила, что на Малой Садовой и долженъ сначала послѣдовать, какъ она выразилась, центральный ударъ. Кромѣ обвиняемого, метальщиками были еще Рысаковъ, «Михаилъ Ивановичъ» и Тимофей Михайловъ. Послѣ злодѣянія онъ, Емельяновъ, отнесъ свой снарядъ обратно на Телѣжную улицу на конспиративную квартиру.

По обыску, произведенному въ означенной квартирѣ 3-го марта 1881 года, были между прочимъ найдены два вполне заряженные метательные снаряда.

При задержаніи 1 апрѣля въ С.-Петербургѣ обвиняемого Григорія Исаева у него найдены были по обыску 2 экземпляра рукописи о приготовленіи динамита, нитроглицерина, гремучей ртути и о способахъ взрыва.

Признавая свое участіе въ злодѣяніи 1-го марта, обвиняемый Исаевъ показалъ, что послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ покушеній на царевѣйство «исполнительный комитетъ» сформировалъ группу техниковъ и предложилъ имъ выработать наилучшіе способы для достиженія цѣли. Въ исполненіе такого порученія, упомянутые техники предложили нѣсколько способовъ, изъ которыхъ «комитетъ» выбралъ два: мину на М. Садовой и метательные снаряды. По отношенію къ этимъ послѣднимъ вопросъ сводился къ тому, чтобы изобрѣсти такой способъ воспламененія, при которомъ взрывъ происходилъ бы моментально. Послѣ того какъ было признано неудобство нѣсколькихъ послѣдовательно проектированныхъ системъ, онъ, Исаевъ, предложилъ ту систему трубокъ, которая и была примѣнена въ метательныхъ снарядахъ, послужившихъ орудіями злодѣянія 1 марта. Означенная система была одобрена, провѣрена на опытахъ, объяснена участникамъ и затѣмъ приложена къ дѣлу. Бывая въ лавкѣ Кобозева, обвиняемый принималъ участіе въ земляныхъ работахъ по подкопу и присутствовалъ при окончательной закладкѣ заряда, наблюдая, въ качествѣ техника, чтобы все было въ исправности. Здѣсь онъ видѣлъ, между прочимъ, Якимову и Лапганса. Что же касалось до найденной у него рукописи о взрывчатыхъ веществахъ, то одинъ экземпляръ ея писанъ рукою Кибальчича.

Изъ послѣднихъ показаній нынѣ казеннаго государственнаго преступника Кибальчича видно, что при изготовленіи метательныхъ снарядовъ, посредствомъ которыхъ было совершено злодѣяніе 1 марта, ему помогали два техника, участвовавшіе наравнѣ съ нимъ, какъ въ изобрѣтеніи упомянутыхъ снарядовъ, такъ и въ самомъ устройствѣ ихъ.

По предъявленіи обвиняемому Меркулову, задержаннаго по розыскнымъ даннымъ, обвиняемого Николая Суханова, Меркуловъ призналъ въ немъ того самого флотскаго офицера, котораго онъ видѣлъ въ квартирѣ Желябова, а затѣмъ въ лавкѣ Кобозева, гото-

вившимся работать въ подкопѣ. По объясненію Меркулова Сухановъ являлся въ лавку Кобозева въ статскомъ черномъ пальто и круглой шляпѣ.

Это послѣднее указаніе подтвердилось результатомъ произведеннаго у Суханова обыска, при которомъ были найдены статское черное пальто и круглая полярковая шляпа.

Обвиняемый Сухановъ, признавая свое участіе въ злодѣяніи 1-го марта, показалъ, что, будучи знакомъ съ Желябовымъ, Перовскою, Кибальчицемъ и Колодкевичемъ еще съ зимы 1879 г., онъ лишь въ февралѣ 1881 г. приступилъ къ активной революціонной дѣятельности. По приглашенію и указаніямъ Желябова, въ 20 числа февралѣ обвиняемый явился въ лавку Кобозева, гдѣ и принялъ участіе въ работахъ по проведенію подкопа, который засталъ уже доведеннымъ до водосточной трубы. Затѣмъ на квартирѣ Желябова онъ снарядилъ мину для подкопа и, кромѣ того, на другой квартирѣ, указать которую не желаетъ, участвовалъ въ теоретической разработкѣ метательныхъ снарядовъ. Кромѣ того, 28-го февралѣ онъ помогалъ другому лицу чинить и собирать части этихъ снарядовъ. Изъ числа обвиняемыхъ, онъ, Сухановъ, зналъ Исаева, у котораго бывалъ на квартирѣ, по Вознесенскому проспекту, гдѣ Исаевъ жилъ съ Вѣрой Филипповой; Якимову, которую видѣлъ въ лавкѣ Кобозева въ качествѣ его жены, и Ланганса, котораго встрѣчалъ у Желябова.

Обвиняемая Анна Якимова, сознавшаяся въ злодѣяніи 1 марта, была признана дворниками дома графа Менгдена, по М. Садовой, Никифоромъ Самойловымъ и Никифоромъ Ульяновымъ за женщину, проживавшую вмѣстѣ съ Кобозевымъ подъ видомъ его жены.

Обвиняемый Михаилъ Тригони, признавая свое знакомство съ Желябовымъ, Меркуловымъ, Кобозевымъ и Сухановымъ, первоначально объяснилъ, что о подкопѣ на М. Садовой онъ узналъ отъ своего университетскаго товарища Желябова, который 24 февралѣ привелъ его въ лавку Кобозева, гдѣ онъ, Тригони, въ теченіе одного вечера, работалъ въ подкопѣ. Впослѣдствіи же, въ нѣкоторое измѣненіе своего вышеприведеннаго объясненія, Тригони показалъ, что хотя онъ и зналъ отъ Желябова о подкопѣ на М. Садовой, но въ лавкѣ Кобозева былъ случайно и участія въ работахъ по подкопу не принималъ.

Обвиняемый Николай Колодкевичъ сознался въ томъ, что въ половинѣ января 1881 года, не задолго до своего ареста, бывалъ въ лавкѣ Кобозева и принималъ участіе въ работахъ по разобранію стѣны, чрезъ которую предполагалось вести подкопъ, для совершенія новаго покушенія на цареубійство. При этомъ Колодкевичъ призналъ свое знакомство какъ съ лицами, уже осужденными за злодѣяніе 1 марта, такъ и съ обвиняемыми по настоящему дѣлу: Фроленко, Тригони, Оловенниковой и Арончикомъ.

По разсмотрѣніи, при участіи эксперта, миноваго офицера лейтенанта Смирнова, записей, сдѣланныхъ Колодкевичемъ въ записной книжкѣ, найденной у него по обыску при задержаніи его 26 января,

оказалось, что въ записяхъ этихъ заключаются свѣдѣнія объ изготовленіи разныхъ веществъ для стопина, гремучаго студня, гремучей ртути, а также таблица удѣльнаго вѣса динамитовъ разнаго состава.

Обвиняемый Александръ Баранниковъ сознался въ томъ, что въ январѣ 1881 г., въ лавкѣ Кобозева, вмѣстѣ съ другими лицами, ломалъ наружную стѣну для проведенія подкопа подъ М. Садовую, причемъ объяснялъ, что, до его ареста (25 января), успѣли только разобрать стѣну, самый же подкопъ еще начать не былъ.

Обвиняемый Михаилъ Фроленко, не отрицая вообще своего участія въ террористическихъ предпріятіяхъ, уклонился отъ всякихъ объясненій по поводу отношенія своего къ злодѣянію 1 марта.

Обвиняемый Мартынъ Лангансъ, признавая себя принадлежащимъ «къ русской соціально-революціонной партіи», не сознался въ приписываемомъ ему участіи въ устройствѣ подкопа изъ лавки Кобозева.

Обвиняемая Татьяна Лебедева показала, что, пріѣхавъ въ С.-Петербургъ въ январѣ 1881 г. и пребывая большею частью на квартирѣ Желябова и Перовской (по 1-й ротѣ Измайловскаго полка, домъ № 37/18), она знала о томъ, что готовится покушеніе на цареубійство посредствомъ подкопа изъ лавки Кобозева и метательныхъ снарядовъ, вполнѣ сочувствовала цѣли этихъ приготовленій и принимала участіе въ наполненіи динамитомъ цилиндра, который имѣлъ быть заложенъ въ минѣ на М. Садовой. Вмѣстѣ съ тѣмъ, обвиняемая признала свое знакомство какъ съ государственными преступниками уже осужденными за злодѣяніе 1 марта, такъ и съ лицами и нынѣ въ этомъ злодѣяніи обвиняемыми, причемъ объяснила, что съ нѣкоторыми изъ нихъ она была близка, какъ съ товарищами по дѣлу.

Обвиняемый Петръ Тычининъ показалъ, что, принадлежа къ партіи «народной воли» и сочувствуя цареубійству, онъ, въ декабрѣ 1880 г. и январѣ 1881 года, наблюдалъ, вмѣстѣ съ другими лицами, за проѣздами въ гор. С.-Петербургѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора. Кромѣ того, тѣми же наблюденіями занимались Перовская, Рысаковъ, Оловенникова и Тирковъ, всего же наблюдающихъ было шесть человекъ. Всѣ они собирались въ квартирѣ обвиняемаго, по Б. Дворянской улицѣ, и здѣсь сообщали Перовской о результатахъ своихъ наблюденій.

Обвиняемая Елизавета Оловенникова объяснила, что съ ноября 1880 года и до конца января 1881 года она, вмѣстѣ съ Рысаковымъ и Тычининымъ, слѣдила за проѣздами въ Бозѣ почившаго Государя Императора, зная, что наблюденіе это имѣетъ отношеніе къ готовившемуся покушенію на жизнь Священной Особы Его Величества. Тычининъ принялъ участіе въ означенномъ наблюденіи по приглашенію обвиняемой, познакомившей его съ Перовской, которой всѣ они отдавали отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Чамое наблюденіе производилось по Дворцовой набережной, Нев-

скому проспекту, Екатерининскому каналу, М. Садовой и около манежа.

Что же касается до Аркадія Тыркова, то, по привлеченіи его къ настоящему дѣлу въ качествѣ обвиняемаго, у него обнаружались признаки разстройства умственныхъ способностей, вслѣдствіе чего дальнѣйшее производство дѣла о немъ было приостановлено.

ХІІІ.

Вспомогательная преступная дѣятельность обвиняемыхъ Люстига и Клѣточникова.

Сверхъ вышеизложенныхъ преступныхъ дѣяній, дознаніемъ было обнаружена необходимая для ихъ совершенія вспомогательная преступная дѣятельность, принадлежавшихъ также къ «партіи народной воли», обвиняемыхъ Фердинанда Люстига и Николая Клѣточникова, изъ которыхъ первый устраивалъ въ своей квартирѣ собранія членовъ означенной «партіи» и былъ посредникомъ при полученіи ими денежныхъ средствъ, а послѣдній доставлялъ руководителямъ «партіи» свѣдѣнія о предупредительныхъ мѣропріятіяхъ правительства и тѣмъ давалъ возможность своевременно уклоняться отъ ихъ дѣйствія. Собранныя при дознаніи данныя къ изобличенію Люстига и Клѣточникова представляются въ нижеслѣдующемъ общемъ видѣ.

1.

Государственный преступникъ Рысаковъ, какъ уже было упомянуто выше, между прочимъ, объяснилъ, что въ декабрѣ 1880 года онъ, по порученію «Григорія», т. е. Исаева, перевозилъ съ вокзала Николаевской желѣзной дороги на ломовомъ извозчикѣ два ящика съ типографскимъ станкомъ, который, по указанію того же Исаева, доставилъ на Большую Садовую, гдѣ его встрѣтилъ самъ Исаевъ и передалъ ящики какой-то неизвѣстной Рысакову барышнѣ. Въ виду приведеннаго объясненія Рысакова и на основаніи указаній розысканнаго вслѣдствіе этого объясненія вышеупомянутаго ломоваго извозчика, крестьянина Филиппа Тимошкина, была розыскана и квартира лица, принявшаго къ себѣ привезенные Рысаковымъ ящики. Лицомъ этимъ оказался обвиняемый Фердинандъ Люстигъ, жившій по Большой Садовой, въ домѣ № 69, вмѣстѣ съ мѣщанкою Татьяною Кузьминой, которая объяснила при дознаніи, что по доставленіи упомянутыхъ ящиковъ въ квартиру Люстига они были здѣсь раскупорены Исаевымъ и Кибальчишемъ. Принявъ лично эти ящики, Кузьмина затѣмъ видѣла, что въ нихъ находятся принадлежности типографскаго станка.

Обвиняемый Люстигъ, признавая себя принадлежащимъ къ числу лицъ, желающихъ социальна-революціоннаго переворота, показалъ, что его революціонная дѣятельность выражалась въ

тѣхъ услугахъ, которыя онъ оказывалъ «соціально-революціонной» партіи; съ участниками ея онъ познакомился въ апрѣлѣ 1879 года, причемъ первымъ его знакомымъ былъ Александръ Михайловъ, а впослѣдствіи онъ, Люстигъ, вступилъ въ болѣе близкія и частыя сношенія съ Желябовымъ. Съ августа 1880 года и до января 1881, когда обвиняемый сталъ замѣчать наблюденія за собою полиціи, квартира его служила мѣстомъ сходакъ революціонныхъ дѣятелей, которые собирались у него для свиданія другъ съ другомъ и для переговоровъ о своихъ дѣлахъ. Въ этихъ переговорахъ обвиняемый участія не принималъ и о готовившихся террористическихъ событіяхъ, въ томъ числѣ и о злодѣяніи 1 марта, не зналъ; расположеніе его квартиры, состоявшей изъ 3 комнатъ, давало ему возможность не присутствовать при происходившихъ у него собраніяхъ, или участвовать лишь въ разговорахъ революціонеровъ объ общихъ вопросахъ. Изъ числа собиравшихся у него лицъ обвиняемый, кромѣ Михайлова и Желябова, указалъ Перовскую, Кибальчича, Гельфманъ, Саблина, Исаева, Колодkevича, Фриденсона, Морозова, Суханова, Тригони и другихъ, еще не розысканныхъ участниковъ сообщества. По просьбѣ Желябова онъ, Люстигъ, получалъ по почтѣ и переводами черезъ государственный и международный банки деньги, жертвуемыя разными лицами на усиленіе революціоннаго фонда, при чемъ передавалъ эти пожертвованія, составившія въ общей сложности до 3000 руб., частью Желябову, а частью Кибальчичу. Въ декабрѣ 1880 года, также по просьбѣ Желябова, обвиняемый принялъ къ себѣ на короткое время типографскій станокъ въ 2-хъ ящикахъ, которые затѣмъ были увезены изъ его квартиры, но куда именно — ему неизвѣстно. Кромѣ вышепоименованныхъ лицъ на упомянутыхъ сходкахъ въ его, Люстига, квартирѣ бывалъ Николай Богородскій, сынъ смотрителя Трубецкаго бастиона Петербургской крѣпости.

Привлекавшіеся къ настоящему дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ и нынѣ высланные на жительство въ Сибирь, съ разрѣшеніемъ дѣла въ отношеніи ихъ, въ административномъ порядкѣ, мѣщанка Татьяна Кузьмина и оберъ-офицерскій сынъ Николай Богородскій, подтверждая въ общихъ чертахъ приведенное показаніе Люстига, объяснили: Кузьмина—что проживая вмѣстѣ съ Люстигомъ, она не присутствовала при сходкахъ, происходившихъ въ его квартирѣ, но слышала отъ Люстига, что на этихъ сходкахъ разсуждали о царубійствѣ; при этомъ Кузьмина указала тѣхъ вышепоименованныхъ участниковъ сходокъ, которые были названы и Люстигомъ; Богородскій—что, познакомившись въ половинѣ 1880 г. съ Люстигомъ, онъ сталъ посѣщать его квартиру и здѣсь встрѣчалъ многихъ революціонныхъ дѣятелей, изъ числа которыхъ помнитъ Кибальчича, Александра Михайлова, Колодkevича, Исаева, Тригони и женщину, извѣстную ему подъ именемъ Елизаветы Александровны. По просьбѣ этой послѣдней, онъ принялъ на себя посредничество въ сношеніяхъ

лицъ, принадлежащихъ къ преступному сообществу и находящихся на свободѣ, съ тѣми изъ нихъ, которыя въ то время содержались въ С.-Петербургской крѣпости, гдѣ Богородскій проживалъ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ. Означенныя сношенія производились при помощи книгъ крѣпостной библіотеки, которыя онъ, Богородскій, приносилъ на квартиру Люстига и здѣсь передавалъ вышеупомянутой Елизаветѣ, возвращавшей ему эти книги съ отмѣтками подъ буквами, для передачи, черезъ библіотеку, заключеннымъ въ крѣпости. Зная имена этихъ послѣднихъ, онъ сообщалъ о нихъ Елизаветѣ Александровнѣ и ея единомышленникамъ.

Осмотрами подлежащихъ книгъ С.-Петербургскаго Почтамта, а также банковъ государственнаго и коммерческаго международнаго установлено: 1) что въ 1880 г. на имя Фердинанда Люстига было прислано по почтѣ изъ Старой Руссы 25 руб., изъ Москвы 100 руб. и изъ Одессы 50 руб.; 2) что на его же имя было переведено: а) черезъ государственный банкъ, изъ Воронежа отъ Яковлева—600 руб. и отъ Самойлова—400 руб. и б) черезъ международный банкъ, изъ Москвы отъ Капустина 500 руб. и отъ Петрова 300 руб.

Названныя фамиліи оказались при дознаніи вымышленными, а личности отправителей денегъ на имя Люстига остались необнаруженными

2.

28 января 1881 г. въ квартирѣ обвиняемаго Колодкевича, проживавшаго по подложному паспорту на имя Петрова, былъ задержанъ, какъ упомянуто выше, младшій помощникъ дѣлопроизводителя Департамента Государственной Полиціи, прежде служившій въ нынѣ упраздненномъ III Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, Николай Васильевъ Клѣточниковъ, который первоначально объяснилъ свой приходъ къ Колодкевичу простою случайностью и не призналъ своего участія въ преступной дѣятельности названнаго обвиняемаго и его единомышленниковъ.

По заключеніи Клѣточникова подъ стражу, онъ представилъ подробныя объясненія по поводу своихъ сношеній съ членами «соціально-революціонной партіи». Изъ этихъ объясненій оказывается, что Клѣточниковъ, пріѣхавъ въ Петербургъ въ концѣ 1878 г. для пріисканія себѣ мѣста по государственной службѣ, случайно встрѣтился у одного изъ своихъ знакомыхъ съ Александромъ Михайловымъ, извѣстнымъ ему тогда подъ именемъ Петра Ивановича, и послѣ нѣсколькихъ свиданій чрезвычайно съ нимъ сблизился. Сначала Михайловъ въ разговорахъ своихъ съ обвиняемымъ высказывалъ лишь общія сужденія о бѣдственномъ положеніи народа, а затѣмъ опредѣленно заявилъ, что онъ социалистъ и вмѣстѣ съ другими стремится подготовить народъ къ государственному и соціальному перевороту, что прежняя дѣятельность въ этомъ направленіи была неудачна, такъ какъ револю-

ціонеры дѣйствовали безъ единства, безъ правильной организаціи и безъ охраны отъ шпіоновъ и что, въ этомъ послѣднемъ отношеніи, онъ, Клѣточниковъ, какъ еще не навлекавшій на себя никакого подозрѣнія со стороны правительства, можетъ оказать большія услуги партіи. При этомъ Михайловъ обѣщаль пристроить обвиняемаго на хорошее мѣсто и щедро снабжать его деньгами, а также дать ему возможность въ случаѣ какой либо опасности скрыться за границу. Убѣждая такимъ образомъ его, Клѣточникова, служить революціонному дѣлу, Михайловъ предложилъ ему поселиться въ домѣ Яковлева, на углу Невскаго и Надеждинской, гдѣ, по словамъ Михайлова, проживали агенты III Отдѣленія, и сойтись съ ними для цѣлей «партіи». Обвиняемый согласился на предложеніе Михайлова, «раздѣляя со всѣмъ обществомъ нелюбовь къ шпіонамъ и вѣря всѣмъ обѣщаніямъ Петра Ивановича, который, кромѣ того, за это время успѣлъ привязать его къ себѣ». Въ упомянутомъ домѣ Яковлева обвиняемый нанялъ комнату у жившей тамъ же Анны Кутузовой, которую сталъ посѣщать довольно часто, при чемъ своимъ тихимъ поведеніемъ, щедростію и проигрываніемъ въ карты успѣлъ такъ расположить ее въ свою пользу, что она рекомендовала его бывшему чиновнику особыхъ порученій III Отдѣленія, впослѣдствіи завѣдывавшему 3-ею экспедиціею этого учрежденія, г. Кириллову, который въ январѣ 1879 г. принялъ Клѣточникова въ секретные агенты, съ жалованьемъ по 30 руб. въ мѣсяцъ. Въ мартъ того же года Кирилловъ перевелъ его для письменныхъ занятій въ такъ называемое, «агентурное отдѣленіе» при 3-й экспедиціи III Отдѣленія, гдѣ онъ скоро получилъ штатную должность помощника дѣлопроизводителя, а затѣмъ, съ упраздненіемъ III Отдѣленія, перешелъ въ Департаментъ Государственной Полиціи на ту же должность, которую и занималъ до самаго своего ареста. Такое служебное положеніе Клѣточникова, свойство его занятій и особенное довѣріе его непосредственнаго начальства открыли ему свободный доступъ ко всѣмъ наиболѣе секретнымъ дѣламъ и распоряженіямъ по отношенію къ обнаруженію и преслѣдованію государственныхъ преступленій и лицъ, въ нихъ обвиняемыхъ. Такъ, онъ составлялъ или переписывалъ секретныя записки о результатахъ агентурныхъ наблюденій, шифровалъ и дешифровалъ секретныя телеграммы, велъ переписку о лицахъ, содержащихся въ С.-Петербургской крѣпости и проч. Поэтому обвиняемый былъ посвященъ во всѣ политическіе розыски, производившіеся не только въ С.-Петербургѣ, но и вообще во всей Имперіи. Всѣ полученные такимъ образомъ свѣдѣнія онъ своевременно передавалъ Михайлову, сообщалъ ему, за кѣмъ именно учреждено секретное наблюденіе, предупреждалъ заранѣе о предполагаемыхъ обыскахъ, объявлялъ имена всѣхъ агентовъ и вообще открывалъ Михайлову всѣ секретныя данныя, сосредоточенныя въ 3-й экспедиціи III Отдѣленія. Не переставая въ теченіе всего этого 2-хъ лѣтняго періода времени (1879 и 1880 года) находиться въ постоянныхъ сношеніяхъ съ рево-

люціонными дѣятелями, которые за его услуги платили ему деньги, хотя неаккуратно и въ небольшомъ количествѣ, онъ, Клѣточниковъ, первоначально имѣлъ дѣло только съ Михайловымъ; когда же этотъ послѣдній долженъ былъ на нѣкоторое время уѣхать изъ Петербурга, то познакомилъ обвиняемаго съ Арончикомъ, которому Клѣточниковъ и продолжалъ доставлять свѣдѣнія. Впослѣдствіи же онъ познакомился и вступилъ въ сношеніе съ Квятковскимъ, Баранниковымъ, Колодкевичемъ и еще однимъ до настоящаго времени не розысканнымъ лицомъ. Всѣмъ этимъ лицамъ, носившимъ при сношеніи съ обвиняемымъ чужія фамиліи, онъ сообщалъ нужныя имъ свѣдѣнія, по мѣрѣ того, какъ таковыя дѣлались ему извѣстными или требовались отъ него революціонерами, съ которыми онъ сходилъ въ разныхъ трактирахъ и гостинницахъ, а также посѣщалъ ихъ квартиры; Михайловъ же и самъ бывалъ у обвиняемаго. Зная, что всѣ поименованные лица принадлежатъ къ революціонной партіи, онъ узналъ о преступной дѣятельности каждаго изъ нихъ лишь изъ свѣдѣній, которыя сдѣлались ему извѣстными по службѣ, въ особенности же изъ разоблаченій Гольденберга. Пользуясь его услугами, революціонеры не были, однако же, съ нимъ откровенны, и, видимо ему не довѣряя, не открывали ему тайны своихъ предпріятій, такъ что только изъ общаго содержанія разговоровъ съ ними обвиняемый могъ заключить о принадлежности ихъ къ террористической фракціи и прямою участіи въ ея дѣйствіяхъ. Между прочимъ, онъ, Клѣточниковъ, зналъ въ общихъ чертахъ о ходѣ работъ по печатанію и изданію «Народной Воли». Отъ Алафузова—Баранникова онъ слышалъ о количествѣ динамита, которымъ располагало преступное сообщество и которое въ концѣ 1880 г., по словамъ Баранникова, не было такъ велико, какъ обозначали его въ своихъ, сообщенныхъ ему Клѣточниковымъ, показаніяхъ лица, привлеченныя къ дознаніямъ, а составляло не болѣе 5—6 пудовъ. Послѣ ареста Михайлова, обвиняемый продолжалъ вести сношенія съ Баранниковымъ, хотя, съ передачею розыскной части по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ въ столицѣ въ вѣдѣніе С.-Петербургскаго Градоначальника, онъ уже не могъ доставлять прежнихъ важныхъ свѣдѣній и сносившіяся съ нимъ лица стали говорить о необходимости провести своего человѣка, или подкупить кого либо въ новомъ розыскомъ вѣдомствѣ. Что же касается до побудительныхъ причинъ сближенія своего съ членами революціонной «партіи» и того содѣйствія, которое обвиняемый имъ оказывалъ сообщеніемъ разныхъ нужныхъ имъ свѣдѣній, то въ объясненіе этихъ причинъ Клѣточниковъ, отрицая свою принадлежность къ означенной «партіи» въ собственноручно написанныхъ имъ показаніяхъ, между прочимъ, заявилъ слѣдующее: «не сдѣлавшись социалистомъ, я не могу не сознаться, что началъ сочувствовать нѣкоторымъ ихъ идеямъ и сталъ считать ихъ дѣло своимъ» и далѣе . . . «я руководился, главнымъ образомъ, корыстными цѣлями и желаніемъ болѣе разнообразной жизни въ сто-

лицъ, а также сочувствіемъ къ высказаннымъ Александромъ Михайловымъ идеямъ о развитіи и обогащеніи народа, къ идеямъ, которымъ будто бы служить онъ и его сподвижники». Когда же онъ, Клѣточниковъ, узналъ изъ показаній Гольденберга объ истинныхъ цѣляхъ дѣятельности знакомыхъ ему социалистовъ, то уже не могъ оставить сношеній съ ними и продолжалъ служить ихъ интересамъ, такъ какъ боялся, въ противномъ случаѣ, быть убитымъ.

Вдова полковника Анна [Кутузова] подтвердила фактъ поступленія Клѣточникова на службу къ заведывавшему 3-й экспедиціей III Отдѣленія Кириллову по ея, Кутузовой, рекомендаціи.

Изъ показаній свидѣтелей, начальниковъ и сослуживцевъ Клѣточникова по службѣ его въ бывшемъ III Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, статскихъ совѣтниковъ Кириллова и Гусева, коллежскаго совѣтника Вольфа, Коллежскаго ассесора Цвѣткова и титулярнаго совѣтника Чернышева, оказывается, что Клѣточниковъ въ продолженіе всей своей службы отличался особеннымъ усердіемъ и пользовался полнымъ довѣріемъ начальства. Черезъ его руки проходили всѣ секретныя свѣдѣнія о политическихъ розыскахъ и онъ всегда имѣлъ возможность заранѣе знать о всѣхъ предположенныхъ въ этомъ отношеніи мѣропріятіяхъ. Въ мартѣ 1879 года, при производствѣ обыска у лицъ, проживавшихъ въ домѣ князя Мурузи, по Литейному проспекту, кв. № 54, обнаружилось, что объ этомъ обыскѣ хозяева квартиры были своевременно предупреждены. По поводу возникшаго влѣдствіе этого подозрѣнія противъ служащихъ въ 3-й экспедиціи III Отдѣленія, коллежскому ассесору Цвѣткову было поручено произвести негласное дознаніе, по которому, однако же, виновный остался необнаруженнымъ.

По осмотру относящейся къ означенному дознанію переписки оказалось и обвиняемымъ Клѣточниковымъ было признано, что составленная въ агентурномъ отдѣленіи при 3 экспедиціи записка о лицахъ, у которыхъ предполагалось произвести обыскъ, между прочимъ, и о проживавшихъ въ кв. № 54, въ домѣ князя Мурузи, написана рукою Клѣточникова. По его объясненію онъ, составивъ упомянутую записку, сообщилъ о содержаніи ея Александру Михайлову, который и предупредилъ кого слѣдовало.

29 января 1881 года, т. е. на другой день послѣ ареста Клѣточникова, въ квартиру его было доставлено по городской почтѣ письмо отъ 28 января, въ которомъ Клѣточниковъ приглашался въ 5 часовъ пополудни на Невскій проспектъ для свиданія съ анонимнымъ авторомъ письма. По сличеніи почерка этого письма съ почеркомъ казеннаго государственнаго преступника Желябова, знакомство и сношенія съ которымъ Клѣточниковымъ отрицаются, экспертъ пришелъ къ заключенію, что упомянутое письмо написано Желябовымъ.

XIV.

**Принадлежность обвиняемых къ преступному сообществу.—
Свѣдѣнія о личности каждаго изъ нихъ.**

Независимо отъ всѣхъ вышеприведенныхъ данныхъ принадлежность обвиняемыхъ къ тайному сообществу, поставившему себя задачею стремиться къ ниспроверженію въ ближайшемъ будущемъ, посредствомъ ряда насильственныхъ дѣйствій и насильственного переворота, существующаго въ Имперіи государственнаго и общественнаго строя, доказывается еще нижеслѣдующими обстоятельствами, частью имѣющими общій характеръ и значеніе, а частью относящимися до каждаго изъ обвиняемыхъ въ отдѣльности.

1.

Изъ приложенныхъ къ дѣлу, въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, многочисленныхъ печатныхъ изданій преступнаго содержанія, которые были составлены, напечатаны и выпущены въ обращеніе тайнымъ сообществомъ, именующимъ себя «русскою соціально-революціонной партіей», въ періодъ времени съ 1878 г. по мартъ 1881 года включительно, причемъ почти всѣ эти изданія найдены по обыскамъ у обвиняемыхъ и, главнымъ образомъ, въ обнаруженной 5-го мая 1881 г. конспиративной квартирѣ по Подольской улицѣ, въ домѣ № 14/42, кв. № 31, гдѣ, повидимому, помѣщалась въ послѣднее время тайная типографія газеты «Народная Воля», оказывается, что до послѣдовавшаго лѣтомъ 1879 г. выдѣленія террористической фракціи изъ прежней организаціи революціонеровъ «народниковъ», органомъ тайной печати у этихъ послѣднихъ была газета «Земля и Воля» и дополнявшій или замѣнявшій ее «Листокъ Земли и Воли». Кромѣ этихъ изданій, послѣ каждаго совершеннаго революціонерами преступнаго дѣянія террористическаго характера, появлялись печатныя прокламаціи, въ которыхъ заявлялось о совершеніи означенныхъ дѣяній отъ имени и въ интересахъ «соціально-революціонной партіи». Такія прокламаціи появились, между прочимъ, и послѣ убійства генераль-адъютанта Мезенцова и покушенія на цареубійство 2 апрѣля 1879 года. Упомянутыя періодическія изданія и прокламаціи издавались за подписью «исполнительнаго комитета русской соціально-революціонной партіи» — наименованіе, которое, какъ видно изъ показаній Гольденберга и другихъ обвиняемыхъ, присвоила себѣ городская группа членовъ «партіи». Послѣ Липецкаго съѣзда произошло раздѣленіе «партіи» и ея органа: «народники», оставшіеся при прежнихъ своихъ взглядахъ и задачахъ, предприняли изданіе газеты подъ заглавіемъ «Черный Передѣлъ», террористы же, выдѣлившіеся съ особую фракцію, основали изданіе «Народной Воли» и, въ видѣ прибавленія къ ней, «Листка Народной Воли». Съ осени 1879 и до февраля

1881 года, появилось пять № «Народной Воли» и нѣсколько № «Листка»; вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовательное совершеніе посягательствъ на жизнь въ Востѣ почившаго Государя Императора 19-го ноября 1879 года, 5-го февраля 1880 года и злодѣянія 1-го марта 1881 г. сопровождались, подобно прежнему времени, появленіемъ воззваній отъ имени «исполнительнаго комитета», въ составъ котораго вошли наиболѣе выдающіеся дѣятели преступнаго сообщества, принимавшіе болѣе или менѣе непосредственное участіе въ послѣдующихъ террористическихъ предпріятіяхъ. Въ № 3 «Народной Воли», отъ 1-го января 1880 г., помѣщена, между прочимъ, «программа исполнительнаго комитета», которая ставитъ ближайшею цѣлью «комитета» отнятіе власти у существующаго правительства и передачу ея народу (п. А—В) для декретированія новаго государственнаго и общественнаго строя на социалистическихъ началахъ (п. Г); къ достиженію означенныхъ цѣлей предполагается стремиться посредствомъ: 1) дѣятельности пропагаторской и агитационной; 2) дѣятельности разрушительной и террористической, состоящей «въ уничтоженіи наиболѣе вредныхъ лицъ правительства»; 3) организаціи тайныхъ обществъ и сплоченія ихъ вокругъ одного центра; 4) пріобрѣтенія вліятельнаго положенія и связей въ администраціи, войскѣ, обществѣ и народѣ; 5) организаціи и совершенія переворота и 6) послѣдующей затѣмъ избирательной агитаціи (п. Д). При этомъ руководящимъ принципомъ дѣйствія «исполнительнаго комитета» признается положеніе о томъ, что по отношенію къ правительству, какъ къ врагу, цѣль оправдываетъ средства, т. е. всякое средство, ведущее къ цѣли, считается дозволительнымъ, а лица и общественныя группы, сознательно и дѣятельно помогающія правительству въ борьбѣ съ «соціально-революціонной партіей», «какъ вышедшія изъ нейтралитета, принимаются за врага» (п. Е). Въ такомъ же приблизительно смыслѣ, составлена «программа рабочихъ, членовъ партіи народной воли», изданная въ концѣ 1880 г. и, какъ сказано въ ней, редакціей «Народной Воли». Тѣ же преступныя взгляды въ примѣненіи къ пониманію простолединовъ проводятся и въ «Рабочей Газетѣ», которую члены «партіи» стали издавать съ декабря 1880 г. для распространенія въ рабочей средѣ. Далѣе, въ вышеупомянутыхъ изданіяхъ тайной печати и, кромѣ того, въ изданной за границей брошюрѣ обвиняемаго Морозова, подъ заглавіемъ «Террористическая борьба», доказывается необходимость направить всѣ усилія «соціально-революціонной партіи» на совершеніе систематическаго ряда террористическихъ дѣяній и, какъ выспяго выраженія такого образа дѣйствій, царубійства. Наконецъ, въ появившихся, по поводу злодѣянія 1-го марта 1881 г., листкахъ отъ имени «партіи народной воли» подъ заглавіемъ: 1) «отъ исполнительнаго комитета» 1 марта 1881 г.; 2) «отъ рабочихъ членовъ партіи народной воли» отъ 2 марта 1881 г.; 3) «Честнымъ мірянамъ, православнымъ крестьянамъ и всему народу русскому объ-

явленіе» отъ 2 марта 1881 г.; 4) «Исполнительный Комитетъ Императору Александру III» отъ 12 марта 1881 г.; и 5) «отъ Исполнительнаго Комитета» отъ 4 апрѣля 1881 г., по поводу казни государственныхъ преступниковъ, осужденныхъ за злодѣяніе 1 марта, — заявляется, что злодѣяніе это совершено лицами, принадлежащими къ «партіи народной воли», для достиженія ближайшихъ цѣлей этого преступнаго сообщества и согласно съ общими, поставленными имъ для себя задачами.

2.

По задержаніи въ С.-Петербургѣ, 28 ноября 1880 года, обвиняемаго Александра Дмитріева Михайлова, у него произведенъ былъ обыскъ, по которому въ его квартирѣ, по Орловскому переулку, въ д. № 2 найденъ былъ динамитъ въ двухъ жестянкахъ, разныя прокламаціи отъ «исполнительнаго комитета», въ значительномъ числѣ экземпляровъ, палка съ сокрытымъ въ ней кинжаломъ, мѣдный кастетъ, большое число фотографическихъ снимковъ 16 государственныхъ преступниковъ, осужденныхъ С.-Петербургскимъ Военно-Окружнымъ Судомъ, въ ноябрѣ 1880 г., и разныя замѣтки загадочнаго или условнаго содержанія.

По изслѣдованіи динамита, найденнаго у Михайлова въ количествѣ около пуда, экспертъ генераль-майоръ Федоровъ нашелъ, что динамитъ этотъ весьма неоднороденъ и, вѣроятно, не фабричнаго приготовленія.

Изъ показаній Александра Михайлова и другихъ данныхъ, собранныхъ при дознаніи, видно, что онъ дворянинъ Путивльскаго уѣзда, Курской губерніи, обучался въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, а затѣмъ держалъ окончательный экзаменъ при Немировской гимназіи (Брацлавскаго уѣзда, Подольской губерніи); въ концѣ 1875 г. онъ, будучи уволенъ изъ технологическаго института по поводу безпорядковъ между студентами, отпѣвился въ Кіевъ, гдѣ познакомился, по его словамъ, съ «радикалами» и съ этого времени сталъ заниматься революціонной пропагандой. Съ марта 1877 г. и до половины 1878 г. онъ прожилъ въ приволжскихъ губерніяхъ, не переставая распространять революціонныя идеи преимущественно среди старообрядцевъ. Лѣтомъ 1878 г. и затѣмъ въ 1879 г. онъ велъ дѣятельные переговоры съ управляющимъ имѣніями казеннаго государственнаго преступника Лизогуба, дворяниномъ Дриго (осужденнымъ по дѣлу о 16 лицахъ), о мѣрахъ къ переводу имущества Лизогуба въ собственность лицъ, принадлежащихъ къ «соціально-революціонной партіи». Возвратившись въ С.-Петербургъ и, по временамъ, уѣзжая изъ него по дѣламъ «революціонной партіи», онъ занимался такъ называемою «конспиративною дѣятельностью» и принималъ участіе въ разныхъ проявленіяхъ революціоннаго движенія. Проживая въ теченіи 1880 года въ С.-Петербургѣ подъ именемъ и по подложному паспорту отставнаго поручика Поливанова, сначала

въ гостинницѣ «Москва», затѣмъ по Троицкому переулку, въ домѣ Лихачева и, наконецъ, по Орловскому переулку, въ домѣ № 2, Михайловъ въ октябрѣ 1880 г. сталъ заказывать въ фотографіяхъ Таубе, Александровскаго и Кошулько многочисленные снимки государственныхъ преступниковъ, чѣмъ и обратилъ на себя вниманіе полиціи.

Обвиняемый дворянинъ Черниговской губерніи Николай Николаевъ Колодкевичъ, по окончаніи курса въ Черниговской гимназіи, поступилъ сначала въ Нѣжинскій лицей, а затѣмъ былъ студентомъ университетовъ Новороссійскаго и Св. Владиміра, изъ которыхъ послѣдній долженъ былъ оставить вслѣдствіе привлеченія къ дознанію по обвиненію въ государственномъ преступленіи. Таковыя дознанія возбуждались противъ Колодкевича: въ 1875 г. — въ Черниговской губерніи; въ 1876 г. — за распространеніе революціонныхъ изданій въ гор. Харьковѣ; въ 1877 г. — за организацію тайнаго общества среди крестьянъ Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губерніи; въ 1878 г. — за участіе въ освобожденіи изъ Харьковскаго тюремнаго замка арестанта Фомина и въ 1879 г. — за участіе въ революціонномъ кружкѣ, образовавшемся въ Харьковѣ, при чемъ всѣ эти дознанія были пріостановлены въ отношеніи Колодкевича за нерозыскомъ его. По задержаніи Колодкевича, 26 января 1881 г., по обыску, произведенному въ его квартирѣ по Фонтанкѣ, въ д. № 47, гдѣ онъ проживалъ подъ именемъ и по подложному паспорту на имя Петрова, были найдены разныя изданія и рукописи преступнаго содержанія. Колодкевичъ призналъ себя принадлежащимъ къ революціонной партіи «народной воли».

Обвиняемый дворянинъ Таврической губерніи Михаилъ Николаевъ Тригони, по окончаніи въ 1874 г. курса юридическихъ наукъ въ Новороссійскомъ университетѣ съ званіемъ дѣйствительнаго студента, опредѣленныхъ занятій не имѣлъ и проживалъ то въ южныхъ губерніяхъ, то въ С.-Петербургѣ. Здѣсь въ 1879 г. онъ, по его объясненію, встрѣтился съ Желябовымъ и, при его посредствѣ, сошелся со многими лицами, принадлежащими къ «соціально-революціонной партіи народной воли», программу которой и онъ, Тригони, вполне раздѣляетъ.

По обыску, произведенному въ квартирѣ Тригони 27 февраля 1881 г., между прочимъ, найдено: 1) 168 экземпляровъ № 5 «Народная Воля» отъ 5 февраля 1881 г., еще влажныхъ и повидимому только что отпечатанныхъ, съ приложенными къ нимъ отчетами о суммахъ, поступившихъ, какъ сказано въ заглавіи, на борьбу «за народное освобожденіе съ 1 по 20 января 1881 г.»; 2) анонимное рекомендательное письмо къ неизвѣстному лицу, предлагающее относиться къ Тригони съ полнымъ довѣріемъ, и 3) программы организаціи революціонныхъ кружковъ и дѣятельности таковыхъ же центральныхъ.

Привлекавшійся къ дознанію по настоящему дѣлу и нынѣ подлежащій высылкѣ въ административномъ порядкѣ въ Сибирь,

Турецкій подданный Мойсей Поповъ показалъ, что въ 1879 г. онъ познакомился въ Одессѣ съ Колодкевичемъ, Фроленко и Тригони, изъ которыхъ послѣдніе двое снабжали его запрещенными изданіями для распространенія среди рабочихъ. Въ декабрѣ 1880 г. Поповъ по просьбѣ Меркулова, пріѣзжавшаго въ Одессу изъ Кишенева, познакомилъ его съ Тригони, съ которымъ Меркуловъ и вступилъ въ какіе-то переговоры.

Обвиняемый дворянинъ Курской губерніи, Путивльскаго уѣзда, Александръ Ивановъ Баранниковъ, по окончаніи курса въ Орловской Бахтина военной гимназіи, поступилъ въ 1-е военное Павловское училище, которое оставилъ въ 1876 г. Въ слѣдующемъ 1877 г., рѣшившись заняться революціонной пропагандой среди народа, онъ появился подъ именемъ Семена Яковлева въ с. Хрипуновѣ, Ардатовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, въ кузницѣ, открытой тамъ для цѣлей преступной пропаганды дворяниномъ Линевымъ, проживавшимъ подъ именемъ Американскаго гражданина Филипса. При возникновеніи по этому поводу дознанія въ мѣстномъ губернскомъ жандармскомъ управленіи, Баранниковъ скрылся и продолжалъ жить «нелегально», начавъ съ весны 1879 г. именоваться Ипполитомъ Кошурниковымъ, и вступилъ подъ этимъ именемъ въ бракъ съ сестрой обвиняемой Оловенниковой, вдовой Марьей Ошаниной.

Обвиняемый отставной флота лейтенантъ Николай Евгеньевъ Сухановъ, сынъ лекаря, уроженецъ гор. Риги, сначала воспитывался въ частномъ пансіонѣ и реальномъ училищѣ, а затѣмъ поступилъ въ морское училище, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1872 г. съ производствомъ въ гардемарины. Произведенный въ 1873 г. въ мичманы, а въ 1879 г. въ лейтенанты, Сухановъ былъ слушателемъ миннаго офицерскаго класса, а затѣмъ состоялъ миннымъ офицеромъ на разныхъ судахъ Балтійскаго флота и Сибирской флотиліи; въ 1880 г. онъ былъ прикомандированъ къ гвардейскому экипажу для слушанія лекцій въ С.-Петербургскомъ университетѣ, а въ маѣ 1881 г. уволенъ отъ службы вслѣдствіе привлеченія къ настоящему дѣлу.

Обвиняемый отставной прапорщикъ Кронштадтской крѣпостной артиллеріи Фердинандъ Осиповъ Люстигъ, сынъ колониста Таврической губерніи, уроженецъ гор. Симферополя, по окончаніи курса въ Симферопольской гимназіи, поступилъ въ Технологическій институтъ, гдѣ курса не окончилъ, послѣ чего служилъ въ военной службѣ, въ Кронштадтской крѣпостной артиллеріи, откуда вышелъ въ отставку съ чиномъ прапорщика и въ послѣднее время состоялъ кассиромъ на фабрикѣ «Товарищества русско-американской паровой пекарни» въ С.-Петербургѣ.

Обвиняемый отставной коллежскій регистраторъ Николай Васильевъ Клѣточниковъ, какъ видно изъ собственныхъ его объясненій, уроженецъ гор. Пензы, по окончаніи курса въ Пензенской гимназіи, сначала слушалъ лекціи въ Московскомъ университетѣ, въ качествѣ вольнослушателя, а затѣмъ поступилъ въ

число студентов С.-Петербургскаго университета, который оставил по разстроенному здоровью, и уѣхалъ на родину въ гор. Пензу. Въ 1870 г., прибывъ въ Крымъ для леченія, онъ остался тамъ на службѣ и занималъ должности писмоводителя Ялтинскаго Уѣзднаго Предводителя Дворянства и секретаря Ялтинскаго Сѣзда Мирowychъ Судей. Въ 1873 г. Клычковиковъ, получивъ небольшое наследство отъ родителей, ѣздитъ за границу, на Вѣнскую всемирную выставку. Въ 1876 г., соскучившись, по его словамъ, въ гор. Ялтѣ, онъ перешелъ въ Симферополь на должность кассира мѣстнаго общества взаимнаго кредита съ жалованьемъ 1000 руб. въ годъ. Въ сентябрѣ 1877 г., желая снова пожить столичною жизнью и окончить курсъ высшаго учебнаго заведенія, онъ переѣхалъ въ С.-Петербургъ и здѣсь поступилъ вольнослушателемъ въ Медико-Хирургическую Академію, но, отвыкнувъ отъ учебныхъ занятій, долженъ былъ оставить Академію и отправился въ Пензу къ роднымъ, откуда снова возвратился въ С.-Петербургъ въ октябрѣ 1878 г. для присканія себѣ мѣста, каковое и нашелъ, при вышеуказанныхъ обстоятельствахъ, въ агентурномъ отдѣленіи при 3-й экспедиціи нынѣ упраздненнаго III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

Обвиняемый сынъ фельдфебеля Михаилъ Федоровъ Фроленко, уроженецъ гор. Ставрополя Кавказскаго, по окончаніи курса въ мѣстной гимназіи, поступилъ въ Петровскую Земледѣльческую Академію, но въ 1874 г. скрылся изъ Москвы, вслѣдствіе привлеченія его къ дознанію о тайномъ революціонномъ сообществѣ.

При разслѣдованіи прежней революціонной дѣятельности Фроленко выяснилось—и самимъ обвиняемымъ не отрицается—что въ январѣ 1878 г., во время содержанія въ Кіевскомъ тюремномъ замкѣ обвинявшихся въ государственныхъ преступленіяхъ Дѣйча, Стефановича и Бохановскаго, Фроленко, подъ именемъ Екатеринодарскаго мѣщанина Сергѣя Тихонова, поступилъ въ означенный тюремный замокъ ключникомъ на мѣсто отставнаго фейерверкера Пономарева, котораго единомышленники Фроленко предварительно переманили съ должности ключника подъ вымышленнымъ предлогомъ доставленія ему должности приказчика на винокуренномъ заводѣ въ гор. Брацлавѣ, Подольской губерніи. Воспользовавшись положеніемъ ключника и успѣвъ своимъ усердіемъ къ службѣ пріобрѣсти довѣріе начальства, Фроленко, 26 мая, вывелъ арестантовъ Дѣйча, Стефановича и Бохановскаго изъ тюрьмы и вмѣстѣ съ ними скрылся.

17 марта 1881 г., Фроленко былъ арестованъ въ С.-Петербургѣ, въ домѣ № 83, по Лиговкѣ, черезъ нѣсколько часовъ по задержаніи проживавшаго въ томъ же домѣ казеннаго государственнаго преступника Кибальчича, въ квартиру котораго явился Фроленко. Назвавъ себя сначала мѣщаниномъ Капустиннымъ и предъявивъ подложный паспортъ на это имя, обвиняемый отказался указать свою квартиру, которая и осталась не обнаруженною.

Обвиняемый сынъ почталіона Григорій Прокофьевъ Исаевъ,

уроженецъ гор. Могилева, въ 1875 г. былъ исключенъ изъ 5 класса мѣстной гимназіи за распространеніе запрещенныхъ изданій, среди своихъ товарищей, съ правомъ поступленія въ другія учебныя заведенія. По окончаніи гимназическаго курса Исаевъ поступилъ сначала въ С.-Петербургскій университетъ, а затѣмъ перешелъ въ Медико-Хирургическую Академію. Въ 1877 г. во время временнаго нахожденія его въ Горькомъ уѣздѣ, Могилевской губерніи, на него пало обвиненіе въ распространеніи преступной пропаганды, вслѣдствіе чего онъ подлежалъ привлеченію къ дознанію, но скрылся и оставался нерозысканнымъ до самаго задержанія своего въ С.-Петербургѣ 1-го апрѣля 1881 года.

Въ началѣ 1880 года Исаевъ, какъ уже было упомянуто выше, проживалъ въ С.-Петербургѣ, подъ именемъ Еремѣева, вмѣстѣ съ Якимовой и Лебедевой и занимался приготовленіемъ динамита. Съ февраля же 1881 года и по день ареста онъ проживалъ по Вознесенскому проспекту, въ домѣ № 25/76, вмѣстѣ съ Вѣрой Филипповой, по подложному паспорту на имя губернскаго секретаря Кохановскаго. При задержаніи его на улицѣ, 1-го апрѣля, у него были, между прочимъ, найдены рукописи подъ заглавіемъ «Подготовительная работа партій», трактующая о средствахъ подготовленія въ Россіи всеобщаго возстанія, и рукописный же проектъ организаціи революціонныхъ кружковъ. Что же касается до его квартиры, обнаруженной 3-го апрѣля и повидимому незадолго передъ тѣмъ оставленной скрывшеюся Вѣрою Филипповой, то въ квартирѣ этой оказались сткланки, мѣдная трубка, ножницы для рѣзки листового желѣза и другія тому подобныя техническія принадлежности.

Обвиняемый сынъ псаломщика Иванъ Пантелеймоновъ Емельяновъ, уроженецъ Измаильскаго уѣзда, Бессарабской губерніи, представилъ относительно своего прошедшаго слѣдующее объясненіе: въ 9-ти-лѣтнемъ возрастѣ онъ былъ взятъ изъ дома своихъ весьма недостаточныхъ родителей и помѣщенъ къ своему дядѣ, служившему тогда при Императорскомъ Россійскомъ посольствѣ въ Константинополѣ. Здѣсь и впоследствии при переездахъ съ мѣста на мѣсто, вмѣстѣ съ своимъ родственникомъ, онъ, очутившись въ совершенно новой и чуждой ему обстановкѣ, среди людей высшаго круга, сталъ съ свойственною ему, по его словамъ, любознательностью и впечатлительностью, присматриваться къ окружающему и въ результатѣ этихъ наблюденій, уже 11—12 лѣтъ отъ роду, «совершенно самостоятельно напалъ на мысль и идею, которыя принято теперь называть социализмомъ». Такого рода мысли въ немъ незамѣтно развивались и окрѣпли, когда, по пріѣздѣ въ С.-Петербургъ, онъ проходилъ учебный курсъ сначала въ 1-мъ реальномъ училищѣ, а затѣмъ въ ремесленномъ училищѣ Цесаревича Николая. Принявшись за чтеніе, онъ убѣдился, что социализмъ есть «плодъ не однихъ его размышлений». Слѣдя за періодическою прессой, онъ съ особеннымъ вниманіемъ остановился на рядѣ политическихъ процессовъ и

пришелъ къ заключенію, что его взгляды и убѣжденія въ значительной степени солидарны съ соціально-революціонными тенденціями, съ которыми онъ могъ еще ближе познакомиться изъ чтенія выходившей тогда «Земли и Воли». Далѣе, во время поѣздокъ по внутренней и южной Россіи, онъ былъ, по его объясненію, пораженъ политическимъ и экономическимъ положеніемъ русскаго крестьянина. Когда же, послѣ весьма успѣшнаго окончанія курса въ ремесленномъ училищѣ, онъ, Емельяновъ, былъ посланъ на казенный счетъ за границу, то увидѣлъ «превосходство экономического и культурнаго положенія западно-европейскаго крестьянина и рабочаго передъ положеніемъ русскаго пролетарія». Заграницей обвиняемый слѣдилъ за процессомъ 16 лицъ въ С.-Петербургскомъ Военно-Окружномъ Судѣ и нашелъ, что программа «Народной Воли» согласна съ его убѣжденіями, почему, по возвращеніи въ Россію, онъ не считалъ себя въ правѣ остаться индифферентнымъ и вступилъ въ число членовъ «соціально-революціонной партіи».

Обвиняемые: сынъ дьякона Петръ Васильевъ Тычининъ и дворянка Орловской губерніи, Малоархангельскаго уѣзда, дочь губернскаго секретаря Елизавета Николаева Оловенникова состояли, какъ видно изъ дѣла, первый—студентомъ 3 курса Медико-Хирургической Академіи, а послѣдняя—слушательницей женскихъ врачебныхъ курсовъ при Покровской общинѣ.

По обыску, произведенному въ ночь на 25 января 1881 г. въ квартирѣ задержаннаго, подъ именемъ Агаческулова, обвиняемаго Григорія Михайлова Фриденсона (Казанская улица, домъ № 38), у него найдено два экземпляра № 4 «Народной Воли» за 1880 г., не бывшіе еще, судя по ихъ наружному виду, въ обращеніи, рукописи, представляющая повидному революціонную программу, и аттестатъ на имя чиновника Коморскаго.

Изъ дознанія о государственномъ преступникѣ Кибальничѣ видно, что лѣтомъ 1880 г. онъ проживалъ по тому же паспорту на имя Агаческулова, по которому проживалъ Фриденсонъ при его задержаніи и который, по провѣркѣ, оказался подложнымъ.

Отрицая свое участіе въ преступныхъ дѣяніяхъ террористическаго характера, Фриденсонъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, признавалъ какъ принадлежность свою къ партіи «народной воли», такъ и знакомство свое съ Желябовымъ, отъ котораго онъ получалъ газету «Народная Воля», необходимую ему для революціонной пропаганды среди С.-Петербургской молодежи въ духѣ означенной партіи.

Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній о Фриденсонѣ и собственныхъ его объясненій видно, что онъ, по происхожденію Бѣлостокскій купеческій сынъ, по окончаніи курса въ Бѣлостокскомъ реальномъ училищѣ былъ вольнослушателемъ въ Московскомъ техническомъ училищѣ, откуда уволенъ влѣдствіе привлеченія его къ дознанію, возникшему въ Москвѣ по поводу убійства мѣщанина Рейнштейна; дознаніе это въ отношеніи Фриденсона было прекращено безъ всякихъ для него послѣдствій.

Обвиняемый солдатскій сынъ Василій Аполлоновъ Меркуловъ, оставшись, по его объясненію, съ дѣтства безъ всякаго призрѣнія и надзора, 9-ти лѣтъ отъ роду былъ отданъ матерью въ столярную мастерскую въ Одессѣ и, изучивъ столярное ремесло, сталъ добывать имъ себѣ средства къ жизни. На 18 году онъ встрѣтился въ Одессѣ съ Иваномъ Ивичевичемъ, убитымъ въ послѣдствіи, въ февралѣ 1879 года, въ гор. Кіевѣ при вооруженномъ сопротивленіи полиціи, черезъ него познакомился съ Желябовымъ и вошелъ въ кружокъ лицъ, занимавшихся революціонной пропагандой среди рабочихъ.

Изъ дѣла видно, что, по возвращеніи изъ Одессы лѣтомъ 1880 года, Меркуловъ проживалъ въ С.-Петербургѣ по подложному паспорту на имя мѣщанина Сергѣя Лапина, по которому въ послѣдствіи проживалъ въ Петербургѣ государственный преступникъ Тимофей Михайловъ.

При обыскѣ, произведенномъ у Меркулова при задержаніи его въ Петербургѣ 27 февраля 1881 года, подъ именемъ Яковенко, въ то время, когда онъ явился къ обвиняемому Тетеркѣ, у него, Меркулова, и затѣмъ въ квартирѣ его были найдены экземпляры газеты «Народной Воли», разныя революціонныя воззванія, оттиски печатей разныхъ правительственныхъ учрежденій, нѣсколько такихъ же печатей, вырѣзанныхъ на грифельной доскѣ, столярный инструментъ и такъ называемый финскій матросскій ножъ, подобный тому, который былъ при государственномъ преступникѣ Рысаковѣ во время совершенія злодѣянія 1 марта.

При обыскѣ у обвиняемаго Льва Соломонова Златопольскаго, арестованнаго въ г. Петербургѣ 29-го января 1881 года, въ квартирѣ Колодкевича, у него, Златопольскаго, были найдены разныя орудія и приспособленія для механическихъ работъ.

Не сознаваясь во взводимомъ на него преступленіи и отрицая всякое участіе свое въ революціонной дѣятельности, Златопольскій объяснилъ, что, занимаясь механикой и въ частности изобрѣтеніемъ аппарата для нефтянаго отопленія, онъ нуждался въ денежныхъ средствахъ для осуществленія означеннаго предпріятія. Съ этою цѣлью онъ искалъ знакомства съ лицами, которыя могли бы оказать ему такого рода помощь, и, познакомившись случайно съ Колодкевичемъ, рассчитывалъ получить отъ него содѣйствіе въ указанномъ отношеніи. По объясненію обвиняемаго, всѣ предметы, найденные у него при обыскѣ, составляютъ принадлежности устраиваемой имъ нефтяной печи.

Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній о Златопольскомъ видно, что онъ сынъ Елисаветградскаго мѣщанина, воспитывался въ С.-Петербургскомъ технологическомъ институтѣ, изъ котораго вышелъ въ 1875 году, не окончивъ курса.

Въ 1876 г. онъ появился въ с. Щепцовѣ, Пошехонскаго уѣзда, Ярославской губерніи, у проживавшаго тамъ и привлекавшагося къ дознанію о государственномъ преступленіи Соломона Желѣзняка, а затѣмъ въ с. Мартяновѣ, Вологодскаго уѣзда. Вслѣд-

ствіе полученныхъ мѣстными властями свѣдѣній о томъ, что Златопольскій прибылъ въ вышеозначенную мѣстность для преступной пропаганды, по этому поводу было возбуждено дознаніе, при возникновеніи котораго обвиняемый скрылся.

Обвиняемый Гомельскій мѣщанинъ Айзикъ Борисовъ Арончикъ, по окончаніи Одесскаго реальнаго училища, поступилъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія, откуда вышелъ, не кончивъ курса, въ 1879 году.

Изъ показанія Григорія Гольденберга, между прочимъ, видно, что когда на Липецкомъ съѣздѣ возникъ вопросъ о посылкѣ кого либо въ гор. Повѣнецъ для освобожденія находившихся тамъ въ административной ссылкѣ Самарской и Воскресенской и онъ, Гольденбергъ, предложилъ для этого свои услуги, то участники съѣзда, признавъ его присутствіе необходимымъ для болѣе серьезныхъ дѣлъ, рѣшили поручить освобожденіе Самарской и Воскресенской Арончику, съ которымъ Гольденбергъ познакомился въ Кіевѣ еще въ 1878 году.

По задержаніи Арончика въ С.-Петербургѣ 17-го марта 1881 г., по подложному паспорту Золотницкаго, у него былъ, между прочимъ, найденъ печатный листокъ подъ заглавіемъ «Отъ исполнительнаго комитета Императору Александру III» отъ 3 марта 1881 года.

Осмотромъ надлежащихъ домовыхъ книгъ и показаніями свидѣтелей Кузмы Стуликова и Семена Михайлова удостовѣряется, что Арончикъ, подъ именемъ Золотницкаго, проживалъ съ 13 по 26 февраля 1881 г. въ гостинницѣ «Москва», на углу Невского и Владимірскаго проспектовъ, при чемъ въ той же гостинницѣ въ одинъ день съ Арончикомъ поселился и въ одинъ день съ нимъ выбылъ Николай Саблинъ, проживавшій подъ именемъ Фесенко-Навроцкаго и застрѣлившійся 3-го марта въ конспиративной квартирѣ по Тельжной улицѣ. Затѣмъ съ 3 марта и по день ареста Арончикъ проживалъ подъ тѣмъ же именемъ Золотницкаго по М. Итальянской улицѣ въ д. № 32, кв. № 11, и значился прибывшимъ въ эту квартиру изъ Царскаго Села.

Обвиняемый Одесскій мѣщанинъ Макаръ Васильевъ Тетерка, по ремеслу столяръ, не получившій никакого образованія, еще въ 1877 г. принималъ участіе въ происходившихъ въ Одессѣ противозаконныхъ сходкахъ рабочихъ; въ 1879 г. онъ проживалъ въ Кіевѣ, при чемъ по обыску, произведенному 6 мая того же года у сожителей его по квартирѣ, Предтеченскаго и Красовскаго, найдены были пирокетинъ и разрывные снаряды. Здѣсь же въ Кіевѣ Тетерка встрѣтился съ Желябовымъ, который и побудилъ его принять непосредственное участіе въ революціонной дѣятельности.

Дознаніемъ по настоящему дѣлу обнаружено и обвиняемымъ Тетеркой не отвергается, что въ теченіе 1880 г. и въ январѣ 1881 г. Тетерка проживалъ, въ С.-Петербургѣ, послѣдовательно подъ фамиліями Березина, Николаева и Веселовскаго. При этомъ,

называясь Николаевымъ, съ сентября 1880 г. по январь 1881 г., онъ жилъ вмѣстѣ съ государственною преступницею Гесею Гельфманъ по Троицкому переулку, въ д. № 27, въ нанятой имъ, по указанію Желябова, конспиративной квартирѣ, гдѣ помѣщалась типографія «Рабочей Газеты». Отсюда Гельфманъ переѣхала, вмѣстѣ съ Саблинымъ, на конспиративную квартиру въ Телѣжной улицѣ, а Тетерка, приобрѣтя лошадь и сани для занятія извознымъ промысломъ, поселился у мѣщанина Якова Михайлова, на Васильевскомъ островѣ, по 17 линіи, д. № 46.

Обвиняемый прусскій подданный Мартынъ Рудольфовъ Лангансъ, уроженецъ гор. Херсона, по окончаніи курса въ Херсонской гимназіи, поступилъ въ С.-Петербургскій технологическій институтъ, изъ котораго, не кончивъ курса, вышелъ въ 1872 г., а въ 1874 г. былъ привлеченъ къ дѣлу о преступной пропагандѣ въ Имперіи, но по суду оправданъ; въ 1879 г. онъ былъ задержанъ въ гор. Кіевѣ, подъ именемъ Петрова, въ квартирѣ, гдѣ, по обыску, были найдены разныя запрещенныя изданія; высланный послѣ этого за границу, онъ, по его собственному объясненію, лѣтомъ 1880 г. вернулся въ Россію и съ тѣхъ поръ жилъ подъ разными фамиліями.

21 апрѣля 1881 г. Лангансъ былъ задержанъ въ Кіевѣ, послѣ того какъ, вмѣстѣ съ обвиняемой Якимовой, явился въ квартиру розыскиваемой по обвиненію въ государственномъ преступленіи мѣщанки Фейги Морейнисъ, при чемъ назвался при арестѣ однодворцемъ Кишиневскаго уѣзда Матвѣемъ Гужо.

Обвиняемый Николай Александровъ Морозовъ, незаконнорожденный сынъ помѣщика Ярославской губерніи, воспитывался на счетъ своего отца во 2-й Московской гимназіи, изъ 6-го класса которой былъ уволенъ вслѣдствіе привлеченія его къ дѣлу о преступной пропагандѣ въ Имперіи, по каковому дѣлу былъ судимъ Особымъ Присутствіемъ Правительствующаго Сената, въ числѣ 193 подсудимыхъ, и признанъ виновнымъ въ принадлежности къ противоправительственному тайному сообществу, но въ виду смягчающихъ его вину обстоятельствъ, ему, по Высочайшему соизволенію, было вмѣнено въ наказаніе содержаніе подъ стражею до суда. Въ ноябрѣ 1879 года Морозовъ проживалъ въ С.-Петербургѣ вмѣстѣ съ государственной преступницей Ольгой Любатовичъ, бѣжавшей съ мѣста ссылки, подъ именемъ супруговъ Хитрово. Заподозрѣнные полиціей, они были, впредь до обнаруженія ихъ личности, подвергнуты домашнему аресту, но, въ ночь на 26 ноября, успѣли скрыться, при чемъ, по объясненію Морозова, отправились за границу.

Въ январѣ 1881 г., Морозовъ, подъ именемъ Лакіера, былъ задержанъ въ дер. Стошки, Сувалской губерніи, куда незадолго передъ тѣмъ прибылъ изъ-за границы вмѣстѣ съ другими лицами, такъ-же какъ и Морозовъ, розыскивавшимися по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ. По обыску въ помѣщеніи, гдѣ проживалъ Морозовъ, были найдены въ значительномъ коли-

чествъ экземпляровъ заграничныя изданія противоправительственнаго содержанія, въ томъ числѣ и написанныя самимъ Морозовымъ брошюра подъ заглавіемъ «Террористическая Борьба» и революціонныя стихотворенія.

Обвиняемая дочь титулярнаго совѣтника (учителя народнаго училища) Людмила Дементьева Терентьева, уроженка Херсонской губерніи, воспитывалась на казенный счетъ въ Одесской Маріинской женской гимназіи и, по окончаніи въ 1878 г. курса, 16 лѣтъ отъ роду, по собственному ея объясненію, вступила въ «соціально-революціонную партію», отдѣльныя порученія членовъ которой она исполняла, еще обучаясь въ гимназіи. Признавая свою принадлежность къ террористической фракціи, обвиняемая заявляла, что занятія ея—работа въ тайной типографіи и средства къ жизни—революціонный фондъ.

Осмотрами надлежащихъ домовыхъ книгъ и показаніями свидѣтелей Андрея Якимова, Елизаветы Фохтъ и Прокофія Яковлева, а также показаніями самой Терентьевой удостовѣрено, что она жила въ Петербургѣ: а) съ 11 апрѣля по 3 мая 1880 г.—по Малой Итальянской, д. № 33, подъ именемъ Евгеніи Климовичъ; б) оттуда переѣхала въ д. № 11, кв. 21, по Подольской улицѣ, гдѣ, подъ тѣмъ же именемъ, проживала вмѣстѣ съ Кибальчичемъ, который назывался Агаческуловымъ и в) затѣмъ съ 6 ноября 1880 года до дня своего ареста, 2 мая 1881 г., Терентьева подъ именемъ Авдотьи Трифоновой жила на углу Подольской ул. и Мал. Царскосельскаго проспекта, д. № 14/42, кв. 31, въ квартирѣ супруговъ Пришибиныхъ.

Послѣ того какъ, 2 мая 1881 г., Терентьева была арестована на улицѣ подъ именемъ Маріи Кастецкой, 5 мая послѣдовало обнаруженіе вышеупомянутой квартиры, на углу Подольской ул., въ д. № 14/42, изъ которой хозяева ея, проживавшіе подъ именемъ Верейскихъ мѣщанъ Григорія и жены его Надежды Пришибиныхъ, успѣли скрыться и до настоящаго времени остались нерозысканными. Квартира оказалась, такъ называемою, конспиративною и, повидимому, представляла собою помѣщеніе тайной типографіи «Народной Воли» и сборный пунктъ участниковъ преступнаго сообщества, послѣ злодѣянія 1 марта. Поводомъ къ обнаруженію означенной квартиры послужило то обстоятельство, что Прокофій Яковлевъ, дворникъ дома № 14/42 на углу Подольской улицы, вызванный въ секретное отдѣленіе при управленіи С.-Петербургскаго градоначальства, для предъявленія ему, въ числѣ другихъ дворниковъ, арестованной наканунѣ Кастецкой-Терентьевой, заподозрилъ въ ней сожителницу Пришибиныхъ, Трифонову, вслѣдствіе чего полицейскіе розыски и были направлены на упомянутую квартиру.

По осмотру квартиры Пришибиныхъ въ ней оказалась вся обстановка типографскихъ работъ, типографскія принадлежности въ полномъ составѣ, разныя изданія преступнаго содержанія въ значительномъ количествѣ экземпляровъ, носящія слѣды свѣжей

отпечатки и множество вещественныхъ доказательствъ преступной террористической дѣятельности, изъ числа которыхъ обращаютъ на себя особенное вниманіе: 1) девять стеклянныхъ банокъ, наполненныхъ чернымъ динамитомъ, количествомъ всего до 4 пудовъ 15 фунтовъ, совершенно сходнымъ съ тѣмъ, который былъ заложенъ въ минѣ, выведенной изъ лавки Кобозева; 2) готовый метательный снарядъ, устроенный по той же системѣ, какъ и снаряды, употребленные при злодѣяніи 1 марта; 3) граната, заряженная пороховъ и картечью, съ проведеннымъ къ ней стопиномъ; 4) яды—опій, стрихнинъ и ціанистый кали; 5) два кинжала, четырехугольный стилетъ и 9, такъ называемыхъ, финскихъ матросскихъ ножей; 6) два револьвера, револьверные патроны и большое количество дроби; 7) бланки для письменныхъ видовъ и 8) разныя шифрованные письма и записки.

Изъ показанія свидѣтельницы Маріи Миссуро, между прочимъ, видно, что Терентьева приходила къ Тригони, проживавшему, до своего ареста, въ содержимыхъ свидѣтельницею меблированныхъ комнатахъ въ домѣ № 66, по Невскому проспекту, и при этомъ принесла съ собой какой-то узелъ.

По заключенію экспертовъ вышеупомянутыя найденныя у обвиняемаго Исаева записки о приготовленіи нитроглицерина и динамита писаны Терентьевою.

Обвиняемая дочь коллежскаго совѣтника Татьяна Иванова Лебедева, уроженка гор. Богородска, Московской губерніи, окончила курсъ въ Московскомъ Николаевскомъ Институтѣ, гдѣ воспитывалась на казенный счетъ; была осуждена по дѣлу о преступной пропагандѣ въ Имперіи, но, въ виду смягчающихъ вину ея обстоятельствъ, ей, съ Высочайшаго соизволенія, вмѣнено было въ наказаніе предварительное содержаніе подъ стражею. По объясненію Лебедевой, находясь въ Москвѣ, въ мартѣ 1879 года, и вращаясь среди революціонныхъ дѣятелей, она знала о замыслѣ ихъ совершить убійство сыскаго агента Рейнштейна. Обвиняемая начала проживать нелегально со времени своего двухдневнаго содержанія подъ стражею, при розыскахъ, производившихся въ Петербургѣ въ августѣ 1878 года послѣ убійства генералъ-адъютанта Мезенцова.

По осмотру подлежащихъ домовыхъ книгъ оказалось, что Лебедева съ 17-го іюня 1881 г. и до дня ареста (3-го сентября) проживала въ С.-Петербургѣ на разныхъ квартирахъ подъ именемъ Лидіи Рощиной. При задержаніи же ея, у нея, кромѣ паспорта на имя Рощиной, оказался еще и другой видъ на жительство на имя Софьи Котоминой.

Обвиняемая дочь священника Анна Васильева Якимова, уроженка Уржумскаго уѣзда, Вятской губерніи, по окончаніи курса въ Вятскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ, была учительницей сельской школы въ селѣ Камышинцевѣ, Орловскаго уѣзда, Вятской губерніи, послѣ чего была привлечена, судима и оправдана по дѣлу о преступной пропагандѣ въ Имперіи.

21 марта 1881 года Якимова была задержана вмѣстѣ съ обвиняемымъ Лангансомъ въ г. Кіевѣ, при вышеуказанныхъ обстоятельствахъ въ квартирѣ Фейги Морейнисъ.

На основаніи всего вышеизложеннаго:

I. Дворяне: Александръ Дмитріевъ Михайловъ, 25 лѣтъ; Николай Николаевъ Колодкевичъ, 31 года; Михаилъ Николаевъ Тригони, 30 лѣтъ; Александръ Ивановъ Баранниковъ, 23 лѣтъ; отставной флота лейтенантъ Николай Евгеніевъ Сухановъ, 29 лѣтъ; отставной прапорщикъ Фердинандъ Осиповъ Люстигъ, 27 лѣтъ; отставной коллежскій регистраторъ Николай Васильевъ Клѣточниковъ, 34 лѣтъ; сынъ фельдфебеля Михаилъ Федоровъ Фроленко, 33 лѣтъ; сынъ почтальона Григорій Прокофьевъ Исаевъ, 24 лѣтъ; сынъ псаломщика Иванъ Пантелеймоновъ Емельяновъ, 20 лѣтъ; сынъ дьякона Петръ Васильевъ Тычининъ, 26 лѣтъ; купеческій сынъ Григорій Михайловъ Фриденсонъ, 26 лѣтъ; солдатскій сынъ Василій Аполлоновъ Меркуловъ, 21 года; мѣщане: Левъ Соломоновъ Златопольскій, 33 лѣтъ; Айзикъ Борисовъ Арончикъ, 22 лѣтъ; Макаръ Васильевъ Тетерка, 28 лѣтъ; Николай Александровъ Морозовъ, 26 лѣтъ; прусскій подданный Мартынъ Рудольфовъ Лангансъ, 29 лѣтъ; дворянка Елизавета Николаева Оловенникова, 23 лѣтъ; дочь титулярнаго совѣтника Людмила Дементьева Терентьева, 20 лѣтъ; дочь коллежскаго совѣтника Татьяна Иванова Лебедева, 29 лѣтъ, и дочь священника Анна Васильева Якимова, 26 лѣтъ, обвиняются въ томъ, что вступили въ тайное сообщество, именующее себя «русской соціально-революціонной партіею», имѣющее цѣлью ниспровергнуть, посредствомъ насильственнаго переворота, существующій въ Имперіи государственный и общественный строй, при чемъ преступная дѣятельность этого сообщества проявилась въ рядѣ посягательствъ на жизнь Священной Особы въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, въ убійствахъ и покушеніяхъ на убійство должностныхъ лицъ и вооруженныхъ сопротивленіяхъ властямъ.

II. Изъ числа вышепоименованныхъ лицъ, нижеслѣдующія обвиняются въ томъ, что, дѣйствуя для достиженія вышеуказанной преступной цѣли упомянутаго сообщества:

1) Михайловъ—въ мартѣ 1879 года, въ С.-Петербургѣ, участвовалъ съ другими лицами въ соглашеніи посягнуть на жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора и въ обсужденіи плана означеннаго злодѣянія, во исполненіе каковаго плана, 2 апрѣля 1879 года, послѣдовало, завѣдомо для Михайлова, покушеніе на царубійство, совершенное нѣмѣ казненнымъ государственнымъ преступникомъ Соловьевымъ.

2) Фроленко, Лебедева, Колодкевичъ и Меркуловъ—въ октябрѣ и ноябрѣ 1879 года, намѣреваясь, съ цѣлью посягательства на жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора, заложить мину на 14-й веретѣ Одесской желѣзной дороги для взрыва динамитомъ

Николай Евгеньевич
СУХАНОВЪ.

поѣзда, въ которомъ имѣлъ слѣдовать Его Императорское Величество, сдѣлали всѣ необходимыя къ тому приготовленія.

3) Якимова, Тетерка и Исаевъ—въ ноябрѣ 1879 года, близъ города Александровска, Екатеринославской губерніи, съ тою же преступною цѣлью, вмѣстѣ съ другими лицами, заложили подъ полотномъ Лозово-Севастопольской желѣзной дороги мину, для взорванія динамитомъ поѣзда, въ которомъ имѣлъ слѣдовать въ Бозѣ почившій Государь Императоръ, послѣ чего, 18-го того же ноября, при проходѣ означеннаго поѣзда, соучастниками ихъ была сомкнута проведенная къ минѣ гальваническая цѣпь, при чемъ, однако же, по обстоятельствамъ, отъ нихъ независѣвшимъ, взрыва не послѣдовало.

4) Михайловъ, Арончикъ, Исаевъ, Баранниковъ и Морозовъ—съ тою же преступною цѣлью, принимали, вмѣстѣ съ другими лицами, участіе въ устройствѣ подкопа и мины, для взорванія динамитомъ полотна Московско-Курской желѣзной дороги, близъ города Москвы, при слѣдованіи императорскаго поѣзда, во время каковаго слѣдованія, 19 ноября 1879 года, и былъ произведенъ предположенный взрывъ, не причинившій, однако же, по обстоятельствамъ, отъ обвиняемыхъ независѣвшимъ, никакого вреда лицамъ, находившимся въ упомянутомъ поѣздѣ.

5) Исаевъ—съ тою же преступною цѣлью, изготовилъ мину, которою, завѣдомо для него, 5-го февраля 1880 года, былъ произведенъ взрывъ въ Зимнемъ Дворцѣ, гдѣ въ то время пребывалъ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ, каковой взрывъ не достигъ, однако же, по обстоятельствамъ, независѣвшимъ отъ обвиняемаго, вышеуказанной цѣли.

6) Исаевъ, Якимова, Златопольскій и Меркуловъ—для той же преступной цѣли, весной 1880 года, въ гор. Одессѣ, умысливъ, вмѣстѣ съ другими лицами, произвести взрывъ при слѣдованіи въ Бозѣ почившаго Государя Императора, по Итальянской улицѣ, сдѣлали всѣ необходимыя къ тому приготовленія.

7) Исаевъ, Михайловъ, Баранниковъ, Тетерка и Меркуловъ—для той же преступной цѣли, лѣтомъ 1880 года, въ гор. С.-Петербургѣ, заложили подъ Каменнымъ мостомъ, въ Екатерининскомъ каналѣ, мину, для производства динамитомъ взрыва, при слѣдованіи въ Бозѣ почившаго Государя Императора чрезъ означенный мостъ.

8) Исаевъ, Колодкевичъ, Баранниковъ, Фроленко, Тригопи, Сухановъ, Емельяновъ, Меркуловъ, Лангансъ, Тычининъ, Якимова и Оловенникова—согласившись между собою и съ другими лицами, посвятить на жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, во исполненіе таковаго умысла, во 2-й половинѣ 1880 и въ 1-й половинѣ 1881 года: а) учредили постоянное наблюденіе за проѣздами Его Императорскаго Величества по улицамъ города С.-Петербурга, послѣ чего: б) изъ подвальной лавки въ домѣ графа Менгдена, по Малой Садовой, былъ произведенъ подкопъ подъ означенную улицу, съ устроеною въ немъ

миною, для производства взрыва при слѣдованіи Его Величества, и в) 1 марта 1881 года, при проѣздѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора по набережной Екатерининскаго канала, были брошены два метательныхъ взрывчатыхъ снаряда, изъ которыхъ взрывъ второго причинилъ Государю Императору тяжкія пораненія, повлекшія за собою кончину Его Императорскаго Величества, причемъ изъ поименованныхъ обвиняемыхъ:

Тычининъ и Оловенникова участвовали, подѣ руководствомъ нынѣ казенной государственной преступницы Софьи Перовской, въ вышеупомянутомъ наблюденіи за проѣздами Его Величества:

Акимовъ, подѣ именемъ Кобозевой, была хозяйкой сырной лавки, изъ которой былъ проведенъ вышеозначенный подкопъ подѣ улицу Малую Садовую;

Меркуловъ—служилъ въ этой лавкѣ въ качествѣ приказчика, а также переносилъ въ нее разныя приспособленія для проведенія подкопа и устройства мины;

Колодкевичъ, Бараниковъ, Тригони, Фроленко, Сухановъ и Лангансъ работали при проведеніи означеннаго подкопа, а Сухановъ, кромѣ того, изготовилъ зарядъ для взрыва устроенной въ томъ подкопѣ мины;

Лебедева участвовала въ снаряженіи упомянутаго заряда:

Сухановъ и Исаевъ участвовали въ изготовленіи вышеупомянутыхъ метательныхъ снарядовъ, послужившихъ орудіями царевубійства и, наконецъ,

Емельяновъ, вооруженный однимъ изъ такихъ метательныхъ снарядовъ, находился на Екатерининскомъ каналѣ, на мѣстѣ совершенія этого злодѣянія, для принятія въ немъ непосредственнаго участія.

Означенныя преступленія предѣсматрѣны ст. 241, 242, 243 и 249 улож. о наказ. уголов. и испр. изд. 1866 года.

III. Сверхъ перечисленныхъ обвиненій, нижепоименованныя лица обвиняются еще въ томъ, что, для способствованія достиженію вышеуказанной преступной цѣли тайнаго сообщества, именующаго себя «русской соціально-революціонной партіей»:

1) Бараниковъ—по предварительному соглашенію съ другими лицами, участвовалъ 4 августа 1878 года въ лишеніи жизни Шефа Жандармовъ, генераль-адъютанта Мезенцова, причемъ, находясь на мѣстѣ совершенія этого преступленія, произвелъ изъ револьвера выстрѣлъ въ сопровождавшаго покойнаго генерала Мезенцова отставного подполковника Макарова;

2) Терентьева—для доставленія названному преступному сообществу денежныхъ средствъ, въ іюнѣ 1879 года, въ городѣ Херсонѣ, принимала участіе, вмѣстѣ съ другими лицами, въ тайномъ похищеніи изъ Херсонскаго губернскаго казначейства казенныхъ денегъ на сумму болѣе полутора милліона рублей, причемъ, для совершенія означенной кражи, были произведены проломъ каменной стѣны, подкопъ подѣ зданіе казначейства и взломъ запоровъ у сундуковъ, въ которыхъ хранились деньги, и, наконецъ

3) Фроленко, Лебедева, Фриденсонъ и Меркуловъ—для той же указанной въ предъидущемъ пунктѣ цѣли, умысливъ, вмѣстѣ съ другими лицами, похитить казенныя деньги изъ Кишиневскаго губернскаго казначейства, въ декабрѣ 1880 и въ январѣ 1881 г. начали проводить подкупъ подъ зданіе означеннаго казначейства, но намѣренія своего, по независѣвшимъ отъ нихъ обстоятельствамъ, не успѣли привести въ исполненіе.

Означенныя преступленія предусмотрѣны ст. 9, 13, 1454 и 1647 улож. о нак. угол. и испр. изд. 1866 года.

По вышеозначеннымъ обвиненіямъ, согласно Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему въ 9-й день декабря 1881 г., и на основаніи ст. 1032 и 1052 уст. угол. суд. 2-й ч. XV т. Св. Зак. изд. 1876 года, по продолж. 1879 года, поименованные выше: Александръ Михайловъ, Николай Колодкевичъ, Михаилъ Тригони, Александръ Баранниковъ, Николай Сухановъ, Фердинандъ Люстигъ, Николай Клѣточниковъ, Михаилъ Фроленко, Григорій Исаевъ, Иванъ Емельяновъ, Петръ Тычининъ, Григорій Фриденсонъ, Василій Меркуловъ, Левъ Златопольскій, Айзикъ Арончикъ, Макаръ Тетерка, Николай Морозовъ, Мартынъ Лангансъ, Елизавета Оловенникова, Людмила Терентьева, Татьяна Лебедева и Анна Якимова предаются суду Особаго Присутствія Правительствующаго Сената, съ участіемъ сословныхъ представителей.

Составленъ декабря 30-го дня 1881 года, въ городѣ С.-Петербурѣ.

Подлинный подписалъ: Исполняющій обязанности Прокурора при Особомъ Присутствіи Правительствующаго Сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ *Н. Муравьевъ*.

Замѣтки о процессѣ двадцати ¹⁾).

Вводятъ подсудимыхъ, каждого между двумя жандармами. Кромѣ того, въ залѣ ихъ ожидаетъ еще внушительный караулъ, полиція, жандармы, даже казаки! Недостаетъ только артиллеріи. Стражи больше, чѣмъ публики. Такъ и кажется, что она приготовлена для какихъ-то страшныхъ силачей—разбойниковъ, которые, того и гляди, растерзаютъ г.г. сенаторовъ. Что касается публики, то она вся состоитъ изъ чиновниковъ М. В. Д. и военныхъ. Изъ судебного вѣдомства никого. Члены и даже предсѣдатели судовъ настолько заражены крамолой, что ихъ нежелательно вовсе видѣть въ залѣ. Нечего и говорить объ адво-

¹⁾ Изъ приложенія къ № 8—9 „Н. В.“.

катахъ: они, какъ люди независимые, не получающіе жалованія отъ начальства, а работающіе по личному найму, настолько пропитаны зловредными идеями, что о допущеніи ихъ въ засѣданіе не можетъ быть и рѣчи. Положимъ, по закону имъ болѣе дру-гихъ слѣдовало-бы быть, чтобы знакомиться съ судебными порядками, но вѣдь, по времени и закону перемена бываетъ. Ходъ на хоры Муравьевъ собственноручно заперъ, положилъ ключъ къ себѣ въ карманъ и поставилъ тутъ же городского, но, впро-чемъ, не забылъ спрятать на хоры, за колонну, свою супругу. Она, вѣроятно, какъ жена прокурора, лицо официальное и можетъ присутствовать въ засѣданіи, происходящемъ при закрытыхъ дверяхъ. Разсаживаютъ подсудимыхъ въ два ряда. Въ 1-мъ—7 человекъ, ближе всѣхъ къ судьямъ услужливый предатель Меркуловъ. Говорятъ, когда онъ былъ взятъ, то ему обѣщали прощеніе, если онъ выдастъ своихъ. Онъ на это согласился и ходилъ по ули-цамъ, незамѣтно сопровождаемый шпионами. Встрѣчаясь съ тѣми, кого могъ выдать, онъ только раскланивался съ ними, и отъ него каждый разъ отдѣлялся шпионъ, который и слѣдилъ за послѣднимъ. По размѣщеніи, подсудимые встаютъ и объявляютъ, что имѣютъ сдѣлать заявленіе суду. «Послѣ!» кричитъ Дрейеръ, «теперь не время!»—«Мы относительно самого суда», заявляютъ подсудимые. «Никакихъ заявленій относительно суда!» кричитъ Дрейеръ. *Этотъ Дрейеръ тотъ самый, который председатель-ствовалъ въ Москвѣ на процессѣ Нечаева и въ заключительномъ словѣ къ присяжнымъ произнесъ обвинительную рѣчь.* Михай-ловъ, во избѣжаніе шума, хочетъ сдѣлать заявленіе одинъ отъ имени всѣхъ. *Предсѣдатель.* Вы не уполномоченный, не имѣете права заявлять отъ имени всѣхъ! *Михайловъ.* Я отъ себя желаю заявить. *Предсѣдатель.* И отъ себя нельзя. Еще разъ повторяю, никакихъ заявленій.—Подсудимые протестуютъ противъ такого обращенія. Стража бряцаетъ оружіемъ, съ напряженнымъ вни-маніемъ ожидая отъ предсѣдателя знака, чтобы ринуться въ атаку противъ злодѣевъ, горя благороднымъ желаніемъ сразиться съ непріятелемъ. Наконецъ, все нѣсколько успокоилось, подсудимые, едва сдерживая негодованіе, рѣшили выказать болѣе самообладанія, чѣмъ самъ безпристрастный судъ, и прекратили перепалку. По опросѣ ихъ о званіи и проч., началось чтеніе обвинительнаго акта. Оно прошло бы совершенно спокойно, но тутъ предсѣдатель опять сталъ безобразничать. Подсудимые, ко-торымъ содержаніе акта давно ужъ хорошо извѣстно, долго не выдавшись другъ съ другомъ, стали очень тихо разговаривать между собою и передавать далеко сидящимъ записки. Все это нисколько не могло помѣшать чтенію, такъ какъ шума почти не было. Но тутъ предсѣдатель сталъ кричать и такъ какъ подсуди-мые все не переставали, то чтеніе все время прерывалось кри-ками предсѣдателя, поминутно сыпались такіе возгласы: «Мол-чать! Не умѣете себя держать! Вы не дома!» Угрозамъ удалить изъ залы не было конца. Баранниковъ получилъ нагоняй даже

за то, что, сидя далеко отъ защитника, сдѣлалъ знакъ, чтобы онъ передалъ ему обвинительный актъ.—«Подсудимый! закричалъ председатель, никакихъ знаковъ дѣлать я не позволю! Если это еще разъ повторится, то вы будете удалены изъ залы!» Итакъ, значитъ, относиться со вниманіемъ къ чтенію акта (что гораздо удобнѣе, если онъ предъ глазами) тоже нельзя. Наконецъ, кончилось чтеніе злополучнаго акта. Перерывъ. Подсудимыхъ уводятъ въ тюрьму, и послѣ перерыва вводятъ по одиночкѣ или группами для предложенія вопроса о виновности. Опредѣленіе объ этомъ председатель не позаботился объявить въ засѣданіи. Вообще, нарушеніе формъ судопроизводства на каждомъ шагѣ. Такъ, прежде всего, председатель не объявилъ, что засѣданіе происходитъ при закрытыхъ дверяхъ. Затѣмъ, на всякую просьбу Муравьева председатель, даже для виду не посовѣтовавшись съ членами, предупредительно отвѣчаетъ: «Особое присутствіе находитъ вполне возможнымъ согласиться на просьбу прокурора». Но это все еще пустяки. Нарушеніе закона доведено было до поразительной наглости въ первый день вечеромъ. Дѣло было такъ: когда послѣ чтенія акта подсудимыхъ стали вводить по одиночкѣ, то защитники тѣхъ изъ нихъ, которые оставались пока въ тюрьмѣ, извѣщали ихъ и, по всей вѣроятности, рассказывали, что происходило на судѣ въ ихъ отсутствіе. Вдругъ во время одного перерыва состоялось распоряженіе председателя, запрещающее защитникамъ видаться съ ихъ кліентами во время судебного слѣдствія. По открытіи засѣданія защитники заявляютъ объ этомъ председателю. Тотъ вооружается судебными уставами и провозглашаетъ: «Да, я сдѣлалъ это распоряженіе (прибавимъ, *необъявленное въ засѣданіи*), основываясь на 569 ст. уст. уг. судопр.». *Чтобы лучше видѣть всю логику председателя, выпишемъ эту статью дословно: «Вмѣстѣ съ распоряженіемъ о допущеніи защитниковъ къ исполненію ихъ обязанностей, председатель суда разрѣшаетъ имъ объясняться наединѣ съ подсудимыми, содержащимися подъ стражей».* «Такъ какъ эта статья помѣщена въ главѣ, говорящей о приговорительныхъ къ суду распоряженіяхъ, говорить далѣе председатель, то тѣмъ самымъ она допускаетъ свиданіе защитника съ подсудимыми во время только таковыхъ распоряженій и отнюдь не во время судебного слѣдствія. Наша практика толковала до сихъ поръ эту статью такъ, что она допускаетъ свиданіе и во время судебного слѣдствія. Но Особ. Присут., въ данномъ случаѣ, нашло необходимымъ толковать ее именно такъ, какъ я толковалъ выше. Если же г.г. защитники желаютъ знать мотивы, вызвавшіе мое распоряженіе, то вотъ они: я руководствовался желаніемъ поддерживать честь адвокатуры, такъ какъ до свѣдѣнія моего дошло, что нѣкоторые г.г. защитники (имена я не называю) позволили, себѣ, во время свиданій съ подсудимыми, сообщать имъ то, что происходитъ въ ихъ отсутствіе».

Герардъ. Что касается поддержанія чести адвокатуры, то мы

просили бы позволенія намъ самимъ заботиться объ этомъ. Что же касается до того, что мы сообщаемъ подсудимымъ, то прежде всего я позволю себѣ выразить удивленіе, какимъ образомъ г. первоприс. стало извѣстно содержаніе нашихъ разговоровъ съ подсудимыми, происходившихъ съ глазу на глазъ. — *Предсѣдатель*. Это все равно, откуда я узналъ. Этого могло и не быть. Я только говорю, что это нежелательно. *Герардъ*. Затѣмъ, я позволю себѣ обратить вниманіе г. первоприсутствующаго на то, что законъ обязываетъ самого г. предсѣдателя суда сообщать подсудимому все, что происходило въ его отсутствіе. Тѣмъ болѣе эта обязанность лежитъ на защитникѣ, и если мы это дѣлали, то только исполняли законъ. *Предсѣдатель* что-то сталъ бормотать въ отвѣтъ на это, но невозможно было уловить ни одной мысли (вѣрнѣе мысли и не было). Въ заключеніе онъ сказалъ: «Во всякомъ случаѣ распоряженіе, основанное на 569 ст. Уст. Уг. Судопр., остается въ силѣ». *Спасовичъ*. Въ такомъ случаѣ я просилъ бы позволенія видѣться съ моимъ кліентомъ по поводу вещественныхъ доказательствъ, иначе я не буду въ состояніи поставить, какъ должно, свою защиту. *Предсѣдатель*. Я вамъ разрѣшаю.

Затѣмъ еще нѣсколько защитниковъ высказали мотивированныя требованія свиданій. Предсѣдатель ихъ удовлетворилъ, такъ что распоряженіе стало падать само собою. На другой день распоряженіе было отмѣнено, такъ какъ наканунѣ большинство защитниковъ дѣлали намеки на то, что они откажутся отъ защиты въ виду такихъ стѣсненій ея. Муравьевъ при этомъ слиберальничалъ, что онъ противъ всякихъ стѣсненій защиты. Муравьевъ вообще царить. Предсѣдатель передъ нимъ—какъ почтительная дочка передъ строгой маменькой, наблюдающей за поведеніемъ и успѣхами ея въ свѣтѣ. Самъ Набоковъ¹⁾ сидитъ очень близко къ нему и смотритъ на него, какъ на божество, обѣщающее разразить крамольниковъ; онъ своей позой и благоговѣйными взглядами на Муравьева очень напоминаетъ бабу, которая наняла въ мировомъ судѣ «аблакату», и все время съ надеждой и упованіемъ смотритъ на его ротъ, вполне увѣренная, что изъ него посыплется неопровержимые доводы въ ея пользу. Набоковъ, вообще, внимательно слѣдитъ за ходомъ дѣла и волнуется: онъ очень боится скандала, и вотъ почему: всякій разъ, какъ возникалъ политическій процессъ, передъ царемъ старались восторжествовать одно передъ другимъ два мнѣнія: одни доказывали, что слѣдуетъ судить военнымъ судомъ, потому что онъ скорый и строгій, и скандала никакого не будетъ; Набоковъ же старался поддержать «достоинство» гражданскаго суда, доказывая, что онъ упечетъ еще строже, чѣмъ военный, а скандала на немъ скорѣе не будетъ, такъ какъ военные люди своею рѣзкостью болѣе способны раздражать подсудимыхъ. Вотъ почему онъ на каждомъ процессѣ

¹⁾ Министръ Юстиціи.

боится, чтобы чего не произошло. На процессѣ по дѣлу 1 марта, во время рѣчи Желябова, онъ подбѣжалъ сзади къ председателю и сталъ ему что-то нашептывать. Выходило просто неприлично. Но, однако, довольно объ этомъ; перейдемъ къ подсудимымъ. Начинаются вопросы о виновности. Для полноты впечатлѣнія, производимаго отвѣтами подсудимыхъ, мнѣ надо сказать нѣсколько словъ объ ихъ внѣшности. Одѣты они всѣ прилично, Баранниковъ даже изысканно. Держать себя съ достоинствомъ и тактомъ (изъ подсудимыхъ только Меркуловъ отличается отвратительною наглостью и развязностью); отвѣчаютъ о себѣ откровенно, о другихъ отказываются говорить (разумѣется, исключая Меркулова, который выдаетъ всѣхъ, кого можетъ и не можетъ). Самое выразительное лицо у Колодкевича. Ему, очевидно, очень трудно сдерживать негодованіе, но сила воли преодолеваетъ: онъ сдержанъ, спокоенъ. Самообладаніе въ немъ замѣчательное. Затѣмъ обращаетъ на себя вниманіе Баранниковъ: слова его дышатъ такой правдивостью, что кажется дерзостью усомниться въ нихъ. Онъ просто объясняетъ свою роль, говоритъ, что дѣлалъ, чего не дѣлалъ, и все это такъ убѣдительно, что только изолгавшійся человѣкъ могъ бы потребовать доказательствъ. Но, разумѣется, на судѣ ему приходится все доказывать. На вопросы же, могущіе служить противъ другихъ, онъ прямо отказывается отвѣчать. Что касается Михайлова, то это основательный теоретикъ: все у него выходитъ такъ логично, что просто подавляетъ противника или человѣка предубѣжденнаго; замѣчателенъ отвѣтъ его на вопросъ о виновности. Въ немъ онъ выяснялъ причины, приведшія ихъ къ террору. Мысли его, собственно говоря, ничего новаго не представляли, но все было такъ обосновано, такъ логично вытекало одно изъ другого, выводы дѣлались такъ строго, что даже всякій предубѣжденный человѣкъ какъ-то невольно чувствовалъ всю ихъ неизбѣжность, неотразимость. Даже самъ Дрейеръ до того былъ ошеломленъ, что не только не прерывалъ Михайлова, но, напротивъ, утвердительно кивалъ головой. Только въ концѣ рѣчи председатель остановилъ его, а именно, когда онъ сталъ говорить о частностяхъ, приведшихъ ихъ къ цареубійству. Изъ такихъ частностей Михайловъ успѣлъ упомянуть о двухъ: 1) «Приговоръ по дѣлу 193», сказалъ онъ, «былъ довольно мягокъ; многихъ даже оправдали. Но по Высочайшему повелѣнію оправданные ссылались административно, а для остальныхъ приговоръ былъ усиленъ. 2) Когда мы затѣмъ стали преслѣдовать должностныхъ лицъ, то увидѣли, что убійство ихъ не оказывало существеннаго вліянія на перемѣну политики, а лица, на которыхъ дѣлались неудачныя покушенія, возвышались по службѣ опять по Высочайшему повелѣнію»... Тутъ председатель остановилъ его. Что касается до отвѣтовъ другихъ, то я особенно останавлиюсь на Сухановѣ и Клѣточниковѣ. Въ Сухановѣ сразу виденъ честный, добрый, прямодушный морякъ. «Я никогда бы не сталъ террористомъ», сказалъ онъ, «если бы самыя условія

русской жизни не вынудили меня къ этому. Прежде всего ненормальное положеніе народа, доведеннаго тяжкими поборами до самаго ужаснаго состоянія, фактическая недоступность для него какого-бы то ни было образованія, безправіе слабыхъ привело меня къ той мысли, что такъ жить далѣе невозможно, что такой порядокъ вещей неперемѣнно долженъ быть измѣненъ. Я то лично не могу пожаловаться на судьбу, мнѣ по службѣ везло и, будь я карьеристъ, я остался бы вполне доволенъ существующимъ. Но на каждомъ шагу я видѣлъ, что порядочный человѣкъ не можетъ только спокойно служить, хотя бы и безъ взятокъ, и не обращать вниманія на злоупотребленія другихъ. Когда я служилъ во флотѣ, то однажды начальство обратило мое вниманіе на мелкія воровства подчиненныхъ мнѣ матросовъ и требовало строгаго преслѣдованія. Горько мнѣ было выслушивать подобныя приказанія и тяжело ихъ исполнять. Дѣйствительные воры, беззастѣнчиво расхищавшіе громадныя суммы и до того свыкшіеся съ этимъ, что считали себя вполне честными людьми, оставались вполне безнаказанными и пользовались почетомъ, а мелкій воришка, укравшій на какой-нибудь грошъ и то по нуждѣ, сейчасъ же получалъ возмездіе. Мысль эта производила на меня удручающее впечатлѣніе. Во время моихъ поѣздокъ по Сибири видѣлъ я, кого у насъ наказываютъ: особенно поразили меня административно ссыльные. Я видѣлъ этихъ оборванныхъ, голодныхъ и холодныхъ, тяжело переносящихъ отсутствіе всякой умственной дѣятельности людей. Каждый разъ я спрашивалъ себя: за что? Разбойники это, воры, казнокрады, убійцы? Нѣтъ, все это большею частью участники разныхъ студенческихъ исторій, люди не умѣвшіе дѣлать карьеру, люди, въ которыхъ были стремленія къ лучшему!... Пробовалъ я бороться съ злоупотребленіями, но только заслужилъ репутацію безпокойнаго человѣка. Это ужъ окончательно убило во мнѣ вѣру въ легальный путь, г.е. судьи! Я чувствовалъ, что дышать нечѣмъ, что воздуху нѣтъ! Я сталъ искать выхода изъ такого положенія, сталъ искать пути къ борьбѣ, и, отыскавши его, весь отдался ему».

Вотъ въ блѣдныхъ чертахъ рѣчь Суханова. Въ ней вылилась вся душа честнаго человѣка, искренняго патріота. Нельзя было безъ волненія слышать эти слова, вылившіяся прямо изъ сердца. Камень, и тотъ не выдержалъ-бы. Самъ Дрейеръ прослезился. Островскій, видимо, былъ смущенъ. Одинъ Муравьевъ остался неуязвимымъ: онъ все время смѣялся.

Скажу теперь о Ключниковѣ. Онъ съ виду производитъ впечатлѣніе самаго обыкновеннаго мелкаго чиновника, говорить онъ тихо, едва слышно, потому что находится въ послѣднихъ градусахъ чахотки. Предсѣдатель обращается съ нимъ мягче, чѣмъ съ другими. О причинахъ, побудившихъ его совершить преступленіе, онъ разсказалъ такъ: «До 30 лѣтъ я жилъ въ глухой провинціи, среди чиновниковъ, занимавшихся дразгами, попойками, вообще, ведшихъ самую пустую, бессодержательную

жизнь. Среди такой жизни я чувствовал какую-то неудовлетворенность, мнѣ хотѣлось чего-то лучшаго. Наконецъ, я попалъ въ Петербургъ, но и здѣсь нравственный уровень общества не былъ выше. Я сталъ искать причины такого нравственного упадка и нашелъ, что есть одно отвратительное учрежденіе, которое развращаетъ общество, которое заглушаетъ всѣ лучшія стороны человѣческой натуры и вызываетъ къ жизни всѣ ея пошлыя, темныя черты. Такимъ учрежденіемъ было III Отдѣленіе. Тогда, гг. судьи, я рѣшился проникнуть въ это отвратительное учрежденіе, чтобы парализовать его дѣятельность. Наконецъ, мнѣ удалось поступить туда на службу». *Предсѣдатель* (съ ироніей). Кому-же вы служили? Этому отвратительному учрежденію (Набоковъ въ волненіи встаетъ), т. е. по вашимъ словамъ отвратительному, или кому-нибудь другому?—*Клѣтчиковъ*. Я служилъ обществу. *Предсѣдатель* (съ ироніей). Какому-же такому обществу? Тайному или явному? *Клѣтчиковъ*. Я служилъ русскому обществу, всей благомыслящей Россіи. *Предсѣдатель*. Вы получали жалованье въ III Отдѣленіи?—*Клѣтчиковъ*. Да, получалъ. *Предсѣдатель* (съ ироніей). И вы находили возможнымъ брать деньги изъ этого отвратительнаго учрежденія, какъ вы его называете? *Клѣтчиковъ*. Если бы я не бралъ, то это показалось бы страннымъ, и я навлекъ бы на себя подозрѣніе.—И такъ, я очутился въ III Отдѣленіи, среди шпіоновъ. Вы не можете себѣ представить, что это за люди! Они готовы за деньги отца родного продать, выдумать на человѣка какую угодно небылицу, лишь-бы написать доносъ и получить награду. Меня просто поразило громадное число ложныхъ доносовъ. Я возьму громадный процентъ, если скажу изъ ста доносовъ одинъ оказывается вѣрнымъ. А между тѣмъ почти всѣ эти доносы влекли за собою аресты, а потомъ и ссылку. Такъ, напримѣръ, однажды былъ сдѣланъ доносъ на двухъ студентокъ, живущихъ въ домѣ Мурузи. Хозяйка квартирная была предупреждена, и когда пришли съ обыскомъ, то она прямо сказала, что она уже предупреждена и не понимаетъ, зачѣмъ къ ней пришли. У студентокъ былъ произведенъ тщательный обыскъ, и хотя ничего не нашли, обѣ онѣ были высланы. Такихъ случаевъ была масса. Я возненавидѣлъ это отвратительное учрежденіе и сталъ подрывать его дѣятельность: предупреждалъ, кого только могъ, объ обыскѣ, а потомъ, когда познакомился съ революціонерами, то передавалъ имъ самыя подробныя свѣдѣнія. *Предсѣдатель*. Сколько Вамъ платили за это? — *Клѣтчиковъ*. Нисколько. *Предсѣдатель*. На дознаніи вы показали, что брали отъ революціонеровъ деньги.—*Клѣтчиковъ*. На дознаніи я находилъ совсѣмъ въ исключительныхъ условіяхъ, не такихъ, въ какихъ обыкновенно находятся обвиняемые, хотя бы и въ политическихъ преступленіяхъ. Я находился подъ тяжелымъ давленіемъ. Я былъ весь въ рукахъ своего начальства, всемогущаго, озлобленнаго за то, что я такъ жестоко его обманулъ. Въ такомъ

положеніи можно было и не то наговорить, на самомъ же дѣлѣ я дѣйствовалъ, глубоко убѣжденный въ томъ, что все общество, вся благомыслящая Россія будутъ мнѣ благодарны за то, что я подрывалъ дѣятельность III Отдѣленія. Я былъ увѣренъ, что само правительство будетъ мнѣ благодарно въ послѣдствіи и, кажется, я не ошибся, потому что само правительство создало, наконецъ, вредъ этого отвратительнаго учрежденія и упразднило его. *Предсѣдатель*. Ну, положимъ, вы не можете сказать, что оно создало.

Затѣмъ на слѣдствіи о Клѣтчиковѣ стали провѣрять то, что онъ говорилъ. Между прочимъ свидѣтелями вызваны бывшій управляющій экспедиціи III Отдѣленія Кирилловъ и жена жандармскаго полковника Кутузова. Кириллова спросили о фактѣ, бывшемъ въ домѣ Мурузи. Тотъ подтвердилъ, что студентки были высланы. *Предсѣдатель*. Хотя и ничего не нашли? *Кирилловъ*. Да, но доносъ былъ такъ важенъ, что никакъ нельзя было оставить его безъ послѣдствій. Но зато потомъ, когда возникъ вопросъ о возвращеніи лицъ административно-ссылныхъ, онъ въ числѣ первыхъ были возвращены. Полковница Кутузова показала, что Клѣтчиковъ жилъ у нея въ комнатѣ, и что она рекомендовала его Кириллову.

Прибавлю еще нѣсколько словъ для характеристики суда. Исаевъ, между прочимъ, сказалъ, что его у градоначальника били. Прокуроръ смѣется. Предсѣдатель отвѣчаетъ Исаеву, что до этого суда дѣла нѣтъ.—Тетерка, на вопросъ о его занятіяхъ, сказалъ, что онъ былъ рабочій. *Предсѣдатель*. Какой-же работой ты занимался?—*Тетерка*. Всякой работой, какой придется. *Предсѣдатель*. А убивать можешь?—Затѣмъ предсѣдатель сталъ разспрашивать его о террорѣ. Тетерка, разумѣется, не могъ дать дѣльных отвѣтовъ, потому что онъ человѣкъ совсѣмъ не интеллигентный. Якимова, рассказывая о своей дѣятельности, между прочимъ сказала, что тогда-то она поѣхала къ родителямъ. *Предсѣдатель* (съ удивленіемъ). Къ родителямъ? зачѣмъ?—*Якимова*. Какъ зачѣмъ? Чтобы повидаться.—*Предсѣдатель* (съ ироніей). Повидаться? И вы сохранили къ нимъ чувства?..

Объясненія Александра Михайлова.

Предъ объясненіями по дѣлу 2-го апрѣля, Михайловъ заявилъ, что защищаться не намѣренъ, такъ какъ судъ лишенъ гласности, а приметъ участіе въ судебномъ слѣдствіи лишь для того, чтобы по мѣрѣ силъ способствовать возстановленію исторической истины. Прежде объясненія потребовалъ прочтенія уличающихъ оговоровъ Гольденберга и другихъ уже осужденныхъ въ процессѣ 16-ти лицъ. Ему сначала отказали, предложивъ изложить, какъ было дѣло, довольствуясь выдержками изъ показаній, приведенныхъ въ обвинительномъ актѣ. Но Михайловъ дать объясненія отказался, прибавивъ, что извлеченія

каждый дѣлаетъ съ своей точки зрѣнія и сообразно съ своими интересами. Такъ какъ передъ этимъ Терентьева совсѣмъ отказалась давать показанія въ отсутствіи товарищей и Михайловъ склоненъ былъ къ тому же, то судьи, поговоривъ между собою, уступили и прочли для него одного всѣ показанія, относящіяся къ дѣлу 2-го апрѣля. Михайловъ не отказался участвовать по группамъ въ судебномъ слѣдствіи по слѣдующимъ причинамъ: во 1) Баранниковъ раньше, по дѣлу 4-го августа, тоже одинъ давалъ объясненія, во 2) судебное слѣдствіе по группамъ начато было совершенно неожиданно, и не было никакой возможности регулировать общаго поведенія. По прочтеніи Михайлову показаній, онъ спросилъ судъ, не было-ли сдѣлано относительно веденія судебного слѣдствія какихъ-либо постановленій, и, получивъ отрицательный отвѣтъ: «Не было никакихъ» (судъ имѣетъ право по закону дѣлить на группы), началъ свой рассказъ о Соловьевскомъ дѣлѣ. Сущность состояла въ слѣдующемъ: Въ февралѣ мѣсяцѣ 1879 г. онъ встрѣтился съ Соловьевымъ, возвратившимся изъ народа съ самыми радужными воспоминаніями о немъ и съ жаждой принести для него великую жертву. Онъ задумалъ царевубійство. До 79 г. Соціалъ-Револуціонная Партія стремилась проводить свои идеи въ народъ и уклонялась отъ всякой борьбы съ правительствомъ, даже и тогда, когда встрѣчала его на своемъ пути, какъ врага. Но постепенно репрессаліи правительства обострили враждебность отношеній къ нему партіи и довели, наконецъ, до рѣшительныхъ столкновеній. Особенно въ этомъ отношеніи повліяла гибель 70 человекъ въ тюрьмахъ, во время дознанія по дѣлу 193, по которому было арестовано болѣе 700 человекъ, а потомъ отмѣнено ходатайство суда по этому же дѣлу для 12 человекъ. Главнымъ виновникомъ считался Мезенцовъ, за что онъ и погибъ. Послѣ него дѣятельность Дренгельна, развившаяся въ самыхъ широкихъ погромахъ, высылкахъ, преслѣдованіяхъ молодежи и т. д., обрушившихся на тѣ сферы, откуда партія черпаетъ новыя силы, побудила послѣднюю помѣряться съ новымъ шефомъ.

Такъ завязалась борьба съ правительствомъ, которая въ силу централизованности правительственной машины и единого санкціонирующаго начала — неограниченной власти царя — неминуемо привела къ столкновенію съ этимъ началомъ. Такъ въ 79 г. революціонная мысль единицъ уже работала въ этомъ направленіи, и однимъ изъ такихъ былъ Соловьевъ — натура чрезвычайно глубокая, ищущая великаго дѣла, дѣла, которое заразъ подвинуло-бы значительно впередъ къ счастью судьбу народа. Онъ видѣлъ возможность такого шага впередъ въ царевубійствѣ. По пріѣздѣ, не найдя въ С-Петербургѣ никого изъ своихъ близкихъ знакомыхъ, кромѣ меня, и зная, что я близко стою къ органу партіи «Земля и Воля», онъ открылъ мнѣ свою душу. Я въ то время не составилъ еще себѣ положительнаго мнѣнія по этому вопросу, но и моя мысль уже работала въ этомъ направленіи.

Поэтому я не сталъ его разубѣждать, имѣя въ виду, кромѣ того, что разъ составившееся его рѣшеніе поколебать невозможно. Мало того, я считалъ себя обязаннымъ помочь ему, если это будетъ нужно. Черезъ нѣсколько дней послѣ откровенной бесѣды Александръ Константиновичъ¹⁾ попросилъ достать ему яду, я обѣщалъ это сдѣлать, но многочисленныя занятія помѣшали мнѣ исполнить его просьбу. Своего намѣренія совершить покушеніе Соловьевъ въ то время не приурочивалъ къ опредѣленному моменту, а потому, будучи свободенъ, помогалъ мнѣ въ нѣкоторыхъ дѣлахъ. Такъ прошло болѣе мѣсяца: совершилось удачное Крапоткинское дѣло²⁾ и неудачное покушеніе на Дренгельна, и страсти враждебныхъ лагерей достигли наибольшаго напряженія. Въ срединѣ марта пріѣхалъ въ С-Петербургъ Гольденбергъ, нашелъ меня и Зунделевича³⁾ и сообщилъ намъ о своемъ намѣреніи также идти на единоборство съ Александромъ II. Я видѣлъ, что Гольденбергъ сильно ажитированъ своимъ успѣхомъ въ Харьковѣ, но что, несмотря на это, онъ нуждается въ нѣкоторомъ давленіи, одобреніи со стороны товарищей. Узнавъ отъ него о цѣли пріѣзда, я не сталъ распространяться съ нимъ о подробностяхъ и при первомъ же случаѣ сообщилъ о немъ Соловьеву. Соловьевъ пожелалъ съ нимъ видѣться и говорить. Бесѣда должна была быть, сообразно съ важностью дѣла, въ высшей степени интимна, а они одинъ другого не знали. Поэтому я, Зунделевичъ и Квятковский⁴⁾ сочли своимъ долгомъ быть посредниками между ними, своею близостью къ обоимъ придать встрѣчѣ характеръ задушевности и вмѣстѣ съ тѣмъ высказать наши мнѣнія, которыя были далеко не безынтересны тому и другому. II, дѣйствительно, вскорѣ состоялось нѣсколько схождѣ въ трактирахъ. Разговоры на нихъ были оживленные, теоретически вопросъ обсуждался всѣми нами; но мы—посредники—старались избѣгать давленія на тѣхъ, для кого это было вопросомъ жизни и смерти. Мы трое въ то время еще не были приготовлены къ самопожертвованію и чувствовали это. Сознаніе такого нашего положенія между двумя обрекавшими себя отнимало у насъ всякую нравственную возможность принять участіе въ выборѣ того или другого. Мы предоставили вполне избраніе ихъ свободному соглашенію. Я не могу не сознаться, однако, что нѣсколько не довѣрялъ рѣшимости Гольденберга и глубинѣ его мотивовъ. Александру Константиновичу же я безотчетно вѣрилъ и считалъ, что только такой человѣкъ можетъ возложить на свои плечи подобный подвигъ. Выяснены были совмѣстно свойства и условія,

1) Соловьевъ.

Ред.

2) т. е. убійство Харьковскаго губернатора кн. Крапоткина.

Ред.

3) Зунделевичъ въ это время уже былъ осужденъ за участіе въ Соловьевскомъ покушеніи и др. дѣла въ безсрочныя каторжныя работы (по процессу 16-ти 1880 года).

Ред.

4) Квятковский былъ повѣшенъ въ 1880 году.

Ред.

необходимыя для исполнителя. Поставлено было на видъ, что необходимо избѣгать возможности дать поводъ правительству обрушиться своими репрессіями на какое-либо сословіе или національность. Обыкновенно правительство послѣ такихъ событій ищетъ солидарности между виновникомъ и средой, изъ которой онъ вышелъ. Съ еврея и поляка перенесли бы обвиненіе на національную вражду, и на голову цѣлыхъ милліоновъ упали бы новыя тяжести.

Соловьевъ особенно принялъ къ сердцу это соображеніе. Оно побудило его покончить безповоротнымъ рѣшеніемъ, навсегда памятнымъ словами: «Нѣтъ, только я удовлетворяю всѣмъ условіямъ. Мнѣ необходимо идти. Это мое дѣло. Александръ II мой, и я его никому не уступаю». И Гольденбергъ, и мы не сказали ни слова; Гольденбергъ, очевидно, почувствовалъ силу нравственнаго превосходства и уступилъ безъ спора; онъ только просилъ, чтобы Соловьевъ взялъ его, какъ помощника. Но условія единоборства, при которыхъ возможно было дѣйствовать только моментально, и всякое лишнее лицо могло возбудить подозрѣніе, побудили Александра Константиновича отвергнуть это предложеніе. Время, мѣсто и способъ совершенія покушенія помогли Соловьеву обойтись безъ всякой серьезной нашей помощи.

По дѣлу 19 ноября Михайловъ, признавъ свое участіе, далъ объясненія, мало разнящіяся отъ показаній Гольденберга и другихъ, но указалъ признаки субъективности и забывчивости перваго. Такъ, Гольденбергъ говоритъ, что онъ привезъ полтора пуда динамита изъ Харькова въ Москву, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ этого не было: въ Москву былъ доставленъ динамитъ изъ С.Петербурга. Далѣе, Гольденбергъ утверждаетъ, что предполагали провести кромѣ перпендикулярной галлерей еще параллельную рельсамъ подъ полотномъ дороги. Это, очевидно, его собственное предположеніе, такъ какъ проведеніе такой галлерей было немыслимо: при 20 саженьяхъ длины первой галлерей, во вторую, расположенную подъ прямымъ угломъ къ первой, не могъ бы свободно проникать воздухъ, даже при существованіи вентиляціи. Такое обстоятельство легко предвидѣть заранѣе всякому, сколько нибудь знакомому съ техникой работы. Михайловъ заявилъ, что онъ принялъ участіе въ этомъ дѣлѣ по распоряженію Исполнительнаго Комитета, какъ о томъ сказано въ актѣ.

17 февраля. — О мостовомъ предпріятіи Михайловъ сдѣлалъ объясненіе въ такомъ смыслѣ, что непосредственнаго участія въ закладкѣ мины и техническихъ работахъ не принималъ. Далѣе, опровергалъ показанія Меркулова допросомъ Тетерки и другихъ товарищей и сопоставленіемъ противорѣчивыхъ объясненій самого Меркулова. Въ концѣ слѣдствія по этому дѣлу, когда первоприсутствующій хотѣлъ уже удалить подсудимыхъ, Михайловъ заявилъ, что онъ опровергалъ Меркулова, не желая приписывать себѣ чужаго риску и чужихъ усилій, но считаетъ долгомъ объ

явить, что о приготовленіи покушенія онъ зналъ. Не смотря на такое заявленіе, судъ по этому дѣлу его оправдалъ.

Судебное слѣдствіе о сообществѣ началось съ Михайлова, такъ что его объясненія невольно дали тонъ остальнымъ подсудимымъ. Михайловъ полагаетъ, что очертилъ вѣрно съ программой цѣли, задачи и средства партіи и организациі «Народной Воли». Вообще, онъ говорилъ, руководясь предварительно намѣченнымъ планомъ.

О сообществѣ онъ сказалъ приблизительно слѣдующее:

Я членъ партіи и организациі «Н. В.» Формулу, въ которую заключилъ г. обвинитель нашу партію, считаю невѣрной, что и постараюсь доказать своими объясненіями.

Къ лѣту 79 г. многіе отдѣльные члены русской соц.-революціонной партіи, подъ вліяніемъ условій русской жизни и репрессивнаго давленія правительства, приведены были къ мысли о необходимости нѣкоторыхъ измѣненій въ программахъ, до того времени руководившихъ практической дѣятельностью партіи. Вліяніе дѣйствительности было такъ характерно и однообразно, что скоро стала чувствоваться потребность объединенія, выдвигаемаго жизнью, новаго направленія. Единомысліе отдѣльныхъ членовъ различныхъ кружковъ, разбросанныхъ по всей Россіи, вслѣдствіе ихъ постоянного общенія между собою, тотчасъ же обнаружилось и привело въ іюнѣ 79 г. многихъ изъ нихъ въ Липецкъ, гдѣ и состоялся такимъ образомъ съѣздъ извѣстнаго числа членовъ социальнo-революціонной партіи. Его нельзя считать общимъ съѣздомъ всей партіи, какъ то дѣлаетъ обвинительный актъ. Результаты его были также не тѣ, которые приводитъ обвинитель, основываясь на показаніяхъ Гольденберга. На заведеніяхъ липецкаго съѣзда, продолжавшихся отъ 17 до 21 іюня, была выработана, во-первыхъ, программа новаго направленія; во-вторыхъ, были установлены принципы и средства дѣятельности; въ-третьихъ, самый фактъ съѣзда санкціонировалъ первый моментъ существованія партіи «Н. В.» и выдѣленіе ея изъ соц.-рев. партіи. Программа, начертанная здѣсь, опредѣляла слѣдующее: общая цѣль была поставлена — Народноуправленіе, переходъ верховной власти въ руки народа. Задача партіи — способствовать переходу и упроченію верховной власти въ рукахъ народа. Что касается средствъ, то всѣ собравшіеся единодушно высказались за предпочтительность мирной идейной борьбы; но тщетно напругали они свои умственные силы, чтобы найти при существующемъ строѣ какую-либо возможность легальной дѣятельности, направленной къ вышеозначенной цѣли. Такихъ путей не оказалось. Тогда, въ силу неизбежной необходимости, избранъ былъ революціонный путь, намѣчены революціонныя средства. Рѣшено было начать борьбу съ правительствомъ, отрицающимъ идею Народноуправленія безусловно и всецѣло. Борьба должна была вестись силами партіи «Н. В.» и ея организациі, при желательномъ содѣйствіи народа и общества. Въ главные средства включено было и цареубійство, но не какъ личная месть тому или

другому императору, а непременно въ связи съ другими главными средствами. Другія главные средства опредѣлены слѣдующія: (перечислены по пунктамъ всѣ средства прогр. И. К.); революціонный путь постановлено было оставить, какъ только откроется возможность приблизиться къ цѣли посредствомъ свободной проповѣди, свободныхъ собраний, свободной печати. Практически вопросъ о царевубійствѣ, какъ то утверждаетъ Гольденбергъ, на липецкомъ съѣздѣ не обсуждался, а также не было общихъ разговоровъ о ближайшихъ предпріятіяхъ противъ Александра II. Гольденбергъ придалъ совершенно невѣрную окраску всему съѣзду. Онъ выдвигаетъ на первый планъ царевубійство. На обсужденіи практическихъ средствъ, ведущихъ къ нему, по его показаніямъ, сосредоточивалось все вниманіе собравшихся. Причина такой характеристики опять же постоянный субъективизмъ этого умершаго свидѣтеля, усиленный въ данномъ случаѣ еще тѣмъ впечатлѣніемъ, какое произвела на него неудача 2 апрѣля и смерть Соловьева. Онъ былъ поглощенъ мыслью о необходимости послѣдовательнаго повторенія покушеній, для него не было другихъ цѣлей, другихъ средствъ. Вообще, надо имѣть въ виду, что мы всѣ смотрѣли на Гольденберга, какъ на преданнаго дѣлу человѣка и хорошаго исполнителя, но считали его недостаточно образованнымъ и подготовленнымъ для обсужденія общихъ программныхъ вопросовъ. Попалъ онъ на съѣздъ случайно, по ошибкѣ, столь возможной при первыхъ шагахъ выдѣляющейся партіи.

Какъ доказательство, могу привести слѣдующій фактъ. Послѣ липецкаго съѣзда, какъ вамъ извѣстно, черезъ нѣсколько дней въ Воронежѣ было общее собраніе членовъ общества «Земля и Воля». Организационныя правила этого Общества дали возможность землевольцамъ, присутствовавшимъ въ Липецкѣ, провести многихъ изъ бывшихъ съ ними тамъ въ члены Общества и на воронежскій съѣздъ, гдѣ также долженъ былъ обсуждаться дальнѣйшій путь дѣятельности Общества. Былъ проведенъ Желябовъ, Ширяевъ ¹⁾ и др., но по отношенію къ Гольденбергу не считали нужнымъ этого сдѣлать и такимъ образомъ спасли десятки людей отъ его оговоровъ. Переданный Гольденбергомъ такъ подробно организационный проектъ есть отчасти его собственные соображенія, а съ другой стороны—соображенія кого-либо изъ бывшихъ на съѣздѣ, высказанныя ему въ частныхъ, личныхъ съ нимъ объясненіяхъ. На самомъ же дѣлѣ организація «Н. В.» была результатомъ дѣятельности конца 79 и начала 80 годовъ. Объ Исполнительномъ Комитетѣ же, руководителѣ и центрѣ организаціи «Народной Воли» я не могу ничего сказать, кромѣ того, что это учрежденіе *неуловимое, недостижимое*.

¹⁾ Приговоренъ къ смерти въ 1880 г., затѣмъ былъ заточенъ въ Алексѣевскій рабегинъ Петропавловской крѣпости, гдѣ и скончался.

Первоприсутствующій. Значить, вы отрицаете то, что вы были избраны въ распорядительную комиссію?

Михайловъ. Безусловно отрицаю и утверждаю, что я только агентъ И. К. Такимъ образомъ послѣдствіемъ липецкаго съѣзда было выдѣленіе изъ соціально-революціонной партіи—какъ совокупности всѣхъ соціалистическихъ группъ—«Народной Воли»,—съ опредѣленной практической программой.

Понятіе о соціально-революціонной партіи невозможно смѣшивать, какъ то дѣлаетъ г. прокуроръ въ своей формулѣ сообщенія, съ партіей, а, тѣмъ болѣе, съ организаціей «Н. В.» На соціально-революціонную партію ни въ какомъ случаѣ не могутъ падать правительственныя обвиненія въ стремленіи ея къ царевубійству, такъ какъ оно допускается, какъ средство, партіей «Народной Воли», въ которую, долженъ, впрочемъ, замѣтить, вошла большая часть соціально-революціонной партіи. Поэтому ко всей соціально-революціонной партіи въ широкомъ смыслѣ нѣтъ никакихъ основаній примѣнять 241 и 242 ст. ул. о нак. Кромѣ того, необходимо различать понятіе о партіи отъ понятія объ организаціи. Партія—это неопредѣленная группа людей единомыслящихъ, не связанныхъ между собою никакими взаимными обязательствами. Организациа же, кромѣ непремѣннаго условія единомыслія, предполагаетъ уже извѣстную замкнутость, тѣсную сплоченность и полную обязательность отношеній. Партія заключаетъ въ себѣ организацію, но послѣдняя опредѣленно ограничена въ себѣ самой.

Партія—это солидарность мысли, организація—солидарность дѣйствія. Я утверждаю, что формулу сообщества, приведенную въ обвинительномъ актѣ, и соотвѣтствующія ей статьи о смертной казни можно примѣнить только къ тѣмъ, по отношенію къ которымъ будетъ доказана или ими самими признана принадлежность къ организаціи «Народной Воли». Вотъ все, что я могу сказать вамъ, г.г. судьи, о партіи и организаціи, къ которой принадлежу съ 18 февраля. Я считаю нужнымъ возстановить истину относительно послѣдствій задержанія меня 28 ноября 1880 г. и дознанія по этому поводу. Обвинительный актъ говоритъ, что уже это дознаніе обнаружило приготовленіе къ новому покушенію, выразившемуся потомъ въ дѣлѣ 1-го марта. Это совершенно не вѣрно. Ни обыскъ, ни мои показанія не дали такихъ указаній. Правда, у меня былъ найденъ динамитъ, но динамитъ организація имѣетъ постоянно, какъ одно изъ орудій оборонительной и наступательной борьбы, точно такъ же, какъ револьверы и другое оружіе. Притомъ же динамитъ найденъ у меня въ свободной формѣ, въ банкахъ, а не въ какихъ-либо нужныхъ техническихъ приспособленіяхъ. Что же касается моихъ показаній, то какъ теперь передъ вами, такъ и при дознаніи,—я давалъ объясненія о себѣ лично и о партіи вообще, личность же товарищей и организаціонныя тайны я обходилъ глубокимъ молчаніемъ. Между прочимъ замѣчу, что товарищъ прокурора Добржинскій въ личныхъ бесѣ-

дахъ со мною очень интересовался вопросомъ, приготовляетъ-ли партія что-либо противъ Александра II и въ какихъ формахъ. Но я могъ удовлетворить его любопытству ужъ въ слишкомъ общемъ смыслѣ. Я ему отвѣтилъ, что погибель отдѣльныхъ лицъ не можетъ измѣнить направленія партіи. Только новыя условія государственной и общественной жизни создадутъ и новое направленіе ея. А приемы и способы борьбы неисчерпаемы въ той-же мѣрѣ, какъ и безгранична изобрѣтательность человѣческаго ума».

Далѣе, на вопросъ первоприсутствующаго о сношеніяхъ съ Дриго¹⁾ Михайловъ разсказалъ слѣдующее:

«Дмитрій Андреевичъ Лизогубъ²⁾ былъ членомъ общества «Земля и Воля», въ которомъ съ конца 76 года до лѣта 79 года дѣйствовалъ и я. Лизогубъ имѣлъ большое состояніе, простиравшееся до 150 тысячъ. Оно состояло изъ различныхъ цѣнностей: земли, лѣсовъ, крѣпостныхъ на братьевъ актовъ, векселей и другихъ бумагъ. Свободныхъ же денегъ у Лизогуба почти не было. Будучи принять въ члены дѣйствующаго революціоннаго общества и желая лично участвовать въ различныхъ предпріятіяхъ, онъ, чтобы освободиться отъ связывающаго его состоянія, совершилъ рядъ операцій, долженствующихъ все перевести на наличныя деньги, но такое большое и разнообразное состояніе сразу ликвидировать было невозможно. Самый короткій срокъ, необходимый для этого, растягивался на 4 года, отъ 78 до 81 г. включительно. Первый годъ поступленія чистыхъ суммъ имѣли быть небольшія, приблизительно тысячъ 20, но съ каждымъ годомъ они увеличивались, и въ послѣдній 81 г. должно было получиться 50 тысячъ. Но судьба погубила Лизогуба. Въ сентябрѣ 78 г. онъ былъ арестованъ въ Одессѣ. На него палъ оговоръ Веледницкаго, состоящій въ томъ, что Лизогубъ даетъ деньги на революціонныя предпріятія и, кромѣ того, взялъ отъ Веледницкаго вексель въ 3 тысячи, который послѣдній обѣщался пожертвовать на дѣло социальна-революціонной партіи. Находясь въ заключеніи, Лизогубъ далъ полную довѣренность преданному ему человѣку, знающему вмѣстѣ съ тѣмъ положеніе хозяйственныхъ дѣлъ Лизогуба съ тѣмъ, чтобы повѣренный поспѣшилъ ликвидировать его состояніе. Этотъ повѣренный былъ Дриго. Весной 79 г., когда надо было спѣшить приведеніемъ къ концу, или, по крайней мѣрѣ, обезпеченіемъ денежныхъ операцій, я встрѣтился съ Дриго, какъ рекомендованный самимъ Лизогубомъ и Зунделевичемъ представителемъ общества «Земля и Воля». Я видѣлъ, что онъ совершенно игнорируетъ наши интересы, и его самого мало беспокоитъ положеніе Лизогуба, тогда уже грозившее серьезными послѣдствіями. Онъ на словахъ старался меня успокоить, говоря, что все, совершенно завѣту Лизогуба, будетъ сдѣлано черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Дѣлъ же и мѣропріятій его я не видѣлъ и онъ ихъ ста-

1) Осужденъ по процессу 16-ти 1880 г.

2) Повѣшенъ въ Одессѣ въ 1879 г.

рался скрыть. Я его посѣтилъ въ продолженіе мая и іюня нѣсколько разъ, но никакого движенія операцій не замѣчалъ и денегъ отъ него не могъ добыться, кромѣ ничтожныхъ сотенъ. А, между тѣмъ, свиданія, собравныя мною въ Черниговской губерніи отъ постороннихъ лицъ, разоблачали то, что онъ тщательно скрывалъ. Я узналъ, что Дриго вошелъ въ стачку съ старшимъ братомъ Лизогуба, враждебно къ послѣднему настроеннымъ, и обращаетъ вмѣстѣ съ нимъ состояніе Дмитрія Андреевича въ личную ихъ собственность. Такъ Дриго купилъ на свое имя у старшаго брата имѣніе Довжикъ, стоимостью въ 40 тысячъ, не заплативъ ни копѣйки, но уничтоживъ многіе акты Дмитрія Лизогуба на брата. Я немедленно отправился въ Одессу, снесся съ заключеннымъ Лизогубомъ и получилъ отъ него письмо къ Дриго, уполномочивающее меня получить все состояніе. Въ письмѣ Лизогубъ настойчиво требовалъ отъ Дриго передачи мнѣ всѣхъ денежныхъ суммъ и, кромѣ того, обязывалъ его неуклонно дѣйствовать по моимъ указаніямъ. «Въ противномъ случаѣ,—писалъ онъ,—я сочту васъ вѣроломно злоупотребившимъ моею дружбой и присвоившимъ чужую собственность, на которую вы не имѣли никакого права». Съ этимъ письмомъ я отправился въ послѣдній разъ къ Дриго, но на этотъ разъ онъ понялъ, что для его собственнаго обезпеченія ему нужно отдѣлаться отъ меня. Съ послѣднимъ моимъ къ нему пріѣздомъ совпала (20 іюня 79 г.) какая-то не вполне разъясненная исторія. На слѣдующій день моего пріѣзда въ Черниговъ, послѣ того, какъ я побывалъ въ городской квартирѣ Дриго и не засталъ его тамъ, онъ былъ арестованъ въ своемъ новомъ имѣніи Довжикѣ, привезенъ въ городъ и сейчасъ же выпущенъ. Съ нѣкоторыми предосторожностями, я успѣлъ съ нимъ увидаться, передать ему на словахъ содержаніе письма Лизогуба, а онъ мнѣ разсказалъ, что поводомъ къ его аресту послужила телеграмма Тотлебена¹⁾ о выясненіи отношеній Лизогуба къ повѣренному Дриго. При этой встрѣчѣ на улицѣ мы не могли долго бесѣдовать, а потому онъ назначилъ мнѣ вечеромъ придти къ его одному знакомому, что я и исполнилъ. Мнѣ пришлось ждать его тамъ долго. Наконецъ, явился Дриго, взволнованный, и объявилъ, что къ нему пріѣзжалъ полицеймейстеръ и, войдя въ комнату, прямо обратился къ нему съ вопросомъ: «Кто у Васъ былъ сейчасъ?» На что онъ отвѣтилъ: «Никто!» Передавъ мнѣ этотъ случай, Дриго прибавилъ, что вопросъ относился, очевидно, ко мнѣ, и что я долженъ уѣхать. Я согласился, но попросилъ Дриго предварительно придти вечеромъ на площадь противъ почтовой станціи, гдѣ я остановился, для окончательныхъ объясненій. Назначеніе этого свиданія спасло меня отъ предательства: въ то время, когда я подъ покровомъ прекрасной лѣтней ночи, незамѣтно для постороннихъ, гулялъ на пустынной загородной площади, мое вни-

¹⁾ Одесскій генераль-губернаторъ того времени.

маніе было привлечено неожиданнымъ пріѣздомъ на станцію многочисленной полицейской своры. Черезъ нѣсколько минутъ все скрылось въ зданіи, и экипажи были спрятаны въ отдаленіи, въ сумракѣ ночи. Это быстро пронесшееся видѣніе открыло мнѣ глаза: я видѣлъ, что я преданъ и обнаруженъ. Оставшись среди ночи безъ квартиры и знакомыхъ, въ мало извѣстномъ мнѣ городѣ, я успѣлъ разыскать одного еврея—извозчика и выѣхалъ къ ближайшей станціи желѣзной дороги. Предательство Дриго на этотъ разъ не удалось. Онъ пошелъ дальше. Онъ заключилъ, какъ я узналъ впоследствии, съ III Отдѣленіемъ условіе, по которому онъ обязался способствовать разысканію извѣстныхъ ему социалистовъ, а III Отдѣленіе обѣщало оставить ему состояніе Лизогуба. Дриго старательно выполнялъ свое обязательство, какъ агентъ III Отдѣленія, но III Отдѣленіе измѣнило ему такъ же вѣроломно, какъ онъ измѣнилъ Лизогубу, и отдало его по минованіи въ немъ надобности, въ руки военного суда, продержавъ предварительно болѣе полутора подъ арестомъ».

Отъ защитительной рѣчи Михайловъ воздержался и ограничился заявленіемъ Особому Присутствію, гдѣ объясняетъ мотивы, дѣлающіе, по его мнѣнію, бесполезною всякую защиту. Вотъ это заявленіе:

«Мы, члены партіи и организаціи «Народной Воли». Дѣятельность нашу—вы, г. г. судьи, призваны разсмотрѣть. Борьба сдѣлала насъ личными врагами Государя Императора. Воля Государя, воля оскорбленного сына, вручила своимъ довѣреннымъ слугамъ, вамъ, г. г. сенаторы,—мечъ Немезиды. Гдѣ же залогъ безпристрастнаго правосудія? Гдѣ посредникъ, къ которому мы могли бы апеллировать? Гдѣ общество, гдѣ гласность, которая могла бы выяснить отношенія враждующихъ? Ихъ нѣтъ, и двери закрыты!! И мы съ вами, г.г. судьи, наединѣ!! Какъ-бы почтительно я ни относился къ вамъ, г.г. сенаторы, но передъ судомъ Особого Присутствія я чувствую себя плѣнникомъ, связаннымъ по рукамъ и ногамъ».

Приговоръ суда: Сухановъ, Михайловъ, Колодкевичъ, Исаевъ, Фроленко, Емельяновъ, Тетерка, Клѣточниковъ, Лебедева и Якимова—къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Морозовъ, Бараниниковъ, Арончикъ, Лангансъ и Меркуловъ—въ каторжныя работы безъ срока; Тригони, Терентьева, Люстигъ, Златопольскій и Фриденсонъ—въ каторжныя работы на 20 лѣтъ, причемъ судъ постановилъ ходатайствовать о смягченіи для Фриденсона—на 10 л. и для Люстига—на 4 г.

Александръ III, уваживши ходатайство суда относительно

Фриденсона и Люстига, замѣнилъ смертную казнь для всѣхъ къ ней приговоренныхъ, за исключеніемъ Суханова, ссылкой въ каторжныя работы безъ срока. Суханову повѣшеніе было замѣнено разстрѣляніемъ, и 19 марта онъ былъ разстрѣлянъ въ Кронштадтѣ. Михайловъ, Колодкевичъ, Исаевъ, Фроленко, Тетерка, Клѣточниковъ, Морозовъ, Баранниковъ, Арончикъ и Лангансъ, вмѣсто каторжныхъ работъ, были заточены въ казематы сначала Алексѣевского рavelина, а потомъ Шлиссельбургской крѣпости, гдѣ, за исключеніемъ М. Ф. Фроленко, Н. А. Морозова и М. Н. Тригони, *всѣ они* и окончили дни свои. М. Н. Тригони, послѣ 20-лѣтняго заключенія въ Шлиссельбургъ, былъ сосланъ на Сахалинъ; М. Ф. Фроленко и Н. А. Морозовъ освобождены изъ Шлиссельбурга лишь послѣ 17 октября 1905 года. Емельяновъ, Лебедева, Якимова, Златопольскій, Люстигъ и Фриденсонъ были отправлены въ карійскую каторгу, гдѣ Лебедева умерла, а остальные переведены въ разное время на поселеніе въ Сибирь. Люстигъ потомъ возвратился въ Россію. Терентьева скончалась въ тюрьмѣ еще до отправленія ея въ каторгу.

Меркуловъ.... этотъ, конечно, не пошелъ на каторгу.... Будучи освобожденъ отъ всякаго наказанія (если не считать пощечины, полученной имъ во время суда отъ М. В. Тетерки), онъ сталъ «вѣрою и правдою» служить.... департаменту полиціи.

По этому же дѣлу суду должны были быть преданы П. Е. Тычининъ и Е. Н. Оловенникова, но незадолго до суда Тычининъ покончилъ самоубійствомъ, бросившись съ верхней галлеріи Дома предварительнаго заключенія, а Оловенникова впала въ Петропавловской крѣпости въ душевное разстройство, была переведена въ Казанскую лечебницу для психическихъ больныхъ, тамъ пробыла много лѣтъ и въ безнадежномъ состояніи была отдана роднымъ въ Орловской губерніи.

Наконецъ, упоминаемый въ обвинительномъ актѣ, какъ тоже впаавшій въ душевное разстройство, А. В. Тырковъ былъ, по выздоровленіи, *сосланъ административно въ Восточную Сибирь безъ срока*, прожилъ тамъ 20 лѣтъ и лишь года два тому назадъ возвратился въ Россію.

Ред.

Отъ группы русскихъ конституціоналистовъ.

Воззвание ¹⁾.

Въ виду того, что цѣли и способы дѣйствія нынѣшняго правительства вполне выяснились и не остается никакихъ сомнѣній въ крайне пагубномъ значеніи для общественнаго развитія этихъ цѣлей и этихъ способовъ, группа русскихъ конституціоналистовъ считаетъ своею обязанностью обратиться съ воззваніемъ къ тому значительному числу людей, которые стремятся, или, по крайней мѣрѣ, сочувствуютъ уничтоженію у насъ политическаго крѣпостного права. До настоящаго времени была организована и систематически боролась съ деспотическимъ правительствомъ только социально-революціонная партія.

По нѣкоторымъ существеннымъ вопросамъ мы не раздѣляемъ воззрѣній, которыя такъ настойчиво, съ такимъ удивительнымъ самоотверженіемъ защищаетъ эта партія. Но мы не изъясляемъ никакихъ притязаній на непогрѣшимость, допускаемъ возможность ошибки и съ нашей стороны, и потому требуемъ для социалистической партіи такого же права на существованіе, какъ и для себя. При свободномъ обсужденіи вопросовъ и нуждъ, которыми изболѣлся русскій народъ, возможно устраненіе крайностей и скороспѣлыхъ требованій, возможно соглашеніе всѣхъ людей, на самомъ дѣлѣ любящихъ родину и посильно работающихъ ради торжества справедливости.

Мы не сочувствуемъ средствамъ, къ которымъ прибѣгаетъ террористическая группа русской социально-революціонной партіи, и выступаемъ на борьбу съ правительствомъ только путемъ пропаганды нашихъ убѣжденій; но мы не можемъ, по совѣсти, осуждать рядъ насилій и преступленій, вызванныхъ дикимъ, безжалостнымъ, вѣковымъ насиліемъ самого правительства. Это правительство употребляетъ подкупъ, тюрьму, кандалы и висѣлицу, чтобы отстоять свое существованіе, чтобы задуть свободную мысль, чтобы не дать отчета обществу въ невѣроятномъ грабежѣ народнаго имущества. А террористы совершаютъ преступленія ради излюбленной идеи и при этомъ гибнутъ сами. Отъ глубины души мы желаемъ наступленія такого порядка вещей, когда убѣжденія не будутъ преслѣдоваться, когда за ихъ распространеніе не будутъ ссылать на каторгу или сажать въ вѣчную клѣтку, въ свинцовые погреба Петропавловской крѣпости. И до тѣхъ поръ у насъ не поднимется рука бросить камень въ людей, преступленіемъ добивающихся свободы для совѣсти, простора для ума и блага для народа. Къ измѣненію государственнаго строя, которое

¹⁾ Въ своей дѣятельности въ 70-хъ, 80-хъ и 90-хъ годахъ русскіе конституціоналисты рѣдко прибѣгали къ тайнымъ типографіямъ, но все-таки прибѣгали. Помѣщаемое воззваніе воспроизводится нами съ ставшаго чрезвычайно библиографическою рѣдкостью печатнаго подлинника. Воззваніе это выпущено конституціоналистами въ 1883 году. Ред.

положило-бы предѣлъ полицейскому произволу нашего правительства, и должны стремиться русскіе конституціоналисты, а для этого намъ необходима организація.

Правительство стѣснило печать до послѣднихъ предѣловъ возможнаго. Оно запретило намъ говорить о малоземельи, о переселенческомъ движеніи, объ измѣненіи политическаго строя, о воровствѣ и беззаконіи министровъ, оно зажимаетъ ротъ каждому честному человѣку.

Мы вынуждены поэтому прибѣгнуть къ подпольному печатанію, къ тайной пропагандѣ своихъ убѣжденій и не откажемся отъ борьбы съ ненавистнымъ и безсмысленнымъ правительствомъ, покуда не рухнетъ эта развратная система, покуда не вздохнетъ свободно русское общество.

Правительство все больше и больше разоряетъ народъ, оно все позорнѣе и позорнѣе держитъ себя и въ вопросахъ международной политики, падая ницъ передъ Бисмаркомъ, заискивая расположенія испытаннаго врага свободы и просвѣщенія—папскаго престола. Славянскія племена, для освобожденія которыхъ было пролито столько русской крови, потрачено столько русскихъ средствъ, отворачиваются отъ насъ, благодаря политикѣ нашего правительства, вездѣ отстаивающаго «священныя основы» деспотизма, хищничества и «тихаго и безмолвнаго житія».

Пора проснуться русскому обществу, пора выступить съ открытымъ протестомъ противъ мрачнаго и безсовѣстнаго произвола, который обратилъ въ гнусную казарму русскую школу, уроду нашихъ дѣтей, сѣизмала заглушая у нихъ всякій проблескъ самостоятельной мысли и твердаго убѣжденія.

Наша программа проста и ясна. Она заключается въ слѣдующемъ:

1)—Созваніе представителей русской земли въ особое совѣщательное учрежденіе, въ которомъ должны гласно обсуждаться всѣ законы, проекты и ежегодная смѣта приходовъ и расходовъ.

Императоръ можетъ соглашаться съ мнѣніемъ большинства или меньшинства, выбранное имъ мнѣніе получаетъ силу закона.

2)—Свобода вѣроисповѣданія и уничтоженіе предварительной и карательной цензуры.

Преступленія и проступки, совершенные путемъ печати, должны судиться присяжными.

3)—Амнистія по всѣмъ государственнымъ преступленіямъ.

Мы считаемъ названныя три задачи самыми неотложными и на ихъ благопріятное разрѣшеніе будутъ направлены всѣ наши усилія.

Мы признаемъ необходимость и широкихъ экономическихъ преобразованій въ интересахъ рабочихъ массъ, и реформы мѣстнаго самоуправленія, въ смыслѣ расширенія крестьянскаго представительства, но эти сложныя и великой важности задачи мо-

гутъ быть разрѣшены удовлетворительнымъ образомъ лишь при участіи общества, то есть послѣ того, какъ будетъ осуществлено преобразованіе нашего политическаго строя.

Историческая библіографія.

Записки декабриста Д. И. Завалишина. München 1904. Verlag Dr. Marchelewsky & Co. 2 тома.

Эта книга, изданная за границей, появилась въ настоящее время и на книжномъ рынкѣ въ самой Россіи. Мы тогда же (въ 1904 году) отмѣтили появленіе записокъ Завалишина рецензіей, напечатанной подъ псевдонимомъ „Любитель“ во второй книжкѣ издававшегося въ Парижѣ неперіодическаго журнала „Освобожденіе“. Такъ какъ съ того времени нашъ взглядъ на „Записки“ нисколько не измѣнился, то мы позволяемъ себѣ привести свою рецензію на нихъ почти дословно и на страницахъ „Былаго“.

А писали мы вотъ что:

Въ литературѣ, касающейся общественнаго движенія въ царствованіе императора Александра I, имя Д. И. Завалишина встрѣчается нерѣдко, но въ большинствѣ случаевъ въ весьма непривлекательной окраскѣ. Мы давно составили себѣ представленіе о Завалишинѣ, какъ человѣкѣ безусловно способномъ и даровитомъ, но несомнѣнно ненормальномъ. Большей степени самовлюбленности, самовлюбленности, переходящей въ ту форму психической болѣзни, которая называется *mania grandiosa*, трудно себѣ даже представить. Этотъ взглядъ на Завалишина, по прочтеніи двухъ томовъ его собственныхъ записокъ, у насъ окончательно укрѣпился. Его записки могли бы быть названы даже цѣнными, если бы не тотъ болѣзненный субъективизмъ, черезъ который преломились всѣ событія, свидѣтелемъ которыхъ былъ Завалишинъ, въ теченіе своей почти 90-лѣтней жизни, и если бы, благодаря именно этой причинѣ, у читателя не оставалось постоянно сомнѣнія въ объективной вѣрности рассказываемыхъ Завалишинымъ событій. Мы отнюдь не заподозрѣваемъ искренности Завалишина, совсѣмъ нѣтъ, мы лишь указываемъ на то обстоятельство, что примѣшивающійся къ описанію всѣхъ событій чрезмѣрный субъективизмъ автора крайне обезцѣниваетъ ихъ историческое значеніе. Вездѣ и всюду Завалишинъ становится на непомерно высокія ходули, съ высоты которыхъ и повѣствуетъ о многихъ и многихъ революціонныхъ дѣятеляхъ двадцатыхъ годовъ, какъ о такихъ маленькихъ, такихъ ничтожныхъ... Именно это обстоятельство повлекло за собою прекращеніе покойнымъ М. И. Семевскимъ печатанія статьи Завалишина: „Пребываніе декабристовъ въ тюремномъ заключеніи въ Читѣ и Петровскомъ заводѣ“, начало которой появилось въ октябрьской книжкѣ „Русской Старины“ за 1881 годъ. Послѣ этого Завалишинъ и укрылся подъ сѣнь Катковского „Русскаго Вѣстника“, гдѣ и появилась его статья „Декабристы“ (1884 года, февраль).

Вотъ какъ, напримѣръ, рассказываетъ Завалишинъ о тѣхъ отноше-

ніяхъ, которыя существовали между нимъ и директорами Сѣвернаго Общества.

„И Пестель, и Рылѣевъ, стоявшіе во главѣ Общества Южнаго и Сѣвернаго, были слишкомъ властолюбивы, чтобы не только согласиться подчиниться одинъ другому, но и сносить соперничество каждый—въ своемъ обществѣ. Поэтому и тотъ, и другой старались на мѣсто другихъ директоровъ поставить людей себѣ сподручныхъ, уступавшихъ имъ по способностямъ или по характеру, и никакъ не допустить людей, въ которыхъ боялись найти себѣ соперниковъ. И если Пестель, не имѣя возможности не допустить выбора Сергѣя Муравьева-Апостола, согласился на выборъ его въ директоры потому только, что тотъ, не находясь въ центрѣ дѣйствій, поневолѣ былъ номинальнымъ только директоромъ, то Рылѣевъ всячески искалъ подавить возрастающее мое вліяніе, какъ удаленіемъ меня, хотя подъ почетнымъ предлогомъ, изъ центра дѣйствій, такъ и захватомъ въ свое распоряженіе во время моего отсутствія тѣхъ членовъ общества, которые были приготовлены мною.

„Принявъ либеральное и революціонное начало, я былъ искрененъ въполнѣ въ приложеніи его, и ни страхъ, ни эгоистическіе расчеты не удерживали меня. Я былъ неутомимъ и отваженъ, дѣйствовалъ всесторонне, по всемъ направленіямъ, во всехъ сферахъ, дѣйствовалъ настойчиво, дѣйствовалъ для самаго дѣла, мало заботясь о себѣ ни со стороны опасности, ни со стороны похвалъ. Но какъ ни мало искалъ я высказывать свои дѣйствія и добиваться, подобно инымъ, сознательнаго (?) освидѣтельствованія моихъ дѣйствій членами общества, вліяніе мое быстро возрастало. Но не однѣ дѣятельность и энергія мои, которыя называли безпримѣрными и грозили людямъ, имѣвшимъ въ рукахъ своихъ власть, что она перейдетъ ко мнѣ, возбуждали зависть. Было нѣчто такое, что внушало еще болѣйшій страхъ имъ. Явилось у многихъ какъ бы предчувствіе, что именно во мнѣ зарождались и готовы были проявиться тѣ начала, которыя способны уничтожить противорѣчіе и борьбу не только между отдѣльными тайными обществами, но и, вообще, между властью и свободой,—а тогда люди, завидовавшіе мнѣ, должны были лишиться не только распорядительной власти дѣлами общества, но и нравственной,—какъ представители извѣстнаго рода идей, изъ которыхъ они хотѣли сдѣлать монополію себѣ, а такая потеря была неминуемо сопряжена съ лишеніемъ значенія самихъ идей, по ихъ односторонности и ошибочности ихъ основаній, въ случаѣ проявленія идеи высшей и всесторонней. Грустно сказать, до чего увлекало людей желаніе „сбить меня съ поля“, какъ выражались они. Вѣрные люди, изъ числа членовъ, негодующихъ на подобный образъ дѣйствій, сообщили мнѣ, что Рылѣевъ предлагалъ даже донести на меня Милорадовичу, съ тѣмъ, чтобы меня куда-нибудь „запрятали“, а донесшіи пріобрѣли бы въ глазахъ правительства болѣе довѣрія. Они рассчитывали прямо на благородство мое, что я ничего не открою; а если бы даже и открылъ что, то согласился утверждать, что они, видя мою пылкость и увлеченіе, просто мистифицировали меня, что никакихъ обществъ, кромѣ того, которое я самъ учреждалъ, не существуетъ и пр. Думали также сдѣлать доносъ на меня анонимный или, наконецъ, просто заставить

меня удалиться из общества, возбуждая противъ меня непріятности“ ¹⁾.

Этотъ рассказъ Завалишина слѣдуетъ сравнить съ его же показаніемъ на допросѣ, опубликованнымъ въ извѣстномъ „Донесеніи слѣдственной комиссіи“.

„Завалишинъ утверждаетъ, что большая часть его поступковъ и словъ была, по крайней мѣрѣ въ началѣ, ничто иное, какъ благонамѣренная хитрость; что онъ, еще въ малолѣтствѣ, читая священное писаніе, имѣлъ таинственныя откровенія, назначавшія его для возстановленія истины, и что онъ тогда же вздумалъ учредить Орденъ Возстановленія. „Сперва, — говоритъ онъ, — я полагалъ цѣлью одно торжество истинъ вѣры; послѣ, бывъ въ Англіи и Калифорніи, присоединилъ къ сему и виды политическіе: хотѣлъ произвести въ Испаніи контръ-революцію безъ войны; хотѣлъ также, будто бы для основанія республиканскихъ правительствъ внѣ Европы, стараться вывести изъ сей части свѣта тѣхъ людей безпokoйного ума, которые желаютъ перемѣнъ и смятеній. Написанные мною статуты Ордена, на подобіе Мальтійскихъ, я представлялъ Императору Александру. Онъ похвалилъ мое усердіе, но не принялъ плана, что крайне меня огорчило. Вслѣдъ за тѣмъ, имѣвъ несчастіе войти въ связь съ симъ коварнымъ злодѣемъ Рылѣвымъ, я узналъ, что есть тайное общество, враждебное правительству, и рѣшился было донести о томъ; но Государь былъ въ Варшавѣ, а я, по глупой гордости, хотѣлъ все открыть ему безъ посредниковъ. Между тѣмъ старался извѣдать болѣе о тайномъ обществѣ черезъ другихъ и для сего дозволилъ себѣ несогласныя съ моими чувствами и видами слова, обратившія нынѣ къ моей гибели“ и т. д. ²⁾.

Такъ писалъ Завалишинъ въ своихъ показаніяхъ, но не такъ рассказываетъ онъ о своемъ поведеніи на допросахъ въ лежащихъ передъ нами его „Запискахъ“.

„Надо сказать, — пишетъ онъ, — что я обращался съ членами слѣдственнаго комитета вовсе не такъ, какъ человѣкъ, ищущій своего спасенія. Я не могъ скрывать своего презрѣнія къ нимъ и высказывать имъ такія горькія истины, какихъ, конечно, имъ ни прежде, ни послѣ не приходилось слышать. Я говорилъ „грубо и дерзко“, какъ выражались они, называлъ вещи и дѣла своими именами и беспощадно разбивалъ ихъ софизмы. Я доказывалъ имъ прямо, что они-то и есть главные виновники революціи и что поступаютъ совершенно по тѣмъ же правиламъ, въ которыхъ насъ обвиняютъ, съ тою разницею, что мы допускали эти правила для блага общаго и жертвуя собою и своимъ, а они допускаютъ ихъ для личныхъ цѣлей, жертвуя не собою, а общимъ благомъ; что въ этомъ отношеніи смерть Петра III и Павла такія улики противъ нихъ, которыхъ никакими софизмами ни устранить, ни смягчить имъ нельзя, потому что они дѣйствовали тутъ противъ лицъ, признаваемыхъ ими за царей, и съ совѣстью, признающей значеніе царскаго достоинства, тогда какъ тѣ, которыхъ обыкновенно называютъ революціонерами,

¹⁾ Томъ I, стр. 249 — 250

²⁾ См. „Государственные преступленія въ Россіи въ XIX в.“ Сборникъ подъ редакціей Б. Базилевскаго. Т. I, стр. 57 — 58.

видять въ нихъ простыхъ людей и хотя, положимъ, по заблужденію, но видѣли притомъ и людей, враждебныхъ отечеству. Въ одной изъ подобныхъ сценъ дѣло дошло до того, что многіе вскочили, другіе заткнули свои уши; предсѣдатель комитета, военный министръ Татищевъ, испугался и, схвативъ меня за руку, увлекъ въ другую комнату. „Что ты дѣлаешь, другъ, вскричалъ онъ, поднявъ руки кверху, — зачѣмъ ты такъ раздражаешь ихъ, зачѣмъ ты говоришь съ ними съ такою запальчивостью?“ — „Напротивъ, вы сами видѣли, что я говорилъ очень хладнокровно и спокойно, я даже не возвышалъ тона противъ обыкновенной рѣчи“. — „Да развѣ ты не видишь, что это-то спокойствіе и увѣренность бѣситъ ихъ. Запальчивость твоя не въ тонѣ, а въ содержаніи твоихъ словъ. Ты, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ говоришь такъ, какъ будто ты надъ ними производишь слѣдствіе, а не они надъ тобой; какъ будто ты ихъ обвинитель, а не они“. Можетъ быть исторія такъ и скажетъ?“ ¹⁾

Къ сожалѣнію, „исторія“ про Завалишина именно этого-то сказать и не можетъ. Она уже воздала должное и тѣмъ заплечныхъ дѣлъ мастерамъ, которые составляли „слѣдственный комитетъ“ по дѣлу декабристовъ, и тѣмъ великимъ борцамъ за свободу, которые, поднявши знамя возстанія противъ деспотизма, понесли и на эшафотъ, и на каторгу свои безупречно-чистыя имена, но имя Завалишина не въ ихъ числѣ... Герой „Записокъ“ не былъ героемъ въ „слѣдственномъ комитетѣ“. О томъ неизгладимо начертано въ его собственныхъ показаніяхъ. Такъ зачѣмъ же было и писать про то, чего, видимо, не было? Но такова уже психика всѣхъ маніаковъ. Мы нисколько не сомнѣваемся, что въ ту минуту, когда Завалишинъ разрисовывалъ въ своихъ „Запискахъ“ собственное поведеніе столь героическими чертами, онъ былъ глубочайшимъ образомъ убѣжденъ, что все происходило именно такъ, какъ онъ описываетъ въ „Запискахъ“. Тутъ не столько вина его, сколько бѣда его. Надо думать, что, конечно, не изъ „зависти“ къ Завалишину, а именно изъ убѣжденія, что имѣютъ дѣло съ больнымъ человѣкомъ, и хотѣли директора Сѣвернаго Общества какъ-нибудь отъ него отдѣлаться и съ этою цѣлью, „подъ почетнымъ предлогомъ“ изслѣдованія состоянія умовъ въ провинціи, выпроводили его не задолго до роковыхъ событій 14-го декабря въ приволжскія губерніи. Проѣздомъ туда, Завалишинъ побывалъ въ Москвѣ, пребываніе въ которой, по обыкновенію, расписываетъ необыкновенными чертами:

„Хотя графъ Остерманъ-Толстой, у котораго въ домѣ я жилъ въ Петербургѣ вмѣстѣ съ Леонидомъ Голицынымъ и другими племянниками его, и который особенно любилъ меня, и находился въ то время въ Москвѣ, однако, я не остановился у него, чтобы не быть стѣсненнымъ въ пріемѣ пріѣзжавшихъ ко мнѣ, и помѣстился въ домѣ Тютчевыхъ, въ Армянскомъ переулкѣ. Я занималъ тамъ почти весь верхній этажъ и ко мнѣ былъ особый ходъ, такъ что члены общества могли безпрепятственно посѣщать меня. Ноября 22-го я былъ на балу у Остермана и проходилъ черезъ гостинную; князь Сергій Михайловичъ Голицынъ, сидѣвшій въ ней съ Иваномъ Ивановичемъ Дмитріевымъ, поэтѣмъ

¹⁾ Завалишинъ, т. II, стр. 37 — 38.

и бывшимъ министромъ юстиціи, и Евгеніемъ Ивановичемъ Марковѣмъ, бывшимъ посланникомъ нашимъ въ Парижѣ; сказалъ мнѣ: „сидись-ка съ нами, молодой человѣкъ, послушай насъ, стариковъ, поучись-ка уму разуму“. Остерманъ, который шелъ за мною, сказалъ Голицыну шутя: „Вотъ ужъ нашли кого учить. Да у него въ одномъ мизинцѣ больше ума, чѣмъ во всѣхъ нашихъ головахъ“. Разумѣется, Завалишинъ былъ героемъ бала и т. д. и т. д. Черезъ два дня, возвращаясь снова съ бала, Завалишинъ поздно ночью сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ. Вдругъ онъ слышитъ бряцаніе сабель и шумъ многихъ шаговъ. „Рука инстинктивно схватила только-что написанное важное письмо; я зажегъ его и бросилъ въ каминъ, а самъ бросился навстрѣчу идущимъ, чтобы не дать имъ войти въ кабинетъ и увидать горящее письмо; но едва только я приподнялъ портьеру, какъ Алексѣй Шереметевъ, шедшій впереди, увидавъ меня, закричалъ: „Государь умеръ! Скажи, что должны мы дѣлать!“ Съ нимъ вмѣстѣ пріѣхали дѣти гр. Толстого, Бахметьевъ и Ладыженскій, адъютанты его, Раичъ и другіе“. На другой день Завалишинъ отправился къ Остерману, къ которому скоро пріѣхалъ главнокомандующій князь Голицынъ. Съ первыхъ же словъ Голицынъ сказалъ: „Вообрази себѣ, что всѣ прапорщики взбѣленились и задумали скакать въ Петербургъ. Что бы это значило? Я велѣлъ не выдавать безъ меня никому подорожныхъ. Жаль только, что мнѣ поздно сказали, а то кое-кто успѣлъ уже улизнуть въ Петербургъ.“ Остерманъ отвѣчалъ: „Вотъ и мои племянники бросились было туда-же, только я позволилъ вмѣшаться въ ихъ дѣла и сейчасъ о томъ и хлопоталъ, чтобы вотъ этого будущаго адмирала и министра (т. е. Завалишина) отправить понадежнѣе въ Казань...“ Голицынъ улыбнулся и посмотрѣлъ на меня внимательно. „А знаешь-ли, Остерманъ, — сказалъ онъ, — право, мнѣ какъ-то сдается, что будущій министръ лучше всѣхъ могъ бы, если бы захотѣлъ, объяснить, отчего прапорщики хотѣли скакать въ Петербургъ. Право, я очень боюсь за такія горячія головы“ и пр. и пр.

Все это было бы не лишено извѣстнаго интереса, такъ какъ характеризуетъ настроеніе военныхъ сферъ и въ Москвѣ въ тѣ историческіе дни, когда въ Петербургѣ и на югѣ Россіи члены тайныхъ обществъ рѣшили приступить къ совершенію государственнаго переворота, но завалишинская манера изображать изъ себя вездѣ и всюду чуть не центръ мірозданія, сильно ослабляетъ достовѣрность всего имъ рассказываемаго. Читаешь эти, какъ и многія другія, строки его „Записокъ“ съ интересомъ, но тутъ же шевелится мысль: да такъ ли это было на самомъ дѣлѣ и не стоитъ ли передъ нами одинъ изъ яркихъ прототиповъ безсмертнаго Ивана Александровича Хлестакова?

А жаль! Ибо нѣкоторыя изъ сообщеній Завалишина, будь они написаны кѣмъ-либо изъ болѣе достовѣрныхъ свидѣтелей той эпохи, представляли бы несомнѣнный историческій интересъ.

Такъ, онъ рассказываетъ, что утромъ 14-го декабря члены Тайнаго Общества послали къ Сперанскому Корниловичу сообщить ему о предстоящемъ переворотѣ и испросить его согласіе на назначеніе его въ число членовъ временнаго правительства и что Сперанскій будто бы на это отвѣтилъ посланному:

„Съ ума вы сошли! Развѣ дѣлають такія предложенія преждевременно? Одержите сначала верхъ, тогда все будутъ на вашей сторонѣ“.

Это сообщеніе появляется въ литературѣ въ первый разъ, и судя по нѣкоторымъ даннымъ, едва ли достоверно.

Поведеніе императора Николая по отношенію къ обезоруженнымъ врагамъ, какъ это засвидѣтельствовано очень многими декабристами, было въ высшей степени неприлично. Ни слѣда благородства, ни тѣни великодушія къ побѣжденному врагу. Достаточно вспомнить, что многихъ арестованныхъ декабристовъ приводили къ Николаю, по его приказанію, не иначе, какъ со связанными назадъ руками, а онъ, самодержецъ всероссійскій, осыпалъ ихъ при этомъ самыми площадными ругательствами... Характерную въ этомъ отношеніи сцену рассказываетъ и Завалишинъ.

„Василій Сергѣевичъ Норовъ, братъ Норова (Авраама), бывшего впоследствии министромъ просвѣщенія, былъ извѣстенъ, какъ храбрѣйшій офицеръ. У него была непріятная исторія съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, когда онъ былъ еще въ полку, а великій князь командовалъ бригадою. Разъ великій князь, разгорячась, забылся до того, что взялъ Норова за пуговицу. Норовъ оттолкнулъ руку, сказавъ: „Не трогайте, Ваше Высочество, я очень щекотливъ“. Поэтому, когда Норова послѣ 14-го декабря арестовали и привезли во дворецъ, то Николай Павловичъ до того разгорячился, что сказалъ: „Я зналъ напередъ, что ты, разбойникъ, тутъ будешь“, и началъ осыпать его бранью... Когда же у него отъ ругательства пересѣкъся голосъ, а Норовъ сказалъ: „Прекрасно, Что же вы стали? Ну-ка еще!“ то Николай закричалъ: „Веревокъ! Связать его!“ Сцена дошла, наконецъ, до того неприличія, что присутствовавшій при ней командиръ гвардейскаго корпуса, Войновъ, не выдержалъ и вскричалъ: „Помилуйте, да вѣдь здѣсь не съѣзжая...“

И много другихъ любопытныхъ эпизодовъ, характеризующихъ властителей Россіи, приведено въ книгѣ Завалишина.

Второй томъ „Записокъ“ Завалишина посвященъ, главнымъ образомъ, исторіи пребыванія декабристовъ въ Читѣ и Петровскѣ, но этотъ эпилогъ политическихъ замысловъ дѣятелей 20-хъ годовъ XIX вѣка представляетъ въ значительной степени повтореніе того, что уже извѣстно читателямъ изъ многочисленныхъ воспоминаній другихъ декабристовъ. На послѣднихъ страницахъ „Записокъ“ читатель найдетъ нѣсколько новыхъ подробностей объ отношеніяхъ между авторомъ „Записокъ“ и генераль-губернаторомъ Восточной Сибири, гр. Муравьевымъ-Амурскимъ, но цѣнныя сами по себѣ, и эти подробности сильно обезцѣнены тѣмъ „завалишинскимъ“ соусомъ, подъ которымъ они поднесены читателю.

Итогъ: книга Завалишина войдетъ, конечно, въ число пособій для изученія заговора декабристовъ, но пособие это явится далеко не изъ первоклассныхъ. Поэтому и привѣтствовать появленіе „Записокъ“ Завалишина на книжномъ рынкѣ особенно не приходится.

Къ книгѣ приложено четыре портрета Завалишина въ разныя эпохи его жизни.

Кстати: въ Россіи ходитъ по рукамъ во многихъ экземплярахъ кол-

лекція фотографическихъ снимковъ съ нѣсколькихъ декабристовъ, домовъ, въ которыхъ они жили въ Сибири, ихъ могилъ и т. д. Въ числѣ такихъ портретовъ (вмѣстѣ съ Лунинымъ, Волконскимъ, Трубецкимъ, Бобринцевымъ-Пушкинымъ и др.) находится портретъ съ подписью: „Теребневъ“. Между тѣмъ, такого декабриста никогда не существовало. Не бесполезно будетъ разъяснить, въ чемъ тутъ очевидное недоразумѣніе. Портретъ этотъ, въ дѣйствительности, не Теребенева, а Завалишина въ молодости. Онъ и приложенъ теперь въ числѣ другихъ къ „Запискамъ“ Завалишина. Переснять же онъ съ портрета Завалишина, написаннаго съ натуры художникомъ Теребневымъ. На портретѣ сохранилась подпись художника — и вотъ въ чемъ ключъ къ недоразумѣнію, благодаря которому сталъ гулять по Россіи портретъ никогда не существовавшаго декабриста.

В. Богучарскій.

Путешествіе изъ Петербурга въ Москву А. Н. Радищева. Изданіе П. Е. Щеголева и Н. П. Павлова-Сильванскаго. СПБ. 1905. То же. Изданіе А. С. Суворина. СПБ. 1905. Наконецъ-то, послѣ 115 лѣтъ запрета, знаменитая многострадальная книга А. Н. Радищева появилась въ свѣтъ почти одновременно въ двухъ изданіяхъ: г. Суворинъ ограничился только перепечаткой текста изданія 1790 года и по внѣшности далъ очень недурную книжку для широкихъ слоевъ публики, гг. Павловъ-Сильванскій и Щеголевъ поставили себѣ цѣлью научное изданіе сочиненія Радищева, могущее имѣть цѣнность и для специалистовъ, изучающихъ исторію нашей литературы. Въ этомъ послѣднемъ изданіи воспроизведенъ также первопечатный текстъ 1790 года, но указаны въ примѣчаніяхъ всѣ особенности (весьма любопытныя) текста сочиненія по рукописи, хранящейся въ Государственномъ Архивѣ. Кромѣ того, въ началѣ книги помѣщены двѣ вступительныя статьи редакторовъ, представляющія собою весьма цѣнный вкладъ въ обширную, хотя качественно и не особенно богатую, литературу о Радищевѣ: въ первой, принадлежащей Н. П. Павлову-Сильванскому, весьма обстоятельно изложена біографія Радищева и исторія тѣхъ мытарствъ, которымъ подвергалась его книга до нашего времени, причемъ г. Сильванскій выдвигаетъ новую точку зрѣнія на значеніе литературной дѣятельности Радищева; во второй статьѣ, написанной П. Е. Щеголевымъ, въ связи съ обзоромъ рукописи выяснена исторія текста книги; наконецъ, весьма полезной представляется и полная бібліографія статей и книгъ, такъ или иначе затрогивающихъ Радищева, помѣщенная послѣ текста „Путешествія“. По внѣшности изданіе выполнено прекрасно, къ нему приложены портретъ Радищева (геліографа съ портрета, находящагося въ Радищевскомъ музеѣ въ Саратовѣ) и фототипическое воспроизведеніе заглавнаго листа и первыхъ страницъ изданія 1790 года. Всѣ эти особенности изданія гг. Сильванскаго и Щеголева, конечно, весьма цѣнны для людей, изучающихъ нашу литературную старину; однако, нельзя сказать, чтобы онѣ были излишними и для широкой публики: чтобы понять писателя, работавшаго болѣе ста лѣтъ тому назадъ, еще мало

ознакомиться съ текстомъ его произведенія, а нужно и перенестись въ ту эпоху и къ тѣмъ обстоятельствамъ, при которыхъ явилось произведение. Біографія Радищева уясняетъ читателю связь знаменитаго „Путешествія“ съ энциклопедизмомъ XVIII вѣка и съ сентиментальнымъ направленіемъ въ литературѣ. Исторія процесса, возбужденнаго противъ книги и ея автора, цензурныя гоненія, которымъ подвергалась книга до настоящаго времени, раскрываютъ общественное значеніе, которое состояло не только въ томъ, что Радищевъ протестовалъ противъ крѣпостного права, а главнымъ образомъ въ томъ, что онъ обнаружилъ коренныя причины нашего общественно-политическаго нестроенія, указалъ на зло, причиняемое всему русскому народу безправіемъ и произволомъ, проникавшимъ все наши гражданскія отношенія сверху до низу. Въ рабствѣ находились не только крестьяне, но и все русскіе обыватели, и понятно, почему книга Радищева оказалась запретною и послѣ 19 февраля 1861 года: вѣдь это было только началомъ раскрѣпощенія русскаго общества, и полицейско-бюрократическій произволъ ничего еще не уступалъ тогда изъ своихъ прерогативъ. Теперь, когда старый порядокъ находится уже при послѣднемъ издыханіи, „Путешествіе“ могло появиться въ свѣтъ и стать достояніемъ всехъ грамотныхъ людей. Знакомая съ этой книгой впервые, современные борцы за свободу встрѣчаютъ въ авторѣея своего могучаго союзника, который въ мрачную пору гнета осмѣлился, по выраженію Пушкина, „возславить свободу“.

А. Б.

Тюрьмы въ Россіи. Очеркъ Д. Кенана. „Общедоступная бібліотека для всехъ“. № 1. Цѣна 20 коп. С.-Петербургъ. 1906 г.

Историкъ революціоннаго движенія въ Россіи съ благодарностью вспомнить имя Джоржа Кенана, блестящая и правдивая книга котораго „Сибирь и ссылка“ произвела въ началѣ 90-хъ годовъ потрясающее впечатлѣніе во всемъ культурномъ мірѣ. Она появилась въ моментъ полного расцвѣта у насъ правительственной реакціи, когда, казалось, и русская революція, и русская оппозиція были безслѣдно и окончательно раздавлены. И когда первыя впечатлѣнія ужаса, навѣянные этой книгой, прошли, прежде всего стало ясно для европейскаго общества, что въ странѣ, гдѣ царятъ описанные Кенаномъ порядки, гдѣ жили, работали и страдали истинные герои и борцы за свободу, гдѣ нечеловѣческія муки не уничтожили твердыхъ и беззавѣтныхъ стремленій къ обновленію родины, въ такой странѣ не могъ быть умерщвленъ духъ свободы и не могло умереть великое къ ней тяготѣніе. Официальная ложь о всеобщемъ благополучіи въ Россіи получила тогда первый рѣзкій ударъ, а ближайшія событія уже готовили новую эру возрожденія революціоннаго движенія.

Брошюра „Тюрьмы въ Россіи“, изданная „Библіотекой для всехъ“, включаетъ четыре хорошо переведенныхъ отрывка изъ упомянутой книги Кенана. Въ этихъ отрывкахъ характеризуются „жизнь русскихъ революціонеровъ въ тюрьмахъ“, среди которыхъ авторъ удѣляетъ особое

вниманіе Петропавловской крѣпости и провинціальнымъ тюрьмамъ. Въ послѣдней главѣ дается общая характеристика „государственныхъ преступниковъ“ въ Россіи.

Даже въ этихъ небольшихъ отрывкахъ выступаютъ ярко достоинства мастерского Кенановскаго изложенія. Сжато, мѣтко, то съ художественной простотой и изяществомъ, то академически-объективно, съ научными и статистическими аргументами, авторъ раскрываетъ предъ нами всю подноготную правительственной борьбы съ политическими „преступниками“, все безуміе этой системы гоненій и нравственныхъ пытокъ, весь произволъ казеннаго механизма, развивающаго свою энергію въ сторону одного сплошнаго беззаконія. Серьезный и осторожный изслѣдователь, Кенанъ щепетильно относился къ правдѣ и, не допуская никакихъ уклоненій или преувеличеній, стремился воспроизвести картины русской дѣйствительности исключительно реальными красками, что—дѣлаетъ его изслѣдованія особенно цѣнными. Взгляды Кенана, его субъективная оцѣнка и выводы не всегда вѣрны. Въ отмѣченныхъ и вошедшихъ въ брошюру четырехъ главахъ можно отмѣтить, напримѣръ, его совершенно невѣрное объясненіе системы террора партіи „Народной Воли“ — одною мстью за тюремный режимъ и жестокость жандармскихъ дознаній. Но независимо отъ этого Кенанъ собралъ массу такого цѣннаго матеріала, особенно путемъ непосредственнаго опроса политическихъ „преступниковъ“, который, можно почти съ увѣренностью сказать, — почти погибъ бы для исторіи, за смертью участниковъ движенія или по другимъ причинамъ, и въ этомъ его главнѣйшая заслуга. Какъ матеріалъ для исторіи революціоннаго движенія, книга Кенана, обѣщаннаго полнаго перевода которой мы будемъ ждать съ нетерпѣніемъ, — имѣетъ громадную цѣну. Теперь мы вступили въ другой періодъ революціонной жизни, который несетъ намъ новый крутой переломъ, но все же страницы книги Кенана полны еще современности. То, что было двадцать лѣтъ назадъ, повторяется и теперь. Декабрская и январская реакція 1906 г. только сгущаютъ Кенановскія краски въ картинѣ политическаго режима настоящей минуты. Тюремный строй и жандармщина вмѣсто суда царятъ и теперь въ ихъ старой неприкосновенности, и многія страницы книги Кенана точно выхвачены изъ текущей газетной прессы и текущихъ событій. И устарѣвшая будто бы книга друга русской свободы опять оживаетъ, напоминая о суровомъ долгѣ продолжать борьбу...

Ник. Аш.

13 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Записки Людмилы Александровны Волкенштейнъ. СПб. Изданіе И. Балашева. 1906 г. Цѣна 20 к.

Воспоминанія Л. А. Волкенштейнъ впервые были изданы въ Лондонѣ въ 1900 году г. Чертковымъ съ примѣчаніями В. Л. Бурцева. Это были одни изъ первыхъ извѣстій о томъ, что цѣлыхъ 15 лѣтъ до того происходило за стѣнами той страшнаго крѣпости, въ которой было замуровано столько дорогихъ для русскаго общества политическихъ дѣятелей.

Впослѣдствіи появились воспоминанія и нѣкоторыхъ другихъ шлиссельбургцевъ. Воспоминанія Л. А. Волкенштейнъ будутъ всегда занимать одно изъ видныхъ мѣстъ въ литературѣ и исторіи Шлиссельбургской крѣпости, какъ талантливый яркій рассказъ лица, пережившаго всѣ ужасы долгой, мучительной тюремной жизни.

Въ своихъ воспоминаніяхъ Л. А. Волкенштейнъ говоритъ между прочимъ, что многихъ сторонъ жизни въ тюрьмѣ „она не считала удобнымъ касаться, какъ по внѣшнимъ, такъ и по внутреннимъ причинамъ“. Ея воспоминанія писались и печатались во времена Сипягина и Плеве. Въ настоящее время эти затрудненія въ значительной степени, кажется, устранены, и русскіе читатели будутъ ждать отъ Л. А. Волкенштейнъ въ новыхъ изданіяхъ ея воспоминаній рассказовъ о томъ, что раньше она вынуждена была выпустить. Надѣемся, что, кромѣ описанія своего пребыванія въ Шлиссельбургской крѣпости, она расскажетъ также о своемъ участіи въ дѣлѣ Кропоткина, въ 1879 г., послѣ чего ей пришлось эмигрировать до 1883 г., объ арестѣ въ 1883 г., судѣ, и запишетъ все, что ея память сохранила о встрѣчахъ съ различными замѣчательными дѣятелями русскаго освободительнаго движенія ¹⁾. Такимъ революціоннымъ дѣятелямъ, какъ шлиссельбуржцамъ, слѣдуетъ подробно записать свои воспоминанія:

*„Молодымъ людямъ—на поученіе,
Старымъ людямъ—на послушеніе“.*

Не можемъ не отвѣтить, къ сожалѣнію, той небрежности—если не сказать болѣе,—съ какой нѣкоторые издатели относятся даже и къ такимъ произведеніямъ, какъ воспоминанія Л. А. Волкенштейнъ. Редакція „Всемирнаго Вѣстника“, а за ней и г. Балашевъ, не только не потрудились снестись съ авторомъ воспоминаній относительно ихъ изданія, но даже не сочли обязательнымъ для себя внимательно отнестись къ самой перепечаткѣ этихъ воспоминаній и издали ихъ не по лондонскому изданію, а по изданію берлинскихъ спекулянтовъ-кнопопродавцевъ.

Редакція журнала «Былое» проситъ гг. книгоиздателей присылать ей для рецензій выходящія новыя книги историческаго содержанія.

¹⁾ Увы, эти строки обращены уже къ мертвой, но тѣмъ большую обязанность налагаетъ это обстоятельство на лицъ, знавшихъ коротко покойную, рассказать подробно объ ея жизни, борьбѣ и страданіяхъ.

Отъ Шлиссельбургскаго Комитета.

8-го января 1906 года Шлиссельбургская государственная тюрьма перестала существовать. Неизвѣстно, правда, какая судьба ожидаетъ пятерыхъ еще томившихся тамъ заключенныхъ (Карповича, Гершуни, Мельникова, Сазонова и Сикорскаго), но страшный призракъ мрачнаго застѣнка отходить, во всякомъ случаѣ, въ исторію, вмѣстѣ съ такъ долго губившимъ Россію принципомъ народнаго безправія и правительственнаго самовластія.

Конечно, забыть Шлиссельбургъ Россія не можетъ и не должна. Какъ въ фокусѣ, въ немъ сосредоточились всѣ ужасы, всѣ муки, всѣ жертвы, какими отмѣчено русское освободительное движеніе, начиная съ Новикова и декабристовъ и кончая героями послѣднихъ дней. Шлиссельбургъ былъ мѣстомъ заточенія, пытокъ и казней лучшихъ, энергичнѣйшихъ борцовъ за счастье народа. Могучая угроза въ рукахъ самодержавія,—въ глазахъ тѣхъ, кому дороги честь и свобода родины,—онъ всегда былъ эмблемой великой душевной красоты, великаго гражданскаго подвига. Это былъ какъ-бы почетный боевой постъ, на которомъ, въ ожиданіи вѣрной гибели, безтрепетно стоялъ авангардъ революціи...

Увидимъ-ли мы, живущее поколѣніе, тотъ грандіозный національный памятникъ, какимъ Россія почититъ *всѣхъ* своихъ героевъ-мучениковъ, страдавшихъ и погибшихъ на эшафотахъ, въ тюрьмахъ, въ рудникахъ и тундрахъ Сибири, въ мрачныхъ тайникахъ Петропавловки и Шлиссельбурга? Какъ-бы то ни было, нѣкоторые изъ этихъ страдальцевъ, какимъ-то чудомъ, уцѣлѣвшіе послѣ двухъ десятковъ лѣтъ пребыванія въ ужасной шлиссельбургской могилѣ, еще живутъ среди насъ (ихъ 23 человекъ¹⁾, не считая упомянутыхъ выше пятерыхъ), и чувство благоговѣйнаго удивленія, которое они намъ внушаютъ, не находитъ себѣ достаточнаго удовлетворенія въ болѣе или менѣе далекой мечтѣ... Такъ страстно хочется теперь же, сейчасъ-же дать ему сильное выраженіе! Вѣдь это не мертвыя имена, въ честь которыхъ потомки воздвигаютъ обыкновенно монументы,—это живые, дорогіе всѣмъ намъ люди! Не отвлеченный долгъ, а требованіе непосредственнаго чувства побуждаетъ сдѣлать все возможное для того, чтобы, по крайней мѣрѣ, оградить этихъ изстрадавшихся людей отъ новыхъ житейскихъ невзгодъ и ударовъ.

Такова идея, легшая въ основаніе Шлиссельбургскаго Комитета.

Одна изъ первыхъ предстоящихъ ему задачъ—озаботиться сборомъ денежныхъ средствъ для составленія постояннаго шлиссельбургскаго фонда. Съ этой дѣлюю Комитетомъ намѣчены слѣдующія мѣры: 1) пожертвованія, въ сборѣ которыхъ желательно участіе самыхъ широкихъ круговъ населенія; 2) спеціальныя изданія портретныхъ галлерей, книгъ и брошюръ; 3) литературные вечера и концерты.

Избранный первоначально „Союзомъ Союзомъ“ Шлиссельбургскій Комитетъ состоитъ въ настоящее время изъ слѣдующихъ лицъ:

¹⁾ Теперь уже только 22...

Предсѣдатель—В. И. Семевскій (Вас. Остр., 2 л., д. 11).

Товарищъ Предсѣдателя—П. Ф. Якубовичъ (Л. Мельницъ. Ст. Удѣльная Финл. ж. д.).

Секретарь—В. Я. Яковлевъ-Богуçarскій (Ямская ул., д. 25, кв. 8.).

Казначей—Н. Ф. Анненскій (Троицкая ул., д. 11, кв. 22).

Члены: Ф. Д. Батюшковъ, В. Л. Бурцевъ, П. И. Вейнбергъ, С. А. Венгеровъ, В. В. Воловцовъ, Е. Н. Воловцова-Семевская, А. С. Зарудный, В. И. Засуличъ, Д. А. Клеменцъ, В. Ф. Коммисаржевская, В. Г. Короленко, Л. П. Купріянова, П. Н. Милуковъ, Б. А. Мякотинъ, Л. Ф. Пантелѣевъ, В. А. де-Плансонъ, А. С. Пругавинъ, Н. А. Римскій-Корсаковъ, И. Е. Рѣпинъ, М. П. Сажинъ, кн. Г. Д. Сидамоновъ-Эристовъ, Л. Н. Стахевичъ, О. Н. Флоровская, Л. Э. Шишко, П. Е. Щеголевъ, С. А. Щепотьевъ.

Пожертвованія просятъ направлять на имя казначея, а всякаго рода сообщенія и запросы—посылать на имя предсѣдателя Комитета, его товарища или секретаря по вышеуказаннымъ ихъ адресамъ.

Къ читателямъ.

Одною изъ своихъ очередныхъ задачъ Шлиссельбургскій Комитетъ поставилъ изданіе альбома, по возможности, *всѣхъ* лицъ, когда либо томившихся въ Шлиссельбургской крѣпости, отъ Новикова до Сазонова и Сикорскаго. Портреты эти будутъ снабжены краткими біографіями узниковъ. Комитетъ собралъ уже значительное количество необходимыхъ для этой цѣли портретовъ, но многихъ еще недостаетъ. Труднѣе всего, конечно, достать портреты узниковъ, томившихся въ Шлиссельбургѣ въ царствованіе Николая Перваго (Тюринъ, Поповъ, Вас. Критскій, Олейничукъ, Соколовскій, Ибаевъ, и др.), но недостаетъ также и значительнаго количества портретовъ шлиссельбуржцевъ эпохи 1884—1905 года. (Грачевскій, Арончикъ, Исаевъ, Савелій Златопольскій, Малавскій, Щедринъ, Кобылянскій, Минаковъ, Клименко, Тихоновичъ, Немоловскій, Манучаровъ, Игнатъ Ивановъ, Вас. Ивановъ, Логовской, Ник. Рогачевъ, Осипановъ, Генераловъ, Андреюшкинъ, Шевыревъ, Чепегинъ, Васильевъ и Гершковичъ.). Комитетъ проситъ лицъ, владѣющихъ портретами перечисленныхъ узниковъ, доставить ему ихъ для воспроизведенія, послѣ чего, по желанію владѣльцевъ, портреты будутъ немедленно возвращены по принадлежности. Комитетъ проситъ также доставить ему біографическія свѣдѣнія не только о перечисленныхъ узникахъ, но и обо всѣхъ шлиссельбуржцахъ,—причемъ чѣмъ полнѣе—тѣмъ лучше. Всѣ эти предметы могутъ быть направляемы секретарю Комитета, по адресу: *Петербургъ, Редакція журнала „Былое“, Спасская улица, 25, кв. 20, Василію Яковлевичу Яковлеву-Богуçarскому.* (Просятъ посылать заказными). Само собой разумѣется, что весь сборъ отъ продажи сборника-альбома поступитъ всецѣло въ пользу шлиссельбуржцевъ.

Предсѣдатель Комитета В. Семевскій.

Секретарь В. Богуçarскій.

Въ № 328 газеты «Наша Жизнь» за 1905 г. помѣщена статья В. Я. Богучарскаго «Къ увѣковѣченію памяти славныхъ», которую мы воспроизводимъ здѣсь полностью:

«Въ № 313 «Нашей Жизни» помѣщено письмо въ редакцію подполковника Маркова, которое съ величайшимъ удовольствіемъ мы процитируемъ полностью еще разъ, дабы тѣ изъ читателей газеты, которые, по какой-либо случайности, его не прочли, имѣли бы возможность ознакомиться съ идеей почтеннаго г. Маркова. Письмо его гласить:

«Я вѣрно не ошибусь, сказавъ, что ни одна страна не дала столько мучениковъ за политическое освобожденіе своего народа, какъ наша многострадавшая Россія.

«Теперь, когда свобода уже не уйдетъ отъ насъ,—священный долгъ освобожденныхъ увѣковѣчить память освободителей. Можетъ быть, самымъ достойнымъ памятникомъ былъ бы обширный мавзолей, увѣнчанный статуей свободы, внутри котораго были бы сосредоточены всѣ предметы, говорящіе объ этихъ народныхъ герояхъ: портреты, вещи, вся литература о нихъ, а стѣны были бы увѣшаны мраморными досками съ золотыми именами погибшихъ. Пусть грядущія поколѣнія черпаютъ здѣсь примѣры истинной любви къ родинѣ и гражданскаго долга.

«Какъ починъ въ этомъ дѣлѣ, прилагаю скромную ленту въ 25 руб.»

«Мы глубоко вѣримъ, что идея г-на Маркова будетъ осуществлена, и обновленная Россія созиждетъ достойный памятникъ борцамъ за ея свободу. Но это дѣло, во всякомъ случаѣ, хотя и близкаго, но все-таки будущаго, а необходимо было бы предпринять что либо для увѣковѣченія памяти погибшихъ въ борьбѣ за свободу въ настоящее же время. Однимъ изъ первыхъ шаговъ въ этомъ направленіи могло бы явиться изданіе всѣхъ политическихъ процессовъ, начиная съ процесса декабристовъ, а можетъ быть и ранѣе. Подобное многотомное изданіе, въ особенности, если его снабдить надлежащими комментаріями и указаніями, явилось бы однимъ изъ первоисточниковъ для изученія исторіи русскаго освободительнаго движенія и тѣмъ положило бы начало «увѣковѣченію памяти славныхъ». Разумѣется, одними политическими процессами дѣло не могло бы быть исчерпано. Параллельно съ такимъ основнымъ изданіемъ слѣдовало бы издавать и сборники относящихся къ соотвѣтствующимъ періодамъ освободительнаго движенія всякаго рода матеріаловъ, документовъ и проч., а можетъ быть и создать специальный историческій журналъ. Тутъ же могъ бы образоваться и такой складъ подлинныхъ мемуаровъ, писемъ, документовъ, фотографій, автографовъ, разнаго рода вещей и проч., который современемъ и долженъ былъ бы поступить —непремѣнно, какъ собственность всего народа,—во всенародный памятникъ-музей русской революціи. Я пишу эти строки не для того только, чтобы бросить предлагаемую идею въ общество, какъ нѣчто такое, къ чему совершенно еще не приступлено, а имѣя въ виду и указать по этому поводу на одно обстоятельство конкретнаго характера. Дѣло въ томъ, что излагаемая мною здѣсь идея уже возникла нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ небольшомъ кружкѣ лицъ, который, собравъ для этой цѣли нѣкоторые пожертвованія, приступилъ тогда же къ ея осуществленію. Было рѣшено начать выпускать въ хронологическомъ порядкѣ рядъ сборниковъ политическихъ процессовъ подъ скромнымъ названіемъ «Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ». Собираніе и концентрація для этой цѣли матеріаловъ, составленіе самихъ сборниковъ, ихъ редактированіе, снабженіе вступительными статьями и примѣчаніями было поручено мнѣ. что я и началъ исполнять подъ псевдонимомъ *Б. Базилевскаго*. Пріисканіе издателя взяло на себя другое лицо. Времена стояли тяжелыя, и о такого рода изданіи

въ самой Россіи нечего было и думать. Для перваго тома испробованъ былъ повтому такой приемъ: этотъ томъ былъ изданъ за границую, но въ него включены матеріалы по исторіи «государственныхъ преступленій въ Россіи» исключительно лишь официальные, опубликованные во всеобщее свѣдѣніе въ собственныхъ изданіяхъ самимъ русскимъ правительствомъ. Такихъ матеріаловъ, обнимающихъ царствованіе Николая Перваго, а также 60-ые и первую половину 70-хъ годовъ истекшаго вѣка, набралось на книгу въ *сорокъ* печатныхъ листовъ мелкаго шрифта. Кое-кому казалось, что составленная такимъ способомъ книга могла свободно быть допущена въ Россію, но это, какъ вскорѣ и доказалъ сдѣланный опытъ, могло казаться лишь тѣмъ, кто наблюдалъ за дѣйствіями русскаго правительства изъ того или иного «прекраснаго далека», а не инициаторамъ изданія, слишкомъ близко знакомымъ съ тѣмъ безграничнымъ произволомъ, который составлялъ самое существо русскаго самодержавнаго строя. Экспериментъ рѣшено было произвести въ такой формѣ: нѣмецкій издатель перваго тома, извѣстный социаль-демократъ и депутатъ германскаго рейхстага Дитцъ подалъ *отъ себя* Главному управленію по дѣламъ печати прошеніе, въ которомъ, ссылаясь на то, что книга содержитъ въ себѣ *исключительно* матеріалы, опубликованные самимъ правительствомъ, просилъ о разрѣшеніи свободнаго пропуска ея въ Россію для продажи въ магазинахъ. На это Дитцъ получилъ слѣдующій, опубликованный въ № 59 «Освобожденія», отвѣтъ:

„М. в. д. Центральный комитетъ иностранной цензуры. С.-Петербургъ. 9 октября 1904 года № 3392. Въ книгоиздательское Товарищество І. Г. В. Дитца въ Штутгартѣ. Вслѣдствіе представленнаго 8 іюня н. ст. сего года въ Главное управленіе по дѣламъ печати прошенія о допущеніи къ распространенію въ Россіи изданной книгоиздательскимъ Товариществомъ І. Г. В. Дитца книги: «Государственные преступления въ Россіи въ XIX вѣкѣ. Сборникъ извлеченныхъ изъ официальныхъ изданій правительственныхъ сообщеній. Составленъ подъ редакціей В. Вазилевскаго. Томъ первый. 1825 — 1876 годъ. Stuttgart 1903 года», — центральный комитетъ иностранной цензуры имѣетъ честь увѣдомить Товарищество, что означенная книга, постановленіемъ с.-петербургскаго цензурнаго комитета 30 сентября сего года, признана подлежащей *запрещенію* ко ввозу въ Россію. Предсѣдатель центр. ком. иностр. цензуры *пр. А. Муравьевъ*. Завѣдывающій канцелярією старшій цензоръ (фамилія написана неразборчиво).

«Русское правительство расписалось... въ чемъ,—для каждаго ясно, а ультра-легальная книга, представлявшая къ тому же продуктъ громаднаго труда (нужно было пересмотрѣть въ публичной бібліотекѣ въ Петербургѣ, начиная съ 1825 г. изъ номера въ номеръ всѣ „Сенатскія Вѣдомости“, „Русскій Инвалидъ“, „Сѣверную Почту“ (официальный органъ министерства внутреннихъ дѣлъ съ 1862 по 1868 г.) и проч., дабы гомеопатическими дозами добывать и списывать оттуда все относящееся къ „государственнымъ преступленіямъ“), стала появляться въ Россіи лишь путемъ нелегальныхъ „транспортовъ“. (Само собою разумѣется, что убѣдившись окончательно въ томъ, въ чемъ нашъ кружокъ былъ, въ сущности, убѣжденъ и безъ того, и опубликовавши о такомъ подвигѣ русскаго правительства въ иностранной прессѣ, мы принялись за изданіе слѣдующихъ томовъ нашихъ сборниковъ, уже рѣшительно не имѣя въ виду надежды на легальный пропускъ ихъ въ Россію, и потому я сталъ помѣщать въ сборникахъ рядомъ съ официальными сообщеніями о „государственныхъ преступленіяхъ“ и все то, къ нимъ дополнительное, о чемъ правительство умалчивало, но что, тѣмъ не менѣе, появлялось въ русской нелегальной печати. Задача значительно расширилась и вскорѣ пришлось подумать о томъ, чтобы, на ряду съ основными томами, которые продолжали выходить подъ прежнимъ названіемъ „Государственные преступленія въ Россіи“, издавать томы, къ нимъ дополнительные, заключающіе въ себѣ сборники документовъ, характеризующихъ революціонное и оппозиціонное движеніе

разныхъ эпохъ. Для полноты такихъ дополнительныхъ томовъ потребовалось исполнить новую задачу: необходимо стало заняться розыскомъ множества ставшихъ чрезвычайно библиографическою рѣдкостью журналовъ, листовъ, прокламаций и проч., относящихся къ 60-мъ и 70-мъ годамъ, и хотя въ этомъ дѣлѣ мнѣ оказалъ цѣнную помощь извѣстный эмигрантъ-библиографъ В. Л. Бурцевъ, хотя для этой цѣли и были пересмотрѣны мною многія русскія бібліотеки за границею, русскій отдѣлъ Британскаго Музея въ Лондонѣ и, съ любезнаго разрѣшенія многихъ извѣстныхъ русскихъ эмигрантовъ, ихъ личные архивы, тѣмъ не менѣе, многого, очень многого не хватало. Но тутъ помогли двѣ замѣчательныя случайности, благодаря которымъ въ мое распоряженіе были переданы двѣ очень цѣнныя коллекціи старыхъ нелегальныхъ изданій, — одна П. Н. Милюковымъ, другая — А. В. Пѣшеховымъ. Въ этихъ коллекціяхъ оказалось многое изъ того, что тщетно разыскивалъ я до того времени и въ Россіи, и въ Германіи, и въ Швейцаріи, и во Франціи, и въ Англіи. Изъ совокупности такихъ-то матеріаловъ мною, на ряду съ тремя томами „Государственныхъ преступленій въ Россіи“ (доведено до знаменитаго процесса 193-хъ включительно), и издано еще три дополнительныхъ къ нимъ тома («Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ», „Революціонная журналистика 70-хъ годовъ“ и „Литература партіи Народной Воли“), всего, слѣдовательно, пока шесть томовъ, заключающихъ въ себѣ болѣе двухсотъ печатныхъ листовъ. Томъ 7-й начать печатаніемъ за границею, но теперь приостановленъ. Въ настоящее время я намѣренъ при первой возможности переиздать всѣ эти тома въ Россіи и затѣмъ продолжать ихъ дальнѣйшіе выпуски, для чего у меня собрано весьма значительное количество матеріаловъ. Лицъ, интересующихся этимъ дѣломъ и желающихъ войти со мною по этому поводу въ сношенія, я прошу писать мнѣ по такому адресу: *Пестербургъ. Редакція газеты „Наша Жизнь“ В. Я. Богучарскому*. Что же касается собранныхъ мною разнаго рода изданій и документовъ по исторіи революціоннаго движенія въ Россіи, между которыми находятся и чрезвычайно рѣдкіе, то, само собою разумѣется, что я сочту своимъ долгомъ передать ихъ всѣ въ общественную собственность, какъ только возникнетъ такое или подобное такому, учрежденіе, создать которое въ память борцовъ за свободу призываетъ русское общество г. Марковъ“.

Редакторы { В. Я. Богучарскій.
П. Е. Щеголевъ.

Издатель Н. Е. Парамоновъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я:

Книгоиздательство „Донская Рѣчь“

Н. Парамонова. Пестербургское Отдѣленіе: Спасскій переулокъ, д. № 5, кв. 1.

Печатаются:

изданныя за границею, подъ редакціей В. [Базилевскаго (В. Я. Богучарскаго)] три тома сборниковъ «Государственныя преступленія въ Россіи» и три тома приложеній къ этимъ сборникамъ. Во всѣхъ шести томахъ болѣе 200 печатныхъ листовъ.

Содержаніе сборниковъ:

Томъ первый.—Предисловіе.—1825 г.: первое правительственное сообщеніе о событіи 14 декабря. Высочайшій манифестъ о томъ же. Подробное описаніе

происшествія 14 декабря.—1826 г. Прибавленіе къ подробному описанію. Первое сообщеніе о возстаніи войскъ Муравьева-Апостола. Дальнѣйшія сообщенія о томъ же. Первое сообщеніе о ходѣ слѣдствія надъ декабристами. Высочайшій манифестъ о волненіяхъ среди крестьянъ. Высочайшій манифестъ объ учрежденіи Верховнаго Уголовнаго Суда надъ декабристами. Донесеніе слѣдственной комиссіи. Списокъ лицъ, преданныхъ Верховному Суду. Высочайшій манифестъ о дѣлѣ декабристовъ. Высочайшая благодарность Дибичу. Верховный Уголовный Судъ. Роспись государственнымъ преступникамъ. Указъ Верховному Суду. Выписка изъ протокола Верховнаго Суда. Высочайшій приказъ объ исключеніи осужденныхъ изъ списковъ войскъ. Приговоръ надъ соучастниками Сергѣя Муравьева - Апостола. Высочайшій приказъ российскимъ войскамъ. Высочайшій приказъ о наказаніяхъ офицерамъ, замѣшаннымъ въ заговорѣ, но не преданнымъ суду.—1827 г. Приговоръ надъ поручикомъ Усовскимъ. Приговоръ надъ офицеромъ Вегелинымъ и др. Донесеніе Варшавскаго слѣдственнаго комитета. Приговоръ надъ офицерами Старковымъ и Таптыковымъ. Приговоръ надъ майоромъ Гаевскимъ.—1830 г. Приговоръ надъ кн. С. С. Оболенскимъ. Приговоръ надъ Дороховымъ. Высочайшій манифестъ о возстаніи въ Польшѣ.—1831 г. Указъ Сенату о мѣрахъ къ подавленію возстанія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Западнаго Края. Высочайшій манифестъ объ окончаніи польскаго возстанія. Указъ главнокомандующему дѣйствующей арміей. Указъ объ облегченіяхъ наказаній нѣкоторымъ изъ декабристовъ. Указъ о наказаніяхъ виновнымъ въ польскомъ возстаніи.—1837 г. Приговоръ надъ Масловскимъ.—1839 г. Приговоръ надъ Вейсомъ и др.—1840 г. Указъ о лицахъ, замѣшанныхъ въ заговорѣ Канарскаго.—1848 г. Приговоръ по дѣлу Холмскаго.—1849 г. Приговоръ по дѣлу Петрашевскаго и петрашевцевъ.—1856 г. Амнистія декабристовъ.—1861 г. Приговоръ надъ М. И. Михайловымъ.—1862 г. Арестъ тверскихъ мировыхъ посредниковъ. Высылка профессора Павлова. Приговоръ надъ офицеромъ Обручевымъ. Запрещеніе двухъ воскресныхъ школъ. Увольненіе отъ службы братьевъ гр. Ростовцевыхъ. Закрытіе народныхъ читаленъ и шахматнаго клуба. Закрытіе всѣхъ воскресныхъ школъ въ войскахъ. Закрытіе повсемѣстно воскресныхъ школъ и читаленъ. Закрытіе общества для пособія учащимся. Приговоръ надъ офицеромъ Янковскимъ. Казнь офицеровъ Аригольда, Сливnickаго и Ростовскаго. Преданіе суду офицера Григорьева. Приговоръ надъ тверскими мировыми посредниками. Преданіе суду офицеровъ Даниловича и друг. и приговоръ надъ ними. Приговоръ надъ юнкеромъ Кудрявымъ. Приговоръ надъ офицеромъ Григорьевымъ. Приговоръ надъ подполковникомъ Красовскимъ. Приговоръ надъ учителемъ Викторовымъ. Приговоръ надъ офицерами Постниковымъ и Еллинскимъ.—1863 г. Приговоръ надъ студентомъ Яковлевымъ. Приговоръ надъ студентомъ Белевскимъ и др. Приговоръ надъ студентомъ Вороновымъ и др. Приговоръ надъ офицеромъ Ушаковымъ. Приговоръ надъ юнкеромъ Шукшта. Приговоръ надъ офицеромъ Крушевскимъ. Приговоръ надъ мѣщаниномъ Мартыановымъ. Приговоръ надъ дворяниномъ Муравскимъ. Приговоръ надъ лекаремъ Павловскимъ. Приговоръ надъ студентомъ Сунгуровымъ. Приговоръ надъ студентами Фрязиповскимъ и др.—1864 г. Приговоръ надъ студентами Стахевичемъ и Цвѣтковымъ. Приговоръ надъ врачомъ Стрижевскимъ. Приговоръ надъ Н. Г. Чернышевскимъ. Публичное объявленіе приговора Чернышевскому. Приговоръ надъ учителемъ Курбатовскимъ. Дѣло о заговорѣ въ Казани. Приговоръ надъ Д. И. Писаревымъ и др. Казнь офицеровъ Иванickaго, Мрочка и Станкевича въ Казани.—1865 г. Высочайшій рескриптъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ о московскомъ дворянскомъ собраніи. Приговоръ надъ студентомъ Самаринымъ и гимназистомъ Бекеневымъ. Приговоръ надъ Н. А. Серно-Соловьевичемъ и др. Публичное объявленіе имъ приговора. Приговоръ надъ инженеромъ Дейхманомъ. Казнь офицера Черняка.—1866 г. Дѣло о послабленіяхъ властей, оказанныхъ

М. И. Михайлову въ Тобольскѣ. Правительственное сообщеніе о покушеніи Каракова на жизнь Государя. Назначеніе Муравьева председателемъ слѣдственной комиссіи. Пожалованіе дворянства Коммисарову. Свѣдѣнія о Караковѣ. Публичное объявленіе приговора Мосолову и др. Указъ объ учрежденіи Верховнаго Уголовнаго Суда. Свѣдѣнія о сообщникахъ Каракова. Извѣстіе о возмущеніи ссыльныхъ поляковъ въ Сибири. Приговоръ надъ Караковымъ. Казнь Каракова. Приговоръ надъ докторомъ Кобылинымъ. Приговоръ надъ солдатомъ Невѣдомскимъ. Дѣло Караковцевъ. Приговоръ надъ офицеромъ Кувязевымъ.—1867 г. Высочайшее повелѣніе о закрытіи петербургскаго земства. Приговоръ надъ офицеромъ Нечмировымъ. Рѣшеніе Сената по дѣлу петербургскаго земства. Телеграмма о покушеніи Березовскаго на жизнь Государя въ Парижѣ. Показанія Березовскаго. Свѣдѣнія о Березовскомъ. Процессъ Березовскаго.—1871 г. Процессъ Нечаевцевъ.—1872 г. Процессъ Гончарова.—1873 г. Процессъ Нечаева. Правительственное сообщеніе объ учащихъ въ Цюрихѣ русскихъ женщинахъ.—1874 г. Правительственное сообщеніе о 19 эмигрантахъ. Процессъ Долгушина и др.—1875 г. Процессъ Дьякова и др.—1876 г. Правительственное сообщеніе о демонстраціи на Казанской площади.

Томъ второй.—1877 г. Предисловіе.—Дѣло о демонстраціи на Казанской площади. Сенатское рѣшеніе по этому дѣлу. Дѣло о „противозаконномъ сообществѣ“, или такъ называемый „процессъ пятидесяти“. Рѣчь С. И. Бардиной. Рѣчь П. А. Алексѣева. Рѣчь Г. Ф. Здановича. Рѣчь С. И. Агапова. Дѣло „Южно-Русскаго Рабочаго Союза“. Дѣло студента Сергѣева и др. Дѣло доктора Покрышкина и др.

Томъ третій (вторая половина 1877 года). Предисловіе.—Засѣданіе Особого Присутствія 18-го, 20, 21 и 22 октября (чтеніе обвинительнаго акта). Засѣданіе Особого Присутствія 24, 25, 26, 27, 29 октября, 2, 3, 4, 7 ноября. Рѣчь И. Н. Мышкина. Приговоръ. Конфирмація. Завѣщаніе осужденныхъ. Свѣдѣнія о процессѣ Кибальчича и др.

Первое приложение къ сборникамъ.—*Революціонная журналистика семидесятихъ годовъ.*—Предисловіе. „Начало“ № 1, 2, 3, 4. „Летучій Листокъ“ № 1. „Земля и Воля“ № № 1, 2, 3, 4. „Листокъ Земли и Воли“ № 1. „Земля и Воля“ № 5. „Листокъ Земли и Воли“ № № 2—3, 4 и 5.

Второе приложение къ сборникамъ.—*Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ г.г.*—Предисловіе.—1861 г. I. Къ дѣлу М. И. Михайлова: а) Отъ редакціи, б) Прокламація къ молодому поколѣнію, в) Отрывки изъ записокъ Михайлова, г) Стихотвореніе „Узнику“, д) Отвѣтъ Михайлова студентамъ. II. Нѣсколько словъ о дѣлахъ Костомарова, Зайчневскаго и другихъ.—1862 г. I. Листокъ „Великоруссъ“: а) Отъ редакціи, б) „Великоруссъ“ № 1, в) „Великоруссъ“ № 2, г) „Великоруссъ“ [№ 3, д) Проектъ адреса Государю, е) Отвѣтъ „Великоруссу“. II. Къ дѣлу Аригольдта и его товарищей: а) Отъ редакціи, б) Статья Герцена „Русскіе мученики въ Польшѣ“. III. Къ дѣлу подполковника Красовскаго. IV. Къ дѣлу подпоручика Григорьева. V. Къ дѣламъ Хмѣленскаго, Корзона, Дьяконова и другихъ. VI. Рѣшеніе Государственнаго Совета по дѣлу Н. П. Огарева. VII. Прокламація 1862 года: а) Отъ редакціи, б) „Молодая Россія“, в) Статья Герцена „Молодая и старая Россія“, г) Прокламація „Земская Дума“, д) Прокламація „Къ офицерамъ“, е) Прокламація „Къ образованнымъ классамъ“, ж) Прокламація „Русское правительство подъ покровительствомъ Шедо-Ферроти“. VIII. Рѣчь профессора Павлова. IX. Письмо Г. В. Бervi къ предводителямъ дворянства.—1863 г. I. Къ дѣлу П. А. Мартынова: а) Отъ редакціи, б) Изъ статьи Герцена „П. А. Мартыновъ и земскій царь“, в) Письмо Мартынова къ Александру II.—II. Прокламація 1863 г.: а) Отъ редакціи, б) „Свобода“ № 1, в) Офицерамъ всѣхъ войскъ отъ общества „Земля и Воля“.—1864 г. Къ дѣлу Н. Г. Чернышевскаго: а) Отъ редакціи, б)

Сенатская записка по дѣлу Чернышевскаго, в) Секретный циркуляръ о Чернышевскомъ, г) Статя Герцена о Чернышевскомъ въ № 186 „Колокола“, д) Статя Z о Чернышевскомъ въ № 189 „Колокола“.—1865 г. Отъ редакціи. Дѣло Андрущенко и др. Казанскій заговоръ.—1867 г. Отъ редакціи. Рѣчь Н. В. Соколова на судѣ.—*Конецъ шестидесятихъ годовъ*. Къ дѣламъ Карпова и другихъ. Ралли.—Очеркъ Славянской секціи Интернаціонала. Зарубежныя періодическія изданія и сборники 50-хъ и 60-хъ годовъ (полный перечень содержанія „Полярной Звѣзды“, „Голосовъ изъ Россіи“, „Историческихъ Сборниковъ“, „Колокола“ „Будущности“, „Свободнаго Слова“, „Подпольнаго Слова“, „Народнаго Дѣла“ и другихъ).

Третье приложение къ сборникамъ. Литература партіи „Народной Воли“.—Предисловіе. „Народная Воля“ №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8—9, 10, 11—12. „Листки Народной Воли“ за 1880, и 1881—1883 г.г. Прибавленіе къ „Листку“ за 1883 г. Приложение къ № 8—9 „Народной Воли“. „Рабочая Газета“ №№ 1 и 2. Документы партіи „Народной Воли“. Прокламаціи партіи „Народной Воли“ (нѣкоторыя изъ нихъ воспроизводятся съ подлинниковъ въ первый разъ). Матеріалы для исторіи партіи „Народной Воли“.

Цѣна по подпискѣ за шесть томовъ съ пересылкою въ Европейской Россіи для подписавшихся до 15 февраля текущаго года—4 рубля. По выходѣ изданія, цѣна его будетъ значительно повышена.

О ПОДПИСКѢ на „ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

ВЪ 1906 ГОДУ

(ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ).

«Историческій Вѣстникъ» будетъ издаваться въ 1906 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіи двадцать шесть лѣтъ (1880—1905).

Свобода печати снимаетъ запретъ со многихъ событій отечественной исторіи и даетъ намъ возможность разрабатывать и освѣщать ихъ съ правдивой стороны. Поэтому, въ теченіе 1906 года, въ «Историческомъ Вѣстникѣ» будутъ напечатаны статьи и воспоминанія, касающіяся не только прошлой, но и современной исторіи, которыя, по существовавшимъ цензурнымъ условіямъ, не могли до сихъ поръ появиться на страницахъ нашего журнала.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всеми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора «Историческаго Вѣстника» въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ «Новаго времени», Невскій проспектъ, № 40. Отдѣленія конторы: въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону, при находящихсѣ въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина «Новаго Времени».

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1906 г.

(ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

на большую, ежедневную политическую, экономическую и литературную газету

ЮЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

выходящую въ г. ОДЕССѢ, въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ.

Редакторъ-издатель. Г. М. Бейленсонъ.

Въ газетѣ помѣщаются телеграммы „С.-Петербургскаго агентства“ и собственныхъ корреспондентовъ.

ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ газета выходитъ въ увеличенномъ объемѣ: прилагается

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПОЛУЛИСТЪ

съ оригинальными и переводными рассказами, рисунками и статьями популярно-научнаго содержания.

Въ дни выдающихся событій выпускаются *телеграммы*.

Подписная цѣна на газету «ЮЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ»:

ВЪ ОДЕССѢ:

НА ГОРОДА:

съ доставкой на годъ	6 р. — к.
„ „ 6 мѣс.	3 р. — к.
„ „ 3 мѣс.	1 р. 80 к.
„ „ 1 мѣс.	— р. 60 к.

съ пересылкою на годъ	8 р. — к.
„ „ 6 мѣс.	4 р. — к.
„ „ 3 мѣс.	2 р. — к.
„ „ 1 мѣс.	— р. 70 к.

Отдѣльные номера въ розничной продажѣ по 3 коп.

При годовой подпискѣ допускается **разсрочка платежа**.

Подписка принимается въ Одессѣ въ главной конторѣ газеты „ЮЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ (При типографіи Исаковичъ и Бейленсонъ, Гаванная, № 12).

Телефонъ конторы № 107.

Телефонъ редакціи № 125.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1906 годъ

НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО

(XIV-ый годъ изданія).

Редакторъ-издатель Вл. КОРОЛЕНКО.

На годъ съ доставкой и пересылкой 9 р.; безъ доставки въ Петербургъ, Москвѣ и Кіевѣ 8 р., за границу 12 р. Адресъ: *Петербургъ*, Баскова ул., 9; *Москва*, Никитскія Ворота, д. Гагарина; *Кіевъ*, Крешатикъ, д. 14. При непосредственномъ обращеніи по этимъ адресамъ допускается *разсрочка*: при подпискѣ 5 р. и къ 1-му іюля 4 р., или при подпискѣ 3 р., къ 1-му апрѣля 3 р. и къ 1-му іюля 3 р.—Книжные магазины, бібліотеки, земскіе склады и потребительныя общества могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ только 40 коп. съ каждаго годового экземпляра. Подписка въ разсрочку отъ нихъ не принимается.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1906 годъ НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ „ВѢКЪ“.

„ВѢКЪ“—независимый органъ печати. Девизъ газеты—прогрессивное развитие силъ общественныхъ на основѣ конституціонной свободы.

Условія подписки съ доставкой и пересылкой:

на 1 годъ	на 1/2 года	на 3-мѣсяца	на 1 мѣсяць
10 р.	5 р.	2 р. 50 к.	1 р.

Для преподавателей всѣхъ учебныхъ заведеній и студентовъ:

на 1 годъ	на 1/2 года	на 1 мѣсяць
7 р.	3 р. 50 к.	60 к.

Редакція и контора: Москва, Столешниковъ пер., домъ 0-ва «Якорь».

Контора открыта въ будни съ 10 до 5 ч., въ праздники отъ 1 до 3 ч.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на ЕЖЕДНЕВНУЮ Общественно-политическую газету „НИЖЕГОРОДСКІЙ ЛИСТОКЪ“ въ 1906-мъ году.

(ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

„Нижегородскій Листокъ“ ставитъ своей задачей разработку вопросовъ нижегородской и волжской жизни, отводя въ то-же время широкое мѣсто интересамъ государственной и общественной жизни всей Россіи.

Составъ сотрудниковъ остается прежній.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Для городскихъ и сормовскихъ подписчиковъ:	1 м. 1 р. — к.	Для иногороднихъ подписчиковъ:	1 м. 1 р. 25 к.
	2 м. 1 р. 50 к.		2 м. 1 р. 75 к.
	3 м. 2 р. — к.		3 м. 2 р. 50 к.
	4 м. 2 р. 50 к.		4 м. 3 р. — к.
	5 м. 3 р. 25 к.		5 м. 4 р. — к.
	6 м. 4 р. — к.		6 м. 4 р. 55 к.
	7 м. 4 р. 50 к.		7 м. 5 р. — к.
	8 м. 5 р. — к.		8 м. 5 р. 50 к.
	9 м. 5 р. 50 к.		9 м. 6 р. 25 к.
	10 м. 6 р. — к.		10 м. 7 р. — к.
	11 м. 6 р. 50 к.		11 м. 7 р. 50 к.
	12 м. 7 р. — к.		12 м. 8 р. — к.

За доставку „Ниж. Листка“ за границу уплачивается сверхъ стоимости газеты по иногородней таксѣ еще по 60 коп. въ мѣсяць.

Подписка принимается съ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца:

1) Въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ Главной Конторѣ „Нижегородскаго Листка“, Большая Покровка, домъ Приспѣшникова.

2) Въ Москвѣ, въ отдѣленіи Конторы „Нижегородскаго Листка“, при конторѣ Н. Печковской—Петровскія линіи.

3) Въ Москвѣ и Петербургѣ, въ конторахъ объявленій Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К^о.

Продолжается подписка на 1906 годъ

(2-й годъ изданія)

на большую ежедневную газету

„НАША ЖИЗНЬ“

Редакторъ-издатель профессоръ Л. В. Ходскій.

Адресъ конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Невскій, 19.

Условія подписки на „Народное Хозяйство“ тѣ же.

Подписная цѣна съ дост. и пересылкою:

На годъ	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
12 р.	6 р.	5 р.	4 р.	3 р.	2 р. 30 к.	1 р. 30 к.

Подписка считается не иначе, какъ съ 1-го числа по 1-ое. При высылкѣ денегъ просятъ, во избѣжаніе недоразумѣній, упоминать названіе мѣсяца, съ котораго хотятъ получать газету, а также внимательно писать названіе газеты, не смѣшивая его съ другими, похожими. Чтобы не произошло задержки въ высылкѣ, не слѣдуетъ откладывать подписку до послѣднихъ дней. Лица, подписавшіяся въ расрочку и вообще на льготныхъ условіяхъ (подписчики-основатели), благоволятъ адресовать подписныя деньги непосредственно въ контору, а не черезъ книжные магазины. Для годовыхъ подписчиковъ допускается расрочка: 1-й взносъ 3 руб., а затѣмъ по 1 рубъ въ мѣсяць или по 2 руб. каждые два мѣсяца, до погашенія годовой платы. Для студентовъ, сельскихъ учителей и др., затрудняющихся обычной расрочкою, допускается: по 1 руб. ежемѣсячно въ теченіе первыхъ 10 мѣсяцевъ, за годъ. За границу—привавляется за каждый мѣсяць по 1 руб. За перемѣну адреса городского на городской 10 коп., во всѣхъ остальныхъ случаяхъ 30 коп.

Съ 1906 года, кромѣ еженедѣльнаго иллюстрированнаго приложенія („Иллюстрированная Недѣля“), подписчики будутъ получать еженедѣльное литературно-научное приложеніе.

Въ первомъ году изданія въ «Нашей Жизни» и «Народномъ Хозяйствѣ» помѣщались статьи слѣдующихъ авторовъ:

В. К. Агафоновъ, А. В. Амстердамскій, И. И. Алексѣевъ, Е. В. Аничковъ, В. И. Анофриевъ, М. Ю. Ашенбреннеръ, Н. П. Ашешовъ, Д. Айзманъ, В. В. Башкинъ, А. Н. Бередниковъ, Л. Д. Брюхатовъ, П. Д. Боборыкинъ, А. И. Богдановичъ, М. И. Боголѣповъ, проф. И. А. Бодуанъ-де-Куртена, В. Я. Богучарскій, В. В. Брусянинъ, проф. С. Н. Булгаковъ, С. Н. Бунинъ, А. Ф. Быкова, А. Н. Быковъ, А. И. Бычковъ, А. С. Бѣлевскій, И. М. Василевскій, Л. М. Василевскій, К. Б. Веселовскій, Б. В. Веселовскій, В. В.—, Б. А. Витмеръ, В. В. Водовозовъ, Г. А. Вяткинъ, О. О. Воропоновъ, Г. А. Галина, А. В. Гизетти, П. Головачевъ, В. С. Голубевъ, П. А. Голубевъ, проф. Д. Гольдгаммеръ, проф. І. М. Гольдштейнъ, К. А. Горбуновъ, В. Н. Гординъ, Л. Я. Гуревичъ, Я. Я. Гуревичъ, К. В. Грэнхагенъ, С. И. Гусевъ-Оренбургскій, К. И. Диксонъ, П. И. Добротворскій, кн. Н. П. Долгоруковъ, А. А. Дробышевскій, Н. П. Дружининъ, В. В. Дурасовъ, С. Елеонскій, В. Жаботинскій, И. В. Жилкинъ, П. В. Засодимскій, П. Звѣздичъ, Е. А. Звягинцевъ, А. С. Иагоевъ, В. К. Измайловъ, Н. М. Иорданскій, А. В. Иогансонъ, Г. В. Каррикъ, Н. Н. Ковалевскій, А. Ковровъ, К. Я. Кожухаръ, А. А. Корниловъ, Н. И. Коробка, А. Н. Котельниковъ, А. И. Купринъ, Е. Д. Кускова, Д. А. Левинъ, М. К. Лемке, М. А. Лихаревъ, А. Е. Лосянскій, Н. О. Лосскій, А. А. Лукьяновъ, Л. М. Львовъ, Малиновскій, К. Д. Малияревскій, В. И. Маноцковъ, К. А. Мацѣвичъ, Д. С. Мережковскій, П. Г. Мижухевъ, М. М. Могилянскій, В. Д. Набоковъ, М. П. Невѣдомскій, Л. М. Немановъ, А. И. Никольскій, Д. П. Никольскій, А. И. Новиковъ, проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовскій, А. Ф. Одарченко, Н. П. Павловъ-Сильванскій, Л. Ф. Пантелѣевъ, проф. Л. І. Петражицкій, М. И.

Петрункевичъ, Л. Полонскій, П. И. Поповъ, И. А. Порошинъ, В. В. Португаловъ, А. А. Прессъ, С. П. Прокоповичъ, В. К. Прокшинскій, С. Д. Протопоповъ, А. С. Пругавинъ, А. А. Рапцигъ, М. Б. Ратнеръ, И. И. Рачинскій, А. М. Ремизовъ, Е. В. Де-Роберти, А. А. Русовъ, А. М. Рыкачевъ, проф. С. С. Салазкинъ, Д. Сатуринъ, Е. В. Свѣтловскій, Д. Д. Семеновъ, А. В. Смирновъ, проф. М. Н. Соболевъ, О. Соллогубъ, С. И. Солнцевъ, А. А. Стаховичъ, П. Б. Струве, В. Г. Танъ, Е. В. Тарле, гр. П. М. Толстой, В. О. Тогомианъ, Н. И. Фалъевъ, Д. В. Философовъ, В. В. Хижняковъ, В. М. Хижняковъ, А. Н. Ходолей, проф. Л. В. Ходскій, проф. Н. А. Холодковский, Д. М. Цензоръ, Г. И. Чулковъ, О. Н. Чюмина, В. И. Шарый, Л. И. Шестовъ, проф. В. М. Шимкевичъ, А. Н. Шпицынъ, Н. П. Штейнфельдъ, Г. Штильманъ, П. Е. Щеголевъ, М. Энгельгардтъ, С. С. Юшкевичъ, А. М. Ѳедоровъ, Д. О. Ярошевичъ и мн. другіе.

Временно подписчикамъ «Нашей Жизни» высылается газета «Народное Хозяйство», издаваемая проф. Л. В. Ходскимъ при участіи сотрудниковъ «Нашей Жизни».

Предполагавшееся съ января 2-е удешевленное изданіе «Нашей Жизни» подъ названіемъ «Товарищъ», вслѣдствіе встрѣтившихся затрудненій съ оборудованіемъ типографіи и проч., откладывается впредь до особой публикаціи. Внесшіе уже подписную плату будутъ удовлетворены высылкою «Нашей Жизни». Пока подписка на «Товарищъ» прекращена.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1906 годъ

НА НОВОЕ ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКОЕ

ИЗДАНІЕ

М. В. ПИРОЖКОВА

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА

подъ редакціей Петра Струве

и при ближайшемъ участіи: В. И. Вернадскаго, И. М. Гревса, Д. Е. Жуковского, Б. А. Кистяковскаго, С. А. Котляревскаго, П. И. Новгородцева, И. И. Петрункевича, О. И. Родичева и С. Л. Франка.

КРОМѢ ТОГО, СОТРУДНИЧЕСТВО СВОЕ ОБЪЯВЛЯЮТЪ СЛѢДУЮЩІЯ ЛИЦА:

Н. А. Бердяевъ, Н. Н. Важенковъ, О. Е. Бужанскій, С. Н. Булгаковъ, А. А. Васильевъ, М. Я. Герценштейнъ, В. М. Гессенъ, Э. Д. Гриммъ, В. Э. Денъ, В. Б. Ельашевичъ, Г. В. Юлосъ, А. А. Кауфманъ, А. А. Кизеветтеръ, А. С. Ломшаковъ, Н. О. Лосскій, Н. Н. Львовъ, А. А. Мацуловъ, Д. С. Мережковский, М. М. Могиланскій, В. Д. Набоковъ, В. М. Нечаевъ, Д. Н. Овсянко-Куликовский, С. О. Ольденбургъ, Л. О. Петражицкій, Г. А. Покровский, А. Е. Прѣсняковъ, В. В. Струве, кн. Е. П. Трубецкой, кн. Г. Н. Трубецкой, Д. В. Философовъ, М. И. Фридляндъ, А. А. Чупровъ, Г. Н. Штильманъ и др.

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА будетъ отстаивать идеи личности, культуры, свободы, демократіи и социальной справедливости, исходя изъ цѣльнаго культурно-философскаго міросозерцанія. Всѣ явленія текущей жизни она будетъ освѣщать и оцѣнивать съ широкой философской точки зрѣнія. Огромный переворотъ, который совершается на нашей родинѣ, долженъ быть обсуждаемъ съ строгой

принципальностью и полной независимостью мысли. Ставя во главу угла нашего міросозерцанія начало свободы и своеобразія личности, мы будемъ давать въ нашемъ органѣ мѣсто всякому искреннему и оригинальному слову въ защиту свободы и культуры.

Условія подписки: съ дост. и перес. на годъ 5 р., на полгода 3 р.; за границу на годъ 7 р. на полгода 4 р.

Въ отдѣльной продажѣ книжки будутъ стоить по 15 к.

Адресъ Редакціи: Вознесенскій просп. 31, кв. 8. Контора помѣщается въ квартирѣ книгоиздательства М. В. ПИРОЖКОВА (Спб., Вас. О., 2 лин., д. 13).

Подписка принимается, кромѣ конторы, въ магазинѣ „ТРУДЪ“ (Спб., Невскій, 60), а также и въ другихъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

Пріемъ объявленій исключительно въ конторѣ (Спб. Вас. О., 2 лин., д. 13).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1906 ГОДЪ НА ПОЛИТИЧЕСКІЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ

„МІРЪ БОЖІЙ“.

(ПЯТНАДЦАТЫЙ—XV—ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца въ размѣрѣ отъ 28 до 30 листовъ.

Въ теченіе четырнадцати лѣтъ изданія направленіе и программа журнала „МІРЪ БОЖІЙ“ достаточно опредѣлились. Въ XV-ый годъ своего существованія журналъ „МІРЪ БОЖІЙ“ вступаетъ при измѣнившихся для литературы условіяхъ. Завоеванная страной свобода печати даетъ журналу возможность яснѣе проявить направленіе и расширить свою программу.

Какъ и въ теченіе минувшихъ четырнадцати лѣтъ борьбы за культуру, право и свободу, редакція имѣетъ въ виду читателей изъ различныхъ слоевъ общества и народа и будетъ попрежнему заботиться о подборѣ сочиненій и статей, дающихъ возможность слѣдить за движеніемъ современной мысли и приобрѣтать знанія по наукамъ государственныхъ, общественнымъ, историческимъ и естественнымъ.

Въ будущемъ 1906, пятнадцатомъ году изданія, журналъ будетъ издаваться по расширенной программѣ, при ближайшемъ участіи въ редакціи—гг. В. Агафонова, Ѳ. Батюшкова, А. Богдановича, Н. Іорданскаго, Вл. Крапихфельда, М. Куприной, А. Куприна, М. Невѣдомскаго и Е. Тарле.

ПОСТОЯННЫЕ ОТДѢЛЫ: «Критическія замѣтки», «Театральныя замѣтки», Журнальные отголоски. Внутреннее обозрѣніе. Провинціальныя обозрѣнія. По поводу. Иностранное обозрѣніе. Изъ иностранныхъ журналовъ. Научный фельетонъ. Изъ прошлаго русскаго общества. Библиографическій отдѣлъ. Корреспонденція.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: Цѣна журнала: Съ доставкой и пересылкой во всѣ города имперіи на годъ 8 р. На полгода 4 р. За границу 10 р. Допускается разсрочка по третью года: 3 р. при подпискѣ; 3 р. въ апрѣлѣ; 2 р. въ августѣ.

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ—7 р. Учащіеся могутъ выплачивать по 1 р. въ мѣсяцъ.

Подписка принимается, кромѣ главной конторы въ С.-Петербургѣ (Развѣзжая, 7), во всѣхъ магазинахъ. Разсрочка черезъ магазины не принимается. Издательница М. К. Куприна-Давыдова. Редакторъ Ѳ. Д. Батюшковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1906 ГОДЪ
НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ
„ОБРАЗОВАНИЕ“.

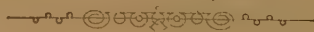
Содержаніе № 11—12. ОТДѢЛЪ I. 1. Обманутые жизнью. Разсказъ Павла Пчелкина. 2. Гражданское право и неимущіе классы народа. А. Яковлева. 3. Къ исторіи русскаго духоборчества. В. Ольховскаго (окончаніе). 4. Попка-дуракъ. Разсказъ В. І. Дмитріевой (окончаніе). 5. О дѣтскомъ чтеніи. (Изъ наблюденій учительницы). Н. Леонтьевой. 6. Очерки по исторіи нѣмецкой интеллигенціи П. Верлина (окончаніе). 7. В. М. Гаршинъ. Очеркъ Н. Коробка. 8. Исторія молодой жизни. Романъ Отто Эрнста, пер. съ нѣмецк. В. Исполотовой (окончаніе). 9. День суда. Стихотвореніе Г. Галиной. 10. Совмѣстное обученіе. Е. Чебышевой-Дмитріевой. 11. Шарль Фурье и кооперація. В. Тотоміанца. 12. Участіе. Стихотвореніе Н. Рябова. 13. Авантюстъ цивилизаціи. Разсказъ С. Богословскаго. 14. * * Стихотвореніе О. Боголюбовой. 15. Изъ исторіи рабочаго движенія. А. Луначарскаго. 16. Юбилейный подарокъ. Очеркъ. Я. Горюнова. 17. Глава государства. П. Мнжуева. 18. Спасеніе падшихъ и хулиганство. Д-ра Б. Бентовина. 19. Новые правила о современныхъ изданіяхъ. Прив.-доц. А. Каминка. ОТДѢЛЪ II. 20. Польскій вопросъ В. Кутыловскаго. 21. Экономическіе результаты всеобщихъ стачекъ въ Россіи за первую половину 1905 г. В. Тотоміанца. 22. Крестьянское движеніе въ Гуріи. Хасана. 23. *ХРОНИКА РУССКОЙ ЖИЗНИ*. Крестьянскія волненія въ различныхъ губерніяхъ. Революціонное движеніе въ арміи. Военное положеніе въ Польшѣ и его отбѣна. Причины и слѣдствія этого акта. В. Богучарскаго. 24. *ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ*. Апоеозъ безпочвенности... или все таки жажда почвы? (По поводу книги Шестова „Апоеозъ безпочвенности“). В. Базарова. Памятникъ нынѣ живущему (По поводу разсказовъ Е. Волкова). О. Миртова. 25. Въ тюрьмѣ и ссылкѣ (Нѣсколько иллюстрацій къ амнистіи). Л. Клейнборта. 26. *ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ*. О тѣни свободы и отношеніи къ ней нашей печати. В. Львова. 27. *РОДНЫЯ КАРТИНЫ*. О почтово-телеграфной забастовкѣ. О перлюстраціи писемъ. Можно-ли обходиться безъ газетъ въ забастовочное время? Мелочи. Александра Яблонскаго. 28. *КРИТИКА и БИБЛИОГРАФІЯ*.

Цѣна за годъ 6 р. съ перес., полгода—3 р., за границу 8 руб.

Цѣна отдѣльной книжки 60 коп. съ перес.

Адресъ редакціи: Спб., Моховая, 33.]

Редакторъ-издатель. Александръ Острогорскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ „БЫЛОЕ“.

Журналъ будетъ издаваться подъ редакціей В. Я. Яковлева-Богучарскаго и П. Е. Щеголева при ближайшемъ участіи В. Л. Бурцева.

Журналъ вѣспартійный и посвященный исторіи освободительнаго движенія въ Россіи. Издаваться онъ будетъ по слѣдующей программѣ:

- 1) Статьи и изслѣдованія по исторіи освободительнаго движенія въ Россіи.
- 2) Біографіи дѣятелей движенія, воспоминанія о нихъ, ихъ собственные мемуары, дневники, письма, статьи, стихотворенія и проч.
- 3) Документы и другіе матеріалы, касающіеся движенія.
- 4) Отдѣльные факты и эпизоды изъ исторіи движенія.
- 5) Историческая бібліографія.
- 6) Современная лѣтопись (регистрація главнѣйшихъ фактовъ современнаго движенія).

Въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты дѣятелей освободительнаго движенія и рисунки, изображающіе различные эпизоды изъ исторіи движенія

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

М. А. Антоновичъ; кн. А. М. Аргутинскій-Долгоруковъ; М. Ю. Ашенбреннеръ; В. П. Батуринскій, В. Я. Богучарскій, А. К. Бороздинъ; В. Л. Бурцевъ; И. П. Вѣлоконскій; Л. М. Василевскій (Плохоцкій); С. А. Венгеровъ, В. В. Водовозовъ, М. О. Гершензонъ; В. С. Голубевъ; Л. Я. Гуревичъ; И. С. Джабадари; С. Я. Елпатьевскій; С. А. Иванова-Борейша; С. А. Ивановъ; А. И. Иванчинъ-Писаревъ; А. С. Изгоевъ; Е. И. Кедринъ; Д. А. Клеменць; А. А. Корниловъ; В. Г. Короленко; кн. П. А. Крапоткинъ; В. Ф. Костуринъ; Н. С. Кудринъ; Е. Д. Кускова; М. К. Лемке; Г. А. Лопатинъ; О. С. Любатовичъ; Е. А. Ляпкій; И. И. Майновъ; В. П. Махновецъ (Акимовъ); П. Н. Милоковъ; Н. А. Морозовъ; Д. Н. Овсянко-Куликовскій; Н. П. Павловъ-Сильванскій; Л. Ф. Пантелѣевъ; М. Р. Поповъ; А. П. Прибылева-Корба; А. С. Пругавинъ; М. П. Сажинъ; С. Г. Сватиковъ; В. И. Семевскій; А. В. Тырковъ; М. Ф. Фроленко; В. М. Хижняковъ; Н. В. Чайковскій; С. Л. Чудновскій; кн. Д. И. Шаховской; Л. Э. Шишко; П. Е. Щеголевъ; П. Ф. Якубовичъ; В. Е. Якушкинъ и др.

Журналъ будетъ выходить, начиная съ января 1906 года, ежемѣсячно книжками въ 20 печатныхъ листовъ каждая.

Цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ—8 руб., на 1/2 года—4 руб., на 3 мѣс.—2 руб. За границу—10 р.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Спасскій переулокъ, домъ 5, кв. 1. Книгоиздательство „Донская Рѣчь“. Контора открыта ежедневно (кромѣ праздниковъ) отъ 9 до 4 час. дня.

Адресъ редакціи: Спасская *улица*, д. 25, кв. 20. Для личныхъ объясненій съ редакторами—ежедневно (кромѣ праздниковъ) отъ 2 до 3 час. дня.

Редакторы { **В. Я. Богучарскій.**
П. Е. Щеголевъ.

Издатель **Н. Е. Парамоновъ.**

Отъ Редакціи.

Кромѣ окончанія статей **В. И. Семевского** и **П. Е. Щеголева**, въ ближайшихъ книжкахъ «Былаго» будутъ помѣщены: **А. И. Герценъ**—Неизданная статья (съ разрѣшенія А. А. Герцена); **Н. П. Павловъ-Сильванскій**—**П. И. Пестель** (по подлинному дѣлу и др. источникамъ); **П. Е. Щеголевъ**.—**Семень Олейничукъ** (умершій въ Шлиссельбургѣ въ царствованіе Николая I) и Агитаціонная литература декабристовъ; **М. К. Лемке**—Процессы **Д. И. Писарева**, **Н. Г. Чернышевскаго** и **Н. А. Серно-Соловьевича** (по подлиннымъ дѣламъ); **М. Ф. Фроленко**—Изъ воспоминаній; **М. Ю. Ашенбреннеръ**—Изъ воспоминаній (о военно-революціонной организаціи); **М. Р. Поповъ**—Изъ воспоминаній (о послѣднихъ дняхъ **И. Н. Мышкина**, разстрѣляннаго въ Шлиссельбургѣ); **С. А. Ивановъ**.—Изъ воспоминаній; **Н. А. Морозовъ**—Изъ воспоминаній; **А. П. Прибылева-Корба**—Изъ воспоминаній; **И. И. Майновъ**—Изъ воспоминаній; **В. Л. Бурцевъ**—Изъ воспоминаній. Обвинительные акты и отчеты о политическихъ процессахъ, не бывшихъ въ печати; Записка **М. В. Петрашевскаго** «О способахъ увеличенія цѣнности дворянскихъ имѣній» (изъ-за которой началось дѣло «Петрашевцевъ»).—Съ подлинника); Уставъ Братства Кирилла и Меѳодія и прокламаціи Братства «къ братьямъ-украинцамъ» и «братьямъ великоросіянамъ и полякамъ» 1847 года (съ подлинниковъ),—и проч.

Въ распоряженіи Редакціи находится архивъ **П. Л. Лаврова** (между прочимъ много писемъ къ нему **И. С. Тургенева**, **Н. А. Бѣлоголова**, **С. Г. Ширяева**, **Льва Гартмана** и др.).

Будутъ помѣщены портреты **П. И. Пестеля**, **М. В. Петрашевскаго**, **Н. А. Серно-Соловьевича**, **Д. В. Каракозова**, **П. И. Войноральскаго**, рабочихъ **Петра Алексѣева** и **Тимофея Михайлова**, **Н. И. Кибальчича**, **А. Д. Михайлова**, **Г. А. Лопатина**, **Н. А. Морозова** и др., рисункъ Виллюйской тюрьмы, въ которой жилъ Чернышевскій, виды карійской каторги и проч.

Ошибка.

Въ статьѣ **М. Ю. Ашенбреннера** „Шлис. кр. за 20 лѣтъ“ сказано (стр. 60, примѣч.), что **Н. П. Щедринъ** умеръ. Это невярно. Онъ находится и понынѣ въ лечебницѣ для душевно-больныхъ въ Казани. Желательно было бы имѣть свѣдѣнія о родственникахъ **Н. П. Щедрина**, которымъ Шлиссельбургскій Комитетъ могъ бы сообщить нѣкоторыя, полученныя имъ изъ Казани, извѣстія о страдальцѣ.

Замѣченныя опечатки:

1) Въ 3 строчкѣ примѣч. на стр. 203 (статья **Л. Я. Гуревича**) напечатано „революціей“ вмѣсто „резолуціей“. Примѣчаніе это относится къ 15 строкѣ снизу на той же страницѣ.

2) Въ шестой строкѣ снизу второго примѣч. на стр. 132 (статья **М. К. Лемке**) напечатано „14 ноября“ вмѣсто „14 декабря“.

3 8198 319 173 165
THE UNIVERSITY OF ILLINOIS AT CHICAGO

